

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LIII, № 6.

РАЗЫСКАНІЯ

ВЪ

ОБЛАСТИ РУССКАГО ДУХОВНАГО СТИХА.

XVIII—XXIV.

—
Академика А. Н. Веселовскаго.

—
ВЫПУСКЪ ШЕСТОЙ.

—•••••
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вос. Остр., 9 л., № 12.)

1891.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, іюнь 1891 года.

Непрежанный Секретарь, Академикъ *А. Широзъ*.

XVIII.

Вѣщаніе Вѣлвы (Völuspá) и новѣйшая экзегеза:

Только что вышелъ въ переводѣ Бреннера третій выпускъ Bugge, Studien über die Entstehung der nordischen Götter- und Heldensagen, въ которомъ нѣкоторые образы Völuspá были разъяснены при свѣтѣ христіанскихъ источниковъ, какъ за нимъ послѣдовала книга Elard Hugo Meyer'a, Völuspá (Berlin 1889), идущая по тѣмъ-же стезямъ, пытающаяся истолковать, по возможности, *сезь* составъ сѣверной поэмы, и обличающая крайностью своихъ выводовъ увлеченія — новообращеннаго. Проф. Мейеръ извѣстенъ былъ дотогѣ, какъ авторъ Indogermanische Mythen и издатель Гриммовой миеологiи; въ области миеологiи онъ исповѣдуетъ спасительность *сравнительнаго* метода: еслибы Гриммы и другіе «Baumeister» глубже оцѣнили значеніе этого метода, они не поставили бы въ основу своего построенія такіа позднія и ненародныя преданія, какъ космогоническія басни Эдды (стр. 293), говоритъ Мейеръ. Самъ онъ разуверился въ ихъ древности и миеологической пригодности, но и мы не вѣримъ, чтобы къ такому взгляду онъ приведенъ былъ лишь болѣе широкой практикой сравненія. Его предыдущіе труды не оправдываютъ и не приготавливаютъ такого *историческаго* взгляда; къ нему послѣдовательно приводили труды другаго характера: *вначалѣ* указанія и сомнѣнія, гипотезы и постановка параллелей — наконецъ болѣе откровенное признаніе и соотвѣтствующая разработка частныхъ, особливо въ работахъ Бугге. Его *научный* починъ надо было подчеркнуть яснѣе, чѣмъ это сдѣлалъ авторъ

въ своей вводной главѣ (стр. 1 слѣд.); только работы Бугге вызвали въ нѣмецкомъ и скандинавскомъ ученomъ мiрѣ расколъ мнѣологовъ и страстную полемику, крайнее отрицаніе и вѣру угольщика ¹⁾, тогда какъ предыдущія попытки того-же рода не выходили изъ сферы чаяній и недоказанностей; не вызывали протеста и не создали школы.

О воззрѣніяхъ и методѣ Бугге мнѣ не разъ приходилось говорить (сл. Разысканія гл. VII, стр. 264, 353; сл. Дополненія и поправки къ 5-му выпуску Разысканій, стр. 351 слѣд.); воззрѣнія и методъ Мейера выяснятся изъ послѣдующаго. Одно общее замѣщеніе будетъ уместно здѣсь-же. Какъ у всякаго мнѣолога «сравнительнаго направленія», у Мейера находится въ распоряженіи нѣсколько обобщеній, нѣсколько растяжимыхъ формулъ, которыми онъ привыкъ орудовать. Онъ вѣритъ напр. что Геймдалгъ богъ радуги (стр. 16), что валькирии, норны—облачныя дѣвы (стр. 180), въ которыхъ воплотились свѣтовыя явленія грозы, причемъ валькирии не что иное, какъ норны, поставленныя на военную ногу (стр. 135) ²⁾; что великанъ Eggrég, сидящій на холмѣ и бряцающій на арфѣ, сторожъ исполниши—демонъ вѣтра, преимущественно утренняго (стр. 175—6) и т. п. Съ другой стороны передъ авторомъ раскрылось богатство христіанской символики и иносказанія, текучее до безформенности, не знающее точныхъ границъ: библейскія сказанія являлись прообразомъ евангельскихъ, не только въ общемъ, но и въ мелочахъ; все въ природѣ и человѣкѣ вѣщало о Богѣ, могло быть истолковано какъ аллегорія таинства искупленія, Троицы; Физиологи давали матеріалъ для самыхъ неожиданныхъ, часто противорѣчивыхъ отождествленій; въ числѣ «семидесяти именъ Богу» стоятъ и трапеза и камень, домъ и глава, женихъ, солнце, левъ, источникъ, дверь. Если въ завѣдомо христіанскомъ текстѣ встрѣчаются нѣкоторые изъ этихъ аллегорическо-символическихъ

¹⁾ См. между прочимъ относящіяся сюда замѣтки въ *Am Ur-Quell*, №№ 5 и 7.

²⁾ О валькирияхъ въ связи съ славянскими вилами сл. Разысканія, вып. V, гл. XV; о вилахъ въ Славоніи—матеріалъ въ *Ausland* 1889, № 48 (Краус).

образовъ, мы вправѣ подсказать имъ ихъ «толкъ»; въ статьѣ, христіанство которой еще искомо, надо умѣть остеречься и не во всякомъ источникѣ искать прообразованія Бога. Критеріемъ точнаго (относительно) толкованія должно служить въ такихъ случаяхъ не только цѣльность и связность получаемой аллегоріи, но и разборчивость въ средствахъ, которыми то и другое достигается; интерпретація частныхъ и ихъ сочетаній должна держаться въ границахъ мыслимыхъ и практикуемыхъ въ христіанской символикѣ и избѣгать противорѣчій. Разумѣется, этотъ критерій одностороненъ—по отношенію къ памятнику, въ которомъ христіанскіе моменты причудливо смѣшаны съ языческими, приравнены къ нимъ. Здѣсь возможны два случая: язычникъ, который усваиваетъ образы и символы христіанскаго вѣроученія, переводя ихъ на свой языкъ, приурочивая чужое съ своему, исходитъ изъ своего, языческаго міросозерцанія, которое и станетъ для насъ критеріемъ; при помощи его мы постараемся выдѣлить въ его трудѣ внѣшніе сюжеты христіанства. Мейеръ предполагаетъ другой случай: авторъ *Völuspá*, т. е. ея древняго текста, былъ не только христіанинъ, но и человѣкъ ученый по своему времени, прошедшій богословскую школу, вмѣстѣ съ тѣмъ стоявшій среди богатаго, литературно развитаго языческаго преданія, мифа, поэтическаго стиля. Всѣмъ этимъ онъ пользуется для выраженія христіанскихъ, отвлеченныхъ идей, какъ средневѣковыя аллегористы не гнушались классическими мифами, чтобы вложить въ нихъ иносказательный смыслъ, какъ христіанскій авторъ Слова о Полку говоритъ о внукѣ Дажь-бога. Такой предполагаемый авторъ подлежитъ другой оцѣнкѣ, и къ нему мы можемъ обратиться требованіе, которое предъявили и его изслѣдователю: онъ будетъ стоять на почвѣ христіанской символики; подыскивая къ ней соответствующіе образы сѣвернаго мифа, постарается быть точнымъ, чтобы быть понятнымъ. По живнію г. Мейера онъ поступалъ наоборотъ: игралъ кое-когда въ прятки (*Versteckenspiel*, стр. 230), можетъ быть, одни лишь его друзья и ученики и были посвящены въ тайный смыслъ того

«стилистическаго упражненія высокообразованнаго богослова», которое зовется — *Völusrá* (стр. 267)! Полагаю, что и ученики и друзья многого не поняли-бы въ этомъ упражненіи безъ руководства учителя, какъ и мы—безъ комментарія его толкователя.

Я не отрицаю, что въ этомъ комментарий есть въ цѣломъ и частностяхъ много подкупающаго; но мы помнимъ, что средства не искупаются цѣлью, и потому остаемся въ сомнѣніи.

Начну съ частнаго факта, разборъ котораго поведетъ и къ обобщенію ¹⁾.

Въ строфахъ 16—18 вѣщая жена говоритъ: «Я знаю, что рогъ Геймдалла сокрытъ подь славнымъ, святымъ дровомъ; вижу рѣку изливающуюся свѣтлымъ (? сл. стр. 87) потокомъ изъ залага Одина. — Одна сидѣла она, когда пришелъ старикъ, страшный изъ Азовъ (Одинъ) и глянулъ ей въ глаза. «О чемъ спрашиваешь, о чемъ пытаешь меня? Все знаю я, Одинъ, знаю, куда ты спрятагъ глазъ.— Она знаетъ, что глазъ Одина спрятанъ въ славномъ родникѣ Мимира; каждое утро пьетъ Мимиръ изъ залага Одина».

Обычное объясненіе этихъ строфъ, съ точки зрѣнія наличнаго сѣвернаго мифа, такое: подь мировымъ деревомъ, Иггдразиломъ, сокрытъ рогъ Геймдалла, въ который она затрубитъ въ послѣдніе дни; подь Иггдразиломъ (подь однимъ изъ его корней) находится и родникъ Мимира, досвѣтнаго, премудраго великана. Чтобы причаститься къ этой мудрости, отвѣдать воды изъ родника, Одинъ далъ когда-то въ залогъ Мимиру свой глазъ: онъ и спрятанъ въ родникѣ, на который распространенъ символъ (*kenning*) глаза: «залогъ Одина»; отъ залага Одина, т. е. изъ родника, каждое утро вкушаетъ Мимиръ.

Уже давно указано было на сходство представленій объ Иггдразилѣ съ крестнымъ дровомъ христіанской легенды и средневѣковыхъ представленій; новыя изслѣдованія болѣе и болѣе склонны замѣнить идею сходства — идеей тождества, не исключаящаго, а предполагающаго существованіе народныхъ обра-

¹⁾ Мы цитруемъ далѣе по тексту автора, слѣдуя его нумераціи строфъ.

зовъ и вѣрованій, пошедшихъ на встрѣчу чужимъ и приготовившихъ ихъ усвоеніе. Мейеръ не разъ указываетъ для Vqlusrá элементы языческаго мѣва, не только въ интерполяціяхъ, но и въ составѣ древняго текста; но его слѣдовало допустить и въ большемъ количествѣ, какъ общій усвояющій субстратъ, надо было напр. серьезнѣе остановиться на вопросѣ о Ванахъ, прежде чѣмъ объявить ихъ мнѣи поздними, дѣланными (стр. 102), истолковать борьбу Азовъ съ Ванами въ Vqlusrá — пересказомъ легенды о борьбѣ, подъятой Богомъ противъ отпадшихъ ангеловъ (стр. 100) и т. п.

Обратимся къ анализу приведенныхъ выше строчъ и къ толкованію ихъ Мейеромъ.

Святое, славное древо — это Игтдразилъ, крестное древо. Но что означаетъ скрытый подъ нимъ рогъ Геймдалла? Собственно не рогъ, а hljóð: звукъ, слухъ и т. д. Мейеръ (стр. 119) нашелъ у средневѣковыхъ богослововъ-толкователей выраженіе для четырехъ оконечностей креста: *cornua*; у бл. Августина (Sermo I in Vigilia Pentecostes № 181) толкованіе: *crux habet et profundum, hoc est quod in terra figitur et non videtur;... profundum autem, quod terrae infixum est, secretum sacramenti praefigurat;... attende profundum. Gratia Dei est in occulto voluntatis ejus*. У Одилона изъ Clugny нижняя часть креста означаетъ «*inscrutabilia iudicia Dei*», у Гоноріи изъ Autun: *occulta Dei misericordia* (стр. 117). Итакъ нижній, спускающійся въ землю отростокъ, согни креста символизуетъ божію милость и милосердіе (стр. 120); ученый богословъ, составитель Vqlusrá, безсознательно или нѣтъ смѣшалъ согни: рогъ, отростокъ—и согни: рогъ, труба—и получился образъ рога, спрятаннаго подъ деревомъ, тогда какъ дѣло идетъ о нижней оконечности крестнаго древа, какъ-бы находящейся подъ нимъ, въ землѣ. Я поставилъ нерѣшеннымъ вопросъ о сознательности, ибо его не ставитъ и авторъ; судя по стр. 198 составитель Vqlusrá способенъ былъ и на большее; у Беды въ числѣ знаменій страшнаго суда стоятъ и слѣдующее: «*quarta die pisces maris et omnium fluminum*

elevant se super aquam et pugnans inter se cum magno sonitu et interficient se, et sic *aqua portabit eos mortuos*. Это aqua принято было за aquila; такъ явился въ строфѣ 50 образъ орла, терзающаго мертвецовъ!—Такъ въ Vafgruðnismál 18 название поля, гдѣ будетъ происходить битва Сурта съ богами: Vígríðr объясняется изъ апокалипсическаго (Апок. XVI, 16) Армагеддонъ, причемъ начальное агма было понято, какъ лат. агма и переведено метонимически словомъ víg — бой (стр. 209).

Разумѣется при объясненіи рога = согни: распятія Геймдалль можетъ означать только Христа (стр. 21); милосердіе Христово—это и есть profundum cogni crucis (стр. 122). Это не мѣшаетъ тому-же Геймдаллу явиться въ 32-й строфѣ — *амеломъ*, трубящимъ въ рогъ, horn; страннымъ представляется, почему, желая выразить понятіе cogni crucis, составитель употребилъ въ строфѣ 16 такое слово, которое въ рогѣ подчеркиваетъ значеніе именно *звукъ*. Еще страннѣе, что въ строфѣ 32-й Gjallahorn означаетъ распятіе, крестъ, на которомъ объявится *Спаситель*, и тутъ-же говорится о *Геймдалль* — трубящемъ. Оказывается, что Gjallahorn = т. е. звучный рогъ (сл. выше hljóð) — рогъ Геймдалла (Gylfag. § 27, 56) употреблено здѣсь въ известномъ намъ значеніи — cogni crucis, обобщенномъ въ цѣльное представленіе креста, — и въ то-же время Геймдалль отдѣленъ отъ этого представленія, ибо онъ трубитъ (190). Судя по строфѣ 16 образъ трубящаго Геймдалла выработался непосредственно изъ другого, народнаго: радуги; если такъ, то Геймдалль = ангель принадлежитъ болѣе древнему отождествленію, чѣмъ Геймдалль = Христосъ. Что Геймдалль = радуга означаетъ въ томъ-же памятникѣ и Христа и ангела, этимъ толкователь не смущается; подобныя накопленія значеній встрѣчаются намъ тотчасъ-же.

Рѣка, изливающаяся изъ залога Одина — это кровь и вода, истекающая изъ крестной раны Христа, ибо Христосъ — «*ripnis certissimum redemptionis*» (сл. Августинъ; сл. стр. 120); Одинъ, въ этой связи, означаетъ, стало быть, первое лицо св. Троицы.

Вещества воды и крови, выражая идеи искупленія и очищенія, соединялись съ представленіемъ эвхаристіи и таинства Троицы (121); послѣднее и выражено въ нашихъ строфахъ: Одинъ — Богъ Отецъ, Гейдаллъ — Христось, Мимиру предоставлено, какъ увидимъ (стр. 127), замѣнить Святаго Духа. Къ этому толкованію насъ приводятъ такимъ путемъ: родникъ подь крестнымъ древомъ въ одно и то-же время источникъ спасенія: *ex latere (Christi) fons salutis nostrae emanat* (стр. 122)—и источникъ всего сущаго=Богъ Отецъ (стр. 127). Въ этомъ источникѣ и покоится его залогъ: глазъ Одина, Бога Отца. Мейеръ нашелъ у Григорія Назіанзина такія сопоставленія: Богъ Отецъ — око, Богъ сынъ — источникъ, Святой Духъ — истекающая изъ него вода; у Григорія Великаго другія: Христось, какъ невидимый Богъ,—скрытый источникъ, какъ Сынъ Человѣческой — откровенный, видимый источникъ, какъ Св. Духъ — двувѣтная радуга, питающая избранныхъ водою крещенія и жгущая ихъ пламенемъ любви. Я не понимаю отчетливо, какимъ образомъ Мейеръ, соединяя обѣ интерпретаціи, вмѣняетъ Григорію Великому представленіе Бога Отца источникомъ, Христа — окомъ (стр. 126). Это представленіе онъ и усволяетъ *Völusrá*: глазъ, залогъ Одина = Христось покоится въ источникѣ всего сущаго = Богъ Отцѣ; отъ этого залога изливается съ древа (крестнаго, райскаго) вода жизни. Нельзя не признаться, что составитель *Völusrá* нещадно путалъ образы и символы: съ одной стороны говорится, что вода (рѣка) истекаетъ *отъ залога* Одина — на крестѣ, древѣ: *fons salutis*, съ другой этотъ залогъ — глазъ *покоится* въ родникѣ подь деревомъ, источникѣ всего сущаго. Изъ этого родника и пьетъ Мимиръ, принадлежащій древнему языческому мѣу, но здѣсь возведенный къ значенію (*zum Amt*, стр. 128) Святаго Духа. Въ основѣ *Mimir* то-же, что *Ymir*, *Brimir*, *Fogbjótr* (стр. 53, 54): *демонъ ветра, хранитель источниковъ*; въ другомъ мѣстѣ онъ понятъ какъ родъ *тѣснаго духа* (стр. 187); хранителю источниковъ естественно было очутиться у родника съ залогомъ Одина; онъ пьетъ изъ него каждое утро,

ибо Св. Духъ каждое утро приготовляетъ и освящаетъ для таинства эхаристіи воду и вино, символы воды и крови, истекшихъ изъ раны Спасителя (стр. 128). На сколько этотъ актъ удачно выраженъ — питьемъ, о томъ я предоставляю судить другимъ; замѣчу, мимоходомъ, что *Brimir* (= *Mimir*) является въ 23-й строфѣ властителемъ поршественной палаты = рая, какъ толкуетъ Мейеръ (стр. 167). — Попытку автора *Völuspá*: представить *Mimir*'а — Святымъ Духомъ — онъ называетъ смѣлой, но удачной; смѣлой потому, что въ значеніи Св. Духа уже являлось въ поэмѣ, по мнѣнію толкователя, другое лицо; объ удачѣ спорить трудно. Когда въ 33-й строфѣ, въ описаніи послѣднихъ дней, сыны Мимира представляются разыгравшими, Мейеръ высказываетъ предположеніе, что разумѣются ангелы (стр. 189); указаніе на то, что ангелы относятся къ *creatura spiritualis*, обитаютъ въ *spirituale coelum* — ничего не доказываетъ; правда у Гоноріи изъ *Autun*, *Spec.* 959, ангелы получаютъ свою жизнь отъ Святаго Духа, но это также обще, какъ названіе Христа: царемъ или создателемъ ангеловъ (стр. 210), какъ въ нашихъ Вопросахъ и Отвѣтахъ ангелы сотворены «отъ духа Господня и отъ свѣта Господня». — Еще разъ Мейеръ пытается удержать уравненіе: Мимиръ = Святой Духъ; дѣло касается той-же строфы, гдѣ разыграли сыны Мимира, а Одинъ бѣсѣдуетъ съ его — главой. Что такое эта глава — Мейеръ отказывается объяснить, но знакомое намъ отождествленіе удерживаетъ на основаніи того-же Гонорія: *Filius iudicium facit pro vindicta, quamvis Pater et Spiritus Sanctus (Одинъ и Mimir) ei cooperentur!*

Мы уже знакомы съ рядами отождествленій: Геймдалла съ радугою, Христомъ, ангеломъ; *Mimir*'а съ велканами и Св. Духомъ. Въ разсказѣ о созданіи (или скорѣе оживленіи) первыхъ людей мы встрѣчаемъ другое выраженіе для третьяго лица Троицы. Споррова Эдда называетъ по этому поводу трехъ боговъ: *Одина*, *Vili* (воля) = Христа и *Vé* (святое, святыня) = Святой Духъ (сл. стр. 82); въ *Völuspá*, строфа 8: вмѣсто *Vili* — *Hövir*, вмѣсто *Vé* — *Lórogr*, т. е. первоначально *Vlórogr* (стр. 85, 229) = жаръ,

теплота. Но какъ соединить это толкованіе съ слѣдующимъ: старый міръ погибъ, погибъ и Одинъ; въ новомъ лучшемъ мірѣ Бальдръ и Норгъ водворятся въ палатахъ владыки, Непігъ станетъ кидать жребій: hlautvır kjösa (строфа 48). Въ выпавшемъ за тѣмъ стихѣ этой строфы стояло, по предположенію Мейера (стр. 221 слѣд.), и имя Лобогъа, что и вѣроятно, судя по ихъ совмѣстному упоминанію выше; но на этотъ разъ и Лобоггъ и Непігъ являются въ иномъ значеніи: въ эпизодѣ созданія людей они отвѣчаютъ второму и третьему лицамъ св. Троицы, здѣсь они — Энохъ и Илья (стр. 228 слѣд.), имѣющіе явиться, по христіанскому повѣрью, въ послѣдніе дни, пасть въ борьбѣ съ Антихристомъ и воскреснуть съ другими людьми (стр. 222); самое имя Непігъа не что иное, какъ передѣлка имени Непосъа. Библейскія и позднѣйшія легендарныя преданія объ Энохѣ и Ильѣ могли, по мнѣнію автора, повести и къ той необычной роли, въ которой они выступаютъ въ строфѣ 8: Энохъ ходилъ съ Господомъ, былъ восхищенъ въ рай—мѣсто, гдѣ произошло созданіе людей; отсюда могли заключить, что и онъ участвовалъ въ немъ, онъ и явился показателемъ второго лица Троицы, какъ Лобоггъ = Илья вмѣсто Св. Духа: уже у Луки 1, 17 говорится о spiritus Eliae; «Св. Духъ—творчески живительное пламя, а Илья по преимуществу, огненный духъ» (стр. 229), замѣчаетъ авторъ, но это общее мѣсто мнѣологической экзегезы не прикрываетъ ея слабыхъ сторонъ. Страннымъ кажется, что христіанскій авторъ Vqlısrá, умѣвшій до тонкости играть символами, введшій при ихъ помощи Илью и Эноха въ составъ сѣверной Троицы, допустилъ одно изъ ея лицъ, Одна = Бога Отца пасть въ послѣдней мировой битвѣ.—Вмѣстѣ съ нимъ палъ и Þótt, т. е. архангелъ Михайлъ (стр. 205), что не мѣшаетъ послѣднему пережить поражение, объявившись въ обновленномъ мірѣ подъ новымъ именемъ: Норгъ (стр. 220), именемъ, обозначающимъ въ строфѣ 20 (въ интерполяции; ed. Sijmons 33) нечаяннаго убійцу Бальдра-Христа, т. е. сотника Лонгина, прозившаго распятаго Спасителя, какъ толкуютъ Бугге и Мейеръ (стр. 156). Ибо Бальдръ—Христосъ, Христа выразилъ въ началѣ Vqlısrá

и Геймдалль, въ строфѣ 40 Христомъ является и Víragg, сражающій волка, въ бою съ которымъ палъ его отецъ Одинъ. Víragg — это *возвращающийся* Бальдръ = Христосъ; онъ понадобился лишь на этотъ случай (als Vatergächer frei geschaffen, говоритъ авторъ, (стр. 203), для новаго міра сохраняется лишь Бальдръ. Но именно въ новомъ мірѣ мы и ожидаемъ Видара (стр. 230—1), тогда какъ его появленіе въ качествѣ мстителя за отца приводитъ въ смущеніе и самаго толкователя (стр. 204, 230—1), отождествляющаго Видара съ Христомъ и на томъ еще основаніи, что по Gylfag. 29 у перваго толстый башмакъ, а Беда, толкуя слова Евангелія, что Іоаннъ Предтеча недостоеенъ развязать ремни у сапога Спасителя, рѣшился на такое иносказаніе: Quis enim nesciat, quod calceamenta ex mortuis animalibus fiunt? Incarnatus vero Dominus veniens quasi *calceatus* apparuit, qui in divinitate sua morticina correptionis nostrae assumpit! При такой свободѣ сближеній можно быть увѣреннымъ, что и другой эпитетъ Видара: молчаливый (hinn rögli Ass, l. c.) объяснился бы христіанской аллегоріей, еслибы авторъ обратилъ на него вниманіе.

Разборъ немногихъ строфъ Völuspá далъ намъ поводъ познакомиться съ приемами Мейеровской экзегезы, обращающей Völuspá въ еще бѣльшую загадку, чѣмъ какою она являлась прежде. Трудно представить себѣ міросозерцаніе, литературныя понятія и вкусы той среды, какъ-бы она ни была исключительна, которая находила бы поученіе въ странномъ калейдоскопѣ чередующихся именъ и противорѣчивыхъ приуроченій. Я допускаю, что авторъ, желавшій передать на языческой, конкретный манеръ отвлеченное ученіе и символику христіанства, могъ создать напр. такое нарицательное, какъ Víðag (: снова), для выраженія представленія о *возвращающемся* Христѣ; это какъ будто эпитетъ Бальдра — Христа, который можно было и забыть, когда нѣтъ болѣе нужды въ его опредѣленности. Я понялъ бы неограниченно свободное орудованіе такими именами, какъ Njerg, Mimir, Heimdallr, еслибы они еще ощущались, какъ нарицательныя, не отложившіяся въ прочныхъ образахъ и соотвѣт-

ствующихъ имъ мифахъ; еслибы другими словами въ пору вторженія христіанскихъ идей сѣверная мифологія была чѣмъ-то текучимъ и слагающимся, безъ центра и Олимпа и отвѣчающаго ему культа: Лóрогг напр. былъ бы просто «жаркій» и т. п. Крѣпкія и точныя формы вѣрованія, мифа обязываютъ: Норг— Лонгивъ и Норг = арх. Михаилъ рядомъ не мыслимы; или надо допустить, что и Heimdallr = освѣщающій міръ и Baldr = Господь, повелитель (стр. 137) такой же формацин, какъ Vǫlusrá = возвращающійся: эпитеты Христа, за которыми нечего искать болѣе древняго мифическаго содержанія. Но при такомъ, предполагаемомъ состояніи религіознаго сознанія пересказъ христіанскихъ легендъ и усвоеніе символовъ, оставаясь конкретнымъ и реалистическимъ, былъ-бы менѣе дѣланнымъ и прилаженнымъ, т. е. былъ бы не тѣмъ, чѣмъ представляется Vǫlusrá.

Въ этомъ смыслѣ я поставилъ выше вопросъ о качествахъ усвояющей языческой среды. Для Мейера онъ не существуетъ, ибо Vǫlusrá для него — стилистическое упражненіе, доступное разумѣнію немногихъ посвященныхъ.

Я могъ-бы предложить, для провѣрки моихъ заключеній, еще нѣсколько эпизодическихъ анализовъ, вродѣ приведеннаго, но не рассчитываю на — читателя. Дѣло въ томъ, что слѣдить за построеніями и толкованіями Мейера возможно лишь подъ условіемъ, что передъ вами лежитъ текстъ Vǫlusrá. Такъ какъ ея нѣтъ въ русскомъ переложеніи съ подлинника, а этотъ памятникъ часто обращалъ на себя вниманіе русскихъ мифологовъ, я сообщу здѣсь свой переводъ, а за нимъ изложу и скрытое христіанское содержаніе поэмы съ точки зрѣнія Мейеровскаго толка. Résumé автора на стр. 244—6 отличается излишней общностью, не дающей понятія о фактахъ и домыслахъ, на которыхъ это общее основано.

Слѣдующій переводъ, основанный на текстѣ Мейера, удерживаетъ его дѣленія съ указаніями источниковъ, которыми предположительно пользовался авторъ Vǫlusrá; МЖ строфы, поставленные въ скобки, указываютъ на текстъ Симонса.

1. Введение.

(Источники: *Oracula sibyllina, Honorius Augustodunensis*).

1 (1). Вниманія прошу я у всѣхъ святыхъ родовъ, старшихъ и младшихъ сыновей Геймдалла! Хочешь ли ты, Valfarer (Одинъ), чтобъ я повѣдала о древнихъ преданіяхъ людей, какія напередъ я помню?

2 (2). Я помню йотуновъ (великановъ) древнерожденныхъ, что меня древле вскормили; помню девять мировъ, девять *ivi-djur*¹⁾, славное древо созданія подъ землею.

2. Мирозданіе.

(Источники: *кн. Бытія и комментарий къ ней св. Амвросія, Исидора и Гонорія; кн. Иова и Екклесіастъ*).

3 (3) Было время, когда жилъ Имьръ, не было ни песку, ни моря, ни холодныхъ волнъ, ни земли, ни высокаго неба, — а была зіяющая бездна, и травы не было нигдѣ,

4 (4) пока сыны Бора²⁾ не подняли небесныхъ круговъ³⁾, они, что создали славный Мидгардъ (вселенную). Солнце засіяло съ юга на камни (мирового) покоя и земля произросла зеленой травою.

5 (5) Солнце, спутникъ мѣсяца простерло съ юга десницу къ окраинѣ небесъ; [4) солнце не знало, гдѣ его палата, мѣсяць не вѣдалъ, гдѣ ему мѣсто, звѣзды не знали, гдѣ имъ пребываніе.

¹⁾ *ivídjur* — вар. *ivífi*; первое переводятъ: исполнители, второе: *Wälder im Weltbaume (Müllenhoff)*; я склоненъ передать это слово: вѣтви (покоління), связывая его съ представленіемъ мирового дерева (Сл. Разысканія, вып. V; стр. 354 слѣд.). Мейеръ читаетъ: *ivister*: области.

²⁾ Одинъ, *Vili* и *Vé* по Скормовой Эддѣ; въ троицѣ *Volusrá* послѣдніе два имени замѣнены другими: *Hœnir* и *Lórogg*.

³⁾ *bjófum urfo*. Такъ переводитъ Мейеръ; по Bugge *bjof* = ирландское *bídh, bíth*: свѣтъ, миръ. Стало быть: подняли свѣтъ, землю — изъ воды? Въ концѣ *Volusrá* новая земля выходитъ изъ воды. При такомъ пониманіи *bjof* и *Mírgartr* были-бы не тавтологіей: по отношенію къ первому второе — устроенная земля, вселенная. Сл. Разысканія I. с. стр. 355.

⁴⁾ Поставленное въ скобки [ ] принадлежитъ по мнѣнію Мейера, послѣднейшему интерполтору.

(6). Тогда пошли всѣ предержавшіе къ судебнымъ сѣдалищамъ, высокосвященные боги, и о томъ держали совѣтъ]; они (т. е. боги) дали имена ночи и новолуніямъ, утру [и полдню и времени по полудню] и вечеру—дабы считать годы.

6 (7) Сошлись Азы на Идавеллѣ, они, что возвели алтарь и дворъ: очаги сложили, казну ковали, клещи дѣлали и изготовляли орудія.

7 (8) Въ кости играли въ оградѣ, веселы были, не было у нихъ недостатка въ вещахъ изъ золота [пока не пришли три дѣвы турсовъ (великановъ) ненавистныя, изъ Ютунгейма] ¹⁾, (17) пока не пришли трое изъ того сонма (т. е. боговъ), сильные и милостивые азы къ (міровой) обители.

8. Нашли на землѣ (у берега?) Аска и Эмблу немощныхъ, бездольныхъ [; (18) не было у нихъ ни дыханія, ни (разумнаго) духа, ни силы, ни движенія, ни хорошаго образа, вида?]. Дыханіе далъ Одинъ, духъ далъ Гѣниръ, а Лодуръ силу и хорошій образъ.

3. Грѣхонаденію людей и его слѣдствія.

(Источники: *Км. Бытія, Аморосій и Гонорій*).

9 (19) Я знаю, стоитъ ясень, зовется Иггдразилъ, высокое дерево, орошенное прозрачною влагой. Оттуда приходятъ росы, что падаютъ въ долины. Стоитъ оно вѣчно зеленое надъ родникомъ Урды [(20). Оттуда приходятъ дѣвы, три изъ того покоя, что стоитъ подъ деревомъ: Урдой звали одну, Vegrande другую — онѣ вырѣзали на доскѣ (вѣщія руны); третью Скульдой. Онѣ клали законы, выбрали долю сынамъ человѣческимъ, сказывая судьбу].

10 (21). Я помню первую войну на свѣтѣ, когда Гульвейгу ковали копьями и въ покоѣ Великаго трижды жгли трижды рождевшую [, часто, верѣдко, хотя она еще въ живыхъ].

¹⁾ Слѣдуютъ въ текстѣ 8 строю (Sjimson, строфы 9—16), давнина считающихся интерполированными: дѣло идетъ о созданіи богами дверговъ, имена которыхъ подробно перечисляются. Мейеръ опустилъ эти строфы въ своемъ изданіи.

11 (22). Язычницей звали её, куда она заходила въ дома, вѣщей вѣльвой; чары она творила, чаровала гдѣ могла, чары обманная(?); всегда была утѣхой злыхъ женъ.

12 (23) Тогда пошли всѣ предержашіе къ судебнымъ сѣдальцамъ, высоко-священные боги, и о томъ совѣтъ держали: слѣдуетъ-ли азамъ понести ущербъ или всѣмъ богамъ пользоваться почтеніемъ?

13 (24). Метнуль Одинъ (копьемъ), стрѣляя въ народъ: то была еще первая людская война въ свѣтѣ; сломана была ограда вокругъ замка Азовъ, а Ваны могли попить поляны, открытыя битвѣ.

14 (25). Тогда пошли всѣ предержашіе къ судебнымъ сѣдальцамъ, высокосвященные боги, и о томъ рѣшили: кто замутилъ воздухъ зломъ и дѣву Ода отдалъ отродью Йотуновъ?

15 (26). Одинъ Торъ размахнулся, исполненный гнѣва: онъ рѣдко усидитъ, когда узнаетъ что такое. Нарушены были клятвы, слова, обѣты, всѣ торжественные договоры, какіе передъ тѣмъ были.

4. Спасеніе грѣшной души раскаянъ Спасителемъ.

(Источники: Гоморій и другіе церковные писатели. Апокалипсисъ).

16 (27). Она знаетъ, что рогъ Геймдалла скрытъ подъ славнымъ, священнымъ деревомъ; вижу рѣку, разливающуюся свѣтлымъ потокомъ изъ залага Одна. Понимаете-ли вы это или нѣтъ?

17 (28). Она сидѣла она, когда пришелъ старикъ, страшный изъ Азовъ (Одинъ) и глянулъ ей въ глаза. О чемъ спрашиваетъ, о чемъ пытаешь меня? Все знаю я, Одинъ, знаю, куда ты спряташь твой глазъ.

18 (29). Она знаетъ, что глазъ Одна спрятанъ ¹⁾ въ славномъ родникѣ Мимира; каждое утро пьетъ Мимиръ изъ залага Одна.

¹⁾ Стихъ, возстановленный Бугге.

19 (30). Дать ей Герфобръ кольца и ожерелья, даръ мудрыхъ рѣчей и вѣщихъ пророчаній... Далекъ и далекъ обозрѣвала она всѣ міры [(31). Она видѣла валькирій изъ далека прибывшихъ, готовыхъ помчаться къ народу готовъ. Скульда держала щитъ, другая была Skogol; Gurg, Hildr, Gondol и Geirskogol: вотъ и перечислены дѣвы Негжап'а (Одина), валькирій, готовые помчаться на землю].

20 (32). Я видѣла Бальдра, окровавленнаго бога, сына Одина, скрытую судьбу [Стояла, возвышаясь надъ долинами, тонкая, прекрасная омега. (33) Отъ этой вѣтви, казавшейся тонкой, вышло горестное, опасное орудіе удара, — которымъ метнулъ Гедръ. Едва родился братъ Бальдра, сталъ воевать, одноощный сынъ Одина.—(34). Онъ никогда не мылъ рукъ ни головы не чесалъ, пока не возложилъ на костеръ противника Бальдра], а Фригга плакала въ Фенсалахъ о горѣ Валгаллы. Понимаете-ли вы это или нѣтъ?

21 (35). Она видѣла связаннѣмъ, лежащимъ въ Hvegalund'ѣ образъ коварнаго Локи, ненавистнаго. Тамъ сидитъ Сивинъ, но не радостная, у своего мужа. Понимаете-ли вы это или нѣтъ?

5. Адъ и Рай.

(Источники: *Литература видѣній. Исэкиль*).

22 (36). Рѣка падаетъ съ востока по ядовитымъ долинамъ, полная ножей и мечей. Сидромъ она зовется....

23 (37). Къ сѣверу въ Níravellir стояла палата изъ золота, Синдріева рода, а другая стояла въ Ókolne, пиршественный покой Иотуна, что зовется Бримиромъ.

24 (38). Она видѣла покой, далеко отстоящій отъ солнца, на берегу мертвыхъ: двери обращены къ сѣверу. Ядовитыя капли падали внутрь въ окно; покой тотъ сплетенъ изъ змѣиныхъ хребтовъ.

25 (39). Она видѣла тамъ людей, бредущихъ въ тяжелыхъ волнахъ, клятвopеступниковъ и убійць (и того, что совратилъ жену другаго). Тамъ Nírhoggг сосалъ трупы умершихъ, волкъ терзалъ мужей. Понимаете ли вы это или нѣтъ?

6. Природныя знаменія страшнаго суда.

(Источники: Христіанско-языческое преданіе).

26 (40). На востокѣ сидѣла старуха въ Ísagvír'ѣ и питала тамъ отродье Фенрира; изъ нихъ изъ всѣхъ будетъ нѣкто единственный, похититель мѣсяца; въ образѣ чудовища.

27 (41). Нажирается мясомъ обреченныхъ на смерть людей, красить сѣдалище боговъ красной кровью. Померкнуть лучи солнца во слѣдующія лѣта, времена настануть вредоносныя. Понимаете-ли вы это или нѣтъ?

28 (42). Сидѣлъ тамъ на холмѣ и бряцалъ на арфѣ пастырь исполниши, веселый Eggrég. Пѣлъ около него въ Gaglvír'ѣ красивый, красный пѣтухъ, что зовется Fjalagr.

29 (43). Пѣлъ у Азовъ Gollinkambe; онъ будетъ мужей у Герьяфадера (= Одна); а другой поетъ подъ землею, темно-красный пѣтухъ, въ палатахъ Гелы.

30 (44). Сильно лаетъ Гармъ передъ Gnirahellig; пута порвется и Fреке (= волкъ) помчится. Много знаю я памятей, далеко усматриваю впередъ страшный судный день побѣдныхъ боговъ.

7. Знаменія страшнаго суда на землѣ и на небѣ.

(Источники: Евангеліе и пророки).

31 (45). Братья будутъ ратиться и стануть другъ другу убійцами, родичи нарушать родственный союзъ. Тяжко на свѣтѣ, великій блудъ (вѣкъ топора и ножа, щиты разщеплены; вѣкъ вѣтра и волка — прежде, чѣмъ рушится міръ). Человѣкъ не будетъ падать другого.

32 (46). Взыграли сыны Мимира и создатель объявился (при звукѣ) древяго рога (Gjallarhorn); громко трубятъ Геймдалль, рогъ поднять, а Одинъ бесѣдуетъ съ головой Мимира.

33 (47). Содрагается, стоя, древо Иггдразила, стонетъ древнее древо, а Йотунъ вырывается на свободу. Страшатся всѣ на путяхъ Гелы, прежде чѣмъ родичъ Сурта помчится.

34 (48). Что творится у Азовъ, что у альфовъ? Весь Иотунгеймъ содрагается, Азы собрались на совѣтъ; стонуть дверги передъ вратами утесовъ, вѣдающіе горныя обители. Понимаете ли вы это или нѣтъ?

35 (49) = 30.

8. Начало страшнаго суда. Наманеніе и борьба демоновъ съ Божествомъ. Гореніе міра.

(Источники: *Апокалипсисъ и мурорки*).

36 (50). Гривъ движется съ востока, держитъ передъ собою щитъ; великое чудовище вьется въ исполинскомъ гнѣвѣ, змѣй бьетъ волны, орелъ клекчетъ, трупы терзаетъ блѣдноклювый; Naglfar вырвался на свободу.

37 (51). Корабль несется съ сѣвера, челядь Гелы придетъ черезъ море и Локи правитъ у кормы. Ъдутъ всѣ чудища, съ ними Греке (волкъ), имъ сопутствуетъ братъ Билейста (Локи).

38 (52). Суртъ идетъ съ юга съ пламенемъ, точно солнце блещетъ мечъ смертоносныхъ боговъ; рушатся каменные горы, исполниши нязвергаются, мужи вступаютъ на путь Гелы и небо треснуло.

39 (53). Тогда придетъ второе горе Глиниъ (= Фриггѣ), когда Одянь пойдетъ биться съ волкомъ, а убійца Бели (=Фрей) съ Суртомъ. Падетъ тогда радость Фригги.

40 (54). Тогда пойдетъ великій сынъ Сигфадера (Одина), Видаръ, биться съ смертоноснымъ звѣремъ, сыну великана онъ вонзитъ остріе въ сердце. Такъ отмщено будетъ за отца.

41 (55). Тогда придетъ сильный сынъ Нібрун'ы (Торъ), зияетъ надъ воздухомъ земной поясъ (=мировой змѣй, окружающій землю) . . . Идетъ сынъ Одина биться съ змѣемъ.

42 (56). Гнѣвно разитъ защитникъ Мидгарда (=Торъ). Всѣ люди покинуть жилища; девять шаговъ отступить сынъ Fjörgун'ы (=Торъ) отъ змѣя, не боящагося посрамленія.

43 (57) Солнце меркнетъ, земля погружается въ море, па-

даютъ съ неба свѣтлыя звѣзды, паръ и огонь свирѣпствуютъ, высокое пламя взыграло до самаго неба.

44 (58) = 35, 30.

9. Новый мiръ и пришествiе Христа на страшный судъ.

(Источники: *Апокалипсисъ и пророки*).

45 (59). Она видитъ во второй разъ землю, восходящую изъ воды, вѣчно-зеленую; падаютъ водопады, орелъ носится надъ ними, что на горѣ охотится за рыбами.

46 (60). Сошлись азы на Идавеллѣ, бесѣдуютъ о мировомъ древѣ, поминаютъ великiя дѣла и древнiя руны Fimboltyr'a (Одина) [(61). Тогда снова найдутся въ травѣ чудесныя золотыя кости, которыми они—т. е. боги—владѣли встарь...].

47 (62). Поля произростутъ незасѣянныя, всякое зло исправится, придетъ Бальдръ; Норг и Бальдръ поселятся въ побѣднхъ палатахъ Нгбрт'a (Одина), жилищѣ сраженнхъ боговъ.

48 (63). Тогда Нюпиг дастъ жребiй...., а сыны двухъ братьевъ заселятъ обширный Виндгеймъ (землю). Понимаете-ли вы это или нѣтъ?

49 (64). Она видитъ; стоитъ покой, краше солнца, крытый золотомъ, въ Gimlee; тамъ будутъ жить добродѣтельные люди и во вѣки наслаждаться блаженствомъ.

50 (65). Тогда придетъ свыше на судъ могучiй, сильный, кто всѣмъ править....

51 (66). Тогда полетитъ мрачный змѣй, блестящiй, снизу изъ Nírafjallir; Nírhoggr понесетъ, летя надъ долиной, трупы мертвыхъ — и тутъ провалится.

II.

Точный переводъ *Völuspá* невозможенъ, пока та или другая подробность *текста* вызываетъ разногласныя объясненiя, между которыми приходится выбирать. Предупредивъ объ этомъ, перехожу къ новому толкованiю *содержанiя* поэмы, предложенному Мейеромъ.

1. (*Введение*). Говоритъ прорицательница, вѣщая германская жена, *völva*, съ чертами Сивиллы извѣстныхъ оракуловъ; говорить по велѣнію Одина, имъ вдохновенная: подробность, неизвѣстная сѣверному язычеству (стр. 14), но традиціонная и при Сивиллѣ: *κέλεται με λέγειν θεός* (стр. 13). Какъ послѣдняя названа снохой Ноя, который отнесенъ къ числу титановъ, такъ въ строфѣ 2-й вѣщая жена заявляетъ, что ея вскормили великаны (стр. 14). Святые роды, къ которымъ она обращается, — люди, сыны Геймдалла, т. е., какъ мы видѣли выше, Христа. Мейеръ (стр. 15—39) опираетъ это толкованіе главнымъ образомъ на анализѣ такъ-называемой Малой *Völuspá* (стр. 21 слѣд.); этого анализа я здѣсь не касаюсь, ибо онъ завелъ-бы насъ слишкомъ далеко; ограничусь указаніемъ на раскрытыя выше противорѣчія, которыя это толкованіе вызываетъ въ границахъ разбираемаго мною памятника. Обычное объясненіе Геймдалловыхъ сыновей = людей опиралось на разсказъ *Rigsrula*, гдѣ Геймдаллъ является родоначальникомъ трехъ людскихъ сословій.

Готовясь начать свой разсказъ издалека, *völva* опредѣляетъ напередъ, такъ сказать, графическія границы своего знанія: она знаетъ девять міровъ, девять *ívrir* или *ívrirjug*, славное древо созданія подъ землею. Мейеръ (стр. 39—40) переводитъ, въ противорѣчіи съ сѣвернымъ словоупотребленіемъ, *fug neran* = *bis unter die Erde*, разумѣя дерево, корни котораго доходятъ до преисподней. Съ другой стороны онъ нашелъ у Гонорія изъ *Autun* въ его нижнемъ аду «*nevet vresies roepae*» (стр. 44) и указаніе на девять небесныхъ сферъ (стр. 45—46); это даетъ ему поводъ измѣнить во 2-й строфѣ загадочное *ívrirjug* въ *ívister*: жилища. *Heimar* и *ívister* нерѣдко сопоставляются и совпадаютъ по значенію, говоритъ Мейеръ (стр. 47), тѣмъ не менѣе *heim* представляется ему богѣе благороднымъ и объемлющимъ и онъ даетъ ему во 2-й строфѣ значеніе неба, хотя въ *Vafþrúðnismál* 43 и *Sn. Edda* I, 106 *heimar* означаютъ именно подземныя селенія. Въ противоположность къ девяти *heimar*, небесамъ, *ívister* отвѣчаютъ девяти областямъ подъ землею: «Девять небесъ помню

я, девять (подземных) селений». Но девяти небесамъ отвѣчаютъ девять ангельскихъ ликовъ (стр. 44); согласно съ этимъ въ другомъ мѣстѣ изслѣдованія (стр. 252) Мейеръ разумѣетъ подъ *nú heima* девять ангельскихъ ликовъ, оставшихся вѣрными Господу—и это до разказа о мірозданіи! Но при такомъ толкованіи параллелизмъ между *heimar* и *íriver* становится сомнительнымъ.

Славное дерево, спускающееся (корнями) подъ землю: крестное дерево, о которомъ см. у Гонорія: *pars (crucis) coelum spectat, pars terram penetrat, pars etiam tartara penetrat* (стр. 49). Въмѣсто эпитета: дерево созданія, употребленнаго въ нашемъ переводѣ, Мейеръ предлагаетъ, согласно съ Мюлленгофомъ, другой: *þjótvir* выражаетъ идею всеобъемлющаго, *всемирнаго* дерева (*Maasbaum*), параллельно къ христіанскимъ представленіямъ креста, четыремъ отросткамъ котораго отвѣчаютъ четыре климата, устройство человѣческаго тѣла и т. п.; въ крестѣ дана «*totius christianaе religionis norma*».

Съ общимъ толкованіемъ первыхъ двухъ строкъ *Völuspá* можно согласиться; я только иначе понимаю значеніе *íriver* и дерево представляется мнѣ стоящимъ дѣйствительно подъ землею ¹⁾.

2. (*Мірозданіе*). Въ объясненіе слѣдующихъ строкъ, иногда намекающихъ на мифы, не рассказывающихъ ихъ, надо напомнить нѣкоторыя подробности. По Снорровой Эддѣ и другимъ памятникамъ въ началѣ міра была лишь бездна, *Ginnungagap*, съ сѣверной стороны которой находилась холодная область *Nifheim'a*, съ южной огненный *Muspelheimr*. Глыбы льда, навнесенныя въ бездну рѣками изъ *Nifheim'a*, растаявъ подъ вліяніемъ искръ, долетавшихъ съ юга, образовали досвѣтнаго великана *Ymir'a* и корову *Audhumla*, молокомъ которой онъ питался. Безъ помощи жены *Ymir* становится родоначальникомъ исполиновъ: изъ подъ его лѣвой мышки вышли мужъ и жена, одна его нога произвела съ другою сына; *Audhumla* вылезала изъ ледяной

¹⁾ См. Разысканія, выш. V, стр. 356 слѣд.

глыбы сына, Вуги; отъ него родился Богъ, женившійся на исполнѣннѣ Bestla'ѣ и имѣвшій отъ нея трехъ сыновей: Одина, Вили и Ве, отвѣчающихъ Одину, Нянпиг'у и Лброг'у въ Vqlusrá. Убивъ Импра, они изъ членовъ его тѣла создаютъ свѣтъ: изъ крови море и воду, изъ тѣла землю, изъ костей горы, изъ зубовъ камни, изъ мозга облака, изъ черепа небесный сводъ, а его бровями обгородили землю, чтобы имѣть защиту отъ великановъ: это и есть Mipgarrg: вселенная; изъ его волосъ произошли деревья, отъ плоти—дверги (Gylfag. 8, 14).

Обратимся къ 3-й строфѣ Vqlusrá. Мы знаемъ уже, что Импръ—древне-языческій образъ, но здѣсь онъ употребленъ для выраженія библейскаго представленія, или лучше, его христіанскаго средневѣковаго толкованія (стр. 55 слѣд.). «Въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю. Земля-же была безводна и пуста и тьма надъ бездною, и Духъ Божій носился надъ водою» (Бытія I, 1). Созданіе неба и земли въ первый день творенія надó было согласовать съ дальнѣйшимъ повѣствованіемъ кн. Бытія о созданіи неба во второй, суши въ третій день. Выходъ указанъ былъ греческимъ понятіемъ хаоса: вначалѣ созданы безформенная матерія неба и земли, которую греки и зовутъ хаосомъ. Этотъ хаосъ или бездна выражена словомъ Ginnungagar — и одновременно образомъ Ymir'a, подъ вліяніемъ иконографическихъ изображеній библейскаго abyssus, бездны (стр. 57 — 8). Такъ могли соединиться два представленія: *жмк Импръ*—и *ничего не было*, кромѣ зіяющей бездны.

Такое толкованіе, вѣроятное въ общемъ, устанавливаетъ соответствіе между 1-й строфой Vqlusrá и библейскимъ рассказомъ о первомъ днѣ творенія; что поэтъ могъ опустить, какъ несущественное, отдѣленіе свѣта отъ тьмы, въ этомъ можно согласиться съ Мейеромъ (стр. 58), предлагающимъ дагѣе комментарий къ тѣмъ подробностямъ мѣта объ Импрѣ, которыя мы передали выше по прозаической Эддѣ. Имѣя въ виду толкованіе одной Vqlusrá, мы коснемся лишь нѣкоторыхъ сторонъ этого комментарія. Импръ — хаосъ является вмѣстѣ и перво-

зданнымъ человѣкомъ: какъ у него изъ подъ мышкн выходитъ мужчина и женщина, такъ отъ ребра Адама создана была Ева; Адамъ въ представленіи средневѣковой философіи—микрокосмъ, соединяющій въ себѣ элементы земли, воздуха и т. д.; рассказъ о созданіи свѣта отъ частей Уміг'а — Адама представляетъ обратную разработку того-же существеннаго тождества: части микрокосма служатъ къ творчеству микрокосма.

На параллелизмъ сказанія объ Имирѣ съ статьей «отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ» давно было указано, но не слѣдуетъ увлекаться этимъ согласіемъ, забывая другія, выясняющія мнѣ объ Имирѣ, какъ древній антропо- и теогоническій. Въ дошедшемъ до насъ составѣ сѣверной мифологіи этотъ смыслъ затемненъ по требованіямъ дифференціаціи: рядомъ съ мифомъ объ Имирѣ ходилъ другой, равнозначущій съ нимъ: о Вигі, перво-зданномъ человѣкѣ, вылизанномъ изъ ледяной глыбы космической коровы. Позднѣе оба сказанія приурочились отдѣльно: говорили, что отъ Имира пошли Гримтурсы, отъ Вигі — боги; они-то теперь и убиваютъ Имира. Первоначально мнѣ объ Имирѣ могъ имѣть самостоятельное значеніе: мнѣ о досвѣтномъ великанѣ-андрогитѣ, покоящемся въ безднѣ, производящемъ изъ себя первыхъ людей и въ самомъ себѣ дающемъ матеріалъ для космическаго творчества. Такъ въ финскомъ преданіи дѣва воздуха, спустившись на море, производитъ близнецовъ-демиурговъ; такъ въ сѣвероамериканскихъ повѣрьяхъ божественная жена падаетъ съ пеба на воды и производитъ двухъ враждебныхъ другъ другу братьевъ-творцевъ, тогда какъ изъ членовъ ея тѣла произрастаютъ потребныя человѣку злаки ¹⁾).

4—5 строфы Vqlusrá продолжаютъ передавать рассказъ книги Бытія о твореніи второго, третьяго и четвертаго дня:

---

¹⁾ Мифы о созданіи видимаго міра изъ членовъ космическаго существа см. у Lang'a, I. c. I, стр. 188, 192, 235, 242—3, 245, 246—7. Подробности о дуализмѣ въ американскихъ космогоническихъ легендахъ см. далѣе въ главѣ XX-й.

созданы были твердь, суша и свѣтила. Та-же послѣдовательность въ поэмѣ — по толкованію Мейера: боги, сыны Бора, подняли небесные круги, *orbes, circuli* (стр. 65), выражающіе понятіе тверди, *firmamentum*; создали Мидгардъ — землю; далѣе говорится о солнцѣ и лунѣ въ интересномъ соотвѣтствіи съ Быт. I, 14: «да будутъ свѣтила на тверди небесной для отдѣленія дня отъ ночи, и для знаменія, и времени, и дней, и годовъ». Сл. строфу 5-ю: «дабы считать годы». — При иномъ толкованіи *vjorom*: не *circuli, orbes*, а земля, земная поверхность¹⁾, соотвѣтствіе нарушается, ибо параллель къ тверди отсутствуетъ: боги «подняли землю, сушу, они, что создали славный Мидгардъ». *Mirgartr*, понятая какъ *οἰκουμένη*, предполагающая существованіе суши, *vjorom*; когда въ той-же строфѣ говорится о (мировомъ) покоѣ, разумѣется *Mirgartr*. Суша поднята—вѣроятно, изъ воды: въ строфѣ 45-й обновленная земля *во второй разъ* выходитъ изъ моря.

Сынами Бора окажутся впоследствии: Одинъ, Ноениг и Лобингг, въ соотвѣтствіи съ средневѣковымъ представленіемъ объ участіи трехъ лицъ св. Троицы въ мірозданіи (стр. 66). При этой, уже знакомой намъ параллели, Вог и Вигі, собственно родитель и рожденный (отъ *vega*), оказываются генеалогическими измышленіями, во всякомъ случаѣ подозрительными.

Библейскій рассказъ о созданіи звѣрей не нашелъ выраженія въ космогоніи *Völuspá*; вмѣсто того въ ней разсказывается, строфы 6—7, о богахъ, кующихъ въ Идавеллѣ; все у нихъ изъ золота; они пребываютъ въ веселіи: «пока не пришли три дѣвы турсовъ, ненавистныя, изъ Иотунгейма». Мейеръ опускаетъ и эти стихи (у насъ въ скобкахъ) и слѣдующія за тѣмъ 8-мъ строфѣ, описывающихъ созданіе богами дверговъ. Явленіе исполинскихъ дѣвъ дѣйствительно загадочно, и можно согласиться съ толкованіемъ, что только Снорри попытался осмыслить его: будто онѣ пришли, чтобы разрушить золотой вѣкъ боговъ. Слѣдуетъ быть можетъ, устранить это объясненіе, удержавъ самый образъ и

¹⁾ Сл. Разысканія, вып. V, стр. 355.

бережнѣе орудуя атетезами въ томъ, что за тѣмъ слѣдуетъ. Распорядокъ текста такой: боги куютъ въ Идавеллѣ; *явленіе трехъ женъ изъ Иотунейма и эпизодъ о дверцахъ*; мы переводимъ двѣ первыя изъ опущенныхъ строфъ (9 и 10):

9 Пошли всѣ предрежащія къ судебнымъ сѣдалищамъ и о томъ совѣтъ держали: кому создать сонмъ дверговъ изъ крови Вримир'а (волнующагося), изъ костей Влаен'а (т. е. Имвра).

10 Тогда созданъ былъ славнѣйшій изъ дверговъ, Mótsognir, и второй (по немъ) Durenn. Отъ этого матеріала (крови и костей) сотворены были многіе человѣкоподобные земные дверги, которымъ названіе далъ Durenn ¹⁾.

Слѣдующія 11—16 строфы содержатъ перечень именъ дверговъ, который можно устранить; въ 17-й строфѣ=8-й Мейера *являются три бога* и рассказъ переходитъ къ созданію (9: skopridu) и *оживленію первыхъ людей*. Отмѣтимъ параллелизмъ, указывающій на предѣлъ возможныхъ исключеній: *явленіе трехъ женъ—и созданіе дверговъ; пришествіе трехъ боговъ—и антропологическій мифъ*. Это, разумѣется, не выясняетъ намъ значенія тѣхъ женъ; можетъ быть норнъ-рожаницъ, «hinag III (pognir) dverga aettar» (Gylf. 15)? Тѣмъ не менѣе параллелизмъ обязываетъ удержать ихъ—или исключить за одно и явленіе боговъ и созданіе людей, какъ то сдѣлалъ Ноббогу—на томъ основаніи, что этотъ эпизодъ, заимствованный изъ какой-нибудь посторонней космогонической статьи, стоитъ въ Völuspá внѣ связи съ предыдущимъ и слѣдующимъ. По моему мнѣнію связь съ предыдущимъ дана въ—кованьи боговъ.—За вычетомъ указаннаго, къ богамъ, веселящимся въ Идавеллѣ, примыкаетъ непосредственно строфа 8-я: рассказъ о созданіи и оживленіи первыхъ людей.

Какую идею соединяетъ авторъ поэмы съ этимъ образомъ, Мейеръ не разъясняетъ (см. впрочемъ стр. 75—8). Кованье

¹⁾ Я слѣдую тексту Völuspá въ Gylfag. 14: þar mannikun þorg af gerðar—dvergar í jörðu sem Durenn kende (сл. Wilken, Untersuchungen zur Saetta-Edda, стр. 48).

понято здѣсь во всякомъ случаѣ, какъ актъ творчества, между прочимъ и космогоническаго: мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ отрывочныхъ представлений, которыя потеряли свой исконный смыслъ, очутившись эпизодомъ *Völuspá*. Какъ въ финскомъ эпосѣ небо сдѣлано изъ верхней части яйца — и въ то же время сковано Ильмариненомъ, такъ могли существовать сѣверные мифы напр. о созданіи свѣта изъ членовъ великана — и путемъ творческаго кованья. Прозаическая Эдда (ed. Jónsson стр. 22: *Gylfag.* 14) развиваетъ 6-ую главу *Völuspá*, заставляя боговъ ковать и землю, и камни и деревья, а объ Одинѣ сказано въ другомъ мѣстѣ (l. c. *Gylfag.* 3), что онъ сковалъ небо и землю и всё въ нихъ сущее (ok alla eigu reigga), и это показаніе не примирено съ слѣдующимъ, уже знакомымъ намъ: о созданіи міра изъ тѣла Имвра. Замѣтимъ, что именно за рассказомъ *Völuspá* о кованьи боговъ слѣдуетъ (въ опущенныхъ Мейеромъ строфахъ) *созданіе деревьевъ* — и созданіе и оживленіе первой людской пары — въ Идавеллѣ, т. е. въ раю, причемъ Мейеръ (75) напоминаетъ *Mag Itha* = поле Itha, мѣсто собранія ирскихъ боговъ — и догадку Бугге, что *ira(vollr)* — перегласовка *Эдема*. Правда, по Библии одна Ева сотворена была въ раю, но авторъ могъ соединить этотъ актъ съ предшествовавшимъ созданіемъ Адама (стр. 75). Важнѣе другое: дѣло въ сущности идетъ о созданіи людей изъ деревьевъ, объ оживленіи бездольныхъ *Ask'a* и *Embla'y*, напоминающихъ (стр. 82) имена Адама и Евы, и вмѣстѣ, широко распространенное повѣрье о происхожденіи людей изъ растений. Именно этотъ мотивъ—существенный, и на него надо было обратить вниманіе по связи *Ask'a* (ясень) съ непосредственнымъ (строфа 9) упоминаніемъ Игтдрасила — ясеня (сл. строфа 33) и представленіемъ, которое можно возстановить изъ *Fjölsvinnsmál* 16 (ed. Sijmons) и *Vafgrúðnismál* 45: что изъ міроваго древа, древа Мимвра вышли первые люди¹⁾. Кромѣ созвучія: *Askr*=Адамъ, *Embla*=Ева, легенда объ оживленіи не имѣетъ

¹⁾ Сл. Разысканія, вып. V, стр. 358.

ничего общаго съ библейскою, которая, кстати, уже предвосхищена отождествленіемъ Утиг'а съ Адамомъ, первой пары людей, вышедшихъ у него изъ подъ мышки — съ Еввой, какъ толкуетъ г. Мейеръ. Кстати: азы находятъ бездушныхъ Аска и Эмблу at húse (строфа 7): въ дому. Мейеръ (стр. 83) принимаетъ толкованіе Бугге, что разумѣется пролептически домъ, въ которомъ *будутъ* жить первые люди; приводитъ и толкованіе св. Амвросія (De Paradiso с. 50) къ Бытію 3,22 (aedificavit Deus costam, quam sumpsit de Adam, in mulierem). «Vene, quia in viro et muliere *domus* videtur quaedam plena esse perfectio. Qui sine uxore est, quasi sine domo sit, sic habetur». Это толкованіе исключается нашимъ, имѣющимъ въ виду *salg* строфы 4-й: міровой покой = Мидгардъ; боги приходятъ (изъ Идавелля) въ міровую обитель at húse, т. е. въ Мидгардъ, и здѣсь творятъ людей. Что этотъ актъ происходитъ въ Идавеллѣ — Эдемѣ, какъ предполагаетъ Мейеръ, не доказано: созданіе совершается, по Gylfag. 9 у морскаго берега (Völ. á lande?), а Irvavllg лежитъ въ центрѣ Ásgard'a (Gylfag. I. с. 14), стоящаго въ свою очередь въ центрѣ Miðgard'a.

Мы уже знаемъ, что три бога, оживляющіе первыхъ людей, отвѣчаютъ тремъ лицамъ св. Троицы, какъ и въ средневѣковомъ христіанскомъ представленіи въ смыслѣ св. Троицы поняты были слова Бытія I, 26: *Сотворенъ* человекъ по образу *Нашему* (сл. стр. 74—5, 78). Наши сомнѣнія относительно частнаго отождествленіе Отца = Бога Отца и т. д. были высказаны выше. Въ тринности творящихъ боговъ и я признаю христіанское вліяніе, съ тою разницею, что, по моему мнѣнію, она прикрыла болѣе древнія, языческія отношенія.

Третій эпизодъ, выдѣленный Мейеромъ изъ содержанія Völuspá, начинается (строфа 9) съ описанія міроваго дерева, стоящаго надъ источникомъ Урды и орошающаго своей росой долины. Прежде чѣмъ перейти въ общей характеристикѣ этого отдѣла у Мейера, остановимся на анализѣ 9-й строфы. Мюлленгофъ (Deutsche Alterthumskunde V, 1, см. текстъ стр. 75 и слѣд.

и комментарий) исключилъ изъ своего текста какъ ее, такъ и части предыдущихъ: удержавъ въ нашей седьмой строфѣ двустипіе о трехъ дѣвахъ турсовъ, онъ опускаетъ остальное, стало быть, и эпизодъ объ оживленіи людей: всё это признано интерполяціей. Дерево надъ источникомъ Урды также возбудило его сомнѣніе, по той причинѣ, что далѣе (строфа 16 слѣд.) то-же мировое древо оказывается стоящимъ надъ источникомъ Мимира; источникъ Урды включенъ въ текстъ *Völuspá* изъ посторонней, хотя и древней статьи (стр. 103), говоритъ онъ. Ходъ его аргументація слѣдующій: въ *Grimnismál* 31 отъ *Iggdrasila* спускаются три корня: подъ однимъ живеть Гела, подъ другимъ grimтурсы, подъ третьимъ люди; по *Gylfaginning* XV: одинъ корень у азовъ, у него источникъ Урды; второй у grimтурсовъ, тамъ, гдѣ прежде была бездна, *ginnungagap*, подъ нимъ источникъ Мимира; третій надъ *Niflheim* съ источникомъ *Hvergelmir*. Я согласенъ съ Мюлленгофомъ, что представленіе *Gylfaginning* о положеніи мирового дерева неясны, ибо не графичны, *widersinnig und wertlos* (стр. 103); ея авторъ слѣдовалъ «традиціонному, но совершенно ложному представленію» (какому ? !), которое соединилъ съ показаніемъ *Grimnismál*'я и *Völuspá*; изъ послѣдней онъ взялъ источникъ Мимира и перенесъ его къ одному изъ корней своего мирового дерева, къ grimтурсамъ, къ которымъ логически (*vernünftiger Weise*) *Mimir* никогда не принадлежалъ, хотя и могъ представляться великаномъ. Если и согласиться съ этимъ заключеніемъ, то лишь для того, чтобы указать на логическій *circulus vitiosus*: *Gylfaginning* въ разсказѣ о мировомъ деревѣ представляетъ компиляцію, неумѣло черпавшую изъ *Völuspá*, и вмѣстѣ съ тѣмъ дающую критерій для выключенія изъ послѣдней — подробности объ источникѣ Урды. Умозаключение было очевидно такое, что источникъ Урды и Мимира не одно и то же, ибо въ *Gylfaginning* они раздѣлены; у разныхъ корней дерева, а *Völuspá* не знаетъ этихъ корней, и источникъ является одинъ. Ничто однако не мѣшаетъ предположить, что источникъ Урды лишь другое названіе для родника Мимира, находящагося подъ

его деревомъ, деревомъ созданія: Угр, рядомъ съ названіями Vergrande и Skuld (три норны подъ мировымъ деревомъ въ строфѣ, выключенной толкователемъ), означаетъ то, что было, совершенное бытіе. Замѣтимъ кстати, что какъ съ дерева надъ источникомъ Урды падаютъ росы, такъ въ Vafgrúðnismál 45 люди, спасшіеся въ дровѣ Мимира, питаются росой. Гдѣ представлялъ его себѣ авторъ Völusrá? Вѣщательница знала его стоящимъ подъ землею, Снорри помѣщаетъ одинъ изъ его корней, съ источникомъ Мимира, въ области grimтурсовъ, гдѣ прежде была бездна. Образы совпадаютъ. Если Мимиръ и не grimтурсъ, въ обычномъ значеніи этого типа, то все-же великанъ, исполненный таинственной, досвѣтной мудрости, сокрытой въ его родникѣ; отъ нея заимствуется у него Одинъ; я попытался недавно ¹⁾ объяснить мнѣ о глазѣ Одина, солнцѣ, скрытомъ въ родникѣ Мимира, въ томъ смыслѣ, что и солнце представлялось первоначально его созданіемъ, какъ происхожденіе людей связано съ образомъ мирового дерева, обозначеннаго его именемъ. Между нимъ и Однимъ противоположность стараго и новаго творчества, двухъ поколѣній демиурговъ; вліяніе христіанскихъ идей и образовъ предполагаетъ эту древнюю двойственность: мировое дерево, дерево созданія вышло въ формы крестнаго — райскаго и, быть можетъ, легендарныя представленія о послѣднемъ помогутъ намъ освѣтить соответствующее въ Völusrá: въ западныхъ Вопросахъ и Отвѣтахъ ²⁾ дерево, стоящее въ основѣ міра, есть райское, корни котораго спускались до страданія І. Христа въ присподнюю. Если мы перенесемъ это представленіе въ нашу поэму, то получимъ мировое дерево, стоящее въ области Азовъ и спускающееся туда, гдѣ прежде была бездна, къ роднику Мимира. Оно то и содрагается и стонетъ въ послѣдніе дни, когда Геймдалль затрубитъ въ рогъ, спрятанный въ его корняхъ, взыграли сыны Мимира, а Одинъ бесѣдуетъ съ его

¹⁾ Разысканія, вып. V, стр. 85 и предыл.

²⁾ I. c., стр. 45.

головой (Gylfaginning ed. Jonsson, § 56: съ Мимиромъ); о немъ рядятъ боги, когда міръ погибъ и новая земля снова выходитъ изъ нѣдръ моря.

Роль Геймдалла при мировомъ древѣ обращаетъ на себя вниманіе, и звукъ его рога, очевидно, сторожевой: онъ стражъ боговъ (см. Gylfag. l. c. § 27), слѣдитъ на окраинѣ небесъ, охраняя мость-радугу отъ нашествія исполиновъ; онъ слытъ менѣе, чѣмъ птица, видитъ днемъ и ночью на разстояніи ста поприщъ, слышитъ, какъ растетъ трава на землѣ, шерсть на овцѣ, и звукъ его рога слышится во всѣхъ мірахъ. Его называютъ бѣлымъ, свѣтлымъ Азовъ (l. c.) и — простодушнѣйшимъ, невиннѣйшимъ изъ Азовъ (Fornald. Sög. I, 373). Съ точки зрѣнія христіанскихъ элементовъ Völuspa эти черты ведутъ къ представленію Heimdall'я ангеломъ, и не только трубящимъ, какъ въ комментаріи Мейера (см. выше стр. 6); по Сворровой Эддѣ Heimdallr сражается съ Локи (l. c. § 56), какъ въ христіанскихъ эсхатологическихъ легендахъ Михаилъ поражаетъ Антихриста-Сатану¹⁾; его роль при мировомъ - крестномъ - райскомъ древѣ напоминаетъ Быт. II, 24: и поставилъ (Господь) на востокъ у сада Едемскаго Херувима и пламенный мечъ обращающійся, чтобы охранять путь ко дереву жизни. — При такомъ пониманіи Мимиръ съ его древомъ созданія очутился бы въ положеніи Сатаналла — деміурга дуалистическаго повѣрья, насадившаго едемское дерево и изгнаннаго изъ рая²⁾.

Но это только одна сторона дѣла, ибо въ Геймдаллѣ есть и другія черты, по видимому, не стоящія въ связи съ предыдущими. По Rigzula онъ является родоначальникомъ людскихъ сословій; можетъ быть, людей вообще? Вѣдь и въ индійской легендѣ о происхожденіи кастъ отъ устъ, рукъ, бедръ и ногъ Пуруши понятіе кастъ замѣнило болѣе древнее и простое, антропологическое. О Геймдаллѣ говорилось, что его родили де-

¹⁾ См. Разысканія, VIII, стр. 345—7.

²⁾ l. c. XI, 46.

вать матерей, девять сестеръ великаншъ на окраинѣ земли, вскормили его, силой земли, студеной водою и жертвенной кровью, *sónardreyra* (*Hyndlúljóð* ed. Sijmons 37—39; *Heimdallar galdr*, ib. p. 215; *Gylfag.* § 27). Этихъ сестеръ - матерей отождествляли съ девятью *ívirjur* 2-й строфы *Völuspá* (= исполнши, *dryades*), въ которыхъ и усмотрѣлъ¹⁾ вѣтви, отростки міроваго дерева, древа созданія. Можетъ быть, оба толкованія соединимы: самъ Геймдаллъ могъ представляться рожденнымъ отъ дерева, отъ его девяти вѣтвей - сестеръ, и его мнѣ параллельнъ къ мнѣю объ Аскѣ; еслибы возможно было удержать этимологию: (*Heim*) *ballr*: *pollr* род. *rallag* = *pinus*, то *Heimdallr* отвѣчалъ бы кеннингу Иггдразила въ *Völ.* 46: *mold-rínugt*: земное дерево, сосна; *Heimballr*: міровое дерево. Онъ перворожденный; отъ него пошли люди.

Мнѣю о Геймдаллѣ даетъ мнѣ поводъ выставить подобную-же гипотезу объ Одинѣ, раскрывъ въ позднѣйшемъ накопленіи мнѣювъ, его окружившихъ, элементы одного, забытаго и на-ново освѣщеннаго въ новой обстановкѣ. Одинъ—сынъ *Ber*'а и *Bestla*'ы; но этотъ рассказъ о его происхожденіи могъ быть однимъ изъ многихъ, утраченныхъ впоследствии, либо иначе приуроченныхъ. Въ *Grimnismál* 54 Одинъ говорить о себѣ: зовусь я теперь Однимъ, *Ygg*'омъ звали меня прежде, предъ тѣмъ имя мнѣ было *Þundr* и т. д. Въ *Hávamál* 138 слѣд. онъ рассказываетъ, что девять ночей висѣлъ на обвѣянномъ вѣтромъ деревѣ, раненый копьемъ, отданный (принесенный въ жертву) Одину, самъ-самому себѣ, безъ пищи и питья. Онъ глянулъ внизъ, воспринялъ, плача, руны—и спалъ съ дерева; девять сильныхъ заговоровъ (*fimbolljóð*) воспринялъ онъ отъ именитаго сына *Völþorn*'а, отца *Bestla*'ы, отвѣдалъ драгоцѣннаго меда изъ *Órgregir*'а — и съ тѣхъ поръ сталъ расти и мудрѣть.

Кауфманъ²⁾ отрицаетъ толкованіе этого мнѣю, предложен-

¹⁾ Разысканія, вып. V, стр. 364 слѣд.

²⁾ Kauffmann, *Odinn am Galgen* въ *Paul und Brannes Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache XV Band*, стр. 195 слѣд.

ное Бугге: будто висящій Одинъ—языческая парафраза распятаго Христа; дѣйствительно, рассказъ объ Одинѣ на деревѣ относится, повидному, къ его дѣтству. Не рѣшаясь проникнуть въ тайный смыслъ этого эпизода, Кауфманъ ограничивается нѣкоторыми указаніями: Одинъ могъ представляться закинутымъ ребенкомъ; подобные акты часто совершались въ лѣсу, подъ деревомъ; но ребенокъ не подвергся смерти, ибо по древнему обычаю новорожденный, хотя и закинутый, избавлялся отъ нея, если случайно отвѣдалъ меда (или молока). Меду отвѣчаетъ въ нашемъ случаѣ напитокъ изъ Orgerig'a, который и даетъ Одину сынъ Volrogn'a, т. е. Мимиръ, какъ полагаетъ, вслѣдъ за Bugge и Rydberg'омъ, и Кауфманъ.

Одинъ виситъ на деревѣ Мимира, иначе Игтдразилѣ, т. е. конѣ (несущемъ) Ygg'a; сознаніе тождества послѣдняго съ Однимъ вызвало пониманіе всего акта, какъ жертвеннаго: Одинъ принесенъ былъ въ жертву самому себѣ; съ этимъ въ связи стоятъ позднѣйшій обычай посвящать Одну повѣшенныхъ.

Я представляю себѣ всѣ эти отношенія въ иномъ свѣтѣ: Yggт виситъ на деревѣ Мимира, спадаетъ съ него, благодаря его заговорамъ, точно плодъ, какъ въ сказкѣ трансильванскихъ цыганъ съ міроваго дерева спадаютъ куски мяса, изъ листьевъ — люди¹⁾; отвѣдавъ заповѣднаго меда, Yggт сталъ расти и мудрѣть. Это—мифъ о рожденіи изъ дерева; отмѣтимъ въ рассказѣ число *десять*: девять ночей, девять заговоровъ — и въ Fjölsvinsm. 22 (Sijmons 16) разрѣшающую родильницъ силу плода отъ Mímaheiðg'a. Обычай посвящать Одну-Ygg'у повѣшенныхъ восходитъ къ воспоминанію не мистической жертвы, а опредѣленнаго антропологическаго мифа.

Я попытался раскрыть предполагаемое мною содержаніе мифовъ о Мимирѣ и Геймдаллѣ, о Мимирѣ и Одинѣ-Ygg'ѣ и деревѣ созданія, но не рѣшаюсь выразить гипотезы: въ какомъ взаимномъ отношеніи они находились и какъ распредѣлялись роли дѣй-

¹⁾ См. Разысканія, вып. V, стр. 367.

ствующихъ лицъ — прежде чѣмъ христіанскіе мотивы наложили на нихъ свой отпечатокъ, сблизивъ космогоническое дерево народныхъ преданій съ райскимъ древомъ Библіи (Быт. II, 9, 10) и Апокалипсиса (XII, 1, 2). Мейеръ (стр. 85 слѣд.) отмѣчаетъ въ Иггдразилѣ разобранный нами 9-й строфы сліяніе этихъ двухъ элементовъ; только дерево народныхъ повѣрій представляется ему «облачнымъ» (стр. 88, 89)¹⁾; источникъ Урды онъ удержалъ безъ оговорокъ съ подстрочнымъ указаніемъ на Бугге, видѣвшемъ въ ея имени —перегласовку Иордана; строфа о трехъ норнахъ также находитъ у него толкованіе, но съ сомнѣніемъ, что она —интерполирована (стр. 91, 93). Я вижу въ нихъ тѣхъ-же дѣвъ изъ Иотунгейма, о которыхъ была рѣчь передъ созданіемъ дверговъ. Норнъ-рожаницъ, дающихъ долю, естественно было представить себѣ при древѣ созданія, антропогоническомъ.

Мы можемъ обратиться теперь къ разбору третьяго отдѣла у Мейера, озаглавленнаго:

3 (*Грѣхопаденіе людей и его слѣдствіе*).

Древо Урды = райское дерево является у слагателя *Völuspur*'ы символическимъ показателемъ дѣлаго акта: грѣхопаденія прародителей. — Собственно ни о грѣхопаденіи, ни объ изгнаніи не говорится ни слова; что слѣдуетъ далѣе, съ 10-й строфы, сразу переноситъ насъ въ сферу христіанской аллегоріи, символическихъ прообразованій — и фантастическихъ построеній. Но послѣдуемъ за Мейеромъ (стр. 93, 94).

По упрочившемуся въ церковной литературѣ представленію главной виновницей грѣхопаденія была Евва; Амвросій медиоланскій говоритъ, что её поразили три «*infectae sagittae diaboli*» (= стр.

¹⁾ Schwartz (Noch einmal der himmlische Licht- oder Sonnenbaum, eine prähistorische Weltanschauung, въ Zeitschrift f. Völkerpsychologie XX, 1-er Heft, стр. 89 слѣд.), вводящій въ сравненіе съ Иггдразилемъ «всестѣмянное» древо парсійскихъ повѣрій (ср. Разысканія, вып. V, стр. 356), считаетъ Иггдразилъ свѣтовымъ, солнечнымъ, солнечно-облачнымъ деревомъ (стр. 115), на которомъ иногда покоятся вѣтеръ: Одинъ. Таково объясненіе разобранныаго выше мною въ *Návamál*. Иначе (стр. 117—118) висящій Одинъ приравнивается къ покоящимся въ (облачной) горѣ героямъ народныхъ преданій.

94); тотъ же Амвросій, говоря аллегорически о злой и доброй супругѣ одного и того-же человѣка, характеризуетъ первую въ чертахъ блудницы Соломоновыхъ Причтъ гл. 7 и вавилонской блудницы Апокалипсиса 17, 4 съ золотымъ кубкомъ въ рукѣ. Слагатель *Volspra*'ы соединилъ образы Еввы, пораженной тремя стрѣлами, и вавилонской блудницы въ одинъ; это *Gollveig* 10-й строфы, которую колють копьями и имя которой = Золотой кубокъ навѣявъ Иереміей 51, 7: Вавилонъ былъ золотою чашею въ рукѣ Господа, опьянявшею всю землю; народы пили изъ нея вино и безумствовали. Такъ и о *Gollveig*'ѣ говорится, что она чаровала обманно; названіе *heire* указываетъ на пониманіе ея, какъ чаровницы. О Вавилонѣ = золотомъ кубкѣ Иереміи сказано въ Апокал. 17, 16, что онъ будетъ сожженъ; такъ жгутъ и *Gollveig*'у; вавилонская блудница — *mater fornicationum et abominationum terrae* (Апок. 16, 5); Гульвейга — «утѣха злыхъ женъ».

Но Евва = вавилонская блудница обобщается еще въ представленіи сунамитянки Пѣсни Пѣсней, въ ея символическомъ пониманіи грѣшной души, черной, но красивой (I. с. I, 4), взысканной женихомъ-Спасителемъ. Гонорій въ *Autun* развилъ этотъ символизмъ въ своемъ Толкованіи на Пѣсню Пѣсней и въ *Speculum*; здѣсь, по мнѣнію Мейера, мы найдемъ объясненіе и первой войны на землѣ, о которой говорится, въ связи съ Гульвейгой, въ строфѣ 10-й; безъ Гонорія соответствующіе эпизоды *Volspra* — не мыслимы (стр. 98). Вотъ что находимъ во 2-мъ прологѣ къ *Expositio in Canticum Canticorum: Imperator supernae reipublicae volens habere heredem, genuit sibi Filium coequalem...* Qui ut filios posset habere regni coheredes, desponsavit ei Pater reginam et concubinam, i. e. angelicam et humanam naturam. Interea quidam princeps tyrannidem arripuit et similis altissimo esse voluit (Migne Patrol. lat. CLXXII, стр. 353). Этотъ князь — Lucifer, возмущеніе его и его сообщниковъ названо: *primum bellum... in aula (sc. coeli)* (I. с. 452), civile bellum (*Specul. Eccles.*, I. с. 1093). Пораженный архангеломъ Михаиломъ и сверженный съ неба, онъ продолжаетъ злоумышлять и совращаетъ человѣка,

котораго Господь устроилъ въ рай. Такъ какъ *regina angelica* отдалась насильнику, она принуждена раздѣлить его изгнаніе, тогда какъ *natura humana* призвана къ вѣнцу; но прежде чѣмъ вѣнецъ изготовленъ, первая обманно похищаетъ у второй ея украшеніе: послушаніе Божьей заповѣди, и *natura humana* въ свою очередь изгнана изъ рая, скитается на землѣ, и исполнцы вовлекаютъ её все болѣе и болѣе въ пороки, пока женихъ, сжалевшись надъ нею, ни истребилъ потопомъ ея враговъ и не отдалъ ея на воспитаніе—Ною (Ехрос. I. с. 353—4; Срес. I. с. 1034).

Это Гульвейга: Ева и вавилонская блудница, сунамитянка и *natura humana*, изгнанная и скитающаяся послѣ первой народной войны на землѣ: *primus bellum civile*; какъ объ Однѣ въ 13-й строфѣ говорится, что онъ метнулъ копьё, такъ и о царѣ Славы, который *sunt tyranne hujus mundi principe propra manu concreditur* (Срес. I. с. 1095). Замѣтимъ кстати, что у Гонорія это говорится—не о первой войнѣ на землѣ, а о Спасителѣ, извергшемъ въ преисподнюю князя міра сего.

Указанное объясненіе готовится и слѣдующее: война Азовъ съ Ванамъ, разрушившими ограду вокругъ замка Азовъ (строфа 13)—не что иное, какъ борьба падшихъ ангеловъ противъ Господа, притазавшихъ на одинаковую власть и почтеніе (строфа 12; сл. стр. 101). Ваны, въ сущности, альфы, идеализованные въ боговъ, но эта идеализація поздняя, общее имъ названіе Вановъ принадлежитъ изобрѣтенію позднѣйшихъ ученыхъ скальдовъ — что вовсе не доказано; ихъ борьба съ Азами сложилась по типу христіанскихъ представленій о возмущеніи ангеловъ, понятномъ, какъ ихъ война противъ Бога, хотя въ основѣ могли лежать какія-нибудь языческія преданія о распряхъ Вавовъ именно съ Азами (сл. стр. 102—108). Этихъ преданій мы не знаемъ; допуская ихъ существованіе, Мейеръ открываетъ вопросъ: на сколько ихъ содержаніе представило вліяніе созвучнаго, христіанскаго. Такое взаимодействіе онъ допускаетъ (стр. 110 слѣд.) для слѣдующаго эпизода *Völuspá*, строфы 14—15: намѣченныя въ нихъ событія принадлежать старому

индогерманскому мотиву, который въ прозаической Эддѣ рассказываетъ такимъ образомъ: боги договорились съ исполиномъ, что онъ построитъ для нихъ крѣпкій замокъ, а они отдадутъ ему за то Фрею, солнце и мѣсяцъ; по совѣту Локи они разрѣшили строителю пользоваться при этомъ помощью его жеребца Svabílfari. Уже постройка подходитъ къ концу — и боги задумались: кто это имъ посоветовалъ отдать великанамъ Фрею (дѣву Ода, Völ. 14), замутить воздухъ? Локи чувствуетъ вину за собой: обратившись въ кобылу, онъ увлекъ за собою исполинова жеребца, такъ что тотъ не былъ въ помощь своему хозяину, а боги, презрѣвъ клятвы, призвали Тора, который ударомъ молота отправилъ великана въ Nifheim. — Къ такому или подобному мѣру о созданіи замка присоединилось символическое толкованіе рассказа о вавилонскомъ столпотвореніи (стр. 108 слѣд.). Въ Быт. XI башню строятъ люди; Иосифъ Флавій (Ant. Jud. I, с. 5) ввелъ вмѣсто нихъ представленіе объ исполинахъ — и о Немвродѣ, въ которомъ Исидоръ Севильскій видѣлъ символъ дьявола. Но главнымъ показателемъ и здѣсь является Гонорій: у него (Summa Gloria, с. 2, l. с. стр. 1261) является «gigas, qui turrim Babel construxit contra Deum, in qua primus in mundo tyrannidem arripuit»; въ другомъ мѣстѣ (Spec. l. с. 1095) говорится о Спасителѣ, что онъ «Babyloniā publice rebellem cum rege suo omnique populo in stagnum ignis et sulphuris praecipitabit, sponsam suam hic diu peregrinam, imo captivam, gloria et honore coronans sibi copulabit». — Дѣю идетъ о невѣстѣ-церкви; Мейеръ (стр. 110), очевидно, предполагаетъ символизмъ плѣненной грѣхомъ души, captiva anima, ибо такимъ образомъ получается связь съ ея появленіемъ въ предыдущихъ строкахъ Volusrá: это знакомый намъ образъ natura humana, изгнанной въ пору первой борьбы на свѣтѣ изъ рая на землю, увлеченной въ грѣхъ гигантами, находящейся въ вавилонскомъ плѣненіи и подъ конецъ освобожденной; это Gollveig'a, вначѣ дѣва Ода, въ которой Мейеръ (стр. 112) открываетъ einen überwiegend christlichen Charakter, хотя именно она и не была въ плѣну какъ невѣста Христа: еѣ только объ-

щали отдать въ *награду* за построение замка — вавилонской башни, воздвигнутой *противъ воли* Божества, пославшаго на строителей смѣшеніе языковъ. Мейеръ усматриваетъ отраженіе в этой черты въ строфѣ 15-й: «нарушены были клятвы, обѣты, слова, договоры» и т. д. Это объясняется въ мифѣ появленіемъ Тора; но при чемъ тутъ смѣшеніе языковъ?

Едва-ли во всѣхъ этихъ параллеляхъ отличія не перевѣшиваютъ соответствій: послѣднія держатся и кажутся вразумительными лишь на столько, на сколько они приготовлены предыдущими толкованіями Гульвейги, которое авторъ сводитъ (стр. 114) къ слѣдующимъ общимъ чертамъ, отвѣчающимъ содержанию строфъ 10—15: невѣста Христова = человѣческая душа поддается грѣху и изгнана изъ рая въ пору первой мировой войны: возмущенія ангеловъ противъ Господа. Мѣсто плѣненія ея—въ Вавилонѣ, гдѣ она еще болѣе погрязаетъ въ грѣховности, а великаны — кощунствуютъ, возводя свою грозную постройку, пока Господь не вступился снова, смѣшавъ языки, низвергнувъ исполиновъ въ адъ, а невѣсту воспринявъ въ небесныя селенія къ возлюбленному, съ которымъ она такъ долго была разлучена.

Если и допустить это толкованіе, то оно вызоветъ тотчасъ же вопросъ—о композиціи *Völuspá*, о яркой противоположности строфъ 3—8 къ тѣмъ (стр. 10—15), которыя открываются появленіемъ Гульвейги. Содержаніе первыхъ эпическое и, по толкованію Мейера, библейское: рассказъ идетъ о созданіи свѣта и людей. Строфы о Гульвейгѣ продолжаютъ этотъ рассказъ: связь съ предыдущимъ — въ фактѣ грѣхопаденія, за которымъ должно послѣдовать изгнаніе прародителей, вавилонское столпотвореніе и т. д., но всё это является въ *символическомъ* обобщеніи, не считающемся съ послѣдовательностью фактовъ и смѣло соединяющемъ ихъ внѣ времени по идеѣ прообразованія. Изложеніе является не только пролептическимъ, захватывающимъ впередъ, что нерѣдко въ поэзіи Эдды, но предполагаетъ въ читателѣ знакомство съ событіями, едва намѣченными въ текстѣ: не зная мифа объ исполихъ и Фреѣ, нельзя понять ал-

люзіи на него въ 14—15 строфахъ; не зная библейскихъ сказаній и не будучи посвященнымъ въ капризные тайны средневѣковой символики, никто не понялъ-бы Гульвейги, въ одно и то-же время Еввы и грѣшной души и *salix augea* Вавилона — если всё это въ ней подразумѣвается. Публика, къ которой обращался христіанинъ, авторъ *Völusrá*, если она обходилась безъ его толкованія, была очевидно посвящена въ эти тайны и раздѣляла его вкусы къ причудливой маркетеріи изъ обрывковъ народного мѣта и библіи и христіанскихъ иносказаній.

Какъ видно, мы снова возвращаемся къ сомнѣнію, выраженному уже разъ: о психологической мыслимости такого автора и такой публики. Мы скорѣе представимъ себѣ перваго на такой стадіи двоевѣрія, въ которой языческой матеріалъ еще преобладаетъ, но уже открылся безсознательному вліянію христіанскихъ образовъ и вѣроученія. Подъ руками такого автора народный космогоническій мѣтъ сблизится съ библейскимъ, мировое древо приметъ формы райскаго—крестнаго, война Азовъ съ Ванамъ явится, быть можетъ, отраженіемъ легенды объ отпадшихъ ангелахъ и т. д. Съ этой точки зрѣнія мы поняли бы, что и Гульвейгу могли сблизить съ Еввой и т. д.; я плохо вѣрю въ это толкованіе, но полагаю вѣроятнымъ, что Гульвейга, трижды заколотая, трижды сожженная, принадлежала какому-нибудь, неизвѣстному вамъ языческому мѣту, прежде чѣмъ стать — *salix augea* Вавилона. Я, впрочемъ, не вижу особой нужды настаивать на значеніи *veig* = *salix* именно въ данномъ случаѣ, когда *veig* встрѣчается въ окончаніи и другихъ собственныхъ женскихъ именъ: *Þógvēig*, *Sólveig*, *Almveig*.

4 (*Спасеніе грѣшной души распятымъ Спасителемъ*). До сихъ поръ вѣщательница говорила отъ себя въ первомъ лицѣ: я знаю; въ строфѣ 16-й она снова заявляетъ о себѣ, но въ третьемъ: Она знаетъ. Такое чередованіе, повторяющееся и далѣе (сл. строфы 20 и 21), объясняется особенностями пророческаго стиля (стр. 115). Новыя видѣнія, наполняющія 16—18 строфы, переносятъ насъ, между воспоминаніями прошлаго и откровеніями о грядущемъ.

щемъ, къ центральному таинству христіанства: таинству креста и эвхаристіи. Выше (стр. 4 слѣд.) мы сообщили содержанія этихъ видѣній и нашъ взглядъ на экзегетическіе приемы г. Мейера. Затрудненіе представляетъ слѣдующее: на стр. 115 Мейеръ говоритъ, что въ 16-й строфѣ выступаетъ *volva*, на стр. 130—1 оказывается, что въ 16—19 строфахъ является не она—а та-же Евва, невѣста Христова, душа или *Vita*, Церковь: она то и созерцаетъ распятіе и воду, истекающую отъ ребра Спасителя; она-то въ строфѣ 17-й сидитъ одиноко, когда старый, грозный Азъ пришелъ и посмотрѣлъ ей въ глаза. Мейеръ сравниваетъ Гонорія *Expos. in Cant. Cant. l. c.* стр. 360, 361, 379: *Fidelis anima, sponsa Christi, cogitans ubi fuerit, ubi erit, ubi sit, ubi non sit, scilicet, quod in originali et actuali peccato fuerit, quod in tremendo iudicio Dei erit, gemens et tremens dicit. . . Ille qui in mea carne in dextera Patris sedet, meus advocatus, justus iudex me de peccatis dolentem, de iudicio suo trementem, visitando osculetur. . . Christus in carne adveniens dicit-sponsae. . . O anima mea, cui omnia secreta mea nota feci. . . quia oculi tui sunt simplices ut oculi columbarum, scilicet ut prophetae et apostoli.* — Такъ сидитъ, въ указанныхъ строфахъ, и *sponsa Vqlusrá*'ы, когда къ ней приходитъ старый Азъ: ветхій деньми Даниила 7, 15, какъ полагаетъ (стр. 132) толкователь, указывающій, что уже въ Апокалипсисѣ I, 13 (—14) этотъ эпитетъ приложенъ къ Христу, что, однако, не оправдывается текстомъ. Дальнѣйшія подробности о сѣверной «*sponsa*» также возводятся къ Пѣснѣ Пѣсней и комментарию Гонорія: «Сыновья матери моей разгнѣвались на меня, поставили меня стеречь виноградники» (I, 5), говоритъ невѣста Пѣсни Пѣсней; оттого одиночество и жалобы сѣверной *sponsa*, объясняетъ Мейеръ (стр. 132), находя знаменательнымъ вопросъ, съ которымъ въ 17-й строфѣ поэмы она обращается ко многимъ: О чемъ спрашиваете, о чемъ пытаете меня? — Мейеръ, очевидно, имѣетъ въ виду «сыновей матери»; но если въ Пѣсни Пѣсней вопросъ обращенъ къ нимъ, то въ *Vqlusrá* онъ не только не знаменательнъ, а и непоимъ-

тень. — Ближе къ Пѣснѣ Пѣсней и ея комментаріямъ черта, что (въ строфѣ 19) Одинъ даетъ «невѣстѣ» кольца и ожерелья и даръ мудрыхъ рѣчей и вѣщихъ прорицаній. Сл. Пѣсн. Пѣсн. I, 9: шея твоя въ ожерельяхъ; 10: золотыя подвѣски мы сдѣлаемъ тебѣ съ серебряными блестками. Гонорій I. с. стр. 376, 375 толкуеть: ожерелье — «interior sensus, variis sententiis et pretiosis lapidibus insignitus, inauris ejus est obedientia, auro sapientiae et argento scientiae decorata». Всё это иносказаніе очутилось въ сѣверной переработкѣ—мудрыми рѣчами и вѣщими прорицаніями: онѣ то даютъ невѣстѣ возможность далеко видѣть въ будущемъ—которое и раскрывается намъ далѣе, до конца поэмы, въ рядѣ широко-очерченныхъ видѣній: отъ «кровавой» жертвы Спасителя до обновленія земли по кончинѣ міра. И этотъ планъ предвосхищенъ Гоноріемъ (I. с. стр. 376) въ другомъ мѣстѣ его толкованій на Пѣсню Пѣсней I, 10: *Aurum, id est faciem meam in praesenti vita non poteris videre, sed similitudinem coelestis claritatis per illuminationem Scripturarum videbis per speculum in aenigmate, donec omnibus appareat, quod nunc latet in divinitate.* Если редакторъ Voluprá воспользовался этимъ указаніемъ, то сознательно или нѣтъ, понялъ его по своему: въ этой жизни ты не узришь лица моего, говорится въ комментарий, а лишь подобіе небеснаго свѣта въ иносказаніяхъ священнаго писанія. Но вмѣсто нихъ передъ нами развертывается рядъ—*видѣній*. Кому онѣ представляются—вотъ вопросъ, созданный толкованіемъ Мейера: если въ строфахъ 16—19 образъ vqlva'ы уступилъ мѣсто душѣ, невѣстѣ Христовой, и ей именно дается даръ пророчества и видѣній, то и слѣдующія должны принадлежать ей, а не vqlva'ѣ. Оказывается однако (стр. 133), что мы ошиблись: пророчица 19-й строфы всё та-же вѣщая жена, и мы не можемъ не показать, что авторъ не объяснилъ намъ подробнѣе свой взглядъ на это загадочное чередованіе или, быть можетъ (?), смѣшеніе двухъ представленій въ одномъ образѣ.

Въ томъ, что пророчить на первыхъ порахъ vqlva, Мейеръ дѣлаеть нѣсколько значительныхъ выключеній, вѣняя ихъ по-

дѣйшей интерполирующей переработкѣ. На сколько эти выключенія мотивируются соображеніями стиха и стиля — мы ихъ не касаемся, ибо это вопросъ обоюдоострый, допускающій широкій, личный произволъ. Такъ напр. устраняется строфа, открывающая рядъ видѣній: о валькиріяхъ, несущихся издалека на землю, устраняется, какъ шестистрочная (что, можетъ быть, и поправимо) и сознательно мифологизирующая, что не въ стилѣ составителя *Völuspá*, хотя, замѣчаетъ Мейеръ (стр. 134), явленіе валькирій и шло-бы, какъ зловѣщее знаменіе, къ раскрывающейся затѣмъ катастрофѣ: роковой долѣ Бальдра-Христа и наказанію Локи-Сатаны. Но вотъ что представляется необъяснимымъ — въ объясненіяхъ Мейера, если также не забѣгать къ концу его книги и не ознакомиться съ воззрѣніями автора на личность интерполатора *Völuspá*: судьба Бальдра и Локи внушена Апокалипсисомъ гл. 19, 11—20, 3; въ 14-й главѣ являюся одинъ за другимъ 6 ангеловъ, вѣщающихъ грядущій судъ, въ 16-й — семь ангеловъ, изливавшихъ на землю чаши Божія гнѣва. Мейеръ считаетъ возможнымъ, что именно эти апокалипсическіе ангелы и внушили интерполатору образъ его валькирій (стр. 136), что, стало-быть ему былъ извѣстенъ источникъ, которымъ пользовался для даннаго эпизода авторъ *Völuspá*, и онъ обратился къ нему-же, чтобы пополнить картину, но заимствованіе замаскировалъ — образомъ воинственныхъ дѣвъ сѣвернаго мифа. Это возможно, но обусловлено рядомъ такихъ искусственныхъ комбинацій, что граничатъ — съ нелогичностью.

За вычетомъ валькирій, *völva*'ѣ видѣтся тайная судьба сына Одина, Бальдра, «*кровью обареннаго бога*»; такъ понимаются слова: *blórugt tívorr* (стр. 137—8). Сл. Апок. 19, 13: Онъ былъ облеченъ въ одежду, *обаренную кровью*. — *Baldr* въ сложныхъ словахъ (*folk-*, *her-baldr*) означаетъ: *юснодимъ*, князь; сл. Апок. 19, 16: царь надъ царями и *Господь надъ юснодами*. Къ этому сводится всё, что о Бальдрѣ = Христѣ заимствовалъ изъ Апокалипсиса авторъ *Völuspá*, ибо для критики послѣдней не имѣютъ

значенія сопоставленія (стр. 138—9) другихъ подробностей Апокалипсиса о Христѣ—съ чертами, которыми въ сѣверномъ мифѣ изображался Бальдръ.

Интерполяторъ Völuspá не могъ удовлетвориться сдержаннымъ, краткимъ указаніемъ автора (сл. стр. 156: nach seiner discreten, knarpen Weise) на «тайную судьбу сына Одинова, Бальдра, кровью обогрениаго бога»—и развилъ его изъ другихъ, очевидно, общезвѣстныхъ мифовъ, ибо ихъ содержаніе онъ лишь намѣчаетъ. Рассказывали, что желая отвратить отъ Бальдра смертную долю, его мать, Фригга, взяла клятву со всего на землѣ, звѣрей и растений и камней, съ огня и воды, болѣзней и ядовъ—что они не стануть вредить Бальдру; забыта была одна лишь омега. Боги радуются и въ шутку начинаютъ метать въ Бальдра чѣмъ попало, а Локи направилъ руку слѣпаго Норг'а, брата Бальдрова, вооруживъ его вѣткой омелы: она попала въ цѣль, и Бальдръ палъ мертвымъ.—Мейеръ (стр. 156 слѣд.) принимаетъ толкованіе этого мифа, предложенное Бугге: Норгъ—это слѣпой Лонгинъ поздней христіанской легенды, копьемъ прободшій, по наущенію дьявола, распятаго Спасителя; Апокалипсисъ I, 7 говоритъ о многихъ, *произвошихъ его*; съ этимъ слилась память о многихъ, истязавшихъ Христа въ преторіи (?). Все это отложилось въ сѣверномъ мифѣ образами Бальдра = Христа, Норг'а = Лонгина, Локи = дьявола и стрѣляющихъ въ запуски боговъ. Еврейское Toledoth Jeshu, полемическое сочиненіе противъ христіанства, составившееся, быть можетъ, уже въ IV—V вѣкахъ, дало новыя черты: по сообщаемой здѣсь легендѣ Іешу = Іисусъ беретъ клятву со всѣхъ деревьевъ, почему, когда его хотять повѣсить, предварительно убивъ его камнями, ни одно не держитъ его, ибо раскалывается въ щепы; тогда Іегуда (Иуда) приноситъ изъ своего сада заблаговременно приготовленное имъ особое дерево (кочерышку капусты), на которомъ и вѣшаютъ Христа. Эта кочерышка очутилась на сѣверѣ—вѣткой омелы.

Слѣдующая за тѣмъ подробность, также внесенная, по мнѣнію Мейера, интерполяторомъ (стр. 159—161), остается загадоч-

ной, и самъ Мейеръ отчаявается въ ея объясненіи. Кто этотъ однонощный сынъ Одина, убивающій противника, врага Бальдра? И кого разумѣть подъ врагомъ? Мейеръ разбираетъ этотъ вопросъ въ связи съ разночтеніемъ, принятымъ Мюлленгофомъ; вмѣсто двухъ первыхъ стиховъ (нашей) 21-й строфы, Мюлленгофъ читаетъ:

rá kná Vala vígbond snúa,
heldr vora harðgöf höpt öf þorðóm.

Если вѣрна конъектура Бугге къ Baldrgdgaumr 11, то Vali или Váli и есть тотъ таинственный сынъ Одина. Въ такомъ случаѣ онъ, очевидно, убиваетъ не Лонгина = Норг'а, и подъ врагомъ Бальдра разумѣется Локи = Сатана. Мейеръ предполагаетъ, вмѣстѣ съ Выборгомъ и другими, что Vali = избранный сложился по образу Михаила = *dux electorum*, къ чему могли быть приобщены и нѣкоторые черты, служащія къ характеристикѣ Христа. Михаилъ дѣйствительно представлялся противникомъ дьявола какъ *ἐξουῖν*; но представлялся-ли онъ братомъ Христа, какъ Сатанамъ богумильскаго вѣрованія? Къ строфѣ 21-й мы еще вернемся, а пока не можемъ не посѣтовать на Мейера, что онъ ни однимъ словомъ не объяснилъ намъ поводовъ, заставившихъ его признать интерполированными строфы, содержаніе которыхъ мы только что разобрали. Причины такого пониманія и выключенія я не вижу — и убогимъ представляется намъ измышленіе составителя *Völuspá*, ограничившаго свои заимствованія изъ Апокалипсиса двумя эпитетами и сведшаго свои вѣщанія о крестной смерти Спасителя къ такой непоэтической строфѣ: «Я знаю Бальдра, обогрѣннаго кровью бога, сына Одина, тайную судьбу. Фригга плакала въ Фенсалахъ о горѣ Валгаллы». Фригга здѣсь, очевидно, Богородица, говоритъ Мейеръ; въ основѣ облачная богиня = мать, представлявшаяся во время дождя плачущей въ своихъ облачныхъ палатахъ, *Fensalir?* (стр. 153).

Изъ того, что слѣдующая 21-я строфа снова возвращаетъ насъ, по мнѣнію Мейера, къ Апокалипсису, мы вправѣ, быть

можно, заключить, что поводомъ къ указаннымъ выше аттезамъ было — единство предполагаемаго источника, связывающаго образъ обогрѣннаго бога — съ образомъ его связаннаго противника; отсюда — заключеніе, что все рассказанное посредникъ, какъ слѣдующее другимъ преданіямъ, не принадлежитъ тому-же автору.

21-я строфа открывается двуступишемъ:

Hart sé liggja und hvera lunde
áégjarnlika, Loka óþekktan.

«Она видѣла связаннаго, лежащаго въ лесу горячиаго ключа, образъ коварнаго, ненавистнаго Локи». Такъ понимаютъ hvera lundr: лѣсъ, мѣстность съ горячими ключами, Мюлленгофъ и Бугге, имѣя въ виду извѣстныя явленія исландской природы. Такъ какъ это указаніе на Исландію отнесло-бы составленіе Völuspá ко времени послѣ 1000-го года, что не согласно съ воззрѣніями Мюлленгофа, то онъ и предпочелъ внести въ свой текстъ указанное выше разночтеніе. Если принять въ немъ Vali за названіе Одинова сына и читать въ первомъ стихѣ upáak вмѣсто upáa, мы получимъ такой смыслъ: «Тогда сновались бранныя пути Вали, очень крѣпко были сдѣланы цѣпи изъ кишекъ». Сл. къ этому Gulþag. § 54, гдѣ, впрочемъ, Vali является сыномъ Локи. Если не считаться съ этимъ толкованіемъ, какъ позднимъ и фантастическимъ (сл. Мейеръ 161), то изъ обоихъ вариантовъ двуступишій получится такой смыслъ: «Локи лежалъ, связанный крѣпкими путями Вали». Мейеръ (139) указываетъ на Апокалипсисъ 20, 1—3: «И увидѣлъ я ангела, сходящаго съ неба, который имѣлъ ключъ отъ бездны и большую цѣпь въ рукѣ своей.—Онъ взялъ дракона, змія древняго, который есть диаволь и сатана, и сковалъ его на тысячу лѣтъ. — И низвергъ его въ бездну и заперъ его и приложилъ печать». Напомнимъ, что въ Апок. 12, 7 сказано: «И сдѣлалась на небѣ война. Михаилъ и ангелы его воевали противъ дракона, и драконъ и ангелы его воевали. — 9 И низверженъ большой драконъ, древній змій, который называется диаволь и сатана. . . на землю».

Мейеръ, относящій составленіе Völuspá къ значительно

богѣ позднему времени, не пугается «гѣса горячихъ ключей»; но и не удовлетворяется и заключающимся въ нихъ указаніемъ на исландскія отношенія. Нвега lundr напоминаетъ ему евр. Du-dael = котловина Божія отреченной книги Эноха (стр. 141), ибо hvegr означаетъ не только горячій ключъ, но и котелъ. Книга Эноха служитъ автору точкой отправленія для объясненія не только связаннаго Локи, но и его мифическаго отродья: волка Фенри, мірового змѣя и Гелы. Комментируя эти образы, Мейеръ по необходимости переходитъ за предѣлы того, что о нихъ сообщаетъ текстъ Volurá; тѣмъ не менѣе его соображенія интересны, хотя получены они нерѣдко путемъ натяжекъ. Въ результатѣ ихъ Локи оказывается—падшимъ ангеломъ Азазіелемъ, что, какъ увидимъ, не много прибавляетъ къ предположенному Бугге отождествленію: Локи = Луцифера; міровой змѣй = Левиафаномъ, что также высказано было и другими, хотя и не такъ полно мотивировано.

Отрывки, приводимые авторомъ изъ книги Эноха, у него разбросаны. Я сообщу ихъ въ связи ¹⁾.

Когда размножились сыны человѣческіе и у нихъ родились красивыя дочери, сыны неба, ангелы прельстились ими и родили отъ нихъ дѣтей—исполюновъ. Главнымъ начальникомъ и вождемъ падшихъ ангеловъ является Самъїяза: Исполны пожирали все, что производили труды людей, бросаясь и на нихъ и на звѣрей, чтобы пожирать ихъ, такъ что земля возстала на нечестивыхъ. А отъ падшихъ ангеловъ распространилось развращеніе по всей землѣ: Азazelъ научилъ людей дѣлать мечи, ножи, щиты, брони, зеркала, запястья и разные украшенія; научилъ расписывать брови, употреблять драгоценныя камни и всякаго рода украшенія; Амесаракъ научилъ волшебству и очарованіямъ и т. д. Тогда Михаэль, Гавріилъ, Рафанъ и Уріилъ, увидѣвъ на землѣ

---

¹⁾ См. Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 201 слѣд.; Смирновъ, Книга Эноха (Казань, 1888), стр. 270 слѣд.

потоки крови и всякія злодѣянія, возвѣстили Всевышнему о томъ, что сдѣлали падшіе ангелы. Тогда Всевышній послалъ Арсѣялайюра къ сыну Ламеха: Возвѣсти ему отъ моего имени объ угрожающемъ великомъ разрушеніи — ибо вся земля погибнетъ; воды потопа разольются по всей землѣ, и все, что на ней, погибнетъ. Но ты укажи ему, какъ онъ можетъ спастись. — Потомъ Господь сказалъ Рафану: Свяжи Азазела ¹⁾ и положи его во мракъ; сдѣлай отверстіе въ пустынѣ, которая находится въ Дудаселѣ, и опусти его туда. И положи на него грубый и острый камень и покрой его мракомъ, чтобъ онъ оставался тамъ навсегда, и закрой ему лицо, чтобы онъ не смотрѣлъ на свѣтъ. И въ великій день суда онъ будетъ брошенъ въ жаръ (въ геенну). — Подобное порученіе дано Гаврину — и Михаилу, который долженъ возвѣстить Самъязѣ о наказаніи, ожидающемъ его и его сообщниковъ въ преступленіи: «свяжи ихъ подъ холмами земли на 70 родовъ до дня суда надъ ними и до окончанія родовъ».

Въ 54-й главѣ Энохъ видитъ долину, горящую пламенемъ; тамъ были орудія, цѣпи желѣзныя безмѣрнаго вѣса: они приготовлены для воинства Азазела, когда ангелы бросятъ ихъ въ горящую печь, въ наказаніе за ихъ преступленія. Въ день суда надъ нечестивыми выйдутъ пожирать ихъ два чудовища, одно мужскаго, другое женскаго пола. Чудовище женскаго пола называется Левіаѳаномъ, оно обитаетъ во внутренностяхъ моря, надъ источниками водъ; чудовище мужскаго пола называется Бегемотомъ; оно живетъ въ необитаемой пустынѣ Денданнѣ.

Откровенія Ноя, наполняющія 65—69-ую главы книги Эноха, повторяютъ съ отличіями кое-что изъ рассказаннаго выше: перечисляются имена падшихъ ангеловъ, но въ перечнѣ есть отличія и колебанія; первымъ обозначенъ Самъязъ. Въ 85-й

---

¹⁾ Въ книгѣ Левитъ по еврейскому тексту 16, 8 именемъ Азазелъ называется козелъ отпущенія. У магметанъ Азазелъ— имя высшаго ангела, который послѣ паденія названъ сатаномъ. Порфирьевъ, I. с. 202, прим. 1; Смирновъ, I. с., стр. 277 прим. къ 8-й главѣ.

и слѣд. главахъ, въ иносказательномъ видѣніи, представляющемъ, въ подражаніе книгѣ Данила, всѣхъ людей подъ образомъ животныхъ, вновъ пересказывается легенда о смѣшеніи падшихъ ангеловъ съ дочерьми человѣческими — и ихъ наказаніи. Эпохъ видитъ вышедшаго изъ земли бѣлаго тельца = Адама, теллицу = Еву, чернаго и краснаго тельцовъ = Каина и Авеля и т. п.; тельцами являются и потомки Каина и Сива, черные и бѣлые. Нѣсколько звѣздъ упало съ неба, стали пастись среди воловъ и съ телицами, зачавшими отъ нихъ слововъ, верблюдовъ и ословъ. Эпоху представляется въ свовидѣніи Божій судъ надъ неправедными: четыре бѣлыхъ мужа сходятъ съ неба, схватываютъ звѣзды, испавшія съ неба, и бросаютъ ихъ въ пропасть земли.— Далѣе то-же иносказаніе продолжается: бѣлымъ тельцомъ является и Авраамъ; отъ него родились онагръ и бѣлый волъ: Измаиль и Исаакъ; отъ бѣлаго вола родились черный вепрь и бѣлая овца: Исавъ и Иаковъ и т. д.

Обратимся къ попыткѣ Мейера: истолковать видѣніями Эпоха мнѣ о наказаніи Локи и вообще мнѣ о немъ. Онъ видитъ въ немъ отраженіе Азазела, котораго возводитъ въ главы падшихъ ангеловъ (стр. 140—141), что не оправдывается текстомъ Видѣній. Азазелъ научаетъ людей дѣлать мечи, ножи, зеркала и т. д.: Локи заставляетъ дверговъ изготовлять подобныя-же подѣлки—но для боговъ, замѣчаетъ Мейеръ (стр. 142), что далеко не то-же, какъ и наказаніе Азазела далеко не отвѣчаетъ карѣ, постигающей Локи въ *Völuspá* и *Снорровой Эддѣ* (стр. 140); соблазнительнымъ, въ смыслѣ сближенія, является лишь этимология *Dudael: hvega lundr*. И далѣе Мейеръ выдѣляетъ Азазела изъ сонма падшихъ ангеловъ, ибо лишь при такой постановкѣ мыслииъ его параллелизмъ къ Локи. Порожденіями Локи является конь *Одина*, *Sleipnir*¹⁾, чудовища: волкъ *Фенри* и миро-

¹⁾ Мейеръ, стр. 142, указываетъ еще на мнѣ, по которому Локи преобладалъ надъ землемъ въ видѣ теллицы коровы. Разумѣется, въ *Ратнвю*, *Лока-вевла* 28, гдѣ *Одиль* говоритъ Локи: восемь мнѣ былъ ты надъ землемъ *skut*

вой змѣй — и Гела-смерть; ангелы, падшіеся съ смертными женами (Мейеръ, стр. 148, выдѣляетъ и здѣсь, но безъ видимаго права, Азазела), порождаютъ исполиновъ, по Синкеллу: гигантовъ, «гиганты же родили Нафлимовъ, а у Нафлимовъ родились Елиуды» (стр. 141); о Бегемотѣ и Левіаѳанѣ нѣтъ рѣчи. Между тѣмъ Мейеръ (стр. 149) выражаетъ гипотезу, что Бегемотъ и Левіаѳанъ лишь другое выраженіе для гигантовъ и ихъ отродья, и получаетъ соотвѣстствіе: Бегемотъ, Левіаѳанъ и Eliud = Фенри, міровой змѣй и Гела, покои которой и зовется въ *Gulf. 34: Eljūðnir: Eliud* (стр. 150). Ясны поводы къ такому сближенію, видимо держащемуся на заманчивомъ созвучіи: *Eljūðnir = Eliud*: Мейеръ припомнилъ слоновъ, верблюдовъ и онагровъ, порождаемыхъ падшими ангелами — и Азазеломъ; такимъ-же звѣриннымъ типомъ отличается и отродье Локи. Но не надо забывать, что въ книгѣ Эноха эти образы не заключаютъ въ себѣ ничего отрицательнаго, чудовищнаго: дѣло — въ иносказаніи, простирающемся и на Адама — вола и на овцу — Іакова, что не даетъ повода ни къ какимъ заключеніямъ — въ смыслѣ Мейера. Если намъ отвѣтятъ, что виноватъ въ такомъ пониманіи не Мейеръ, а авторъ *Völuspá*'ы, то это прибавитъ лишь новую загадочную черту къ его литературной личности, какъ представляетъ её себѣ Мейеръ. Чѣмъ она исключительнѣе, тѣмъ менѣе вмѣняема; за то не вмѣняема — и критикѣ.

Со всѣмъ тѣмъ мы не отрицаемъ вліянія библейско-христіанскихъ Бегемота и Левіаѳана на какія-нибудь народныя зооморфическія представленія, давшія въ результатѣ образы Фенри и міроваго змѣя. Я только говорю, что эти сближенія, уже давно сдѣланныя, получены были не на почвѣ — книги Эноха. Въ какомъ видѣ стала ова извѣстна автору *Völuspá* — Мейеръ не поясняетъ: знакомая писателямъ первыхъ вѣковъ христіанства,

---

volkandi ok kona, что можно перевести: доящимъ коровъ и женою (т. е. въ образѣ доящей жены), либо: дойной коровой и женою. Мыслимо единственно первое, хотя относящагося сюда мнѣя мы и не знаемъ.

она извѣстна была впослѣдствіи, до открытія ея эоіопскаго текста въ 1773 году, лишь по отрывкамъ, помѣщеннымъ въ хроникѣ Георгія Синкелла.

Послѣ долгаго экскурса, вызваннаго таковымъ-же у Мейера, вернемся къ 21-й строчкѣ *Völuspá*: Локи лежитъ, связанный, у него сидитъ, нерадостная, жена его Сигинь. Сноррова Эдда (сл. стр. 154 слѣд.) досказываетъ: надъ Локи повѣшена змѣя, ея ядъ капаетъ на узника, но Сигинь не даетъ каплямъ дойти до него, собирая ихъ въ подставленную чашу. Мейеръ полагаетъ (стр. 155), что авторъ книги Эноха, создавая своего Азазела, погрязшаго подъ камнями, имѣлъ въ виду—Атласа, наказаннаго тѣмъ, что онъ обреченъ выносить тяжесть неба, и что авторъ *Völuspá*, преобразивъ Азазела въ Локи, обратился къ тѣмъ подробностямъ античнаго мифа, которые обойдены были книгой Эноха — и создалъ образъ Сигины, собирающей капли яда, изъ легенды о дочеряхъ Атласа, которыя усыпляютъ змѣю, обвивавшую древо Гесперидъ, напаяя её изъ чаши соннымъ зельемъ. Самое имя Сигины не что иное, какъ искаженіе Гезіоны, жены Атласа. Далѣе (стр. 298) Мейеръ отказался отъ этого отождествленія—не отъ уравненія: Атласа: Азазела: Локи, относительно котораго мы повторимъ сомнѣніе, уже выраженное при другомъ случаѣ: мыслимо-ли, чтобы перескащикъ или подражатель (въ данномъ случаѣ авторъ *Völuspá*) могъ такъ вѣрно угадать источникъ (мифъ объ Атласѣ) своего оригинала (книга Эноха), не смотря на покровъ парафраза, что въ состояніи былъ обратиться къ нему самостоятельно съ цѣлю новаго заимствованія? Даже Мейеръ не можетъ воздержаться отъ выраженія своего удивленія (*Ueberraschung* стр. 155) къ такой проникательности.

5 (*Адъ и Рай*). Пророческія видѣнія «свѣсты», «души», въ предыдущемъ отдѣлѣ свелись къ немногому: видѣнію обогрѣннаго кровью Бога, о которомъ плачетъ Фригга-Марія, и связаннаго Локи-Азазела, у котораго сидитъ жена его Сигина. Непосредственно за тѣмъ мы переносимся въ строкахъ 22—25 къ

образамъ райа и ада и раздѣляющей ихъ рѣки — какъ и въ христіанскихъ легендахъ обѣ области представляются сосѣдствующими другъ съ другомъ и также отдѣленными другъ отъ друга стѣной либо рѣкой (стр. 162). Страннымъ кажется, что имѣя въ виду такой распорядокъ, авторъ *Völusrá* началъ съ образа именно рѣки (строфа 22), страшной (*Slipr*; сл. стр. 165), влачащей ножи и мечи: подробность, напоминающая Мейеру (стр. 163) сходный образъ въ видѣніи Годескалька — и Виргилиевъ (Aen. 6, 540, 199) Флегетонъ, влекущій *vorantia* саха: онъ почти готовъ предположить (стр. 165), что *сдохом* (ножами) сѣвернаго текста могло быть подсказано созвучнымъ *саха* Энеиды!

И такъ рѣка, адская, течетъ съ востока; такъ въ 22-й строфѣ, второй половины которой не достаетъ — и это затрудняетъ отвѣтъ на вопросъ: относительно рѣки или чего другого опредѣляется положеніе палатъ, описанныхъ въ слѣдующей, 23-й строфѣ. Одна изъ нихъ, золотая, стоитъ въ *Niravelli* къ сѣверу, другая въ *Ókolni*. *Müllenhoff* (*Deutsche Alterthumskunde* V, I, стр. 118) говоритъ, что выраженіе «къ сѣверу» имѣетъ въ виду вѣщающую *volva*'у: къ сѣверу отъ нея. Мейеръ не касается этого вопроса, представляющагося, именно съ его точка зрѣнія, существеннымъ: если рѣка и дворцы и все слѣдующее въ этомъ отдѣлѣ принадлежитъ христіанскому представленію, то обязательно было сосчитаться съ его топографіей. Я не помню, чтобы она помѣщала жилища блаженныхъ — на сѣверѣ, а, по видѣнію автора, дворцы 23-й строфы являются именно таковыми: золотая палата и пиршественный, ближе: пивной покой, покой, гдѣ пьютъ. Синдри и Бримиръ — языческія арабески на постройкѣ христіанскаго характера: Синдри — показатель рода дверговъ, ковачей, извѣстныхъ своими подѣлками изъ золота; его имя и явилось въ связи съ золотой палатой, точно также какъ имя Бримира, старосѣвернаго великана, владѣтеля пивнаго котла, связалось естественно съ образомъ пиршественнаго покоя. Въ сущности золотая палата и покой, гдѣ пьютъ, принадлежатъ Видѣнію апостола Павла: онъ видитъ *городъ* блаженныхъ съ 30-

лотыми вратами, страну чистыхъ сердцемъ, блестящую паче золота и серебра, наконецъ *градъ* Божій съ рѣками меда, молока, елея и вина, уготованными для праведныхъ. Городъ съ золотыми вратами очутился золотой палатой, рѣки вина и т. д. дали сюжетъ для палаты Бримира. Остается вопросомъ: почему эти покои стоятъ на сѣверѣ и именно въ Níðavelliḡ, т. е. въ *темныхъ долинахъ*: zu Finsterfelden, какъ переводитъ Müllenhoff (I. с. стр. 118)? Название пиршественнаго покоя Ókólnir: «не холодный» вызываетъ у Müllenhoff'a (I. с. стр. 120) идею никогда не замерзающаго океана, у Мейера (I. с. стр. 167) ничѣмъ не мотивированную параллель изъ книги Эноха 14, 9: образъ небесной палаты, окруженной пламенемъ и вмѣстѣ холодной, какъ ледъ, и изъ Беды: представленіе адскаго огненнаго и вмѣстѣ студенаго аѣтра (стр. 168).

Христіанскіе мотивы подсказывались всякому, читавшему строфу 23-ю и слѣд.; одно время мнѣ казалось вѣроятнымъ, что аллитерація: porran — Níðavollum явилась по ошибкѣ вмѣсто другой: austan—Íravollum; Íravelliḡ—знакомое намъ изъ Völuspá выраженіе для рая — Эдема, который представляли себѣ на Востокѣ. Я ставлю это, какъ гипотезу, имѣя въ виду и другое рѣшеніе вопроса, о чемъ далѣе; темныя долины и «не-холодная» палата *на сѣверѣ* во всякомъ случаѣ не идутъ къ представленію обители блаженныхъ, тѣмъ болѣе, что, какъ говоритъ Мейеръ (стр. 169), на сѣверѣ представляли себѣ именно адскія селенія. Онѣ описаны въ строфѣ 24-й: если о нихъ говорится, что ихъ двери обращены къ сѣверу, тогда какъ имъ естественнѣе открываться къ югу—для приходящихъ, то Мейеръ (стр. 169—170) усматриваетъ въ этомъ отраженіе книги Іезекііля — съ толкованіями блаженнаго Іеронима, которымъ, какъ оказывается, нерѣдко пользовался составитель Völuspá. Именно толкованія Іеронима могли дать поводъ перенести на тотъ свѣтъ видѣніе пророка, имѣвшее въ виду — иносказательное изображеніе дѣйствительности, Іерусалима и Іерусалимскаго храма. Огненный мужъ поднялъ Іезекііля «между землею и небомъ и принесъ меня

въ видѣніяхъ Божіихъ въ Иерусалимѣ ко входу внутреннихъ вратъ, обращенныхъ къ сѣверу» (VIII, 3); онъ велитъ ему войти и посмотрѣть на мерзости, какія тамъ дѣлаются: «И вошелъ я и вижу, и вотъ всякія изображенія пресмыкающихся и нечистыхъ животныхъ, и всякіе идолы дома Израилева, написанные по стѣнамъ кругомъ» (VIII, 10): имъ поклоняются старѣйшины израильскіе. — Изъ главы XLVII 1—2 оказывается, что храмъ стоитъ лицомъ на востокъ, изъ подъ его праваго бока, по южную сторону жертвенника, течетъ вода также на востокъ; въ ту-же сторону ведетъ Іезекіиля и таинственный мужъ, выведя его изъ храма сѣверными воротами. «Когда тотъ мужъ пошелъ на востокъ, то въ рукѣ держалъ шнуръ и отмѣрилъ тысячу локтей и повелъ меня по водѣ; воды' было по лодыжку» (16, 3), на слѣдующую тысячу локтей ея было по колѣно, далѣе по поясищу, а далѣе нельзя было и идти. Эта вода сойдетъ въ равнину и войдетъ въ море, говоритъ мужъ, и воды его сдѣлаются здоровыми, и куда ни войдетъ этотъ потокъ, всё будетъ живо; по берегамъ его будутъ расти всякія дерева, листья ихъ не будутъ увядать, плоды не будутъ истощаться, и каждый мѣсяцъ созрѣвать новые. — Чтобы покончить съ Іезекіелемъ, замѣтимъ, что «мерзости», о которыхъ говорится въ главѣ VIII, слѣдуетъ связать, по мнѣнію Мейера, съ указаніями гл. XXXIII 25—6: «вы ядите съ кровію и поднимаете глаза ваши къ идоламъ вашимъ и проливаете кровь... Вы опираетесь на мечъ вашъ, дѣлаете мерзости, оскверняете одну жену другого, и хотите владѣть землею». — Толкуя эти видѣнія, бл. Іеронимъ усматривалъ въ потокѣ, текущемъ на востокъ, — воду жизни и церковнаго ученія, *поминая*, по этому поводу «*aquae turbidae, coenosae, amarae*», назначенныя для *haeretici, versipelles* и *fraudenti*.

У насъ въ рукахъ главные матерьялы, изъ которыхъ сложились образы 24—5 строфы: изъ покоя въ храмѣ со стѣнами, распланными изображеніями звѣрей и идиоловъ, сдѣлался адскій покой, сплетенный изъ змѣйныхъ хребтовъ; потокъ, текущій

на *восстокъ* сближается (стр. 169—70) съ рѣкой строфы 22-й, текущей *съ востока* и также непроходимой. Мученія грѣшниковъ именно въ адской рѣкѣ или рѣкахъ извѣстны изъ Видѣнія Павла (стр. 165) и средневѣковой легендарной литературы, но Мейеръ не дѣлаетъ заключеній, которыя естественно подсказываются при его сопоставленіи *Sligr'a* съ потокомъ Іезекіиля: какъ въ послѣднемъ пророкъ погрязаетъ по лодыжку, колѣна и т. д., такъ и въ видѣніи Павла, грѣшники караются неравномѣрнымъ погруженіемъ въ рѣку (*Aposcal. Pauli*, ed. Tischendorf, *Apos. aposc.* стр. 57). Дѣло въ томъ, что о *Слидрѣ* говорится въ 22-й строфѣ, о грѣшникахъ-же, бредущихъ въ тяжелыхъ волнахъ, въ 25-й, послѣ описанія адской палаты—и Мейеръ представляетъ себѣ, что эти волны находятся въ какомъ-то покоѣ, какъ у *Heinricus Salteriensis, Purgatorium Patricii* (стр. 167). Но къ такому пониманію образа ничего не обязываетъ.

Въ заключеніе этого обзора отмѣтимъ одно наше недоумѣніе: грѣшники 25-й строфы сближаются съ таковыми-же у Іезекіиля XXXIII, 25—26, гдѣ говорится и о человѣкѣ, оскверняющемъ жену другого. Тоже и въ 25-й строфѣ *Völuspa*—но въ стихѣ, признаннымъ за интерполированный, между прочимъ, и Мейеромъ. Г. Мейеръ (стр. 170) пораженъ не только этимъ совпаденіемъ вообще, но и тѣмъ, что и тамъ и здѣсь говорится въ единственномъ числѣ—о совратившемъ. Мы опять приходимъ къ вопросу о чудесной прозорливости интерполятора, и здѣсь съ точностью угадавшего источникъ, изъ котораго черпалъ авторъ сѣверной поэмы въ этомъ эпизодѣ.

Къ мученіямъ грѣшниковъ въ христіанскомъ аду относится и ихъ терзаніе, напр. змѣемъ. Въ 25-й строфѣ *Völuspa* роль терзающихъ звѣрей предоставлена волку и змѣю *Nírhoggr*. Въ волкѣ Мейеръ склоненъ признать германскій элементъ (стр. 169), но онъ не устоялъ противъ сближенія волка и *Nírhoggr'a* съ *Fenrig'омъ* и мировымъ змѣемъ, т. е., по его толкованію съ *Бегемотомъ* и *Левіаѳаномъ* библейскаго преданія. О послѣднихъ говорится, что на страшномъ судѣ они пожрутъ людей; но во

1-хъ въ 25-й строфѣ *Völuspá* дѣло идетъ не о страшномъ судѣ, а о наказаніи въ аду; во 2-хъ, по *Gylfaginning* не только Фенриръ, но и мировой змѣи падуть въ послѣдней битвѣ боговъ, и если 42-я строфа *Völuspá* ничего не говоритъ о гибели послѣдняго, то не потому, чтобы она ее игнорировала, а потому, что могла обойти, какъ известное, какъ и другіе мифы являются въ поэмѣ болѣе намѣченными, чѣмъ рассказанными. Въ такомъ случаѣ мировой змѣи не можетъ быть тождественъ съ *Nírhogg'*омъ 51-й, и прибавимъ, и 25-й строфы. Это сближеніе, во всякомъ случаѣ, должно быть оставлено, какъ ненужное.

6. Отдѣлъ (стр. 26—30), обособленный толкователемъ подъ заглавіемъ: *природныя знаменія страшнаго суда*, принадлежитъ къ самымъ запутаннымъ — и въ текстѣ и въ комментарий. Загадочная старуха, питающая на востокѣ отродье Фенрира (строфа 26), оказывается Вавилономъ Исайина пророчества и средневѣковыхъ представленій¹⁾: запустѣлымъ городомъ, обиталищемъ демоновъ и чудовищъ, откуда выйдетъ Антихристъ. Такъ сидитъ и старуха, питая отродье Фенрира, которое должно объявиться въ концѣ дней: одинъ изъ этого отродья похититъ мѣсяцъ, будетъ пожирать людей и — обогрѣтъ (ихъ) кровью сѣдалище боговъ. Послѣдній образъ — чисто риторическій, и нѣтъ никакихъ основаній видѣть въ немъ указаніе на атмосферическое явленіе побочныхъ солнцевъ, которыя въ Исландіи называли *solvaeg* или *solulv* (солнечный волкъ) и считали дурнымъ знаменіемъ (стр. 174). Какъ въ этомъ я несогласенъ съ *Müllenhoff'*омъ, такъ и въ слѣдующемъ толкованіи, также принятомъ Мейеромъ: что «единственный» похититель мѣсяца — именно Фенриръ. Едва ли можно представить себѣ, чтобы кто нибудь выразился такъ негѣпо: старуха питаетъ отродье Фенрира, изъ него будетъ одинъ — Фенриръ! Нечего и говорить, что вожираніе имъ людей снова вызываетъ параллель — Бегемота!

¹⁾ См. стр. 172—3 и къ библиографіи мотива о пустынномъ Вавилонѣ мои Разысканія, гл. XI, стр. 89 прил. 1.

Помрачение солнца и наступление вредоносныхъ временъ (строфа 27) являются и въ христіанскихъ легендахъ знаменіемъ грядущаго суда. Но это и все, что могло быть навѣяно библейско-христіанскими образами, ибо старуха = Вавилонъ принадлежитъ къ числу сблженныхъ, ничѣмъ не обоснованныхъ.

Она-же разумѣется подъ видомъ исполниши въ строфѣ 28-й, приводящей насъ, послѣ долгихъ блужденій въ области христіанской легенды и символики, на почву сѣвернаго мифа—ибо Эгтеръ, настыръ или стражъ исполниши, принадлежитъ ему, и мы выше (стр. 2) указали на значеніе, какое съ нимъ соединяетъ (Мюлленгофъ) и Мейеръ. Это демонъ вѣтра въ образѣ стража; какъ его нѣмецкій собратъ, близкій ему по имени, Eскевартъ или Eскехартъ, онъ сторожитъ область, полную блаженства и веселія—и предостерегаетъ отъ граничащей съ нею области смерти: онъ весело бряцаетъ на арфѣ въ лѣсу, полною «птичьяго клика» (Gaglviþr), и вмѣстѣ — онъ стражъ исполниши, т. е. предостерегаетъ отъ нея, отъ грядущихъ бѣдствій, какъ игривый вѣтеръ возвѣщаетъ страшныя грозы (стр. 177), Eскевартъ—приближеніе дикой охоты.

Это даетъ автору поводъ къ экскурсу объ этомъ повѣрѣ (стр. 179 слѣд.), который долженъ объяснить намъ не только содержаніе 28—30-й строфъ, но, неожиданно для насъ, и вставную строфу о норнахъ, о которой говорено было выше. И здѣсь интерполаторъ пошелъ на встрѣчу автору, хотя и не догадливо, ибо если его норны принадлежатъ мнѣ о Дикой охотѣ, имъ не слѣдовало являться раньше и внѣ связи съ нею (сл. стр. 178—9). Объясненія Мейера сводятся къ слѣдующему: въ нѣмецкихъ, особливо южныхъ повѣрьяхъ Дикая охота является въ связи съ тремя «дикими женами» или Heilrâthinnen, отвѣчающими сѣвернымъ норнамъ, съ пѣтушьимъ кликомъ и появленіемъ собаки — призрака; впереди идетъ Eскехардтъ, предупреждая о дикомъ охотникѣ, который также толкуется, какъ вѣтеръ (стр. 180). Значеніе такое: передъ началомъ бури показываются облачныя жены (норны), Heilrâthinnen, вѣтеръ заводитъ веселыя пѣсни (Eске-

hardt), а затѣмъ уже разражается гроза съ ея различными шумами и молніей (Дикая охота, пѣтухи и собака). Древніе германцы читали будущее въ явленіяхъ природы, въ данномъ случаѣ въ явленіи грозы; авторъ Völusrá приложилъ этотъ народный мотивъ къ вѣщанію о конечныхъ судьбахъ міра: его Eggrég = Eskehardt, исполниша отвѣчаетъ Дикому охотнику, три пѣтуха (строфы 28 и 29) распредѣлились по тремъ мірамъ; также заетъ песь, но это песь—адскій; Мейеръ принялъ гипотезу Bugge, сближавшаго Garmr'a 30-й строфы съ Керберомъ Энеиды, 6,417:

Cerberus haec ingens latratu regna trifuanci
personat, adverso recubans immanis in antro.

Adversum antrum = Gnirahellir (стр. 181).— Всѣ это вѣщаетъ конечную грозу, имѣющую разразиться надъ міромъ: страшный *судный день* побѣдныхъ боговъ — какъ мы перевели Ragnarök, рядомъ съ которымъ существуетъ и другое выраженіе для того же понятія: gagna gækkr: мракъ, сумерки боговъ, какъ и въ христіанскихъ представленіяхъ dies iudicii представлялся какъ vespera mundi (стр. 182).

Если устранить параллель съ Керберомъ, ненужнымъ образомъ усложняющую вопросъ объ источникахъ этого эпизода Völusrá, то получится довольно цѣльный образъ, въ которомъ недостаетъ одного момента доказательности: нѣтъ движенія, котораго мы ожидаемъ въ явленіи грозы = Дикой охоты, перенесенной авторомъ къ знаменіямъ послѣдняго дня. Эгтеръ сидитъ и бряцаетъ, сидитъ исполниша и поютъ пѣтухи; между тѣмъ ничто не мѣшало автору Völusrá удержать здѣсь мотивъ грозового движенія, если онъ ощущалъ его какъ таковой. Автору—или интерполятору? Мейеръ ставитъ именно такой вопросъ на стр. 181, хотя въ своемъ текстѣ Völusrá онъ не колеблясь приписывалъ первому весь эпизодъ о «Дикой Охотѣ».

Я не ищу въ немъ христіанскихъ элементовъ, но могу привести соотвѣтствующія параллели къ вѣщему пѣнію птицы — передъ воскресеніемъ мертвыхъ. См. въ отреченномъ откровеніи

ап. Иоанна: когда затрубятъ ангелы ἀπὸ τῆς φωνῆς ἐκείνης τῆς σαλπιγγος σαλευθήσεται πᾶσα ἡ γῆ, καθὼς προεῖπεν ὁ προφήτης, καὶ ἀπὸ τὴν φωνὴν τοῦ στρουθίου ἀναστήσεται πᾶσα βοτάνη, τούτέστιν ὑπὸ τὴν φωνὴν ἀγγέλου ἀνάστησεται πᾶσα φύσις ἀνθρωπίνη. Въ Вопросахъ и Отвѣтахъ: «Иванъ рече: Рябъ пищтъ, ѡхже зоветъ, а не родилъ естъ. Григорин рече: Аггелъ вострубитъ и мертвые возстануть»; въ одномъ разнорѣчии стиха о Голубиной книгѣ съ «последнимъ временемъ» приводится въ связь движеніе страфила:

Страфилъ итица вострепѣхетца,
Всѣ синѣ море восколыхнетца,
Тамъ будя время опоследнее,

тогда какъ въ мусульманскихъ преданіяхъ, наоборотъ, гигантскій бѣлый пѣтухъ перестанетъ пѣть, когда настанетъ день воскресенія ¹⁾).

Замѣтимъ, что строфа 30-я Vqlusrá: о лаѣ Gaḡṡr'a повторяется, какъ припѣвъ, и далѣе, въ строфахъ 35 и 44. Авторъ могъ обобщить эту подробность, но самый фактъ повторенія позволяетъ поставить вопросъ: имѣемъ-ли мы право тѣсно связывать образъ лающего пса именно съ исполвишей и Эггеромъ и пѣтухами, т. е., какъ думаетъ толкователь, съ повѣрьемъ о Дикой Охотѣ?

7 (*Знаменіе страшнаго суда на землѣ и на небѣ*). Содержание 31-й строфы невольно подсказываетъ христіанскія параллели, и Мейеръ (стр. 182 слѣд.) указываетъ на нихъ, не забывая и замѣтку Мюлленгофа: что конецъ міра всюду долженъ былъ вызывать представленіе о разложеніи нравственныхъ устоевъ общества—и сходныя, по выраженію, знаменія. Вѣроятность христіанскаго вліянія на этотъ родъ представленій Vqlusrá стоитъ въ прямой зависимости отъ вѣроятности, что и внѣ этого вліянія германскій міръ могъ дойти до идеи «суднаго дня».

¹⁾ Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 216 прим.; Tischendorf, Apos. arsgurhae стр. 77; Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 389.

Авторъ *Völusrá* пользовался для своей 31-й строфы между прочимъ Евангелиемъ отъ св. Марка 13, 12 и 8; интерполяторъ этой строфы тѣмъ же источникомъ 13, 4, 7 (сл. стр. 184).

Интересенъ экскурсъ Мейера (стр. 185 слѣд.), выводящій насъ за предѣлы *Völusrá*: о *Líf*'ѣ и *Lífgraser*'ѣ, притаившихся, въ пору страшнаго суда, въ древѣ *Hoddmimir*'а, гдѣ ихъ питають росы. Мейеръ указываетъ на Лактанція (*Instit. div.* 7, 17), по которому не всѣ люди погвбнуть въ послѣдніе дни, одна треть спасется въ пустыни; сл. его-же *Epitome* с. 72: *descendit a Deo pluvia benedictionis matutina et vespertina.... omnibus Deus copiosum atque innocentem victum ministrabit.* Лактанцій могъ имѣть въ виду Іезекіиля XXXIV, 25: безопасно будутъ жить въ степи и спать въ гѣсахъ; 26: дождь буду ниспосылать въ свое время; это будутъ дожди благословенія; 27: и полевое древо будетъ давать плодъ свой... и будутъ они безопасны на землѣ своей. — Бл. Іеронимъ толкуеть это древо, какъ *lignum vitae*.

Содержанія 33-й строфы мы уже коснулись въ началѣ этого отчета (стр. 7—8), выразивъ сомнѣніе относительно отождествленія *Мимира* съ св. Духомъ, его сыновъ съ ангелами, *Gjallarhorn*'а съ распятіемъ—крестомъ. Мейеръ толкуеть эту строфу въ связи съ еванг. отъ Матѣ. 24, 29: силы небесныя поколеблются; 30: тогда явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси; и тогда восплачутся всѣ племена земныя и узрятъ сына человѣческаго грядущаго на облакахъ небесныхъ съ силою и славою великою; 31: и пошлетъ ангеловъ своихъ съ громкимъ трубнымъ гласомъ.—Согласно съ этимъ въ нашей строфѣ: силы небесныя поколеблются = взыграють ангелы (сыны *Мимира*); явится знаменіе Сына человѣческаго: объявится на древнемъ рогѣ=крестѣ Спаситель; ангелы трубять, какъ трубить *Геймдалгъ*. — Спаситель на крестѣ полученъ изъ толкованія выраженія 32-й строфы: *mjötör kyndesk—at eno gamla Gjallarhorne*, причемъ *mjötör*=Спаситель, какъ часто въ англосаксонскомъ: *meotod* (стр. 189). Чтеніе *Petersen*'а: *mjötvr*=древо созданія не поддержано варъ-

янтами, но съ точки зрѣнія христіанской символикки Иггдразила даетъ хорошій смыслъ: объявляется древо созданія = крестъ при звукѣ Геймдаллова рога (спрятаннаго подъ нимъ); бесѣда Одина съ головой Мимира, необъясненная Мейеромъ, непонятная и мнѣ, все-же переносятъ насъ къ древу Мимира, его источнику, находившемуся подъ деревомъ; въ соответствующемъ эпизодѣ *Gylfag.* с. 51 Одинъ ѣдетъ къ источнику Мимира и держитъ съ послѣднимъ совѣтъ. Чтобы представить себѣ эту картину надо, быть можетъ, забыть о положеніи Иггдразила подъ землею, вспомнить его отождествленіе съ крестнымъ деревомъ: оно и явится знаменіемъ грядущаго суда. Въ *Вопросахъ* Іоанна Богослова Господу на горѣ Фаворской (Тихонравовъ, Памятники II, 177) по воскресеніи мертвыхъ Господь пошлетъ ангеловъ по лицу всей земли, «и возмутъ что неа все славное и честное, и сватыя книги и славныи и честныи кресты и съсоуды црковныи и всё на облацѣхъ вознесетса, и великій честный крестъ, на нем-же роуиъ свои простертъ». Та-же подробность, снесеніе креста, знакома и другимъ эсхатологическимъ статьямъ и видѣніямъ (Слово Паладія мниха, Видѣніе Григорія въ Житіи Василя Новаго и др.). Привлекая эти тексты, я имѣю въ виду не указаніе источника, а лишь параллель къ образу: объявившагося (изъ подъ земли?) мірового, крестнаго древа, содрагающагося — въ виду надвигающейся на міръ кары, ибо йотунъ освободился, сорвался и всѣ страшатся вступить на смертный путь, á helvegum — прежде чѣмъ помчится родичъ Сурта, т. е. тотъ-же йотунъ. Страхъ людей вступить на смертный путь не только развивается въ частностяхъ въ строфѣ 34-й, но повторяется сознательно и далѣе: строфа 38-й: мужи вступаютъ на путь Гелы, смертный; 42-я: всѣ люди покинуть жилища. — «Йотунъ сорвался» — «родичъ Сурта помчится» явятся въ такомъ случаѣ тавтологіей, параллельными формулами, обычными въ стилѣ сѣверной поэзіи; такая тавтологія получается съ замѣной въ строфѣ 33-й *hleypir* вм. *gleypir*, которую *Sijmons* принялъ въ свой текстъ, слѣдуя указанію Мюлленгофа, предполагающаго въ томъ йотунѣ —

Фенрира. Мейеръ держится чтенія рукописей и переводитъ: прежде чѣмъ родичъ Сурта его, т. е. мировое дерево, поглотить. Кто этотъ родичъ Сурта? Мейеръ (стр. 192—3) отвѣчаетъ: Суртъ — демонъ пламени, его родичъ — огонь, который и пожретъ, поглотитъ мировое древо. Извѣстна карающая, все-истребляющая роль огня въ христіанской эсхатологіи (стр. 193), и на этой параллели можно было успокоиться, но прибѣгая для объясненія содрагающагося, стонущаго Иггдразила къ предположенію новыхъ источниковъ. Мейеръ (181—2) исходитъ изъ Еванг. отъ Матѳ. 24, 32; послѣ знаменій 29—31, цитованныхъ выше, приводится примѣръ смоковницы: «когда вѣтви ея уже становятся мягки и пускаютъ листья, то знаемъ, что близко лѣто», т. е. судный день «близко при дверяхъ» (л. с. 33). Эту смоковницу средневѣковые толкователи сблизили съ неплодной смоковницей, проклятой Господомъ (Матѳ. 21, 19 слѣд.), а авторъ *Völusrá* — съ древомъ Ассура у Іезекііля XXXI и его комментатора Іеронима. «Вотъ Ассуръ былъ кедръ на Ливанѣ»; слѣдуетъ грандіозное описаніе дерева, дѣйствительно напоминающаго мировое: Ассуръ былъ кедръ на Ливанѣ, воды росли на немъ, бездна поднимала его, рѣки ея окружали питомникъ его; оттого высота его превышала всѣ дерева полевые, ни одно не равнялось съ нимъ красотою; на сучкахъ его вили гнѣзда всякія птицы небесныя, подъ вѣтвями его выводили дѣтей всякіе звѣри полевые, подъ тѣнію его жили многочисленныя народы. Господь такъ украсилъ его — а сердце его возгордилось величіемъ, и Господь отвергъ его, отдалъ его въ руки властителя народовъ»; его срубили чужеземцы и повергли на горы и т. д.; «шумомъ паденія его я привелъ въ трепетъ народы, когда низвелъ его въ преисподнюю, къ отшедшимъ въ могилу» (стихъ 18).

Древо Ассура, враждебное Господу (сл. стр. 191), имъ сверженное — это и есть Иггдразиль нашего эпизода; Суртъ напоминаетъ Мейеру (стр. 193) «властителя народовъ», котораго Іеронимъ объяснилъ, какъ Сатану; выраженія *Völusrá*, что древо стонетъ, а люди страшатся на путяхъ Гелы — сблизается съ

«трепетомъ народовъ» и людьми, отошедшими въ могилу (infernus у Иеронима) того-же Иезекииля въ приведенномъ выше стихѣ, который впрочемъ такъ продолжается: «и *обрадовались* въ преисподней странѣ всѣ дерева Едема» и т. д. — Мейеръ обходитъ это окончаніе, оно дѣйствительно не идетъ — къ стону дерева. Но вопросъ въ томъ, что Иггдразилъ не враждебенъ, не непріязненъ богамъ, какъ древо Ассура, и не боги обрекаютъ его на гибель — если придерживаться чтенія и толкованія Мейера; древо стонетъ и плачутся азы въ виду приближающейся гибели. Можно допустить, что въ строфѣ 34 (смятеніе азовъ, альфовъ и т. д.) отразились мотивы Апокалипсиса 6, 12 слѣд. (сл. стр. 193—4), но древо Ассура тутъ не при чемъ — тѣмъ болѣе, что по убѣренію Мейера (стр. 193), его образъ нигдѣ и не встрѣчается въ числѣ знаменій страшнаго суда, о которыхъ рассказывала христіанская легенда. Да и о гибели Иггдразила, огнемъ или другимъ путемъ, сѣверные мифы нигдѣ не рассказываютъ.

Съ точки зрѣнія христіанской экзегезы проще было придерживаться уже знакомой намъ параллели, усвоенной и Мейеромъ: креста, какъ знаменія, крестнаго дерева, которое какъ таковое, естественно представилось и стонущимъ и содрагающимся.

8 (*Начало страшнаго суда. Нападеніе и борьба демоновъ съ Божествомъ. Гореніе міра*). И вотъ, въ строфахъ 36—38 являюся на сцену вражія силы — съ востока, сѣвера и юга. Съ востока является Hrimr; по Gylfag. § 55 онъ правитъ кораблемъ Naglfar, о которомъ и сказано, что онъ вырывается на свободу. Naglfar (Gylfaginning, l. c.) сдѣланъ изъ ногтей мертвецовъ; потому, будто-бы, и было въ обычаѣ обрѣзать ихъ, чтобы не дать матеріала для постройки корабля, которую и боги и люди желали-бы замедлить. Обычай обрѣзать и хоронитъ ногти былъ распространенъ у францевъ и германцевъ (стр. 195), но онъ не объясняетъ образа корабля, говоритъ Мейеръ. Прежде чѣмъ привести его толкованіе, предложимъ и свое, гипотетическое ¹⁾:

¹⁾ Слѣдующія строки были написаны и этилогія предположительно уста-

Naglfar, въ сущности, корабль *маооз*, мертвецовъ, въ nagl сохранилась подъ народной этимологической перегласовкой та-же тема, что въ греч. νέκυς, готск. nauz, род. nauw-s (мертвыи), сѣв. nár (*navig?): прагерм. *nazdis, индоевр. *nokdis; если тацтовскіе nahanaivali означаютъ въ самомъ дѣлѣ: Todtenbegänger, Todtenkämpfer, то они также относятся сюда. Латышская и славянскія формы либо восходятъ, не смотря на созвучіе и тождество значеній, къ другому корню, либо заимствованы изъ германск. нарѣчій: латышск. nāwe: смерть (сл. древне-прусск. nauw: Rumpf), церковно-слав. навъ—νεκρός, старорусск. навы: мертвецы; русск. навій день, навьи проводы = Радунца; словѣнск. navje = рай; малор. навки (навки) = души некрещенныхъ младенцевъ; у болгаръ мальчики мертворожденные либо умершіе до крещенія становятся «навьяками», дѣвочки самодивами, какъ и у сербовъ души невѣсты, скончавшихся до помолвки, обращаются въ вилы¹⁾. На значеніе вилы-маны я указалъ при другомъ случаѣ²⁾; отношеніе маны къ идее рожаницы³⁾ снова приводитъ насъ къ болгарскому повѣрью о «навяхъ»: злыхъ духахъ женскаго пола, мучащихъ родильницъ; ихъ зовутъ, избѣгая настоящаго имени, и майками (сл. малор. навки)⁴⁾.

Предположивъ, что nagl- въ Naglfari, въ первичномъ значеніи «мертвеца», было созвучно съ nagl = ноготь, можно допустить, что *nazd дало съ суффиксомъ =lo-, несомнѣнно еще живомъ въ прагерманскомъ языкѣ, форму: *nazdlo-s, откуда сѣв. Nagl-fari. Въ такомъ случаѣ значеніе nagl = ногти подсказано было впоследствии по созвучію и совмѣстности идей и въ связи съ широко

повзвона въ согласіи съ Ф. А. Брауномъ, когда я узналъ изъ замѣтки Т. Dettler'a (Nahanaivali, въ Za. für deutsches Alterthum, XXXI, стр. 206), что сходное мнѣніе выражено было ему проф. Гейнцелемъ. — Относительно церковнослав. навъ см. Грек, Einleitung in die slav. Literaturgeschichte, 2-е Auflage, стр. 419—420, прим. 3

1) Аванасьева, Поэт. Востр. III, 239.

2) Разысканія, вып. V, стр. 287 слѣд.

3) I. с., стр. 280 слѣд.

4) Себолевскій, Русск. Филологич. Вѣстникъ, 1890 г., I, стр. 79.

распространеннымъ культомъ именно ногтей. По *древне-парсийскимъ* представленіямъ не слѣдовало бросать обрѣзки ногтей, иначе они станутъ орудіемъ дьявола. Тотъ-же запретъ у *евреевъ*: несоблюденіе его навлечетъ бѣдствія на людей; у покойниковъ обрѣзаютъ ногти и кладутъ въ мѣшечкѣ въ гробъ у изголовья, не то, отросая у мертвеца, они войдутъ въ его тѣло, и это принесетъ несчастіе семьѣ. Ногти, отрѣзанные у живыхъ, надо сжигать или хоронить, иначе, если они сохранятся по смерти человѣка, которому принадлежали, его душа станетъ блуждать вокругъ нихъ до ихъ разложенія. — *Мусульмане* вѣрятъ, что ногти — мѣстопребываніе злыхъ духовъ; въ *Норвегии*, что если не сжечь или не схоронить отрѣзанныя ногти, то колдуны или эльфы сдѣлаютъ изъ нихъ пули, которыми стрѣляютъ въ скотъ. Въ *Обонезь* кладутъ въ гробъ стриженные ногти въ томъ убѣжденіи, что на томъ свѣтѣ придется лѣзть на стеклянную или крутую гору. Въ особенности это убѣжденіе крѣпко у раскольниковъ; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ для храненія ногтей особые мѣшечки, либо кладутъ стриженные ногти за пазуху и не жалѣютъ объ ихъ потерѣ: «на томъ свѣтѣ найдутся, клай только въ запазуху». — Въ *Малороссіи* также кладутъ за пазуху обрѣзанные ногти, чтобы чертъ не сшилъ изъ нихъ шапки-невидимки; либо они понадобятся, чтобъ взобраться на стеклянную гору; иначе говорятъ, что когда на страшномъ судѣ ангелъ будетъ переводить души умершихъ чрезъ мостикъ тонкій, какъ соломинка, и спроситъ: гдѣ ногти? а ихъ не окажется, то человѣку придется искать ихъ, пока всѣхъ не соберетъ. — Сходныя преданія (ногти слѣдуетъ сжигать, либо прятать, носить съ собою въ мѣшечкѣ, иначе надо будетъ собирать ихъ по смерти) извѣстны и въ *Польшѣ*. — На *Литѣ* ногти не бросаютъ на земь, чтобы чертъ не сдѣлалъ изъ нихъ шляпы; когда Богъ потребуетъ ихъ на страшномъ судѣ, изъ за пазухи ихъ легко будетъ достать, а у черта ихъ никто не отберетъ. Шапки изъ ногтей, *paginec kerigen* отвѣчаетъ латышское *pagu-seruge*; По *Трейланду* чертова шапка, позищенная мужиками, обратилась въ кучу ногтей

и копытъ свиныхъ, коровьихъ, овечьихъ. *Эсты* говорятъ, что отрѣзанные ногти слѣдуетъ класть за пазуху и если бросить на землю, то перекрестивъ: не то человѣкъ отвѣтитъ на страшномъ судѣ, ибо дьяволъ подбираетъ обрѣзки, чтобы сдѣлать изъ нихъ козырекъ для своего кортуза; какъ сдѣлаетъ, будетъ властенъ вредить людямъ. — На *Жмуди* дьяволъ устраиваетъ себѣ изъ такихъ обрѣзковъ шляпу, у *Басковъ* — чашу изъ ногтей, въ *Исландіи* башмаки или корабли и лодки; надо обрѣзать ногти на трое, иначе дьяволъ сдѣлаетъ изъ нихъ бортъ для *корабля* мертвыхъ или гвозди для своего судна. Такое судно видѣли, и всѣ, сѣвшіе на него, принявъ за свое, погибли ¹⁾.

Корабль мертвыхъ, корабль изъ ногтей исландской легенды, близко отвѣчаетъ Naglfar'у Gylfaginning; едва-ли къ этому кругу идей подходитъ запретъ у Петронія: не стричь волосъ и ногтей на кораблѣ, развѣ во время бури, когда то и другое бросалось въ *жертву* морю.

Указанныя повѣрья достаточно объясняютъ синкретическій образъ Naglfar'a: корабль, построенный изъ ногтей, былъ, въ основѣ, кораблемъ мертвецовъ, перенесеннымъ въ область эсхатологии изъ какого-нибудь повѣрья въ родѣ слѣдующаго русскаго: что скорлупу отъ выѣденнаго яйца не слѣдуетъ бросать въ воду, не раздавивъ напередъ, не то русалки-маны построятъ изъ него корабликъ и будутъ на немъ плавать ²⁾.

Слѣдуетъ, быть можетъ, при объясненіи *Naglfar'a*, не упу-

¹⁾ Са. Mélusine, I, стр. 549; II, стр. 360, 482, 481, 485, 491; III, стр. 333. — Куликовскій, О похоронныхъ обрядахъ Оболенья (Этнографическое обозрѣніе 1890 г. кн. I). — Шейковский, Быть подояль I, вып. 2, стр. 24; Nowosielski, Lud, II, стр. 152—3; Кулишъ, Зап. о Ю. Р., II, 288—9; Народные звычяи и обряды зъ околищъ надъ Збручемъ, опис. Игн. Галькомъ, ч. II, стр. 41. — Zbiór wiadomości do antropologii kraj. II, 127, № 4; X, 93, № 156; XI, 81, № 10; Wasilewski, Jagodne (Biblioteka «Wisły» t. IV), стр. 95. — Ludwik Z Pokiewia (Юцевичъ), Litwa, 1864, стр. 141—2; Mittheilungen der Lithauischen litter. Gesellschaft, Heft II, стр. 349—350; Трейландъ, Латышскія нар. сказки, Москва 1887, стр. 95, прим. Указаніями на библиографію повѣрья я обязанъ любезности И. А. Карловича, Э. А. Вольгера и В. В. Калаша.

²⁾ Разысканія вып. V, стр. 269.

скать изъ виду *Gylfaginning* § 10, не забывая аналогическія идеи греческой космогоніи: у Ночи было три мужа, *Naglfar*, *Appaгг* и *Dellingr*; ея сынъ отъ перваго брака *Uđr* = волна, отъ втораго—*Iqrđ*, земля, отъ третьяго: *Dagr*, день. Имя *Appaгг*, второй, очевидно изобрѣтенное, какъ и *Dellingr* (*Deglingr*? по связи съ *Dagr*); *Naglfari* отвѣтилъ бы Эребу, супругу Ночи (*Nótt*), отъ которыхъ произошли Эфиръ и День (*Dagr*). Сл. *Hes. Theog.* v. 123 слѣд.

Мое объясненіе *Naglfar*'а кажется мнѣ болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ слѣдующее у Мейера, снова вспомнившаго—о Гоноріи изъ *Autun* (стр. 197): учитель разсказалъ ученику о трубѣ страшнаго суда и о воскресеніи мертвыхъ и вызываетъ такой вопросъ: *Si capilli et ungues praecisi in locum suum recedent, nonne deformes sunt?* Отвѣтъ: *Non est intelligendum quod sint reducendi in priorem locum; sed sicut figulus, si vas noviter factum frangat et de eodem luto aliud faciat, non attendens, quid prius ansa vel fundus fuerit, ita format Deus de eadem materia aliud corpus huic valde dissimile cui omnis deformitas et infirmitas absit.* Это общее мѣсто и внушило будто-бы идею — корабля изъ *ночтей* мертвыхъ, тогда какъ образъ *корабля* подсказанъ былъ представленіемъ адскаго перевозчика Харона = *Нгунг*'а (см. *Нгунг*-г), въ которомъ заодно отразилась и «Смерть» *Апокалипсиса XX, 14* (стр. 199). Имѣется въ виду особливо *Aen. 6302*: *Ipse (Charon) ratham conto subigit*, при чемъ линд 36-й строфы объясняется не въ обычномъ значеніи щита, а какъ *contus*. Вблизи Харона *Эней (Aen. 6, 287)* видитъ разныхъ чудовищъ, между прочимъ, *bellua Lerneae horrendum stridens*; это—чудовище нашей строфы, вьющееся въ исполнскомъ гнѣвѣ. Кромѣ того авторъ *Völusrá* имѣлъ въ виду нѣсколько образовъ изъ знаменій страшнаго Суда Беды и *Иезекіиля 32, 2* (стр. 197—8). Въ последнемъ онъ вычиталъ: «сынъ человѣческій! подними плачь о фараонѣ, царѣ Египетскомъ, и скажи ему: Ты какъ молодой левъ между народами и какъ чудовище въ моряхъ кидаяешься въ рѣкахъ твоихъ и мутишь ногами твоими воды и попираешь потоки ихъ». Въ латинскомъ

переводѣ «кидаться въ рѣкахъ» передано: *conculcare flumina*, что приравнивается къ *Völuspá*: (змѣй) бьетъ волны. — Интереснѣе заимствованіе изъ Беды, если мыслима та ошибка въ чтеніи текста, которую, по слѣдамъ Мейера, мы оговорили ранѣе (стр. 5—6) и въ результатѣ которой явился въ нашей строфѣ—образъ орла. У Беды читается: *quarta die pisces maris et omnium fluminum elevant se super aquam et pugnant inter se cum magno sonitu et interficient se et sic aqua portabit eos mortuos*. вмѣсто *aqua* прочтено было — *aquila* (стр. 198).

Едва-ли всѣ эти источники были необходимы, чтобы объяснить и змѣя въ волнахъ и орла. Какъ-бы мы не истолковали Грима, но явленіе корабля мертвыхъ было предвѣстіемъ роковой развязки: оттого бьется міровой змѣй, *jörmongandr*, который и явится въ ней дѣйствующимъ лицомъ; а образъ орла подсказанъ любимымъ оборотомъ сѣверной поэзіи: предствѣтъ бой, битва, и онъ радостно клещеть—и даже терзаетъ трупы: общее мѣсто, не оправданное положеніемъ, но увязавшіеся за предствѣніемъ орла, ждущаго добычи.

Мейеръ не обратилъ вниманіе на направленіе, въ которомъ движется Гримъ: онъ является на кораблѣ *съ востока*, откуда, по 22-й строфѣ, течетъ и рѣка Сидръ; очевидно, не со стороны царства Гелы = ада, представлявшагося на сѣверѣ. (сл. выше стр. 45 и слѣд.; наши соображенія относительно золотой палаты Сидри, строфа 23). Въ этомъ смыслѣ понятно исправленіе, предложенное Бугге въ 37 строфѣ: *poðan* вмѣсто *austan*, принятое въ тексты Мюлленгофа, *Sijmons'a* и Мейера: корабль мертвецовъ долженъ былъ явиться со стороны ада. Но такъ-ли это? Имѣемъ-ли мы право не довѣрять *Gylfag. 51*, гдѣ *Hrimg* является коричнымъ *Naglfar'a*? Въ такомъ случаѣ и послѣдній надо представить себѣ надвигающимся съ востока. Моремъ или рѣкою приходитъ Гримъ—остается неизвѣстнымъ; въ слѣдующихъ за тѣмъ битвахъ боговъ съ вражьей силой онъ не участвуетъ на сторонѣ послѣднихъ. Чѣмъ мотивируется его появленіе? Какъ понять весь эпизодъ *Naglfar'a*? Въ Словѣ Палладія «о второмъ

пришествіи Христовѣ, о страшномъ судѣ и будущей жизни Господь, желая придти судить людей, пошлетъ ангеловъ съ трубами страшными, отъ звука которыхъ море возмутится, земля потрескается и *возстанутъ мертвыя*; тогда съ востока потечетъ рѣка *огненная*; она уничтожитъ все на землѣ, но грѣшниковъ лишь опалитъ, ибо имъ уготована другая мука. Затѣмъ, по Божію повелѣнію рѣка прекратится: явится новая земля и новое небо, Господь сотворитъ на востокѣ рай, а на западной странѣ потечетъ рѣка огненная на мученіе грѣшникамъ ¹⁾.

Эта огненная рѣка съ востока, рѣка Сіонъ русскаго духовнаго стиха, ясно отдѣлена отъ другой, имѣющей потечъ съ запада, гдѣ средневѣковыя повѣрья обыкновенно локализовали адъ ²⁾. При гипотезѣ христіанскихъ воздѣйствій на загробныя и эсхатологическія представленія *Völuspá* я не прочь отъ толкованія, которое указываетъ на грань, гдѣ христіанство сошло съ язычествомъ, и разъясняетъ эпизод *Naglfar*'а. Къ древнимъ погребальнымъ обычаямъ, засвидѣтельствованнымъ и для германцевъ, принадлежалъ и тотъ, что мертвеца клали въ ладью и пускали въ море; усопшіе представлялись удалившимися за воды, въ страну блаженныхъ и т. ³⁾. Язычнику, такъ понимавшему жизнь за гробомъ, христіанскій мотивъ *воскресенія* долженъ былъ представиться въ аналогическихъ образахъ: мертвые *снова объявятся*, ладья мертвыхъ *Naglfar* покажется съ востока; ею правитъ Гримъ. Нгулг, собственно: дряхлый, слабый, какъ изъ рахмановъ—навовъ русскаго повѣрья развилось понятіе рахманный: вялый, разслабленный ⁴⁾. Это идетъ къ Гриму, кормчему мертвыхъ; онъ и не упомянутъ въ дальнѣйшей катастрофѣ: онъ

¹⁾ Сахаровъ, Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древне-русской письменности, стр. 154—5. Сл. *ib.* 150. Извлеченія изъ текста Паладія приведены въ слѣдующей главѣ.

²⁾ Сл. Разысканія VI, 21.

³⁾ Котляревскій, О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, стр. 172 слѣд.

⁴⁾ Аванасьева, II. В., III, 278—9.

являлся предвѣстникомъ, не участникомъ, послѣдней мировой битвы.

Но всё это полно сомнѣній; ясно, что языческіе элементы чередуются здѣсь съ христіанскими, заслоняясь взаимно. Языческому представленію принадлежитъ во всякомъ случаѣ царство Гелы на сѣверѣ (строфа 37) и огненная область Сурта на югѣ (строфа 38): то и другое могло идти на встрѣчу христіанскимъ образамъ ада и «морознаго» тартара ¹⁾. Съ юга и сѣвера надвигаются враги: съ сѣвера челядь Гелы съ волкомъ и Локи = братомъ Билейста (Мейеръ 198 упоминаетъ по этому поводу миѣніе Бугге, видѣвшаго въ *Vuleipt*, *Vuleist* = *Beelzebub*'a) ²⁾, съ юга Суртъ съ пламеннымъ мечемъ.

Для строфы 38-й и слѣдующихъ главнымъ источникомъ является, по Мейеру, Апокалипсисъ (стр. 199 и слѣд.). Сл. Апок. XVI, 13: «И видѣлъ я изъ устъ дракова и изъ устъ звѣря и изъ устъ лжепророка (выходящихъ) трехъ духовъ нечистыхъ, подобныхъ жабамъ». Это бѣсовскіе духи, которые исходятъ къ царямъ всея вселенныя, чтобы собрать ихъ на брань въ великій день Бога Вседержителя (стихъ 14). Въ главѣ XIX, 20 и XX, 2 (Мейеръ цитуетъ лишь XX, 9 слѣд.) звѣрь и лжепророкъ схвачены и брошены въ озеро огненное, древній змій низверженъ въ бездну и скованъ; въ XX, 14 «смерть и адъ» повержены въ озеро огненное. Смерть — это *Hrugr* = *Chagon*; при этомъ случаѣ Мейеръ (стр. 199—200) пополняетъ свое толкованіе *Naglfar*'a

¹⁾ Сл. Разысканія XII, стр. 134—5. Въ одной бретонской пѣснѣ адъ является холоднымъ: *ann ifern ien*.

²⁾ Къ Вельзевулу относить проф. Соболевскій (I. с. стр. 79—80), какъ прежде и Пыпинъ, Верзіула въ извѣстномъ выраженіи о погѣ Іереміи: «былъ въ навѣхъ на Верзіулову колу», т. е. былъ среди злыхъ духовъ на Вельзевуловомъ собраніи. Колу дается послѣднее значеніе, Верзіуль предпочитается чтенію: «на Верзіуловомъ колу», вранно коло современнаго сербскаго повѣрья. Именно Верзіуль и коло = *gota* и дали *ак*. Ягичу поводъ къ его извѣстнымъ соображеніямъ о Верзіуль = *Виргиліи*. Если ни въ латинскомъ, ни въ романскихъ, ни въ нѣмецкомъ языкахъ не найти имени *Виргилія* въ формѣ, объясняющей *Верзіула*, то и *Вельзевулъ* далекъ отъ *Верзіула*. Слѣдуетъ. быть можетъ, допустить взаимодействіе двухъ представленій и именъ.

/казаніемъ на Апок. XX, 13: «тогда отдало море мертвыхъ, бывшихъ въ немъ, и смерть и адъ отдала мертвецовъ, которые были въ нихъ, и судимъ былъ каждый по дѣламъ своимъ». Я привожу безъ оговорки толкованіе Мейера, предоставляя другимъ судить о его вразумительности: «Смерть и Адъ *на морѣ* (!) въ день судный, окруженные трупами людей, ожидающихъ суда, — легко признать, не смотря на ухищренія (т. е. автора *Völuspá*), въ слѣдующихъ *по морю* Гримъ и Локи — и въ *Naglfar'ѣ*, окруженномъ трупами людей, понесшихъ кару» (стр. 200; сл. стр. 206 подобное толкованіе моря). Локи въ этомъ толкованіи — Адъ, часто отождествлявшійся съ Смертью въ средневѣковыхъ поэтическихъ и художественныхъ изображеніяхъ.

Мейеръ даетъ особое значеніе тому, что какъ въ Апокалипсисѣ, такъ и въ *Völuspá* Смерть = Нгуиѣ и Адъ = Локи не играютъ никакой роли въ слѣдующей далѣе борьбѣ; если въ *Сворровой Эддѣ* Локи выведенъ въ борьбѣ съ Геймдалломъ, то онъ либо слѣдовалъ народному преданію (?) либо ввелъ этотъ эпизодъ для округленія (стр. 200).

Дѣйствующими лицами являются далѣе: *Jǫtunnandg* или *огни* = змѣй, *Freki* = волкъ и Суртъ. Первый отвѣчаетъ апокалипсическому змѣю, второй звѣрю, третій же пророку — Антихристу. Эти сопоставленія разъясняются анализами 39—42 строфы: Одинъ бьется съ волкомъ, падаетъ въ битвѣ, и его сынъ *Víragg* является мстителемъ за него; Фрей выходитъ на бой съ Суртомъ, Торъ съ мировымъ змѣемъ — и погибаетъ, сразивъ противника.

Битва Одина съ волкомъ могла быть, въ сущности, мифическимъ представленіемъ о боѣ—вѣтровъ (стр. 201); ея перенесеніе въ эсхатологію состоялось подъ влияніемъ христіанскихъ идей, причемъ апокалипсическія образы могли быть слиты съ аналогическими народными. Мейеръ указываетъ на черты апокалипсическаго звѣря, перешедшія на волка (стр. 202), хотя первый изображается вовсе не волкомъ и выходитъ *изъ моря*, тогда какъ *Freki* является *по морю* и т. п. На другихъ подробностяхъ сбли-

женія я не останавливаюсь. Важнѣе слѣдующее: Одинъ сраженъ волкомъ; если въ предыдущихъ строфахъ поэмы Одинъ являлся замѣстителемъ Бога-Отца, то его гибель выводитъ насъ всецѣло за границы христіанскихъ представленій. Оказывается, по мнѣнію Мейера (стр. 203), какъ разъ на оборотъ: именно христіанская идея *Völusrá* требовала, чтобы *языческій Богъ* погибъ. Другими словами: въ началѣ поэмы Одинъ—Богъ-отецъ, въ нашемъ эпизодѣ онъ удержался въ своей древней роли. Идея гибели боговъ могла быть навѣяна выраженіемъ Лактанція: *non solentur ultimus dii manu facti* и Апокалипсисомъ XI, 3 слѣд.: о двухъ свидѣтеляхъ Божіихъ, съ которыми сразится, которыхъ убьетъ звѣрь, послѣ чего они снова воскреснутъ. Въ этихъ свидѣтеляхъ видѣли Илію и Эноха, которыхъ, какъ мы уже знаемъ, Мейеръ отождествилъ съ *Lórog'omъ* и *Höpig'omъ*, являющимися въ концѣ *Völusrá* въ эпизодѣ объ обновленіи земли и міра. Если авторъ поэмы имѣлъ ихъ въ виду въ разсказѣ о гибели Одина, то почему не назвалъ онъ, вмѣсто него, *Höpig'a* либо *Lórog'a*? Этотъ вопросъ кажется мнѣ на столько-же естественнымъ, на сколько искусственны дальнѣйшія комбинаціи Мейера (стр. 202 слѣд.): въ Апокалипсисѣ XIX звѣрь схваченъ и низверженъ послѣ того, какъ явился Сынъ человѣческой; 15: «Изъ устъ же его исходитъ острый мечъ, дабы имъ поразить народы. . . Онъ топчетъ точило вина ярости и гнѣва Вседержителя». Мейеръ комментируетъ параллелями изъ св. Писанія образы и значеніе: точила и топтанія и приходитъ къ толкованію *Vírag'a* котораго мы уже коснулись выше (стр. 10), выразивъ по этому поводу нѣсколько сомнѣній. Къ нимъ присоединимъ и слѣдующее: *Víragr* (строфа 40, исключенная въ изданіи Мюлленгофа), поражаетъ волка, воззая ему мечъ въ сердце:

laétr megi hvegrungs mund of standa
hjoř til hjarta.

Mund означаетъ: рука; *Vigfusson, Dictionary a. v., mund*, читаетъ вм. *mund of mundum*: воззая руками; въ *Corpus poet. boreale* онъ, очевидно, отождествляетъ *mundr* съ *munnr*: ротъ,
24 *

пасть: he shall thrust his sword down the monster's *jaws* right to the heart (I, 200); иначе *ib.* II, 627: he shall thrust the sword with his hand into the heart. Мейеръ принимаетъ толкованіе: *mund*: рука, но переводить такъ (стр. 203): Видаръ всунулъ свою руку, *mund*, причеиъ авторъ *Völusrá* могъ имѣть въ виду созвучное *munng*: ротъ—и апокалипсическое: изъ *устъ* его исходитъ мечъ! Я предпочелъ бы этому крайне запутанному толкованію болѣе простое: *munng*, *mungr* означаетъ стальную оправу топора или молота, остріе; *mund* (остріе) и *hjoð* (мечъ)—обычная тавтологія, не вызывающая представленія руки: возилъ остріе — возилъ мечъ въ сердце. — Отметимъ еще одну параллель: въ *Gylfaginning* Видаръ разрываетъ пасть чудовища, наступивъ ему на нижнюю челюсть; это — отраженіе апокалипсическаго: топтать точило!

Торъ 41-й и 42-й строфы бьется съ мировымъ змѣемъ. Мы знаемъ уже, что Мейеръ приравниваетъ послѣдняго къ *Nirhoggr*'у 25-й и 51-й строфъ; это отождествленіе, заподозрѣнное нами, удерживается и здѣсь въ связи съ змѣемъ Апокалипсиса. Въ строфѣ 24—25 говорится о *Nirhoggr*'ѣ, что онъ сосетъ трупы на берегу мертвыхъ: сл. Апок. XII, 17 «и разсвирѣпѣлъ драконъ на жену и пошелъ, чтобы вступить въ войну съ прочими отъ сѣмени ея»; гл. XIII, 1: «Я сталъ на песокъ морскомъ и увидѣлъ выходящаго изъ моря зѣря съ семью головами» и т. д. *Змѣй* и *зѣря* Апокалипсиса не тождественны, самъ Мейеръ нашелъ соотвѣтствіе тому и другому, и мы уже знаемъ, что зѣря очутился на сѣверѣ Фенриромъ. Въ данномъ случаѣ Мейеръ забываетъ это отличіе, относя оба стиха Апокалипсиса — къ *змѣю*: война съ людьми отъ сѣмени жены отвѣчаетъ идеѣ пожиранія ихъ на берегу мертвыхъ, т. е. на песокъ морскомъ. — Разумѣется и въ данномъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, мы обязаны многое вмѣнить вольному и невольному синкретизму автору *Völusrá*, многое, — и это важнѣе, — объяснить обязывавшими его языческими образами и представленіями. Мейеръ напр. (стр. 205) напоминаетъ Апок. XX, 2, 3, гдѣ о змѣѣ, низверженномъ въ бездну,

говорится, что по прошествіи тысячи лѣтъ онъ освободится, а затѣмъ снова будетъ сверженъ на вѣки въ озеро огненное. Мейеръ приравниваетъ къ этому послѣднюю строфу нашей поэмы (51), гдѣ *Nírhoggt* летитъ изъ *Nírafjollum*, нагруженный трупами — и проваливается.

Мейеръ сравниваетъ бой Тора съ міровымъ змѣемъ съ Апок. XII, 7 слѣд., гдѣ Михаилъ и ангелы его воюютъ съ дракономъ, послѣ чего онъ сверженъ на землю. Торъ, стало быть, Михаилъ; смерть перваго объясняется изъ германскихъ мифовъ о гибели громовника (стр. 275). Я видѣлъ¹⁾ въ Торѣ—Илью: оба громовника — змѣеборцы и объ Ильѣ дѣйствительно повѣствовалося, что онъ погибъ въ борьбѣ съ Антихристомъ, котораго и представляли себѣ въ образѣ змія. Я предпочитаю это объясненіе потому, что оно представляетъ и большее число сходныхъ чертъ и оставляетъ открытой параллель для Геймдалла — Михаила, борющагося съ Локи—Луциферомъ. Я не думаю, чтобы составитель *Gylfaginning* прибавилъ этотъ эпизодъ, незнакомый *Völusrá'á*, только для округленія.

Остается еще одно единоборство: Фрея съ Суртомъ. Суртъ, можетъ быть, въ основѣ, южный вѣтеръ (*der schwarze Südwind*, стр. 209) съ чертами — Антихриста. Въ параллель къ Сурту и его огненной природѣ Мейеръ собираетъ параллели о «пламенномъ явленіи Антихриста» (стр. 207), но онѣ мало доказательны, въ родѣ огня, низводимаго послѣднимъ съ неба; у Лактанція говорится еще: *cadet repente gladius de coelo... et antecedit eum flamma inextinguibilis*: это образъ Сурта въ *Gylfaginning* (стр. 208), съ пламеннымъ мечемъ вмѣщающаго явиться въ концѣ дней, чтобы побѣдить боговъ и выжечь свѣтъ. Мы ожидаемъ, что Мейеръ распространитъ сравненіе и на 36-ю строфу *Völusrá'*: Суртъ идетъ съ пламенемъ, точно солнце блеститъ мечъ смертоносныхъ боговъ, боговъ битвы, — или бога (*valtíva* какъ род. ед.), т. е. Сурта; иначе *valtíva* род. мн. можно представить

¹⁾ Разысканія VIII, стр. 335 слѣд.; 344—347.

себѣ сказаннымъ о сонмѣ, челяди Сурта. Мейеръ понимаетъ (стр. 210—211) иначе, переводя *váltivar* какъ: боги избранные, *elésti*, т. е. ангелы, являющіеся съ Христомъ на брань противъ Антихриста - Сурта въ Апок. XIX, 14: И воинства небесныя слѣдовали за Нимъ на коняхъ бѣлыхъ, облеченныя въ виссонъ бѣлый и чистый.—Но если удержать сравненіе: *gladius de coelo* Лактанція съ пламеннымъ мечемъ Сурта въ Гильфагиннингѣ, то нѣтъ нужды отдѣлять отъ послѣдняго мечъ нашей строфы.

Если для объясненія огненнаго Сурта-Антихриста Мейеръ обращался не только къ Апокалипсису, но и къ Іезекілю, въ которомъ авторъ *Völuspá* могъ почерпнуть образы пламеннаго гнѣва Господня (стр. 209—210), то тѣ-же источники предполагаются и для второй половины 36-й строфы: «рушатся каменные горы, исполниши падаютъ, мужи вступаютъ на путь Гелы и небо треснуло». Такъ какъ дѣло идетъ объ общихъ мѣстахъ, соединенныхъ съ идеей гибели и разрушенія, я и не касаюсь частныхъ сближеній, открываемыхъ Мейеромъ (стр. 211). Я только не понимаю, почему на стр. 211 онъ отдаетъ предпочтеніе *gata* вмѣсто *hgata* (исполниши «низвергаются»), тогда какъ въ своемъ текстѣ *Völuspá* удерживаетъ послѣднее.

Противникомъ Сурту-Антихристу является Фрей; толкуя его (стр. 212) Мейеръ исходитъ изъ нарицательнаго значенія его имени: *dominus* и приходитъ къ его отождествленію съ «царемъ надъ царями» Апокалипсиса XIX, 16, у котораго (*ib.*: 15) выходитъ изъ устъ «острый мечъ». Фрей, стало быть, отвѣчаетъ Христу, и, вмѣстѣ, является дублетомъ къ *Vírag*'у: вѣдь острый мечъ исходящій изъ устъ уже былъ истолкованъ въ его пользу (стр. 202). Этотъ *double emploi* заставляетъ отнести съ сомнѣніемъ къ отождествленію *Vírag*'а и Фрея; значеніе *dominus* не доказательно для послѣдняго; знакомый намъ взглядъ Мейера на обособленіе понятія *вановъ* подъ влияніемъ христіанскаго ученія объ ангелахъ (стр. 104) вель повидному къ другимъ параллелямъ— и другому отождествленію.

Апокалипсическіе и вообще христіанско-эсхатологическіе об-

разы, соответствующіе содержанію 43-й строфы, не трудно было отмѣтить. Сл. стр. 212—213 в Разысканіи VIII, стр. 337 слѣд.

9 (*Новый міръ и пришестіе Христа на страшный судъ*).

Снова выходитъ изъ моря земля: эту идею картинно развиваетъ 45-я строфа. Мейеръ указываетъ по этому поводу на новое небо и новую землю Апокалипсиса XXI, 1 (стр. 214—215), но это не объясняетъ образа: земля снова, во второй разъ выходящей изъ воды. На этомъ разногласіи слѣдовало остановиться, тогда какъ христіанскія параллели къ водопадамъ и орлу (стр. 216—217) получаютъ въ нашихъ глазахъ значеніе куріоза, особливо въ виду предположенія, что говоря объ орлѣ, охотящемся за рыбами, авторъ поэмы имѣлъ въ виду—символъ орла, какъ возвращающагося Христа. Едва-ли кто-либо увидитъ въ этихъ подробностяхъ что-нибудь, кромѣ удачныхъ штриховъ пейзажа.

Въ передачѣ 46-й строфы я расхожусь съ Мейеромъ, видящимъ въ *sholdrinnug* — міроваго змѣя. Я перевожу это слово: земное = мировое дерево ¹⁾. Азы сошлись á Ipravelli, въ Эдемѣ, разсуждаютъ о могучемъ мировомъ дрѣвѣ и поминуютъ о роковыхъ судьбахъ и древнихъ рунахъ, ученіяхъ Одина. Роковыя судьбы миновались, Одинъ погибъ, но могучее дерево осталось—можетъ быть, по связи съ новымъ появленіемъ изъ воды обновленной земли. Вспомнимъ что объ Иггдразилѣ, мировомъ дрѣвѣ говорилось во 2-й строфѣ, что оно стоитъ *fug shold* переп, т. е. подъ землею (сл. выше стр. 20).

Образъ Азовъ, снова очутившихся въ Идавеллѣ, вызываетъ память объ старыхъ временахъ, когда они были тамъ веселы и всё у нихъ было изъ золота (строфы 6 и 7): эти подѣлки изъ золота и очутились теперь золотыми костями, очевидно, игральными. Мейеръ считаетъ (стр. 217—218) эту подробность — интерполяціей.

Такъ или иначе, но строфа 46—7 говоритъ намъ объ обно-

¹⁾ Сл. Разысканія, вып. V, стр. 355.

вленномъ Эдемѣ, земномъ раѣ, 48 обращается къ обновленной землѣ, 49 и 50—если намѣтитъ напередъ возможные къ нимъ христіанскія параллели — о горномъ Іерусалимѣ и жилищѣ праведныхъ и явленіи Всемогущаго на судъ; 51-я объ окончательномъ сверженіи змѣя и грѣшниковъ.—Явленіе Всемогущаго въ концѣ поэмы безспорно принадлежитъ христіанскому представлению, а это указываетъ и на значеніе азовъ въ Эдемѣ: между ними и лицами христіанской Троицы нельзя искать соотвѣтствія, подсказывавшагося въ предыдущихъ эпизодахъ *Völusrá*; Всемогущій, очевидно, не Бальдръ=Христосъ, упоминаемый въ 62 строфѣ, какъ возвратившійся, тогда какъ Всемогущій является въ 65—съ высоты. Христіанскія и, можетъ быть, языческія представленія, затѣйливо смѣшались, либо и христіанскія явились въ дублетѣ. На мой взглядъ послѣдній отдѣлъ *Völusrá* принадлежитъ къ самымъ запутаннымъ въ отношеніи къ вопросу объ его источникахъ.

Обратимся къ толкованію Мейера.

Íravnllg 46-й строфы, гдѣ собрались азы—это новый Іерусалимъ=рай, спускающійся съ неба въ видѣніяхъ Апокалипсиса XXI, 3 слѣд. (стр. 215); бесѣдующіе азы относятъ насъ ко второму посланію ап. Петра 3, 10—12: небеса съ трескомъ прейдутъ, стихіи, раскалившись растаютъ, земля сгоритъ; «если же все такимъ образомъ разрушится, то какими должно быть вамъ въ святомъ житіи и благочестіи — въ ожиданіи скорого пришествія дня Божія и т. д.?» Здѣсь благочестивые размышляютъ о будущемъ, азы о *прошломъ*; Мейеръ (стр. 215—216) сравниваетъ Исайю LXV, 17—19, гдѣ также говорится о воспоминаніяхъ, но за тѣмъ, чтобы устранить ихъ: «Ибо вамъ, я творю новое небо и новую землю, и *прежнія уже не будутъ воспоминаемы и не придутъ на сердце*; 18: А вы будете веселиться и радоваться о томъ, что Я творю: ибо вотъ, Я творю Іерусалимъ веселіемъ и народъ его радостью» и т. д. Тѣмъ не менѣе азы *поминаютъ* о старомъ, о древнихъ рунахъ Одина, снова возвращающихъ насъ къ Апокалипсису XXI 5, 6: «И ска-

залъ сядящій на престолѣ: . . . напиши, ибо слова сїи истинны и вѣрны. — И сказалъ мѣ: Совершилось! Я есмь Альфа и Омега, начало и конецъ. Странно, что авторъ Vqlusrá примѣнилъ эти слова — къ древнимъ, скажемъ, отмѣненнымъ рунамъ Одина, павшаго бога.

Я стою за иное значеніе Irawoll'я въ этой строфѣ: не горній Іерусалимъ, а Эдемъ. Въ основѣ лежитъ синкретическое, полужыческое, полухристианское воззрѣніе, общій смыслъ котораго дается конечнымъ явленіемъ — Судіи. Передъ нимъ азы спускаются къ роли обновленныхъ, на ряду съ людьми: первые по прежнему въ Идавеллѣ, играютъ въ кости; строфа 46-я продолжаетъ ту же картину: поля производятъ жатву незасѣянная, всякое зло исправится, Норгъ и Бальдръ снова вселяются въ палатахъ Нгóрт'а=Одина, жилищѣ сраженныхъ боговъ.—Мейеръ (стр. 218, 219) продолжаетъ и для этой строфы параллель новаго Іерусалима Іезекіиля 34, 24 (гдѣ о Іерусалимѣ нѣтъ рѣчи) и Гонорія, Specul. Eccles. l. c. 1095: Hierusalem haec (sc. coelestis) de vivis lapidibus scilicet universis electis ut civitas aedificetur; Elucidarium l. c. 1113: Deus constituit sibi praeclarum palatium, quod dicitur regnum caelorum. Ad quod palatium praedestinavit certum numerum *electorum* militum и т. д. Electi эти—angeli и homines — отвѣчаютъ понятію valtiar, какъ въ строфѣ 38; въ Норг'ѣ и Baldr'ѣ, мы уже знаемъ (сл. выше стр. 9), Мейеръ усматриваетъ арх. Михаила и Христа; относительно перваго, уже отвѣтвшаго въ Vqlusrá образу Лонгина, Мейеръ колеблется (стр. 266) не вѣрнѣ ли это *разномасіе* значеній — интерполитору 33-й строфы (Норгъ=Лонгинъ). Такъ или иначе, во Baldrъ и Нгóг, т. е. Христосъ и Михаилъ, поселятся въ палатахъ Нгóрт'а, вѣщаго, въ жилищѣ ангеловъ. Выраженіе болѣе чѣмъ странное, если и допустить, что нарицательное значеніе Нгóрт'а могло заслонить въ своей общности личность языческаго бога. Но затрудненіе не въ этомъ, а въ необходимости соединить водвореніе Бальдра=Христа съ могучимъ и сильнымъ, приходящимъ свыше на судъ въ строфѣ 50-й. Остается предположить, либо что онъ

тождественъ съ Бальдромъ, что невѣроятно уже по самой послѣдовательности разсказа, либо что Бальдръ и Норгъ въ данномъ эпизодѣ не отвѣчаютъ Христу и арх. Михаилу, не христіанизованы (стр. 220). Трудно, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ, даже съ точки зрѣнія автора *Völuspá*, какимъ представляетъ его себѣ Мейеръ, азовъ, играющихъ въ кости, и *valtirar* = ангеловъ, тѣхъ и другихъ — въ новомъ Иерусалимѣ: *regnum coelorum*. Естественнѣе была такая идея: обновилась, выйдя изъ водъ, земля—и все на ней: въ *Irauöll* по прежнему блаженствуютъ боги, въ Мидгардѣ = вселенной, выраженной въ строфѣ 48-й словомъ *Vindheim*, поселяются люди, и *Nipir*, одинъ изъ демиурговъ стараго мифа, даетъ жребій, очевидно, людямъ, какъ прежде даровалъ имъ духъ: жребій жизни.

Мы уже знаемъ, что для Мейера *Nipir* въ указанной строфѣ — Энохъ библейско-христіанской эсхатологич., какъ *Lórogr* = Илья, тоже являвшійся во второмъ утраченномъ стихѣ той-же строфы. И здѣсь, по мнѣнію толкователя, мѣсто дѣйствія то-же: *Irauöll*; Илья и Эноху также подобаетъ быть въ раю, какъ Христу и арх. Михаилу: Христосъ и Михаилъ уготовляютъ небесныя палаты для христіанъ (стр. 223, 224), Энохъ, распредѣлявшій по библейско-талмудическимъ воззрѣніямъ мѣста на небѣ,— для евреевъ. Это подтверждается извѣстнымъ видѣніемъ Іезекіиля XLVII, часто толковавшагося иносказательно, какъ эсхатологическое. Вниманіе Мейера особенно обратили на себя стихи 16: «Ты же, сынъ человѣческій, возьми себѣ одинъ жезлъ и напиши на немъ: Іудѣ и сынамъ Израилевымъ, союзнымъ; и еще возьми жезлъ и напиши на немъ: Іосифу; это жезлъ Ефрема и всего дома Израилева, союзаго съ нимъ. И сложи ихъ у себя одинъ съ другимъ въ одинъ жезлъ, чтобы они въ рукѣ твоей были одно». Это толкуется далѣе въ томъ смыслѣ, что Господь возьметъ сыновъ Израилевыхъ изъ среды народовъ, соберетъ ихъ отовсюду и водворитъ въ ихъ землю, гдѣ они будутъ однимъ народомъ, съ однимъ царемъ.— Жезлъ Іезекіиля Мейеръ объясняетъ какъ *sorg* (стр. 225) = *hlautvid* въ *Völuspá*: въ послѣдней

жребій назначаетъ Нѳііг = Энохъ сынамъ двухъ братьевъ, т. е. Иуды и Израиля. Такъ понимаетъ Мейеръ: *burir . . . brœpra tveggja*. Мюлленгофъ (I. с. стр. 84 и 156) переводитъ: Тогда Гѳниръ (и Лодуръ) изберутъ жребій (какимъ прежде владѣли, т. е. стануть пользоваться прежними почестями) и сыновья Твегги (Tveggja) заселятъ ввидгеймъ». Что такое Tveggi? Судя по тому, что Мюлленгофъ считаетъ (предположительно) Лѳрог'а — братомъ Нѳііг'а, Твегги — ихъ отецъ? Heusler ¹⁾ толкуетъ: сыны Одиновыхъ братьевъ, т. е. Нѳііг'а и Лѳрог'а, явившихся, быть можетъ, въ братскихъ отношеніяхъ къ Одну, какъ поздне Vili и Vé. Vigfusson ²⁾ колеблется: the sons of the Twin-brethren или the sons of the two brothers (Hoth and Balder); стало быть дѣти братьевъ Гѳдра и Бальдра. Я считаю это толкованіе наиболѣе подходящимъ къ послѣднимъ эпизодамъ *Völuspá*, спустившимъ понятіе азовъ, снова объявляющихся въ *Íravnoll's* (строфа 46), почти къ значенію людей—ибо Всемогушій въ концѣ поэмы могъ исключить идею всякой другой божественности. Передъ концемъ свѣта одинъ братъ былъ невольной причиной убійства другого, Гѳдръ Бальдра; братья будутъ ратиться; въ новомъ мірѣ Бальдръ мирно водворяется вмѣстѣ съ Гѳдромъ — и Гѳниръ, по старой памяти, назначаетъ жизненный жребій ихъ потомкамъ. Иуда и Израиль могли быть здѣсь не причемъ — да и трудно представить себѣ, съ точки зрѣнія христіанскихъ представленій о страшномъ судѣ, эпизодъ, подобный предложенному Мейеромъ: объ Энохѣ, удѣляющимъ евреямъ жребій на небесахъ, какъ Христосъ удѣлялъ таковой-же — «христіанскимъ душамъ». Въ христіанской эсхатологіи такое воззрѣніе было-бы, если не аномаліей, то *unicum*.

Съ 46-й по 48-ю строфу Мейеръ удерживаетъ, какъ мы видѣли, одну и ту-же сцену дѣйствія, *Íravnollr*, смѣшывая, въ толкованіи его, понятія Эдема-рая и горняго Иерусалима. От-

¹⁾ Heusler, *Völuspá*, Die Weissagung der Seherin. Berlin 1897, p. 69 u 81.

²⁾ *Corpus poet. boreale* I, 201 u II, 629.

того у него вѣтъ движенія впередъ, ибо Gimlee 49-й строфы, крытый золотомъ, краше солнца, опять является горнимъ Ierusalimомъ Апокалипсиса и Исаяи (стр. 231—2): Gimlee или Gimhlé (gim=gemma)—это и есть gemmata et aurea Jerusalemъ Иеронима. Съ этимъ толкованіемъ, намѣченнымъ уже другими изслѣдователями, надо согласиться; вѣрные, добродѣтельные люди, вѣчно блаженствующіе въ Gimlee—отвѣчаютъ такимъ же христіанскимъ представленіемъ, какъ образъ могучаго, сильнаго, свыше приходящаго на страшный судъ (at regindómi). Слѣдствіемъ его будетъ окончательная кара надъ грѣшниками: змѣй Nírhoggt унесетъ ихъ въ преисподнюю.

Этимъ противоположеніемъ вѣчнаго блаженства и вѣчнаго мученія кончается поэма; но Nírhoggt, прилетающій съ Nírafjöllum, отъ мрачныхъ горъ, даетъ намъ поводъ еще разъ вернуться къ строфамъ 22—24-й. Въ 23-й строфѣ золотая палата Синдри стоитъ въ Níravellir, вмѣсто чего варьянтъ читаетъ á Nírafjöllum, что поддерживаетъ и Гильфагиннингъ с. 52. Такъ или иначе, но, вѣроятно, что разумѣется одна и та-же мѣстность, къ которой приуроченъ и Nírhoggt. Это ведетъ къ вопросу: вправѣ-ли мы видѣть въ строфѣ 23-й описаніе жилищъ блаженныхъ (покой Синдри и Ókolni), въ 24—5-й—грѣшниковъ (палата на берегу мертвыхъ)? Gylfaginningъ с. 52, говоритъ, что много есть хорошихъ и много худыхъ (загробныхъ) обитателей: всего лучше быть въ Гимлѣ, очень хорошо въ Ókolni, хорошо еще въ палатѣ Синдри, худо на берегу мертвыхъ. За вычетомъ Гимлѣ, мѣста вѣчно-блаженнаго пребыванія, — всё остальное представляетъ, быть можетъ, лишь градацію посмертнаго существованія — вѣдь идеи блаженства. Этимъ объяснилось бы и положеніе палаты Синдри на сѣверѣ, на темныхъ долинахъ или горахъ, откуда въ концѣ дней прилетаетъ Nírhoggt. Если такъ, то пятый отдѣлъ Мейера скорѣе было-бы надписать: Адъ, а не: Адъ и Рай. Къ изображенію перваго авторъ увлекся эпизодически—отъ изображенія связаннаго, мучимаго Локи въ строфѣ 21-й; надъ нимъ виситъ змѣя—и это сразу переносило его къ палатамъ на Nástrand'ѣ, сплетен-

нымъ изъ змѣнныхъ хребтовъ. Это худшая изъ загробныхъ обителей, и здѣсь можно было себѣ представить себѣ Локи; передъ тѣмъ авторъ описалъ другія, въ которыхъ степень наказанія меньше. *Gylfaginning* считаетъ отъ Гимля, идя отъ понятій: лучше къ очень хорошо, хорошо, худо; восходя отъ *Nástrand*'а мы сказали бы, что въ палатѣ Синдри и Бримира лучше, еще лучше.—Эпизоду о карѣ Локи и неестественно было вызвать изображеніе — блаженства.

III.

Свой комментарий къ *Voluspá*'ѣ Мейеръ обобщаетъ (стр. 244—6) въ краткомъ *résumé* ея предполагаемаго христіанско-аллегорическаго смысла. «Никто не станетъ отрицать, говоритъ онъ по поводу своего *résumé* (стр. 246), что весь этотъ цѣльный комплексъ глубокихъ, величественныхъ идей получился изъ пристального изученія каждой строфы поэмы съ точки зрѣнія ея содержанія, причемъ я охотно признаюсь, что кое-гдѣ вмѣсто строгихъ доказательствъ являлись предположенія, и даже предположенія дерзкаго свойства. Кто не въ состояніи перенестись въ среду средневѣковыхъ догматическихъ ощущеній, усмотрѣть въ ней непрестанно дѣятельную, часто смѣлую метаморфозу мотивовъ, тотъ естественно усомнится и удивится странности и необычной темнотѣ отдѣльныхъ выраженій и даже цѣлыхъ серій строфъ, какъ и странному, по виду, замыслу: выразить чисто христіанскій сюжетъ въ чисто языческихъ формахъ, и выразить вѣрно — до иллюзій (*täuschend*). Авторъ надѣется, что эти сомнѣвающіеся обратятся на путь пониманія, какъ обратился и онъ, когда послѣ анализа частныхъ онъ поднялся на высоту, съ которой ему сталъ ясенъ внутренній планъ *Voluspá*. Подтвержденіе своего взгляда на неѣ онъ находитъ въ аналогическихъ памятникахъ болѣе древней христіанской литературы, разбору которыхъ и посвящаетъ слѣдующія (246—261) страницы.

Что этотъ разборъ не полонъ, въ этомъ сознается и самъ

авторъ (стр. 258): еще предстоитъ напр. опредѣлить отношенія *Völuspá* къ литературѣ апокрифовъ; Мейеръ имѣетъ главнымъ образомъ въ виду книгу Эноха; я не думаю, чтобы именно этому памятнику слѣдовало придавать, въ вопросѣ объ экзегезѣ *Völuspá*, какое-то особое значеніе, но въ общемъ недочетъ усмотрѣнъ вѣрно: именно апокрифы питали народную и средне-вѣковую поэзію своею картинностью, и ихъ нельзя было обойти хотя-бы съ точки зрѣнія метода.

Но меня удивила неполнота другого рода: недостаточность и отрывочность анализа тѣхъ памятниковъ, которые Мейеръ привлекъ къ сравненію, какъ доказательные для его цѣли. Именно этому отдѣлу надлежало дать серьезное развитіе: онъ явился-бы оправданіемъ толкованія *Völuspá*, если не его фундаментомъ, то тѣмъ устоями, которые поддерживаютъ готическій соборъ, безмѣрно стремящійся ввысь, къ горнему Иерусалиму, какъ-бы забывая свое каменное тѣло.

Völuspá представляетъ, на взглядъ Мейера, краткій перечень библейско-евангельскихъ событій, отъ міроздавія до страшнаго суда. Такіе христіанскіе перечни, развивающіе планъ Символы вѣры, извѣстны, и Мейеръ (стр. 246 слѣд.) обращаетъ на нихъ вниманіе. Что въ такихъ перечняхъ, при соблюденіи общей послѣдовательности, иные факты библейской или христіанской исторіи могли быть опущены, либо одни замѣнены другими,—въ этомъ нѣтъ ничего необычнаго, что-бы устранило *Völuspá* отъ сравненія.

Но сѣверная поэма представляетъ не только историческій, а историко-аллегорическій обзоръ указанныхъ фактовъ. Это вводитъ *Völuspá* въ широкое теченіе средне-вѣковаго аллегоризма и выразившей его литературы. Иносказательное толкованіе священнаго писанія, начавшееся въ Александріи (Филонъ), создало на западѣ не только особое направленіе богословской экзегезы, но и теченіе мысли: библейскій или евангельскій рассказъ являлся не самъ по себѣ, а показателемъ чего-то другого, въ немъ скрытаго, символически утаеннаго, какъ совершеніе или прообразованіе; вся

исторія человечества—постепеннымъ откровеніемъ, въ которомъ каждая стадія пророчески-образно приготовляетъ слѣдующую за ней. Эта идея вносила въ послѣдовательность событій генетическую связь, но ободряла и къ исканію мелкихъ параллелей, содержательныхъ, чаще внѣшнихъ: убійство Авеля явилось прообразованіемъ жертвы на Голгофѣ; Вавилонъ, вавилонская блудница, столпотвореніе и т. п. получали вносказательное значеніе; невѣста Пѣсни Пѣсней была то Церковью, то душой — и въ позднюю пору среднихъ вѣковъ образъ души, сочетающейся съ Богомъ (Пѣснь П. 3, 11), принадлежитъ къ однимъ изъ любимыхъ. Мейеръ (стр. 455 — 6) отмѣчаетъ недостаточно, по его мнѣнію, замѣченное доселѣ: что нигдѣ послѣдній мотивъ не получилъ такого своеобразнаго, чувственно-миологическаго выраженія, какъ именно у Гонорія, умѣвшаго къ тому-же соединить въ общей картинѣ *исторію спасенія человечества* вообще, отъ изгнанія изъ рая до свѣтопреставленія, съ исторіей искупленія *души индивидуальной* (=Невѣста Пѣсни Пѣсней). Сл. стр. 256.

Это положеніе Мейера приближаетъ насъ къ выводу, къ которому отчасти приготовилъ насъ и его комментарий: именно *Vqlusrá* представляется ему такой-же исторіей искупленія человечества, съ вплетенной въ нее вносказательной повѣстью о душѣ: *Gollveig'ŕ* = *Heigr* (строфы 10—11) и *vqlva'ŕ* (строфы 17 слѣд.). Авторъ *Vqlusrá* могъ заимствовать этотъ эпизодъ только у Гонорія, ибо *едва-ли* (*schwerlich*) удастся доказать существованіе подобнаго эпизода ранѣе Гонорія, охотно называющаго при другихъ случаяхъ свои источники, но горделиво указывающаго на свою самостоятельность именно въ толкованіи Пѣсни Пѣсней: *Honorius Cantica Canticorum exposuit, ita ut prius exposita non videantur* (стр. 457 и 98). Къ чему относится *ita*— вотъ вопросъ, который Мейеръ предпринялъ въ свою пользу, увѣренный, что дѣло касается именно аллегорическаго пониманія невѣсты = души и что его толкованіе *Gollveig'ŕ* и не вызоветъ сомнѣній. Наши сомнѣнія мы выразили въ своемъ мѣстѣ; въ виду ихъ я и не даю особаго значенія требованію, которое не-

вольно вызывается гипотетическимъ заявленіемъ Мейера — о первенствѣ Гонорія. «Едва-ли» — не рѣшеніе, а вызовъ къ дальнѣйшимъ поискамъ, потому важнымъ, что ими рѣшается хронологія *Voflusrá*. Двойственность пониманія «невѣсты» какъ церкви и вмѣстѣ индивидуальной души восходитъ къ самымъ началамъ христіанско-аллегорическаго толкованія Пѣсни Пѣсней, усвоенному отъ Синагоги. Такъ уже у Оригена, объясняющаго невѣсту Церковью, но главнымъ образомъ сводящаго Пѣсню Пѣсней къ изображенію отношеній Бога или божественной любви къ отдѣльной человѣческой душѣ. Понятіе церкви вводило въ толкованіе историческій элементъ: если бл. Августину Пѣсня Пѣсней представилась изображеніемъ исторіи Евреевъ, то его послѣдователи включили въ ея рамки и исторію новозавѣтную. Это точка зрѣнія Апонія (VII вѣка)¹⁾: *Sapientissimo Salomoni, quicquid ab initio mundi usque in finem in mysteriis egit acturusve erit Dei sermo erga Ecclesiam, in figura et in aenigmatibus est demonstratum. In quo Cantico omnia quae narrantur tecta mysteriis in Verbi incarnatione revelata et completa docentur. Ubi allisa erigitur humana progenies, compedita absolvitur, corrupta ad virginitatis integritatem reformatur, expulsa Paradiso redditur, ex captiva libera, ex peregrina civis, ex ancilla domina, ex vilissima regina et sponsa Creatoris sui verbi Dei Christi benignitate effecta ostenditur, quae digna sit ejus suscipere oscula et una cum eo effecta spiritu, in caelestibus sublimata regnare... Quae immensa potentia, quae bonitatis dulcedo, quae miserationis superlativa omnium operum flagrantia paternae virtutis admirata ab angelis omniumque sanctorum choris praecelsis vocibus perpetuisque laudibus efferretur, nisi ut dominus ancillam vere pauperulam, ut aeternus mortalem per assumptionem carnis, *Rex Dominus Iesus Christus Ecclesiam* (id est: *Dei Sermo animam*) sibi sub conjugis titulo copularet.* — Соединеніе ecclesia, humana

¹⁾ Commentariorum Aponi in Cantica Canticorum lib. I, Maxima Bibl. veterum patrum, Lugduni 1677, t. XIV, стр. 99^b—100^a.

progenis и anima — это и есть исторія спасенія челоѣчества вообще въ связи съ исторіей искупленія души индивидуальной; не самостоятельное измышленіе Гонорія, на которомъ дозволено было-бы построить какіе нибудь выводы, исторію его вліяній. Между тѣмъ Мейеръ продолжаетъ тяготѣть къ нему: съ Гоноріемъ, какъ источникомъ Vqlusrá, мы остаемся въ XII-мъ вѣкѣ, къ которому, по мнѣнію изслѣдователя, относитъ поэму и многое другое: только къ началу этого столѣтія эпизодъ отпаденія (борьбы) ангеловъ и символика креста получили то развитіе, какое предполагается ея содержаніемъ (стр. 236); только въ эту пору европейская поэзія на столько освоилась съ антикомъ, что могла шире и смѣлѣе пользоваться матеріаломъ языческаго мифа для выраженія христіанскихъ идей (стр. 267): если въ одномъ латинскомъ гимнѣ IX вѣка являются гиганты и Оетида (стр. 250), то въ миниатюрахъ къ энциклопедіи Herrad'ы von Landsberg въ разсказѣ о міроздапіи мы видимъ Sol-Аполлона, Нептуна, Эола и т. д., а въ Anticlaudianus Алана ab Insulis въ борьбѣ души, поддерживаемой добродѣтелями, съ пороками фигурируютъ римскія божества, въ эпизодъ созданія новой души—Творецъ, Jupiter или Tonans, и парки (стр. 254).

По нашему мнѣнію Мейеръ радикально ошибается, выводя изъ этихъ фактовъ такое заключеніе (стр. 257): если Геррада и Аланъ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ произведеній пытались воскресить къ поэтической жизни мифическія божества *другою народа, давно забытыя или заброшенныя*, то автору Vqlusrá боги и демоны, введенные имъ въ исторію христіанскаго искупленія, хотя и представляются погибшими или побѣжденными, отверженными, тѣмъ не менѣе это — боги и демоны его родины и предковъ, въ которыхъ вѣрили еще недавно, отчасти и его современники, и онъ чаетъ въ нихъ на столько свѣжей поэтической силы, что сдѣлалъ ихъ главными носителями—христіанской исторіи искупленія».

Тутъ перепутано многое, что надо бережно отдѣлить, чтобы дойти — до верва Vqlusrá. Оетида и гиганты въ гимнѣ IX вѣка

и аналогическіе образы у Геррады стоятъ въ одномъ теченіи, восходящемъ къ синкретическому, въ смыслѣ религіознаго міросозерцанія, искусству катакомбъ, гдѣ Христосъ изображался въ образѣ Орфея, Психея символизovala душу и т. п. Эти образы-сипонимы установились — и повторялись безсознательно, по традиціи; изображала море античнымъ морскимъ божествомъ — божество собственно забывали, помнили гіерогляфъ, отъ божества открестились-бы, либо обратили-бы его въ демона. Но это лишь одна сторона вопроса; другая въ слѣдующемъ: когда Аланъ вызываетъ на сцену языческихъ боговъ, называетъ творца — Юпитеромъ, какъ позднѣе Боккаччо будетъ играть такой-же номенклатурой, они цѣликомъ стоятъ на точкѣ зрѣнія — гіероглифа: иишутъ по латыни, подражая классикамъ, знакомые съ ихъ Олимпомъ, который для нихъ обобщился до значенія поэтической *cheville*, общаго мѣста; тутъ вопросъ стила, не религіознаго синкретизма; чѣмъ глубже эти люди стоятъ въ преданіи христіанства, тѣмъ свободнѣе ихъ отношенія къ классическому язычеству. Оно отъ нихъ далеко, да и не свое.

Авторъ *Voluspa* былъ въ другомъ положеніи; по словамъ Мейера боги и демоны, которыхъ онъ ввелъ въ поэму, были *его богами*; еще встрѣчались современники, приносившіе имъ жертвы, и онъ раздѣлялъ съ ними вѣру въ ихъ, хотя-бы только поэтическую живучесть. Эта точка зрѣнія, исключая сравненія съ гимномъ IX вѣка, Аланомъ и Геррадой, относитъ насъ къ параллелямъ катакомбъ, къ тому полувѣрному синкретизму, который напвно изображалъ Спасителя—Орфеемъ. Мы настаиваемъ на выраженіи: полувѣріе; чѣмъ яснѣе выразится въ сознаніи сущность христіанства, тѣмъ невозможнѣе станетъ смѣшеніе понятій и образовъ, и надо допустить значительное хронологическое удаленіе отъ язычества, чтобы средневѣковой богословъ или поэтъ могъ счесть его безопаснымъ, поэтически-отвлеченнымъ матеріаломъ. Если-бы авторъ *Voluspa* вывелъ на сцену *Фетиду* и гигантовъ, мы сказали-бы, не обинуясь, что онъ подражаетъ напр. Алану; но онъ орудуетъ богами, такъ сказать,

еще живыми, заставляя ихъ служить выраженіемъ христіанскихъ идей. Такъ, въ его положеніи, могъ поступить лишь человекъ полувѣрный или двоевѣрный, не ученый богословъ, увлекшійся Гоноріемъ и его аллегорическимъ «романомъ о Психее». Если такъ, то уровень литературы, которой пользовался авторъ *Völuspá*, долженъ быть пониженъ: у него по прежнему могли быть въ рукахъ христіанскія источники, но не комментарий Иеронима, не Лактанцій, Гонорій и т. п. (ср. стр. 259), а болѣе низменныя, образныя легенды, апокрифическіе рассказы; онъ могъ и не читать ихъ, а наслышаться о нихъ.

Изъ поставленной мною дилеммы я не въ состояніи выйти: или авторъ *Völuspá* былъ ученый богословъ, въ такомъ случаѣ логически и психологически непонятно его отношеніе къ не вымершимъ еще богамъ и роль, которую онъ имъ создалъ: представителей христіанскаго откровенія. Мейеръ называетъ этотъ замыселъ смѣлымъ (стр. 265); я считаю его невозможнымъ. Или составитель поэмы былъ полу-христіанинъ, полу-язычникъ и поэтъ, излюбившій болѣе простой и народный, чѣмъ вычурный стиль скальдовъ своего времени (стр. 262), но подобно имъ зараженный односторонней, безвкусной тенденціей: выражать всѣ понятія мифологически (стр. 265). Этого вполне достаточно, чтобъ объяснить себѣ, почему тѣ крохи христіанской легенды или вносказанія, какія могли попасть къ нему, уложились въ ту-же мифологизирующую рамку, отвѣчая тѣмъ-же вкусамъ.

Мейеръ, очевидно, не имѣлъ въ виду всѣхъ этихъ соображеній, увлеченный Психеей Гонорія, Гульвейгой *Völuspá*'ы. Такъ какъ вторая представляется ему въ несомнѣнной зависимости отъ первой, то онъ и строитъ такую хронологическую схему (стр. 272—273): сочиненія Гонорія написаны между 1100 и 1125-мъ годами: въ 1150 году Einarr Skulason обнаруживаетъ уже знакомство съ *Völuspá*; стало быть, между 1125 и 1150 годомъ не только произведенія Гонорія стали извѣстны въ Исландіи, но и составила навѣянная ихъ идея *Völuspá*. Противъ такого приуроченія ничего не говорятъ показанія ея языка,

хотя ничего не говорят и за него (стр. 271); а въ первой половинѣ XIII вѣка *Völusrá* считалась уже древней поэмой. Мы можемъ, впрочемъ, еще ближе опредѣлить время ея написанія, если примемъ гипотезу Мейера, что ея авторомъ былъ никто иной, какъ Сэмундъ Сигфуссонъ: онъ умеръ въ 1133 году (стр. 276), *Völusrá*, стало быть, могла быть написана не позже 30-хъ годовъ XII вѣка. Могла-ли такая поэма считаться въ половинѣ слѣдующаго столѣтія древней — этого вопроса я не касаюсь; но почему она осталась безыменной?

Мейеръ отвѣчаетъ на это мимоходомъ въ послѣдней части своего изслѣдованія, результаты котораго я передамъ въ краткихъ чертахъ.

Сэмундъ (род. въ 1154 или 1056 г.) былъ изъ числа тѣхъ родовитыхъ юношей, которыхъ скальгольтскій епископъ Gizurтъ призывалъ къ пастырскому служенію и научнымъ занятіямъ. Онъ долго жилъ за границей, неизвѣстно гдѣ: во Франціи, Германіи или Италіи, и въ 1076 или 1078 годахъ вернулся въ Исландію (стр. 276—7), гдѣ въ то время грамматика, поэтика, музыка, богословіе и мистическая легенда изучались въ школахъ Скальгольта, *Naukaadalr*, *Holar* и *Oddi*, и еще стояла въ цвѣту поэзія скальдовъ (стр. 273—274). Сэмундъ воротился назадъ богословомъ, лучшимъ «клерикомъ Исландіи» (стр. 277); легенды, еще до сихъ поръ ходящія на островѣ, объ искусствѣ, пройденномъ имъ въ школѣ магіи, могутъ быть дѣйствительно истолкованы какъ народная иллюстрація тайновѣдѣнія иного рода: обладая обширною начитанностью, Сэмундъ любилъ отдаленные, не всѣмъ доступные источники знанія, и у него была склонность углубляться въ «темныя стороны мудрости» (стр. 278). Это идетъ къ автору *Völusrá*; правда, о Сэмундѣ неизвѣстно, былъ-ли онъ поэтомъ — но это вѣроятно, полагаетъ Мейеръ (l. c.); старое преданіе, восходящее къ XVII-му вѣку и, можетъ быть, ранѣе, о принадлежности Сэмунду всей стихотворной Эдды (стр. 275) онъ разъясняетъ (стр. 290) въ томъ смыслѣ, что Сэмундъ является вѣроятнымъ авторомъ *Völusrá*'ы, большая же часть

пѣсенъ Эдды, такъ называемыя Одническія пѣсни, *Hundloliop*, *Rigsrula* и *Nafnarulur* вышли изъ школы въ Oddi, главой которой былъ Семундъ. Школу Oddi Мейеръ представляетъ себѣ хранительницей его традицій, его рукописей, съ его помѣтками на поляхъ (стр. 281), указывавшими на его источники. Имъ воспользовался Einar Skulason (стр. 282 слѣд.), одинъ изъ лучшихъ скальдовъ XII вѣка, обладавшій даромъ стиха и поэтической формы, любившій красоваться своимъ знаніемъ народнаго мѣта. Интерполяціи въ Сэмундовой поэмѣ принадлежатъ ему: онѣ отличаются мѣтологическимъ характеромъ, но нѣкоторыя изъ нихъ показываютъ, что помѣтки Сэмунда не прошли для него даромъ и что, интерполируя его поэму, онъ почерпнулъ изъ-же его источниковъ. Примѣры такого рода дополнительной работы, поразившіе насъ своею странностью, объясняются косностью школьнаго преданья, на стези котораго находятся и Снорри: его *Gylfaginning* въ прямой отъ него зависимости, онъ также пользовался наслѣдіемъ Сэмунда (стр. 280—1), его библиотекой и *Vqlusrá*'ой, но уже съ интерполиціями Einar'a Skulason'a (стр. 283). Замѣчательна при этомъ послѣдовательность, съ которой Снорри умалчиваетъ имя человѣка, его вдохновившаго, учителя; у послѣдняго были поводы скрыть свое имя; на нихъ указываетъ Мейеръ (стр. 279): языческій колоритъ *Vqlusrá* могъ вызвать кривые толки, а они были не желательны въ ту пору, когда пріятель Сэмунда, епископъ Jon Ögmundarson, доводилъ свое рвеніе до запрета—обозначать среду и четвергъ именами Одина и Тора. Сага объ епископѣ Ionѣ, говоря о совмѣстной дѣятельности обоихъ друзей на пользу церковнаго устройства и назиданія, называетъ ихъ столпами церкви, а Семунда ея великимъ радѣтелемъ (стр. 277). Оказывается, что одинъ изъ радѣтелей счелъ нужнымъ скрыть свое имя при поэмѣ христіанскаго содержанія, но внѣшняго языческаго аппарата, а его ученики продолжали утаивать ея автора, вѣроятно, по тѣмъ-же, какъ и онъ, побужденіямъ; другихъ мы не можемъ себѣ представить. Если такъ, то и въ ихъ пору были ревнители по вѣрѣ, для которыхъ синкретизмъ *Vqlusrá*'ы

показался-бы зазорнымъ — и религиозное міросозерцаніе ея автора и его послѣдователей по прежнему представляется психологической загадкой. Не всѣхъ удовлетворитъ объясненіе Мейера (стр. 267—8): что *Völuspá*—ученое стилистическое упражненіе высоко-образованнаго богослова, котораго забавляла задача: выразить величественное содержаніе чуждой религіи, священнѣйшей изъ христіанскихъ сюжетовъ, языкомъ народнаго пророчества, полнымъ загадочныхъ оборотомъ и мнѳвческихъ аллюзій. Къ этимъ словамъ Мейеръ присоединяетъ еще слѣдующія: «на сколько при этомъ *въ души поэта было серьезной отры въ мистическую прообразовательность языческихъ божествъ по отношенію къ христіанской повѣсти искупленія — на этотъ вопросъ едва ли возможенъ точный отвѣтъ*». Мы уже сказали, что въ этомъ вопросѣ — всё дѣло, а его надо было поставить, прежде чѣмъ признать *Völuspá* твореніемъ высокообразованнаго богослова XII вѣка.

Если, цитую *Völuspá*, Снорри не называетъ имени ея автора, то всего проще предположить, что онъ и не зналъ его. Къ Сэмунду Мейеръ пришелъ очевидно двумя путями: изъ легенды, приписывавшей ему авторство стихотворной Эдды, и изъ комментарія Гонорія, въ которомъ онъ думалъ найти объясненіе нѣкоторыхъ темныхъ эпизодовъ *Völuspá*. Гонорій привелъ его хронологически къ Сэмунду мудрому, учившемуся въ западныхъ школахъ — когда, добавимъ, Гонорій еще не выступалъ на поприще литературной дѣятельности, если она относится къ 1100 — 1125 годамъ, тогда какъ Сэмундъ вернулся на родину въ 70-хъ годахъ XI-го в. Онъ, впрочемъ, могъ познакомиться съ трудами Гонорія и позже уже въ Исландіи.

Но дѣло не въ этихъ мелочахъ, а во всей методической постановкѣ вопроса. Нашъ взглядъ на него выяснился изъ предыдущаго разбора, въ которомъ, надѣюсь, не обойдено ничего, что въ изслѣдованіи Мейера является существеннымъ. Мы должны быть благодарны ему за попытку приложить ко всему составу *Völuspá* критерія христіанскихъ источниковъ, даваемаго нѣ-

сколько убѣдительныхъ результатовъ при анализѣ подробностей и отдѣльныхъ эпизодовъ поэмы. Кое-гдѣ изслѣдованіе Мейера повело эту частичную работу далѣе и не безъ успѣха; объяснить цѣлаго, по тѣмъ-же приѣмамъ, ему, на нашъ взглядъ, не удалось, но полезно было попытаться сдѣлать это, хотя бы подъ опасеніемъ оставить въ читателяхъ впечатлѣніе отрицательнаго свойства: *non liquet!* Эта точка зрѣнія опредѣлила и свойства моего разбора, не задавагося цѣлью поставить новое цѣлое вмѣсто предположеннаго Мейеромъ, а имѣваго въ виду лишь указать на невозможность, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, такой реконструкціи вообще.

XIX.

Эпизоды о раѣ и адѣ въ посланіи новгородскаго архіепископа Василія.

I.

Посланіе Новгородскаго архіепископа Василія «о земномъ раѣ»¹⁾ важно не только какъ памятникъ церковно-религіознаго развитія русскаго общества въ половинѣ XIV вѣка, но и какъ памятникъ литературный. Въ послѣднемъ отношеніи особенно важны его указанія на легенды²⁾ и апокрифическія статьи, слѣды которыхъ до сихъ поръ еще живы въ русскомъ народномъ суевѣріи. Изучать его «осязаемые» источники тѣмъ необходимѣе, чѣмъ чаще прежняя экзегеза ограничивалась указаніемъ на до-историческое сродство повѣрій, на прирожденные народу мнен-

---

¹⁾ Первая глава этой замѣтки воспроизводитъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, мою статью: Историко-литературныя замѣтки I: Параллели къ сказанію о «Новгородскомъ раѣ», Филологическія записки 1876, III, стр. 1—7.

²⁾ Укажу здѣсь лишь на легенду о вратахъ: «Самовидѣць есмь сему, брате: егда Христось, идый въ Іерусалимъ на страсть волную, затвори своиа рукаа врата граднаа, и до сего дня не отвориа [суть]». Сл. Новгородскія лѣтописи, изд. Археогр. комиссіи (1879), стр. 227 и указанія на Хожденія митрополита эфесскаго Данила и архим. Грегенія въ моей замѣткѣ: Къ вопросу объ образованіи мѣстныхъ легендъ въ Палестинѣ, Журн. Мин. Нар. Просв., ч. ССХХХІХ, отд. 2, стр. 170.

ческіе типы и т. п. Я останавлиюсь на первых порахъ на преданіи о «новгородскомъ раѣ», являющемся въ пересказѣ Василія съ особенно подчеркнутымъ мѣстнымъ колоритомъ. Точное опредѣленіе его источниковъ невозможно; къ гипотетическому насъ приведутъ слѣдующія параллели. Вотъ содержаніе разсказа.

«А то мѣсто святаго рая находилъ Мовславъ Новгородецъ и сынъ его Іаковъ, и всѣхъ ихъ было три юмы, и одна отъ нихъ погибла много блудивъ, а двѣ потомъ долго носило море вѣтромъ и принесло ихъ к высокимъ горамъ. И видѣша на горѣ той написанъ дѣясуъ лазоремъ чуднымъ и велии издивленъ паче мѣры, яко не человекъскими руками сотворенъ, но Божіею милостию; и свѣтъ бысть в мѣстѣ томъ [само]сіяненъ, яко не мощи человеку исповѣдати, и пребыша ту [долго] время на мѣстѣ томъ, а солнца не видѣша ту, но свѣтъ бѣ многочастный, свѣтлюяся паче солнца; а на горахъ тѣхъ ликованія многая слышаху и веселія гласы воспѣвающа. И повелѣша одному отъ нихъ взыти на гору ту, и видѣти свѣтъ и ликованія и глаголы, и яко взыде на гору ту, и абіе восплеснувъ руками и возрадывася, и побѣже отъ нихъ к сущему гласу тамо. Они же велии удивившася, и послаша другаго, да скажетъ имъ лже тамо видѣтъ, что есть бывшее на горѣ; той такожде сотвори, съ великою радостию побѣже отъ нихъ. Они же, видѣвши сіе, страха напонишася, и начаша размышляти к себѣ, глаголюще: аще ли и смерть случится, но видѣли быхомъ свѣтлость мѣста сего — и послаша третіяго на гору ону, [привязавъ ужищемъ за ногу его]; такоже и той хотѣ створити, восплескавъ руками радостно, и побѣже, в радости той забывъ ужище на нозѣ своей, они же протягнуша его ужищемъ, и в томъ часѣ обрѣтеса мертвъ. Они же возвратишася вспять, понеже не дано имъ есть видѣти тоя свѣтлости невзреченныя и ликованія тамо слышащаго; и нынѣ брате, тѣхъ мужей дѣти и внучата добры здоровы»¹⁾).

¹⁾ Новгородскія лѣтописи, изд. археограф. комиссіи (1879 г.), стр. 228; текстъ Софійскаго Временника у Буслаева, Истор. Христом., стр. 964—6.

Эта легенда, рассказанная новгородскимъ архіепископомъ Василіемъ въ его посланіи къ владыкѣ Тверскому Феодору II ¹⁾, интересна своимъ приуроченіемъ. Мѣсто земнаго рая находятъ новгородцы Моиславъ и Яковъ; ихъ путешествіе описано съ чертами реальности; у нихъ было три юмы, одна изъ нихъ погибла, двѣ другія принесло вѣтромъ къ высокимъ горамъ; дѣти и внуки тѣхъ людей еще живы, говоритъ архіепископъ Василій (1331—1352), побуждая насъ отнести странствованіе Моислава съ сыномъ по крайней мѣрѣ ко второй половинѣ XIII вѣка. Если пословица въ сборникѣ Яншкова: «новгородскій рай нашель» стоитъ въ связи съ нашимъ рассказомъ, то мы получимъ и свидѣтельство популярности, которымъ онъ пользовался въ Новгородѣ. Тѣмъ не менѣе возможенъ вопросъ: имѣемъ-ли мы право отнести его къ дѣйствительно «народнымъ преданіямъ» о раѣ? Легко предположить, что эта легенда не русскаго происхожденія, а только занесена въ Новгородъ и рассказывалась о новгородцахъ.

Въ концѣ XIII вѣка Heinrich von der Neuenstadt обработалъ въ нѣмецкихъ стихахъ извѣстный и въ нашей литературѣ романъ объ Апполоніи Тирскомъ ²⁾. Слѣдуя въ цѣломъ латинскому подлиннику, онъ позволялъ себѣ украшать его эпизодами своего собственнаго изобрѣтенія, либо заимствованными имъ изъ другихъ источниковъ: онъ не разъ ссылается въ такихъ случаяхъ на какую-то древнюю книгу. Самая пространная вставка включена непосредственно вслѣдъ за рассказомъ о томъ, какъ Аполлоній прибылъ въ Тарсъ и передалъ свою дочь на попеченіе Странгвиліона. Отсюда начинается цѣлый рядъ приключеній Аполлонія, въ стилѣ romans d'aventures: тѣ же битвы и далекія

¹⁾ Сл. Библиографическіе матеріалы А. Н. Попова, Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи и древностей 1889 г., кн. III, стр. 39.

²⁾ Schröder, Griseldis. Apollonius von Tyrus. Aus Handschriften herausgegeben въ Mittheilungen der deutschen Gesellschaft zur Erforschung vaterländischer Sprache und Alterthümer in Leipzig, V B. 2 H., стр. XIV—LXXI (извлеченіе и пересказъ поэмы Генриха von der Neuenstadt); Strobl, Heinrich von Neustadt, Apollonius. Von Gotes Zuokunft (Wien, 1876). Я цитую по этому изданію.

странствованія, цѣлый міръ чудесъ и невѣроятная географія. Съ возвращеніемъ Аполлонія въ Тарсъ мы снова входимъ въ рамки стараго греческаго романа. Непосредственно передъ тѣмъ, въ самомъ концѣ вставки, помѣщенъ эпизодъ о «земномъ рабѣ». Аполлоній держитъ моремъ путь къ Галатіи, видитъ по дорогѣ стѣну, высоты трехъ копъищъ; какъ ни объѣзжали ее путники, входа не нашли; тогда

einer steic ouf den maspoum,
 er wolte rechte tuon goum,
 daz er sagte maere
 waz in der purc waere.
 dô er ouf den maspoum kam
 und der stat gesiht vernam,
 erlachte er als er waere frô:
 hende und fûeze liez er dô
 und viel in die stat nider.
 si warttent, wanne er kaeme wider:
 des was im lützel gedâht.
 ein ander wart dar præht,
 der sluoc zesamen fûeze und hant
 und sprang ouf die schoenen want,
 dar nâch viel er ze tal
 hinab in den wizen sal.
 sust sprungen zehen dâ hin.
 daz nie keiner under in
 her wider ouz wolte komen,
 daz man die wârheit hiet vernomen,
 waz in der moure waere.
 dô sprach ein marnaere:
 «pintt umb mich ein starkez scil:
 ob ich ouch wurde sô geil
 daz ich wolte springen nider,
 sô ziehet mich mit kraft her wider,
 sô sage ich eu die wârheit
 von der stat gelegenheit».
 sie punden in gar vaste.
 do er kam zuo dem maste,
 dô wolte er ouch gesprungen hân

als dâ vor was getân:
dô habten sie in vaste
oben auf dem maste.
er schré mit lauter stymme,
sîn clage deu was grymme.
doch zukten sie in vaste wider
hintz daz er kam zuo in hernider.
dô was er als ein stumbe.
sie kërten in umbe,
daz er wort nie sprach
und mit den ougen niht ensach.
er lac an der stat tôt.
sie sprachen: «waz ist dise nôt?
wir suln schlier von hinnen varn
und unser leben psz pewarn».
er huop sich von dannen
mit allen sînen mannen.
sie sprâchen: in allen wîs
dâ mac wol sîn ein paradts» (l. c. p. 80—1).

Разсказъ, какъ видно, совершенно сходный съ новгородской легендой, только образъ райской горы замѣненъ представленіемъ райской стѣны. Въ слѣдующихъ нѣмецкихъ сказаніяхъ, записанныхъ въ Германіи, мы встрѣтимъ такое же чередованіе горы и стѣны; только исчезъ образъ моря, приморская сказка утратила свой колоритъ въ средненѣмецкихъ пересказахъ. По одному изъ нихъ рыцарь vom Ueberlingersee доходитъ въ своемъ семилѣтнемъ странствованіи до конца свѣта; въ пустынѣ передъ нимъ поднимается высокая стѣна; желая узнать, что лежитъ за нею, онъ поочередно помогаетъ двумъ своимъ служителямъ взобраться на нее, но они тотчасъ же спускаются на другую сторону и не возвращаются болѣе, потому что попали въ земной рай; самъ же рыцарь не въ состояніи одинъ взобраться на стѣну ¹⁾. По другому разсказу рыцарь названъ графомъ Стадіономъ; онъ заблу-

¹⁾ Meyer, Volksmärchen aus Schwaben, № 61. Das Nebelmännle. Cz. Germania IV, 74.

лись въ дремучемъ лѣсу и тамъ набрелъ на стѣну рая, за которую также спускаются безвозвратно два его служителя ¹⁾).

Сообщу въ заключеніи еще одну редакцію той же легенды, напечатанную Бирлингеромъ ²⁾).

Однажды трое отправились путешествовать. Странствовали они по всякимъ чужимъ землямъ и прибыли наконецъ къ одной очень высокой горѣ. Тамошніе жители не могли сказать имъ, что за земля находится на другой сторонѣ. Странники удивились этому; имъ представилось, что тамъ именно находится рай, и они дали обѣтъ во что бы то ни стало взойти на гору. Двое изъ нихъ остались внизу и помогли третьему взобраться. Когда онъ уже былъ наверху и его спросили, что онъ тамъ видитъ, онъ только улыбнулся и пошелъ за гору. Тогда послали на гору второго путника, взявъ съ него слово сказать, что онъ увидитъ по ту сторону въ раю. Но и этотъ поступилъ точно также, какъ и первый. Тогда стоявшій кругомъ народъ помогъ и третьему взлѣзть наверхъ, но привязалъ ему веревку за ногу, чтобы тотчасъ же стащить его, когда онъ покусится уйти безъ объясненія, какъ то сдѣлали другіе. Только что онъ взобрался, какъ началъ улыбаться и уже хотѣлъ перейти въ рай, какъ народъ быстро стащилъ его и осыпалъ вопросами. Бѣдный парень пытался что-то сказать, но вдругъ сдѣлался нѣмъ. Такъ любопытный народъ не узналъ ровно ничего о раѣ и по сей день знаетъ не болѣе.

Преданіе о новгородскомъ раѣ принадлежитъ, повидному, къ тѣмъ баснословнымъ рассказамъ о странахъ незнаемыхъ, которые распространились въ Европѣ съ литературою путешествій. Въ торговыхъ приморскихъ городахъ эта литература должна была пользоваться особою популярностью — что и объясняетъ мѣстное приуроченіе новгородской повѣсти. Приведу въ подтвержденіе легенду о раѣ на востокѣ, занесенную въ путе-

¹⁾ Сообщено А. Birlinger'омъ Umland'y. См. Umland's Schriften VII, 428.

²⁾ Aus Schwaben II, стр. 369.

шествиѣ Мандевилья ¹⁾: онъ лежитъ на горѣ, столь высокой, что, говорятъ, она упирается въ небо, въ кругъ луны. Рай обнесенъ стѣнами, расположенными крестообразно, обросшими плющемъ и мохомъ. Къ нему одинъ лишь путь, по которому, безъ помощи Божіей, не можетъ пройти ни одинъ смертный, потому что ему угрожаетъ тамъ пламя, великая тьма и дикіе звѣри. Говорятъ, что многіе удалцы отваживались на это странствіе и не могли совершить его: иные оглохли, другіе ослѣпли или потеряли рассудокъ, либо вовсе не вернулись, погибнувъ на пути. «Оттого я и не могу обо всемъ этомъ сказать что-либо положительное, кромѣ того только, что райскую гору можно видѣть издали». — Сходный рассказъ встречаемъ въ итинераріи Iohannes de Hese ²⁾: *Ulterius navigando per duodecim dietas venimus ad montem qui vocatur Edum, qui est nimis altus ad modum turris, ita quod non potest esse accessus ad illum. Super illum montem dicitur esse paradysus terrestris. Circa horam vesperarum, cum sol descendit versus illum montem, tunc videtur murus paradysi in magna claritate et pulcritudine ad modum stellae.*— Въ хожденіи св. Брандана ³⁾ представленіе горы усвоено аду, но нѣкоторыя подробности напоминаютъ новгородскую легенду о раѣ, тогда какъ другія дадутъ намъ поводъ поставить новыя параллели — въ объясненіе смежнаго эпизода Посланія Василія: объ адѣ на морѣ.

II.

На своемъ пути Бранданъ съ товарищами видятъ островъ; Бранданъ поясняетъ: *Tres populi sunt in illa insula: unus ruogo-*

¹⁾ *Reysen und Wanderschaften des hochehernen und weitberumpten Herrn Doctors und gebornen Ritters Iohaannis de Montevilla etc.* (въ нѣмецк. перек. Оттона von Demeringea), Cöln, 1600, стр. 248—246.

²⁾ Oppert, *Presbyter Iohannes*, 1-е изд., стр. 191.

³⁾ *Sancti Brandani, ein lateinischer und drei deutsche Texte* hrsg. von Dr. Carl Schroeder. Erlangen, 1871, стр. 28—4 и 29.

rum, alius juvenum, tercius vero seniorum. Porro unus ex fratribus nostris illic peregrinabitur. На вопросъ спутниковъ, онъ указываетъ имъ на одного изъ трехъ монаховъ, послѣдовавшихъ за нимъ изъ обители: iste est ille frater qui permansurus est ibi. . . Erat illa insula mire planiciei in tantum, ut illis videretur equalis mari, sine arboribus aut aliquo quod moveretur a vento. Valde enim erat spatiosa, tamen cooperta scaltis albis et purpureis, ibique viderunt tres turmas sicut vir Dei predixerat: nam inter turmam et turmam spacium erat quasi jactus lapidis de funda, et semper huc atque illuc ibant et una turma cantabat stando in uno loco dicens: Ibunt sancti de virtute in virtutem et videbunt Deum Deorum in Syon (Psalm. 84 = Vulg. 83, v. 8). Когда одинъ сонмъ кончалъ стихъ, другой повторялъ его, и такъ дѣлали непрерывно; одинъ сонмъ былъ одѣтъ въ бѣлыя одежды, второй въ одежды цвѣта гиацента, третья въ пурпурныя ризы (dalmaticis). Тогда былъ четвертый часъ; въ 6-мъ и 9-мъ и въ вечерню (ad vesperas) повторилось то-же антифонное пѣніе, но псалмы были другіе; свѣтлое облако (mire claritatis) осѣнило островъ, оно помѣшало путникамъ видѣть его, но голоса были слышны. Объ утреннѣ псалмы снова смѣнились; на разсвѣтѣ островъ очистился отъ облака, и раздалось новое пѣніе. Послѣ того таинственныя турмае совершили закланіе непорочнаго агнца и причастились его: itaque finita immolatione, duo ex turma juvenes portabant corpinum plenum de scaltis purpureis et miserunt in navem dicens: «Sumite de fructu insulae virorum fortium et redite nobis fratrem nostrum et proficiscimini in pace». Tunc sanctus Brandanns vocavit praedictum fratrem ad se et ait: Osculare fratres tuos et vade quia te invitant. Bona hora suscepit te mater tua, quia meruisti habitare cum tali congregatione. Osculatisque omnibus et sancto fatre, ait ille sanctus pater: Fili, recordare, quanta beneficia proposuit tibi Deus in hoc seculo. Vade, ora pro nobis. И онъ послѣдовалъ за юношами.

Слѣдующій далѣе эпизодъ является какъ бы обратной стороной сообщеннаго: путникамъ представляется на подѣверной

сторонѣ гора, воздымавшаяся изъ океана, съ сильно дымившейся вершиной. Вѣтеръ понесъ ихъ прямо къ острову. Erat namque ripa illius magne altitudinis, ita ut summitatem vix potuissent videre, et coloris carbonis et mire rectitudinis sicut murus. Unus quidem qui remansit ex tribus fratribus qui secuti sunt sanctum Brandanum de suo monasterio, exiliit foras de navi et cepit ambulare usque ad fundamentum, qui cepit clamare dicens: «Ve michi, frater! Predor a vobis et non habeo potestatem venire ad vos». Fratres confestim navim retro ducebant a terra et clamabant ad Dominum dicentes: Miserere nobis, Domine, miserere nobis. At vero venerabilis pater cum suis sociis aspiciebat, quomodo ducebatur ille infelix a multitudine demonum ad tormenta et quomodo incendebatur inter illos. Atque dicebat: «Ve tibi, fili, quia recepisti in vita talem finem».

Въ русской легендѣ рай на *высокой горѣ*, какъ адъ въ путешествіи Брандана; *самосіянный сонъ* напоминаетъ *облако mire claritatis*, ослѣпившее жилище блаженныхъ; оба спутника Брандана *предызбраны* для того или другого пребыванія, ихъ увлекаютъ; въ разсказѣ у Василія три челоуѣка *посланы* одинъ за другимъ на гору, какъ развѣдчики, двое изъ нихъ остаются тамъ, третій, къ ногѣ котораго привязали веревку, стащепъ внизъ мертвымъ.

Ирландская легенда (VIII—IX вв.), изъ рода imgha (разсказы о морскихъ хожденіяхъ), недавно разобранныя Циммеромъ ¹⁾, представляетъ ту-же двойственность эпизодовъ, что и Бранданъ, но въ разсказѣ есть описанія, сближающія ее тѣснѣе съ источникомъ русскаго сказанія. Предызбранности нѣтъ, идутъ развѣдчики: въ первомъ, адскомъ эпизодѣ ихъ нѣсколько, отправляющихся другъ за другомъ; во второмъ—идеть одинъ и не возвращается болѣе изъ страны блаженныхъ.

Вотъ содержаніе соотвѣтствующихъ эпизодовъ Imgha Cu-

¹⁾ Zimmer, Keltische Beiträge II: Brendans Meerfahrt in Zeitschrift f. deutsches Alterthum XXXIII, 2 Heft, стр. 159—60, § 15, и стр. 171, § 31.

gaig Maelduin: путники видятъ большой островъ, а на немъ толпу черныхъ людей, въ черныхъ одеждахъ, съ покрытыми головами. Они плакали и стонали. На второго изъ названныхъ братьевъ Maelduin'a палъ жребій пойти на островъ. Когда онъ подошелъ къ сѣтовавшимъ, сталъ тотчасъ-же чернымъ и принялся голоситъ вмѣстѣ съ другими. Съ корабля послали двоихъ, чтобы привести его, но они не признали его въ толпѣ и также начали сѣтовать. Тогда Maelduin велѣлъ четвернымъ вооружиться и силой привести тѣхъ людей: не смотрите ни вверхъ, ни внизъ (ни въ землю, ни въ воздухъ), сказалъ онъ имъ, закройте платьемъ носъ и ротъ, не дышите воздухомъ острова, а глаза устремите на своихъ товарищей. Такъ посланные и сдѣлали и привели ушедшихъ; когда ихъ спросили, что они видѣли на островѣ, онѣ отвѣтили: мы ничего не знаемъ, кромѣ одного: мы дѣлали, что видѣли (?). — Непосредственно за этимъ слѣдуетъ рассказъ о другомъ островѣ, раздѣленномъ на четыре участка стѣнами изъ золота, серебра, мѣди и кристалла. Въ первомъ участкѣ находились короли, во второмъ королевы, въ третьемъ юноши, въ четвертомъ дѣвушки. Здѣсь имъ подали пищу, которая всякому показалась такого именно вкуса, какого онъ желалъ, а отъ напитка, которымъ ихъ угостили, они проспали три дня и три ночи; очнувшись, они увидѣли себя на морѣ въ своемъ суднѣ, а острова какъ не бывало. Нѣкоторое время спустя путники пристали къ другому острову, съ ровной поляной, на которой была толпа народа, забавлявшагося и смѣявшагося. Бросили жребій, кому пойти провѣдать островъ: жребій палъ на третьяго названнаго брата Maelduin'a. Какъ только онъ вступилъ на берегъ, началъ забавляться и смѣяться съ другими, какъ будто онъ давно былъ ихнимъ. Долго дожидались его товарищи, но онъ не возвращался; такъ они его тамъ и оставили.

Другое ирландское хожденіе за море, Imram Curaig Ua Corra, которое Zimher относитъ къ XII вѣку или позднѣе, соединяетъ въ одинъ рассказъ два послѣднихъ эпизода предыдущаго текста, въ соотвѣтствіи съ параллельнымъ отдѣломъ Navigatio: на островѣ

четыре части, въ нихъ четыре сонма людей: сѣдовласые старцы, князья, именитые люди и слуги. Всѣ они были прекрасны и проводили время въ забавахъ. Одинъ изъ товарищей О' Соггас'овъ идетъ къ нимъ и кажется чернымъ въ сравненіи съ ними. Онъ тотчасъ же начинаетъ забавляться и смѣяться, становится, какъ они, веселымъ и прекраснымъ, и остается на островѣ ¹⁾.

Нѣмецкія сказанія, приведенныя выше, стоятъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ближе къ новгородской легендѣ, чѣмъ версіи Брандана и Imram Curaig Maelduin; но послѣднія важны мнѣ, какъ образчики тѣхъ баснословныхъ хожденій за море, популярности которыхъ могла дойти и до Новгорода. Изъ такого хожденія, или разсказа о немъ, почерпнута, по нашему мнѣнію, и легенда о «новгородскомъ раѣ» — а, можетъ быть, и предшествующій ему разсказъ объ «адѣ на западѣ».

«Тоже, брате, не речено Богомъ видѣ[ти] святаго рая челоувѣкомъ», пишетъ Василій, «а муки [и] нынѣ суть на западѣ; много дѣтей моихъ новгородцовъ видаки тому: на дышущемъ море червь неусыпающій и скрежетъ зубный и *рѣка огненная* (Соф. Врем.: *молненная Моръ*), что вода сходитъ в преисподняя и наки исходитъ трижды днемъ».

Какъ представить себѣ *рѣку на моръ*, входящую и исходящую вновь и притомъ огненную—это разъясняетъ отчасти ирландское Хоженіе. Объ адѣ при этомъ нѣтъ рѣчи; было-ли такъ въ подлинникѣ Василія? Я ишу лишь параллели къ необычному образу.

Снова островъ на морѣ; большая рѣка поднималась у берега въ высоту, перегибалась, какъ радуга, черезъ островъ и спускалась на другую его сторону. Путники прошли подъ ней, не замочившись, убили надъ собою много лососей, которые и попадали къ нимъ.... Отъ вечера (*vespertina*) субботы до *antetertia* поведѣльника рѣка не двигалась, а покоилась въ морѣ, окружавшемъ островъ ²⁾. — То-же, съ измѣненіями, въ Imram curaig

¹⁾ Zimmer, l. c. стр. 189; сл. стр. 196.

²⁾ Zimmer, l. c. стр. 165, § 25.

Ua Corra ¹⁾: чудесная рѣка поднимается радугой до неба, не роняя ни капли, и снова опускается въ море; ея журчаніе и шумъ пріятны для слуха; она не поднимаетъ головы отъ субботы по полудни до третьяго часа въ понедѣльникъ; ея вода отзывается медомъ.

Такъ можно представить себѣ и рѣку въ посланіи Василія: она огненная, либо молніиная (Соф. Врем.), но къ характеристикѣ адскаго пламени относится и представленіе огня съ оттѣнкомъ мрака. Сл. въ Видѣніи ап. Павла: «видѣхъ, братикъ, *рѣку чръну оянну* и беху въ ней чрви, кождо пожираху чловѣкы» ²⁾; Skirpismál 8: um... *myrkvan... vafrloga*: мрачное пламя. Старосѣверн. myrkr. датск. шведск. mörk: темный, мрачный; не оттуда-ли загадочное *Моргъ*? Или моргъ — средненижненѣм. murg: morsch, faul, *morastig*, morsch, brüchiches Land, Erde?

Что Моргъ *трижды* днемъ исходитъ изъ моря, снова входя въ него, можетъ быть не что иное, какъ искаженіе болѣе древней черты: что рѣка покоится отъ вечера до субботы до *третьяго* часа въ понедѣльникъ. Таково, какъ извѣстно, представленіе о рѣкѣ *Sabatiónъ*, текущей, по еврейскимъ повѣрьямъ, на границѣ рая и ада, *Сыботъ* духовнаго стиха, представляющей ее именно адской рѣкой (сл. Безсоновъ, Калѣки № 488):

А туди жьшла рѣка Сыбота,
Рѣка Сыбота, вода огняна:
Да по той-же рѣцѣ змерля души плуть,
А по правой же рѣцѣ цистовны души,
А по лѣвой же рѣцѣ прозгрѣшны души;

первыя по верху воды, вторыя по шею въ ней; первыя поспѣли къ райскимъ вратамъ, которыя затворились за ними; вторыя опоздали и попадаютъ въ пекельныя врата.

Рѣка то поднимающаяся и падающая радугой, то покоящаяся, какъ *Саббатіонъ* ирландскихъ сказаній, огненная, адская

¹⁾ l. c. стр. 189.

²⁾ Polívka, Opisi i izvodi, изъ Starine XII, стр. 88.

рѣка Субота духовнаго стиха: таково было сводное представленіе, легшее въ основу Морга въ посланіи Василія. Источникомъ его разказовъ объ адѣ и раѣ я предположилъ мотивы какого-нибудь хожденія, въ родѣ тѣхъ, которыя дошли до насъ въ отраженіяхъ ирландскаго текста. Къ такому воздѣйствію западныхъ сказаній и легендъ на новгородскія мы отчасти приготовлены: укажу на нѣмецкій подлинникъ Прѣнія Живота со Смертію ¹⁾; загадочныя отношенія нашей былины о Садкѣ къ эпизоду о Садокѣ въ Tigitan le Léopois ²⁾ лежатъ въ томъ-же направленіи вліяній. Западнымъ разказомъ о раѣ и адѣ легко было усвоиться на почвѣ, гдѣ подобныя преставленія давно пустили корни. Говоря о раѣ на востокѣ арх. Василій поминаетъ о четырехъ, истекающихъ изъ него рѣкахъ; одна изъ нихъ, Нилъ, течетъ «с высокиихъ горъ, иже суть отъ земли и до небеси, а мѣсто непроходимое есть челоуѣкомъ, а верху его Рахмане живутъ»: Рахмане—Рехавиты Зосимова хожденія ³⁾.—Образъ ада на западномъ морѣ могъ быть приготовленъ популярнымъ у насъ словомъ «Палладія мниха о второмъ пришествіи и о страшномъ судѣ и о будущей мукѣ и о умленіи души» ⁴⁾: огненная рѣка съ востока пожжетъ землю и небо, будетъ небо новое и земля новая, «тогда на запа⁴ны² страна² иде² нны сльце захо¹ имѣеть, ту буде² рѣка ѡнена ревуци и зремаци шумомъ страшны² ис¹ скровици земля преисподна. Ту же су² в тѣ² мѣстѣ² и нны муки различныа на муку грѣшника² буду², ѡво оубо су² смола горащѣа, ино² чер¹оъ гдовитын и нѣ оусыпаа ни оумираа. николи². Та² суть скрежьтаніе зубо² и тма кромѣшнаа и пла² неутѣшимый, и ино оубо мѣсто студень и мра² трасущійса и ледъ зѣло лю² и студень, ино оубо

¹⁾ Ждановъ, Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи, стр. 13—14 прим.

²⁾ См. мою замѣтку: Былина о Садкѣ, Журн. Мин. Нар. Просв. ч. ССXLVIII, отд. 2, стр. 280 слѣд.

³⁾ См. Изъ Исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 281 и слѣд.

⁴⁾ Я пользовался этимъ памятникомъ по сборнику XVI вѣка СПб. Духовной Академіи, Кир. Бѣл. № $\frac{18}{100}$.

мѣсто смра^а золь и лю^а и трепа^а непостояннѣнъ и стра^а не йсчетенъ и оужасъ нейсповѣди^а и йна мѣста проча^а муки страшныя» (л. 418 л. об.). Когда грѣшники будутъ ввержены въ рѣку, «абые възгреми^а рѣка ѡгнена^а шумо^а великъ», іако^а и самѣ^а аггело^а бжїи^а оужаснутиса глса рѣкы то^а, и йныя муки бездныя възгрема^а, іакоже оуже прїаша грѣшники в себе. И *тогда възврати^а мламень свои рѣка по ію повельнїю и снидеть ѡз адъ преисподнїи съ йнѣми муками лютыми, и ѡбыде^а и вниде^а посре^а єго, идѣ^а сѣди^а самѣ сатана связанъ, с бѣсы своими, и начне^а палити дїа-вола и аггль єго и вса грѣшники иже суть въ адъ сведени^а*» (л. 436 л. об.).

Рѣка страшнаго суда, имѣющая выйти на западѣ изъ нѣдръ земли и снова въ нихъ спуститься на мученіе грѣшникамъ — явилась въ сказанїи Василїя постоянно локализованной на западѣ, на морѣ, изъ которой ежедневно выходитъ, чтобы снова спнзойти въ преисподнюю.

XX.

Еще къ вопросу о дуалистическихъ космогоніяхъ.

I.

Когда недавно (Разысканія, вып. V, гл. XI) я обратился къ изученію дуалистическихъ повѣрій о мірозданіи, распространенныхъ отъ Болгаріи и Буковины по Россіи и до Алтая, я не мало не сомнѣвался, что, явившись послѣ другихъ собирателей относящагося сюда традиціоннаго матерьяла, я буду далеко не послѣднимъ. Уже послѣ отпечатанія соответствующей главы моихъ Разысканій мнѣ стали извѣстны нѣкоторыя версіи занимавшей меня космогонической легенды, которыя могли быть помѣщены лишь въ дополненіяхъ къ моей работѣ. Здѣсь я сообщу нѣсколько другихъ ¹⁾.

Бѣлорусская легенда, напечатанная г. Романовымъ (Бѣлорусскій сборникъ, вып. IV, стр. 1—5) отвѣчаетъ своимъ началомъ бѣлорусской-же легендѣ о сотвореніи болотъ, сообщенной г. Шейномъ (Разысканія, I. с., стр. 65), но какъ и другія версіи той-же темы, доводитъ разсказъ до сошествія Христа въ адъ и освобожденія душъ, которыя Адамъ заклѣлъ дьяволу.

---

¹⁾ О нѣкоторыхъ мелкихъ мотивахъ, входящихъ въ космогоническую легенду либо соприкасающихся съ нею, см. въ Дополненіяхъ въ концѣ этого выпуска.

Искаженіемъ въ эпизодѣ о мірозданіи является, что пузырь, въ которомъ обрѣтается чертъ, виситъ въ воздухѣ, и Господь его раздражаетъ; въ версіи Шейна дѣло идетъ о *водяномъ* пузырьѣ. Чертъ ныряетъ, слѣдуетъ твореніе суши — и горъ и болота изъ земли, выплеванной чертомъ. Ты первый у меня, говоритъ ему Господь, а что ты это дѣлаешь, окаянный! Со страху чертъ говоритъ: «Дѣлать буду тое, што ѿ ты, Господи! — Узыйшовъ вышай Бога и строя сабѣ житялству». Богъ посылаетъ Михаила изгнать его, но тотъ устранился и въ первый и во второй разъ, когда Господь сдѣлалъ его архангеломъ, и осилилъ дьвола лишь по третьему разу, когда Господь сказалъ ему: «вастратигъ (архвстратигъ) будь, а яго трѣба спихнуть!». — Сверженный чертъ приходитъ къ Богу, покоряется, просить не оставитъ; что же это ты, дьяволъ, задумалъ сдѣлать? спрашиваетъ его Господь; при словѣ: дьяволъ у черта означались рога и хвостъ. Богъ велѣлъ ему поглядѣть, что Онъ будетъ дѣлать: сотворилъ изъ красной земли человѣка; когда Господь отвернулся, «дьяволъ разгарнувъ яго да плюнувъ у яго». Затѣмъ Господь творитъ изъ земли корову; что-же ты, лукавый, только смотришь, а самъ ничего не сдѣлаешь? спрашиваетъ его Богъ. Съ Божьяго позволенія онъ создалъ себѣ козочку, но не могъ её оживить, пока Господь не дунулъ на нее. — Слѣдуетъ рассказъ о созданіи Евы, грѣхопаденіи, рукописаніи, данномъ Адамомъ дьяволу и т. д. — Отмѣтимъ къ легендѣ о Сатаналѣ еще слѣдующее преданіе (I. с. стр. 6): говорятъ, черти взялись съ мора, съ пѣны морскія. Это, кажутъ, бывъ у Бога Поплешникъ (поплечникъ, сидящій рядомъ, плечомъ къ плечу). Дакъ ѿнъ устраиавъ небу шкляную, хотѣвъ Бога спихнуть зъ неба. Тогда Богъ перунъ пустивъ, ажъ земля заколотилась. Ну яны не упужались. Тогда Богъ ихъ жажломъ! Дакъ яны три дни зъ небы сыпались, якъ дождъ—якъ день якъ ночь летѣли три дни. Дакъ который куды упавъ, тамъ и садитъ. Кто ў воду—у водѣ; у болото—ў болотѣ; у землю—ў землѣ; на воболокахъ застрали—тамъ и ждуть вострашаного суду».

Въ польской легендѣ о созданіи горъ ¹⁾ интересенъ мотивъ птицы, очевидно на-ново приуроченный, судя по многочисленнымъ варьянтамъ сказанія о творчествѣ на морѣ, при чемъ самъ Сатаналъ является въ образѣ птицы. Pierwotnie ziemia, która leży wśród morza na dwóch wielkich rybach, miała być równa i jednaka wszędzie, ale djabeł się wmieszał i popsuł porządek. Bo gdy Bog zajęty był wielkiem dziełem swoim koło stworzenia świata, djabeł namówił kaczkę żeby ukradła trochę ziemi. Pan Bóg sprostrzegłszy to, posłał za uciekającą jartrzębia, który ją dogonił i zaczął dusić, kaczką krzyknawszy otworzyła dziób, wypuściła skradzioną ziemię, i wtedy z tego powstały góry.

Алтайскія преданія о мірозданіи (сл. Разысканія, вып. V, стр. 17 и слѣд.) кратко пересказаны были въ книгѣ неизвѣстнаго автора: Алтайская церковная миссія (СПБ. 1865, стр. 24—36). Въ сочиненіи Вербицкаго, Алтайцы (Томскъ 1870, оттискъ изъ томскихъ губ. вѣдомостей за 1869 и 1870 гг.) напечатана была, съ разными дополнительными свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ, статья о Стефана Ландышева († 1882) о «Космогоніи и еогоніи алтайцевъ язычниковъ», воспроизведенная въ Православномъ Собесѣдникѣ 1886 г., Мартъ, стр. 304 слѣд. Сообщая далѣе извлечение изъ этой работы, укажемъ и на соотвѣтствующій матеріалъ, разсѣянный въ трудѣ Вербицкаго: Словарь алтайскаго и аладагскаго нарѣчій тюркскаго языка, Казань 1884 г. ²⁾

¹⁾ Е. S. (Stefanija Ulanowska), Symbolika wiśsenna (U Krakowie 1884), стр. 7—8. Также легенда у Petrow'a, Lud Ziemi Dobrzyńskiej, Zbiór wiadomości do antropologii krajowej II, 1878, Dział etnologiczny, стр. 125. Сл. Разысканія, вып. V, стр. 73 слѣд.

²⁾ Сл. стр. 385 а. в. иѣр (Богъ и Ериикъ летаютъ передъ созданіемъ міра надъ водою въ образѣ черныхъ гусей; сл. стр. 253 а. в. пер; стр. 51 а. в. Ериик; стр. 21 а. в. Андалма; стр. 103, а. в. Иурук-Музыкай; стр. 85, а. в. е; стр. 220—1, а. в. он.—Къ алтайской антропгоніи сл. еще стр. 209 (а. в. Нама) и 386 (а. в. Таргын-Нама): Нама или Таргын-Нама — лице, соотвѣтствующее во легендѣ библейскому Ною (сл. I. с. стр. 304, а. в. Соозул); изъ двухъ его реберъ Ульгенъ создалъ ему жену, Мунту-Шайды (I. с. стр. 205, а. в.). Человѣкъ былъ сначала о шести пальцахъ, но творецъ отрубилъ шестой; изъ него произошла птичка Удбышты: подорожникъ (I. с. стр. 396, а. в.).

Когда человекъ еще не былъ созданъ, Ульгенъ нашелъ на морѣ плавающую, какъ ледъ, землю, а на ней приросшій слой глины, похожій на составъ человека. Ульгенъ снялъ этотъ слой и сказавъ: пусть будетъ человекъ, дунулъ ему въ ухо. Онъ сталъ живымъ, Ульгенъ назвалъ его Эрликъ (т. е. мужественный). Эрликъ сначала былъ товарищемъ и какъ-бы роднымъ братомъ Ульгена, а потомъ сталъ съ нимъ ровняться и возвышаться мыслью предъ нимъ и помышлять самъ въ себѣ съ завистью: какъ бы мнѣ такихъ же тварей создать или даже лучше? И все болѣе и болѣе отдалялся отъ Ульгена и наконецъ сдѣлался врагомъ его и его твари.—На его мѣсто, и съ цѣлью противостоять ему, Ульгенъ создалъ богатыря Манды-шире: извлекъ изъ камня сокъ, сдѣлалъ металлъ, смѣсь съ чугуномъ и серебромъ (кулер), и создалъ изъ него кости его и все его тѣло устроилъ изъ твердыхъ матеріаловъ и крѣпче камня.

Въ слѣдующемъ разсказѣ о созданіи людей роль Ульгена играетъ имъ-же созданный Майдере, иначе Сен-билъ («Ты знай»); замѣтимъ, что въ одномъ сѣверно-бурятскомъ космогоническомъ сказаніи Сомболъ—имя самого творца (сообщеніе Г. Потанина); но въ эпизодѣ о созданіи жены и о змѣѣ къ Сенбилю припутался, вѣроятно, и Эрликъ.

Богъ сотворилъ семь человекъ мужскаго пола, при нихъ семь деревьевъ; кости человека взялъ изъ камыша, тѣло изъ глины; дунулъ имъ въ носъ и уши—и они ожили. Еще одного мужчину и одно дерево онъ сотворилъ на Алтынъ-ту; «что я сдѣлаю, худое-ли, доброе-ли, ты надъ всѣмъ властвуй», сказалъ онъ мужчинѣ; ты знай, вѣдай — Сен-билъ — и умирающаго съ голоду, и умирающаго отъ пресыщенія, больного и здороваго». Черезъ семь лѣтъ на деревьяхъ выросли семь отраслей, а люди не умножались; это отъ того, что нѣтъ женщины, говоритъ Сен-билъ = Майдере недоумѣвающему Ульгеню и самъ принимается творить жену изъ камыша и глины; когда составъ у него разваливался, онъ сорвалъ траву іргын-блбн, мялъ ее въ рукахъ и, взявъ въ ладони, дунулъ въ нее, отъ чего сдѣлалась змѣя; ею

онъ обвилъ творимый составъ. — Когда Майдере пошелъ на встрѣчу Ульгеню, Эрликъ соблазнилъ (обѣщаніемъ шубы) собаку, приставленную охранять еще бездушное тѣло жены, подошелъ къ нему, вдунулъ въ носъ изъ дудки о семи ладахъ, играя на желѣзномъ музыкальномъ инструментѣ о девяти язычкахъ. Дулъ онъ въ оба уха, отъ этого составъ тотъ сталъ живой, но душа была злобная, какъ змѣя, умъ всегда на семь ладовъ, на девять разногласныхъ языковъ, а тѣло смрадное. — Майдере проклялъ собаку, жену, созданную Эрликомъ, и ея отродье, самого Эрлика прогналъ впоследствии въ землю между двумя морями, гдѣ не свѣтитъ ни солнце, ни луна; а Ульгенъ создалъ для одного изъ сотворенныхъ имъ мужчинъ, Таргын-нама, новую жену, взявъ изъ обонхъ его боковъ по двѣ косточки. Удаляясь на Алтынъ-ту, онъ сказалъ Майдере: что захочешь творить, скотъ-ли, звѣрей-ли, людей или что-иное, меня не спрашивай, самъ твори.

Вернувшись изъ своего заточенія, пройдя подъ землею, Эрликъ хотѣлъ было унести души живущихъ людей, но Ульгенъ схватилъ ихъ однимъ махомъ въ свою горсть и унесъ на Алтынъ-ту. Тогда Эрликъ, чтобъ излить свою злобу, сотворилъ въ морѣ чудовище — нечистаго духа, Андалма-муус, которое вытягивало языкъ изъ моря и, схватывая людей, пожирало ихъ. Одинъ изъ богатырей Ульгеня, Тюрюн-музыкай, рѣшившись убить чудовище, сошелъ съ неба и, родившись отъ дѣвы Эркэ-шудюнь, назвался Тямаа-Тюрун. Когда онъ еще мальчикомъ бѣгалъ по морскому берегу, Андалма-муус, вытянувъ языкъ, хотѣлъ утащить его, но богатырь схватилъ его за языкъ и такъ сильно потянулъ изъ моря, что земля погрузилась. Не желая потопить ее, онъ началъ пить воду изъ моря, и столько выпилъ, что ноги Андалма-мууса стали на виду. Вытащивъ его за ноги, богатырь такъ сильно ударилъ его о камень, что кровь обагрила всѣ камни: оттого они разноцвѣтныя; а остовъ Андалма-мууса онъ настрогалъ въ мелкія стружки: оттого повадѣлись разные черви, мошки, науки, комары, саранча и другія наѣкомыя.

Вернувшись ни съ чѣмъ послѣ попытки захватить души лю-

дей и видя, что его народъ не пребываетъ и не убываетъ, Эрликъ снова пришелъ въ міръ; на каждомъ изъ его деревьевъ и растеній, имѣющихъ съѣдобные плоды, прибавилъ на половину такихъ-же своихъ плодовъ; кто ихъ будетъ ѣсть, въ того онъ войдетъ; кромѣ того онъ произрастилъ и еще одно дерево съ плодами: кто поѣстъ отъ нихъ, будетъ ему принадлежать.—Майдере прогналъ Эрликовыхъ слугъ, посаженныхъ на дерево въ видѣ плодовъ, и его самого въ его землю. — Между тѣмъ жена Таргын-намы съѣла ягоду съ дерева Эрлика; съ ягодою вошелъ въ нее кѣрюмес; явившись къ ней въ образѣ ея мужа, онъ велѣлъ ей отдать чернила изъ сосуда, храненіе котораго Майдере поручилъ змѣю — и змѣй повиновался женѣ, ибо она сослалась на приказаніе Майдере, который змѣя проклялъ, а Таргын-нама съ женою прогналъ въ землю знойную, гдѣ нѣтъ ни тѣни, ни деревьевъ, ни камней.

Снова пришелъ Эрликъ просить Майдере: дозволить ему устроить въ своей области свое небо и землю; Ульгена — дозволить ему населить эту область новыми жителями. Ульгенъ разрѣшилъ это въ насмѣшку, ибо зналъ, что народъ Эрлика не имѣлъ возможности умножиться. А Эрликъ вернувшись къ себѣ, сдѣлалъ молотъ, наковальню, мѣхъ и клещи, раскалилъ желѣзо и сталъ ковать: при каждомъ ударѣ выскакивалъ кѣрюмес. Такъ сотворилъ онъ множество нечистыхъ духовъ, которыми и населилъ свой міръ. Въ присутствіи Манды-шїре онъ сотворилъ медвѣдя, барсука и крота. Желая воспрепятствовать созданію вредныхъ животныхъ, Манды-шїре идетъ воевать съ Эрликомъ, но опаленный имъ бросился къ Ульгеню. Напрасно ты пошелъ, не спрося у меня и не взявъ у меня силы, говоритъ Ульгенъ; и махнувъ рукой сказалъ: Поди! На этотъ разъ Манды-шїре поражаетъ Эрлика и его воинство, строенія его разрушилъ, его низвергъ; съ нимъ попадали и его слуги: кто палъ въ воду и сталъ су-ээзі (водяной), кто на камень и сталъ таш-ээзі, на гору (ту-ээзі), въ лѣсъ (агаш-ээзі), на домъ (уй-ээзи: домовый), на скотъ, рыбъ и птицъ, на все живущее; кто куда попалъ, тому и хозяиномъ сталъ.

Ты лишилъ меня моего царства, говоритъ Ульгеню Эрликъ и просить дать ему на землѣ одну равнину, десятину, квадратную сажень, четверть аршина; наконецъ мѣсто, гдѣ-бы ему поставить конецъ своей палки. На это Ульгенъ согласился; взявъ палку, Эрликъ всю забилъ ее въ землю; когда выдернулъ ее, вывелъ изъ земли кабана, ухватившагося за палку зубами, а за хвостъ кабана уцѣпилась змѣя, за нее лягушка и множество другихъ нечистыхъ гадовъ. «Всѣ вы будете враги человѣку» сказалъ онъ; разгнѣванный Ульгенъ свергнулъ его въ преисподнюю, по его 43 слуги, павшіе на землю, остались хозяевами тамъ, гдѣ пали; кромѣ того Эрликъ посылаетъ еще 43 рода слугъ, жеткерей (духовъ, производящихъ напасти), которые тѣснятъ людей, уско-ряютъ ихъ смерть и умершихъ доставляютъ ему.

Бурятскія сказанія ¹⁾, на которыя было указано выше (стр. 108), недавно были напечатаны ²⁾. Деміургомъ является Сомбогъ-бурханъ: желая сотворить землю, онъ ходитъ по водѣ, по которой въ то время плавала птица ангата (аркаликъ) съ 12 дѣтенышами; она-то и ныряетъ по приказанію бога, чтобы достать со дна черной земли и красной глины. Либо вмѣсто нея является птица ангиръ (турпанъ): нырнула въ первый разъ, но вернулась, не доставъ дна, потому что убоилась рыбы хаши-загахан (рыба — ножницы), которая грозитъ перерѣзать ее; лишь по второму разу, произнеся слова, заповѣданныя ей Сомболомъ, она достигла дна.—Въ другомъ сказаніи творцами являются три бурхана: Шибэгэни-бурханъ, Мадари-бурханъ и Эсэгэ-бурханъ; птица ангата, при ней 12 дѣтенышей. Боги творятъ землю изъ принесенныхъ ею черной земли, красной глины и песку; затѣмъ создаютъ мужчину и женщину: тѣло изъ красной глины, кости изъ камня, кровь изъ воды. Затѣмъ они порѣшили между собою, что кто изъ нихъ оживитъ этихъ людей, будетъ имъ покровите-

¹⁾ Сл. Разысканія, вып. V, стр. 29.

²⁾ Сказанія бурятъ, записанныя разными собирателями, изд. на средства хамбо-ламы Д. Г. Гомбоева (Записки восточно-сибирскаго отдѣла Имп. русскаго географ. общ. по этнографіи, т. I, вып. 1, стр. 65 слѣд.).

лемъ; легли спать, поставили передъ собою по свѣчѣ и по горшку: кто на другое утро проснется и свѣча его будетъ горѣть, а въ горшкѣ выростетъ цвѣтокъ, тому и оживить людей. То и другое совершилось у Мадари-бурхана, но Шибэгэни-бурханъ проснулся раньше его, погасилъ его свѣчу, цвѣтокъ у него выдернулъ и посадилъ въ свой горшокъ. Присудили Шибегени-бурхану оживить людей, но Мадари-бурханъ позналъ его обманъ и говоритъ: Ты украдъ у меня цвѣтокъ и огонь, вслѣдствіе этого оживленные тобою люди будутъ другъ у друга красть и ссориться ¹⁾. — Мадари-бурханъ и Эсэгэ-бурханъ поднялись на небо; Шабэгэни-бурханъ остался на землѣ, оживилъ людей и приставилъ караулить ихъ собаку. Шитхырь соблазняетъ ее обѣщаніемъ шерсти; она допустила его до людей, которыхъ онъ и оплевалъ. Шибэгэни-бурханъ проклялъ собаку, а оплеванную шерсть на людяхъ выбрилъ гладко, оставивъ ее лишь на головѣ, гдѣ она не была оплевана.

Въ слѣдующей легендѣ роль злого начала въ дѣлѣ созданія выступаетъ ясѣе. Бурханъ творилъ землю ровною и гладкою, но Шитхырь, стоявшій рядомъ съ нимъ, спряталъ подъ пятою немного земли, которую и разбросалъ; оттого сдѣлались горы и долины. Къ чему ты это сдѣлалъ? спрашиваетъ его бурханъ. Шитхырь говоритъ: Когда люди будутъ спускаться подъ гору,

---

¹⁾ См. Разысканія, кн. V, стр. 28—9 и 36—8. Аино рассказываютъ: добрые и злые боги заспорили, кому править свѣтойъ; рѣшили что тому, кто на слѣдующее утро первый увидитъ солнце. Всѣ сѣли вмѣстѣ, а хитрому лисьему богу, находившемуся на сторовѣ добрыхъ боговъ, удалось первому увидѣть солнечные лучи, освѣтившіе далекія горы. Оттого добрые боги, боги свѣта, и править міромъ (Veckenstedt, Zeitschrift f. Volkskunde I: Brauns, Die Religion, Sagen und Märchen der Aino, стр. 250). См. киргизскую легенду о томъ, почему именемъ мыши называется первый годъ каждаго двѣнадцатилѣтія: зѣври спорили, чьями именемъ назвать этотъ годъ, каждый выставлялъ свои заслуги, но къ соглашенію не пришли. Тогда мышь предложила назвать этотъ годъ именемъ того, кто первый увидитъ восходъ солнца при наступленіи означеннаго года. Взобравшись на спинну верблюда, она первая увидѣла восходъ солнца, и начальный годъ назвать по ней. См. Этнографическое Обзорѣніе, кн. II: изъ уральскихъ войсковыхъ Вѣдомостей, 1889, № 18.

то, боясь, будутъ призывать тебя: ай, Бурханъ! А когда будутъ подыматься на гору, то будутъ упоминать меня, говоря: Шихтырова высокая гора! Такимъ образомъ обонхъ насъ постоянно будутъ поминать ¹⁾).

Въ варьянтѣ аларскихъ бурятъ въ созданіи міра участвуютъ Бурханъ и Шолмо (злой духъ); онъ спускается въ воду, что-бы достать земли и камень, которые выноситъ, положивъ въ глаза. Бурханъ разсыпалъ то и другое по водѣ, и стала вселенная; сотворилъ изъ земли тѣло человѣка, изъ камня кости, изъ воды кровь; собака караулитъ его, еще не оживленнаго, и также поддается уговорамъ Шолмо. Позднѣе Бурханъ творитъ изъ лѣваго ложнаго ребра перваго человѣка — женщину; Шолмо проситъ условленной платы за то, что досталъ земли и камень; Бурханъ, обѣщавшій ему немного земли, не желая измѣнить своему слову, даетъ ему столько мѣста, чтобы воткнуть колышко. Шолмо воткнулъ его и снова вытащилъ, а изъ земли стали вылѣзать всякіе гады и змѣи, вредящіе человѣку (см. выше стр. 111).

Новый матерьялъ для интересующей насъ космогонической легенды представляютъ *грузинскія* и *сванетскія* сказанія, очевидно навѣянные христіанскимъ апокрифомъ ²⁾).

Въ началѣ вселенная была покрыта водою. Богъ, создатель міра, въ то время находился въ Самкарской скалѣ. Однажды онъ выскочилъ изъ нея и бросился въ воду; въ водѣ ему стало холодно; онъ вздохнулъ и проронилъ двѣ слезинки изъ глазъ; слезинки эти превратились въ архангеловъ Михаила и Гавріила. Надо было уничтожить воду, въ которой Богъ тонулъ, и открыть сушу; съ этою цѣлью всѣ втроемъ стали дуть на воду и кое-какъ достигли морскаго дна. Здѣсь они замѣтили чьи-то слѣды, приведшіе ихъ къ синему камню (сл. синій камень галицкой колядки,

¹⁾ Сл. Разысканія, вып. V, стр. 18 (мордовская легенда) и 74 (латышская легенда).

²⁾ Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. X, отд. I, стр. LXXV—LXXX; отд. II, стр. 245—261. Сл. отд. 1, стр. V.

синій камень бѣлорусской легенды, Разысканія, вып. V, стр. 2, 57); когда подняли камень, оттуда выскочилъ Самоэль, который схватилъ Бога за горло и хотѣлъ его задушить. Помощь ангеловъ была безсильна и самъ Богъ начиналъ просить Самоэля: Отпусти только и проси чего хочешь? — Больше ничего не хочу, только побратаемся! — Богъ согласился; Самоэль освободилъ его и пошелъ своей дорогой. — Богъ и ангелы принялись отдѣлять землю отъ воды, но это имъ не удается, пока Самоэль не научилъ Михаила, какъ это сдѣлать (Богъ пусть закричать громко, на сколько позволяетъ силы). — Слѣдуетъ созданіе богомъ (въ теченіе семи дней) животныхъ и людей; Адамъ и Ева въ началѣ была слѣпые, они прозрѣли, когда Самоэль, явившись въ образѣ козла, надоумилъ Еву сорвать запретное яблоко. — Послѣ этого Самоэль пошелъ опять къ Богу и въ качествѣ брата просилъ отмежевать ему его долю. Богъ отказалъ. — Такъ зачѣмъ-же ты призналъ меня братомъ? Если другого ничего не дашь, по крайней мѣрѣ дай мнѣ «сапицари». Богъ далъ «сапицари» Самоэлю, который проглотилъ его и пошелъ въ адъ. Когда родился Христось, Онъ также сошелъ въ адъ, взялъ съ собою все, что было живого на свѣтѣ, начиная съ человѣка и кончая пресмыкающимися; схвативъ за горло Самоэля, онъ заставилъ его изрыгнуть «сапицари» ¹⁾. — Что слѣдуетъ далѣе принадлежить мотивамъ Александрін ²⁾, своеобразно вплетеннымъ въ апокрифическую легенду. Въ отместку Самоэль такъ затемнилъ адъ, что Христось и его проводники два мѣсяца искали выхода изъ него. Нашелъ его человѣкъ, привязавшій у входа въ адъ своего осла, отвѣчавшаго на зовъ хозяина;

¹⁾ Переводчикъ объясняетъ: «сапицари» было нѣчто такое, въ силу котораго все, что ни жертвовалъ человѣкъ Богу и что ни приносилъ онъ для угощенія при поминаніи усопшаго, принадлежало хозяину «сапицари». Въ нашей легендѣ сапицари, очевидно, отвѣчаетъ рукописанію Адама, внесенному и въ мордовскую, болгарскую и польскую космогоническія легенды (Разысканія, вып. V, стр. 12, 82, 80 и 82).

²⁾ Сл. Изъ исторіи романа и повѣсти I, стр. 222, 228, 289 прим. 2. стр. 278. — Интересныя грузинскія легенды объ Александрѣ см. въ томъ же Сборникѣ, вып. X, отд. III, стр. 37—44.

Христось обѣщаетъ тому человѣку дать ему столько золота, сколько онъ самъ вѣситъ, но тотъ вынулъ изъ-за пазухи человѣческое сердце: онъ удовлетворится, если сердце покроютъ золотомъ. Золота набросали несмѣтное количество, а сердца не покрыли, потому что оно всякій разъ подскакивало вверхъ. Наконецъ кто-то бросилъ на него горсть земли; оно остановилось; съ тѣхъ поръ люди стали умирать.

Варьянтъ этой легенды представляетъ нѣсколько отличій: въ началѣ все было подъ водою, изъ которой поднималась высокая скала, въ серединѣ которой былъ Богъ. Когда ему наскучало быть одному, онъ вышелъ изъ скалы, осушилъ воду, а смѣсь воды и земли, что была вокругъ скалы, раздѣлилъ на двое: изъ одной части сдѣлалъ небо, изъ другой землю. Живыхъ существъ еще не было; тогда отъ скуки у Бога изъ праваго глаза упала слеза и стала арх. Михаиломъ, упала изъ лѣваго — и стала арх. Гаврииломъ; затѣмъ уже произошли другія живыя существа и люди. Когда Богъ съ ангелами ходилъ по землѣ, осушая воду, повстрѣчалъ одного умнаго человѣка, по имени Георгія, котораго и взялъ въ товарищи. Онъ и привелъ Господа къ огромному бѣлому камню, къ которому ангелы не хотѣли подвести его, боясь зла и ущерба. Когда Богъ ударилъ кнутомъ о камень, изъ него вышелъ сатана и сразу схватилъ коня Бога. Богъ просить о помощи; тогда ангелы окружили сатану и начали спрашивать его: кто онъ или чей онъ властелинъ? Сатана сказалъ Богу: Я и Ты оба мы были въ серединѣ камня; я и Ты оба одного рода, я самъ сердце камня, какъ и Ты, потому и удѣли мнѣ что-нибудь изъ вселенной. Богъ предложилъ ангеламъ обсудить просьбу сатаны; они раздѣлили все на три части: въ одну выдѣлили всѣхъ живыхъ людей, въ другую души умершихъ, въ третью животныхъ и птицъ. Богъ выбралъ себѣ людей и животныхъ, сатана душу человѣка; при этомъ ангелы прибавили условіе, что душа человѣка будетъ въ рукахъ сатаны лишь до тѣхъ поръ, пока у Бога не родится Сынъ, который и избавитъ отъ его господства души умершихъ людей. — Слѣдуетъ своеобразный рассказъ о

воплощеніи Спасителя: Марія зачала, вкусивъ отъ яблока, въ которое Господь вдунулъ свою душу. — Концу предыдущей легенды въ нашей отвѣчаетъ слѣдующее: Христось проповѣдуетъ народу: Намъ предстоитъ большія тяжести песку переносить! Одинъ юноша спрашиваетъ его: Что это значить? Христось велитъ всѣмъ слѣдовать за нимъ въ адъ, который и разрушилъ, а всѣхъ умершихъ отвелъ оттуда въ рай.

Второй рассказъ о сотвореніи міра не представляетъ слѣдовъ дуализма. Отмѣтимъ въ немъ, въ параллель къ знакомой чертѣ дуалистическихъ легендъ: о сотвореніи чертей изъ брызговъ, такую-же подробность: о созданіи Богомъ ангеловъ изъ капель дождя, который онъ заставилъ идти въ теченіи шести дней. — Еслибъ Евва не поддавалась соблазну Самоэля, мать рожала-бы ребенка изъ-подъ мышки, — какъ по сѣвернымъ сказаніямъ изъ-подъ мышки Имира вышли первые мужъ и жена (сл. выше стр. 20).

Третья версія повторяетъ данныя первой: Михаэль и Гавриэль ходили по міру. Земная кора въ то время была до того мягка, что они вязли въ нее по колѣни, хотя ходили на лыжахъ (сл. такую-же подробность о прародителяхъ въ полѣссскомъ варьянтѣ легенды о вірозданіи)¹⁾. Передъ ними по землѣ постоянно шель круглый камень. Богъ хочетъ разбить его, ангелы противятся: Не дѣлай этого, не то мы будемъ каяться. Богъ разбилъ камень ногой, изъ него выбѣжалъ Самоэль, схватилъ Бога за горло и сталъ душить. — Отпусти только и чего хочешь проси, говоритъ, Господь. — Дай мнѣ міръ видимый или невидимый, вѣчный. — Богъ уступилъ ему вѣчный міръ. Самоэль ушелъ, но ангелы спохватились и, нагнавъ его, сказали, что когда у Бога родится Сынъ, Самоэлю придется уступить ему вѣчный міръ. — Конецъ легенды говоритъ кратко о чудесномъ воплощеніи Спасителя, его преданіи и смерти на крестѣ. Для этого заказали кузнецу гвозди; послѣдній приготовилъ два лишнихъ гвоздя, и

¹⁾ Разысканія, вып. V, стр. 82.

потому всё кузнецы грѣшны¹⁾). По смерти Христосъ сошелъ въ адъ къ Самоэлю и вывелъ оттуда души всѣхъ людей, кромѣ души «Маки»²⁾).

II.

Сванетская космогоническая легенда не выводитъ насъ за границы ея предположеннаго нами³⁾ географическаго распространія въ Европѣ; ея христіанскіе мотивы не приносятъ ничего новаго къ рѣшенію вопроса: какое этническо-религіозное вѣрованіе легло въ основу сказанія о братьяхъ - творцахъ, Богъ — и Сатанаилъ. Я предположилъ его⁴⁾ не арійскимъ, а тюркско-финскимъ; упрочить это воззрѣніе могли-бы финскіе (въ широкомъ смыслѣ) и тюркскіе варьянты космогонической легенды, не обличающіе еще христіанскаго (богомильскаго) воздѣйствія. Такихъ варьянтовъ я не знаю; моя попытка — раскрыть дуалистическія теченія въ космогоніи Калевалы внушена была убѣжденіемъ, что дуализмъ знакомыхъ намъ легендъ о мірозданіи не слѣдуетъ исключительно объяснять изъ иранскихъ представленій, объявившихся въ историческихъ формахъ богомилства.

Косвенную поддержку этому мнѣнію я нахожу въ представленіи сѣверо-американскихъ гуруновъ-ирокезцевъ и алгонкинцевъ: о двухъ братьяхъ-деміургахъ, представителяхъ добраго и злого

¹⁾ См. объ этомъ мотивѣ мою замѣтку: Къ вопросу объ образованіи мѣстныхъ легендъ въ Палестинѣ, Журн. Мин. Нар. Просв., ч. ССXXXIX, отд. 2, стр. 181 — и въ связи съ Разысканіями, вып. V, стр. 96 прим. 2 и стр. 368 прим. къ стр. 154 — Этнографическое обозрѣніе кн. III, стр. 193 (изъ тамбовскихъ губернскихъ Вѣдом. 1889 г. № 67): цыгану не грѣхъ божиться: когда распинали Христа, цыганъ утаилъ изъ жалости пятый гвоздь, предназначенный для груди Спасителя, и сталъ божиться, что гвоздь уже вбитъ; за таковою вонью приняли муху, случайно сѣвшую на грудь Христа.

²⁾ Примѣчаніе переводчика: когда кто-нибудь изъ общества моментально исчезаетъ, укрывается гдѣ-нибудь, или когда о комъ-нибудь долгое время не получается никакихъ извѣстій, тогда сванеты говорятъ про него: «пропалъ, какъ душа Маки».

³⁾ Разысканія, вып. V, стр. 33.

⁴⁾ I. с., стр. 4—5, 32, 115—116.

начала. Относящіяся сюда легенды, извѣстныя изъ іезуитскихъ реляцій и путешествій XVII-го вѣка, обратили на себя вниманіе Brinton'a (*American Hero-myths*. 1882, стр. 37 слѣд.), De Charancey (*Une légende cosmogonique*, Havre, 1884), сближавшаго ихъ съ вогульской и болгарской космогонической сказкой, и Lang'a (*Myth, ritual and religion I*, 1887, стр. 181—4). Недавно Hale напечаталъ in-extenso (*The Journal of American Folk-lore I*, № 3, стр. 177 слѣд.) ирокезское преданіе, которое мы приведемъ далѣе въ извлеченіи, кое-гдѣ добавляя подробности по Brinton'у и Lang'у.

Въ началѣ была одна лишь вода, въ которой и на которой жили разныя животныя. Однажды съ вышняго міра упала божественная жена: упала въ разщелину неба, на охотѣ за медвѣдемъ; либо подсѣкая дерево; или она была столкнута за то, что согрѣшила съ какимъ-то пришельцемъ отъ нижняго міра. Два нырка (*loon: colymbus glacialis*), летѣвшіе надъ водою, поддержали ее при паденіи, позвали на помощь и другихъ животныхъ; черепаха, сильный звѣрь, согласилась помочь, и птицы возложили жену на ея спину. Тогда черепаха позвала на совѣтъ другихъ звѣрей: что сдѣлать, чтобы поддержать жизнь той жены? Рѣшили, что для этого нужно достать земли, на которой она могла бы лежать. Черепаха велѣла всѣмъ нырять въ море; ныряютъ бобръ, выхухоль, нырокъ и другіе, но безуспѣшно; вные такъ долго оставались подъ водою, что всплывали мертвые, но черепаха напрасно ищетъ у нихъ во рту хоть крошки земли. Удалось это дѣло лишь жабѣ-лягушкѣ (либо бобру и т. д.); землю, найденную у нея во рту, черепаха передала женѣ, которая тщательно уложила ее вдоль краевъ черепашьяго щита. Такъ положено было начало сушѣ; она стала расширяться во всѣ стороны и сдѣлалась пространной, годной для растительности. Ее и теперь поддерживает черепаха.

Унававшая съ неба жена была беременна и родила двойней (либо: родила дочь, которая и производитъ двойней): двухъ братьевъ съ протвположными наклонностями, одинъ къ добру, другой

ко злу. Еще до рожденія мать слышала, какъ они пререкались въ ея утробѣ: одинъ готовъ былъ выйти на свѣтъ обычнымъ путемъ, другой злостно заявляя свое несогласіе и, выйдя сквозь ребра матери, былъ причиной ея смерти. Её похоронили, и изъ ея тѣла выросли разные, потребные человѣку злаки: изъ головы тыква, изъ груди кукуруза, изъ другихъ членовъ бобы и т. д.

Между тѣмъ братья близнецы выросли, во всемъ обнаруживая противоположность характеровъ; добраго звали Tijuskeha (нѣчто въ родѣ: спаситель, добрый человѣкъ), злого Tawiskagong: кремневой, изъ кремня. Видя, что имъ не ужиться, они раздѣлились, и каждый взялъ свою часть земли. Ихъ первымъ актомъ творчества было созданіе животныхъ: добрый братъ творилъ полезныхъ звѣрей, злой — свирѣлыхъ и чудовищныхъ, змѣй, пантеръ, волковъ, медвѣдей, москитовъ, величпной съ индѣйскаго пѣтуха. Что добрый ни предприметъ на пользу людямъ, тому злой перечить; первый хотѣлъ устроить такъ, чтобы въ рѣкахъ было два теченія, одно вверхъ, другое внизъ. Пусть люди хоть въ одну сторону да потрудятся, сказалъ злой братъ и не только не далъ брату сдѣлать по своему, но натворилъ еще пороговъ и быстривъ. Ему же принадлежитъ созданіе исполницкой жабы, задерживавшей всѣ прѣсныя воды на землѣ; Tijuskeha пробрался въ область брата, бьется съ змѣями, дикими звѣрями, имъ созданными, разсѣкъ жабу, и воды потекли. Вредныхъ звѣрей онъ не уничтожилъ, а лишь уменьшилъ ихъ ростъ, дабы человѣкъ могъ совладѣть съ ними.

Духъ матери предупреждаетъ добраго брата, что его соперникъ будетъ стараться убить его. Они встрѣтились и вступаютъ въ бой, напередъ объявивъ другъ другу, какое орудіе для каждаго смертельно. Добрый братъ сраженъ, но оправился и въ свою очередь поражаетъ злого, который бѣжитъ по направленію къ западу; во время бѣгства каждая капля крови, падая на землю, обращалась въ камень. Явившись брату въ сновидѣніи, Tawiskagong говоритъ ему, что онъ удался на далекій западъ, куда будутъ переселяться по смерти всѣ людскіе роды.

Вернувшись, Tijuskeha занялся заселеніемъ земли: выпустилъ изъ пещеры всякихъ звѣрей, наполнившихъ лѣса и поля, и всякаго поранилъ въ ногу, чтобы людямъ легче было ихъ ловить. Одинъ лишь волкъ увернулся отъ удара, оттого его такъ трудно поймать. Затѣмъ Tijuskeha создалъ и оживилъ людей, научилъ ихъ добывать огонь и разводить мансъ.

Изъ сходныхъ алгонкинскихъ мифовъ одни представляютъ въ началѣ дней Michabo, который носится на плоту по безбрежнымъ водамъ и создаетъ сушь изъ горсти земли, припесенной мускусной мышью, послѣ того, какъ попытка бобра не удалась. Иногда Michabo является однимъ изъ трехъ братьевъ, въ другихъ версіяхъ у него злой братъ-близнецъ, съ которымъ онъ враждуетъ и борется, пока не сразилъ его, разбивъ въ куски; они разбросаны по землѣ, отъ нихъ уродились хорошія лозы. Въ вариантѣ у Lafitau изъ костей и внутренностей злого брата произошли растенія и животныя. — О самомъ Michabo разсказывается, что его мать оплодотворена была вѣтромъ и скончалась, родивъ ребенка.

Все это дополняетъ прокезское сказаніе, основныя черты котораго тѣ-же, что и въ дуалистической легендѣ финско-тюркского и славянскаго типа: тѣ-же братья-демиурги, враждебные другъ-другу, та же противоположность творчества и космогоническій актъ, начинающійся на безбрежномъ морѣ. Разница въ томъ, что у насъ этотъ актъ отнесенъ къ братьямъ-близнецамъ, у гуроновъ—до ихъ появленія: ихъ мать, упавшая съ неба, покоится на черепахѣ среди водъ, и для нея то лягушка достаетъ земли съ морскаго дна. Такъ въ Sathapatha-Brahmana Праджapati покоится на водахъ въ видѣ черепахи и порождаетъ боговъ отъ усть своихъ; такъ въ алтайскомъ сказаніи Очурманы и Чаганъ-Шукуты спустились на воду, первый садится на лягушку, второй достаетъ земли изъ подъ воды; землю посыпали на лягушку, которую не стало видно: видна была земля, которая потомъ и разрастается, и теперь покоясь на лягушкѣ (Разысканія, вып. V, стр. 26—7).

Важнѣе для моего объясненія космогоническаго мѣна Калевалы параллель ея Ильматаръ къ божественной женѣ гуронскаго преданія. Та спускается съ воздуха, эта падаетъ съ неба — въ воду; мать Michabo забеременѣла отъ вѣтра, какъ и обь Ильматаръ поется (руна 1-я):

Вѣтромъ дѣву закачало,
 Было волнами дѣвицу,
 Закачало въ синемъ морѣ,
 На волнахъ съ вершины бѣлой,
 Вѣтеръ плодъ надулъ дѣвицѣ,
 Полноту дало ей море.

Обѣ производятъ двойней; въ гуронской легендѣ это—враждебные другъ другу братья-демиурги; для пѣсенныхъ основъ Калевалы я счелъ возможнымъ допустить (I. с. стр. 106—8) такую-же забытую впоследствии противоположность Вейнемейнена и — его брата близнеца. Не безынтересно отмѣтить и еще одну сходную черту, не забывая и отличіе пріуроченій: въ гуронскомъ сказаніи злой братъ выбивается насильно изъ чрева матери; въ Калевалѣ Вейнемейнену стало тяжело жить въ ея утробѣ (руна 1-я):

Стало жить ему тамъ тяжело,
 Стала жизнь ему противна.
 Тронулъ крѣвности ворота,
 Лопитъ вальцемъ безмяншимъ,
 Костяной замокъ ломаетъ
 Онъ ногою лѣвой, пальцемъ;
 На рукахъ ползеть къ порогу,
 На колѣняхъ черезъ сѣни.

Но именно эта черта—насильнаго рожденія, снова переноситъ насъ къ иранскимъ параллелямъ. Когда не было ни неба, ни земли, существовалъ нѣкій Зеруанъ; тысячу лѣтъ онъ молился, дабы изъ нѣдръ его родился сынъ Ормистъ, творецъ неба и земли и всего сущаго. Зеруанъ зачалъ двухъ сыновей, Ормиста и Архмена, и сказалъ себѣ, что кто изъ нихъ первый предстанетъ передъ нимъ, того онъ поставитъ властителемъ. Ормистъ, познавшій мысль отца, сообщилъ о томъ брату, который и успѣшилъ выйти на

свѣтъ, прободя утробу родителя. Ормисть творить все доброе и прямое, Архмень все злое и кривое ¹⁾).

Всюду мы восходимъ къ представленію материн, какъ андрогина, жены, саморождающей будущихъ устроителей міра и вмѣстѣ дающей имъ въ самой себѣ матеріаль для творчества — по категоріямъ вреднаго или полезнаго человѣку, обобщеннымъ внослѣдствіи въ идеи добра и зла.

Выше мы попытались (стр. 22) осяѣтить съ данныхъ точекъ зрѣнія мнѣ обь Имврѣ; другіе слѣды дуализма въ древнихъ повѣрьяхъ скандинавскаго сѣвера отмѣчены были мною по другому поводу и указано предположительно на одно изъ теченій сѣверной миеологій, принадлежащее не специально-германской, а чуждой этнической основѣ ²⁾). Недавно Finnur Jónsson высказалъ подобный же взглядъ, защищая относительную древность представленія о Валгаллѣ: по его мнѣнію оно отразило собой не воннственную пору викинговъ, а болѣе древнюю, пору борьбы скандинавскихъ народностей между собою и съ сосѣдними, не-германскими племенами, йотунами востока, куда направлены походы Тора ³⁾).

Смѣшаніе народностей и культуръ ведетъ и къ смѣшенію миеовъ; по крайней мѣрѣ — къ гипотезѣ, что такое смѣшеніе могло имѣть мѣсто. Отсутствие этого необходимаго предположенія характеризуетъ попытку Veckenstedt'a (*Zeitschrift für Volkskunde* II, стр. 11 слѣд.; стр. 16) затушевать дуализмъ славянскихъ космогоническихъ сказокъ, искусственно подогнавъ ихъ подъ схему арійскихъ космогоній, не только иранской, но и греческой. Наша легенда знакома ему по Аѳанасьеву и Ходзько; ея элементами представляются ему: 1) свѣтъ, 2) вода, 3) вѣтеръ, 4) дубъ, 5) песокъ и камни, 6) голуби (голуби и дубъ извѣстной

¹⁾ Langlois, Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie, t. II: Eznig de Gogh, Réfutation des sectes. Extrait du chapitre II. Réfutation de la religion des Perses, стр. 375.

²⁾ Разысканія, вып. V, стр. 86—7, 111, 115.

³⁾ Finnur Jónsson, Vingolf, въ Arkiv for nordisk filologi, VI B., 3 H., стр. 281.

галицкой колядки). Не разбирая всей схемы, объясню недоумѣвающимъ, что знакомая имъ двойственность творцевъ скрывается подъ рубрикой—свѣта: богъ—это свѣтъ, какъ разсвѣтъ, *Morgenlicht*; дьяволь—то-же свѣтъ, но потенцированный, *das volle Licht*! Впрочемъ *Veckenstedt* приурочилъ насъ и не къ такимъ обобщеніямъ.

Мое объясненіе славянскаго, финско-тюркскаго и америкапскаго дуалистическаго мѣта не разъ наводило и меня на мысль, высказанную моимъ благосклоннымъ ко мнѣ рецензентомъ Русской Мысли (1890, Іюль, стр. 314—315): что мы, быть можетъ, имѣемъ здѣсь дѣло съ самостоятельнымъ зарожденіемъ одного и того-же представленія въ разныхъ этническихъ сферахъ, не соприкасавшихся другъ съ другомъ, и что дуализмъ могъ быть одной изъ ступеней религіознаго развитія у многихъ народовъ. Доказать это по отношенію къ разобранному нами космогоническому мѣту — дѣло будущаго изслѣдователя; пока я не рѣшился выразить этого предположенія, потому во-первыхъ, что вопросъ самозарожденія можетъ быть поставленъ лишь въ томъ случаѣ, когда отрипательно будетъ рѣшенъ другой: о невозможности ранняго, праисторическаго общенія человѣческихъ массъ, завесаго напр. въ Мексику подѣлки изъ ненаходимаго въ Америкѣ нефрита; почему бы не осколки мѣта? Не рѣшаюсь и потому еще, что отдѣляю вопросъ о дуализмѣ, какъ міросозерцанія, отъ «вещества» мѣта, въ которомъ оно выразилось. Чѣмъ сложнѣе это вещество, тѣмъ труднѣе допустить, въ объясненіе сходныхъ легендъ, гипотезу самозарожденія; простота ее не исключаетъ. Съ этимъ положеніемъ всѣ согласятся; но его приложение не можетъ не быть произвольнымъ. Что такое—сложное, и что простое? Подъ какое изъ опредѣленій подойдетъ нашъ типъ легенды о двухъ творахъ на морѣ, со всѣмъ что слѣдуетъ? ¹⁾ Самородными или нѣтъ

---

¹⁾ Мой рецензентъ ссылается, по поводу американскихъ космогоническихъ мѣтовъ, на *Benjamin Danks, Marriage Customs of the New Britain Group* (въ *The Journal of the Anthropological Society of Great-Britain and Ireland* 1889, February, стр. 281—2). Туземцы вѣрятъ, что *To Kabinana* — создатель

представляются мины о творчествѣ, понятномъ, какъ кованье въ за-
пуски ¹⁾, встрѣченные нами у монголовъ, въ отраженіяхъ сѣвер-
ныхъ и французскихъ повѣрій, въ бретонской сказкѣ — и въ
Légende des siècles Victor Hugo (III), гдѣ Богъ и дьяволъ тво-
рятъ, соревнуя, *qui créera la chose la plus belle?* Вызовъ идетъ
отъ дьявола:

Voici, dit le Rebelle:

Moi, je prendrai ton oeuvre et la transformerai,
Toi, tu féconderas ce que je t'offrirai;
Et chacun de nous deux soufflera son génie
Sur la chose par l'autre apportée et fournie. —

Взявъ у Бога отъ его творенія все нужное для дѣла, дьяволъ
принимается за работу:

Et grondant et râlant comme un boeuf qu'on égorge,
Le démon se remit à battre dans sa forge.
Il frappait du ciseau, du pilon, du maillet,
Et toute la caverne horrible tressaillait;
Les éclairs des marteaux faisaient une tempête;
Ses yeux ardents semblaient deux braises dans sa tête;
Il rugissait; le feu lui sortait des naseaux,
Avec un bruit pareil au bruit des grandes eaux
Dans la saison livide où la cigogne émigre.

Въ результатъ дьявольской работы вышла — саранча. Те-
перь очередь за Богомъ: дьяволъ подаетъ ему паука, Господь

и изобрѣтатель всего хорошаго и полезнаго въ природѣ, учрежденій и
обычаяхъ (*kaḥinana* означаетъ мудрый), тогда какъ То Кочивиги создалъ степи
и горы и все неудобное и некрасивое. То Кочивиги почитается богѣ сла-
бымъ, чѣмъ его сверстникъ; объ ихъ братскихъ отношеніяхъ и враждѣ ничего
не говорится, и я не знаю, являются-ли она въ космогоническомъ мифѣ вродѣ
прокляскаго и сходныхъ съ нимъ.

¹⁾ Безъ идеи соопросничества творчество, какъ кованье, встрѣчается еще
въ легендѣ изъ южнаго Конго: негръ былъ скованъ какими-то человѣкомъ,
спустившимся съ неба: построивъ печь, онъ положилъ туда статую, сдѣланную
изъ въ замки, и сталъ каалтъ; первый вышелъ черный негръ; вторая статуя
накала до желта — вышелъ протецъ мулатовъ; третья до бѣла. См.
Revue des trad. pop. V, René Basset, *Légendes africaines sur l'origine de l'homme*,
стр. 110.

устремилъ на него свой взоръ, и онъ разросся до страшныхъ размѣровъ,

Une aube étrange erra sur cette forme vile;
L'affreux ventre devint un globe lumineux;
Et les pattes, changeant en sphères d'or leurs noeuds,
S'allongèrent dans l'ombre en grands rayons de flamme;
Iblis léva les yeux, et tout à coup l'infâme,
Ébloui, se courba sous l'abîme vermeil,
Car Dieu, de l'araignée, avait fait le soleil.

III.

Пока не выяснены отношенія этническаго и христіанскаго элементовъ въ славянской и соотвѣтствующей ей тюркско-финской космогонической сагѣ, изученіе ея возможныхъ богомильскихъ основъ будетъ по прежнему привлекать вниманіе изслѣдователя. Желательны и новыя записи ¹⁾ и открытіе древнихъ памятниковъ въ области какъ богомильскаго, такъ и катарскаго дуализма: ихъ взаимный контроль тѣснѣе опредѣлитъ бы границы распространенія знакомой намъ космогонической схемы и даль-бы возможность болѣе точнаго объясненія ея генезиса. Потому я съ понятнымъ любопытствомъ раскрылъ изданный Деллингеромъ сборникъ документовъ, касающихся вальденсовъ и катаровъ ²⁾. Многіе изъ нихъ были уже извѣстны, другіе являются впервые; они интересны своей массой, какъ рядъ показаній, согласныхъ въ главныхъ принципахъ ученія, въ своеобразномъ аллегорическомъ

¹⁾ Уже во время печатанія этихъ страницъ вышелъ Смоленскій этнографическій сборникъ г. Добровольскаго, съ новыми вариантами занимающаго насъ сказанія. Сл. стр. 229 слѣд., № 8: Богъ и чертъ, въ образѣ лебедя, творять міръ. Белота создана чертомъ — чертъ нахаркалъ ихъ; № 9: Сотвореніе челоуѣка. Съ какихъ поръ на собакѣ шерсть. Отчего собаку не пускаютъ въ церковь, а кошку пускаютъ. Съ какихъ поръ у челоуѣка кашель. Сл. еще № 10 и 11 (стр. 282—8): происхожденіе горъ и трясинъ. Горы чертъ понадѣлялъ, чтобы челоуѣкъ поминалъ я его и Бога (сл. выше стр. 113 и прим. 1).

²⁾ Iga. v. Döllinger, Dokumente vornehmlich zur Geschichte der Valdesier und Katharer (München 1890), какъ вторая часть его Beiträge z. Sektengeschichte des Mittelalters.

примѣненіи къ цѣлямъ дуализма библейско-христіанской повѣсти, данныхъ физиолога и древняго суевѣрія ¹⁾). Всюду также проповѣдь дуализма, ученіе о двухъ мірахъ и двухъ богахъ (стр. 31);

¹⁾ Протоколы инквизиціи въ Лангедокѣ (XIV вѣка) стр. 97 слѣд. даютъ въ этомъ отношеніи нѣсколько интересныхъ обращеній. Сл. стр. 174—5: по ученію катаровъ никто не можетъ спастись, не приобщившись къ ихъ ученію, а до того времени его душа переходитъ изъ одного тѣла въ другое, пока въ одной изъ этихъ метаморфозъ не станетъ хорошимъ христіаниномъ. т. е. еретикомъ. Въ подтвержденіе приводится разсказъ объ одномъ человѣкѣ, душа котораго жила когда-то въ лошади; лошадь эта увязла свою подкову въ одномъ каменистомъ мѣстѣ; впоследствии его душа перешла въ тѣло еретика, который, проходя однажды по той мѣстности, разсказалъ своему товарищу, чѣмъ онъ раньше былъ; принявшись вскаты, они нашли потерянную подкову.— Стр. 208—9: своеобразный пересказъ апокрифическаго Видѣнія Исаяи, популярнаго, какъ извѣстно, въ средѣ дуалистовъ. Дѣйствующимъ лицомъ является не Исаяя (какъ въ апокрифѣ), а еретикъ, сомнѣвавшійся въ вѣрѣ, но о самомъ видѣніи сказано, *quod inveniebatur in prophetia Isaie prophetae*. Въ апокрифѣ ангелъ переноситъ пророка на твердь, гдѣ онъ видитъ Самаэля и его силы; тамъ царство распри и рѣзни; такъ было съ начала дней и будетъ до тѣхъ поръ, пока не явится тотъ, кого ты узришь, говоритъ Исаяи ангелъ. Сл. *Migne, Dictionnaire des apocryphes I*, стр. 661—2). Въ катарской передѣлкѣ на первомъ небѣ *illi spiritus erant, qui non habebant bonum, nec malum, nec habituri essent usque ad diem iudicii, et continue rogabant Patrem, ut miseretur eorum* (Сл., Разысканію, вып. V, стр. 142 слѣд.). — Стр. 218—219: добрый или злой духъ (*spiritus*) вселяется въ человѣка, соединяясь съ его душою (*anima*); *dictum spiritum vidit unus credens exire corpus hominis et transeuntem flumen et intrantem caput asini et postea ad hominem redeuntem*. Такъ приурочили дуалисты къ своему ученію повѣрье, котораго я касался по другому поводу (сл. Журн. Мин. Нар. Просв. ч. ССXXIV, Ноябрь, стр. 164—5: отчетъ о книгѣ Прато). — Стр. 282: басня о пеликанѣ (стергѣ, неясны нашихъ Азбуковниковъ); сл. *Lauchert, Gesch. d. Physiologus, Register a. v. Pelikan* и его итенцахъ, истолкованная своеобразно: *Quaedam avis est vocata pellicanus, quae est ita clara, sicut sol, et sequitur ipsum solem; quae avis habuit pullos et cum illos dimittebat in nido, et ipsa ibat alicubi solem sequendo, veniebat quaedam bestia et dismembrabat dictos pullos et amputabat eorum rostra, et quando reversus fuerat pellicanus ad suos pullos inveniens eos dismembratos et quod disperdidissent rostra, sanabat eos. Et cum hoc frequenter fieret, tandem cogitavit inter se pellicanus quod claritatem suam absconderet, qua absconsa latitaret juxta pullos, et cum dicta bestia veniret, caperet et occideret ipsam, ne de caetero ejus pullos posset dismembrare, vel rostra auferre; quod et factum fuit. Et sic fuerunt liberati pulli pellicani a dismembratione, quam faciebat eis dicta bestia, capta per pellicanum bestia ipsa. Et eodem modo, ut dixit, Deus bonus fecerat creaturas, et deus malus destruebat ipsas, quousque Christus deposuit vel abscondit claritatem suam, quando fuit incarnatus ex Maria virgine, et tunc cepit deum malum et posuit eum in tenebris inferni; et ex tunc deus malus non potuit destruere creaturas Dei boni.*

одинъ—создатель невидимаго, духовнаго міра, другой видимаго, плотскаго (стр. 34, 155, 174, 190—1, 220, 282, 374 и др.); это рѣзкое разграниченіе добра и зла по категоріямъ духа и плоти ослабляется въ одномъ случаѣ до другого представленія, до сихъ поръ отражающагося въ народныхъ представленіяхъ: добрый богъ сдѣлалъ все полезное, хотя-бы и матеріальное, злой все злое: *deus bonus fecit omnes bonas creaturas, sicut sunt angeli, animae humanae bonae et corpora, coelum et terram, aquas, ignem et aërem et animalia utilia hominibus vel ad comedendum vel ad portandum, laborandum, induendum, et pisces etiam, qui sunt utiles ad comedendum, ita deus malus fecit omnes daemones, et animalia nociva, sicut sunt lupi, serpentes, buffones, muscae et omnia animalia nociva et venenosa* (стр. 232) ¹⁾.

¹⁾ Къ народнымъ представленіямъ о творествѣ Бога и дьявола, собраннымъ мною въ Разысканіяхъ, вып. V, стр. 93 слѣд., я присоединю нѣсколько новыхъ. Богъ создалъ овцу, чертъ козу; такъ въ повѣрья седмиградскихъ армягъ (сл. Włisłocki у Veskenstedt, *Zs. f. Volkskunde* II, стр. 28), въ литовскомъ (Этнографическое Обзорѣніе, кн. VI: Э. Вольтеръ, Литовскія легенды, стр. 140) и польскомъ: когда Господь сотворилъ овцу, дьяволъ, желая показать и свое могущество, слѣпнулъ звѣря съ такими-же, какъ и онъ, рогами и повелъ его къ Господу, держа за хвостъ; по дорогѣ коза урвалась, хвостъ остался въ рукахъ дьявола, а кровь окрасила сосѣднія ольхи. Оттого у козы нѣтъ хвоста, а дерево у ольхи красное. Иначе разсказывается о сотвореніи козы то же, что въ другихъ случаяхъ о волкѣ: I. Христосъ сотворилъ козу, дьяволъ хочетъ оживить ее и кричать изъ всей ночи: *Wstań o mojej nosy!* она не двинулась; во второй разъ онъ крикнулъ: *Wstana!* и тихонько прибавилъ: о носу *Boskiej!* коза вскочила, но чертъ въ сердцахъ оторвалъ у нея хвостъ (сл. *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej* VII: Siarkowski, *Predania i legendy o zwierzętach, drzewach i roślinach*, №№ 6 и 7). — Дьяволъ сотворилъ *блоску* (Tordinak, *Hrvatske narodne pjesme i prigovjedke z Boane, U Vukovagu* 1884, стр. 58—5, № 17: въ разсказѣ, приуроченномъ къ потопу), *волка*: волксы не было на землѣ до I. Христа, а произошли они такимъ образомъ: однажды пастухи гнѣшли изъ земли (з *mlaki*) какого-то звѣря; на вопросъ I. Христа они отвѣчаютъ, что это волкъ. Господь ткнулъ, и то оуявило sie i poleciało do lasa (Karol Mátyáš, *Świat i przgoda w wyobraźni chłopa. Przkuszenie do etnograficznego studjum. We Lwowie* 1888, стр. 11). — По литовской легендѣ Господь оживилъ созданнаго имъ чело-вѣка, вдохнувъ въ него душу черезъ стержень пера; дьяволъ завладѣлъ перомъ, въ которомъ осталось немного Божьяго духа, и также оживилъ сотворенную имъ *женщину*; оттого она то добра, то зла, ибо получила свою жизненность отъ смѣшаннаго духа Бога и черта (Вольтеръ, I. с. стр. 141). — *Аджирскіе*

На источники знакомаго намъ космогоническаго мифа документы, собранные Деллингеромъ для исторіи западнаго дуализма проливаютъ свѣтъ лишь немного свѣта. Нѣсколько интересныхъ подробностей встрѣчаются въ извлеченіяхъ изъ актовъ инквизиціи въ Каркассонѣ. Дьяволъ—названный братъ Богу: *Quaedam die, dum praedicaret Dominus in coelo gentibus suis, venit ei nuncius de terra dicens ei, quod istum mundum amiserat nisi statim mitteret illuc, et statim misit Dominus Lucibel in hunc mundum et recepit eum pro fratre, et postea voluit Lucibel habere partem haereditatis de inferioribus et de superioribus, et Dominus noluit, et propter hoc diu fuit guerra et hodie est inter ipsos et propter aliam superbiam* (стр. 33). Типъ болгарскихъ «басень» напоминаетъ слѣдующая о созданіи человѣка: *diabolus fecit hominem de terra argila, et dixit Deo, quod mitteret animam in hominem, et Deus dixit diabolo: fortior erit me et te, si de argila fiat, sed fac eum de limo maris, et fecit diabolus hominem de limo maris, et Deus dixit: Iste est bonus, non est enim nimis fortis nec nimis debilis, et misit Deus animam in hominem* (l. c.). *Diabolus fecit corpus hominis et posuit in eo animam,*

арабы рассказываютъ, что когда Господь готовился сотворить женщину, дьяволъ, дабы помѣшать тому, сотворилъ *обельзну*, которая, по его приказанію, и похитила ребро, вынутое Господомъ у Адама. Господь послалъ въ погоню за нею архангела Гавріила, но она взобралась на дерево, не выпуская добычи, и лишь одинъ ея хвостъ остался въ рукахъ архангела. Изъ него-то Господь и создалъ женщину: отсюда ея хитрость, желаніе вредить и склонность ко лжи (Rev. des trad. pop. IV, № 7: René Basset, Pourquoi la femme est malicieuse).—Король Менеликъ, вѣститель Шоа, такъ рассказываетъ о происхожденіи негра: во время сотворенія міра и перваго человѣка, злой духъ выпросилъ у Бога позволенія также сотворить человѣка изъ комка земли. Такъ какъ все, до чего ни дотрогивался дьяволъ, становилось чернымъ, то и человѣкъ вышелъ у него чернымъ. Вздумавъ сатана вынуть его и бросить въ Іорданъ, но воды разступились и только ладони и подошвы намокли немного, отчего и сдѣлались свѣтлѣе. Разгнѣванный неудачей сатана ударилъ человѣка по носу и приплюснулъ его, но тотъ сталъ просить о пощадѣ, и сатана, понявъ свою несправедливость, въ видѣ ласки повелъ рукою по головѣ своего созданія; отъ раскаленной руки волосы негра стали курчавыми (С.-Петербургскія Вѣдомости 1890, № 267).

qua posita in corpore hominis homo dedit unum saltum et dixit diabolo: ego non sum tuus (стр. 36).

Космогоническая легенда итальянскихъ катаровъ *Concorreggio* и *Bagno* переноситъ насъ въ сферу богомильскихъ вліяній. Конкоррезцы слѣдовали ученію умѣренныхъ болгарскихъ дуалистовъ, баньольскій толкъ представляется результатомъ примиренія либо смѣшенія этого умѣреннаго дуализма съ крайнимъ, котораго держались другургскіе или албанскіе катары¹⁾; въ средѣ тѣхъ и другихъ ходила одна и та-же космогоническая сказка²⁾, не встрѣтившаяся мнѣ въ этомъ видѣ ни въ одномъ южно-славянскомъ пересказѣ. *Dicunt, quod quidam spiritus habens quatuor facies, unam hominis, aliam volucris, tertiam piscis, quartam animalis, fuit sine principio et manebat in hoc chaos nullam habens potestatem creandi, et Lucifer adhuc bonus descendit et videns speciem hujus spiritus admiratus est et collusione et suggestione illius spiritus maligni seductus est et revertens in coelum seduxit alios, et projecti sunt de coelo, et dona naturalia non perdidit; et dicunt, quod Lucifer et ille spiritus nequam volebant distinguere elementa et non poterant, sed Lucifer impravit a Deo bonum angelum coadjutorem et ita concessione et adjutorio boni angeli et virtute et sapientia sua distinxerunt elementa.*

Какъ въ этой легендѣ Люциферъ, *adhuc bonus*, спускается въ хаосъ, гдѣ встрѣчаетъ зооморфическое существо, очевидно символизирующее еще нераздѣльныя, не способныя къ творчеству стихійныя начала, такъ въ болгарской, по происхожденію, *Liber Joannis*, занесенной къ канкорезскимъ катарамъ, сатана до своего паденія спускается съ небесъ до преисподней, и осматрѣвъ все сущее, исполняется гордыней. Въ предыдущемъ вз-

¹⁾ Сл. v. Döllinger, l. c. I, стр. 117—119.

²⁾ l. c. II, стр. 60—1 (*De credentiis Concorregiorum*), 612—618 (*Aufzählung der Sätze der Albigenser, der Secte de Concorreggio, qui habent haeresim suam de Sclavonia. Inc. Quidam alii de Bulgaria credunt*). Я цитую послѣдній текстъ, какъ болѣе подробный.

сгдѣваніи ¹⁾ я не разъ обращался къ этому памятнику; новый текстъ, изданный Деллингеромъ ²⁾ по рукописи XIV вѣка, даетъ кое-какіе варьянты къ тексту Тило. Остановлюсь на болѣе существенныхъ. Спускаясь съ высоты сатана *invenit totam terram coopertam de aquis et ambulans per subter invenit duos pisces jacentes super aquas et erant quidem vincti substantes totam terram per praeseptum Paris invisibilis, et descendens desubtus invenit magnas nubes tenentes pelagum maris, et descendit subtus et invenit sicut infernum quod est geenna ignis.* Въ текстѣ Тило послѣднее мѣсто читается такъ: *invenit sicut ossor, quod est genus ignis.* Глосса ³⁾ на поляхъ Деллингерова текста такъ поясняетъ слово *geenna*: *Vallis Josaphat idem sunt, scilicet oseph et atto et infernus et tartarus et generatio ignis, sed secundum diversas linguas nominantur, non est spiritus neque aliquid vitale, sed locus est, sicut est Bossina et Lombardia et Tuscia.*

Иосафатова долина—долина суда, т. е. страшнаго (у пророка Іоня и въ средневѣковомъ повѣрѣ), объединена здѣсь съ понятіемъ осужденія въ аду, съ адомъ: *infernus, tartarus, generatio ignis*, что такъ же отвѣчаетъ гееннѣ, какъ и слав. родъ огненный. Озеръ (*ossor* у Тило), очевидно, этимологическое, непонятное мнѣ объясненіе *Josaphat* («Jahve» судить), которую глоссаторъ представляетъ себѣ такою-же мѣстностью, какъ Боснія и Ломбардія. Упомянутыя послѣднихъ—центровъ дуалистической ереси—

¹⁾ Разысканія, вып. V, стр. 87 слѣд., 46, 84.

²⁾ I. c. II, стр. 85 слѣд.: *Ioanni et apostoli et evangelistae Interrogatio in coena sancta regni coelorum de ordinatione mundi et de Principe et de Adam.*

³⁾ Изъ другихъ глоссъ отмѣтимъ слѣдующія: *diabolus, cum dormiret, cecidit de bava ejus, ex illa creatus est ille serpens* (стр. 88, прим. 9). Христосъ говоритъ о сатанѣ: *misit angelum suum et accepit de tribus arboribus et dedit Moyse ad crucifigendum me, quae ligna mihi custodiuntur usque nunc.* Къ этому мѣсту такая глосса (стр. 89, прим. 10): *etiam fuerunt ligna illa, cum quibus divisit mare Moyses, cum autem venerunt filii Israel ad aquas amaras quas qui gustabant moriebantur, erat tunc angelus Moyse dicens: Tolle ligna et fange insimul et planta ea juxta aquam dicas: ista ligna erunt salus mundi et defensio mundi, remissio peccatorum mundi.* См. мой отчетъ о книгѣ проф. Соколова, Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCLVIII, отд. 2, стр. 465.

показываетъ, что толкователь стоялъ въ кругу ихъ интересовъ или былъ къ нимъ близокъ; на столько-ли, чтобы дозволить намъ предположить въ atto слав. адъ—этого я не рѣшусь утверждать.

Въ разсказѣ о созданіи видимаго міра дьяволомъ текстъ Деллингера полнѣе; мое объясненіе слова *medietas* и поправка: *lumen solis* вм. *stellagum* (Разысканія, вып. V, стр. 84), сдѣланная къ тексту Тило, остается въ силѣ по отношенію къ нему, выводы не отмѣняются и Деллингеровымъ. Вотъ чтеніе послѣдняго: сатана взмолился ко Господу, который далъ ему покой *usque ad diem septimum, et tunc sedit super firmamentum praecipitque angelo qui erat super aërem, et illi, qui erat super aquas. Et elevarunt duas partes aquarum sursum in aërem et de tertia parte fecerunt L maria et fuit divisio aquarum per praecceptum Patris invisibilis. Et praecipit item angelo, qui erat super aquas: sta super duos pisces, et elevavit capite suo tertiam, et apparuit arida et fuit; quum (tum?) accepit coronam ab angelo, qui erat super aërem, media fecit tronum suum et medium lumen solis; accipiensque coronam ab angelo, qui erat super aquas, medieta-tem fecit lumen lunae et medietatem lumen dici. Et de lapidibus fecit ignem et de igne fecit omnem militiam et stellas et de illis fecit angelos spiritus, ministros suos secundum formam ordinatoris altissimi.*

IV.

Въ связи съ дуалистической космогоніей *Liber Johannis* и Свѣтка божественныхъ книгъ я поставилъ¹⁾ группу космогоническихъ вопросовъ, уже обратившихъ вниманіе ак. Ягича и Р. Кёлера. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ изъ такъ-называемой бесѣды трехъ святителей.

«Сказаніе ѿ прѣмудрости Грѣгоріа, Василіа, Іоанна Бого-

¹⁾ Разысканія, вып. V, стр. 42 слѣд. Цитату на стр. 44 изъ Слова о небеси и земли св. теперъ у Polivka, Opisi i izvodi (изъ Starine XXI, стр. 27).

слова» по рукописи бывшей Шафарика ¹⁾ предлагает, послѣ первыхъ двухъ или трехъ (если: «комъ ли ксть послѣднѣ душа?» представляетъ вопросъ съ выпавшимъ на него отвѣтомъ) вопросовъ, слѣдующій: «Григоріи рече: Кто прьво Бога нарече? Василикъ рече: Сатанайль прьви аггелъ, съвръженъ съ небесь, прѣжде сьзданія Адамова .д. дни, а за грьдость нарече се име кму Сатанайль. — Василикъ рече: Что кст глыбина мурска и высота небесна и широта земляна?» Отвѣтъ выпалъ; но его подсказываетъ текстъ Бесѣды, заданный въ Памятникахъ старинной русской литературы III, стр. 160: онъ и начинается съ вопроса Григорія: «Кто первый наречеса на землѣ?», а на второй отвѣчаетъ: «Отець, Сынь и Св. Духъ». — Тѣми-же двумя вопросами открывается и текстъ Новаковича ²⁾. Въ двухъ соловецкихъ спискахъ №№ 1137 ³⁾ и 942 ⁴⁾ эти вопросы стоятъ не первыми, но въ той-же послѣдовательнои; за ними третій: о ризахъ и сударѣ, стоящій въ томъ-же порядкѣ въ Шафар. и Прим., стало быть, лишь опущенный въ редакціи Памятниковъ; въ текстѣ Цвѣтника ⁵⁾ онъ слѣдуетъ за вопросомъ о высотѣ, широтѣ и глубинѣ. — Приводимъ вопросъ о ризахъ и сударѣ въ параллельныхъ чтеніяхъ:

Шафар.

Солов. № 1138.

Василикъ рече: что кст кдннъ притекъ и видѣ ризы кднни ле- жещее, и соударъ иже бе на главе кго, не съ ризами гѣжещъ,	Иваннъ рече: (что есть?) Петръ приникъ і видѣ ризы едины ле- жащии и сударъ, еже бѣ не съ ризами, но особъ свить на еди-
--	---

¹⁾ Polivka, l. c., стр. 21 слѣд.

²⁾ Новаковичъ, Примери книжености и језика старога и српско-словенскога (у Веограду 1877), стр. 446.

³⁾ Порфирьевъ, Апокриф. сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 384 слѣд.

⁴⁾ Архангельскій, Творенія отцевъ церкви въ древне-русской письменности. Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій, I—II, Казань, 1889, стр. 118—114.

⁵⁾ Тихомировъ, Пам. Отр. русск. лит. II, стр. 436.

нѣ шсобѣ свѣтъ и на иномъ мѣсте
лѣже? Григоріи рече: соударь
шсу платна слоужьбнаго на
блюде, а дари кѣго врѣховно небо
до прѣисподны бездны, а тоу
кст бездна яко риза, а стихарь
кст стлпѣи желѣзнои шко ве-
ликаго моря, на нѣмже земля
пливактъ. петрахиѣ кст вѣход
и исход, а сеи под поимомъ
земли тон тлѣстота ей, елико
шт вѣстока до запада. и повелѣ
Господь сѣгнати пену морскую
и сѣтвори землю на четирѣхъ кн-
тѣхъ великихъ, на г. девети ма-
лихъ ¹⁾ шт коньць залежит (?),
а душе в нѣихъ трѣтѣа честь
ранскихъ воня, иде рѣба на ту
воню ²⁾. Глѣбина же того моря
вѣлика, елика кст шт вѣстока
слѣца до запада, и дно кст того
моря прѣтищетьсе къ желѣз-
номуу стлпу. Тлѣстота кст
того моря, шко море вѣ глѣ-
бине кст, тогоже дво кст стоить
на седмѣхъ стлпѣхъ, и ту кст
адово жилище, и тоу Антихристь
лежитъ свѣзан и амнѣ. а аггелъ
но отврѣждактъ кѣго. а тожде
стлпѣи стоить на шгни негаси-
мемъ, и по томъ небо и дѣнѣца

номъ мѣстѣ? Григоріи рече: су-
дарь бѣ два плата служебная
на блюдѣ, а ризы его—верхнее
небо, вѣ прѣисподней бездне сто-
ить яко риза. стихарь — .ѣ. не-
бесѣ, а поясъ—желѣзное стол-
пѣе около великаго моря, на немъ
же земля плаваеть, а патрахиѣ
входъ і исходъ, а поясомъ (?)
земля, толстота ея яко от востока
и до запада. Повелѣ Гдѣ со-
гнати пѣну морскую и сотворити
землю на трѣхъ китѣхъ великихъ
и на тридѣсати малыхъ китѣхъ.
саягутъ тридѣсати морскихъ
оконецъ, а души ихъ третья
часть райская воня, і идуть на
ту воню и те рабы вѣ сѣти увяз-
нутъ. Глѣбина того моря вели-
каго в трое того толстота, какъ
земля толста, дво подъ тѣмъ мо-
ремъ великимъ равное желѣз-
номуу столпѣю, того же моря дно
стоить на .ѣ. столпѣхъ. Туже
есть адово жилище, туже бу-
детъ і Антихристь связанъ, а
Михаилъ архангелъ утверждаеть
его. Тоже столпѣе стоить воз-
вышено яко то море, то стол-
пѣе стоить на огне неугасимомъ.
Подъ темъ огнемъ есть Днѣн-

¹⁾ На этомъ кончается отвѣтъ въ текстѣ Цѣтѣника.

²⁾ Конецъ отвѣта у Новаковича: «а идуть рыбы на ту воню и тѣмъ пи-
таюшть се».

свѣтлаа. таже прѣжде слнца ница, иже преже слнца сотво-
сътворенна. тоуже соуть людк, рена, и туто есть люди крилати
лѣтающе мыслию, тако паучина, яко паучина мыслию, а смѣрти
и несть имь смѣрть ни земли, имь нѣсть, таже много ничего,
еже нѣсть ту и стопи; [ни] иво но все воздухъ бѣжи держать.
что, бо тоу кст бѣдна тако риза. То то есть бездна яко риза.

Въ соловецкихъ спискахъ за сообщеннымъ вопросомъ и от-
вѣтомъ слѣдуетъ: «Іваннъ рече: Гдѣ первие Бгъ былъ, еже не
бѣ свѣта? Василии рече: Суть комари три на нбсѣхъ, въ тѣхъ
комарехъ» (Порфирьевъ, I, с.). Такъ и у Шафарика; ту же по-
слѣдовательность представляя, вѣроятно, и оригиналъ текста,
напечатаннаго въ Памятникахъ, прежде чѣмъ выпалъ вопросъ-
отвѣтъ о «ризахъ»: Шафар. «Василик рече: Гдѣ беша прѣжде
Богъ, егда не беша свѣта? Ішанъ рече: есть .г. камаре на небѣ-
сѣхъ, и ту беша въ тѣхъ камарехъ агницѣм, тоу и его соутъ дари,
свѣту же нго нѣстъ конца»; Пам.: «Василий рече: Гдѣ Богъ первѣя
жилъ, иже не бысть свѣта? Іоаннъ рече: Суть каморы три на
воздухѣхъ, ту баша Господь въ трехъ каморехъ агницею, а
свѣту тогда не бысть».

Г. Мочульскій пытался установить редакціи «Бесѣды»,
распространенной у насъ во множествѣ изводовъ и списковъ;
проф. Архангельскій (I. с., стр. 90) считаетъ подобную по-
пытку напрасной. Можетъ быть, къ вопросу, во всякомъ случаѣ
любопытному, слѣдуетъ подойти другимъ, аналитическимъ пу-
темъ, сравнивая не тексты, а въ нихъ самихъ ряды повторяю-
щихся въ той же послѣдовательности вопросовъ и отвѣтовъ.
Повторяемость такихъ серій можетъ открыть точки зрѣнія на
содержаніе и распорядокъ первичнаго текста или — текстовъ.
Частный случай, насъ занимающій, даетъ поводъ къ такимъ
именно соображеніямъ:

Кто первый назвалъ Бога?	Шафар.:	Солов.	ММ 942,	1138;	Пам.:	Прим.:	Крѣтк.
Что есть глубина и т. д.?	—	—	—	—	—	—	—
Ризы и стихарь?	—	—	—	—	—	—	—
Гдѣ пребывалъ прежде Богъ?	—	—	—	—	—	—	—

Чѣмъ на большее количество списковъ распространено будетъ подобное изученіе, тѣмъ точнѣ выяснятся серіи, и соображенія, на нихъ основанныя, будутъ прочнѣе.

Вопросъ о ризахъ и его толкованіе интересны по отношенію къ сходнымъ перечнямъ того же содержанія, о которыхъ рѣчь была выше. Земля, созданная изъ морской гѣны («отъ глины водные» въ упомянутыхъ вопросахъ и Отвѣтахъ), покоится на китахъ; подъ морскимъ дномъ («первая земля» Свѣтка?), стоящимъ на семи столпахъ, адово жилище и связанный Антихристъ; столпы стоятъ на неугасимомъ огнѣ. Такъ въ указанныхъ перечняхъ, гдѣ подъ первымъ огнемъ, отвѣчающимъ аду, находится другой, горше его, подъ нимъ дубъ, *первопосажденный, стоящій на силъ Божіей*. Последнему представленію соответствуетъ въ нашемъ текстѣ небо и денница, *созворенныя прежде солнца*, люди летающіе мыслію, «яко паучина», и не знающіе смерти; все это держится *Вожымъ воздухомъ*: это и есть бездна. «Денница свѣтлая» = Люциферъ, Сатанаилъ; крылатые люди—падшіе ангелы, вадменно и безцѣльво витающіе мыслію¹⁾. Ихъ область отдѣлена отъ обители ада и мученій, гдѣ связанъ Антихристъ: это сверженное Господомъ небо, «рай» Сатанаила.

Интересно болгарское преданіе о немъ²⁾, полное дуалистическихъ воспоминаній. Изгнанный съ неба Зерзевулъ задумалъ устроить для своей челяди свой рай на землѣ, подобный Божьему. Взяли они отъ деревьевъ и цвѣтовъ райскихъ и насадили³⁾; Зерзевулъ велитъ своей челяди ѣсть и пить и свободно дѣлать все, что запретилъ Господь; «во раіот моі іаденье, пиванье, кеф те-

¹⁾ Такъ понимаю я выраженіе: летать мыслію «яко паучина». Это напоминаетъ параллели Слова о Полку Игоревѣ о Болгѣ, растекавшемся мыслію по древу, скачущемъ какъ соловей по мыслену древу. Я держусь прежняго моего толкованія этихъ образовъ (ср. Новый взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ, Журн. Мин. Нар. Просв., ч. СХСІІ, отд. 2, стр. 278—9), ибо едва-ли гипотеза: мысль = мышь не исключается контекстомъ слова: не по *замыслинію*: Боялю ... растѣкашется мыслію.

²⁾ Сборникъ за народни умотворенія, кн. I, стр. 97—8.

³⁾ Сл. Разысканія, вып. V, стр. 46.

ранше, колку да ми сакаатъ, говорятъ онъ своимъ; но у тѣхъ нѣтъ покоя: до нихъ доносится славословіе ангеловъ и причиняетъ имъ страшную муку. Зачѣмъ устроилъ ты рай такъ близко отъ Господа? говорятъ они ему, а онъ велитъ имъ построить башню до неба, хочетъ поразить Бога. Борьба неровная: башня свержена въ преисподнюю, сотворилась вѣчная мука, а на мѣстѣ Зерзевулова ада очутилось терніе, боярышникъ и безплодные камни. — Разсказъ о столпотвореніи, перенесенный здѣсь на дьявола = Немрода (сл. выше стр. 35) явился на мѣсто древняго: о сотвореніи дьяволомъ своего неба.

Сходные мотивы встрѣчаются въ показаніяхъ южно-французскихъ дуалистовъ ¹⁾. Забравшись на небо «*Lucifer, qui tunc vocabatur Lucibel, dixit hominibus, ibi existentibus: si vultis me sequi inferius ad terram, ego dabo vobis uxores, safronadas et febres et pastiones et tinetas et rascias*»; но онъ не исполнилъ всего, что обѣщалъ, и соблазненные имъ, раскаявшись, *insererunt cantare cantica de canticis Sion, quando erant cum Patre coelesti. Quod audiens Sathanas dixit eis: Et estis adhuc memores de canticis Sion? Et ipsi responderunt, quod sic; et tunc Sathanas dixit eis: Ego ponam vos in terram oblivionis, in qua obliviscimini illa quae dicebatis et habebatis in Sion. Et tunc fecit eis tunicas, id est corpora de terra oblivionis.* Ада нѣтъ, ибо адъ — это весь видимый плотскій міръ, въ которомъ постепенно очищаются, переходя изъ тѣла въ тѣло, созданныя Богомъ души, пока всѣ не вернутся къ нему и не обрѣтутъ спасенія ²⁾.

¹⁾ Döllinger, l. c. II, стр. 32, 201—202, 213—214.

²⁾ l. c. стр. 152.

XXI.

Къ видѣнію Амфилога.

Въ V-мъ выпускѣ Разысканій, гл. XVII-я, я старался разобратъ, по отношенію къ его составнымъ частямъ и кое-какимъ параллелямъ, славянское сказаніе объ Амфлогѣ, сарацинскомъ дарѣ, обращенномъ въ христіанство видѣніемъ, въ таинствѣ эвхаристіи, Христа въ образѣ мальчика, котораго закаляетъ и отъ тѣла и крови котораго причащаетъ пресвитеръ.

Самое «Сказаніе Амфилога царя ѿ святѣй лѣтоур'гѣи» представляетъ еще много неясностей по вопросу о его генезисѣ.

Я объяснилъ его себѣ такимъ образомъ, что къ какому-нибудь разсказу объ обращеніи *поганина* (въ данномъ случаѣ сарацина) пристала легенда о вразумленіи, путемъ чуда, недоумѣвающейаго *христіанина*, вродѣ разсказанной аввой Арсеніемъ о нѣкоемъ старцѣ (у меня стр. 336—7) и сходной съ нею, извѣстной Вильгельму Мальмеберійскому: о пресвитерѣ Plegus'ѣ или Plesgils'ѣ ¹⁾. Но есть, въ параллель къ разсказу объ Амфлогѣ, и другіе, гдѣ дѣло идетъ, какъ и тамъ, объ обращеніи поганина, на этотъ разъ еврея. Укажу, между прочимъ, на широко-распространенную легенду о мальчикѣ жидовинѣ, который увлекся,

---

¹⁾ Migne, Patrolog. lat., t. 73, col. 991—2 (примѣчаніе Россейда).

слѣдомъ за своими товарищами христіанами, въ церковь, гдѣ вмѣстѣ съ другими и пріобщился св. таяннъ; когда онъ разска- залъ о томъ отцу, тотъ бросялъ его въ раскаленную печь, гдѣ мальчикъ остается невредимымъ: мотивъ, напоминающій намъ духовный стихъ о Милосердой или Аллилуевой женѣ ¹⁾. Мѣсто дѣйствія чуда — то Константинополь, то Армения; то Египеть или Буржъ во Франціи; въ нѣкоторыхъ текстахъ ²⁾ мальчикъ жидовинъ видитъ въ таинствѣ эвхаристіи младенца Христа и причащается ему образно: *missa celebrata cum sacerdos populo communionem distribueret, videbatur Judaeo puerulo quod illi picto (на образѣ) similem populo divideret. Qui sum aliis accedens crudam carnem a sacerdote accepit, quam patri domum detulit* (Honorius Augustodunensis).

Не о мальчикѣ, но также о жидовинѣ и его обращеніи гово- рится въ житіи Василія Великаго, приписанномъ Амфилохію Иконійскому. Святой молитъ Господа сподобить его, *ut suis ipse verbis incruentum Deo sacrificium offerret*; на седьмой день Го- сподь предсталъ ему въ видѣніи со своими апостолами, *pane et vino in sacro altari propositis Basilium excitavit dicens: Secun- dum petitionem tuam repleatur os tuum laude, ut tuis ipse verbis incruentum Sacrificium offeras*. Приступивъ къ алтарю, св. Ва- силій произноситъ и записываетъ слова своей литургіи. *Eubulus autem et Cleri princeps, simul stantes pro foribus templi, vide- bant in templo lumen spirituale, virosque gloriosos amictu can- dido ac vocem populi glorificantis Dominum, nec non astantem altari Basilium*. Далѣе разсказывается слѣдующее: какой-то еврей виѣшался въ толпу христіанъ, желая увидѣть чинъ службы и литургіи; видитъ св. Василія, раздѣлывшаго на части младенца,

¹⁾ Cf. Wolter, *Der Judenknabe* (Halle, 1879); *Mussafia* въ *Zeitschr. f. rom. Philol.* IX B., стр. 188, 412—413; *Mélusine*, IV, стр. 39—41. О духовномъ стихѣ см. теперь въ статьѣ Драгоманова: Славянскіе сказанія за помер- твование собственно дѣте, въ Сборникѣ за народни умотворенія и т. д. I, стр. 68 слѣд. См. варианты у Добровольскаго, Смоленскій этнографическій Сборникъ, стр. 248—244.

²⁾ Wolter, l. c., стр. 43, 94, 111; *Mussafia*, l. c. стр. 412.

и самъ причащается отъ дѣйствительнаго тѣла и крови. Сохранивъ частицы того и другого, онъ дома показываетъ ихъ женѣ, въ знаменіе видѣннаго имъ, и на другой день идетъ къ св. Василию креститься.

Гдѣ сложился рассказъ о чудѣ? Болландисты (Acta SS. Junii III, 425—6) замѣчаютъ по поводу чуда Василя и аналогичскаго съ стратигомъ *Ἰουλάς* (Разысканія, вып. V, стр. 342—3), что въ греческой церкви народъ не видитъ пресвитера во время приношенія имъ жертвы, а безъ этого не мыслимо и видѣніе жидовина и Тула, и, прибавимъ отъ себя, легенда, рассказанная со словъ аввы Арсенія въ *Aporhthegmata Patrum* (Разысканія, I. с. стр. 336—7). Последняя исключаетъ, по видимому, гипотезу, что чудо могло первоначально сложиться въ римской церкви; съ другой стороны древнее устройство алтарной преграды лишаетъ моментъ, указанный болландистами, значенія, которое они склонны были придать ему.

Существовалъ-ли подобный рассказъ съ именемъ Григорія? Укажу прежде всего на одинъ памятникъ, распространенный въ нашихъ рукописяхъ подъ заглавіемъ: «Святаго Григорія Богослова откровеніе о святѣй службѣ, еже есть литургія», либо: «Святаго Григорія Богослова о святѣй службѣ, еже есть литургія». Статья эта относится къ литературѣ «толковой службѣ», обзорѣнію которой у насъ на Руси посвящена небольшая работа Н. Красносельцева¹⁾. Указавъ на сочиненія, изъ которыхъ наши предки могли получать понятіе о смыслѣ богослужебныхъ обрядовъ, каковы творенія св. Кирилла Іерусалимскаго и Діонисія Ареопагита, Максима Исповѣдника и Германа патріарха Іерусалимскаго, авторъ переходитъ и къ тѣмъ толкованіямъ, въ которыхъ апокрифическій элементъ игралъ наиболѣе видную роль. Къ нимъ относится и «Откровеніе св.

¹⁾ Сл. Н. Красносельцевъ, Толковая служба и другія сочиненія, относящіяся къ объясненію богослуженія въ древней Руси до XIII вѣка. Православный Соборъ 1878, Май, стр. 8 слѣд. Сл. іѣ. стр. 11—19: текстъ Откровенія.

Григорія», которое я и сравниваю дагѣ съ легендою объ Амфилогѣ. Я имѣю въ виду лишь объясненіе литургическихъ актовъ, ибо эпическая канва легенды отсутствуетъ въ Откровеніи, начинающемся такимъ образомъ:

Собращася святѣи отци къ великому Григорію богословцю глаголюще емоу: Отче преподобныи, таже сжтъ слоуженія святаа и бескровнаа науочи ны, отче. Отвѣща святѣи Григоріи, глаголя: Послушайте, братіе мои. Иерей надъ предположенными дарыи глаголетъ: Господу помолимся. И слышахъ глаголь глаголюща с небесе: Прежде положенія сердце свое положите начатокъ церкви.

Откровеніе Григорія.

Егда речеть попъ: Благослови, владыко! слетитъ ангель съ небесе и станеть предъ притворными дверми. . . . И егда рекутъ: Господь воцарися, и речеть ангель: Веселися и радуся христіанскыи родъ. . .

...И егда видеть іерей взяти квангеліе и свѣща да видеть на выходъ, егда рекутъ: Придѣте поклонимся и припадемъ, видѣхъ ангела, какъ слетѣ крилома своима надъ попа и ведеть и въ олтарь и положи квангеліе на святѣи трапезѣ, и ослабивъ кригѣ и постави а и рече ему: Блюди како предстоиши страшнѣмъ престолѣ. И яко видеть на столъ, и речеть Михаилъ: Премудрость, Гавріилъ: Вонимъ... И егда чтется

Сказаніе объ Амфилогѣ.

Егда рече попъ: Благослови, владыко! въ тѣй часъ ста пръковъ ледана, а ол'тарь ог'нень. А егда рече попъ: Пресватуж, чистуж, въ тѣй часъ пристоупиша множество аггелъ, подемше рждѣ за весь миръ христіанскыи, молащеса Богоу. Егда же іерей начнетъ глаголати: Богъ Сватый на сватыхъ почиваа, тогда множество аггелъ подпимоуть апостолъ, и речеть Михаилъ: Вн'имъ! а Гавріил речеть: Миръ въсьмъ! И начнетъ чѣсти попъ евангеліе, и въ то время трясѣтъ аггелъ възимають съ похвалоуж слова та, несжтъ на небо... Егда попъ начнетъ глаголати: (Углашеніи изыйдѣте — тогда аггели, събравше грѣш'ники, vedoуть

святое евангеліе, видѣхъ кровь церковныи отверсть, и небо баше видѣти, и кождо слово еуангельское аки огнь всхождааше до небесе. И егда речеть иерей: Елико непрчастнии изыдѣте, и видѣхъ человека стояща въ дверехъ церковныхъ, и моуща въ зубѣхъ своихъ тако стрѣлу острую, и очи его поостреи люте на стояща люди въ церкви, тако да изждеиетъ кождо изъ церкви. И егда речеть попь: Да никтожъ отъ оглашенныхъ, изыдѣте, но елико вѣрныхъ — и видѣхъ ангела, како слетѣ крылома своима и отгнавъ злаго изъ церкви и веде и въ кромѣшнии огнь. . . И егда поють: Иже Херувимъ, видѣхъ како слетѣста ангела крылома своима и осѣниста иерея и несоста святаа къ жертвенку... И егда речеть иерей: Побѣдноую пѣснь поюща възопиюща, видѣхъ тогда покровъ церковныи отверсть и небо являющеса и огнь пламенѣхъ грядущъ, и по пламени множества ангель... и огннии ангели сташа окрестъ святаа трапезы и отроча посреде ихъ, и огннии пламень нападе на иерея.

Легенда непосредственно переходитъ къ образному толкова-

вонъ ис церкви, а праведники оставлѣхъ. Егда же речеть попь: Ико подъ дрѣжавою твою — тогда и снндоуть ангели божии, свѣтлии, дрѣжаще въ рѣкахъ оржжіа огннаа, а друзи тмнии ангели, обмѣтающе иерея свѣтми, хоташе прѣлестиши его. И не возмогаша дойти дверей шлтаря, срѣтають бо ихъ божии ангели, и миде оржжіа пламеннаа, и отженут тмнии ангелы прочь. Тогда възнесутса множество ангель, пощсе: Сватъ, сватъ, сватъ Господь, и въземше прѣсватаа, сгаватъ на сватѣй трапезѣ. . . И речеть попь: Вънѣмъ святое възношеніе. Тогда възметса агнецъ божій, станѣтъ на въздоухѣхъ, и снндета два херувими и станета окрестъ трапезы. И речеть попь: Побѣдноуж пѣснь пощсе — възмоутса херувими закрываща лица своа шть неприкосновенныа славы и пощсе: Сватъ, сватъ, сватъ Господь. Тогда шткрывается ѿ небесъ, и прійдетъ самъ Господь съ высоты.

нию словъ литургисающаго: «Примите и ядите», и «Пийте отъ нея», при чемъ вмѣстѣ въ виду видѣніе Амфилога, о которомъ говорила въ самомъ началѣ: Господь показавъ поганому вмѣсто просфоры — «дѣтищъ образъ», который священникъ и закладъ. Въ «Откровеніи св. Григорія» этому видѣнію отвѣчаетъ другое: «и егда речеть перенъ Свѣтаа святымъ, тогда видѣхъ ангела имоуща ножъ и отроча на руку, и закласта и источиста кровь его въ святоую чашу, а тѣло его рѣжоуща кладяста горѣ на хлѣбъ, и бысть хлѣбъ тѣло и кровь Господа нашего Иисуса Христа, и шедшеса достовнии людіе ядыхоу и пяхоу приемлюще святое тѣло и кровь во истину, на очищеніе грѣхомъ».

Въ одной статьѣ Шафариковой рукописи, описанной г. Поливкой (Описі і изводи I, стр. 5: сербская ркп. № 19 собранія, XVII в.) встрѣчается особое толкованіе литургіи съ именемъ Григорія, но вставленное, какъ и въ легендѣ объ Амфилогѣ, въ рамку видѣнія: чудо видитъ нѣкій сарацинъ. Онъ безъ имени, и другія подробности легенды отсутствуютъ; важно сходство схемъ. Въ виду интереса этой статьи для генеалогическихъ отношеній изучаемаго нами текста приводимъ его по списку, любезно представленному намъ г. Поливкой.

(л. 261 об.) Таькованик ѓ вѣтавнии лѣрѣгѣи стѣ Григоріа ѣ видѣ некой страциниъ:

Прикладъи жѣ некоемѣ страциниѣ хрѣтовыи тѣмни видети ѣ вьниде въ свѣтлицѣи Бѣже ѣ видѣ ерѣа пришадаша на вѣтавнидо саджѣв, ѣ спѣбшѣ сѣ негѣ вѣи грѣсы ѣгѣ за стѣю трапезѣ. Сѣга ѓвалѣче сѣ въ стѣи стѣухарѣ, тога просѣи сѣ ѣкѣ зарѣ, ѣвалѣцила дѣиъ. Сѣга вѣзлѣжи на сѣ стѣи петрахѣлѣ ѣ прѣповѣса сѣ стѣи повѣсѣ, тога ѓповѣи сѣ страстыи самѣо творца. Сѣга вѣзлѣжи на сѣ стѣи фелѣниъ, тога покрѣише вѣси грѣси ѣгѣ ѣ вѣи вѣ свѣтааѣ ѣи нѣгѣ дѣже ѣ дѣ глави ѣгѣ. Сѣга вѣзѣтъ стѣю прѣсфорѣ, тога прѣсфора ѣвѣи (л. 262) въ рѣкѣ ѣгѣ въ ѓвразѣ самѣо сѣи вѣжѣа, ѣ сѣицидѣ ѣгѣтѣлѣ ѣ. ѣ стѣише ѓкѣрѣа ѣгѣ, дрѣжеще въ рѣкѣ скѣтѣтѣи ѣи кѣпѣи, ѣ вѣзѣ дѣтица ѣи прѣкѣрѣты ѣгѣ ѓкѣрѣа ѣкѣ въ четѣорѣ, гѣкѣ: ѣкѣ

сѣте дарѣ прѣлежешен. **Ѫга** къзгласи їерей: къзлѡшѣ дръга дръга, тога сьниде сѣ хъ ѿ дѣть мѣра сѣдженїи въ храмѣ ѿд. **Ѫга** рѣтъ їерей: станѣ добръ (станѣ), тога (л. 264) оумарѣ детнїщ ѡжнѣ ѿ ста крѣхѡ дискѡса. **Ѫга** рѣтъ: станѣ са страхѡ, тога сьнидѣтъ сѣ нѣвъ .д. хервнїмѣ ѿ станѡтъ ѡкрѣстѣ сѣте трапезы ѿ ѡкрианшѣ четнрѣмѣ криан сѣте дарѣ. **Ѫга** їерей прѡказгласи: кънѣмѣ сѣте къзнѡшенїѣ приносите, тога къзетсѣ детнїщ ѡ сѣте трапезы ѿ ста на кѡзѡсѣ неподръжнїмѣ ннчїи. **Ѫга** къзгласи їерей: поведѣнѡ пѣ поюща, тога хервнїмѣ късхїтнше детнїще ѿ лѣтехѡ поюще ѿ трѣперѡще криамѣ до .э. нѣвы ѿ до прѣстола велнчїа поюще ѿ гѡюще: сѣ сѣ сѣ гѣ сѣвѡдѡ. **Ѫга** къзгласнть їерей: прїимѣтѣ ѿ ѡдїте, тога сьниде самѣ хъ сѣ ѡвеманадесетѣ днѣтѡмѣ ѿ къзѣ телѡ скоѣ ѿ показа (л. 264 об.) късѣ стоїщнмѣ: сѣ ѿ телѡ моѣ, такожѣ ѿ чѣшѡ къспрѣмѣ ѿ къзгласнть: сѣ ѿ крѣкъ моѡ, ѡце ктѡ въкѡснть ѡ чѣшн сѣ, жнкот ѿмѣтъ кечнїи. **Ѫга** їерей къзгласнть: ткоѣ ѡдѣ ткоѣ, тогажѣ рѣкѡпнсѣнїѣ грѣхѡкъ късѣ възетсѣ, ѿ рѣ хъ: сѣ творнть къ моѡ намѣтъ. **Ѫга** рѣ їерей: вѣжн, кѣкѡ, сѣтъ хлѣвъ, ѿ сѣткорѣ двѡ хлѣвъ сѣ чѣтъноѣ телѡ, тога двѡ сѣтъ хлѣвъ прѣлѡжн сѣ къ пѣлътъ самѡ сѣа вѣжїа, ѿ кѣже къ чѣшн чѣтънѣю крѡкъ, тога двѡ чѣша прѣлѡжн сѣ къ крѣвъ самѡго сѣа вѣжїа, ѿ тога сьниде сѣтъ дѣхъ ѿ ста крѣхѡ їерей ѿ на прѣлежешнї дарѣ ѿ на касѣ лѡдѣхъ стоїщнї са страхѡ. **Ѫга** же рѣ їерей: ѡце прїноснмѣ тн сѣтѡ сѣдѣвъ, (л. 265) тога ѡдѣ ѿ ѡва ѿ прѡчн внкшїи сѣ нї къ дѣ къзжеселннїѣ. **Ѫга** къзгласн їерей: ѿзредѡ ѡ прѣстѣн чѣтїѣ ѿ прѣвѣченей, тога нѣа сѣ землѣннїмѣ сѣкакѡплѣют сѣ, да ѡце ктѡ къ тѣ чѣ не поклоннть сѣ, тѡ дѡтѡннѣ ѿ пожешн ѡганнїи пѣлѣмѣнѣ сѣзѣнѣ, ѿ ѡце ктѡ въ тѣ чѣ поклоннть сѣ, ѡце ѿ грѣшѣнѣ ѿ, тѡ зѣ тѡ къ днѣ сѡдннїи покрїетѣ ѿдѡ бѣца крїаѡ скоѣ. **Ѫга** къзгласнть їерей: дажѣ нѣ ѡдннѣмѣ дѣстѣ, ѿ тога ѡце ктѡ стѡнтѣ мнслѣй къ срѣцн своѣ злаѡ ѿлѣн ктѡ вѣнїдетѣ къ црѣкорѣ ѿ ѿмен злѡвѡ на дръга ѿ не прѡстнѣсѣ, тога лѣгѣлѣ ѡстѡпнть ѡ нѣгѡ ѿ дѣаколѣ сѣжѣтъ ѿдѡ ѿ вѣтъ ѿдѡ вѣнѣ (л. 265 об.) ѿз црѣкѣе. **Ѫга** къзгласн їерей: ѿ спѡвн мн вѣко, ѿ вѣспѡутѣ ѡче нашѣ ѿже ѡсн на нѣнѣхъ, тога къзгласнть ѡцѣ

нѣмъ: прїидѣте вѣвенїи оца моего, наследуйте зготованнои въ цртьво нѣнои. **Ѣга рѣтъ іерей:** глѣви нашен гѣи прѣклонимъ, въ тѣ чѣ дїцѣ кто глѣтъ встѣи своїми, томъ вы сѣ волѣи, вїад да сѣ нї є родїаль, дїцѣли кто стоить съ страхѣ до канїи стѣ стїи, то мѣтѣ іерейѣва и мѣтѣ самого тѣорца на нїи є. **Ѣга възгласитѣ іерей:** вѣнимемъ стѣа стїи, то въ тѣ чѣ спїдѣтъ съ нѣмъ .Ѣ. тисѣщѣ дѣгѣль и кѣзїше и носїше стїи дѣрїи до самогѣ прѣвстола и сѣннѣтѣ хѣ и начѣтъ давѣти (л. 266) сѣмъ скорїю рѣкѣю разлѣамѣ телѣ, тогѣ іерей вѣдѣи сѣ хѣрѣвїмѣ дѣкшомѣ Ісѣїи вѣгѣль Ѡ сѣрафїма. **Ѣга же іерей кѣспрѣтъ чашѣ,** тогѣ прѣтъ крѣкъ нїз рѣкѣи, крѣкъ самогѣ бѣ. **Ѡ гѣрѣкѣ тѣ іерѣю** койжо идѣтъ телѣ гѣи и пѣтъ крѣкъ гѣю, а прѣстѣпѣтъ заповѣди гѣи, пѣванѣ є юѣмъ прѣдѣтелю. **Ѣга рѣтъ іерей:** кѣзїсїсѣ на нѣа вѣ, тогѣ кѣзїше дѣрїи вѣси и кѣзїнесѣмѣ къ немѣ на нѣа. бѣ нашемѣ сѣа ка вѣмъ дѣмїи:

Я не касаюсь вопроса объ авторѣ Василіева житїя, ходящаго подѣ именемѣ Амфилохїя. Спїсатель житїя былѣ, такѣ или ивѣче, отождествлѣнъ съ Амфилохїемѣ Иконїйскимѣ, младшимѣ современникомѣ и другомѣ Василя Великаго и Григорїя Назїанзинѣа. Одно и то-же чудесное видѣнїе, отвѣтївшѣе, быть можетѣ, интересу къ спорамѣ о догматѣ прѣсущѣствлѣнїя, могло прїстѣтъ къ имени каждагѣ изѣ трехѣ каппадокїйцевѣ — если позволено мнѣ, въ виду неясности вопроса, прїсоединить новую гипотезу къ прежней, сблизивъ Амфилога легенды съ—Амфилохїемѣ. Легендѣ оставалось-бы, въ такомѣ случаѣ, только сблизить чудо съ какимъ-нїбудь инымѣ мотивомѣ обращенїя, типа «погавїна»; такѣ вмѣсто евренна могѣ явїтѣся сарацинскїй царевичѣ — Амфилогѣ.

Первая замѣтка, посвященная легендѣ объ Амфилогѣ (Разысканїя, вып. V, гл. XVII), имѣла въ виду указать въ ней параллель къ эпїзоду объ Eyalach'ѣ въ романахѣ о св. Грагѣ и снова поставїть вопросѣ о хрїстїанскихѣ источнїкахѣ послѣднягѣ

представленія, которое Nutt хотѣлъ объяснить изъ спеціально кельтскихъ вѣрованій. Я уже выразилъ мой взглядъ на работу Nutt'a; тѣмъ пріятнѣе было мнѣ встрѣтить косвенное подтвержденіе моего мнѣнія въ статьѣ извѣстнаго кельтолога Циммера, посвященной разбору той-же книги ¹⁾. Отмѣчу лишь два его положенія: что фантазія шрландскаго народа насыщена была въ періодъ отъ XII-го до XV-го вѣка заимскими сюжетами и идеями, и что параллели изъ Финновской саги, приводимыя Nutt'омъ къ романамъ объ Артурѣ и св. Гралѣ, не имѣютъ доказательности въ его смыслѣ, если тексты первой не древнѣе XV-го вѣка, ибо они свидѣтельствуютъ не за пракеельтское существованіе тѣхъ или другихъ мотивовъ, а за возможность ихъ проникновенія въ кельтскій обиходъ изъ классическаго или сѣверно-германскаго преданія, еслибы они тамъ оказались.

---

¹⁾ Сл. Gött. Gelehrte Anzeigen 1890, № 12, стр. 488 слѣд.; см. стр. 498 и 506. Сл. еще отчетъ Foerster'a о G. Paris, La littérature française au moyen âge въ Literaturblatt f. germ. u. rom. Philologie 1890, № 7, стр. 265 слѣд.

XXII.

Большой стихъ о Егоріи и сказка объ Ильѣ и Змѣѣ.

Кромѣ малаго стиха о чудѣ Егоріа съ змѣемъ (см. Разысканія II, стр. 125), русская поэзія знаетъ еще большой стихъ о немъ (I. с. стр. 136 и слѣд.), пересказывающій его апокрифическое мученіе и представляющій во второй своей половинѣ своеобразно разработанные элементы того же чуда. Источникомъ этого стиха я призналъ (I. с. стр. 139) такую редакцію легенды о св. Георгіѣ, гдѣ чудо съ змѣемъ помѣщалось послѣ мученія ¹⁾, съ тою разницею, что послѣднее кончалось не смертью угодника, а однимъ изъ тѣхъ чудесныхъ обмираній и успеній, которыя въ апокрифѣ являются какъ родъ настоящихъ смертей, перемежающихся дѣйствительными воскресеніями. Такимъ образомъ чудо притяннуто было въ житіе и составило съ нимъ нѣчто цѣлое.

¹⁾ Подобное сочетаніе мученія и чуда представляетъ бѣлорусскій Сборникъ Чудова монастыря № 47, XVI вѣка. См. Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи и Древностей, 1889 г., III: Библиографическіе матеріалы, собранныя А. Н. Поповымъ, стр. 49 слѣд. Мученіе кончается на л. 620 об.: Аъ же Посыкраѣ... вослѣдоваѣ своегъ гѣна страданію. I ѿ всѣхъ извѣстно на память христовѣвымъ стрѣгополовникамъ вчинилъ. — Л. 621 лиц.: чюл стго Ёгорыгѣа ѿ змиѣ. Инс.: Како истрека страшнаю ѿ преславнаю смю тайнѣ.—«Это непосредственный источникъ русскаго духовнаго стиха о Георгіи» (рукописная замѣтка А. Н. Попова, I. с. стр. 55).

Не измѣняя этому воззрѣнію, я попытаюсь пойти далѣе, поставивъ вопросъ: по какой схемѣ развитъ былъ въ большомъ стихѣ моментъ чуда, не имѣющій ничего общаго съ постановкой этого момента въ маломъ стихѣ о Егоріи и Елисаветѣ?

Напомнимъ содержаніе большаго стиха. Рассказывается о мученіяхъ Егорія; Демьянище заключаетъ его въ погребъ, засыпаетъ песками рудожелтыми. Чудомъ развѣваются пески, Егорій выходитъ на Божій свѣтъ—и ѣдетъ отплатить прежнюю дружбу своему мучителю, полонившему и его сестеръ. Слѣдуетъ та часть стиха, которая насъ особенно интересуетъ: на пути къ Демьянищу Егорій встрѣчаетъ рядъ заставъ; горы толкучія, лѣса и рѣки; сестры Егорія, пасущія стадо звѣриное или змѣиное; *змѣи или змѣи, съ которыми Егорій бьется*; чудесная птица *Нага* (Нага; птицы ногайщины; Черногонъ, Черногаръ; Нага Астрахирь, Острафилъ, Стратимъ), сидящая на херсонскихъ, іерусалимскихъ, сибирскихъ и т. д. вратахъ, либо на вратахъ, на крыльцѣ у Демьянища (Безсоновъ, Калѣки I, № 101, стр. 419, № 111, стр. 492): она унесетъ приѣзжаго «во чисто поле — малымъ дѣтямъ на съденіе» (I. с. стр. 473 въ примѣчаніи).—Уже затѣмъ слѣдуетъ встрѣча Егорія съ Демьянищемъ, котораго онъ и убиваетъ, освободивъ сестеръ.

Но и самого Демьянища стихъ представляетъ змѣемъ: онъ шипитъ по змѣиному, какъ змѣй летаетъ; онъ даже названъ отважды Горынычемъ: это «глубокій змѣй» апокрифа. Если такъ, то змѣй, съ которымъ раньше бился Егорій, и Демьянище явятся дублетами — и ясно, что превращеніе явилось со стороны змѣя: до встрѣчи съ нимъ всѣ заставы обходились Егорію мирно: горы и лѣса расходились, разступались; бой съ змѣемъ прерываетъ эту послѣдовательность, предвосхищая окончательную борьбу съ змѣемъ-Демьянищемъ. Первоначально порядокъ могъ быть такой: заставы, *птица*—и *змѣи Демьянище*. Такъ и въ эпизодѣ заставъ въ нѣкоторыхъ былинахъо Дюкѣ: *птицы клесучія* — и *змѣище Горыныще* (Южно-русскія былинны, вып. II, стр. 534). Названіе птицы: Нага могло быть внесено изъ стиха о Голубиной книгѣ, но

ния птицы, можетъ быть, осмыслило ея тѣсную связь съ насильникомъ Демьянищемъ, путь къ которому она стережетъ. Напомню по этому поводу румынское преданіе: когда татары-нагаи нагрянули на Молдавію, жители попрятались по болотамъ, въ камышахъ, но татары открывали ихъ при помощи пиголицъ, которыхъ выпускали въ большомъ количествѣ и которыя, завидѣвъ бѣглецовъ, наводили на нихъ татаръ своимъ чириканьемъ. Пиголица и зовется поэтому татарской собакой—и *Nagăță, Nogăță* ¹⁾.

Предположенный нами древній планъ большаго стиха о Егоріи въ эпизодѣ чуда (чудовищная птица — насильникъ-змѣй) я попытаюсь объяснить въ связи съ русскими сказками объ Ильѣ и Змѣѣ.

Мнѣ извѣстны четыре сказки объ Ильѣ-змѣеборцѣ.

1) Одна изъ нихъ, сообщенная Кирѣевскимъ (Пѣсни I, Приложенія, стр. I—IV), напечатана у Аванасьева, Народныя русскія сказки, № 175. Схема такая: *Илья сидитъ* (эпизодъ о дѣтствѣ); ѣдетъ биться съ змѣемъ; по дорогѣ встрѣчи: баба яга, ея сестра и б) *Соловей*; в) *Илья бьется съ змѣемъ* и освобождаетъ *царевну*, которую миловалъ змѣй: онъ ее извелъ, изсосалъ.

2) Вариантъ у Драгоманова (Малороссійскія народныя преданія и рассказы, стр. 248—9) ограничивается боемъ съ змѣемъ: царь отдалъ дочь на пожраніе змѣю, но она ему понравилась, и онъ *женился съ нею*. Узнавъ отъ него, что его можетъ осилить Илья швецъ, она шлетъ съ двумя голубями письмо къ отцу съ просьбою прислать Илью, который и убиваетъ змѣя.

3) Сказка у Руликowskaго (Rulikowski, Zapiski etnograficzne z Ukrainy, Krakow 1879, стр. 6—8) начинается также съ а) эпизода объ *Ильѣ сидитъ*. Старикъ, давшій ему силу, говоритъ ему: пусть попроситъ отца—купить ему у попа паршиваго жеребенка, приготовить желѣзную булаву въ четыре пуда, оловянную шапку въ два пуда. Когда жеребенокъ вырастетъ съ

¹⁾ Новыя книги по народной словесности, Журн. Мин. Нар. Просв., ч. ССXLIV, отд. 2, стр. 218—214.

коня, ты поѣдешь на немъ и убьешь змѣя въ Кіевѣ. б) Илья ѣдетъ; встрѣча съ *Соловьемъ*; с) въ Кіевѣ всѣ опечалены: змѣй поѣлъ всѣхъ дѣвушекъ, дошла очередь и до княжны: придется отдать ее. Змѣй живетъ въ хижинѣ надъ Днѣпромъ; Илья *убилъ змѣя* своей шляпой и женится на княжнѣ.

4) Недавно г. Эварницікій (Очерки по исторіи запорожскихъ казаковъ и Новороссійскаго края. Спб. 1889, стр. 166—172) сообщилъ еще малорусскую сказку того же содержанія: а) *Илья сидеть* и б) *выѣздъ и бой съ змѣемъ*, залегавшимъ воду, пока ему не дадутъ утромъ и вечеромъ одну душу на «пожраніе». Илья убиваетъ змѣя и освобождаетъ *царевну*, которая надѣваетъ ему на палецъ кольцо. На обратномъ пути онъ засыпаетъ, положивъ голову («а голова словно бочка») на колѣна царевны; коли надо будетъ, пусть разбудитъ его, уколовъ иглой въ пятку. Пока онъ спалъ, пріѣхалъ бондарь и говоритъ дѣвушкѣ: брось ты Илью, поди лучше за меня замужъ, а отцу скажи, что я отвелъ тебя отъ смерти. Дѣвушка бросилась будить Илью, качала, качала ему голову, не добудилась, а про иглу и забыла. Бондарь отрубилъ Ильѣ голову, а дѣвушку привезъ къ ея отцу, которому она говоритъ, что тотъ человекъ избавилъ ее отъ смерти, и она должна пойти за него замужъ. Въ это время проходилъ Господь съ св. Петромъ, видитъ убитаго Илью, дохнулъ на него, и онъ ожилъ. Ну долго же я спалъ! говоритъ Илья. — Спалъ бы еще дольше, цѣлый бы вѣкъ, еслибъ не мы. — Илья идетъ на свадьбу: царевна сидитъ, надрывается, увидѣла на порогѣ человека, у него на среднемъ пальцѣ кольцо горитъ огнемъ. Признала Илью и прыгъ къ нему черезъ столъ: Вотъ, говоритъ, кто меня отъ смерти спасъ, а не поганый бондарь! Бондаря схватили, а царевну за Илью отдали.

Всюду Илья убиваетъ змѣя и освобождаетъ дѣвушку; либо она обречена ему на пожраніе, либо онъ насилуетъ ее своею любовью. Какой изъ двухъ мотивовъ древнѣе — этотъ вопросъ разрѣшится для насъ вмѣстѣ съ другимъ, болѣе общимъ: въ какихъ отношеніяхъ стоятъ сказки объ Ильѣ змѣборцѣ къ былинамъ

о немъ, не знающимъ этого сюжета? Должны ли мы предположить случайное примѣненіе сказочнаго мотива о змѣборцѣ къ имени Ильи, или это примѣненіе не случайное, и въ былинахъ объ Ильѣ были и еще распознаваемы данныя, его объясняющія?

Я стою за послѣднее. Въ моихъ «Южнорусскихъ былинахъ», гл. X, я указалъ на чередованіе именъ Ильи и Алеши Поповича въ былинахъ совершенно одинаковаго содержанія: Тугаринъ объясильничалъ Кіевъ въ былинѣ объ Алешѣ, Идолище въ пѣсняхъ объ Ильѣ; и тотъ и другой гигантски прожорливы; Идолище не даетъ воли князю съ княгиней, «у княгини держитъ руки въ пазахъ» (Кир. IV, стр. 18 слѣд.); то же говорится о Тугаринѣ; если въ былинѣ о немъ и Алешѣ насиліе Тугарина представляется, какъ пріятное княгинѣ, то я объяснилъ это (1. с. стр. 354) подповлещемъ, въ уровень съ позднѣйшимъ типомъ падкой на любовныя шашни Апраксѣвны. Въ началѣ Тугаринъ могъ быть просто насильникомъ княгини, какъ Идолище въ былинѣ объ Ильѣ; богатыря освобождали княгиню отъ того и другого «змѣевича», ибо какъ за Тугаринимъ постоянно это прозвище, такъ и эпитетъ Идолища: Скоропитъ, Скоропѣевичъ, ни что иное, какъ тотъ же змѣевичъ (1. с.). Илья избавлялъ княгиню отъ врага «змѣевича»; такъ могла пѣть древняя былина, а сказка привязала къ этимъ отношеніямъ мотивы о змѣборствѣ: змѣй залегаетъ воду и дѣвушка назначена ему въ жертву (№№ 3, 4); № 4 развиваетъ этотъ сюжетъ и далѣе — извѣстнымъ въ схемѣ змѣборца мотивомъ: объ обманщикѣ, приписывающемъ себѣ честь подвига. Либо змѣй — насильный любовникъ, №№ 1 и 2; въ этомъ смыслѣ комментировалъ № 1 Аванасьевъ; я ограничусь указаніемъ на наши былины. Сказка № 1, наиболѣе разложившаяся, судя по стилю, сохранила въ такомъ случаѣ болѣе древнюю черту, чѣмъ №№ 3 и 4.

Я говорю пока о развитіи сказки изъ былины, не наоборотъ, въ предположеніи, что содержаніе послѣдней, въ ея древней стадіи, было менѣе фантастическимъ, идеально отразившимъ извѣстныя историческія воспоминанія. Мотивъ змѣборца, спа-

сающаго дѣвушку, былъ на столько популяренъ въ сказкѣ и легендѣ, что сохранился бы въ былинѣ болѣе яркими чертами, еслибъ въ немъ дана была точка ея отправления. Попробуемъ остановиться на этомъ направленіи эволюціи.

Изъ четырехъ знакомыхъ намъ вариантовъ сказки объ Ильѣ и змѣѣ, три записаны на югѣ, одна (№ 3) даже локализована въ Кіевѣ, къ которому привязана легенда о другомъ змѣеборцѣ, Кирилѣ или Никитѣ Кожемякѣ, также спасающемъ царевну отъ змѣя, въ обстоятельствахъ, тождественныхъ съ Драгомановскимъ вариантомъ: царевна послана въ дань змѣю, который полюбилъ ее и взялъ себѣ въ жены; она узнаетъ отъ него, что его можетъ побѣдить только Никита или Кирила Кожемяка, и также посылаетъ письмо къ отцу съ голубкомъ (сл. Аванасьева, Народныя русскія сказки № 85 и примѣч.). Кожемяку народнаго преданія сближали съ *усмошвецомъ* Несторовой лѣтописи подъ 992 годомъ; Илья *швецъ* Драгомановскаго варианта сохранилъ это обозначеніе. Если эпизодъ лѣтописи объ Усмошвецѣ, поборовшемъ печенѣжскаго богатыря, удержался въ народной памяти въ чертахъ сказки о змѣеборцѣ, то и древняя былина объ Ильѣ (или Алешѣ), спасшемъ какую то царевну или царьцу отъ насильника «змѣевича», могла вызвать такое же развитіе по мотивамъ сказки о богатырѣ, спасающемъ дѣвушку отъ непрошеннаго любовника, — змѣя; развитіе, приставшее къ былинѣ подъ вліяніемъ мѣстныхъ (кіевскихъ) легендъ о змѣеборцахъ: Кожемякѣ, Кузьмѣ и Демьянѣ, Борисѣ и Глѣбѣ.

Илья *швецъ* напомнилъ намъ Несторова *усмошвеца*; разказывая о его снѣгѣ отецъ говоритъ: «единою бо ми и сварящу и оному мьнущю усние, разгнѣвавъсе на мя, преторже черви рукама». Укажу по этому поводу на богатыря *Чоботка*, котораго, по словамъ Кально-Фойскаго, *народъ смѣшивалъ съ Илей*, тогда какъ Лассота различаетъ обоихъ, какъ, вѣроятно, и русскій паломникъ первой половины XVII в., отрывокъ изъ записокъ котораго недавно напечатанъ былъ архимандритомъ Леонидомъ (Кіевская старина 1890, Февраль: Документы, извѣстія и замѣтки стр. 345):

«Да еще человекъ именовъ Чеботокъ въ пещерѣ вкопалъ себя по плечи и сказалъ передъ Спасомъ: До тѣхъ поръ не изыду отъ сего святаго мѣста, дондеже земля обновится ко страшному и праведному дню судному; якоже Богъ благовольтъ, тако и будетъ». — Я предположилъ (Южно-русск. былины вып. I стр. 32 прим. 2) въ названіи Ильи «чеботкомъ» отраженіе какой нибудь эпической черты, забытой въ былинахъ о немъ; нѣтъ ли связи этого народнаго прозвища съ *шецомъ* Драгомановскаго варьянта, съ *чересями* Несторовой легенды? Это позволило бы намъ отнести основы разказа объ Ильѣ - швецѣ - змѣборцѣ къ XVII вѣку; былины объ Ильѣ внѣ связи съ сказочнымъ змѣемъ были бы древнѣе.

II.

Съ сказками объ Ильѣ и змѣѣ мы сопоставимъ другія: объ Ильѣ и Идолищѣ. Изъ трехъ финскихъ версій, приведенныхъ мною (см. Мелкія замѣтки къ былинамъ, Журн. Мин. Нар. Просв., Мартъ 1890 г., стр. 6 слѣд.) въ №№ 1 и 3 эпизодъ о Соловѣѣ слѣдуетъ за эпизодомъ объ Идолищѣ; въ № 2: *Соловей, Идолище*. Такъ (отчасти) въ вотяцкой сказкѣ объ Ильѣ¹⁾ а) Илья сидень; его выѣздъ; какой то богатырь отсовѣтываетъ ему ѣхать по дорогѣ, на которой сидятъ Соловей разбойникъ. Илья (совершенно не мотивированно) хвалится своимъ кафтаномъ, конемъ и лукомъ: забытый эпизодъ о станишникамъ. — б) *Соловей*: Илья привезъ его въ городъ, показываетъ царю, убиваетъ за ослушаніе; царь жалуется Ильѣ, что у него въ городъ ходитъ с) *Чудовище Обжора*, съѣдающій въ день по цѣлому быку и выпивающій по сорока ведеръ пива. Илья убиваетъ его. — Слѣдуетъ, какъ въ финскихъ сказкахъ, эпизодъ о Святогорѣ; но смерть въ гробу перенесена на Илью.

¹⁾ Верещагинъ, Вотяки Сосновскаго края. С.-Пб. 1886, стр. 142 слѣд.

Интереснѣе бѣлорусская сказка объ Ильюшкѣ, гдѣ Идолищу отвѣчаетъ Прожора: а) Илья сидень; б) выѣзжаетъ бѣлый свѣтъ очищать, негоднаго *Сокола* побивать». Пріѣхалъ въ царство царя Прожора. «Енъ по дзесяць чаловѣккѣ ѣвъ на дзень, а нягідный Соколь яму доставлявъ ѣсь. Енъ, нягідный Соколь якъ свисьня, дакъ на дванаццаць верстѣ далевѣй чаловѣккѣ упадая—крѣпко сплянь бывъ. И доставлявъ яму, цару Прожору, по дзесяць чаловѣккѣ у дзень. И сядзѣвъ тѣй нягідный Соколь на дванаццати дубахъ одзинъ, и у яго дванаццаць роговъ». Илья отрубилъ ему голову и везетъ съ собою къ царю с) *Прожору*. Тотъ услышалъ, что кто то ѣдетъ: Кого это мой Соколь допустилъ? Илья показываетъ ему его голову и на пиру ударилъ Прожора двѣнадцатипудовой шапкой, такъ что тотъ вылетѣлъ скрозь стѣну. — Все это, какъ и дальнѣйшіе подвиги, понято, какъ очищеніе бѣлаго свѣта; такъ говоритъ Илья отцу — матери, вернувшись домой. Побогѣвъ три дня, онъ представилъ «и поступивъ у святъ — святой Ильюшка». «Вотъ, говора, буду громовой тучай завѣдуваць». Его схоронили въ склегѣ. «Господзь такъ давъ: ни хто яго не знавъ, ня видзѣвъ,—отправився ёнъ водой у склепи у Кіавъ, у пящеры, плывъ по Сожи по рацѣ. И оявился, и получивъ сабѣ свѣтъ у пящеры» (Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, т. I, вып. 3: Сказки, № 44. О св. Меркуріи Смоленскомъ, также приплывшемъ въ Кіевъ «во гробѣ» сл. Бусласва, Очерки II, 194).

Якутская сказка объ Ильѣ ¹⁾ представляетъ нѣкоторыми своими частями замѣчательный примѣръ воздѣйствія народныхъ мифическихъ представленій на заходной сюжетъ. Вотъ ея схема: а) Илья сидень; б) *Соловей*; с) «Смерть Тамаровичъ съ бумажными крыльями» = *Тугаринъ Змьевичъ* съ обычными чертами *прожорливости*; бьется съ нимъ не Илья, а «поповскій сынъ богатырь», «поповичъ», т. е. Алеша, какъ въ былинѣ о немъ. Тождество схемъ: Илья — Идолище и Алеша — Тугаринъ объясняютъ эту

¹⁾ Сл. Верхонскій сборникъ: Якутскія сказки, пѣсни и т. д. зап. И. А. Худяковымъ (Иркутскъ 1890), стр. 254 слѣд.

замѣну, которая дала возможность ввести сказку въ слѣдующій за этимъ эпизодъ d): о подвигахъ Алеши и помощнаго ему Ильи; объ этомъ я скажу нѣсколько словъ далѣе; е) разѣхавшись съ Алешей Илья ѣдетъ и встрѣчаетъ Святогора (который оказывается его дѣдомъ; смерть Святогора въ гробу).

Обратимъ вниманіе на эпизодъ d), хотя онъ и стоитъ внѣ непосредственной цѣли этого изслѣдованія. Илья присутствовалъ при боѣ Поповича съ Тамаровичемъ, послѣ чего Илья и Поповичъ разѣзжаются, давъ себѣ слово—въ нуждѣ помогать другъ другу. Илья ложится спать; отъ его храна поднимается вѣтеръ и такой громъ, что казалось, будто громъ гремитъ, пыль стала облакомъ и люди ждали свѣтопреставленія (Илья громовникъ?). Въ это время стрѣла угодила ему въ грудь, прямо въ крестъ, а на стрѣлѣ написано, чтобы онъ поспѣшилъ на помощь Поповичу. Илья метнулъ стрѣлу вверхъ, и когда она полетѣла на югъ, поѣхалъ въ ту-же сторону.—Такъ будитъ онъ своего крестнаго батюшку, Самсона богатыря, посылалъ ему вѣсточку стрѣлою (Рыбник. III, № 35): какъ въ этой былинѣ Илья выступаетъ какъ-бы въ роли младшаго богатыря, такъ въ нашей сказкѣ, по отношенію къ Ильѣ, Алеша. Оказывается, что онъ бился съ желѣзнымъ войскомъ, да съ огненнымъ; а то войско царь-дѣвнцы, луны-царицы. Пока онъ косятъ желѣзныхъ людей, Илья хочетъ посмотреть, откуда они явятся: «перелетѣлъ черезъ желѣзное войско и увидалъ, что семь дюжихъ кузнецовъ куютъ громадными молотами и пилятъ громадными пилами раскаленное желѣзо, и какъ только двинуть пилой или ударить молотомъ по желѣзу, такъ оттуда пять-шесть желѣзныхъ человекъ выпрыгнуть и бѣгутъ впередъ». Илья однимъ взмахомъ отрубилъ головы головы кузнецамъ, и какъ ударилъ самъ молотомъ по наковальнѣ, то точно, «онъ людей желѣзныхъ можетъ ковать».—А огненные люди съ огненными мечами высыпали изъ подъ утеса: только взмахнетъ Поповичъ мечемъ, они потухаютъ, а все-таки ходу не даютъ. Илья перелетѣлъ черезъ утесъ, видитъ, пять дюжихъ мужчинъ высѣкаютъ огонь пятифунтовыми огнивами изъ пяти-

фунтовыхъ кремней, сколько искорокъ высыпется, всѣ обращаются въ огненныхъ солдатъ. Илья срубилъ тѣмъ людямъ головы, а кремни и молоты отдалъ Поповичу, который женится на царицѣ; она хотѣла-бы пойти за Муромца, да у него законъ — не жениться, не то потеряется его сила и красота, и останется онъ калѣкой.

Нѣтъ сомнѣнiя, что эпизодъ о желѣзныхъ и огненныхъ людяхъ отвѣчаетъ извѣстному по былинкамъ: о чудесномъ удвоенiи вражьей силы, съ которой бьются богатыри (сл. мон Южно-русская былина, вып. II, гл. VII): въ былинѣ о томъ, какъ перевелись на Руси богатыри, нахвальщикомъ, вызывающимъ силу неадѣшную, является именно Алеша Поповичъ, какъ въ якутской сказкѣ онъ бьется съ постоянно нарастающими численно желѣзными и огненными людьми. Сказка могла имѣть въ виду указанный гѣсенный эпизодъ, но разработала его по даннымъ знакомаго намъ апокрифическаго и народнаго повѣрья о мiрозданiи: отъ ударовъ молотомъ по камню, огнемъ по кремню, вылетаетъ и плодится нечистая сила (сл. Разысканiя, вып. V, стр. 6—7, 12—13, 14, 47—8, 68—69, 360). Напомнимъ въ особенности вогульское преданiе о богатырѣ, который, мстя за смерть отца и не смотря на уговоры родныхъ и явившагося съ неба старика-великана, начинаетъ истреблять все живое: много народу перебилъ, а его все не уменьшается, ибо Нуми распорядился, чтобы два небесныхъ кузнеца ковали желѣзную полосу, а два плотника стругали деревянную, и чтобы изъ искръ и стружекъ дѣлались люди (I. с. стр. 17, прим. 1)

Возвратимся послѣ нашего экскурса къ общей схемѣ якутской сказки: отъ эпизода съ *Соловьемъ* она переходитъ, благодаря совмѣстному появленiю Алеши и Ильи, къ эпизоду Тугарина *Змѣеюмъ*; безъ этой совмѣстности или смѣшенiя мы ожидали бы встрѣчи Ильи съ Идолицемъ *Скоропѣвичемъ*, т. е. Змѣевичемъ.

Если Идолице Скоропѣвичъ—змѣй, то мы получили въ приведенныхъ сказкахъ ту же послѣдовательность, что и въ разказахъ объ Ильѣ-змѣеборцѣ № 1 и 2: *Соловей*, *Змѣй*—*Соловей*,

Идолице — *Чудовищная птица и змѣй Демьянице* духовнаго стиха о Егоріи. О послѣднемъ говорится въ стихѣ, что онъ раскрошилъ змѣя на мелкія части (Разысканіи II, стр. 144); румынскія пѣсни и преданія подсказываютъ, что изъ головы змѣя, убитаго Георгіемъ, зародились черви и мухи, какъ и въ варьянтахъ нашего стиха змѣя рассыпается «на гаденыши, на червеныши» (1. с. стр. 147—8 прим. 1), а въ легендѣ о Кириллѣ Кожемякѣ пепель сожженнаго змѣя, развѣянный по воздуху, породилъ всякую погань: мошекъ, комаровъ и мухъ (Кулишъ, Зап. о южной Руси II стр. 30). И для этого эпизода сказки объ Ильѣ представляютъ аналогію: въ малорусской легендѣ, пересказанной Трусовичемъ (Кіевлянинъ 1866 г., № 6: Народныя легенды про Кіевъ и его окрестности) соловьевъ до Ильи Муромца не водилось: они вышли изъ тѣла Соловья-разбойника, разрубленнаго Ильей на куски, не больше маковыхъ зеренъ. Такъ и въ чувашской сказкѣ, гдѣ Илья наѣзжаетъ на гигантскаго соловья: его гнѣздо на семи ветлахъ, свистъ слышенъ за семь верстъ; Илья разсѣкъ его на части, изъ кусковъ убитаго выросли большія и малыя птицы (Разысканія VIII, стр. 352—253).

Былины не знаютъ про Илья змѣя и эпизодъ о Соловьѣ отдѣляютъ отъ эпизода объ Идолицѣ-змѣевичѣ; сказки могли привести оба мотива во внутреннюю связь, либо въ связь послѣдовательности.

Возможно ли предположить обратное развитіе: отъ сказки или выразившей ее цѣльной былины—къ отрывочнымъ пѣснямъ нынѣшняго состава, отъ цѣлаго—къ раздробленнымъ эпизодамъ, при совершенномъ забвеніи ихъ древняго соотношенія? Мы выставляемъ предположеніе, діаметрально противоположное тому, котораго держались до сихъ поръ. Вызвано оно тѣмъ соображеніемъ, что при гипотезѣ: Идолице=змѣй финскія, бѣлорусская, вотяцкая—и малорусскія сказки, записанныя на далекомъ другъ отъ друга разстояніи, отразили ту же послѣдовательность изложенія: Соловей (Соколы) — и Идолице или змѣй. Это указываетъ какъ бы на древнюю схему и связь эпизодовъ, которую можно вывѣ-

нить пра-былинѣ, лишь впоследствии распавшейся на отдѣльные пѣсенные эпизоды. Въ этой схемѣ Идолище могъ являться насильникомъ-богатыремъ, «змѣвичемъ», богатыремъ являлся и Соловей, имя котораго лишь впоследствии было понято, какъ нарицательное птицы. Такая былина могла быть выраженіемъ какихъ нибудь историческихъ памятей; фантастическій элементъ, обратившій «змѣвича» въ подлиннаго змѣя, Соловья въ чудовищную птицу, присталъ къ ней позже. Если такъ, то въ такой былинѣ, уже осложненной элементомъ баснословія, мы нашли бы источникъ сказки объ Ильѣ и змѣѣ — и могли бы искать первообразъ схемы, по которой въ большомъ стихѣ о Егоріи обработана его развязка, не предусмотрѣнная его житіемъ: Демьянище-змѣй явился въ роли Идолища-змѣя, сестры Георгія, только названная въ апокрифическомъ житіи (Разысканія II, стр. 141), освобождались Георгіемъ отъ власти насильника, какъ Илья освобождалъ царевну, княгиню; наконецъ птица Нага, Черногонъ и т. д., встрѣчаемая Егоріемъ на пути ко врагу и необъяснимая изъ житія, отвѣтила бы Соловью.

III.

Мотивъ освобожденія Ильей дѣвушки отъ чудовища (змѣя?) легъ въ основаніе латышской сказки объ Илинѣ¹⁾ — въ смѣшеніи съ другими: Илья сидень; пдетъ смотрѣть па свѣтъ; какъ въ финскихъ побывальщинахъ у него три *острѣчи* (Соловей, Идолище, Святогоръ), такъ могло быть и въ оригиналѣ сказки, которая разработала этотъ мотивъ по схемѣ другихъ, типически представленныхъ №№ 71—73 и 80—81 сборника Аванасьева²⁾: три брата, либо три богатыря на поискахъ за

¹⁾ Трейландъ, Латышскія народныя сказки (Москва 1887), № 99.

²⁾ Сл. Cosquin, Contes populaires de Lorraine, №№ XIX и LII и прим.; абхазскую сказку о Рустамѣ (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. VI, Приложенія стр. 20 и слѣд.) и тождественную съ нею грузинскую о Ломъ-Каци (I. с. вып. X, отд. III, стр. 54 и слѣд.: Судьба).

царевной (матерью № 71 b, c, царевнами № 80), унесенною Вихремъ (№ 71 b), Нечистымъ духомъ — Ворономъ Вороновичемъ (№ 71 c), Змѣемъ Черноморскимъ (№ 72), Змѣемъ (№ 80). Братья или товарищи спускаютъ богатыря въ подземелье, гдѣ онъ бьется съ чудовищами; типическою чертою является при томъ, что богатырь, по указанію красавицы, переставляетъ чапы съ сильной и малосильной водою и пьетъ изъ перваго, приготовленнаго для себя противникомъ. Такъ и въ легендѣ о Кириллѣ Кожемякѣ и змѣѣ, пересказанной Трусовичемъ (Кіевлянинъ 1866 г., № 4).— Вытащивъ изъ подземелья красавицу, вырученную богатыремъ, его товарищи обрубилъ ремни, на которыхъ поднимали его самого; онъ падаетъ, но впоследствии выходитъ на бѣлый свѣтъ, вынесенный чудесной птицей.

По этому типу развивается вторая половина латышской сказки: Илья встрѣчаетъ поочередно трехъ великановъ: одинъ вырывалъ сосновый лѣсъ съ корнями, другой грудью горы обваливалъ, третій лежитъ въ морѣ, только голова на сушѣ, а борода длиною въ шестьдесятъ сажень. Помѣрившись съ ними силой, Илья ѣдетъ съ ними въ товарищахъ. Старикъ съ длинной сѣдой бородой выходитъ изъ подъ земли, съѣдаетъ обѣдъ, изготовленный однимъ изъ товарищей Илина; только ему одному удается защемять голову хищника, который однако вырвался и ушелъ. Богатыри приходятъ къ ищерѣ, куда на ремняхъ спускаютъ Илина; тамъ дѣвица-красавица, дочь того старика, съ которымъ Илья и бьется, обмѣнявъ мѣстами, по совѣту дѣвушки, двѣ бочки, стоявшія на дворѣ, и испивъ изъ той, вода которой придавала силу. Развязка та же, что въ приведенныхъ выше сказкахъ: товарищи Илина вытащили красавицу и, принимаясь тащить его самого, обрубилъ ремни. Его выноситъ бѣлый гусь; нагнавъ измѣнниковъ, онъ отбираетъ у нихъ дѣвушку, на которой и женится.

Кавказскія сказки указаннаго типа представляютъ любопытное смѣшеніе ихъ обычной схемы съ — схемой змѣеборца, такъ что мотивъ освобожденія является въ нихъ вдвойнѣ. Рустамъ

или Ломъ-Каци (чудесно-рожденный отъ яблока, отъ котораго вкусила мать) идетъ въ товарищахъ съ силачами: одинъ надѣлъ два жернова на ноги и мелеть муку (либо догоняетъ зайца), другой, усѣвшись въ рѣкѣ, всю ее осушаетъ и т. д. Чудовище, великанъ похищаетъ обѣдъ у товарищей богатыря, который одинъ расправляется съ противникомъ. Слѣдуетъ спускъ въ подземелье, освобожденіе красавицы (либо трехъ красавицъ), которую товарищи и извлекаютъ, оставивъ богатыря. Предвидя измѣну, дѣвушка предупреждаетъ о томъ своего освободителя; въ сосѣднемъ покоѣ онъ увидитъ двухъ коней, вороного и сиваго (либо бѣлаго барана и чернаго козла); коли перенрыгнуть черезъ перваго, очутится подъ землею, коли черезъ сиваго, попадетъ на бѣлый свѣтъ. Оставшись подъ землею, богатырь перепуталъ эти указанія и очутился подъ землею. Старуха у которой онъ проситъ напиться, говоритъ, что у нихъ рѣкою владѣетъ чудовище, никому не дающее воды, кто не заплатитъ человѣкомъ; либо змѣя въ родникѣ, требующая за то ежедневно какого-нибудь подарка: сегодня очередь нести ее за царской дочерью. Богатырь убиваетъ чудовище, змѣя; вода покраснѣла отъ его крови; обмакнувъ въ нее руки, царевна прикладываетъ ихъ къ спинѣ богатыря, который потому и узналъ. Когда однажды онъ поклонился подъ деревомъ, видитъ лисицу или змѣя, подкрадывавшагося къ гнѣзду, чтобы съѣсть птенцовъ; онъ убиваетъ хищника, и благодарная птица выноситъ его на своихъ крыльяхъ ¹⁾). По дорогѣ у него не достало для нея корму, тогда онъ отрѣзываетъ часть своего бедра и отдаетъ птицѣ, которая прячетъ ее подъ языкомъ; доставивъ богатыря и замѣтивъ, что онъ хро-

---

¹⁾ О мотивѣ: героя, убивающаго змѣя, и благодарной птицы см. у Cozquin, I. c. I, стр. 221; II, стр. 141 слѣд.; сказку объ Иванѣ—Удовкинѣ сынѣ (Южно-русскія былины, вып. II, стр. 51); Marianū, Ornitologia, I, 187 слѣд. и Radloff, Proben IV, стр. 26 слѣд., гдѣ птица Zūzūb свила гнѣздо на сени тополяхъ, выросшихъ изъ одного корня, верхушки которыхъ она станула амѣстѣ. См. О. Миллеръ, Илья Муромецъ, стр. 278 и далѣе болгарскую сказку о Георгiн.

масть, она извергла кусокъ мяса, приставила, куда слѣдуетъ, помазала перомъ,—и нога выздоровѣла.

Я считаю вѣроятнымъ, что въ сказку о трехъ товарищахъ-братьяхъ Илья попалъ уже въ качествѣ змѣборца, какъ св. Георгій-змѣборецъ въ такую-же схему недавно изданной болгарской легенды ¹⁾.

Георгій овчаръ, сильный какъ левъ; у него красавица жена и два брата, которые ненавидятъ его и, желая овладѣть его женою, бросаютъ его, соннаго, въ пропасть, гдѣ онъ очутился въ черномъ царствѣ: и царь и люди и овцы, которыхъ и здѣсь принялся пасти Георгій. Слѣдуетъ эпизодъ чуда: ламія залегала воду; коли дадутъ ей на пожраніе человѣка, вода течетъ, а то нѣтъ. Очередь дошла до царевны. Георгій обѣщаетъ освободить ее и передъ боемъ засыпаетъ, прося разбудить его; она не рѣшается его потревожить, слеза, канувшая ему на лицо, будитъ его. Ламія убита; разставаясь съ Георгіемъ, царевна дѣлаетъ ему на платѣ знакъ кровью ламіи. Георгій ложится отдохнуть подъ деревомъ, по которому взбирается змѣя, чтобы пожрать птенцовъ, сидѣвшихъ въ гнѣздѣ; онъ убиваетъ змѣю, и благодарная мать птенцовъ обѣщаетъ вынести его на свѣтъ; для этого пусть запасется хлѣбомъ, мясомъ и водою. Георгій идетъ просить о томъ царя, узнать по примѣтѣ, положенной на него царевной. Птица несетъ его, и Георгій кормитъ ее по дорогѣ; когда пищи не хватило, онъ отрѣзалъ себѣ кусокъ изъ-подъ ноги и далъ птицѣ: оттого у людей выемка подъ ступней.—Это такая-же *légende des origines* ²⁾, какъ и слѣдующая: вернувшись, Георгій задумалъ наказать братьевъ; идетъ съ ними въ лѣсъ, раскололъ дерево, велѣлъ братьямъ всунуть руки, чтобы разнять его, и когда тѣ такъ и сдѣлали, даетъ частямъ снова сойтись. Руки защемило: оттого у людей ладони плоскія.

¹⁾ Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина, кн. I (Софія, 1889), Народни умотворенія, стр. 118—120.

²⁾ См. соотвѣтствующій эпизодъ въ южно-славянскихъ легендахъ о Ду-клянѣ-Сатаналѣ, Разысканія, вып. V, стр. 78 слѣд.

Братья Георгія извѣстны были уже автору поэмы о немъ, Рейнботу von Durne (XIII в.), братъ упоминается въ прологѣ къ Huon de Bordeau и у автора второго Титуреля (Разысканія, II, стр. 122); но они не враждебны герою. Такъ и въ португальской сказкѣ ¹⁾, гдѣ Георгій является чудесно-рожденнымъ послѣ долгой бездѣтности родителей ²⁾: его отецъ поймалъ рыбу, которая научаешь его—раздѣлить ее на шесть частей, двѣ пусть съѣсть его жена, двѣ кобылица, а двѣ пусть онъ посадить за воротами сада (quintal). Жена родитъ двухъ мальчиковъ, изъ которыхъ одинъ Георгій (Jorge), кобылица принесла двухъ жеребятъ, а въ саду выросли два копья. Возмужавъ, Георгій съ братомъ выѣхали на подвиги; разставаясь съ братомъ, онъ даетъ ему вѣтку (gato de sanjericão): когда она завянетъ, знай, что я въ опасности. Слѣдуетъ эпизодъ о змѣѣ, котораго Георгій убиваетъ, спасая царевну. Она назначена ему въ жены; въ это время братъ его замѣчаетъ, что вѣтка завяла, ѣдетъ къ Георгію, а онъ говоритъ ему: ты знаешь, что въ силу обѣтовъ, мною данныхъ, я не могу вступить въ бракъ; возьми голову змѣя и покажи королю; онъ подумаетъ, что ты убилъ чудовище, и выдастъ за тебя дочь. Такъ и сдѣлалось; а Георгій сталъ главнымъ военачальникомъ, много подвиговъ совершилъ для родины, а по смерти былъ канонизованъ.

Возвращаясь къ схемѣ о Георгіи-змѣеборцѣ и его непріязненныхъ ему братьяхъ и развивая сказанное въ другомъ мѣстѣ (I. с., стр. 123—4 и VIII, 331), я считаю вѣроятнымъ, что эта легенда-сказка знакома была автору поэмы о Вольфдтрихѣ, змѣеборцѣ, ратующемъ за красавицу (вдову Орнита), крестникѣ св. Георгія, гонимомъ своими братьями. Для исторіи народной легенды о Георгіѣ получился-бы такимъ образомъ не лишенный значенія хронологическій моментъ.

Для пѣсенной хронологіи Ильи я могу высказать лишь нѣсколько гипотезъ, уже намѣченныхъ въ предыдущемъ очеркѣ.

¹⁾ Coelho, Contos populares portuguezes № 49.

²⁾ Сл. Разысканія, вып. II, стр. 113 слѣд.

1) Въ основѣ лежали пѣсни богѣ историческаго характера: Илья боролся съ насильниками (Соловей, Идолище), освобождалъ княгиню, дѣвушку; отдѣльные эпизоды этого эпоса сохранились, въ той-же окраскѣ, въ отдѣльныхъ дошедшихъ до насъ былинахъ; внѣшняя связь установлена между ними новымъ кievскимъ пріуроченіемъ Ильи: Соловей залегалъ ему дорогу къ Кіеву, Идолище являлось въ Кіевѣ въ отсутствіе Ильи. Первоначальная послѣдовательность могла быть такая-же, какъ въ сказкахъ типа: Соловей — Идолище. — Гдѣ представляли себѣ это Идолище? Былины знаютъ его въ Кіевѣ, Царьградѣ и Іерусалимѣ; оно — поганое, жидовское (такъ въ буслаевскомъ спискѣ былины «о семи богатыряхъ»), хотя, быть можетъ, не въ томъ смыслѣ, какое я придавалъ былинному Жидовину-нахвалящнику, съ которыми борется Илья.

Кстати о Жидовинѣ: г. Халанскій ¹⁾ устраняетъ поддержанное мною отождествленіе его съ хазариномъ, основываясь на сербскихъ пѣсняхъ о Джидовинѣ, Джидичѣ — исполнѣ и врагѣ, на существованіи въ Сербіи и Болгаріи такихъ-же «джидовскихъ гробищъ», какія я указалъ въ Румыніи, наконецъ на томъ обстоятельстве, что сербы различаютъ жидъ: *judaens* и — жидъ — *gigas*, болгары еврейна отъ жидъ: *gigas* ²⁾.

¹⁾ Русскій Филологическій вѣстникъ 1890 г., № 7-й, стр. 1 слѣд.: Былина о Жидовинѣ.

²⁾ Интересно болгарское преданіе о жидяхъ-гигантахъ, недавно сообщенное Гинчевымъ (Сборникъ за народни умотворенія, кн. II: Народни умотворенія, стр. 161): жиды—первые люди на свѣтѣ, вышедшіе изъ земли, словно грибы. Высокіе и крупныя, они ходя, спотыкались, падали и не могли богѣ встать. Особливо заппались они о «кжпину» (ежевика?), почему кланялись ей и приносили жертву. Грома они не боялись: когда змѣи начинали стрѣлять съ высоты огненными стрѣлами, жиды клали себѣ на голову камень, приговаривая: Каменная у меня голова! Что ты со мной подѣлаешь? — Такъ и теперь приговариваютъ болгаре, слышавъ первый громъ. Видя, что жиды спотыкаются и падаютъ и не въ силахъ подняться, Господь извелъ ихъ. До сихъ поръ находятъ ихъ гигантскія кости.—Любопытный матеріалъ для преданія о жидяхъ-гигантахъ сообщилъ недавно Изневъ, Българскитѣ прѣданія за испозиня, нарѣчени елини. жидове и латини, въ Сборникъ за народни умотворенія, кн. III, Наученъ отдѣлъ, стр. 198 слѣд.; кн. IV, Науч. отд., стр. 231

Г. Халанскій предполагаетъ въ основѣ: *gigas* = гигъ («гигово поле» въ Видѣніи Исайя), откуда *джигъ и, по *созвучію*, между прочимъ, съ жидъ: *judaeus*,—джидъ, джидовина: гигантъ, имя и образъ котораго прошли, напр. черезъ запорожскихъ и донскихъ казаковъ, изъ сербской пѣсни въ русскую, гдѣ пристали къ готовому уже мотиву сходнаго содержанія. Но я поставлю вопросъ: богатырь - жидовинъ, какъ еврей, принадлежитъ - ли русскому усвоенію (сл. «жидовскую» могли въ подольской губерніи на берегу Днѣстра), или уже южнославянскому? Замѣтимъ, что именно въ Болгаріи, гдѣ жидъ = *gigas* отличенъ отъ еврейна, Кралевичъ Марко бьется не съ жидомъ, а съ желтымъ Евреинномъ, великаномъ ¹⁾, что о Житовѣ или Жидовѣ гробѣ у Трнова разсказывается, будто въ немъ похороненъ жидъ = еврейнъ, предавшій городъ туркамъ ²⁾, а въ сербской сказкѣ у Вука (№ 35) жидъ выступаетъ въ роли великана людоѣда. Въ томъ и другомъ случаѣ уравненіе: жидовинъ-казаринъ остается въ силѣ: какъ въ южнослав. преданіи житъ или жидъ—великанъ уступилъ мѣсто жиду—евреину, такъ у насъ мѣстныя этническія памяти могли пойти на встрѣчу жидовину-великану, который явился въ образѣ еврея—казарина (впослѣдствіи, быть можетъ, половца. Сл. Южно-русскія былины, вып. 2, стр. 371). — Основное значеніе житъ: жидъ остается по прежнему открытымъ; я считаю вѣроятнымъ, что и на славянскомъ югѣ оно перешло къ значенію исполна отъ какого-нибудь древняго народнаго имени, забытаго,

---

слѣд. Въ восточной части Болгаріи употребительны формы: жидове, житове, житовци; въ западной: джидове, джидавци, джидовци (первая статья, стр. 193); преданія о нихъ, распространенныя въ сѣверной Болгаріи, неизвѣстны въ южной, равно какъ и въ Македоніи (тамъ-же, стр. 199; сл. 2-ю статью, стр. 251).

¹⁾ Качановскій, Пам. болг. народн. Творчества, № 162. Сл. жито Еврейче у Миладиновыхъ № 164. Сл. у Плиева (2-я статья, стр. 242 слѣд.) два болгарскихъ варьянта къ пѣснѣ у Качановскаго: въ одномъ вмѣсто Евреинъ является «жжлті Чифутіна», въ другомъ «жжлті Басиргына». Къ «жжлто Еврейче» у Миладиновыхъ есть также варьянтъ: «момче Латиче» (Плиевъ, I. с., стр. 255).

²⁾ Плиевъ, I. с. стр. 200.

какъ забыто было значеніе южно-славянскихъ же аламанъ = куманъ¹⁾).

Г. Илшевъ²⁾ склоненъ объяснить жидъ-исполнѣ изъ народно-христіанскаго обобщенія: евреи первые, сазданные Богомъ люди, отъ нихъ пошли другіе народы; первоначальныхъ людей представляли себя исполинами, жида и явились таковыми — и притомъ враждебными—подъ вліяніемъ другого христіанскаго представленія: о жидяхъ гонителяхъ Христа, насильникахъ. Такимъ путемъ эпическій образъ великана, богатыря-жидовина могъ одинаково сложиться у русскихъ, сербовъ и болгаръ; знакомство послѣднихъ съ испанскими евреями дало имъ возможность открыть въ представителяхъ этой расы небогатырскія черты трусливости и т. д.; съ тѣхъ поръ и пошло отлічіе въ словоупотребленіи: жидъ — *gigas* отъ еврейна.

Толкованіе г. Илшева представилось бы вѣроятнымъ и мнѣ, еслибъ эволюція понятія: жидъ подкрѣплена была справками въ преданіяхъ и поэзіи неславянскихъ народовъ; аналогія развитія, которую мы вправѣ ожидать, если вѣрны построенія автора, подтвердила бы его выводы, ея отсутствіе указало бы на существованіе какихъ нибудь мѣстныхъ условій развитія и снова поставило бы насъ передъ открытымъ вопросомъ.

2) Вторую ступень развитія были объ Ильѣ, представляетъ сказка-пѣсня типа: Соловей — Змѣй. Она могла сложиться въ мѣстности, гдѣ популярны были легенды о змѣборцѣ. Если вѣроятна догадка, высказанная выше по поводу Чоботка, то легенда объ Ильѣ-швецѣ ходила уже въ XVII вѣкѣ. Но я не стою за эту гипотезу, тѣмъ болѣе, что считаю образъ Ильи-змѣборца болѣе древнимъ.

3) Такая пѣсня сказка объ Ильѣ, съ Соловьемъ и Змѣемъ и освобожденіемъ женщины, могла въ свою очередь дать планъ,

¹⁾ См. мою замѣтку въ Arch. f. slav. Philologie VIII, стр. 333—4. Иначе Дювернуа, Словарь болгарскаго языка, а. в. Аламанка девойна и Илшевъ, I. с. стр. 191.

²⁾ Л. с., 2-я статья, стр. 241—2, 251.

по которому нашъ большой стихъ о Егоріѣ Храбромъ разработалъ мотивъ его чуда съ змѣемъ.

Изложенное мною построено на трехъ посылкахъ: 1) сказка, какъ комплексъ — продуктъ постоянныхъ искаженій и приращеній изъ другихъ мотивовъ, но ея общія схемы (схема о змѣборцѣ) крѣпки самимъ себѣ; съ другой стороны отсутствіе мѣстнаго приуроченія не вызывало въ нихъ тѣхъ переменъ плана, какія могли произойти въ составѣ былинъ вслѣдствіе ихъ циклизациі вокругъ Кіева и Владимира; 2) Илья въ Ортнѣ — внѣ связи съ Владиміромъ, и въ Тидрекагѣ — въ связи съ нимъ — не обличаетъ въ своемъ типѣ ничего фантастическаго, хотя, напримѣръ, въ нѣмецкой поэмѣ рядомъ съ нимъ уже стоитъ змѣборецъ Ортнѣ. Это побудило меня предположить точкой отправленія болѣе историческій, трезвый типъ Ильи, отъ котораго и пошло дальнѣйшее развитіе; 3) вторая часть большого стиха о Георгіи не предусмтрѣна ни его житіемъ, ни стихомъ о чудѣ съ змѣемъ и Елпсаветой; ея своеобразную схему (Нага — Змѣй) легче всего объяснить изъ сходной сказки объ Ильѣ (Соловей — Змѣй), элементы которой, особенно фантастическій образъ Соловья, издавна пристали къ Ильѣ Муромцу.

XXIII.

Нъ развитію народныхъ представлений о Долѣ.

I.

Новыя данныя и указанія, сообщаемыя далѣе, легко рас-
предѣляются по тѣмъ стадіямъ развитія народной идеи о Долѣ,
которыя мы попытались установить въ предыдущемъ изслѣдо-
ваніи ¹⁾: та-же идея непререкаемости судьбы въ сказкахъ типа
Василія Безсчастнаго ²⁾ и о женитьбѣ Святогора ³⁾; что бездоль-
ному не въ прокъ ни чужая помощь, ни находка — о томъ раз-
сказывала сербская сказка и повторяетъ албанская ⁴⁾; счастливые,
какъ и бѣдовики, рождаются: греки зовутъ ихъ *χαλεπόδαροι*, *καχο-*
πόδαροι, стараясь, чтобы въ день новаго года *χαλεπόδαρος* первый
вступилъ въ домъ. Я сравнилъ ихъ съ сербскими полажайниками,
южно-русскими полазниками ⁵⁾; у гораловъ имъ отвѣчаютъ под-

---

¹⁾ Разысканія, вып. V, гл. XIII.

²⁾ Сл. Этнографическое обозрѣніе, кн. VII, стр. 80—8 (Сказка о Маркѣ Богатомъ) и Разысканія, вып. V, стр. 200; Rev. d. traditions pop. V, № 12, стр. 712 слѣд. (*Les trois poils du diable*).

³⁾ Сл. варьянтъ у Малавкниа, Станица Червленая, Этнограф. обозрѣніе, кн. VIII, стр. 136—7 и тамъ-же, стр. 260—1, библиографическія указанія.

⁴⁾ Разысканія, I. с. стр. 230—1 прим. и *Zs. für Volkskunde* II, стр. 266—7 (*Das Glück des Narren*).

⁵⁾ Разысканія, I. с. стр. 233—4.

лазники, gości którzy zwykle po pastercie przychodzą na podłazy, t. j. z rowinszowaniem śwąt; обыкновенно хозяинъ знаетъ, кто явится къ нему подлазникомъ и заранѣе о томъ напоминаетъ¹⁾. Интереснѣе отиѣтити распространение самого образа хахотѣдара, съ тѣмъ-же при немъ значеніемъ; дѣло идетъ о шотландскомъ суевѣрїи: какой-то рыбакъ женился, съ тѣхъ поръ ему въ ловлѣ не везетъ; эту неудачу приписали худой, неудачливой ногѣ, mauvais pied, его жены (= хахотѣдара), и онъ сталъ такъ дурно обходиться съ нею, что принудилъ ее вернуться къ себѣ въ деревню. Другія рыбачки, также обладавшія подобнымъ несчастнымъ даромъ, всегда сворачивали съ пути, завидѣвъ рыбака, направлявшагося къ морю, либо занятаго какой-нибудь работой²⁾.

Идея прирожденной судьбы развилась впервые въ отношенїяхъ рода, въ связи съ культомъ предковъ: славянскїе рожавицы, опредѣляющія долю новорожденного³⁾, въ сущности — родовые маны⁴⁾, какъ манани же являютъ и русалки⁵⁾, вилы⁶⁾, навы⁷⁾ и соотвѣтствующія имъ образы сѣвернаго повѣрья:

¹⁾ Сл. Stefanija Ulanowska, Boże narodzenie u Górali, zwanych Zagórzami, Wisła III, стр. 104—5.

²⁾ Rev. d. trad. pop. IV, стр. 660—1.

³⁾ Болгарскій переводчикъ Амартоса передаетъ γένεσις=рожденица и рождение, εἰσαρμένη=рождение: τῇ τῆς εἰσαρμένης ἀνάχῃ=рождественнымъ призоучениемъ нуждею, что не даетъ повода рѣшнть, обособилась-ли для него рожденица въ самостоятельное демоническое существо (сл. Ю. Поливка, Этнограф. Обзорѣніе, кн. VIII, стр. 253—4). Впослѣдствїи это обособленіе совершилось; къ свидѣтельствамъ, уже собраннымъ другими (Разысканїя, вып. V, стр. 178—9 и прим.), присоединимъ и слѣдующее изъ книги нарицаемой «Кааеъ, сирѣчь сборникъ». Вопросъ: «Боудуть в лоузѣ ограды овцамъ? Отвѣтъ: Лоузъ наречеть рай, а ограды мѣста райскаа, а овцы вѣрнии людеа, иже работають Богу, а не рожаницамъ». Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Бесѣды трехъ святителей вѣсто: «а не рожаницамъ» — стоитъ: «а не дяволу». Сл. Архангельскій, Творенїя отцовъ церкви и т. д. I—II, стр. 147 и 164.

⁴⁾ Сл. Разысканїя вып. V, стр. 177 слѣд.; 180.

⁵⁾ I. с. гл. XIV.

⁶⁾ I. с. гл. XV, сл. выше стр. 61.

⁷⁾ Сл. выше стр. 61 (гдѣ въ прим. 3 слѣдуетъ читать 180 вм. 280). Интересная латышская сказка о чертовой невѣстѣ, пѣве (съ мотивами Alvišmā'я, сказанїи о построенїи Асгарда и южнославянскихъ легендъ о Траянѣ), напечатана Вольтеромъ, Этнограф. обзорѣніе, кн. VII. 241—2.

Фильгьи ¹⁾, валькирии ²⁾, норны ³⁾. Могк ⁴⁾ разбираетъ ихъ въ отдѣлѣ, посвященномъ древне-германскимъ повѣрьямъ о душѣ, нѣсколько выдѣляя норнъ изъ генеалогической связи, въ которой онѣ намъ представляются; по его мнѣнію древне-сѣверныя богини судьбы, норны, лишь *соприкасаются* съ валькиріями и лебедеными дѣвами. Я уже отвѣтилъ (Разысканія, вып. V, стр. 301 слѣд.) на подобное же мнѣніе Гольтера; можетъ быть, и этимология норны отъ *nohni = узелъ, связь (*noh къ *spenhan = связывать) ⁵⁾ сохранила память о наузѣ, амулетѣ, и, далѣе, о пуповинѣ либо родильной сорочкѣ, fylgja, естественно связывавшей новорожденного съ судьбой его рода (сл. Разысканія, вып. V, стр. 185—6, 208 слѣд., 259).

Подобное сочетаніе дѣвъ судьбы съ родильной сорочкой или пуповиной представляетъ слѣдующій обрядъ цыганъ въ сѣверной Венгріи ⁶⁾: отецъ новорожденного или новорожденной выливаетъ на ложе три капли водки изъ бутылки, съ такими пожеланіями: «Одинъ и два и три! Будь ты всегда счастливъ! Приходили три урмы, одарили тебя красотой, потому пусть каждая выпьетъ, сегодня я хозяйнѣ». Три Урмы, невидимо являющіяся въ ночь передъ крестинами, даютъ долю ребенку; три капли водки, символически выражаютъ потребу, которую кладетъ имъ отецъ; послѣ него выступаетъ мать: положивъ три кусочка хлѣба на ложе ребенка, она приговариваетъ: «Приходили три урмы, одарили

¹⁾ Разысканія, вып. V, стр. 185.

²⁾ I. с. гл. XV.

³⁾ I. с. стр. 194.

⁴⁾ Сл. Paul, Grundriss d. germ. Philologie I Band, стр. 998 слѣд.; стр. 1009 слѣд.; стр. 1014 слѣд. (Валькирии); 1017 (Фильгьи); 1023 слѣд. (Норны).

⁵⁾ Могк. I. с. 1024. Имя валькирии Могк (I. с. 1014) связываетъ съ сѣв. valr: трупы, жертвенцы. Иначе Henning въ Deutsche Literaturzeitung 1891, № 228: ahd. wal, англос. wal, сѣв. valr, всегда выражающіе коллективное понятіе, сравниваются съ греч. *ἄλλοις*: scharenweis, in Menge, ἄλλοις: confertus, congregatus, лит. (su)valyti: ernten, fortschaffen, reinigen oder (von Gott) die Menschen (im Tode) zu sich versammeln.

⁶⁾ Am Urquell II: Wlislöcki, Zigeunertaufe in Nordungarn стр. 19 слѣд.. Сл. Разысканія, вып. V, стр. 195.

тебя красотою; будь ты всегда красивъ и здоровъ, и пусть всѣ покормятся, ибо сегодня я хозяйка». — Слѣдуютъ другіе обряды: новорожденнаго кладутъ на землю, сдѣлавъ вокругъ него новой деревянной ложкой ложбину, ибо земля даетъ ему силу — какъ о матеряхъ Геймдалла говорилось, что они вскормили его силой земли¹⁾; въ ложбину кладутъ немного угольной пыли, то и другое съ причитаніями. Если ребенокъ въ это время спокоенъ — это хорошій знакъ; если онъ плачетъ, то это означаетъ, что духи недуга уже вселились въ него, и ихъ надо изгнать. Тогда старшая изъ присутствующихъ женщинъ подаетъ старшему изъ присутствующихъ мужчинъ руку черезъ ребенка, тогда какъ мать бросаетъ въ жаровню кусочекъ пуповины, причитая: «Спаси насъ Боже и сохрани, мы подаемъ тебѣ тяжелую цѣпь, свяжи имъ недугъ, дабы онъ удался отсюда». Цыгане зовутъ пуповину «Божьей цѣпью или вервью», она отгоняетъ отъ ребенка злыхъ духовъ, и его окуриваютъ ею, когда онъ заболѣетъ.

Урны, наречницы²⁾, феи являются при рожденіи ребенка; еще въ XIV вѣкѣ Richard de Wadington обличалъ древнее суевѣріе, будто въ эту пору приходятъ три сестры и нарекаютъ новорожденному хорошую или злую долю³⁾. Но онѣ же обходятъ веси и въ 1-й день Мая; въ Аррасѣ старухи поджидали ихъ на лугу съ требами; Adam de la Halle воспользовался этимъ мотивомъ въ своей бойкой *Jeu de la Feuillie*, своеобразно приурочивъ къ сюжету и ту легендарную черту, что изъ трехъ фей одна обойдена въ угощеніи (ей позабыли положить ножикъ), и къ дарамъ своихъ товаровъ прибавляетъ и свой, внушенный злобой⁴⁾.

¹⁾ Сл. выше стр. 30.

²⁾ Сл. о нихъ болгарскую сказку: Свети Илиа и наречницы, въ Сборникъ за народни умотворенія, кн. I, отд. 2-й, стр. 110—111. Сл. Разысканія, вып. V, стр. 190, прим. 1.

³⁾ *Rev. d. d. Mondes* 1890, 15 Juin: Bédier, *Les commencements du théâtre comique en France* стр. 877. Сл. Разысканія, вып. V, стр. 191 слѣд. и 372 слѣд.

⁴⁾ Bédier l. c. стр. 882; сл. Разысканія, вып. V, стр. 192—3.

Майскіе обходы фей-судницъ едва-ли не слѣдуетъ объяснить наслѣдіемъ той стадіи развитія, когда идея судьбы еще находилась въ тѣсной связи съ культомъ родовыхъ манъ. Именно весной имъ совершались тризны и они объявлялись на землѣ, какъ русалки, какъ *xърес*: души усопшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣвы судьбы; ихъ присутствіе среди людей, ихъ наптіе было вредоносно; оттого къ аѳинскимъ аноестеріямъ примыкалъ обрядъ изгнанія керъ: «вонъ отсюда, керы, кончились аноестеріи»¹⁾; наши «проводы» русалокъ имѣютъ то-же значеніе: пусть не ходятъ, не заламываютъ жита, не портятъ людей; мы отмѣтили въ другомъ мѣстѣ аналогическій, люстральный характеръ болгарскихъ русалій²⁾. Въ характеристикѣ этого обряда я воздержался бы теперь отъ отождествленій русалій съ ларвами въ окруженіи Діониса³⁾; точнѣе бы отличилъ объектъ обряда отъ его исполнителей: объектъ — это души, *xърес*, *lagvae*, русалии = русалки въ нашемъ русскомъ пониманіи слова; исполнители — русалии болгарскаго и сербскаго обряда, сообщаемого далѣе, отвѣчаютъ лицамъ, совершавшимъ обрядъ изгнанія керъ: они очищаютъ тѣхъ, кто подвергся наптію манъ, ими одержанъ, кѣмъ они овладѣли.

Это прекрасно объясняется описаніемъ весенняго русальнаго обряда, отбываемаго выгѣ лишь въ окрестностяхъ Звижда, пожаревацкаго округа, въ Сербіи. На *biljani petak* собираются въ пещерѣ у деревни Дубока молодежь обоюго пола и старухи для выбора «красицъ», которыя въ Троицынъ день и на русальной недѣлѣ выберутъ съ своей стороны русалій. Пещера наполняется пляшущими и пирующими; всюду разложены огни и царитъ веселье. Внезапно водворяется тишина: женщины становятся по одну, мужчины по другую сторону потока, протекающаго по пещерѣ, совершаютъ въ немъ омовенія, полощатъ и собранныя

¹⁾ Разысканія, I. с. стр. 181—2, 289.

²⁾ I. с. стр. 280.

³⁾ I. с.

лекарственные травы, которыя хоронятъ въ мѣшечкѣ. По окончаніи омовенія выступаютъ пять красивѣйшихъ дѣвушекъ, во главѣ ихъ прошлогодняя кралица; пляша, они приближаются къ какому-нибудь женатому мужчинѣ, дѣвушки кладутъ ему на голову вѣнокъ, кралица вручаетъ мечъ, всѣ схватываютъ его за поясъ и пляшутъ вдоль рѣки вокругъ собравшейся толпы. Начинается общій плясъ и ликование; выборъ «русалиевъ» оконченъ.— На Троицынъ день народъ собирается у рѣки Дубоки; столбики уставлены ѣдой, за которую принимаются не прежде, чѣмъ придетъ освятить ее священникъ. Затѣмъ всѣ встаютъ въ ожиданіи пяти дѣвушекъ и того мужчины, котораго они избрали въ пещерѣ; кралица одѣта особенно нарядно, съ вѣнкомъ на головѣ; у мужчины поверхъ шапки вѣнокъ изъ плюща и мечъ въ рукѣ. Онъ поетъ и пляшетъ вокругъ народа, за ними идетъ, играя, вольтничикъ; мужчина идетъ впереди, испуская крики и выпѣвая: *hop ša! jar a ša! hajde, draga, hajde! hajde bela hajde! Kako sat tako dovek! hop ša! jar ša!* При этомъ онъ постоянно машетъ мечемъ надъ кралицей. Обыкновенно они три раза обходятъ все собраніе, затѣмъ, перерѣзавъ его накрестъ, становятся по среднѣ.

Внезапно нѣкоторые изъ присутствующихъ падаютъ въ мертвенное оцѣпененіе; посылаютъ за кралицей, и та, сопровождаемая своими, пляша приближаются къ тѣмъ, къ которымъ овладѣли русалии (*zanele je gusalije*); вольтничикъ становится въ головахъ, въ ногахъ предводитель съ мечемъ, а кралица съ дѣвушками пляшетъ вокругъ и поетъ:

Rusalico sejo naša!
 Rusalijo sveće naše!
 mila seko slavo naša,
 o pomози, blagoslovi!
 Oj izbavi i podigni
 dragu našu čedo tvoje,
 da ti i ona pesmu poje!

Наступивъ ногою на пучъ одержимой, кралица продолжаетъ плясать и пѣть:

Oj pelene! gorko sveće,
isceli nam zlato naše!
podigni mi seju Milku,
neka skoči kao jelen,
nek povede kolo vito,
Silovito, ponosito!

Въ это время родственники вливаютъ полынной настойки въ ротъ больной, тяжело дышащей, отбивающейся локтями либо лежащей безъ движенія. Тогда дѣвушки, взявъ ее за руки и ноги, несутъ ее къ рѣкѣ, предводитель впереди, сзади кралица, потомъ волынщикъ. На пути поютъ:

Pozaktaše vode silne,
pomoriše pola sveta,
podaviše sve što živi;
samo osta rajska bašta
i u njojzi rusalije;
sveće беру, vence grade,
Boga mole i govore:
Bogo mili, vodu stukni,
molbe su ni dodijale,
izgubiše mlade mome
i atlije i delije.
S kim će ostat Rusalije?

Омывъ больную въ рѣкѣ и убравъ ее полынью, они снова несутъ ее на мѣсто; кралица дѣлаетъ ей мечемъ знаменіе креста на лбу. Больная приходитъ въ себя и садится со своими¹⁾.

Значеніе обряда представляется мнѣ прозрачнымъ: сомлѣвающія, одержимыя—это тѣ, которыми овладѣли души, русалии; ихъ слѣдуетъ очистить: такова цѣль болгарскаго и сербскаго обрядовъ; очистители также носятъ названіе русалий. Одержимый русалиями, стало быть, то-же, что одержимый вилами — навами: сербск. вилован, виловит: бѣшенный, помѣшанный; *νυμφάληπτος* = одержимый нимфами, изступленный, помѣшанный; новогреч.

¹⁾ Krauss, Rusalije, Am Urquell, I, № 9, стр. 145 слѣд.

παρμένος (ἀπὸ τὰς Νεράιδες): схваченный нередами, вследствие этого искаленный, поврежденный тѣломъ или духомъ; судя по значенію, которое получило у греческихъ албанцевъ *gusalji*, заимствованное ими у румынъ: беспорядочная, грязная женщина ¹⁾, можно предположить, что оно развилось изъ подобнаго-же значенія русалій.

Какъ представляли себѣ это одержаніе душами, на это отвѣчаетъ описанный Краусомъ ²⁾ обрядъ, въ пестрой ткани котораго каждая черта отзывается древностью. Если кто желаетъ навести на другого помѣшательство, поступаетъ такъ: дѣлаетъ изъ поджаренныхъ обрѣзковъ своихъ ногтей и свиной крови три катышка, называетъ ихъ какими нибудь дьявольскими именами и наканунѣ воскресенья въ полнолуніе кладетъ ихъ въ открытый сосудъ съ водою, который ставитъ на могилу ребенка, умершаго до крещенія. Ночью является дьяволъ, окунается въ воду и подуетъ на тѣ катышки; кто ихъ съѣстъ, у того они разовьются въ тѣлѣ въ чертенятъ, и когда они достигнутъ величины мыши, тотъ человѣкъ долженъ помѣшаться, *rovilenjati*, т. е. его схватятъ вилы. — Посредство дьявола во всемъ этомъ, очевидно, позднее; древнимъ представляется: суевѣрный культъ ногтей въ связи съ представленіями о загробной жизни ³⁾; тождество вилъ съ навами (обрядъ, совершаемый на могилѣ некрещеннаго ребенка, имѣетъ цѣлью подвергнуть человѣка вліянію вилъ); представленія души—мышью ⁴⁾: души—вилы вселяются въ человѣка въ образѣ мышей. Сл. съ греч. *νυμφοληπτος* средне-и новогреч. *νύμφη* (въ схоліяхъ къ Аристофану), *νυφίτζα* въ значеніи ласицы, црквнсл. невѣстка, србск. ласица, невѣстица, рум. *nevastă*, ит.

¹⁾ Сл. G. Meyer, *Rusalja*, Am Urquell, I, № 7, стр. 115—116.

²⁾ Krauss, *Volksglaube und religiöser Brauch der Südalaven*, 1890, стр. 187.

³⁾ Сл. выше, стр. 60—1; Вольтеръ, *Этнографическ. Обзорѣніе* 1890, № 3, стр. 141 слѣд. (автоискія повѣрья); *Journal Amer. Or. Society* XIII, стр. LIX—LXI: Jackson, W., *On some Avestan superstitions and their parallels elsewhere* (объ обрѣзаніи ногтей и волосъ).

⁴⁾ Сл. Разысканія, вып. V, стр. 221, прим. 8 и Сумцовъ, *Этнографическое обзорѣніе*, кн. VIII, стр. 79 слѣд.

donnola (госпожа), баварск. *muëmelein*, ит. *comadreja* (кумушка), баск. *andereigerra* (*andrea* — жена); албанцы называютъ ее : женой брата; староангл. *faigu* (фея). Отмѣтимъ ея появленіе въ числѣ образовъ «встрѣчи» (уже у Теофраста), ея отношеніе къ родамъ въ мифѣ о родинахъ Алкмены (Anton. Liberalis 29; Ovid. *Metam.* 9, 306 слѣд.) и французскую поговорку: кричать *comme belette en couches*. — Все это матеріалы, пока неразобранные, но, быть можетъ, не лишніе для животной символики доли-встрѣчи.

II.

Какъ состояніе одержимости представлялось дѣйствительнымъ вселеніемъ «души» въ тѣло другаго человѣка, такъ реально переходила на него и чужая доля. Это выяснится въ связи съ слѣдующей группой южно-итальянскихъ представлений о судьбѣ.

Для Сициліи онѣ собраны были Pitrè въ последнемъ (четвертомъ) томѣ его *Usi e costumi, credenze e pregiudizi del popolo siciliano* (Palermo 1889). Вопросы о соотношеніи идей фаты, доли (*sorti, mira*), судьбы (*destinu*) онѣ не касался; мы пользуемся сообщенными ими данными, чтобы ввести ихъ въ установленныя нами генетическія рубрики. Говорится о нареканіяхъ и дарахъ фаты новорожденной (стр. 180); доля (стр. 199 слѣд.), счастливая или вѣтъ, неизбежна; стоитъ бездольному (*malassurgatu*) начать шашки шить, люди стануть рождаться безъ головы, а для счастливца будутъ рождаться и о двухъ головахъ; бездольный бросить въ воду соломенку, она канетъ на дно, а у другаго выплыветъ и кусокъ олова:

Di quantu sfortunati su'a lu munnu
 Una di chisti mi pozzu chiamari:
 Jetta la foggia a mari e mi va'n funnu,
 Ad autru viju lu chiammu navicari.

За счастливаго работаетъ его доля (*Sorti, e va' curcati*), онѣ и въ водѣ не тонетъ (*Dammi sorti e jettami a mari*). Гово-

рится, что долю даетъ Богъ (*La sorti la reggi Ddiu*); въ сказкахъ она является самостоятельнымъ существомъ, опредѣляющимъ людскую участь. Ее стараются умилостивить; въ первый понедѣльникъ мѣсяца къ ней прибѣгаютъ съ молитвою: пусть явится во снѣ, откроетъ будущее; если она не приснится, нечего ожидать отъ нея помощи. Одна дѣвушка, обратившаяся къ ней съ такой молитвой, видѣла ее во-очію: высокая, смуглая дѣвушка грозно глядѣла на нее и сказала: Не зови меня больше! Доля и смерть всегда съ тобою, куда бы ты ни пошла:

Sorti e Morti
Duvvi vai te la portii

Съ тѣхъ поръ той женщины никогда не везло.

Въ сказкахъ красавицамъ удается умилостивить ее дарами: такъ въ сказкѣ о Розинѣ и въ разсказѣ о Бездольной, *Sfurtuna*, сходномъ съ приведеннымъ мною румынскимъ¹⁾. *Sfurtuna*, седьмая дочь королевы, бездольная, становится невольной причиной бѣдствій для всей своей семьи. По совѣту одной старухи мать отсылаетъ ее отъ себя. Какая-то ткачиха приютила ее. Ночью она видитъ, что ея Доля рѣжетъ ножницами вѣренныя ей ткани. У лавочника, къ которому она поступила, случилось то-же: ея Доля открыла краны у бочекъ, и вино пролилось. Прачка, къ которой она перешла, поручаетъ ей выстирать бѣлье царевича; довольная работой дѣвушки, за которую царевичъ ее награждаетъ, прачка посылаетъ ее къ своей долѣ съ двумя хлѣбцами. *Sfurtuna* идетъ къ берегу и зоветъ Долю; та принимаетъ ее дружелюбно и указываетъ, гдѣ ей найдти и свою Долю, безобразную старуху пекарку, грубо встрѣтившую ее, когда она принесла ей свои хлѣбцы. *Sfurtuna* идетъ домой, опечаленная; въ другой разъ,

¹⁾ Сл. Разысканія, вып. V, стр. 258—9. Гагунъ сицилійской сказки захватилъ собою нить румынской. Эту нить я объяснилъ, какъ брачную, сл. I с., стр. 208 слѣд., 248, 259 и *Liebrecht, zur Volkakunde*, стр. 358, § 28. Къ приведенной мною (I с. стр. 257—8) малорусской параллели сл. вариантъ у М. К. Васильева, Антропоморфическія вѣрованія украинскаго народа, Этнографич. Обзоріе, кн. IV, стр. 92, № 4.

вернувшись къ Долѣ, она приласкала ее, вымыла, вычесала и получила отъ нея въ даръ ящичекъ съ кускомъ галуна. Когда на слѣдующей недѣлѣ прачка снова понесла бѣлье царевичу, застала его въ горѣ: къ платью его невѣсты не доставало куска галуна, а подобнаго ему нигдѣ не могутъ найти; Sfurtuna даритъ прачкѣ свой кусокъ, за который царевичъ обѣщаетъ заплатить вѣсомъ золота. Сколько его не клали на чашку вѣсовъ, галуны все перевѣшивагы. Царевичъ теряется въ догадкахъ; Sfurtuna рассказываетъ ему о своей долѣ—и выходитъ за него замужъ.

Сициланская *mita*, *meta* (греч. *μῆτρα*)—та-же доля; Raffaele Castelli опредѣляетъ ее: домашній духъ, покровитель ¹⁾. Любопытно одностороннее, ухудшающее значеніе миры: недоли, несчастной судьбы; оно напоминаетъ такое-же развитіе понятій Фатума, Немезиды, Эринній ²⁾.

Слѣдующая сказка изъ Калабріи ³⁾ напоминаетъ сербскую у Крауса ⁴⁾: нѣтъ только Бога, дающаго сречу. Донъ Филомено посылаетъ бѣднаго саножника Теста: пусть пойдетъ на гору, тамъ поляна, посреди нея утесъ; пусть позоветъ *la Fortuna di ndo Filomeno*, вручитъ ей письмо и передастъ просьбу Филомено: не посылать ему болѣе богатствъ, ибо онъ не знаетъ, куда ихъ дѣвать. Бѣднякъ исполнилъ порученія; *Fortuna* ('*na fimmana tutta sudata*, какъ работница) явилась на его зовъ и выслушала порученіе, съ которымъ онъ пришелъ. Въ это время выпалъ такой градъ, что вся поляна побѣгѣла; скажи Филомено, говоритъ *Fortuna*, что я пошлю ему столько золотыхъ, сколько здѣсь крупинъ града. Бѣднякъ желаетъ видѣть и свою Долю; позови ее, говоритъ ему Доля Филомена. Явилась женщина оборванная,

¹⁾ Къ другимъ итальянскимъ отраженіямъ *fatum*, см. Simioni, *I fatuzzi nella credenza popolare trapanese.*, Archivio per lo studio delle trad. popolari VII, стр. 337 слѣд.

²⁾ Разысканія, вып. V, стр. 259.

³⁾ *La Calabria*, Rivista di letteratura popolare, dir. da L. Brogiano 1889, № 2, стр. 15—16.

⁴⁾ Разысканія, I. с., стр. 245—6.

Сборникъ II Отд. Н. А. Н.

съ всклокоченными волосами и гнойными глазами, видно, что лѣнивая. Теста жалуется ей; она причиною тому, что онъ спитъ на соломѣ, и его одогѣли вши. — Видѣлъ ты, какой выпалъ градъ? спрашиваетъ она: столько вшей я нашла на тебя. Бѣднякъ погнался за нею съ камнемъ въ рукѣ, но она исчезла. Когда онъ вернулся къ богачу и рассказалъ ему, какъ было дѣло, тотъ сказалъ: Fortuna посылаетъ мнѣ богатство, я-же изведу его. Онъ велитъ скупить сколько было на рынкѣ сала и наполнить имъ амбаръ; велитъ скупить всѣхъ кошекъ, какія нашлись, и пустить туда-же: пусть ѣдятъ сало; но кошки его не трогаютъ, а ѣдятъ мышей и жирѣютъ. Тогда богачъ распорядился нагрузить саломъ корабль, взять и кошекъ, и то и другое сбыть гдѣ-нибудь съ убыткомъ. Его люди продали сало въ одномъ городѣ, гдѣ не знали его употребленія, кошекъ — въ другомъ, гдѣ не было житя отъ мышей (мотивъ извѣстной сказки о кошкѣ Виттингтона): то и другое другое за дорогую цѣну; нагрузили корабль золотомъ и серебромъ и привезли Филомено. Пусть моя Доля шлетъ мнѣ, что угодно, говоритъ онъ, я все прийму.

Долю можно измѣнить, говорятъ въ Абрुццахъ: молитвою къ Богородицѣ, либо суевѣрнымъ актомъ, напр. сляніемъ крови; кто совершилъ этотъ искупительный актъ въ пользу бездольнаго, зовется имъ не иначе, какъ San Giovanni, т. е. кумомъ, ибо вызвалъ его къ новой жизни. Напомнимъ, что въ Италіи св. Іоаннъ покровитель кумовства, *compagato*, братства названаго; что въ его ночь гадаютъ о судьбѣ, долѣ; что актъ смѣшенія крови въ абруццкомъ обычаѣ, очевидно, имѣетъ тотъ смыслъ, что вмѣстѣ съ кровью кума переходитъ къ неудачнику и его доля-удача. Эта бытовая черта, пока не встрѣчавшаяся мнѣ въ цѣлѣ народныхъ повѣрій о долѣ, позволяетъ точнѣе отвѣтить на вопросъ, поставленный въ предыдущемъ изслѣдованіи (Разысканія, вып. V, стр. 225 слѣд., 229 слѣд. 231—233): въ цѣлой группѣ сказокъ бездольный молодецъ выходитъ изъ неволи, женившись на удачливой дѣвушкѣ, работающей и мудрой, иногда вѣщей, располагающей сверхъестественными силами. Я спросилъ

себя: какъ понять образъ дѣвушки, приносящей счастье бездольному молодцу? Что это: просто-ли дѣвушка, одаренная долей, или въ ней есть черты олицетворенной Среча сербскаго повѣрья? — Я полагаю, что въ основѣ сказаннаго мотива лежитъ болѣе древнее, матеріальное представленіе: *приобщеніе* къ чужой, родовой долѣ путемъ *брачною союзу* съ другимъ лицомъ. Такой-же матеріальный образъ предполагается и *смѣшеніемъ крови* въ абруцкомъ обычаѣ. Я объясню его себѣ въ связи съ слѣдующимъ половецкимъ: половець прокалывалъ себѣ палець иглой и выступившую кровь давалъ сосать тому, кого избиралъ себѣ въ постоянные спутники и друзья, послѣ чего сосавшій кровь своего товарища становился для него какъ бы собственною его кровью и тѣломъ — какъ вкушеніе отъ молока женщины устанавливало родственную связь между ея родомъ и вкусившимъ. Именно послѣднее, распространенное повѣрье показываетъ, что г. Кулишеръ ¹⁾ былъ, можетъ быть, не въ правѣ, выразиться о половецкомъ обрядѣ, что въ немъ «опущена весьма важная подробность: о взаимности сосанія». Эта взаимность (смѣшенія, вкушенія, сосанія крови) дѣйствительно характеризуетъ извѣстный актъ обратимства, но она не представляется мнѣ существенной: уже одностороннее вкушеніе, сосаніе крови достаточно выражаетъ идею кровнаго, родоваго единенія; въ абруцкомъ обиходѣ существенна не идея смѣшенія, а то, что кровь удачливаго попадаетъ въ тѣло безсчастнаго, а съ кровью передается и его доля.

Съ кровью—или другою частью его тѣла. Мы можемъ конструировать такое вещественное представленіе доли изъ цѣлаго ряда другихъ: ѣсть сердце врага, пить его кровь, обычныя угрозы дикарей-антропофаговъ, мотивируются представленіемъ, что вкусившій сердца храбреца усвоитъ и его храбрость; съ тою-же цѣлью ѣдятъ мозгъ, кожу со лба, глазъ, что со стороны сердца;

---

¹⁾ М. И. Кулишеръ, Очерки сравнительной этнографіи и культуры, Сиб. 1887, стр. 101.

женщины вкушаютъ отъ мяса мужчины, чтобы получить его силу; Ямы на Амазонской рѣкѣ высасываютъ мозгъ изъ костей своихъ покойниковъ, чтобы ихъ душа перешла въ ихъ тѣло¹⁾; есть цѣлый рядъ сказокъ и легендарныхъ мотивовъ, что вкушеніе той-или другой части извѣстнаго животнаго (пѣтуха, рыбы, змѣи и т. п.) сообщаетъ человѣку чудесные дары и свойства и счастье. Слѣдующая малорусская сказка²⁾ соединяетъ зооморфическіе образы филъги — или срещи съ идеей, что чужое счастье можно — съѣсть.

Былъ себѣ человѣкъ, узнававшій съ перваго взгляда, кто счастливый, кто вѣтъ, люди или скотина; дѣти у него были счастливые, одинъ только сынъ бездольный. Задумалъ паревъ жениться, батька останавливаетъ его, говоритъ, что дѣвка несчастливая. Когда сынъ все-таки женился, отецъ совѣтуетъ ему съ женой жить при немъ, а по смерти при старшемъ братѣ, ибо «вы обое нещасливы». Но они не послушались, идутъ искать своего счастья: отдѣлились отъ батьки, поѣхали. На пути подобрали заброшеннаго щенка, купили земельки, устроились, а пенокъ сталъ доброй собакой. И повалило молодымъ счастье: за что ни возьмутся, все удается, «росте якъ зъ воды йде». Выписали они отца посмотреть на ихъ довольство. Приѣхалъ онъ, дивится, не знаетъ, что и подумать: не видно счастливаго! Вечеромъ пригнали овецъ, за ними и собака; «ага! ось де щастя!» говоритъ старикъ — и проситъ убить собаку: лучше будетъ! Ни хозяева, ни пастухи не рѣшаются на это; нашелся, кто не пожалѣлъ собаки и убилъ ее. А старикъ смотритъ, что будетъ: подбѣжалъ къ убитой пѣтухъ, клюнулъ ее разъ и два. Старикъ доволенъ, говоритъ невѣсткѣ, чтобы она на другой день заколола пѣтуха и изжарила ему въ дорогу, да никому не давала-бы отвѣдать, а что въ немъ негодно, то закопала-бы. Хозяйка зажарила пѣтуха, побила сы-

¹⁾ Са. Andree. Die Anthropophagie, Eine ethnographische Studie. Lpz. 1887, стр. 8 слѣд., 101 слѣд.

²⁾ Кіевская Старина 1889, Апрѣль, стр. 196—199.

нишку, пристававшего къ ней дать ему кусочекъ, но по просьбѣ сосѣдки все-таки дала. Старикъ былъ въ церкви; когда вернулся, увидѣлъ, что дѣло сдѣлано. Съѣли обѣдать; старикъ требуетъ, чтобы подали пѣтуха. — Да вѣдь онъ вамъ на дорогу! говоритъ хозяйка. — Такъ надо было сказать, а теперь можно и ѣсть его, ибо у васъ уже есть счастливый. — И онъ объясняетъ, какъ собачье счастье перешло въ пѣтуха, а теперь въ хлопчика. Живите и Бога хвалите: все ваше при васъ будетъ!

Среча — это, въ сущности, чья-то *чужая* доля, добрая или худая, овладѣвающая человѣкомъ, приобщающаяся къ нему, навѣянная, награянная.

Вернемся еще разъ къ итальянскимъ представленіямъ о долѣ, чтобы разъяснить элементы народной сказки въ одной притчѣ, которую Боккаччо разсказалъ въ *De Casibus Virorum illustrium*, со словъ своего учителя, астронома Андалоне дель Негро. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я коснулся этой притчи и указалъ на ея отношеніе къ народнымъ идеямъ о долѣ ¹⁾; теперь мнѣ яснѣе въ ней раздѣлъ между ея школьными и народно-поэтическими мотивами. Сцена открывается перебранкой между *Fortuna* и *Raupertas*; Нищета предполагаетъ для *Fortuna*'ы значеніе не столько судьбы, сколько счастья и богатства. Перебранка переходитъ въ бой; побѣждаетъ *Raupertas* и по уговору ставитъ свои условія побѣжденной. — До сихъ поръ мы на почвѣ школьнаго пренія (*Debate et Disputes*), въ родѣ извѣстныхъ средневѣковыхъ преній Поста и Масляницы, Сивагоги и Церкви, Души и Тѣла и т. д. Во второй части притчи объявляется нѣчто новое: *Fortuna* болѣе не счастье, а судьба, Усудъ извѣстной сказки; въ ея вѣдѣніи находится *Fortunium* и *Infortunium*: сербская Среча и Несреча, добрая и лихая доля. И вотъ *Raupertas* рѣшаетъ: пусть *Fortunium* свободно ходитъ, куда пошлетъ его *Fortuna*, а *Infortunium* она обязана привязать на виду у всѣхъ и приковать цѣпями къ столбу, чтобы

¹⁾ Три письма Джованни Боккаччо къ Майнардо де' Кавальканти (Спб. 1876), стр. 7—8.

ему нельзя было ни тронуться съ мѣста, ни переступить за чей-либо порогъ, развѣ съ тѣмъ, кто развяжетъ его путы. — Если я не ошибаюсь, это опять сказочный мотивъ, какъ и самые образы Fortunium и Infortunium: я имѣю ввиду сказки, въ которыхъ бѣднякъ запираетъ, зарываетъ, забиваетъ въ дупло свою недолю; ему съ тѣхъ поръ везетъ; какой-то завистникъ выпускаетъ эту недолю изъ заключенья, полагая, что она снова привяжется къ бѣдняку, а она ухватила за него самого ¹⁾, какъ Infortunium овладѣваетъ тѣмъ, кто отвязалъ его.

Очень вѣроятно, что въ пониманіи Боккаччо эти реальные мотивы сказки представлялись отвлеченнѣе, въ томъ смыслѣ, что всякій самъ навязываетъ себѣ лхую долю, въ ней повиненъ. Грузинская сказка ²⁾, которой я заключаю этотъ обзоръ, пошла и еще далѣе: что злую долю можно исправить волей, трудомъ.

Жилъ былъ богачъ; его безчисленные стада рогатаго скота и табуны лошадей бродили по горамъ безъ пастуховъ и присмотра, точно ихъ оберегала какая-то невѣдомая рука. Въ той-же странѣ жилъ одинъ бѣднякъ, немущій и лѣнливый. Богачъ предложилъ ему приходить къ нему помогать при работахъ; онъ дастъ ему за то пару воловъ. Но лѣнливцу не до того: чѣмъ работать все лѣто изъ-за какой-нибудь пары воловъ, лучше угнать часть богачева стада — оно вѣдь ходитъ безъ присмотра, — продать въ городѣ и жить счастливо. Онъ дѣйствительно отправился къ мѣсту, гдѣ паслись стада, но едва ближе подошелъ къ нимъ, какъ пронесся свистъ и пронзительный крикъ по горамъ. Стада вдругъ зашевелились, лошади заржали, лѣнвивыя коровы оживились: раздался шумъ и весь скотъ, какъ вѣтеръ, слетѣлъ въ долину. Бѣднякъ стоялъ, какъ пораженный. Прийдя къ мѣсту сбора, онъ увидѣлъ среди стада крошечнаго человѣка, лицо котораго сіяло, какъ огонь; животныя проталкивались къ нему, желая

¹⁾ Сл. Разысканія, вып. V, стр. 219—220.

²⁾ Сл. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. X, отд. III, стр. 49 слѣд. Сл. Разысканія, I. с. стр. 217 слѣд. и малорусскій варьянтъ, напечатанный г. Васильевымъ, Этнограф. Обзор., кн. IV, стр. 92—3.

облизать его. «Я счастье хозяина этихъ стадъ», былъ его отвѣтъ на вопросъ бѣдняка, а твое счастье тамъ на холмѣ, подъ кустомъ почиваетъ. Бѣднякъ идетъ искать его; долго не находитъ, и такъ какъ ему было лѣнь идти дальше, легъ и проспалъ до вечера. Вдругъ до него долетѣлъ стонъ: въ кустахъ извивался, какъ наскѣкомое, совершенно высохшій безобразный человѣкъ. «Я твое счастье!» прохрипѣлъ онъ и отвѣчалъ на укоры бѣдняка: «Ты лежишь и почиваешь, я тоже лежу и сохну; встань, встану и я, проснись— я буду бодрствовать, трудись — дамъ богатство». — Бѣднякъ одумался, началъ трудиться; проснулось и его счастье, — онъ разбогатѣлъ и зажилъ счастливо.

XXIV.

Видѣніе Григорія о послѣднихъ дняхъ.

Мѣсто, занимаемое Видѣніемъ мнixa Григорія въ житіи Василя Новаго, достаточно выяснилось изъ сказаннаго нами о составѣ житія въ V-мъ выпускѣ Разысканій, стр. 76 слѣд. Печатаемая впервые его греческій текстъ по ркп. Московской Синодальной библіотеки № 249, мы имѣли въ виду какъ его литературное значеніе, такъ и вліяніе, имъ обнаруженное на эсхатологическія представленія древней Руси, народнаго стиха и иконографіи. Русскіе изслѣдователи уже обратили вниманіе на эту сторону дѣла (Буслаевъ, Сахаровъ, Покровский); желательны были-бы подобныя наблюденія и для славянскаго юга. На списокъ житія XV вѣка, сербскаго письма (румянц. муз. № 39—1470, изъ собранія Севастьянова), уже было мною указано (Разысканія, I. с., Приложение, стр. 4, прим. 1); текстъ отвѣчаетъ типу греч. синодальной ркп. № 250 (нач. Непостижнааго ба ѿ чловѣцѣмъ родѣ преблагааго чѣвколюбія и блгостини прѣмоудрно и невзрѣнно строещия иже къ спсенію душамъ нашимъ); переводъ тотъ-же, что и въ архивскомъ списокѣ XIV—XV вѣка (Разысканія, I. с., Приложение, стр. 4, прим. 1); тому-же переводу принадлежитъ и Видѣніе Григорія, выдѣленное изъ житія, какъ

«зѣло полезная повѣсть», въ сербскомъ сборникѣ, недавно описанномъ г. Поливкой ¹⁾.

О литературномъ значеніи Григоріева видѣнія г. Сахаровъ ²⁾ говоритъ, что «съ поэтической стороны картина суда Божія въ житіи вполне достойна того, чтобы сравнить ее съ Дантовой поэмой». Не заходя такъ далеко, нельзя не отмѣтить въ видѣніи широко задуманнаго плана, достоинствъ архитектоники; не все здѣсь указано преданіемъ, хотя вліянія болѣе древней эсхатологической литературы (Книга Эноха, Палладій и др.) несомнѣнно. Съ другой стороны неприятно поражаетъ растянутасть изложенія, обиліе повтореній и море эпитетовъ, золота и свѣта, не всегда идущихъ къ дѣлу. Можно удержать сравненіе съ Божественной комедіей, сказавъ, что видѣнія Григорія могли бы быть благодарнымъ матерьяломъ — для новаго Данте.

Я сказалъ объ архитектоникѣ видѣнія; еѣ преимущественно я и буду имѣть въ виду въ слѣдующемъ пересказѣ. Въ основѣ его лежитъ греческій текстъ, напечатанный нами въ Приложеніи ³⁾, при чемъ приняты во вниманіе и отличія славянскаго перевода, восходящаго къ другой греческой редакціи житія ⁴⁾. Только знакомство съ этой редакціей позволитъ заключить, кому принадлежатъ сокращенія — сравнительно съ изданнымъ нами греческимъ текстомъ: славянскому-ли переводчику или его подлиннику. Сокращенія касаются риторическихъ мѣстъ, эпитетовъ, рѣчей,

¹⁾ Opiri i izvodi iz nekoliko jugoslavenskih rukopisa u Pragu. Priobcio Dr. Gjago Polivka (оттискъ изъ Starine XXI, стр. 4). Ис. «Повесть зѣло полазнаа, ѡбаче и ѡсакого страха и ужаса исплнена ѡ страшнем и ужаснем и грознем дне страшнаго божим втораго пришастваним, иже будѣтъ всемъ чловѣкомъ, иже родише се на земліи. Видѣнне и ѡткренине светого ѡца нашего Григориа новаго, иже показа ему Господь Богъ аггеломъ своимъ погланим ка мему». Г. Поливка любезно предоставилъ въ мое пользованіе копію съ этого текста.

²⁾ Сахаровъ, Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древне-русской письменности, стр. 124.

³⁾ За участіе въ исправленіи текста приношу живѣйшую благодарность проф. В. К. Еришtedту и Г. С. Дестунису.

⁴⁾ Славянскій переводъ цитируется по Севастіановскому списку (Сев.), иногда съ указаніями на отличія Шафариковскаго (Шаф.).

завѣреній Григорія въ истинѣ всего, имъ видѣннаго и повѣданнаго; въ описаніи внѣшности грѣшниковъ сглажены графическія, характерныя подробности; опущена ссылка на житіе св. Григорія Агригентскаго, одна категорія осужденныхъ въ описаніи страшнаго суда и т. д.

На Григорія напали однажды религіозныя сомнѣнія: ему представилось, что іудейская вѣра и есть правая, угодная Богу, ибо и Авраамъ и Исаакъ и Іаковъ и Моисей и пророки оказались праведными передъ лицомъ Его. И вотъ Григорій отправляется къ Василію, жившему тогда въ Аркадіанахъ ¹⁾; тотъ провидитъ и предупреждаетъ Григорія на исповѣди, упрекаетъ его за то, что далъ себя увлечь бѣсу, владѣющему «ипоподромикомъ» (л. 21 об. ст. 2: τῆ τῆς ἰποδρομίας δαίμονι), и старается разсѣять сомнѣнія ученика, но онѣ въ немъ остались, и онъ самъ проситъ наставника помолиться, дабы Господь наставилъ его—въ видѣніи. Оно было ему въ слѣдующую ночь ²⁾: ему казалось, что онъ стоитъ на покрытой травомъ полянѣ, дивится ея красѣ и благорастворенію воздуха, когда передъ нимъ предсталъ мужъ великаго роста и страшный, одѣтый въ бѣлую стому, съ бѣлымъ хитономъ

¹⁾ Приводимъ для сравненія съ греческимъ текстомъ (стр. 5—6), интересно въ бытовомъ отношеніи, соответствующее мѣсто славянскаго перевода (л. 21 лиц. ст. 1): «Бѣше же (Василій) на мѣстѣ тогда нарицаемѣмъ Аркадіана. въ тѣмже днѣ творѣше водономъ коньчнемъ урстаніи. идеже бѣ мѣстъ градъ (л. с. ст. 2) сѣбраше; ѣже ѿ многихъ днѣи оставилъ бѣ таково позорѣще. слышахъ въ семъ грознаа словеса златустанѣ. и мже идехъ къ сѣмоу шцоу, ѣко да оубѣмъ недооумѣннаа, быхъ близъ мѣста глѣмаго Диппѣи. ѣбые въжеже се пламень въ срѣци моемъ, поноужамъ ме видѣти ѣще понѣ и конемъ прѣвомъ запоущеніи не възмогу въздржати се ѿ такового помисла. я побѣжленъ быхъ въздохъ и видѣхъ прѣвомъ запоущеніи конешѣ. и потомъ отидохъ и придохъ къ прилюбѣному шцоу Василію». Диппѣи отвѣчаетъ Δίππιονъ греческаго текста (стр. 5) что слѣдуетъ читать Δίππιονъ или Δίππιον, Δίππι. О немъ сл. Du Sange Constantinopolis Christiana, стр. 74: extitit praeterea in Milio Diippium, locus ita appellatus propter binos equos marmoreos vel lapideos ad aedem S. Phocae, quae postmodum S. Ioannis Theologi dicta est, a Phoca tyranno erectos (ср. л. с. указаніе на источники).

²⁾ Сев. л. 24 лиц. ст. 1: Въ тоу же ноцѣ лежешоу ми на водрѣ моемъ. — Отсюда начинается текстъ Шафариковской ркп. (Шаф.): Въ одну отъ ноцей лежешоу ми на водре свсѣи.

поверхъ его, вооруженный желѣзнымъ жезломъ. Онъ напоминаетъ ему о его сомнѣніяхъ, бесѣдѣ съ Василиемъ, его просьбѣ къ святому: «греди оубо съ мною, и покажу ти кдиноу по кдиной коюждо вѣроу, и которая вѣра каковомъ дръзновеник имать къ Боу» (л. 24 лиц., ст. 2). Облако подняло ихъ въ высь, гдѣ они очутились какъ-бы въ другомъ міру; когда облако отступилось отъ нихъ, они очутились стоящими на чудномъ неизреченнаго блеска полу («на стькланѣ полі» ib.); «и сѣ зборый мнозы ѡгньныи юношѣ словословещи въ Троици Ба» (24 лиц. ст. 2—об. ст. 1). Пойдя впередъ, они пришли на нѣкое мѣсто, «иже бѣше ѡгньмъ Бжѣимъ повито» (24 об. ст. 1), но то былъ не здѣшній огонь; онъ не жегъ, а скорѣе росилъ свѣтомъ; юноши «бѣлоризцы», которыхъ лица блестяли паче солнца, ходили въ этомъ огнѣ, почерпали отъ него въ золотые сосуды и уносились въ безвѣстную высь. Это мѣсто духовнаго, божественнаго огня, размышляетъ Григорій, а юноши — ангелы, почерпающіе отъ него и воскуряющіе ѡниміамъ на вышнемъ жертвенникѣ передъ лицемъ Господа.

Пока онъ размышлялъ такимъ образомъ, имъ представилась высокая гора, а на ней вышка, взобравшись на которую съ трудомъ они увидѣли подъ собою простиравшуюся на востокъ долину, седмерицею покрытую чистымъ золотомъ, отъ котораго исходилъ чудесный свѣтъ, наполнявшій воздухъ. Когда свѣтъ удалился, они узрѣли къ востоку дивный градъ, который авторъ пытается описать вкратцѣ, сознавая недостаточность своихъ силъ и неизреченность видѣннаго. Описаніе развиваетъ видѣніе вышняго Іерусалима въ Апокалипсисѣ гл. 21; спутникъ Григорія толкуетъ ему, что это новый Сіонъ, небесный градъ, вышняя митрополія, градъ христіанъ, новый, небесный Іерусалимъ, упокоеніе праведныхъ; Христосъ устроилъ его, по прошествіи 40 дней по воскресеніи, своимъ ученикамъ, апостоламъ, пророкамъ и всѣмъ вѣрующимъ въ св. Троицу, какъ учили Отцы семи вселенскихъ соборовъ; тотъ-же, кто исповѣдуетъ Отца и Сына, а кощунствуетъ на Духа Свята, на вѣки осужденъ будетъ въ геенну огненную.

Такъ говорить спутникъ-ангелъ; а Григорію представляется новое видѣніе: посреди града высокій холмъ, пламенбющій, какъ раскаленное желѣзо либо мѣдь; на немъ крестъ, сіяющій огнемъ, освѣщая воздухъ; большой, бѣлый, какъ снѣгъ, голубь летаетъ надъ нимъ, испуская неизреченный свѣтъ, вселяя въ сердце духовную любовь и божественную радость. Онъ опустился на крестъ; повернулся, и какъ отъ раскаленного желѣза разлетаются искры, такъ и отъ него, точно алыя розы и бѣлоснѣжные цвѣты распались въ воздухѣ.

Вотъ, съ высоты, точно молнія, спустился на огненныхъ крыльяхъ юноша, что-то уготовляя, будто престолъ царю и войску, имбующему явиться въ градъ. За нимъ явился другой юноша (25 об. ст. 2), «прѣстоль страшнѣ ѿмак, кгоже оуготовѣ гредоу щемоу црѣвѣ. Слѣшахоже гласъ глѣющъ: Црѣ великъ и страшнѣ хоцетъ прѣтѣ въ градъ съ сѣ славою великою и многою. И ещѣ (л. 26 лѣц. ст. 1) къ сѣма зрѣщима нама и сѣ четирѣ юноше въслѣдъ сѣ висотъ гредѣхоу, дръжеще по свѣщѣ (ἀνά μίαν λαμπάδα) велицѣй страшнѣмъ ѡгнемъ гореще. ѿже кдиногѣсно възоупише: Вьсѣмъ блгѣтъ т'воѣ, гѣ, ѿ прѣде сла' стѣны твоѣ въ вишнаѣ, снѣ живаго ба (Шаф. прѣдѣ слава светыхъ твоихъ вишны сыне живаго бога; ἡ δόξα τῶν ἁγίων σου). По сѣхже видѣховѣ, и сѣ ктеръ юноша сѣниде въ граѣ ѡнѣ глѣк: сѣ соутъ (Шаф. судѣи: χρίσις) въскрешеникъ мрѣтвѣмъ и възаникъ ѡ праведнаго соуднѣ члѣкомъ прѣиде. ѿ по сѣ видѣховѣ сѣ стлѣпъ ѡгнѣнь всхождѣше свѣше, изъ негоже глѣсѣ страшнѣ (Шаф. страшанѣ) слѣшашесе и ѡгнѣнь испоущаше по всемоу възоухоу, ѿ тѣ не стѣ на градомъ ѡнѣмъ, нѣ нѣкомю пропастию (ὀπῆς τινός ἀνοικείσης αὐτῷ ἐπὶ τοῦ θαλάσσιου ἰκείνου, εἰς ὅπερ ἰστάμεθα) сѣниде въ мѣрѣ и разлигасѣ на четирѣмъ начелѣ сѣмѣ, блистансе (Шаф. и) прикосоуе четирѣ край твари. И сѣ глѣсѣ въ всемъ мѣрѣ глѣк: (26 лѣц. ст. 2) Сѣ сѣдѣтельнаѣ сила вишнѣго прикосоуе все члѣчскихъ кости, събрайнѣк кости да събероутсе, всѣка кость къ костѣ ѿ ставъ къ ставоу и члѣанъ къ члѣану своемоу. И ещѣ видѣховѣ, и сѣ нѣ юноша бѣлошбразнѣ дръже въ роуцѣ своѣмъ свѣтъ ѡгнѣнь и

посланикъ гнѣ посланиокъ къ Сотоуѣ. Глѣашеже тако скончасе црѣтво нго, црѣтвовавшоу нмоу. Г. лѣ^т по всей земли (въ греч. текстѣ лишнее: юноша спустился не въ городъ, ἀλλὰ κατόπι ἀφίκετο τοῦ πυργου στύλου ὡς ἐπὶ τὸν κόσμον παραγενόμενος ἔνθα ὁ δηλωθεὶς Σάταν ἱβασίλευε). И стѣвъ прѣ^т Сотоною и прочтѣ посланикъ нмоу ѿ Бга и кмѣ нго съ крѣпостию влѣчеше нкто нзъ црѣскыѣ дворовѣ и положи позри нго на край земельнѣмѣ, да нзблуктъ и нзврьжетъ всюу злобуу и погнбѣль и тлѣю, гнѣвъ и неистовство (Шаф. неснѣство) и гнрѣ и вѣсь гдѣ и всакоу нечестнѣ и всакуу нресн, тако вскончасе приближенѣкъ (Шаф. приближи се скончаникъ и) (л. 26 об. ст. 1) хоцещъ съжыжень бы^т съ вѣсми воишнствн нго^у.

Между тѣмъ новыя сонмы небесныхъ силъ на огненныхъ, крылатыхъ коняхъ, испускавшихъ пламя поздрями, сошли по воздуху, не въ тотъ городъ, а на землю (εἰς τὸν κόσμον), откуда послышались вопль и рыданія, ибо ангелы гнали повсюду и закалили вѣсхъ, прельстившихся Антихристомъ во время царствія его. И вотъ другое безчисленное благообразное воинство сошло на землю, уготавлиа престолъ Господу и все нужное для пришествія его; за ними спустился съ высоты юноша «нѣктоу славнѣ» (ἐνδόξως), названный впослѣдствн архистратигомъ Михаиломъ, въ царской одеждѣ, съ трубоу въ рукѣ, за нимъ двѣдцать юношей, одѣтыхъ также, какъ и онъ, и также съ золотыми трубами. Когда затрубилъ арх. Михаилъ, потряслись вѣс концы земли; затрубили другіе, и задрожала земля, разверзлись гробы и «възидоше жилы и плты на кости лежещы^ѣ въ гробѣхъ ѿ вѣка члѣкѣ, дхъ животнѣ не бѣ въ нѣхъ» (л. 27 об. ст. 2).

По второму гласу архангела гробницы, распавшись, какъ ледъ отъ удара грузнымъ камнемъ, извергли тѣла цѣлыя и невредимыя; сонмы юношей, многочисленныя какъ морской песокъ и персть земная, быстро спустились съ высоты къ мѣсту отвѣчнаго упокоенія человѣческихъ душъ, дабы къ каждому тѣлу привести его душу. Въ третій разъ затрубилъ архангелъ, и содроглись небо и земля, и вѣс умерше встали, земля и море и рѣки,

лѣсъ и озеро отдали своихъ покойниковъ и всѣ, мужнины и женщины и дѣти были одного возраста и вида — и пола (Сл. τὴν τῶν θηλείων ἐναλλαγὴν πρὸς τὸν ἀνδρώδῃ μετασχηματισμόν). Лица однихъ сіяли, у иныхъ больше, у другихъ менѣе, «яко же рече апѣлъ (27 лиц. ст. 1): звѣзѣа звѣзды лоучѣши славою. И нѣкынѣ лица сѣахоу ꙗко лоуна въ мрачную ношь, дроугыхже лица ꙗко днѣванъ свѣтъ, нвыѣже ꙗко желѣзо ражѣжено искрѣи поущак, дроугымѣже ꙗко сѣнце, нѣкымѣже ꙗко свѣгъ, дроугымѣ ꙗко вльна бѣла, дроугымѣ бѣла ѣ роумена ꙗко и цвѣтъ. кѣдиному комужѣо ихъ грама° (Шаф. книжице) мльникообразна на^а брвьма на челѣга написана бѣше, ꙗвляющи конгожѣо добродѣтели». На челѣ одного написано было: пророкъ Господень, у другого: апостолъ, правѣдникъ, проповѣдникъ и т. д.—Рядомъ съ этимъ сонмомъ— другой, многочисленный, ибо на тысячи и десятки тысячъ грѣшниковъ едва приходился одинъ праведникъ, и также являвшій въ своемъ образѣ показаніе дѣлъ своихъ (27 л. ст. 2): «нѣкынѣ бѣхоу лица, ꙗко прьстѣ с пѣеломѣ землѣа смѣшена, дроугымѣ ꙗко смрадънь калѣ на лица ихъ (Шаф.: на улицахъ: ἐπὶ τῶν πλατειῶν), ѣнѣмѣ гногна и тѣпа и скаредна зѣло, дроугынѣ изъ гнила ꙗко мръत्वѣ пѣсъ чрѣвны кѣпеше, и дроугымѣ, ꙗко каломѣ ѣ мо (28 л. ст. 1) теломѣ (Шаф. мотилы) помазана бѣхоу лица, ѡвѣмѣже ꙗко кожа желѣвна ѡчрѣвѣла (Шаф. ѡчрпала), ѣже и ѡчи гнои испоущахоу ꙗко же троудовитѣ недоугѣ нмоуше (Шаф. трудовити и недугы нмуше)¹⁾, нѣкымѣ же чрѣна, ꙗко ѣ самому Сотонѣ²⁾, а дроугымѣ исполоу почрѣнена бѣхоу, дроугымѣже, ꙗко кожа

1) Сл. греч. текстъ: τῶν δὲ ὑπῆρχον ἐξοστραχωμένα ὡσπερ χαλιῶνης τὸ ἐπίπεπον ὦν καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ (ὡς ἐξοιδούτος τραχύματος) ἔλκος ἐξέχον. (καὶ ἄλλων μὲν) οἶα τὰ τὸν ἱερὰν ἐχόντων νόσον, οὗς καὶ λωβούς καλεῖν οἶδεν ὁ λόγος.—Λάβα=λέπρα

2) Опушено: τισὶ μὲν ὑπῆρχον οἶα τὰ τῆς Ἀκραγαντίων τιμωρίας ἦν ἔπαδον θεοκρίτως οἱ τὸν ἅγιον Γρηγόριον συκοφαντίσαντας. Сл. Леонтиѣво житіе св. Григорія Агригентскаго (у Migne, Patrol. gr. t. XCVIII, стр. 689): καὶ τὸ δὴ πείρας, μετ' ὀλίγον διεσχίσθη ὁ γνόφος ἐπάνωθεν αὐτῶν, καὶ ἐφάνησαν τὰ πρόσωπα αὐτῶν μεμελανωμένα, τῶν δὲ καὶ ὀλόκληρα τὰ πρόσωπα ἐμελανώθησαν. Σαβίνου δὲ καὶ Κρησκεντίου καὶ ἐτέρων πολλῶν οὐ μόνον τὰ πρόσωπα αὐτῶν ἐμελανώθησαν, ἀλλὰ καὶ τὰ χεῖλη αὐτῶν κατηνέχθησαν, ὥστε μόλις αὐτοὺς δύνασθαι περισφίγξαι αὐτὰ εἰς τὸ λαλῆσαι.

ѣспидова, ннѣмже, ꙗко ѣхиднова, дроўтымъ, ꙗко дымена (?) зелена (Шаф. дим зелена), ннѣмже ꙗко кожа ош'ла, ꙗ ннѣмъ гноѣна бѣхоу смръдеще ѿ ногу до главы, ннѣмъ крѣвью многою ѡкрываѣленъ бѣхоу скаредѣи (Шаф. скареднѣи), ннѣмъ же въ нѣ въ свннѣ кожи ѡблѣченъ, ннѣмъ смръдеще помазанъ бѣхоу пѣнамѣмъ.

Увидѣвъ себя такъ преображенными, грѣшники стыдятся, хотѣли-бы скрыться и бѣжать, но въ толгѣ имъ ни двинуться, ни повернуться, нѣтъ возможности даже посмотрѣть, кто стоитъ рядомъ и тѣснить — и они начинаютъ плакать: Увы намъ, бѣднымъ, ибо насталъ послѣднѣй день по пршествіи Христа, истиннаго Бога нашего!—Это грѣшники-христіане.—Было тамъ неизчислимое множество другого народа: слыша другихъ плачущихся и сѣтующихъ, они смущены; это язычники, не слышавшіе ни о Моисеевомъ законѣ, ни объ Евангеліи. Кто это Христось, котораго онѣ называютъ Богомъ, ожидая отъ него суда и кары? спрашиваютъ они. Мы никогда о немъ не слышали, служили вѣрно и преданно своимъ богамъ. Если они воззвали насъ къ жизни — намъ бояться нечего; если Христось воскресилъ насъ, горе намъ грѣшнымъ и несчастнымъ!

Такъ утѣшаютъ себя и евреи: если Господь отцевъ нашихъ, Авраама, Исаака, Іакова и Моисея воскресилъ насъ, великое намъ будетъ благо; если судьей явился сынъ Маріи—увы намъ! Они поминуютъ все злое, что они сдѣлали ему, но утверждаютъ свое невѣріе въ него: онъ такой-же человекъ, какъ и мы, и пршелъ не судить, а быть судимымъ наравнѣ со всѣми; если мы узримъ его здѣсь, мы обличимъ его, какъ лжеца и обманщика.

Видѣніе еще разъ возвращается къ язычникамъ, вѣровавшимъ «[В]аалу и Астартѣ и Ас[т]арту и двема златима телцемъ» (Шаф.). Въ Севастьяновскомъ текстѣ здѣсь чтеніе испорчено; надписаніе этого отдѣла въ ркп. Шафарика («Іудѣи иже идоломъ послужилше ѡ сихъ чати») объясняетъ, что дѣло идетъ не о язычникахъ вообще, а о іудеяхъ, совратившихся къ идолослуженію.

На челѣ всѣхъ грѣшниковъ начертано ихъ прегрѣшеніе: (28 об. ст. 2) «на нѣкы̄ оубо̄ гл҃вѣхѣ оубе̄нне, аще моуже оубӣнне, ащеӣ же̄но оубӣнне, на (29 л. ст. 1) друугы̄ же̄ крѣвомесци и крѣвомесцице, на друугы̄ прѣлюбодѣи и прѣлюбодѣица и блоӯникъ [и блоудница], на швѣ̄ татѣ и татица, и абык лѣжѣ (Шаф. лажачь) и лѣживица, на друугы̄ идо̀лослоужитель и идо̀лослоужительница, на ны̄и влѣхѣ и влѣхва, на ны̄ӣ пѣннӣца (Шаф. пѣнаць) и пѣннӣца, и мѣарь (Шаф. митарь) и хищникъ, на друугы̄ мужеложникъ (Шаф. мужеложникъ и детогубаць и детогубица, на вѣх скотоложникъ, на других помазательнъ злу), на ны̄ӣ злоӯ поим̄итель и завистникъ и гнѣвъ имоущы̄ (Шаф. гневльивъ) на ны̄ӣ гоуды̄ и смѣчникъ (Шаф. измыслиникъ и свирачь) и клеветникъ, на друугы̄ мрътвны̄и влѣхѣоӯк, на ны̄ӣ соуровъ и гарь, злѣсрѣдъ, немѣтивъ, на друугы̄ сребролюбъ и златлюбъ, на ны̄ӣ кретигъ и арианъ, дѣборѣцъ, манихей, савеліанъ, павликѣянъ, маквитинъ, ѡргенитъ (Шаф. ѡргень), марѡсайнитъ (Шаф. Маркианъ), *биѡмлинъ*. Переводъ опустилъ здѣсь иконоборцевъ греческаго текста (появляющихся впрочемъ далѣе), но приставилъ богомиловъ. Всѣ они предавались нескончаемому плачу и били себя по челу, ибо знали святое писаніе и то, что на зрѣли плоды ихъ прегрѣшеній.

Новые сонмы спускаются съ высоты, воспѣвая небесную пѣснь; среди нихъ видѣнъ крестъ, деревянный по существу, но искрившійся и испускавшій божественный свѣтъ, точно солнце днемъ. Дойдя вмѣстѣ съ тѣми сонмами до мѣста, гдѣ уготовленъ былъ Господень престолъ, онъ сталъ въ высотѣ, видимый всѣмъ воскресшимъ изъ мертвыхъ. Узрѣвъ его въ такой славѣ, евреи исполнились страха, трепета и стыда, плачутъ и сѣтуютъ. Видишь-ли, что съ ними случилось при видѣ креста! говоритъ Григорію ангель; что-же будетъ, когда они узрятъ самаго Распятаго?— Тѣ евреи, чѣмъ родились до пришествія Христова и не знали крестнаго знаменія, недоумѣваютъ, откуда это смущеніе, спрашиваютъ другихъ и, не получая отвѣта, сами заражаются ихъ горемъ и также издаютъ вопли.

Страшный гласъ раздался съ высоты небесъ: то двинулись небесныя силы, предшествуя явленію Судін; «чинове чиновъ и воинства вѣнствъ» (29 об. ст. 2). Сначала сошелъ одинъ сонмъ, потомъ другой и третій; сошли и стали на лицѣ земли вокругъ мѣста суднаго. Не бойся, говоритъ Григорію ангелъ: Это мои сослужащіе, мои братья («дроўзы мой ѿ кѣкврѣти соуть», 1. с.)—и онъ велитъ ему быть внимательнымъ, на пользу свою и другихъ, ко всему, имѣющему совершиться. Всѣхъ предстоящихъ людей обуялъ трепеть; настала глубокая тишина,—за нею такой громъ и молнія и крики и вопли, что земля содрогнулась и люди умерли-бы, еслибъ не обладали безсмертіемъ; лишь тѣ, что были съ свѣтлыми лицами, были веселы и радостны. Новые полки, высокіе и славные, многоочиты, сходять, испуская пламя отъ лица своего; отъ ихъ ненаглядной красы горитъ воздухъ, всѣ дивятся ей. Сойдя въ тишинѣ и молчаніи они стали на мѣстѣ судномъ, окруживъ предшествовавшіе имъ полки. Страшятся идолослужители и евреи, родившіеся по явленіи Христа и съ трепетомъ взирающіе на снесенное съ небесъ знаменіе креста; тѣ-же изъ евреевъ, которые родились до пришествія Христова и не поклонялись идоламъ и Ваалу, радовались. Измальтяне и агаряне (Срацини Измальтяны 30 л. ст. 1) обнаруживали, до снесенія креста, жестокодущіе и гордыню, называя Авраама отцемъ своимъ, величая бога-творца земли и неба и великаго его пророка Магомета (1. с. великаго нѣкогда бѣга шетающесе именованоу), на котораго возлагали надежды спасенія. Узрѣвъ крестъ, они «горко рѣдающе стоѣхоу и въ оужасѣ оумъ погоубыѣше» (1. с.), ибо познали свою гибель и что они напрасно презрѣли проповѣдь христіанства; и были лица ихъ (30 лиц. ст. 2) «скръьна и банны смрадь» (Шаф. банные смради) испоущахоу (*ἀπὸ προσώπου αὐτῶν ἐν τῷ ἀγωνίᾳ αὐτοῦς ἀντὶ ἰδρώτων ὡς ἀπὸ χαλάμου δυσώδης δυσωδία ἐξέπεμπτο*). Вѣрные христіане ликують при лицезрѣніи креста, на которомъ Господь пожелалъ быть распятымъ, низринувъ имъ князя Смерти. Они стыдять и уличають іудеевъ и агарянь.

И вотъ свѣтлое облако, среди котораго многообразно сверкала молнія, спустилось на крестъ, скрывъ на нѣкоторое время его вершину; когда оно снова воспарило, надъ крестомъ объявился въ воздухѣ вѣнецъ драгоцѣнный, страшный, многоцвѣтный, непостижимо для человѣческаго разумѣнія сотворенный господней рукою отъ духовной любви и мысленныхъ камней (30 об. ст. 1 тѣсоушамы оупщрѣнь мьчтѣннкмь). Его видъ приводитъ въ трепеть юдеевъ и идолопоклонниковъ, гонителей христіанъ и агарянъ и измалытѣнъ; христіане же исполнены неизреченной радости.

Громъ и молнія пуше прежнихъ, явленіе ангеловъ и архангеловъ еще болѣе славныхъ и страшныхъ, наполняютъ страхомъ не только грѣшниковъ, чающихъ пришествія праведнаго суди, но и самихъ ангеловъ: имъ-бы радоваться и ликовать, но они соболѣзнуютъ о насъ. Прибывъ на мѣсто судное, они обступили, вмѣстѣ съ другими, ранѣ ихъ явившимися, престолъ Господень, стоявшій въ воздухѣ, на высотѣ какъ-бы сорока локтей; и сами они стоятъ на воздухѣ, ожидая явленія праведнаго суди. — Четыре ангельскихъ сонма сходятъ съ высоты, распредѣляясь по частямъ свѣта; тотъ, что сталъ на западѣ, обращенъ лицомъ на востокъ. Еще четыре сонма: одинъ бѣлый, какъ свѣтъ, другой алый, какъ роза (чрълень цвѣтъ 31 лиц. ст. 1), третій блестящій, какъ золото, четвертый снѣжнаго блеска упещрѣнь всякими цвѣтами. Сойдя въ средину поднебесной, они расходятся по четыремъ краямъ земли. И была земля полна людей, воздухъ небесныхъ силъ.

Внезапно онъ наполнился въ высотѣ различныхъ цвѣтовъ, пахучихъ розъ и духовныхъ лилій, по истинѣ мысленныхъ и небесныхъ: пошли огненные полки, шестокрылатые Херувимы и многоочитые Серафимы, и было среди нихъ Слово Божіе, и были фіалы, наполненные неизреченныхъ ароматовъ и божественнаго мвра; отъ славословія нисходящихъ ангеловъ, которому отвѣчали стоявшіе на землѣ, потряслись небо и земля; также спустившись на чело земли, огненные колесницы, шестокрылатые Херувимы и

многоочитые Серафимы обступили божій престолъ; возрыдали; услышавъ ангельскую хвалу, іудеи, измаильтjане, агаряне и другіе невѣрныя; ужаснулись всѣ, и ангелы и земнородные при трубномъ гласѣ, громкомъ и сладостномъ, раздавшемся съ высоты: на свѣтломъ облакѣ, испускавшемъ неизреченное благово- ніе, явился Господь нашъ Иисусъ Христосъ. Облако вознеслось на востокъ тверди, врата котораго отверзлись предъ нимъ, и Господь возсіялъ съ востока (31 лиц. ст. 2) «и абынъ възгрьмѣ глѣсомъ (31 об. ст. 1) дѣа боурна». И ангелы и люди видятъ Гос- пода, котораго облако принесло къ престолу его славы; тѣ изъ людей, которые были свѣтообразны, взлетаютъ къ нему на ог- ненныхъ крыльяхъ, встрѣчая его съ радостными лицами; другіе сокрушаются и скрежещутъ зубами въ сознаниі своей грѣховно- сти. Ангелы и люди славословятъ Господа и падаютъ ницъ. Онъ возсѣлъ грозный на престолѣ славы, и всѣ возстали во страхѣ (31 об. ст. 1); «нбо тресѣшесе ꙗко и кожа ѿ члѣвкѣ тръзакма (Шаф. трѣсакма; ὡσπερ δорὰ ὑπὸ βιαίας πνοῆς σπαραττομένη), зѣмля колебаше, ꙗко ѿ дѣтѣи млада на колѣбци (Шаф. ꙗко дѣты на лоньсках; ὡσπερ φύλλον δένδρου ὑπὸ τινος ἀνέμου χειμαζό- μενον καὶ σαλευόμενον ἰσχυρῶς). Ангелы вопіють гласомъ вели- кимъ, обличая іудеевъ, измаильтянъ, агарянъ и всѣхъ невѣр- ныхъ. Анна и Каіафа, Аріи и Мохаммедъ (31 об. ст. 2 без- оумнныи "Аріа и проклети Махметъ; Шаф. Мухмедъ) и другіе еретики въ смущеніи и трепетѣ. (31 об. ст. 2) «Абынъ жѣ въззрѣ ГѢ (32 лиц. ст. 1) на нбо, и тѣ побѣже ѿ страха лица кгдѣ». Мы же остались на башнѣ, на которой стояли, говорятъ Григо- рій (въ мѣстѣ, котораго нѣтъ въ славянскомъ переводѣ), она одна осталась на воздухѣхъ, все-же прочее убѣжало изъ-подъ насъ; остался и градъ, о которомъ упомянуто выше, ибо Духъ Божій почилъ на немъ и сила Вышняго его держала. И потомъ Господь призрѣлъ на землю, оскверненную людскими грѣхами (1. с.) «идолослуженіемъ и вльшьбаміи и чарудеиіемъ и ѡтравл- еннѣмъ и кровомѣшеннѣмъ, оубийствомъ же и кровопролитіемъ ѡжаіиіемъ смѣсивше» — и земля убѣжала отъ лица его, «и не ѡбрѣ-

тесе на нем мѣсто, стоѣхоу же вси на възвоусѣ непоколѣбимѣ. И ещѣ призрѣ ГѢ възисрѣ на висотоу и на глоубиноу бездѣннѣи, и сѣ ново нѣбо и земля нова блѣстающисѣ ѣко и свѣтъ, измѣнибосе Ѡ тѣмъ въ нетланикъ пришѣши, и се тврѣ нѣбнаа (Шаф. слѣше) ѣко слѣпе, (32 лиц. ст. 2) звѣзы бо погыбоше Ѡ нѣмъ, стѣ бо наибѣннѣше мѣсто ихъ. и слѣнда не бѣше на немъ, понеже востокъ всѣмъ всѣмъ, праведнокъ слѣде ГѢ Іс ХѢ. — И посмотрѣлъ Господь на море, и въ немъ явилась вмѣсто воды огненная рѣка, пламя которой восходило до неба, (1. с.) «попалѣющи и потаилѣющи и покривающи все концы Ѡлоученнѣи» (Шаф. ѡтлучение еи; *ἐκάλυψε πάντα τὰ πληρώματα τὰ ἀφορισθέντα αὐτῷ*). — И возрѣлъ Господь на грѣшниковъ, 1. с. «и сѣ чинѣ страшнѣ ѡгннѣихъ аггѣлѣ Ѡ запада прѣиде и възложише роуки свои на грѣшникыи и нечествивныи» и бросили ихъ въ то огненное море. Остались лишь христіане изъ евреевъ и отъ языкъ и тѣ люди всякого рода, отъ Адама до воплощенія Господа нашего Иисуса Христа, (32 об. ст. 1) «ниже въ вишнѣхъ промислѣхъ вѣровавшѣ» не поклонялись идоламъ. Они стояли передъ лицемъ праведнаго судиѣ, одни радостныи, другіи трепетныи; а отъ плача и рыданія вверженныхъ въ огонь опечалилось даже небо и ангелы.

Когда такимъ образомъ остались, въ ожиданіи суда, лишь пріѣвшіи законъ, (32 об. ст. 1) «призрѣ ГѢ на востокѣ и помѣноу воинствомъ своимъ», и тѣ полки, что на востокѣ, разсѣялись съ трубнымъ звукомъ, съ быстротою молніи, во все четыре конца земли, и кого обрѣтали съ свѣтлыми лицами, отдѣливъ ихъ отъ грѣшниковъ, лобызая и обнимая, съ радостью привели одесную судиѣ. Тогда возрѣлъ Господь на сѣверъ и на югъ, и другіи ангелы привели и поставили опшую грѣшныхъ людей; и было ихъ, что песку морскаго, ибо изъ христіанъ одна лишь часть спаслась на три или четыре, отъ вѣтхаго завѣта одинъ на тысячу или десять тысячъ, а изъ жившихъ отъ Адама до Авраама — едва одинъ изъ двадцати или сорока. — Когда оба сонма стали, свѣтлый и мрачный, Господь обратился къ нимъ, призывая однихъ (33 лиц. ст. 1: «възвѣлька² бо се и дасте ми гастѣи» и т. д.), дру-

гихъ отвергая; и рѣчи Господа и отвѣты праведниковъ и грѣшниковъ сильно сокращены въ славянскомъ переводѣ, какъ и слѣдующее за тѣмъ картинное описаніе новой земли, изъ котораго удержалась одна лишь черта 33 об. ст. 1: «ѿ ещё призрѣ ГѢ на все коньце землк, ѿ гвише на ней садо(л. 33 об. ст. 2)ве ѿко свѣгѣ различны» (γλόη λευκή ὡςτι χιών).—Григорій спрашиваетъ ангела: не это-ли царствіе небесное? Оно на небесахъ, отвѣчаетъ ангель, а это земля «крѣткы» (л. с.). И далѣе въ описаніи новой земли въ славянскомъ переводѣ кое-что опущено, иное сокращено (рѣки и птицы).—(34 лиц. ст. 1): «Потомъ призрѣ ГѢ на нбса, и ѿврзесе новок нбсо», ангелы сносятъ среди славословіи страшный и дивный Божій градъ и ставятъ его на челѣ земли, на востокѣ; (л. 34 лиц. ст. 1) «и рай идемъ посрѣ нгд. бѣ же град (л. 34 лиц. ст. 2) бѣжи великъ вишны Іерлмъ, нгоже хитрьцѣ и зидитель Бгѣ. окрѣтѣ нго всѣ силѣи нбныи и ГѢ окрѣтѣ бо тоу хотещы жѣ люи. врѣ бѣ блистахоусе ѿко слнще»: до этой одной подробности сокращено описаніе Едема. По знаку Господа ангелы трубятъ; отъ ихъ славословія Григорій содрогнулся, волосы стали на немъ дыбомъ. Обратившись къ тѣмъ, что ошую, Господь говоритъ имъ: Видите, проклятые, какихъ благъ вы лишались! а славословіе и пѣсни были таковы, въ своей неизреченной сладости, что разсѣлись бы жилы и кости слушающихъ, еслибы они были тѣбны, и мон, прибавляетъ Григорій, еслибы молитвами св. Василія не охраняла меня рука Всевышняго.

Возставъ съ престола Господь на крыльяхъ вѣтреныхъ принесся къ тому чудесному и страшному граду, за нимъ послѣдовали всѣ, что были одесную. Онъ сталъ у западныхъ воротъ, отворившихся передъ нимъ; кругомъ него тѣ, что одесную, и небесныя силы; грѣшники стали поодаль. Тогда Господь обратился къ праведникамъ, приглашая ихъ вступить въ царство небесное, которое онъ обѣщалъ имъ (въ переводѣ это обращеніе сокращено въ нѣсколько строкъ). (л. 34 об. ст. 1) «Се жена ѿд деснагд стоишии приде и вѣнегаже идше, огнѣ ѿ ногу кк нсождаше и слѣ несчетаннаа (Шаф. нвзрѣченнаа) ѿ ней (πάρουρα

δοξῆς ἀσύγκριτος). Господь радостно прѣвѣтствуетъ *Богоматерь*, «поклонивше малѣ прѣвѣты врѣ свои съ чьстїю» (Шаф. поклонивше ей мало прѣвѣсты свои врѣхъ съ нею; καθυποκλίνας τὴν ἀυραντον αὐτοῦ κεφαλὴν βραχύ τι). Она вступаетъ въ градъ при славословіи ангеловъ.—Затѣмъ поочередно выдѣляются изъ того же сонма: *Иоаннъ Предтеча* (опущенъ въ переводѣ), *дѣцнадцать апостоловъ*, *семьдесятъ учениковъ*, безчисленный сонмъ *мучениковъ*, въ одеждахъ «Ѡ чрѣвена багра» (35 лпц. ст. 1); за ними сонмъ меньшій числомъ, ихъ лица «яко свѣтъ» 1. с. (ὡς ὁ Ἑωσφόρος; Шаф. яко огань): это *испоовѣдники*, отвѣчаетъ ангелъ на вопросъ Григорія. Слѣдуютъ: *проповѣдники* (1. с.; Шаф. благовѣстники), *святители* (35 лпц. ст. 2: носеще Ѡмофоръ на своихъ рамихъ; греч. οἱ χιτῶνες αὐτῶν χιόνοφεγγεῖς λίαν κεκαθαρμένοι, καὶ ἐν τοῖς ὤμοις αὐτῶν φλόγα πύρινον περιέφερον), *воздержники*, *черноризцы* (Шаф. приб.: и калокры); отдѣлъ о нихъ особенно развитъ въ греческомъ текстѣ, въ переводѣ сокращенъ; видя ихъ славу, грѣшники «распихаху се рѣдающе себе» (35 об. ст. 1), тогда какъ въ подлинникѣ (стр. 67) здѣсь цѣлый подборъ глаголовъ. Затѣмъ выступаютъ *праведники новаго закона* (τῆς νέας διαθήκης), *патриархи* и сонмъ, превышавшій числомъ всѣ другіе, οἱ ἀρτιφώτιστοι ἄσπιλοι χριστιανοί, *сохранившіе чистоту отъ чрева матери*; рубрика соотвѣтствующаго отдѣла въ переводѣ гласитъ: *поустинники* (Сев.), блажены Ѡ островъ чисты Ѡ всаконъ скверны (Шаф.); то-же и въ концѣ отдѣла: Сѣ же бѣхоу блженыхъ островъ блженны жителей» (л. 35 об. ст. 2). Воспоминаніе о блаженныхъ макарійскихъ островахъ и рахманахъ подсказалось здѣсь переводчику. — Далѣе являются: *пророки израильскіе* (за исключеніемъ Моисея и Аарона); *христиане, сохранившіе, но очистившіеся покаяніемъ*; въ одной группѣ: *Моисей, Ааронъ и Оръ, Исусъ Навинъ и Елеазаръ, съ ними семьдесятъ пророковъ, судьи Израиля, царь Давидъ и всѣ цари іудейскіе, чѣмъ не послужили идоломъ, и всѣ сыны Израиля, жившіе до пришествія Христова и нескверно сохранившіе законъ*; въ другомъ сонмѣ: *Адамъ, Авель, Синоъ, Энохъ, Ной* и всѣ до потопа и послѣ него

угодивше Богу. Переводъ представляетъ здѣсь своеобразныя черты, не находящіяся въ нашемъ подлинникѣ (сл. стр. 73): (36 лиц. ст. 2) «и се Адаамъ и Авель и Снобъ и Пенось и Пенохъ и Нюк, кѣликоже мужеска пола и женска въ родѣ ихъ добрѣ оугодивше Гви, ѿ послѣдныи вышешныхъ (36 об. ст. 1) въ виноградѣ повелѣ дѣмоу вѣка приставникоу своему, да дѣ ко-моужо равно по днароу. выидѣше оубѣ и ты съ радостию».

Въ особомъ убранствѣ, возбуждающемъ удивленіе всѣхъ святыхъ, являются *милостивые язычники*: (л. 36 об. ст. 1): «тыи же бѣхоу иже прѣже прѣштивши Хвѣ ѿ кзикѣ закона не имоуще кѣствомъ же закона творещѣ, идоломъ не поклонишесе, цѣло-моудрѣи бивше и мѣтвы Бга чтоуще»¹⁾.

Слѣдуютъ *юридичные Христа ради* «прѣмоудраго въ злобѣ побѣдивше» (36 об. ст. 2; τὸν σοφιστὴν τῆς κακίας κατασφισάμενοι); *милице духомъ* (ихъ лица «бѣла ꙗко гѣрина» 36 об. ст. 2: ὡσεὶ ἔριον), «*макашишесе*», *кроткіе сердцемъ, суды праведные* (л. 37 лиц. ст. 1: бѣхоу же лица ихъ медь каплюще сладѣ радваніа: οἰονεὶ μέλι σταζόντα), которыхъ Господь отличаетъ особо (стр. 77: μετ' εὐμενείας καὶ διαρότητας προσεδέξατο αὐτοὺς ὑποδεινὺς αὐτοὺς τῇ δεξιᾷ αὐτοῦ χειρὶ εἰσιέναι εἰς τὴν ὠραίαν πύλην, ἣν οὐδεὶς τῶν προλαβόντων ἁγίων εἰσήει. Въ слав. текстѣ этого нѣтъ); *милостивые* (л. 37 лиц. ст. 2: исхожаше ѿ лица ꙗко рѣса масла мѣтра блговонна: ἐξήρχετο δίχης ἰδρώτος ἔλαιον μύρον πνέον ὀσμὴν ἀσύγκριτον καὶ ἀνεκδιήγητον ἀθανασίας καὶ ζωῆς αἰωνίου стр. 78)²⁾, *соблюдашіе чистоту души и тѣла* (греч. т. стр. 79—80: въ переводѣ опущено), *миротворцы, изгнанные правды ради, двественники и тѣ, что не осквернили супружескаго ложа*. Они вызываютъ вопросъ Григорія ангелу: «Рци ми, мѣю ти се, аще и в сев вѣчнѣи жизный жена мужа своего и мужѣ женоу свою имѣти хочеть...? Унѣ же рѣ къ мѣ: Нѣ здѣ похоти соуктвагѣ

¹⁾ Сл. Разысканія, вып. V, стр. 142.

²⁾ Вступивъ въ градъ, они «ὡσαν... δεξιᾷ ἀνεκδιήγητον» (стр. 79). Въ переводѣ это перенесено на Григорія, л. 37 лиц. ст. 2: «По смѣ же видѣховѣ».

мира на нетлѣнныя пришъши твары, нѣ (л. 38 лиц. ст. 1) что же тлѣннаго житенскаго члѣви не творетѣ, въ соуть ѣко агглы бжи».

Когда всѣ вступили въ святой градъ, при славословіи ангеловъ, честный крестъ Господень воздвигся отъ мѣста уготовленія, и несомый облакомъ, испуская молніи и лучи свѣта, сталъ надъ вратами града, въ которыхъ стоялъ Господь, призывая святыхъ вступить въ обитель вѣчной жизни, какъ пастыръ призываетъ овецъ своихъ.

Остался передъ лицемъ Господа безчисленный сонмъ стоявшихъ ошуюю: были тутъ отъ всякаго времени и народа, всякой вѣры и ереси, отъ тѣхъ, что полагали свое спасеніе въ нечистыхъ пресмыкающихся, звѣряхъ и камняхъ, кто поклонялся идоламъ и демонамъ; тѣ, что распяли Христа; христіане, грѣшившіе и не покаившіеся. Всѣ они стояли въ ожиданіи суда, пристыженные, безобразные, темные, жалостные. Взвирая на ихъ грѣховность, начертанную на челѣ каждого изъ нихъ, Св. Духъ Господень исполнился праведнаго гнѣва; внезапно объявился въ десницѣ Господа огненный жезлъ, который онъ бросилъ въ сыновъ беззаконія, отдѣливъ родъ отъ рода, языкъ отъ языка, народъ отъ народа: отдѣльно стали грѣшники отъ Адама до потопа, отъ Ноя до Моисея, отъ Моисея до воплощенія Господа нашего Иисуса Христа, и отъ воплощенія до втораго пришествія.

И воззрѣлъ Господь въ гнѣвѣ своемъ, и огненные ангелы явились въ облакѣ, быстрые какъ молнія, и схвативъ *оспхъ грѣшниковъ отъ Адама до Моисея*, ввергли ихъ въ огненное море. Та-же участь постигаетъ и слѣдующихъ, которыхъ Господь поочередно выдѣляетъ жезломъ изъ общаго сонма: *христіанъ, отвергнувшихъ Христа во время ювенія; разбойниковъ и убійцъ*, лица которыхъ обагрены кровью; *прелюбодѣтъ и прелюбодѣтицъ*, которыхъ ангелы бьютъ огненными палицами. (39 лиц. ст. 1) «И еще къ снмъ Ѡлоучи Гбѣ Ѡ шоуѣ, в стаъ съборь лоукавъ зѣло, их же лица ѣ бѣхоу ѣко самогò Сотонѣ, Ѡ ных же исхожаше смрадъ гнога нечистоты ихъ, ѣко Ѡ гнога баѣннаго,

иже дроуѣ дроуѣгоу мръзѣхоу. Бѣхоу же тыи ѿже паче ѿстоа (исправлено: чрезъ ѿство; Шаф. безъ поправки) *блѡудъ сѣтворилѣ*, моужие съ женами скаредне сѣдѣлавшѣ. Ангелы возлагаютъ на ихъ выи вериги желѣзныя и бросають въ огненное море, «иде же чрвь не оусипактъ, нѣ паче мѣры врить» (I. с.; сл. греч. текстъ, стр. 89—90).

У слѣдующихъ грѣшниковъ лица ѿко зеленѣ димъ (греч. τὰ πρόσωπα ὑπῆρχον ὡς ἡ δόξα τῆς καλουμένης σαύρας ἢ ὄφραως κεράστου), ѡколо же тѣлесѣ ѿ стрѣшнѣи множество (Шаф. сръшены) и моужѣ (σφηκῶν καὶ μυῶν), показаник нечистѣи помышленѣи и ѿ сластен ихъ бесѣдѣ (39 лиц. ст. 2; Шаф. нечистыхъ помышленѣихъ и ластьвѣихъ бесѣдѣ и слоужениы. Греч. т.: σαφῆς διάγνωσις τῆς ἐνδεδεχούσης αὐτῶν αἰσχροουργίας ἐνθρόνου καὶ συνομιλίας καὶ συγκαταθέσεως αὐτοῖς). Это «*мѣсоу*», «*оба́вничи*» и *роучни блѡу тѣворещѣ* и *чарѡдѣице*» (сл. греч. т. стр. 91).

Еще группа (39 лиц. ст. 2) «ѿ же ѿ лица ѿко кожа скоти» (39 об. ст. 1) и притраны (Шаф. пристраны) и скареды зѣло (ѿ δόξα τοῦ προσώπου αὐτῶν κτηνώδης καὶ πτύελοι κτηνῶν αἱματώδεις καὶ ἀφρώδεις). Это *κτηνοβάται*.

У *самоубѣицѣ* «лукавое одѣяние» (ἐνδυμα πονηρὸν), «гвозыи трѣновны въ телесѣ ихъ, ѿ лица же ихъ гноби течаше, и прѣкривленѣ ногы ѿ» (39 об. ст. 1).

Слѣдующий сонмъ «всѣ тьмѣи ѿ смрадѣи и растрзаныи ризы ѿ и ногы ѿ ѡблѣченѣи въ козинѣ кожи (39 об. ст. 2; гр. т. ἐρίφων). Это *тати* и *мѣдомцы* (послѣднихъ въ греч. т. нѣтъ).

У *лжесвидѣтелей*, *клятвопреступниковъ* и *клеветниковъ* (Шаф. ротнищи), л. 39 об. ст. 2, «ѿ оустѣ чрвьѣи и смрадѣи ѿсхожа (л. 40 лиц. ст. 1) аше, змиѣ же ѡколо главъ ихъ ѡбвѣвшѣ, ризы же ихъ димомъ ѡчрѣнены, лица же ихъ мѣглоу повѣта». Въ греческомъ текстѣ они держатъ въ рукахъ φερβιάς ἧτοι κεράχους (стр. 93). За описаниемъ ихъ мученѣи слѣдуетъ въ томъ же текстѣ общее мѣсто, недостающее въ переводѣ и прерывающее рассказъ о судѣ; стоны грѣшниковъ вызвали противоположный образъ блаженства: не было въ томъ мирѣ ночи, и бысть вечерь,

и не было утра, но всюду неизреченный свѣтъ; не было тамъ ни сна, ни усталости, ни голода, ни жажды, ни болѣзни, но повсюду безконечное веселіе, вкушеніе вѣчныхъ благъ и славословіе Богу.

Затѣмъ выдѣленъ былъ еще сонмъ грѣшниковъ (л. 40 лиц. ст. 1), «сѣже бѣхоу тмѡю повити, димнѡ лица имоуще, зюубѣ скрѣщоуще, дроугѣ дроугѣ коусающе, ѣзныкѣ ꙗко псиѣ ѿ оустѣ шѣвѣщающе. Бѣхоу же тыѣ *имѡ'миси, гурѣи* (л. с. ст. 2), *злогѡ памет'ници, заиѡстѣници* (Шаф. прибавляетъ: *клеветѣнщици, пороупатѣлик, моужишелик*».

Въ слѣдующемъ сонмѣ грѣшниковъ греческій текстъ помѣщаетъ (стр. 96) тѣхъ, *οἱ ἐν κωνηγεσίαις καὶ τζουχανιστηρίαις ¹⁾ καὶ ἱπποδρομίαις καὶ κόμμας καὶ μέδαις καὶ θεάτροις σαταναιαῖς . . . τὸν ἑαυτῶν βίον ἐκδαπανήσαντες*. Переводъ представляетъ здѣсь значительныя отличія: описаніе виѣшняго вида грѣшниковъ приблизительно тоже (40 лиц. ст. 1: бѣхоу сажѡми почрѣнены), но далѣе идетъ общее разсужденіе о милосердіи и оставленіи долговъ должникомъ нашимъ; въ Севастіановскомъ текстѣ, вѣроятно, вслѣдствіе пропуска въ его оригиналѣ, грѣшниками являются черворизцы, которые должны были явиться далѣе; въ Шаф. тѣ, *«иже въ обыгаднѣи и шпанствѣе и въ позорищицихъ бесовскихъ и въ грьдости и въ бумствѣе величаниа сатанина житица прѣшадѣше*».

Въ Сев. опущенъ слѣдующій отдѣлъ: «бѣху же въ нихъ *спѣскути и поповы и дѣтѣи* еже и чатѣи и нѣвѣи, каждо чинъ ихъ видѣше се въ своемъ образѣ; ихъ ризы «укалати гноемъ земльнимъ иже течашесь врху глави ихъ на ризѣ ихъ; отъ руки же ихъ исхождаше вона злосмрадьнаа юже инеху се штрести, и штпадаше, шчи же ихъ пенеще се и крѣаве, лукава же лица ихъ и гноина, шт срца же ихъ чрвыкъ мнозиѣ исхождаху въ уста ихъ, при ногахъ же ихъ висеху пѣгавице и пѣгѡху кровь ихъ и шт ноздрѣхъ же ихъ смрадь исхождаше ꙗко шт гноа смрадьнаа» (Шаф.).

1) Τζουχανιστήριον, τζουχανιστήριον: мѣсто, гдѣ играли въ мячъ.

У *черноризцевъ* (здѣсь Сев. снова попадаетъ въ контекстъ, сл. 40 об. ст. 2) «лица ѡчръвѣна свѣтлѣнникѣ оубо дръжеще ѡмраченны, безъ мѣсла, на выгѣ ихъ гѣнность и небрѣженіе, ꙗко птице нарицаемнѣ гѣпѣи сѣдѣхоу, оуниннѣ же ꙗ не радѣ (41 лиц. ст. 1) ство ꙗко змѣи видѣхоу се висѣще, непокореникѣ же ꙗко жегѣза тежка ѡдръжаше хрьбтъ и^г». — Ангелы ввергають ихъ въ огненное море; ихъ такъ много, что море, казалось, наполнилось, прибавляетъ греческій текстъ. Отвѣчая на вопросъ Григорія, ангелъ говоритъ ему (41 лиц. ст. 2): «ꙗко на скончачанѣи вѣкомѣ родѣ чрънѣскѣи всѣ ѡноудѣ въ погѣбѣль ѡлоуѣтсе, свѣнь малыѣ нѣколикѣихъ, възлюбившыхъ трюдѣ и болѣзнь и смѣреннѣи».

Слѣдуютъ особые отдѣлы осужденныхъ: *полуртмыныхъ* и *полуправедныхъ*¹⁾, и «без'оруженныѣ мѣтнѣ крѣтѣанскыѣ, не прикмѣшихъ стѣо крѣценіа²⁾».

Затѣмъ выступаютъ другъ за другомъ «сборы» *Арїа, Македонїа, Несторїа* (въ греческомъ текстѣ слѣдуетъ завѣреніе Григорія въ истинѣ бывшаго ему видѣнїа; въ переводѣ соответствующій эпизодъ помѣщенъ за появленіемъ двухъ слѣдующихъ ересїарховъ); *Диоскора и Эutihїа; Оршена, Евварїа и Дидима; Кира, Пирра и Макаріа* (въ переводѣ: Сев. Дїдоумъ, Шаф. Дїдим); *иконоборцы*, глаголемые *Яковиты и Северїане* (Сев. 45 лиц. ст. 1 вставляетъ здѣсь названіе богомиловъ: греч. текстъ стр. 121: οὕτως ἐματαῶδημεν = Бѣгомїи... глѣюще дроугѣ къ дроугоу: по истинѣ ѡсоуктѣхомсѣ), *еврем.* (л. 45 лиц. ст. 2): «лица же ихъ бѣхоу помазанна крѣвнѣю гноиноу, ꙗ плѣви (об. ст. 1) дебели на ѡчию ѡмоуще, по оушма ꙗко смолоу помазаннѣ, въ роукѣ ѡпаши конскѣе (греч. текстъ стр. 127: χερσος ἀλόγων) дръжеще, ꙗзѣци и^г висѣхоу ꙗко неистовимѣ псѣомѣ, ноги искривленнѣи ѡмоуще въ ѡслѣк кожѣ ѡблѣчени). Ихъ обли-

¹⁾ Соответствующій эпизодъ греческаго текста уже напечатанъ былъ мною отдѣльно въ приложенїи къ V-му выпуску *Разысканїи*, стр. 77—80; сл. I. с., стр. 144 слѣд. изслѣдованїа.

²⁾ Сл. I. с., стр. 137.

часть Моисей (л. 46 об. ст. 1: сѣ и Моўсѣи кгоже *има стюднѣи* ѿвѣтъ прѣлагайтѣ, Шаф. *настуднѣи*; л. 47 лиц. ст. 1: доньдеже придетѣ кмоуже *щедите*, Шаф. *щедить се*, греч. т. стр. 138: *ἕως ἔλθῃ φ' ἀπόκειται*; рождствѣ ѡгньноѣ: греч. т. стр. 139 *γέννα*)— (л. 47 лиц. ст. 2) «И сѣ вьнезаапоу мльнѣи ѡблѣста и распрѣстрѣсе по всей землѣ, и по сѣкѣи дроўгаа мльнѣи (47 об. ст. 1) іасноўобразна (Шаф. снегообразна: *ὑπερ γιόνα*), и бѣ пришьши и ѡсѣны и стѣ надъ соуднѣю іако же не видѣти ктѣ намъ, и похваляше кго сѣ ѿцемъ и сѣ стѣмъ дѣомъ всеѣ силы вбѣнкъ». — И вотъ разверзлось свѣтлое облако, скрывавшее Господа, и на престолѣ, подобномъ престолу судному, явился почивающимъ Ветхій деньми «сѣ кдѣночедыи си сѣомъ и слоумъ» (47 об. ст. 1). Евреи трепещутъ; голосъ, какъ бы гласъ трубный, обличаетъ ихъ невѣріе: не будетъ имъ части въ царствѣи небесномъ; ангелы, чтѣ надъ муками, нападаютъ на нихъ (какъ орлы, греч. т.) и свергаютъ въ огненное море—а престолъ Бога Отца взялся и опочилъ внутри жертвенника вышняго и страшнаго того града (л. 47 об. ст. 2: по сыхъ бѣи и ѿць вьзетсе).

Послѣднимъ явился (л. 47 об. ст. 2) «ількѣ лоўка (48 лиц. ст. 1) вѣ и сѣ скверннѣ паче нѣѣ, вѣже ѡчи бѣста тьмнѣи и помраченнѣ, и на челѣ ихъ писаникѣ імоуще, кже исказашѣ Сотона, вѣ деснѣи же ихъ роукѣ дьщица, на нѣи же бѣше писаникѣ: ѿвръженникъ» (*ἀρνησις*). Это тѣ, которые *отверлись* Христа; они осуждены на «рождствѣ ѡгньноѣ» (48 лиц. 1 ст.: *γέννα*; сл. 57 лиц. ст. 1); ангелы мукъ напали на нихъ внезапно (какъ быстролетныя ястребы, жаждущіе добычи, говоритъ греч. текстъ) и свергаютъ ихъ (л. 48 лиц. ст. 2) «въ потоіноую беіноу въ тартаръ» (*εἰς τὸν φοβερὸν κρημνὸν ἐκείνου τῆς ἀβύσσου τοῦ πυρός*). — Григорій отличаетъ въ общемъ сонмѣ грѣшниковъ вопли одного: *Диоклѣтіана* ¹⁾; этотъ образъ и объясняетъ надписаніе всего этого отдѣла у Шаф.: Моучители; греч. текстъ говоритъ объ отметникахъ.

¹⁾ Разысканія, вып. V, стр. 134.

Судъ надъ грѣшниками кончился; слышится славословіе ангеловъ, и когда оно престало, поднялось благодарственное пѣніе праведниковъ въ святомъ градѣ. Затворивъ его врата, Господь опочилъ на престолѣ храма, бывшаго въ срединѣ того града, «и повелѣ прѣдъ себѣ принести все разумникъ и бнникъ ѹ дежде, иже и положены быше все прѣдъ нимъ». Всѣ святые являются по его знаку, чтобы получить воздаяніе по дѣламъ своимъ. Первою позвана Богоматерь, которую Господь вѣнчаетъ и чествуетъ паче всѣхъ, «и постави ю гѡпожю и вѣлцоу всѣмъ нбнмъ силамъ» (49 лиц. ст. 2); за тѣмъ Іоаннъ Предтеча (опущенъ въ переводѣ); двѣнадцать апостоловъ: ихъ престолы «каменникъ чѣннимъ и бисрѡмъ оукрашены» (1. р.; греч. т. ἀπό τε γάρ λίθων τοπαζίων, σμαράγδων τε καὶ λυχνίων καὶ μαργάρων), Господь нарекаетъ ихъ судьями надъ двѣнадцатью колѣнами израильскими, «сн рѣ старѣишй прѣ и вѣкы показа всѣмъ спшнмсе» (49 об. ст. 1); семьдесятъ учениковъ; передъ лицемъ всѣхъ святыхъ Господь разверзъ свои духовныя сокровища.

Слѣдующее за тѣмъ видѣніе небеснаго храма сильно сокращено противъ соотвѣтствующаго описанія въ греческомъ текстѣ, не безынтереснаго въ археологическомъ отношеніи (л. 49 об. ст. 1): «По снже пршрѣховѣ и видѣхомъ прѣ нбнѡю и бжтвнѡю црквнѡю прѣславное прѣдвернѡ (προαύλιον), кгѡ же помѡсть (πάτος) златомъ чнстомъ свѣтѣше, по нему же хоѡдахоу юноше красннѡ гѡко двнконойскѡ нмоуще ѡбразѣ и цркѡвѣ оуготовлающе. Толнѡ же мнѣше ми се бѣ шнрѡта кгѡ (εὐρος καὶ μῆκος), гѡко растоаннѡ трн тисѡщѣ (49 об. ст. 2) стадн. Бѣше же и црквнѣ крѡтоѡбразѡ нмоущн заннѡ, прѣвелиѡка зѣло, .д. врѣхы нмоущн (τετράρτουλος) (Шаф. светлешнн съдморнцѡю ѡт прѣждѣ, трн прѣтворн нмоущн светлешнн: τετράρφηξ), внѡутрѣ ѡлтаре .д. ре, по странамъ лнцн (Шаф. .д. улнцѣ по странамъ: ἐμβόλου τέσσαρας ἐν τοῖς πλαγίαις), зданнѡ роуѡкоу бжннѡ зданнѡ, въ азвѣстнѣ же мѣсто (Шаф. вара же мѣсто: ἀντὶ μὲν πηλῶν τιτανιαίου) злато прѣто ѡгнѣмъ нскоушеннѡ (πυρεύριζον), въ каменнѡ же мѣсто тлѣннѡ чѣннѡ каменнѡ оустрѡннѡ блнстающе паче слнцѡ. Таѡва

же бѣ зданія и оукрашенія, ꙗко стокщимъ вѣнъ ꙗко сѣ скрѡзѣ
цѣло дароваше зрѣты и соущнкъ вьноутрѣ прѣве, вьноутрѣнимъ
же соущимѣ такоже вьнѣшнаа видѣтѣ. Помощь (Шаф. помости)
же кк и вьноутрѣнаа соуща ѡлтара, завѣсоу же и трапезѣ и про-
чекъ кы кзккѣ члѣвъ сказати можетѣ? ꙗко дѣа стѡго испльнена
бѣхоу вса, въ (л. 50 лиц. ст.) стлѣпъ бѡ мѣсто мраморныхъ
ѡблаци прѣвъ пѡрѣжахоу».

Когда преджереченные юпоши все уготовили, Господь объ-
явился покоющимся на престолѣ, рядомъ съ нимъ апостолы также
на престолахъ, шесть по правую, шесть по лѣвую руку. По пове-
лѣнію Господню ангелъ трубитъ, призывая избранниковъ, и они
являются, какъ быстрокрылые орлы и свѣтлыя горлицы, гово-
рять греческій текстъ, дающій и ту еще подробность, что по
мановенію Божію закрылось огненное море мученій, дабы вопли
грѣшниковъ не тревожили слуха праведныхъ. Всѣ они собрались,
принся Господу дары; (л. 50 лиц. ст. 2): «ѡ многіе радости не
можѣхоу възрѣжати сѣ, бѣже бѡ тоу радость и веселіе прѣо-
соуцно, и миръ бжѣ слажѣши медѣ и любовь и желаніе несъче-
таиноу бжѣн. Нѣди же ѡ пѣхъ не могоуще оудрѣ (50 об. ст. 1)-
жати сѣ ѡ прѣвеликнѣи радостѣ, играюще (σικρτόντες) вьспѣва-
хоу блгодарьствѣннкъ пѣснѣи».

Самъ Господь совершаетъ «таинную сложбоу» (л. 50 об.
ст. 1), херувимы и серафимы и апостолы сослужать ему; ангелы
и святые славословятъ, «оудивисе оубѡ ѡ сѣмъ нѣо и землѣ» (50
об. ст. 1; εφριξε); Господь причащаетъ всѣхъ отъ духовной манны
божества своего, и «исплньнше всѣ скрѣвенныкъ прѣмоустрѣи
непостижнаго оученія соудѣ кго и ѡбжѣшесе и прославишесе»
(50 об. ст. 1).

По совершеніи жертвы Господь, а за нимъ святые идутъ въ
палаты, что были на востокъ святого града Сіона; (л. 51 лиц.
ст. 1) «бѣше же тоу невѣстникъ (νυμφών) прѣдѣивнѣи и чрьтогъ
несъчетаннѣи (Шаф. невзрѣченнѣи; παστάς ἀσύχρητος), херувимъ-
скѣи крѣльми и аггльскѣи пѣснѣи прославленѣи»; передъ нимъ
трапезы, особо для каждаго сонма святыхъ, «и сѣ Гѣ вьидѣ ѡ

бжтвнѣнъ и невъходимѣи храмовъ (ἀπό τῶν θεῶν ἀδύτων αὐτοῦ) и прїиде възлещи на дховнѣмъ убѣдѣ съ други своиѣи» (51 лиц. ст. 2), гдѣ они ѣдятъ безсмертныя брашна, которыя не убываютъ, упиваются пїянствомъ нѣкимъ божественнымъ и «нзмѣненнїемъ дховннмъ нзмѣнѣхоусе» (51 об. ст. 1, ἀλλοίωσιν πνευματικῆν). Возставъ отъ трапезы, Господь идетъ со святыми и всѣми небесными силами на востокъ отъ града, въ рай, чтѣ насажденъ былъ въ Едемѣ и откуда изгнанъ былъ Адамъ; насладившись его лицезрѣнїемъ, всѣ возвращаются въ градъ, гдѣ святыя обращаются къ Господу съ молитвой: какъ въ суетномъ мїрѣ они воздвигали церкви и въ нихъ собирались величать силу и славу Господню, такъ пусть явятся и здѣсь церкви «и сѣла и покоища» (52 лиц. ст. 1: σκηναὶ καὶ καταπαύσεις). По мановенїю Божию (I. с. τῶν ἑσπερῶν ἅσιν висотѣ стѣлѣи мнхъ: πάντες οἱ μεταωρισμοὶ τῶν ἁγίων) вся земля и весь воздухъ вокругъ нея возгорѣлась отъ конца до конца «горѣннмъ снѣговѣдннмъ» (52 лиц. ст. 2) и взялась на небеса, и на ней объявились «домове, полати, храмѣи и чрътозѣи, црквы и црквїце» (λαστήρια, εὐκτήρια) ѣи странна и дївна и страшна занїгъ прѣгражденнаа же дроугъ ѣи дроуга различно; и се въ нихъ въ вѣчныѣ ѡбїтѣлѣи стѣлѣи постѣлѣи и ѡдрове, ложнїкѣ, кровати (Шаф. ложа, ѡдровѣ, полати), стѣлове, прѣстоли богатнаа и всеѣ страшнаа, и въ всеѣ тѣхъ ѡграды разумннн (κῆπι νοητά) ѣи винограды (ἀμπέλωνες), двѣрци и сѣнѣи и прїтворїи (περίουλοι καὶ στοαὶ ¹⁾ φρικταὶ) и дрѣвеса и садове бесмыртнѣи. Все это Господь роздалъ, «по сану ѣи по дѣтоанию» (52 об. ст. 1) святымъ своимъ, у которыхъ явились какъ бы нѣкїя «сѣла и проходнща» (I. с.; προάστια καὶ μεταβατήρια) передъ градомъ. Здѣсь они веселятся духовно; описанїе небесаго благовременїя (I. с. 52 об. ст. 1—2; греч. текста стр. 161) напоминаетъ сходное, внесенное греческимъ текстомъ (стр. 94—5; сл. выше стр. 202—3) въ описанїе мукъ. Иныя изъ святыхъ выходятъ изъ города къ своимъ «сѣламъ» по воздуху (52 об. ст. 2: на ѣерѣ, Шаф. на воздухе; αἰθέροπορος); другїе пѣше.

¹⁾ Такъ, вѣроятно, слѣдуетъ читать вм. στοαί. См. стр. 160 греч. текста.

Тогда вострубила великая труба едиnorodнаго Сына, отверзлись на востокъ великія врата неба того, стрегомыя Господствами, и Господь вознесся въ царство небесное, съ нимъ Богоматерь и безплотныя силы, и тѣ изъ святыхъ, у которыхъ были мощныя крылья, чтобы взлетать на такую высоту; другіе остались долу, на обновленной землѣ, третьи — въ великомъ градѣ Сіонѣ. Ангелъ объясняетъ Григорію соотвѣтствіе этихъ обитателей заслугамъ каждаго.

Далѣе Григорію представляется, будто Господь снова сошелъ со святыми въ святой градъ и почилъ въ немъ; будто руководитель его поставилъ его передъ страшнымъ престоломъ Господнимъ, а Господь, возрѣвъ на него «кроткимъ и тихымъ ѡкомъ» (53 об. ст. 2), позвалъ его къ себѣ. Какая-то сила схватила его, и онъ увидѣлъ себя лежащимъ у пречистыхъ ногъ Господа, который обращается къ нему (I. c.): «Се, Григоріи, мѣтвѣми и мѣнѣнѣми оугодника моего Василія оумлѣнъ бывъ сѣи вса сказахѣти (Шаф. показях) и многымъ нѣмъ на поѣзу и на спсѣнѣи, изрѣднокѣ тебѣ приѣмшоу извѣщеніи ѡ Іудѣехъ, ꙗко добра твореть Іудей законъ Моисеовъ дръжеще и по томъ живоуще, и ѡ сынѣ оувѣрилъ се кси доволно ꙗже слышалъ кси и видѣлъ и ꙗже къ нимъ Моуси изъ(54 лиц. ст. 1)бранны мой глаше»¹⁾.—Господь велитъ имъ повѣдать видѣнное Его церквамъ и всѣмъ языкомъ на свидѣтельство; блаженны тѣ, кто увѣруютъ; горе лукавствующимъ, тѣмъ, (л. 54 об. ст. 2) «яже соуть оутоуженныи ѡ ложесны жизни своеѣ и заблѣудѣ(55 лиц. ст. 1)вше прѣваго поутѣи ѡ чрѣва мѣре своеѣ» (οἱ δὲ ἀπὸ ἀλλοτριωμένοι τῆς ζωῆς ἀπὸ μήτρας καὶ πεπλανημένοι τῆς εὐθείας τῶν προσταγμάτων τοῦ ὁδοῦ), въ нихъ живеть (I. c.) «сѣме тлѣннокъ» (σπέρμα φθορᾶς) челоуѣкоубійцы Сатаны; объ откровеніяхъ Григорія они скажутъ (I. c.) «ꙗко блѣди соуть (ὡς λήρον ἠγγήσονται), ꙗко тыщѣтна брѣцаниѣ сѣи вымѣнетсе, и посмѣютсе и пороугаютсе и понесоутѣи и ре-

¹⁾ На этомъ конц. Шаф.: «Богу нашему слава въ веки и аминь. До адѣ сему въ изводѣ семь коначѣ обрѣтохъ».

коуть: ктѣ кстѣ соуѣтнѣ баѣнотворѣцъ (εἰκαισμούθης) и слѣбѣателѣ?» (σπερμολόγος)¹⁾. Но пусть Григорій не смущается; возвѣсти все это (л. 55 об. ст. 1) «прѣстателемѣ всѣмъ в' прквахъ моихъ и прѣвагѣ степенѣи и срѣднего и ковѣчнаго» (л. с. пусть тшатся на спасеніе душъ и на возрастаніе церкви, не «на инагѣ лихоимства, срамникъ прибиткѣи и соуѣтникъ вѣщнѣ»: ἀλλ' εἰς ἑτέρας αἰσχροκερδεῖς καὶ ματαίαις ἀσχολήσεως ἑαυτοὺς ἐκδόσετε, πλατύνοντες τὰ φυλακτήρια καὶ μεγαλύνοντες τὰ κράσπεδα); «соуѣщмъ въ мльчаныи и въ всѣхъ манастирехъ игоуменовъ» (55 об. ст. 2), «прѣстателемъ моймъ цркви^и свѣщенничьскаго збѣра и мнишскаго чина» (56 лиц. ст. 2; сл. ib. об. ст. 2: блѣгоуѣтрѣбикъ ѡвръзеѣно и сѣзанію мокмоу: τὰ σπλάγγνα μου ἀνεωγμένα).

Въ греческомъ текстѣ Господь кончаетъ строгимъ обращеніемъ къ злему и блудному человѣческому роду, не соблюдающему воскреснаго дня, въ который онъ попрагъ смерть и адъ и и придетъ на страшный судъ. За этимъ обращеніемъ, котораго нѣтъ въ переводѣ, оба текста сходятся въ заключеніи рѣчи (л. 57 лиц. ст. 1): «сѣ азъ Гѣ въ вѣы живъ, сѣ ѡцемъ моймъ и сѣ стымъ Дѣомъ, и сыи вса рекохъ и сѣтвороу. Нѣѡ и землѣ прѣйдеть, а словесе моѣи (ib. ст. 2) не прѣидоугъ. Амнь, глѣо вамъ».

Когда Господь изрекъ это среди общаго славословія небесныхъ сонмовъ, Григорій поднялся съ мѣста, гдѣ лежалъ, и увидѣлъ Господа, входившаго въ тотъ великій градъ, врата котораго широко раскрылись. Самъ Григорій желаетъ проникнуть туда, но его вождь не дозволилъ того ему, еще отягченному тлѣнною плотью; и онъ принимается размышлять: какимъ церковнымъ представителемъ завѣщалъ ему Господь засвидѣтельствовать видѣнное имъ, когда мѣръ уже «премѣнился», ибо, говоритъ онъ, «ѣко ѡчи вѣстѣ, не ѣко снѣ (ὡς ὕπαρ καὶ οὐκ ὄναρ) и при-

¹⁾ Не понять, кажется, греческій текстъ, въ слѣдующемъ, кромѣ того, испорченномъ мѣстѣ, л. 55 лиц. ст. 2: «тѣмъ же испитоватѣ хотѣ Гѣ и рѣимъ; и поносити ѣко старѣ бговѣмѣнейнѣ: ὅθεν καὶ πολυπραγμονήσουσι τὰ ῥήματα τῶν λέξεων σου καὶ δικαύρουσι καὶ ὡς ὄθλους καὶ μύθους γρῶν ἡγήσονται.

видѣніи мнѣхъ сиѣ видѣти", вѣ по истинѣ чистоую истинуо бы^т помишлѣ^т въ себѣ. (57 об. ст. 2).

Центромъ Григоріева Видѣнія является идея суда, согласно съ сомнѣніями автора о правотѣ іудейской вѣры: евреи осуждены, являются предпоследними въ лѣствицѣ грѣшниковъ. Она и не полна, и неорганична и не приведена въ соотвѣтствіе съ распределеніемъ грѣховъ въ эпизодѣ Василюва житія, отведенномъ Хожденію Θεодоры по мытарствамъ¹⁾. Первыми покараны всѣ грѣшники отъ Адама до Моисеева закона; язычники, жившіе при законѣ и позже, не являются вовсе. Вторыми названы христіане, отвергшіеся Христа подѣ страхомъ гоненія, но и послѣдняя, самая страшная категорія осужденныхъ, представителемъ которой является Діоклетіанъ, также согрѣшила отступничествомъ; славянскій переводъ замѣнилъ здѣсь рубрику: гонители.—Слѣдуютъ безъ всякаго внутренняго, по видимому, порядка категорій общихъ грѣховъ: убійцы, прелюбодѣи, мужеложцы, волхвы, скотоложцы, самоубійцы, тати, лжесвидѣтели и клятвопреступники, гнѣвные и злопамятливые; тѣ, что предавались охотѣ и игрѣ въ мячь, ипподрому и позорищамъ бѣсовскимъ.—За тѣмъ другая группа, вѣтѣ связи съ предыдущей: священнослужители и черноризцы, за которыми тѣмъ менѣе ожидаешь встрѣтить категорію полуправедныхъ и некрещеныхъ дѣтей, что послѣднія ступени лѣстницы заняты еретиками, евреями и богоотметниками съ Діоклетіаномъ.

Наказаніе грѣшникамъ одно: вверженіе въ геенну; къ этому присоединяется иногда біеніе огненными палицами, наложеніе веригъ на выю. Нѣтъ даже того сравнительно-скуднаго разнообразія наказаній, къ которымъ приучили насъ иконографическія изображенія страшнаго суда. На челѣ грѣшниковъ начертаны

¹⁾ Разысканія, вып. V, стр. 125—6. См. такое-же замѣчаніе у проф. Покровскаго, Страшный судъ въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусства (Труды VI археолог. съѣзда въ Одессѣ, т. III), стр. 373.

ихъ прегрѣшенія; они-же выражаются символически (см. греч. т. стр. 90: τύποι) въ нѣкоторыхъ признакахъ, являющихъ качество грѣха: у убійць лицо въ крови, у скотоложцевъ лица звѣрообразныя, обросшія волосами, одежда самоубійць исполнена терній (сл. Dant. Inf. XIII: самоубійцы обращены въ деревья, на нихъ в. 6. stecchi con tosc), жесвидѣтели и клеветники несутъ въ рукахъ узду (намордники? φορβειάς?) либо другое орудіе пытки (χοράχους=χοράχας?); у гнѣвныхъ языки, что острые ножи, глаза горятъ огнемъ, и сами они готовы какъ-бы укусить другъ друга. Особенно описаніе черноризцевъ съ лѣнностью и небреженіемъ, сидящими на пхъ выяхъ, точно «типін», указываетъ на символическій характеръ подобныхъ изображеній ¹⁾, которыя могли дать наивному живописцу поводъ представить ихъ дѣйствительными муками. Эти графическія подробности и должны были по преимуществу поразить фантазію; другія болѣе тонкія, сложные эпитеты, сравненія грубѣли или сглаживались въ передачѣ. Самый сюжетъ видѣнія исключалъ большое развитіе реализма: изъ картины послѣднихъ дней выключены тѣ эпическія черты, которыя, привлекая своимъ созвучіемъ съ темами народной былевой пѣсни, заставили автора Муслилли пѣть о брани Антихриста съ Ильей: въ видѣніи ангелъ спускается съ посланіемъ Господа къ Сатанѣ, царство котораго кончилось, волочить его на край земли; въ концѣ временъ онъ и его воинство будутъ сожжены. Этимъ указаніемъ и ограничивается авторъ; онъ спѣшитъ къ изображенію суда, который описываетъ любовно, съ видимымъ интересомъ слѣдя, какъ спускаются и восходятъ ангелы, какъ сонмъ за сонмомъ выступаетъ на сцену и движутся свѣтлыя толпы отъ великаго града къ Эдему и отъ обновленной земли къ вратамъ неба. Это большой царскій выходъ византійскаго двора со всѣмъ его церемоніаломъ, перенесенный въ церковный обиходъ и оттуда на небо, среди сіянья и славословія и рето-

---

¹⁾ Сл. сходное описаніе въ Слово Кирилла философа Словенскаго, Разысканія, вып. V, стр. 235.

рики. Списатель житія, очевидно, прошелъ ея школу: его ангелы летаютъ, какъ молнія, какъ орлы и быстролетные ястребы, святые, какъ свѣтлыя горлицы. Послѣднія сцены видѣнія расположены какъ-бы сознательно: Господь уже вознесся изъ града Сіона въ царство небесное — и снова спустился въ градъ; безъ этого не было-бы послѣдней картины: Господь и всѣ безплотныя силы почіють въ славѣ, передъ ними лежитъ въ прахѣ грѣшный Григорій. Иные образы не лишены поэзіи: ангелы черпаютъ золотыми сосудами отъ нездѣшняго огня, рослящаго свѣтомъ, и несутъ его ввысь на алтарь Господа. Рядомъ съ эпитетами реального характера, другіе, лишены всякой образности: мысленные камни, разумные вертоградъ. Они назначены выразить невыразимое и не достигаютъ цѣли: недостаетъ той поэтической неизреченности, сотканной изъ свѣта и звуковъ и волнующихся лѣній, которую мы зовемъ дантовскимъ Раемъ.

ДОПОЛНЕНИЯ И ПОПРАВКИ

къ V-му выпуску Разысканий.

Къ стр. 19 слѣд. (сл. стр. 107 слѣд. настоящаго выпуска). Къ *алтайскимъ преданіямъ о мірозданіи* сл. Ивановскаго, Къ вопросу о дуалистическихъ повѣріяхъ о мірозданіи (Этнографическое обозрѣніе кн. VIII стр. 250—2): 1) Человѣкъ и собака; 2) Пестрыя коровы (Господь создалъ животныхъ на пользу человѣка, дьяволъ захотѣлъ подражать ему и сотворилъ овецъ, козъ и рогатый скотъ, но все одноцвѣтныхъ; они обращаются въ пестрыхъ, когда Господь коснулся ихъ свѣжею вербою); 3) Сотвореніе людей (сходно съ сообщеннымъ у насъ выше, стр. 108—111 этого выпуска); 4) Происхожденіе валуновъ (Чертъ, желая помѣшати Богу населить землю людьми и животными, наслалъ каменный дождь, а камнямъ велѣлъ расти. Господь низвергнулъ его съ неба и остановилъ ростъ камней).

Къ стр. 52—3 (*болгарскія преданія о мірозданіи*) сл. Зоря 1889 № 3, 4: Набожны казки болгарски; Сборникъ за народни умотворенія кн. IV, 2 отд., стр. 129, § 2 (пчела въ легендѣ о мірозданіи).

Къ стр. 74—6 (*Algis, Artes, Zeste*). Къ *Zeste-Czešte* г. Veckenstedt вернулся еще разъ въ *Zeitschrift f. Volkskunde* II, стр. 10—11. Г. Карловичъ, подвергшій разрушительной критикѣ литовскія штудіи г. Феккенштедта (*Mélusine* V, № 5: I. a Mytho-

logie lithuanienne et M. Veckenstedt, стр. 121 слѣд.; сл. стр. 125, 129—130, 135) сомнѣвается, чтобы имена Žeste и Artes дѣйствительно принадлежали народному вѣрованію жмудиновъ, а относительно Algis'a замѣчаетъ, что г. Феккенштедтъ, найдя имя этого божества у Ласицкаго, свободно орудовалъ имъ въ своихъ «мнѣяхъ», вставляя его всюду, гдѣ этотъ angelus deorum казался нужнымъ или подходящимъ. Моя оговорка (стр. 74) относительно г. Феккенштедта была, такимъ образомъ, не лишней, какъ не лишнимъ можетъ показаться вопросъ, въ самомъ-ли дѣлѣ литовскія легенды, сообщенныя г. Феккенштедту его учениками, были по большей части плодомъ ихъ измышлений (сл. Karłowicz l. c. стр. 143)? Нѣкоторыя подробности космогоническихъ сказокъ у г. Феккенштедта отвѣчаютъ таковымъ-же, извѣстнымъ намъ по другимъ народнымъ вариантамъ и незаподозрѣннымъ.

Къ стр. 77 прим. 1 Сл. Jarnik, Albanesische Märchen u. Schwänke въ Zs. f. Volkskunde II, стр. 264 слѣд. (Der Gerechte und der Ungerechte).

Къ стр. 78 слѣд. (*Дьяволъ—похититель: творецъ солнца*) Сл. E. S. (Stefanija Ulanowska), Symbolika wiosenna (W Krakowie 1884) стр. 5: Szatan, który zawsze się Panu Bogu sprzeciwiał i przez zazdrość chciał mu podrzeć, wrocił sobie że i on potrawi zrobić taki sam świat pękny. Zakradłszy się więc, porwał Panu Bogu kowalek słońca, ale musiał zaraz wypuścić z ręki, bo mu palce popiekło, i wtedy z kowalka tej jasności skradzionej utworzył się księżyc. — Сл. слѣдующее преданіе тарбагатайскихъ таргоутовъ, сообщенное А. Ивановскимъ: съ самаго начала Бурхун-бакчі, создатель земли, находится въ постоянной враждѣ съ дьяволомъ (шулма). Когда создана была Богомъ земля, но не было еще людей, дьяволъ хотѣлъ уничтожить ее. Для этого онъ сдѣлалъ три солнца и думалъ сжечь ими землю, но Бурхун-бакчі покрылъ всю ее водою. Долго шулма боролся съ Бурхун-бакчі изъ-за первенства, но въ концѣ концовъ долженъ былъ уступить ему. Тогда Бурхун-бакчі оставилъ одно только солнце, другіе же два низвергнулъ въ пропасть, которую и сдѣланъ жилищемъ дья-

вола. Дьяволъ и теперь не оставляетъ попытки сжечь землю; объ этомъ можно судить по тремъ солнцамъ, иногда появляющимся на небѣ (рѣчь идетъ, очевидно, о такъ называемыхъ ложныхъ солнцахъ). Сл. Этнограф. обзор. кн. VII, стр. 263.

Къ стр. 81—2 (сл. 1. с. стр. 363, прим. къ стр. 28—9). Къ *малорусской* легендѣ присоединимъ и слѣдующую буковинскую: когда Господь сотворилъ міръ, создалъ громъ и молнію и вручилъ ихъ черту. Онъ такъ злоупотреблялъ ими, что Господь послалъ сильный морозъ, отъ котораго воды замерзли на 24 сажени. Подъ льдомъ и лежалъ чертъ. Господь посылаетъ св. Илью похитить у дьявола громъ и молнію; когда Илья уже летѣлъ къ небу съ своей добычей, чертъ проснулся, прокусилъ ледяную кору, схватилъ святого за ноги и сталъ тянуть его внизъ; при этомъ онъ такъ напрягъ свои силы, что его ноги вдавились въ землю, отчего произошли долины; а Илья унесъ на небо громъ и молнію. Сл. Am Urquell I № 1, стр. 16: Kaindl, Zwei ruthe-nische Mythen aus der Bukowina. Краусъ (1. с. № 5, стр. 92) указываетъ по этому поводу на сербско-болгарскую легенду, известную и у якутовъ: будто архангелъ похитилъ у черта землю, а чертъ, преслѣдуя его, оторвалъ у него, у входа въ небо, кусокъ мяса изъ подъ ступни, гдѣ теперь у насъ выемъ подъ пятой.

Къ стр. 93 слѣд. (сл. стр. 127 прим. настоящего выпуска: *Творчество Бога и дьявола*) Сл. Revue des Traditions populaires IV, № 6, стр. 361, §§ XXXII (laurier и houx) и XXXIII (человѣкъ и обезьяна).

Къ стр. 133 (*Святость милостыни*) Сл. А. И. Пономоревъ, Славяно-русскій прологъ въ его церковно-просвѣтительномъ и народно-литературномъ значеніи (СПБ. 1890) стр. 25 слѣд.; Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 360—1.

Къ стр. 136 слѣд. (*Заиробное мѣстопробываніе некрещенныхъ младенцевъ и младенцевъ язычниковъ*) «некрещеніи же и язычстїи (младенцы) ни въ црѣтвіе входятъ, ниже въ муку, грѣха бо не сотвориша». Порфирьевъ, 1. с. стр. 370.

Къ стр. 141 (*о возможномъ спасеніи добродѣтельныхъ язычниковъ*) Сл. Fr. Sacchetti, Sermoni, XIV, ed. Gigli, стр. 44.

Къ стр. 143 (*безразличныя въ Павловомъ Видѣніи*) Сл. Шепелевичъ, Этюды о Данте I: Апокрифическое Видѣніе св. Павла (Харьковъ, 1891), стр. 81, прим. 1.

Къ стр. 154 прим. и стр. 370 (прим. къ стр. 154) сл. Zawiliński, Z powieści i pieśni górali beskidowych (Biblioteka «Wisły», t. V), № IX, стр. 61 слѣд. (Сл. библиографическое указание на стр. 66); Archiv für slav. Philologie V, стр. 648 слѣд.; діалогъ Галатео, Eremita, у Gothein, Zur Culturenwickelung Südtaliens, стр. 462 слѣд.

Къ стр. 157 слѣд. (*къ сказку о Пфримъ*) Сл. грузинскую сказку о «Старикъ и глыбѣ соли» въ Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа вып. X, отд. III, стр. 77 слѣд.: возвращаясь изъ города съ глыбой соли на плечахъ, бѣдный старикъ ропщетъ на судьбу. Когда онъ заснулъ на пути, ему во снѣ явился ангелъ, ввелъ его въ рай и говоритъ: Если такъ будешь жить, что никогда слова не скажешь, то оставлю тебя тутъ, а если скажешь хоть одно слово, то опять возьму отсюда.—Ходя и осматривая рай, старикъ видитъ человѣка, который хотѣлъ взвалить себѣ на спину цѣлую гору хвороста, связаннаго веревками, но не могъ; онъ уходилъ, принося еще хворосту и прибавлялъ къ своей ношѣ. Какъ только старикъ упрекнулъ его въ его неразуміи, такъ и проснулся. Предупреждалъ я тебя, что тебѣ не слѣдуетъ говорить ни слова, сказалъ, явившись къ нему, ангелъ, и снова повелъ его въ рай. На этотъ разъ онъ видитъ костеръ, на немъ котелъ съ мясомъ; котелъ былъ полонъ и наваръ шелъ черезъ край, а человѣкъ все еще прибавлялъ мяса; то-же онъ дѣлалъ и съ кувшиномъ, переполняя его виномъ. Снова вступился старикъ и снова проснулся. Третье его видѣніе такое: люди тянутъ огромный камень въ разныя стороны и не могутъ сдвинуть съ мѣста. Старикъ не утерпѣлъ, но лишь только сдѣлалъ замѣчаніе, какъ очулся на мѣстѣ, гдѣ легъ отдохнуть; тутъ-же валялась и глыба соли. Ангелъ объясняетъ

ему его видѣнія: человекъ, не въ мѣру взваливавшій себя на спину хвороста, былъ воръ; подъ старость ему бы исправиться, а онъ на грѣхъ накладывалъ другой; ему восемьдесятъ лѣтъ такъ страдать. Человекъ, переполняющій котель и кувшинъ, былъ щедрымъ; ему въ награду за то полгода не уменьшится похлебка въ котлѣ и вино въ кувшинѣ. — Камень означаетъ Бога, тѣ, кто тянетъ его, одни грузины, другіе русскіе, третьи татары; каждый старается взять его, каждый хвалитъ свою вѣру, а о томъ никто не подумаетъ, что Богъ одинъ для всѣхъ и что отдѣльно онъ никому не принадлежитъ.

Какъ видѣніе Пѣрима, такъ и соответствующія въ грузинской сказкѣ, очевидно, не райскія: первое отличается даже чистилищнымъ характеромъ, послѣднее — чистая аллегорія, прекрасная параллель къ извѣстной легендѣ о трехъ кольцахъ у Боккаччо и въ Натанѣ Мудромъ Лессинга.

Къ стр. 159—160 прим. 1, и стр. 160—1 прим. 2 (*Къ видѣнію св. Арсенія*) Сл. Paul Meyer, *Les contes moralisés de Nicole Bozon* § 83 и прим. на стр. 262—3.

Къ стр. 173 слѣд. (*Судьба-доля*) Сл. выше, стр. 167 слѣд. и Graf, *La fatalità nella credenza del Medio evo*, въ *Nuova Antologia* 1890, 16 июля, стр. 201 слѣд.

Къ стр. 164—5 (*къ сказкамъ о чудесныхъ остроухахъ*). Сл. *Zeitschrift für Volkskunde* I: Richter, *Lithauische Märchen*, стр. 355 слѣд. (*Die beiden feindlichen Apfelbäume und die fetten und mageren Schafe*).

Къ стр. 200 прим. 3. Сл. Wisła II стр. 762 слѣд.: *Bystroń, Polskie podania ludowe spokrewnione ze średnowieczną legiendą o świętym Gregorzu*, и тамъ же стр. 766 (Karłowicz); Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа IX, отд. 1: Топіевъ, *Сказки, собр. въ селеніи Баянъ Елисаветпольскаго уѣзда (армянскія)* № 1: Рѣчной бродяга, стр. 184 слѣд.; P. Meyer, l. c., § 26 и прим. на стр. 264—6. Особую редакцію повѣсти о кровосмѣстелѣ представляетъ одна рукоп. XVIII в. изъ собранія проф. Н. С. Тихонравова. Сл. Тихонравова. Пять

были въ по рукоп. XVIII в., стр. 22 оттиска изъ Этнограф. Обзорнiя, кн. VIII.

Къ стр. 233—4 (сл. выше стр. 167—8) Понятiемъ *καχοπόδαρος* слѣдуетъ, вѣроятно, объяснить кличку Флокара въ романѣ о Florimont (сл. о немъ въ моемъ изслѣдованiи: Изъ исторiи романа и повѣсти I, стр. 494 слѣд.; Psichari, *Le roman de Florimont* въ *Études romanes dédiées à G. Paris*, стр. 507 слѣд.). Флокаръ говоритъ:

g'irai a pie
Et si irai mlt pouement.
.....
Casopédie me nommez,
Casopédie ens el griiois
Est *maimais garçons* en francois.

Варьянтъ *casopédie* вм. *casopédie* встрѣчается лишь въ прозаическомъ пересказѣ романа (ркп. У., сл. Psichari, стр. 521), и его немыслимо вмѣнить его основному тексту, ибо авторъ перевелъ *casopédie* = *mauvais garçon*. Тѣмъ не менѣе я считаю вѣроятнымъ, что въ его оригиналѣ стояло *καχοπόδι* въ смыслѣ *καχοπόδαρος*: Флокаръ говоритъ о себѣ какъ о бездольномъ, несчастномъ; самъ г. Психари понимаетъ *casopédie*, какъ *malheureux*. Такому бездольному прилично идти *лыжкомъ*. Какъ-бы ни понять *casopédie* ркп. У., опивской или нѣтъ, она бросаетъ свѣтъ на греческiе источники романа о Флоримонтѣ.

Къ стр. 249 прим. 2. Сл. *Méluine* III, стр. 257; IV, стр. 428—429; P. Meyer, l. c. стр. 249 слѣд.

Къ стр. 265 (*проводы русалокъ въ Рязанской губерни*). Сл. Рязанскiя епархiальныя вѣдомости 1889 г., № 10.

Къ стр. 291—2. Одно мѣсто изъ слова св. Григорiя *εἰς τὰ ἄγρια φῶτα*, приведенное нами въ параллель къ славянскимъ текстамъ, встрѣчается въ другомъ переводѣ и съ интереснымъ комментариемъ, заимствованнымъ изъ Троянскихъ Дѣянiй. Сл. Григорiя Θεολογα словеса избранная яже суть толковая (сборн.

XV в. 6—ки Тр. Серг. Лавры № 122; сборн. XV в. Солов. 6—ки Каз. Дух. Ак. № 807 у Архангельскаго, Творенія отцевъ церкви и т. д. I—II, стр. 153): Вопросъ: «Ни таверская чюжегоубленія законскыхъ брань дѣющихъ. требищная кровь просачаемаа ранами. ти се точию злѣ кропащимса. имъ^ъ чтеться бгыни. сии же двѣ. ти бо и малакию почтоша и боуестъ почтоша.—То^ъ. Еллиномъ оустремившимъса на Троадоу и съвокоупльшимса, повѣтріа не бы имъ Артемидоу, зане Аполмо^ъ оустрѣливъ елень на ловѣхъ. похвалися ре^ъ: ни сама тако Артемидѣ бы оустрѣлила. бѣзвѣтрію же обдержашоу вольхвовахоу прошающе вины (вилы?). развѣ дщерію Ахамновоу оугодити Артемидѣ. Гамномъ же приведе дщерь свою на заколеніе Анонгенію Артемидѣ. Артемидѣ же Анонгенію въскытившоу.—Таврій же назадъ азыкъ ѣ иже и Скиѣны. в нихъ же и капище Артемидино. дають же за двѣю олень на заколеніе. Лаконе же чтоуть Артемидоу празднующе ей. краючеся с ножи до крови. исполняютъ капища кровию. мужества оуказъ створающе. да на бранехъ злѣ не радать о азвахъ. се же едино злѣ имоуть, тако всоуе друу^ъ друуга и ако на рати рѣжють. и тако слоужать бгомъ. чѣвколюбецъ же сый бгъ не радуется о крови. аще лоучитя двѣамъ послоужити Артемидѣ назы, и не закрывающе срамныхъ оудовъ. ти бо и малакию почтоша и боуестъ почтоша».

Къ стр. 293. *Бомарскія поученія*, напечатанныя г. Качановскимъ по рукоп. XVIII вѣка, находятся и въ сборникѣ словъ и поученій на новоболгарскомъ языкѣ, XVII вѣка, изъ собранія проф. Григоровича. Сл. Мочульскій, Описание рукописей В. И. Григоровича (Одесса 1890), стр. 60 слѣд. (№ 38, л. 296 слѣд). Въ началѣ сборника за оглавленіемъ помѣщена слѣдующая записъ: «сію книжицу приведе іосіѣъ іеромонахъ рійскы собщи духвникъ брадати, приведе ю ѿ гръческы книгъ на блггарьскы просты ізыкъ». Переписчикъ первой части рукописи былъ монахъ рыльскаго монастыря Никифоръ 1757 г. (сл. Мочульскій, стр. 51); съ л. 180 идетъ вторая часть, писанная другою рукою (л. с.

стр. 54); съ 279 л. г. Мочульскій выдѣляетъ третью часть, «оригинальную»; писавъ-ли она второй рукою — мы изъ описанія не узнаемъ; обличеніями противъ народныхъ суевѣрій и празднествъ л. 291 слѣд. (стр. 59—60) пользовался, очевидно, по той же рукописи, Ѡ. И. Буслаевъ (Очерки I, стр. 117—118); на л. 296 слѣд. идутъ указанные выше слова на самовилъ, магесницъ и т. д. Г. Мочульскій имѣлъ, вѣроятно, въ виду эти оригинальныя слова; между тѣмъ на 328-мъ, послѣднемъ, листѣ сборника значится: «азъ ѿ ѿсифъ братаѿи по́сникъ изведохъ ѿ грѣческѿи ѿзѿнкъ на словейскѿи же писмо ради женски ѿ ба́бинѿи врагощѿни, ради самовѿлѿи ѿ брѿнѿцы на прочтаніе на ползу женамъ», въ лѣто отъ Р. Х. 1756; переписчикомъ названъ Григорій, сынъ попъ Иліовичъ изъ Свицова 1789 года (см. стр. 62).

Къ стр. 305 слѣд. *Hellequin* французскаго преданія о Дикой охотѣ я попытался объяснить (стр. 316) въ связи съ повѣрьями объ Иродѣ и Иродіадѣ¹⁾, какъ уменьшительное отъ *Hérodés*: *Herdekín*. Существеннымъ въ моемъ объясненіи и считаю отношеніе образа къ легендѣ и ея дѣятелямъ; отправляясь отъ варьянта имени: *Hennequin* (*Chasse Hennequin* въ Нормандіи, *Marie Hennequin* въ Вогезахъ; *Anichino* вм. *Argleschino*)—гѣм. уменьшительнаго отъ *Johannes*—я могъ бы предложить, не отходя отъ моей постановки вопроса, и другое объясненіе, уже предусмотрѣнное мною (л. с. стр. 310): преслѣдователемъ Иродіады въ Дикой охотѣ былъ бы Іоаннъ, *Hans Jagenteufel*, *Hans* нѣмецкаго повѣрья = *Hennequin*²⁾.

Указаніями на варьянты *Hennequin*, *Anichino* я обязанъ не-

¹⁾ Къ повѣрьямъ объ Иродѣ см. *Rev. des traditions populaires* V, № 7, Ferrand, Traditions et superstitions du Dauphiné, p. 416: его появленіе приурочивалось къ святкамъ и Богоявленію; поэтому дѣтей пугаютъ: *Mes enfants, ne sortez pas pendant ce temps (ночью), le roi Hérode vous prendra. — Le roi Hérode est dans les chemins avec ses chaines et ses grelots, il vous fera peur.*

²⁾ По народному повѣрью сізѿпцевъ св. Іоаннъ самъ ходитъ въ ночь на 24 Іюля, всюду расточая свое благословеніе. См. Pitre, Archivio, IX, стр. 334, 336, 339.

давно вышедшему изслѣдованію Raynaud¹⁾, радикально противорѣчащему всѣмъ до сихъ поръ даннымъ объясненіемъ имени Hellequin (58—9). Его толкованіе иное: Hellequin, въ основѣ, историческое лице; къ легендѣ о немъ примкнуло анонимное суевѣріе о Дикой охотѣ, завезенное во Францію норманнами (63) Hennequin явился Дикомъ охотникомъ.

Точкой отправленія для Raynaud послужило (стр. 59, 64) указаніе одной небольшой поэмы XIII вѣка: о взятіи Нѣвилля фламандцами; поэтъ, обращаясь къ слушателямъ, говоритъ, что будетъ пѣть именно объ этомъ, ибо они довольно наслышались о Gerbert и Gerin, о Гвльомѣ Оранскомъ, о *графѣ Булонскомъ* и *графѣ Нойллекуинъ*. Hellequin или Hennequin, племянникъ Бодуэна, графа Фландріи, женился на старшей дочери Helgaud I, графа Понтѣ и Булони; этотъ бракъ, принесшій Hennequin, въ приданное за женой, земли, зависѣвшія отъ фландрскаго графа, былъ причиной распри между дядей и племянникомъ. По смерти Helgaud въ 871 году Hennequin становится, по женѣ, графомъ булонскимъ и вскорѣ за тѣмъ обязанъ признать ленную зависимость отъ дяди по области Меркь. Подъ 882 годомъ разсказывается о набѣгѣ норманновъ (Sarrazins), затѣмъ взятіи ими Булони и пораженіи Hennequin; вождями норманновъ являются полубаснословные, воспѣтые французскимъ эпосомъ Gormond и Isembart, пораженные при Сомюрѣ — уже въ 881 году. — Оставивъ въ обатствѣ Sameg жену и дѣтей, Hennequin еще разъ обращается противъ норманновъ, но его армія уничтожена; смертельно раненый, онъ умираетъ, вернувшись въ аббатство, гдѣ кончаются вмѣстѣ съ нимъ его жена, старшій сынъ и конюшій.

Такова была о графѣ Hennequin; была, смѣшанною съ чудеснымъ, говоритъ Ренò (сл. стр. 59—61), хотя ничего чудеснаго мы пока не видимъ.

¹⁾ Études romanes dédiées à G. Paris le 29 Décembre 1890 par ses élèves français (Paris 1890): Raynaud: La Mesnie Hellequin, стр. 52, 59 (и прим. 6), 67.

Съ IX вѣка по XI ничего не слышно о Hellequin. Съ XI-го начинаются свидѣтельства (стр. 53 слѣд., 57—8)¹⁾: Ордерикъ Виталий называетъ militia Herlechini грѣшныя души, увлекаемыя дьяволомъ въ наказаніе за свои проступки; въ XII вѣкѣ Pierre de Blois говоритъ, какъ о militia Herlewini, о людяхъ, слишкомъ отдающихся мирскому и заслуживающихъ попасть по смерти въ адскую гонку; Gautier Mar упоминаетъ о phalanges postivagae quas Herlethingi dicebant. — Съ XIII вѣка упоминанія становятся чаще: Guillaume de Paris сближаетъ mesnie Hellequin съ испанскимъ exercitus antiquus; одна цитата изъ Геллианда у Винденція изъ Бовэ объясняетъ Hellequinus искаженіемъ изъ Karlekinus, говоря, что Karlekinus или Carolus Quintus обязанъ былъ выдержать продолжительное покаяніе за свои грѣхи. И въ XIV вѣкѣ повторяется это толкованіе Hellequin — Quint Charles, осужденнаго являться на поле сраженія, гдѣ онъ былъ убитъ; въ XV вѣкѣ онъ совпадаетъ съ историческимъ королемъ Франціи, Карломъ V. До XV вѣка Quint Charles, очевидно, неудачная этимологія Hellequin, Herlequin, навѣянная, быть можетъ, представленіемъ о Карлѣ Великомъ, какъ покоящимся и возвращающемся императорѣ²⁾; и въ XV вѣкѣ о Karlequin = Карлѣ V рассказывали, что онъ кается въ сообществѣ другихъ рыцарей и въ искупленіе грѣховъ снаряжается въ походъ — на сарацинъ.

Во всѣхъ указанныхъ выше упоминаніяхъ ни слова не говорится — о *графѣ* Hellequin. Исключеніе составляетъ приведенное свидѣтельство о существованіи поэмы о булонскомъ графѣ Hoillequin; но кто поручится намъ, что эта поэма была именно такого содержанія, какая предполагается представленіемъ о

---

¹⁾ Въ числѣ свидѣтельствъ о Hellequin приводится и стихъ изъ Chronique rimée de Godefroy de Bouillon: Et li rois de Taifura, o lay si Halegrin. Мнѣ знакомъ былъ комментарий Gachet, но я не увѣренъ въ уравниніи Halegrin = Hellequin.

²⁾ См. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды I, II, стр. 121 прим. 4.

mesnie Hellequin, а не стояла ближе къ исторіи? Raupaud предполагаетъ первое и усматриваетъ отраженіе французской поэмы XIII вѣка въ томъ французскомъ-же прозаическомъ ея пересказѣ, либо англійской ея передѣлкѣ, которой пользовался Вальтеръ Скоттъ: графъ Hellequin, потерявъ все свое достояніе на службѣ императора, не былъ вознагражденъ за свое усердіе. Презираемый императоромъ, подверженный нападеніямъ вассаловъ, онъ, его сыновья и конюшіе стали съ отчаянія разбойниками... Долгое время онъ побѣждалъ имперскія войска, пока не погибъ съ всѣми своими людьми въ кровавой битвѣ. Въ наказаніе за свои проступки они осуждены блуждать до суднаго дня, не оставляя своихъ воинственныхъ нравовъ и древней распри.

Остановимся на предположеніи Ренò, что этотъ рассказъ о графѣ Hellequin сохранилъ намъ содержаніе поэмы о булонскомъ графѣ Hoillequin. Какъ представить себѣ развитіе послѣдней изъ знакомой намъ исторической были о графѣ Негнеquin? Повидимому, былъ ничуть не приготовляетъ поэмы, и нуженъ рядъ ухищреній со стороны изслѣдователя, чтобы извлечь изъ первой мотивы второй (стр. 62—3). Не только ухищреній, но и предположеній: вѣроятно напр., что въ теченіи своей распри съ графомъ фландрскимъ Негнеquin опустошалъ его владѣнія, можетъ быть, предавался грабежу; вѣроятно, его появленія тамъ ожидали съ трепетомъ, и внезапная смерть его самого, жены и сына представилась небесной карой за его преступленія. Труверъ XI вѣка (стр. 63) отправился отъ этихъ данныхъ: вмѣсто фландрскаго графа явился императоръ, наказаніе усилено — подъ впечатлѣніемъ какого-нибудь урагана, современнаго пораженію христіанъ (норманнами) и — стараго анонимаго суевѣрія о Дикой охотѣ, принесеннаго норманнами. Въ норманское, языческое повѣрье христіане внесли, стало быть, протагонистомъ графа Негнеquin сражавшагося въ ихъ защиту противъ норманновъ, чтò достоверно, предполагаемаго грабителя, чтò надо было конструировать, ибо это единственная нить, связывающая имя историческаго графа съ покараннымъ графомъ легенды. Ея была

анонимность — такое-же предположеніе — и въ тѣхъ-же цѣляхъ, хотя ничто не мѣшаетъ представить себѣ, что имя *Hernequin*, какъ болѣе популярное, могло вытѣснить изъ легенды другое, пришлое, созвучное или нѣтъ.

Разборъ гипотезы Ренд достаточно выяснилъ мои отношенія къ ней. У насъ на лицо легенды о Дикой охотѣ съ ихъ типической схемой — въ основѣ естественный метеорологическій мифъ, широко распространенный: въ сонмѣ Діаны — Гекаты также находятся души умершихъ, какъ въ окруженіи Дикаго охотника нѣмецкихъ повѣрій, какъ *maruty* = *mortui* въ сопровожденіи Рудры; къ идеѣ усопшихъ (духовъ = вѣтровъ) присоединилась идея покаяннаго блужданія и гоненія; такъ втянулись въ легенду образы Ирода, Иродіады — и Иоанна; другія историческія лица могли появляться въ ней по согласію соответствующихъ типовъ или именъ. Съ широкой базы такой легенды надо было начать анализъ, а далѣе указать поводы проникновенія въ нее того или другого предполагаемаго историческаго образа, напр. *Hernequin*'а; не наоборотъ. Быль о *Hernequin*'ѣ, по моему мнѣнію, такихъ поводовъ не представляетъ; *je ne connais pas de tradition à son égard*, давно замѣтилъ *Liebrecht* (*Gervasius von Tilbury, Otia Imperialia*, p. 139 прим. 76). Остается предположить, что вошелъ онъ въ легенду уже не анонимную, притянутый какимъ-нибудь созвучіемъ.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе: авторъ не только представляетъ себѣ неизвѣстную намъ поэму XIII вѣка уже насыщенной содержаніемъ легенды о *militia Hellequini*, но и выражаетъ, какъ мы видѣли, мнѣніе, что оригиналъ ея могъ быть составленъ въ XI вѣкѣ; предѣлъ, очевидно, указанный Ордерикомъ. Составленная на сѣверѣ, эта поэма перешла въ Нормандію, за тѣмъ въ Англій (стр. 63): за послѣднее свидѣтельствуемъ текстъ, которымъ пользовался Вальтеръ Скоттъ; Нормандія является естественнымъ передаточнымъ пунктомъ, пбо показанія Ордерика и *Gautier Mar* самъ по себѣ не говорятъ за перенесеніе — поэмы. Ордерикъ замѣчаетъ только по поводу видѣнной

Gauchelin'омъ Дикой охоты, что это sine dubio familia Herle-
chini, которую многіе видѣли, а Gautier Мар выражается о pha-
langes noctivagae. . . Herlethingi, что ихъ знаютъ въ Бретани, а
въ Англии и Валисѣ они перестали показываться съ 1155 года.

Рендъ предполагаетъ, что выраженіе Mesnie Hellequin рас-
пространилось съ распространеніемъ поэмы; такого рода вліяніе
литературнаго памятника на народное повѣрье возможно, при
условіи широкой извѣстности перваго. Ея то и не было: наша
поэма, говоритъ Рендъ, кажется, не была очень популярной, ибо
о ней нѣтъ никакихъ упоминаній, кромѣ единственнаго, вызвав-
шаго соображенія Рендъ.

Къ VI-му выпуску Разысканій.

Къ стр. 1 слѣд. Мой разборъ книги Elard Hugo Meyer'a,
отпечатанный годъ тому назадъ, запоздалъ выходомъ по неза-
висѣвшимъ отъ меня обстоятельствамъ, почему и не могли быть
приняты во вниманіе слѣдующіе отчеты о томъ-же трудѣ:
Schönbach'a (Wiener Zeitung 1890 № 51), Heinzel'я (Anzeiger
für deutsches Altertum u. deutsche Literatur XVI, 4 Sept. 1890,
p. 341 слѣд.), Mogk'a (Literarisches Centralblatt 1890, № 20)
и Detter'a (Arkiv för nordisk filologi, sjunde Bandet, Ny Följd,
tredje Bandet, Häftet I, стр. 89 и слѣд.). Отмѣчаю это, чтобы
оставить за собою, какъ почи, такъ и отвѣтственность за выра-
женные мною взгляды. Отзывъ Noreen'a (Noreen, Ett nytt upp-
slag i fråga om den nordiska mythologien въ Nordisk Tidskrift
för vetenskap, konst och industri, 1890, 4. 3, стр. 201—212)
остался мнѣ неизвѣстнымъ.—Многъ о войнѣ Вановъ съ Азами и
о Гульвейгѣ (сл. стр. 32 слѣд.) вызвалъ небольшое изслѣдованіе
Weinhold'a (Ueber den Mythus vom Wanenkrieg, въ Sitzungsbe-
richte der kön. preuss. Akademie Berlin XXIX—XXX, 1890 г.,

стр. 611 слѣд.), результаты котораго представляются мнѣ сомнительными вслѣдствіе смѣшенія историческаго и мифологическаго критеріевъ. Съ одной стороны война Азовъ съ Ванами представляется отраженіемъ дѣйствительной борьбы двухъ культовъ, вторгшихся съ юга въ скандинавскія земли, отданныя религіи Тора: культа Вановъ и единческаго. Гульвейга—это Фрея; ея культъ въ Швеціи отличался чувственнымъ характеромъ (Гульвейга творить чары, она — утѣха злыхъ женъ) и вызвалъ протестъ болѣе строгихъ поклонниковъ Одина. За этой нравственной (сл. стр. 621) противоположностью двухъ религій и двухъ божественныхъ родовъ Вейнгольдъ предполагаетъ другую, стихійную: съ этой точки зрѣнія Ваны—свѣтлые, солнечные боги, Одинъ является въ качествѣ «олимпійскаго и хеоническаго Зевса (стр. 622); онъ ночной, дикій охотникъ — и мнѣ о Гульвейгѣ, поражаемой копьями, не что иное, какъ сѣверная формулировка мнѣа о Дикой охотѣ (стр. 625) Коимъ такъ, то такой стихійный мнѣа долженъ былъ существовать и до вторженія захожныхъ религій Азовъ и Вановъ и лишь примкнулъ къ ихъ «нравственной» противоположности. Впрочемъ и стихійное толкованіе мнѣа о Гульвейгѣ не представляется мнѣ вѣроятнымъ.

Къ стр. 22. Что представленіе статьи «отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ» встрѣчается впервые у Плутарха, на это указалъ недавно Gaidoz, *Échos de la littérature antique au moyen âge*, *Mélines* V, № 5, стр. 107.

Къ стр. 28. *Urg* и переводъ, какъ совершенное бытіе, прошлое. *Mogk* (*Grundriss d. germ. Philologie* I Band, стр. 1023, 1024) считаетъ названіе трехъ нормъ въ указанный (по его мнѣнію, штерпопрованый) строфѣ *Vqlusrá*—позднимъ псландскимъ изобрѣтеніемъ. Древней является лишь одна: *Urg* = *althochd. wurt:fatum, eventus, fortuna*; *Hel. wurd*: смерть, смертная доля, *англос. wurd*: судьба, доля, можетъ быть, отъ *индогерм. корня wert*: вертѣть, вращать.

Къ стр. 29 слѣд. (сл. выпускъ V стр. 357). Къ происхожденію людей изъ деревьевъ г. Потанинъ сообщилъ мнѣ нѣ-

сколько новыхъ свѣденій. Предокъ Олѣтовъ былъ мальчикъ Цорось или Чорось, найденный подъ деревомъ; дерево питало его своимъ сокомъ; по другимъ варьянтамъ сокъ текъ черезъ кривой сукъ, цорго; по третьему—Цорось происходитъ отъ цоро—дуло (Позднѣевъ, Образцы народн. лит. монг. плем. стр. 135; Потанинъ Очерки IV, 326; Pallas, Samml. I, 32). Чингисъ—тоже мальчикъ, найденный совершенно въ тѣхъ же условіяхъ, т. е. подъ деревомъ, сокомъ котораго онъ питался. По одному сказанію Чингисъ—изобрѣтатель винокурснаго снаряда, т. е. онъ выдумалъ бурхенъ, шлемъ на котель, и цорго—трубу; вино—ѣда Чингиса, говоритъ гимны; первоначально разумѣлось, вѣроятно, вино—древесный сокъ, текшій черезъ цорго—сукъ. См. выше (стр. 30) наше толкованіе мѣл о рожденіи Геймдалла.—Замѣтимъ, что и бурятскій Булагатъ—покинутое дитя, питавшееся тѣмъ, что сосало листья дерева.

Къ стр. 97 слѣд. (Хожденіе св. Брандана). Къ литературѣ легенды отмѣтимъ De Goeje, La légende de Saint Brandan. (Leide, Brill, 1890). По мнѣнію автора составитель Navigatio Sancti Brandani былъ на востокѣ около 1000-го года, видѣлъ въ Иерусалимѣ въ церкви гроба Господня чудесное возженіе огня въ навечеріе пасхи; зналъ сказку о странствованіяхъ Синдбада (написанную около 900 г.) и рассказъ о хожденіи трехъ братьевъ лассабонцевъ къ границамъ океана; о немъ говоритъ Эдризъ, но самое хожденіе совершено было, вѣроятно, въ X-мъ вѣкѣ. (См. стр. 6 слѣд., 15, 16 слѣд., 25). Особенно гниотетично соображеніе автора о причинахъ усвоенія ирландской легендой мотивовъ изъ сказки о Синдбадѣ: въ Sindbad первая часть слова могла ощущаться какъ saint; это и могло дать поводъ какому-нибудь ирландскому матросу или монаху вспомнить о своемъ святомъ—Бранданѣ (см. стр. 14). Ирландскій монахъ около 1000-го года едва-ли не исключаетъ память вмѣсто о формѣ—«saint».

Отмѣтимъ кстати небольшую параллель къ легендѣ о «новгородскомъ раѣ»: въ западномъ океанѣ много острововъ, которыхъ

нарицають блаженными, «глаголюми же и пѣсныи ради вины спещи: нѣкіи корабники (оузрѣвъ и) въсхотѣ поити тамо тако да таже тамо оузрѣтъ. Корабиць малъ по въсоуду оусъсоуди и оутврдѣвъ отпоу въ страни опи. Слыша пѣсуи поемы и оужасе се отъ пѣсней онѣхъ, *и како попытася въслытити се отъ ныкъ, и отъ толѣ оубо острова именоваше блаженныихъ и пѣсныхъ. Сего же Евсеѣа западна пловца нарекоше за кже сътворити спещево плаваніе въ западныхъ странахъ*» (Starine, кн. XVI, стр. 44—5: Novaković, Odlomci zgodnevjeковне kosmografije i geografije).

Къ стр. 112 прим. строка первая свѣрху: вм. 36—8 чит.: 363. Къ легендѣ у Айно и киргизской сл. еще монгольскую у Потанина, Очерки IV, 143—144.

Къ стр. 134. Къ литературѣ, вызванной «Бесѣдой», сл. теперь проф. Красносельцева, Къ вопросу о греческихъ источникахъ Бесѣды трехъ Святителей (Одесса 1890). Сл. его общіе выводы на стр. 20—1 и въ Приложеніи 1-мъ: греческій текстъ Вопросовъ и отвѣтовъ по пергаменной рукоп. библиотеки Аѳонскаго Пантелеймонова монастыря, XIV вѣка.

ПРИЛОЖЕНІЕ

Θεωρία Γρηγορίου

(f. 147 v.) Ἐν μιᾷ γούν τῶν ἡμερῶν ἡσυγάζοντός μου ἐν τῷ κελίῳ μου καὶ περὶ τῶν ἀθέσμως μοι πεπραγμένων κατὰ διάνοιαν φροντίζοντας, πῶς ἂν δυναίμην εὐκόλως ἀπαλλαγῆναι τῶν πολλῶν μου κακῶν ὡντερ ἐν γνώσει καὶ ἀγνοίᾳ πέπραχα ὁ ταλαίπωρος καὶ εὐρεῖν ἔλεος ἐν τῇ ἡμέρᾳ τῆς κρίσεως, ἕτερος λογισμὸς λίαν αἰσχροῦ καὶ πονηροῦ καὶ παμπόνηρος καὶ παντελῶς ἀχρεῖος καὶ μάταιος παρ' ἐλπίδα ἐνέσκηψε τῇ διανοίᾳ μου, κλονῶν καὶ συνταράττων σφόδρα τὸν νοῦν μου, ὑποτιθέμενος καὶ ἐμβιβάζων αὐτόν εἰς ἀλλοκότους καὶ βδελυράς ἐνθυμήσεις, ὡς ὅτι εὐσεβῶς πιστεύουσιν οἱ Ἰουδαῖοι καὶ καλῶς ποιῶσι τὸν ποιητὴν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς εὐλαβοῦμενοι· ὁ γὰρ Ἀβραάμ καὶ Ἰσαάκ καὶ Ἰακώβ καὶ Μωϋσῆς τίμιοι καὶ εὐσεβεῖς ἐναντίον Κυρίου ἀνεφάνησαν σημεῖοις καὶ τέρασι παραδόξοις ἐκ Θεοῦ δοξασθέντες τοῦ μαστιζάντος δι' αὐτοὺς τὴν Αἴγυπτον ἐν δέκα χαλεπωτάταις πληγαῖς καὶ λαλήσαντος αὐτοῖς στόμα πρὸς στόμα· ὅς καὶ διὰ τῆς ῥάβδου Μωϋσεῶς τὴν Ἐρυθρὰν θάλασσαν ἔτεμεν εἰς διαίσεις καὶ αὐτοὺς ὠδήγησεν ἀβρόχῳ ποδὶ καὶ διέσωσεν ἐπὶ λί-
(f. 148 r.) μένα θελήματος αὐτοῦ, καὶ τοὺς διώκοντας αὐτοὺς κατεπόντισεν ἐν Ἐρυθρᾷ θαλάσῃ, τούτους δὲ ἐν ἐρήμῳ διέσωσεν δούς αὐτοῖς μάννα φαγεῖν τεσσαράκοντα ἔτη, πέτραν δὲ διαρρήξας ἐξήγαγεν αὐτοῖς ποταμοὺς ὑδάτων, γάλα τε καὶ μέλι καὶ ἔλαιον ἐκ στερεᾶς πέτρας, δούς αὐτοῖς καὶ τὸν νόμον ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ· ὅς καὶ τὴν δεκάλογον οἰκίῳ στόματι αὐτοῖς ἐξηγήσατο καὶ εἰσήγαγεν αὐτοὺς

εἰς τὴν γῆν τῆς ἐπαγγελίας καὶ τοὺς ἐχθροὺς αὐτῶν ἅπαντας ἐπάταξε καὶ εἰς τέλος ἀπώλεσε. Πῶς δὲ προφήτης οὐ τίμιος γεγεννημένος ἐκ τοῦ γένους αὐτῶν; καὶ γὰρ ὁ Σαμουὴλ βλέπων Κύριον ἐκαλεῖτο καὶ Δαβὶδ ὁ προφήτης καὶ θεοπάτωρ ἀνηγορεύθη, καὶ Ἡλίου ὁ προφήτης τίμιος καὶ ζηλωτὴς ὠνόμαστο, ὅς καὶ νεκρὸν ἤγειρε καὶ ἐν πυρίνῳ ἄρματι εἰς οὐρανοὺς ἀνελήφθη μετὰ σαρκός, ἥς τῶν δεσμῶν οὐκ ἀπέστη τὸ σύνολον ἐπι ζῶν· καὶ Ἐλισσαὶ διπλῆς κατηξιώθη χάριτος, ὅς τὰ Ἰορδάνια βέθρα τῆ μηλωτῆ Ἡλίου διέτεμε καὶ τῆς Σουμανίτι(φ. 148 ν.δὸς τὸν παῖδα θανόντα ἀνέστησε. Καὶ Σοφονίας, Ἀμμῶς καὶ Ἰεζεκιήλ, Ἡσαίας τε καὶ Δανιήλ σὺν πᾶσι τοῖς ἁγίοις προφήταις ἄρα οὐ διὰ τῆς πίστεως ταύτης τῷ Θεῷ εὐηρέστησαν καὶ τῆς βασιλείας αὐτοῦ ἐπέτυχον; οὐς καὶ ἡμεῖς οἱ εἰς Χριστὸν πιστεύοντες σεβαζόμενοι τιμῶμεν καὶ τὸν τύπον τῆς μορφῆς αὐτῶν προσκυνοῦμεν; Πῶς κακὴ ἡ πίστις αὐτῶν καὶ ἡ ἡμετέρα καλὴ; Ἡ τούτων τε πίστις πάντως καλὴ, ἐπεὶ οὐκ εἰς εἰδῶλα οὗτοι πιστεύουσι, ἀλλ' εἰς Θεὸν τὸν ποιήσαντα τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν. Καὶ ἀπλῶς πάντα τὰ τῆς παλαιᾶς διαθήκης ἀναλογιζόμενος καὶ ἀπαριθμῶν· ἤμην γὰρ ταύτην πᾶσαν ἐξησκηκῶς καὶ διεβεβαιούμην ἐμαυτῷ ἐπ' ἀληθείας καλῶς ἔχειν τὸν ἐνογλοῦντά με λογισμὸν περὶ τῶν Ἰουδαίων. ταῦτά μου καὶ ἕτερα παραπλήσια τούτοις λογιζόμενος καὶ παραδεχομένου ὡς ἀπὸ τῶν παρ' αὐτοῖς τελεσθέντων τότε ξένων καὶ ἐξαισίων θαυμάτων καὶ τεραστίων, τί ἂν εἶποιμι τίς γέγονα καὶ τί πέπονθα καὶ πόσῃ ὀγλήσῃ ὑπέστην καὶ ταραγῆν(φ. 149 γ.)· οἰ' ὅλης τῆς νυκτός ἐκείνης ἐν τῇ καρδίᾳ μου ταῦτα διανοούμενος; Στήσας οὖν τὸν τοιοῦτον λογισμὸν ἐν ἑαυτῷ λέγω ὡς· ἐπ' ἀληθείας κατὰ ἄνοιαν εἰς τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν οἱ τῶν Ἰουδαίων πρόγονοι πεπαρνεμηκασί, καὶ εἰ οὗτοι ὑπεύθυνοί εἰσι διὰ τῆς θεοκτενίας καὶ μαιζονίας, ἀλλ' οἱ τούτων ἀπόγονοι τὴν παλαιὰν παράδοσιν κρατοῦντες ἀνεύθυνοί εἰσι παρὰ τῷ Θεῷ· οἱ γὰρ τὰ τοῦ νόμου πεισυντες, οὐκ ἀστοχῆσουσι τῆς ἑαυτῶν σωτηρίας. Εἶτα πάλιν φημι πρὸς τὸν λογισμὸν· ὦ ἐπάρατε λογισμὲ καὶ πολύσχυλτε, ὦ παλίμβουλε διάνοια καὶ πολυόγλητε, τί ἐμοὶ καὶ σοὶ ἡ ὠφέλεια εἰάν ἀπὸ τῆς ἰδίας διακρίσεως τὰ λεγόμενα στοιχῆσωμεν ὅτι οὕτως ἔγρουσι καθὼς λογιζόμεθα; δεῦρο οὖν πρὸς τὸν πανάγιον πατέρα ἡμῶν ἀπέλθωμεν καὶ διδάσκαλον, εἰς ὃν καθαρῶς

οἶδαμεν καὶ πεπιστεύκαμεν ἐκ πολλῶν καὶ μεγίστων θαυμάτων καὶ
 τεραστίων ὅτι ἀναπαύεται τὸ πνεῦμα τοῦ Θεοῦ ἐπ' αὐτῷ, καὶ ἀνα-
 καλύψωμεν αὐτῷ τὰ περὶ τοῦ ζητουμένου τούτου πράγματος· καὶ
 ὅπερ αὐτὸς περὶ τούτου (f. 149 v.) διακρίνει καὶ ἀποφίνεται, τοῦτο καὶ
 αὐτοὶ στοιχήσωμεν καὶ κρατήσωμεν καὶ αὐτῷ ἐπακολουθήσωμεν·
 πᾶς γὰρ ὁ μὴ ἐξαγορεύων ἐξομολογούμενος τοὺς λογισμοὺς αὐτοῦ
 τῷ πνευματικῷ αὐτοῦ πατρὶ, ἀλλὰ κρύπτων αὐτοὺς ἀπὸ προσώπου
 αὐτοῦ καὶ πᾶσαν αὐτοῦ ἁμαρτίαν καὶ ἄδυσμον πολιτείαν, (ἀλλ') ἐν
 ἑαυτῷ κατέχων, οὐ τοῦ Χριστοῦ ἐστὶν οὐδὲ τῆς μερίδος αὐτοῦ, ἀλλὰ
 τῆς τοῦ Ἀντιχρίστου μερίδος ἐστίν· ὅφεις γὰρ ἀληθῶς καὶ σκορπίους
 καὶ γεννήματα ἐχιδνῶν ὀλεθροτόκα ὁ τοιοῦτος ἀνατρέφει ἐν τῇ καρδίᾳ
 αὐτοῦ· καὶ οὐαὶ αὐτῷ, ὅτι σωτήριος ἐλπίς αὐτῷ οὐκ ἐστίν, οὐδὲ κληρὸς
 ἐν τοῖς σωζομένοις, ὅτι τὴν ταπείνωσιν οὐκ ἐκτίησατο· ἀλλ' ἐβλετο συν-
 ἀποθανεῖν ταῖς ἀσελγείαις καὶ πονηραῖς ἐνθυμήσεσι καὶ ἠδυπαθείαις
 αὐτοῦ. Τοῦτον τὸν λόγον πρὸς ἑμαυτὸν εἰρηκῶς καὶ ὡς δῆθεν ἐν
 ἑμαυτῷ συμβουλευσάμενος, εὐθέως ἐξανέστην τοῦ πορευθῆναι πρὸς
 τὸν ἐσιώτατον καὶ προορατικώτατον ἢ μᾶλλον εἰπεῖν θεωρητικώτατον
 πατέρα ἡμῶν Βασίλειον· ἐτυχε δὲ εἰς Ἀρκαδιανὰς τῆνικαῦτα ποιούμε-
 νος (f. 150 r.) τὴν κατοίκησιν καὶ οὐκ εἰς τὰ Ἐλευθερίου· τῇ δὲ ἡμέρᾳ
 ἐκεῖνη ἐπετελεῖτο τὸ χυρσοῦν ἵπποδρόμιον λεγόμενον, ἐν ᾧ σχεδὸν
 πᾶσα ἡ πόλις ἦν ἠδρoισμένη, ἐγὼ δὲ ἐκ πολλῶν χρόνων τοῖς χυρ-
 σοῖς ἔπεσι καὶ θεοφθόγγαις διδάγμασι τοῦ φωστῆρος τῆς οἰκουμένης
 καὶ μεγάλου διδασκάλου τῆς ἐκκλησίας Ἰωάννου τοῦ Χρυσσοστόμου
 πεισθεὶς, ἀπέκοψα τοῦ μὴ εἰσέρχεσθαι ὅλως ἐν τῷ ἵπποδρομίῳ χάριν
 θεᾶς τῶν ἐκεῖσε τελομένων θεάτρων. Πορευόμενος οὖν πρὸς τὸν
 ὄσιον καὶ τὴν ὁδὸν ἀπερχόμενος καὶ πρὸς τὸν λεγόμενον Δίπνον
 φθάσας, εὐθέως, τὸ πόθεν λέγειν οὐκ ἔχω, ἔρως τις ἀνήζηθ' ὡσπερ
 πῦρ φλέγων ἐν τῇ καρδίᾳ μου, ἐκβιάζων με τὴν ἵπποδρομίαν θεάσασ-
 θαι, ἐπειδὴ, λέγων ἐν ἑαυτῷ, τὴν πρώτην ὥραν τοῦδε τοῦ βαίτου
 ἐφθασας, οὐ γὰρ ἔξεις κρῖμα ἐν τούτῳ, ἐπεὶ οὐ διὰ τοῦτο παραγίγονας
 ὧδε, ἀλλ' ἐτυχες κατὰ πάροδον, καὶ δεῦρο θεᾶσαι τὸ πρῶτον βαίτου
 καὶ ἴδε τίς νικᾷ, καὶ τότε πορεύθητι τὴν πρὸς τὸν πατέρα σου ὁδόν.
 Καὶ (f. 150 v.) ἅμα τὸ ταῦτα κατὰ διάνοιαν λογίσασθαι με, ἠρξάμην
 τῆς ὀρειπορίας εἰργεσθαι καὶ τοὺς πόδας προκόπτειν καὶ ἐφ' ὥραν

ικανὴν ἀκίνητος· καὶ ἐξεστηκώς ὑπὸ τῆς κατὰ διάνοιαν πάλης τῶν λογισμῶν καθοραῶσαι. Τέλος οὖν ὁ τάλας μὴ ἰσχύσας ἐγκρατῆς γενέσθαι τοῦ τοιοῦτου πονηροῦ λογισμοῦ· σφόδρα γὰρ ἐπήρε πτέρναν κατ' ἐμοῦ καὶ οὐκ ἰσχυσα περιγενέσθαι αὐτοῦ καὶ ἀποδιῶσαι αὐτὸν ἀπ' ἐμοῦ· ἠττηθεὶς ἀνήλθον ὁ τάλας καὶ ἰδεασάμην τὴν πρῶτην ἱππηλασίαν καὶ ἀμιλλαν τῶν ἠνιόχων· τέλος δὲ ταύτης ἐσχηκίας ὀξέως ὑποχωρήσας τοῦ θεάτρου, παρεγενόμενη πρὸς τὸν μακάριον· εὐρον δὲ αὐτὸν μόνον ἐν τῷ κελλίῳ ἐν ᾧ κατέμενον εἰς προσευχὴν ἰστάμενον· οἱ γὰρ τοῦ οἴκου πάντες σχεδὸν ἐν τῇ ἵπποδρομίᾳ ἀπήεσαν πλὴν ὀλίγων τινῶν καὶ τούτων δηλαδὴ τῶν εὐλαβεστέρων ἢ καὶ τῶν ἐν ὑπηρεσίαις τοῦ οἴκου ἀσχολουμένων. Στάς δὲ τοῦ κελλίου ἔξω· πέρασ οὖν τε τῆς εὐχῆς τοῦ ἀγίου γέγονε· καὶ εἰσελθὼν προσέπιστα τοῖς τιμίαις αὐτοῦ ποσίν· αὐτὸς δὲ ἢ (f. 151 r.) ῥέμα πως τὸν αὐτοῦ ὀφθαλμὸν ὑπανοίξας μοι καὶ οἰοεὶ βασιλικὸν κατιδὼν καὶ ἀποτόμως μοι δριμυττόμενος ἔφη· Ἴδου καὶ ὁ τὰ Ἰουδαϊκὰ φθονῶν πρὸς ἡμᾶς παραγέγονεν, ἰδου ὁ πᾶσαν τὴν παλαιὰν ἐκμελετήσας γραφὴν καὶ ἐκ ταύτης καταμαθὼν, ὅτι καλῶς κρατοῦσι τὴν πίστιν οἱ ἐπάρατοι Ἰουδαῖοι, οἱ σκοτεινοὶ περὶ τὸ φῶς καὶ τῷ ὄντι υἱοὶ τοῦ διαβόλου καὶ τῆς μερίδος τοῦ Ἄντιχρίστου τυγχάνοντες κἀκεῖνόν τε περιμένοντες καὶ ὑπ' ἐκείνου κληρονομεῖσθαι αἰρετισάμενοι καὶ Χριστῷ τῷ ἀληθινῷ Θεῷ ἡμῶν διὰ τοῦ ἀγίου βαπτίσματος προσελθεῖν μὴ ἀνεχόμενοι. Ἐλήλυθε πρὸς ἡμᾶς σήμερον ὁ καλὸς τῶν θείων γραφῶν σαφηνιστῆς καὶ τούτων ἐξηγητῆς καὶ ἐρμηνεὺς ἀκριφέστατος, ὁ τοὺς προφήτας ἐκδειάζων καὶ τὰ δι' αὐτῶν ἐνεργηθέντα θαύματα ἐκπληττόμενος καὶ καλῶς νῦν κρατεῖν καὶ πιστεῦειν τοῖς Ἰουδαίοις διαβεβαούμενος, ὅτι τὸν Θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς οὗτοι πιστεύοντες καὶ φυλάσσοντες τὰ παρ' αὐτοῦ δοθέντα τούτοις τοῖς νόμοις πῶς (f. 151 v.) οὐ καλῶς καὶ ὀρθῶς κρατοῦσι καὶ πιστεύουσι· καὶ εἰ οἱ πρόγονοι καὶ οἱ προκατόχοι τούτων οἱ εἰς τὴν κυριοκτονίαν καὶ μαιφονίαν ἐνεργήσαντες σωτηρίας οὐ τύχουσιν, ἀλλ' οὖν γε οὗτοι, ὡς ἀνεύθυνοι, ἐὰν τὸν νόμον καλῶς φυλάξωσιν, οὐκ ἄστοχῆσουσι τῆς ἐαυτῶν σωτηρίας. Ἦκεν ἄρα ἰδου ὁ τὰ οὐρα κακὰ κλαίειν ἀφείς καὶ τὴν τούτων τῶν θεοκτόνων συγχώρησιν ἐμπόνως καὶ μετὰ θερμῶν δακρύων ἐπαζητῶν· τῶν μηδὲν αὐτῷ προσηκόντων

ἀνόητως καθήμενος και ἀδολεσχῶν, ἐδοκίμασε και ἐδίκασε και τούτοις τὴν νικῶσαν μοῖραν ἐπεβράβευσε και ὄντως καλῶς ἔχειν τὴν τῶν Ἰουδαίων πίστιν ἀπεφήνατο· οὐ μὴν ἀλλὰ και τῷ τῆς ἵπποδρομίας δαίμονι προβαλὼν και μετ' αὐτοῦ παλαίσας δίδωκε τούτων ὦτα, κατὰ κράτος οὖν ἤττηθείς παρ' αὐτοῦ και κοινωνήσας τῆς θεᾶς τῶν ὑπ' αὐτοῦ ἐπὶ βλάβει τῶν ἀνθρωπίνων ψυχῶν ἐξευρεθέντων ἐκπαλαι και ἐτι νῦν ἐνεργουμένων, παραγέγονεν ὄλως τῆς αὐτῆς ἀηδίας και αἰσχίστης (f. 152 r.) ἐπιθυμίας πεπληρωμένος ὡς πρὸς τὸ ἐρωτῆσαι ἡμᾶς και πεισθῆναι τοῖς παρ' ἡμῶν πρὸς αὐτὸν ῥηθεῖσι περὶ τῶν τοιούτων αὐτοῦ οὐκ ἀγαθῶν λογισμῶν. Ταῦτα τοῦ ὁσίου περὶ ἐμοῦ ἐν ἑαυτῷ λέγοντος, φημί καὶ γὰρ κατὰ διάνοιαν πρὸς ἐμαυτὸν. Ὅντως ἐλεινὲ και ταλαίπωρε Γρηγόριε, ἤγγικεν ὥρα ἐν ἣ ἔχεις ἀκοῦσαι τὰ σά. Στραφεῖς δὲ πρὸς με ὁ ὁσιος πάλιν ἤρξατο λέγειν· Φεῦ τῆς συμφορᾶς και τῆς ὀλιγωρίας, ὅτι οὐκ ἤρκεσέ σε τὸ τοιοῦτον χαλεπὸν τῶν λογισμῶν σου δαιμόνιον και ἡ παραδοχὴ και ἡ συγκατάβασις, ἀλλὰ δὴ και ἡ συγκατάθεσις τῶν ἐναντίων ἐνθυμημάτων και πονηρῶν ἐνοιῶν, ἀλλ' ὅτι και μετὰ τοῦ δαιμονίου τοῦ προεστηκότος ἐπὶ τοῦ θεάτρου τῆς ἵπποδρομίας συμπλακείς ἐπτερινίσθης και κατεβλήθης. Ἐγὼ δὲ και τοῦτο τὸ παράδοξον ῥῆμα ἀκούσας παρὰ τοῦ ἀψευδοῦς αὐτοῦ και ἀγίου στόματος και ἐνωπιθεῖς τὰ λεγόμενα ἀπαραλλάκτως οὕτως ἔχειν, κατεδεμάτισα ἐμαυτὸν (f. 152 v.) και οἶον ἐδέσμευσα ἐκ θερμῆς και ζεούσης καρδίας εἰ ἀπὸ τῆς χώρας ἐκείνης εἰς τι τοιοῦτον πορευθήσομαι· μέχρι γὰρ ἐκείνης τῆς ὥρας οὐκ ἤδειν, ὅτι και τὸ ἐπάρατον θέατρον τῆς ἵπποδρομίας ἴδιον δαίμονα χιλίαρχον προϊστάμενον αὐτοῦ κέκμηται, φτάνει και θεραπεύουσι φόρους παρέχοντες οἱ ἐν αὐτῷ ἀνερχόμενοι. Μετὰ γοῦν παρέλευσιν ὥρας ἰκανῆς ἔφη πρὸς με πάλιν ὁ ἄγιος· Πῶς λέγεις, ἀνθρώπε, ὅτι καλῶς πιστεύουσιν οἱ Ἰουδαῖοι ἀρτίως; Ἐμοῦ δὲ πρὸς τοῦτο μὴ τολμῶντος ὄλως ἀνταποκριθῆναι ἡ ἐρεῖν τι πρὸς αὐτὸν παρὶ τῶν τοιούτων, εἰδὼς ὅτι πάντα τὰ κατὰ διάνοιάν μου διαβούλια ἀκριβῶς ἐπίσταται και φανερῶς ταῦτα παριστᾷ ἐνώπιόν μου, ὥστερ ἐν οἰκῶν ὑπῆρχεν ἐν τῇ καρδίᾳ μου ἡ αὐτὸς ταῦτα διελογίζετο, τί ἐν [εἰ] πλέον εἶχον ἐγὼ εἰπεῖν αὐτῷ; Τοιαύτη γὰρ ἦν ἐν αὐτῷ ἡ ἐνέργεια τοῦ παναγίου Πνεύματος, ὥστε και τὰ ἐνθύμια τῆς καρδίας

ἐκάστου φανερώς προλέγειν καὶ ἐλέγγειν αὐτά· ὅθεν ταῦ(f. 153 γ.)τα, ὡς εἴρηται, ἀκούσας παρ' αὐτοῦ, ὅλος ὡσεὶ κωφὸς καὶ ἀναυδος γέγονα μὴ ἔχων τι αὐτῷ ἀπολογήσασθαι. ἠσυχάζοντος δὲ μου ἀπὸ τοῦ φόβου καὶ μὴ τολμῶντος ὅλως εἰς αὐτὸν ἀτενίσαι, λέγει πρὸς με αὐτὸς ἠσυχῶ καὶ πραΐα φωνῇ· Ἄρα σὺκ ἤκουσας τί λέγει ὁ Κύριος ἐν τοῖς αὐτοῦ θείοις εὐαγγελίοις; οὐ φησὶν ὅτι ὁ μὴ τιμῶν τὸν Υἱόν, οὐ τιμᾷ τὸν Πατέρα τὸν πέμφσαντα αὐτόν; ὅρᾳς πῶς οὐδὲν ὠφελοῦνται οἱ εἰς τὸν Πατέρα δοκοῦντες πιστεύειν, τὸν δὲ Υἱὸν παραχαράττοντες μὴ δεχόμενοι τοῦτον; Καὶ πρὸς αὐτοὺς πάλιν τί φησὶν τοὺς Ἰουδαίους; Οὐτε ἐμὲ οἴδατε, οὐτε τὸν Πατέρα μου· ἐπεὶ οὖν ὄν ἐβλεπον οὐκ εἶδον καὶ τὸν διδάσκοντα ἐν ταῖς πλατείαις αὐτῶν θαύματα τε μυρία ὡς Θεὸν ἐργαζόμενον καὶ τούτοις αὐτοῖς συναναστρεφόμενον καὶ πρὸς σωτηρίαν αὐτοὺς πολυτρόπως προκαλοῦμενον σὺκ ἐγίνωσκον, τὸν Πατέρα ὄν οὐκ εἶδον καὶ ὄν οὐκ ἐθεάσαντο πῶς γινώσκουσι καὶ καλῶς πιστεύειν λέγουσιν, ὡς καὶ αὐτὸς πείθεσαι; Φεῦ (f. 153 ν.) τῆς ἀνοίας, φεῦ τῆς ἀλαζονίας, βαβαὶ τῆς ἀπονοίας. Ἐκεῖνοι ἐν καὶ μόνον εἰδῶλον οὐκ εἶασαν, ᾧ οὐκ ἐπέδυσαν καὶ ἐλάτρευσαν καὶ ᾧ προθύμως οὐκ ἐθεράπευσαν ἀπὸ τῶν ἡμερῶν Ἰεροβοάμ τοῦ οἰκέτου υἱοῦ Σολομῶντος, ὃς ἐβασίλευσεν ἐν Ἰσραὴλ καὶ ἐποίησε δύο θαμάλους χρυσαῖς καὶ ἐξεπόρνευσεν ὀπίσω αὐτῶν καὶ πᾶς ὁ Ἰσραὴλ λέγων πρὸς αὐτόν· οὗτοι οἱ θεοὶ σου, Ἰσραὴλ, οἱ ἀναβιβάσαντές σε ἐκ γῆς Αἰγύπτου· καὶ μέχρι Ἰωσίου βασιλέως Ἰουδαίας, ὃς πρὸς ὀλίγον ἐπιστρέφει πρὸς Κύριον τὸν Θεὸν αὐτοῦ. Καὶ καλῶς οὗτους λέγεις πιστεύειν; Ἄρα σὺκ ἤκουσας τοῦ Κυρίου πρὸς αὐτοὺς πάλιν λέγοντος, ὅτι Ἐγὼ ἦλθον ἐν τῷ ὀνόματι τοῦ Πατρός μου καὶ οὐ λαμβάνετε με, καὶ ἐάν ἄλλος ἔλθῃ ἐν τῷ ἰδίῳ ὀνόματι, ἐκείνον λήψετε καὶ ἐν τῇ ἁμαρτία ὑμῶν ἀποθανεῖσθε· ἀμὴν λέγω ὑμῖν· ἀπάρτι οὐ μὴ με ἴδητε ἐν ὀφθαλμοῖς ὑμῶν ἕως ἂν ᾤψεσθέ με ἐρχόμενον ἐπὶ τῶν νεφελῶν τοῦ οὐρανοῦ· καὶ τότε καὶ μὴ βουλόμενοι ἔρετε· εὐλογημένος ὁ ἐρχόμενος ἐν ὀνόματι Κυρίου βασιλεὺς τοῦ Ἰσραὴλ. Καὶ ἀλλαχοῦ πάλιν φησὶν· (f. 154 γ.) Ὅρατε τὰς οἰκοδομὰς ταύτας τὰς μεγίστας καὶ λαμπράς; ἀμὴν λέγω ὑμῖν, οὐ μὴ μείνει λίθος ἐπὶ λίθου ὃς οὐ μὴ καταλυθῇ, καὶ μετ' ὀλίγα, ἰδοὺ ἀφίεται ὑμῖν ὁ οἶκος ὑμῶν ἔρημος. Βλέπετε πῶς ἐξεδίωξεν αὐτοὺς ὁ Κύριος καὶ Θεὸς ἀπὲ προσώπου αὐτοῦ καὶ διεσχόρ-

πισεν αὐτούς εἰς τὰ πέρατα τῆς οἰκουμένης καὶ ἐβδελυγμένον πεποίηκε τὸ ὄνομα αὐτῶν ἐναντίον πάντων τῶν ἀνθρώπων καὶ πάντων τῶν ἔθνων τῶν ὑπὲρ τὸν οὐρανόν; Πᾶσα γὰρ ψυγὴ ἀνθρώπου καὶ πᾶν στόμα καὶ γλῶσσα, ὡς αὐτὸν τὸν διάβολον καὶ τοὺς ἐπαράτους ἀγγέλους αὐτοῦ, οὕτως μισεῖ καὶ βδελύσσεται καὶ ἀποστρέφεται αὐτούς. Εἰ οὖν πάντες οἱ ὁμοφυεῖς αὐτῶν ἀνθρωποὶ οὕτω μισοῦσι καὶ βδελύσσονται αὐτούς, πῶς ὁ Θεὸς καὶ Πατὴρ ἀγαπήσει αὐτούς, ὁ εἰπὼν διὰ στόματος τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ αὐτοῦ ὅτι· ἐάν μὴ τις γεννηθῆ δι' ὕδατος καὶ Πνεύματος οὐ δύναται εἰσελθεῖν εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν; Καὶ πάλιν ὑπολαβὼν εἶπεν αὐτοῖς· Ἦξουσιν ἀπὸ ἀνατολῶν καὶ δυσμῶν καὶ βορρᾶ καὶ θαλάσσης καὶ ἀνακλι(φ. 154 v.)θήσονται μετὰ Ἀβραάμ καὶ Ἰσαὰκ καὶ Ἰακώβ ἐν τῇ βασιλείᾳ τῶν οὐρανῶν, οἱ δὲ υἱοὶ τῆς βασιλείας ἐκβληθήσονται εἰς τὸ πῦρ τὸ ἐξώτερον, ἐκεῖ ἔσται ὁ κλαυθμὸς καὶ ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων. Καὶ πάλιν πρὸς αὐτούς ἔφη· Εἰ μὴ ἦλθον καὶ ἐλάλησα αὐτοῖς, ἀμαρτίαν οὐκ εἶχον, νῦν δὲ πρόφασιν οὐκ ἔχουσιν περὶ τῆς ἀμαρτίας αὐτῶν, ὅτι καὶ ἐωράκασι καὶ μεμώσθηκασι καὶ ἐμὲ καὶ τὸν Πατέρα μου. Βλέπεις, τέκνον Γρηγόριε, τί εἰρήκει ὁ Κύριος περὶ αὐτῶν; Οὐκ ἤκουσας δὲ καὶ τὴν παραβολὴν τῆς συκῆς, πῶς αὐτὴν κατηράσατο; Ἐλθὼν γὰρ ἐπ' αὐτὴν καὶ μὴ εὐρών καρπὸν εἰ μὴ φύλλα μόνον, εἶπε πρὸς αὐτὴν· μηκέτι ἐκ σοῦ καρπὸς γένηται εἰς τὸν αἰῶνα. Ἄρά τι ὑπεμφαίνει ἡ συκὴ ἢ πάντως τὴν συναγωγὴν τῶν Ἰουδαίων; Ἐλθὼν γὰρ πρὸς αὐτούς ὁ Κύριος, εὗρεν αὐτούς τὸν μὲν νόμον Μωϋσέως κατέχοντας, τὰ παρ' αὐτοῦ δὲ νενομοθετημένα μὴ ποιοῦντας, καὶ διὰ τοῦτο κατηράσατο αὐτούς· μηκέτι, λέγων, ἀφ' ὑμῶν καρπὸς (φ. 155 r.) ἔσται εἰς τὸν αἰῶνα, τῶν κρατούντων δηλοῦ[σ]τι τὸν παλαιὸν νόμον, καὶ εὐθὺς ἐξηράνθη ἦτοι πέπαιται ὁ νόμος ὁ παλαιός· ἐμέλλε γὰρ ὁ Κύριος τὴν νέαν νομοθεσίαν τοῦ εὐαγγελίου παρεισάγειν, καὶ οὐκέτι λοιπὸν χρείαν εἶχε τοῦ νόμου Μωϋσέως· πρὸ γὰρ τῆς ἐπιδημίας καὶ ἐπιφανείας τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καλὸς ὁ νόμος καὶ καλαὶ αἱ κατὰ νόμον θυσίαι καὶ καλὰ πάντα τὰ νόμιμα, Χριστοῦ δὲ παραγενομένου τοῦ τὸν νόμον δόντος Μωϋσῆ, πέπαιται ὁ νόμος· τοῦτον γὰρ προεικόνιζε καὶ προεσήμαινε καὶ παρεδῆλου ὁ νόμος, καὶ λοιπὸν τούτου φανέντος, ἐκεῖνος ἠφάνισται καὶ οὐκέτι τὰ ἐκείνου νόμιμα καὶ τὰ ἐπιτηδεύματα χρησιμεύουσιν,

ἀλλὰ τούτου μόνον τὰ προστάγματα καὶ τὰ ἐντάλματα καὶ ἡ νέα ἀληθινὴ παράδοσις τῆς καινῆς διαθήκης αἰεὶ αὔξει καὶ θάλλει, καὶ δι' αὐτῆς πᾶς πιστὸς ἐλπίζει σωθῆναι καὶ εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν εἰσελθεῖν εἰ τὰς ἐντολάς καὶ τὰ προστάγματα αὐτοῦ φυλάττει καὶ δουλεύσει ἀπαρασάλευτα. Διὰ τοῦ(φ. 155 ν.)το λέγω σοι, τέκνον Γρηγόριε, ὅτι εἰ ὅλην τὴν ἡμέραν κατατέμενται ὁ Ἰουδαῖος ἐν ἀκριβείᾳ ἀπάσῃ ἐπιτελῶν τὰ νόμιμα, οὐκ ἐπιβλέπει εἰς αὐτὸν ὁ Θεός· ἀκαρπὸς γάρ ἐστιν ἡ ἐργασία αὐτοῦ, ὡς ὁ Κύριος εἰρηκε· μηκέτι ἐκ σοῦ καρπὸς γένηται εἰς αἰῶνα· πᾶν γὰρ δένδρον ἅπαξ ξηρανθὲν κἂν μυρίας καλλιέργειας δέχηται, καρπὸν οὐ φέροι τὸ σύνολον, ἀλλ' ἐκκόπεται καὶ εἰς πῦρ βάλλεται καὶ καίεται. Οὕτως οὖν ἐσσι, τέκνον, ἡ συναγωγὴ τῶν Ἰουδαίων ἐξηραμένη, κατηρηγμένη τε καὶ ἀχρηστος καὶ ἐκβεβλημένη ἀπὸ προσώπου Κυρίου Θεοῦ παντοκράτορος. Πῶς οὖν ἡ πίστις αὐτῶν καλὴ, οἴτινες καὶ τὸν Ἄντιχριστὸν περιμένουσι καὶ τοῦτον μέλλουσι ὑποδέχασθαι καὶ τῇ ἀπάτῃ αὐτοῦ ὑπαχθῆναι; Ἄκουσον δὲ πάλιν τοῦ Κυρίου πρὸς Μωϋσείᾳ λέγοντος μέλλοντα τελευτᾶν Ἰδοὺ σὺ ὑπνοῖς καὶ ἀπέρχῃ πρὸς τοὺς πατέρας σου, ὁ δὲ λαὸς οὗτος ἀναστάς ἐκπορνεύσει ὀπίσω θεῶν ἄλλοτρίων ἐν τῇ γῇ εἰς ἣν πορεύεται, καὶ ἐγκαταλείψουσί με καὶ τὴν διαθήκην μου διασκεδάσουσιν, ἣν διεδέ- (φ. 156 γ.)μην αὐτοῖς ἐν ὄρει Σινᾶ, καὶ ὀργισθῆσομαι θυμῷ ἐπ' αὐτοὺς ἐν τῇ ἡμέρᾳ ἐκείνῃ καὶ κα[τα]λείψω αὐτούς καὶ ἀποστρέψω τὸ πρόσωπόν μου ἀπ' αὐτῶν, καὶ ἔσονται εἰς κατάβρωμα καὶ εἰς καταπάσημα ἐν τοῖς ἔθνεσι, καὶ εὐρήσουσιν αὐτοὺς πολλὰ κακὰ καὶ συμφοραὶ ὧν οὐκ ἐστιν ἀριθμὸς. Καὶ πάλιν διὰ τοῦ προφήτου Ἡσαίου εἶπεν αὐτοῖς Κύριος ὁ Θεός· Ἀπορρίψω τὴν ράβδον μου τὴν μεγάλην καὶ τὴν ἰσχυράν καὶ διασκεδάσω τὴν διαθήκην μου ἣν διεδέμην τῷ οἴκῳ Ἰσραὴλ καὶ τῷ οἴκῳ Ἰούδα, διασκεδάσωμ' ἀποστρέψω αὐτὴν καὶ ἀποστρέψω τὸ πρόσωπόν μου ἀπ' αὐτῶν καὶ ἀπίσωμαι αὐτοὺς εἰς τέλος, καὶ οὐκέτι πρὸς αὐτοὺς ἀποστραφήσομαι. Καὶ Κύριος ὁ Θεὸς ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς πάλιν λέγει πρὸς αὐτούς· Ἐγὼ ὑπάγω, καὶ ζητήσετέ με καὶ ἐν τῇ ἁμαρτίᾳ ὑμῶν ἀποθανεῖσθε, καὶ πάλιν· Ὑμεῖς ἐκ τοῦ πατρὸς ὑμῶν τοῦ διαβόλου ἐστὲ καὶ τὸ θέλημα αὐτοῦ θέλετε ποιεῖν. Εἰ οὖν τῷ Θεῷ ἐπίστευον, πῶς ὁ Υἱὸς τοῦ Θεοῦ τέως ἔχειν τὸν διάβολον αὐτοὺς ἀπέφηνατο; Ὡστε, τέκνον Γρηγόριε, ἐκ τούτου (φ. 156 ν.) δηλὸν ἐστίν,

ὅτι ἄνευ πάσης ἀμφιβολίας καὶ πάσης ἀντιλογίας ἐκβέβληνται ἀπὸ τοῦ Θεοῦ, καὶ αὐτοὶ καὶ ὁ νόμος αὐτῶν τέλει ἀπεπαύθη σιγήσας· εἶπε γὰρ ὁ Κύριος περὶ αὐτῶν διὰ τοῦ προφήτου Δαβὶδ· Οὐ μὴ συναγάγω τὰς συναγωγὰς αὐτῶν ἐξ αἱμάτων, οὐδ' οὐ μὴ μνησθῶ τῶν ὀνομάτων αὐτῶν διὰ χειλέων μου. Ἐρεύνησον γὰρ καὶ ἴδε ὅτι ἀπὸ τῆς τοῦ Χριστοῦ καταβάσεως. ἐξ αὐτῶν οὐκ ἠγέρθη οὔτε προφήτης οὔτε δίκαιος, διότι ἤρρησαν καὶ ἀπεπαύθησαν τὰ νόμιμα αὐτῶν, ὡς προείρηται· ἐξώσθησαν γὰρ καὶ οὐ μὴ δύνωνται στήναι, καθὰ φησὶν ὁ πρῶτος Δαβὶδ περὶ αὐτῶν. Καὶ ἀλλαγῆ ὁ αὐτὸς Δαβὶδ περὶ τὸν Χριστὸν λέγει καταρῶμενος αὐτοῖς· Ἀναστήτω ὁ Θεὸς καὶ διασκορπισθήτωσαν οἱ ἐχθροὶ αὐτοῦ καὶ φυγέτωσαν ἀπὸ προσώπου αὐτοῦ οἱ μισοῦντες αὐτόν. Ἀληθῶς γὰρ ἐχθροὶ οὗτοι τοῦ Χριστοῦ γεγονάσιν, οἱ καὶ σταυρώσαντες αὐτόν θανάτῳ παραδεδώκασιν· ἀλλὰ καὶ ὁ ἐπιστήμιος καὶ ἠγαπημένος Ἰωάννης, ὁ υἱὸς τῆς βροντῆς καὶ φύλαξ τῆς (f. 157 r.) Θεοτόκου ἐν τῇ αὐτοῦ Ἀποκαλύψει περὶ τῶν Ἰουδαίων τοιαύδε φησὶν· Ἰουδαῖοι οἱ λεγόμενοι συναγωγῇ τοῦ Ἰσραὴλ, ἐγὼ μαρτυρῶ περὶ αὐτῶν, ὅτι οὗτοι οὐκέτι εἰσὶ συναγωγῇ τοῦ Ἰσραὴλ, οὐκέτι εἰσὶ βασιλεῖον ἱεράτευμα ἢ ἔθνος ἅγιον ἢ λαὸς Θεοῦ, ἀλλ' οὗτοι εἰσὶν εἰς κατάραν, εἰς ἐξολόθρευσιν καὶ εἰς ἀποβολὴν, καὶ αὕτη ἐστὶ συναγωγῇ τοῦ Σατανᾶ· ὅταν γὰρ αὐτοὶ συναδροισθῶσιν ἐπὶ τὸ αὐτὸ ἐν τοῖς σάββασιν ἐν ταῖς συναγωγαῖς αὐτῶν καὶ τὴν τοῦ νόμου ἐξερεύνησιν ποιῶνται, τότε ὁ Κύριος ἐν μέσῳ αὐτῶν οὐκ ἔστιν, ὁ Σατανᾶς οὖν λοιπὸν ἔστιν ἐν μέσῳ αὐτῶν ἐν πάσῃ συναγωγῇ αὐτῶν εὐφραϊνόμενος καὶ ἐπαναπαυόμενος ἐπ' αὐτήν, ὅτι ἠρνήσαντο τὸν ἀνεξιχνίαστον λόγον τοῦ Θεοῦ καὶ τὸ αἷμα αὐτοῦ τίθεικαν εἰς κατάραν ἐφ' ἑαυτοῦς, ἀλλὰ δὴ καὶ ἐπὶ τὰ τέκνα αὐτῶν, καὶ ὁ Θεὸς ἠρνήσατο αὐτοὺς ἐξ ὅλης ἰσχύος αὐτοῦ καὶ ἀπόσωτο αὐτοὺς ἀπ' ἑαυτοῦ, καὶ οὐκέτι στερεωθήσεται ἡ πίστις αὐτῶν ὡς τὸ ἀπ' ἀρχῆς, καθότι κεκληρονόμηκεν αὐτοὺς (f. 157 v.) ὁ Σατανᾶς, καὶ τὸ ὄνομα αὐτοῦ τὸ ἐβδελυγμένον ἐπίθηκεν ἐπ' αὐτούς· καὶ αὐτοὶ υἱοὶ αὐτοῦ ἐκλήθησαν, σχοίνισμα κληρονομίας καὶ τοῦ Ἀντιχρίστου μερὶς, ὅτι υἱοὶ τῆς βασιλείας ὄντες τὸ πρότερον, ἐξεβλήθησαν καὶ ἀλλότριοι γεγονάσι ταύτης, ἀντ' αὐτῶν δὲ εἰσῆχθησαν οἱ ἐξ ἐθνῶν, τῷ Πατρὶ καὶ τῷ Υἱῷ καὶ τῷ ἁγίῳ Πνεύματι καθαρῶς καὶ εὐκρινῶς πιστεύσαντες. Ταῦτα ἰδὼν, ὦ τέκνον

Γρηγόριε, πόρρω βάλλε ἀπὸ σοῦ τὸν ἐφάμαρτον τοῦτον σκοπὸν, γνοὺς ὅτι ἐκ τοῦ πονηροῦ σοι γέγονεν· ὅς γὰρ οὐ πιστεύει ὅτι ὁ Χριστὸς ὁ Υἱὸς τοῦ Θεοῦ ἐλήλυθεν εἰς τὸν κόσμον, ἐπικατάρατος· ὁ γὰρ εἰς τὸν Πατέρα πιστεύων καὶ τὸν Υἱὸν ἀπαρνύμενος, ἀσεβὴς καὶ παράνομος ὑπὸ τοῦ Πατρὸς ὀνομάζεται· οὐαὶ γὰρ αὐτὸν περιλήψεται καὶ σκότος καὶ ὄδυρμός περικύκλω αὐτοῦ, πικρία τε καὶ ὀλίσθημα διαδέχεται αὐτὸν καὶ ἐν τῷ νῦν καὶ ἐν τῷ μέλλοντι.

Ταῦτα οὖν τὰ ψυχωφελῆ καὶ σωτήρια δόγματα τε καὶ ῥήματα περὶ τοῦ τοιοῦτου μου πονηροῦ καὶ αἰσχίστου λογισμοῦ εἰρηκῶς ὁ ὄσιος πρὸς με, ἠσύχασεν· ἐγὼ δὲ πεσὼν παρὰ τοὺς πό(φ. 158 γ.)δας αὐτοῦ μετὰ δακρύων λέγω πρὸς αὐτόν· Ταῦτα μὲν οὕτως ἔχει ἀπαρραλλάκτως, ὡς ἔφη, πανσοιώτατε πάτερ, καὶ οὐκ ἔστιν ὁ ἀντιλέγων δέομαι δὲ τῆς σῆς τελειότητος, ἐπεὶ μεγάλως ἐν τοῖς θεοφθέγκτοις καὶ ὀσίοις σοι ῥήμασιν εὐηργέτησας τὸν παῖδά σου καὶ ἰστερέωσας πανσόφως ἐν τῇ ἀμωμήτῳ ἡμῶν πίστει καὶ θείαις ἀποδείξεσιν ἰβεβαίωσας, ἵνα καὶ διὰ θεωρίας τινός περισσοτέραν περὶ τούτων τὴν πληροφορίαν δέξωμαι καὶ τὴν ἀσθενῆ μου διάνοιαν καὶ τοὺς ὁμίους ἐμοὶ τῷ ἀμαρτωλῷ εἰς τὸν τοιοῦτον πονηρὸν λογισμόν καὶ σκοπὸν περιπίπτοντας παντελῶς ἀποθεραπεύσης καὶ πρὸς τὸ φῶς ὁδηγῇ τῆς ἀληθείας. Ὁ δὲ ὄσιος ἔφη πρὸς με· Ὁ Κύριος, τέκνον, τελέσει ἐπὶ σοὶ τὰ καλὰ καὶ συμφέροντα· ἀπιδι οὖν χαίρων, καὶ τὴν ἀττησὶν σου ταύτην αὐτὸς ἐκπληρώσει. Καὶ τοῖς ἐκείνου τιμίσις ποσὶ προσπεσῶν καὶ εὐλογηθεὶς παρ' αὐτοῦ οἴκαδε ἀπήειν.

Ἐν δὲ τῇ νυκτὶ ἐκείνῃ μετὰ τὸ τὴν μικράν μου τῶν (φ. 158 ν.) μεσονυκτίων ἐπιτελέσαι εὐχὴν καὶ καθευδήσας, ὄρω ἑμαυτὸν ἐν τινι πεδίῳ γλοηφόρῳ· ἐστῶτι δὲ μοι ἐν τῷ τοιοῦτῳ πεδίῳ καὶ ἀποθαυμάζοντι καὶ ἐξισταμένῳ ἐπὶ τῇ τούτου θεωρίᾳ καὶ τερπνοτάτῃ θέσει καὶ καλλίστῃ εὐαερίᾳ, ἰδοὺ τις ἀνὴρ πυραυγῆς λίαν εὐμεγέθης καὶ φοβερός τῇ ἰδέᾳ ἐπέστη μοι καὶ στολὴν ἐρυθρὰν ἡμφιεσμένος, ταύτης δὲ ὑπεράνωθεν γιτῶνα λίαν λευκότετον περιβεβλημένος, ῥάβδον σιδηρὰν ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ κατέγων, καὶ ὁ βραχίων αὐτοῦ κραταιὸς σφόδρα, ὡς δοκεῖν δυνατὸν αὐτὸν εἶναι ἀμύνασθαι καὶ ῥᾶεν κατατροπώσασθαι ἀνδρῶν πολεμιστῶν τῶν καθ' ἡμᾶς γιλίας γιλιάδας. Ὅς πλησίον μου στάς· τί ποιεῖς ἐνθάδε, ἀνθρωπε; ἔφη πρὸς με· ἐγὼ δὲ ἀποκριθεὶς λέγω

πρὸς αὐτόν· Κύριέ μου, οὐκ οἶδα πῶς ἐλήλυθα ὧδε. Ὁ δὲ φησὶ πρὸς με· Αἱ πρὸς Κύριον ἐντεύξεις καὶ εὐχαὶ τοῦ πνευματικοῦ σου (f. 159 r.) πατρὸς ἐπὶ τοῦτον τὸν τόπον σε ἤγαγον, ὡς ἂν θεάσῃ καὶ ἴδῃς τὰ σοὶ καταδύμια καὶ ποδούμενα. Ἐγὼ δὲ σὺν τρόμφῃ φημί πρὸς αὐτόν· Καὶ τίνα εἰσὶν ἅπερ ἐπιδυμῶ καὶ ἐπιποθῶ θεάσασθαι; Ὁ δὲ φησὶ πρὸς με· Ἀληθῶς λέγεις, ἄνθρωπε, ὅτι ἀγνοεῖς ἅπερ ἤτησω θεάσασθαι. εἰ ὅλως οὖν ἀγνοεῖς, ἐγὼ σοὶ ὑπομνήσω ταῦτα· ἐλογίσω καὶ εἶπες, ὅτι καλῶς πιστεύουσιν οἱ Ἰουδαῖοι καὶ καλῶς τὸν νόμον κρατοῦσι καὶ τὰ νόμιμα φυλάττουσι· καὶ εἶπέ σοι ὁ θεράπων Κυρίου Βασίλειος ὅτι οὐχί, ἀλλὰ καὶ λίαν σφαλερῶς καὶ ἐπικινδύνως· ὑποδείξας δὲ καὶ πληροφορήσας σε ἀπὸ τῶν θείων γραφῶν, οὐκ ἀπεπείσθης, ἀλλὰ σὺ μᾶλλον ἤτησω αὐτόν ὑποδείξαι σοὶ εἰς βεβαίωσιν τῶν παρ' αὐτοῦ σοὶ ρηθέντων, καὶ δι' ὀράσεώς τινος ταῦτα, μὴ ἀρκεσθεῖς ἐν ταῖς τῶν θείων γραφῶν ἀποδείξεσι· καὶ αὐτὸς συνέθετό σοι τοῦτο ποιῆσαι καὶ φανερῶς σοὶ παραστῆσαι καὶ ὑποδείξαι τὰ σοὶ καταδύμια. Διὰ τοῦτο ἐνταῦθα ἐλήλυθας· δεῦρο οὖν σὺν ἐμοί, κἀγὼ ὑποδείξω σοὶ ἔνθα ἕκαστος τῶν ἀνθρώπων ἀποκαθίσταται (f. 159 v.) καὶ περὶ μιᾶς ἐκάστου πίστεως, ἣν ἔχει παρησίαν πρὸς τὸν Θεόν.

Λαβόμενος δὲ μου τῆς δεξιᾶς χειρός, ὡς πρὸς ἀνατολὰς ἀμφοτέροι ἐπορευόμεθα· ὁδευόντων οὖν ἡμῶν ἐπὶ τὸ αὐτὸ καὶ διερχομένων τὴν θαυμαστὴν ἐκείνην καὶ ὠραίαν πεδιάδα, ἰδοὺ νεφέλη ὑπόγειος ὑποκάτω τῶν ποδῶν ἡμῶν, ἣτις ἤρεν ἡμᾶς καὶ κατὰ μικρὸν ὑποκουφίζουσα, ἀπὸ μὲν τῆς γῆς δίστα, πρὸς δὲ ὕψος αἰθέριον ἀπειρον καὶ ἀσύγκριτον ἀνῆγε καὶ ὑπερίπτα. Ἐκπληττομένου δὲ μου ἐπὶ [τῷ] ξένῳ τῆς ἐπάρσεως καὶ ὑψώσεως τρόπῳ· οὐ γὰρ ἐγίνωσκον πῶς ἀνηρχόμεθα· καὶ σφοδρῶς καταπτήσσοντος τῷ καινῷ τῆς ἀνόδου καὶ τρέμοντος· ἐδόκουν γὰρ ὡς ὅτι ὑπαρ καὶ οὐκ ὄναρ ἐπὶ τὸ γενόμενον τοῦτο θεώρημα· καταντῶμεν διὰ τῆς ἀπαγούσης ἡμᾶς νεφέλης (εἰς) ἐφ' ἕτερον ὡσανεὶ κόσμον, ξένον καὶ παρηλλαγμένον τῇ φύσει παρὰ τὸν ὁρώμενον τουτονὶ καὶ μάταιον κόσμον εἰς ὃν κατοικεῖν κατεκρίθημεν. Καὶ ἐν τῷ γενέσθαι ἡμᾶς ἐκεῖσε ἐν τῷ θαυμασίῳ χώρῳ ἐκείνῳ, ἀπέστη ἡ νεφέλη ἀφ' ἡμῶν· καὶ ἰδοὺ εὐρέθημεν ἐπὶ τινος θαυμασίου (f. 160 r.) ἀπαέδου πορευόμενοι· ἀπέστλιβε δὲ τὸ δάπεδον ἐκεῖνο, ὡς οὐκ ἔστι δυνατόν διηγήσασθαι τὸ κάλλος καὶ τὴν εὐπρέ-

πειαν αὐτοῦ. Ἐπιστρεφόμενος τοίνυν ἐγὼ ἔνθεν κάκειθεν, εἴρων τὰ πέρατα τοῦ κόσμου ἐκείνου· καὶ ἰδοὺ συναγωγαὶ πολλαὶ σφόδρα ἐν αὐτοῖς καὶ νεανίων πυρίνων χοροὶ ἀναρίθμητοι ἐν αἰνέσει καὶ δοξολογίᾳ Θεοῦ μέλιχρως ἀνοίγοντες τὰ πύρινα στόματα καὶ χεῖλη αὐτῶν εἰς ἀνεξιχνίαστον καὶ ἀνερμήνευτον καὶ ἀκατάπαυστον μελωδίαν ἀσύγκριτόν τε καὶ ἀπαράμιλλον ἠδυφωνίαν κινούμενα· καὶ ἦν ἀκοῦσαι καινοὺς τινὰς καὶ ὑπερφυεῖς αἴνους καὶ ὕμνους καὶ ξένα μέλη καὶ ὑπερθαύμαστα ἄσματα, ἀπερ ξενοτρόπως συντιθέμενοι ἐν εὐχαριστίᾳ ἀνέπεμπον τῷ ἐν Τριάδι Θεῷ· ἡ δὲ ἐκπορευομένη ἀπὸ τῶν τοιούτων θείων καὶ ξένων ἀσμάτων καὶ ἐνηχοῦσα τὰς ἀκοὰς ἡμῶν ἠδύτης ὑπῆρχε παράδοξός τις καὶ ἐκπληκτικὴ, ἣν βρότειος νοὺς λόγῳ παραστῆσαι καὶ διηγήσασθαι οὐδαμῶς δυνήσεται· ἦτις τὴν ἐμὴν ψυχὴν ἐνηδύνασα καὶ τὰς ἀκοὰς ἐνηχίησασα (f. 160 v.) καὶ ὄλωσ καταβροντίσασα ξένον με τοῦ νοῦ μου καὶ ὡσανεὶ παρατετραμμένον καὶ ἐξιστηκότα πεποίηκεν.

Ἐπεὶ καὶ ταύτην τὴν μυστικὴν θεωρίαν σὺν ἡδονῇ ἀπάτῃ καὶ ἰστοτάσει ἀπεῖρψ ἅμα θέοντες ἐπὶ τὰ ἐμπροσθεν διέβημεν, καταντῶμεν ἐπὶ τινὰ τόπον ὃς ὑπῆρχεν ἐσπαργανωμένος θείῳ πυρὶ, τὸ δὲ πῦρ ἐκεῖνο οὐχ ὡς τὸ πῦρ τοῦ ματαίου τούτου κόσμου ἢ μᾶλλον εἰπεῖν τοῦ πλάνου, ἀλλὰ γλυκὺ μὲν καὶ λαμπρὸν εἰς τὸ ὄρασθαι, γαληνεμόρφως δὲ τὰ φῶτα αὐτοῦ ἐφαπλοῦν οὐ κατακαίειν οἶδεν, ὡς τοῦτο τὸ πῦρ, ἀλλὰ μᾶλλον ὀρσοῖζειν, φωτιστικὴν ἔχον ἐνέργειαν. Εἶδον δὲ νεανίσκους λευκοφοροῦντας καὶ τὰ πρόσωπα φαιδῶρ ὑπὲρ τὸν ἥλιον ἐν μέσῳ τοῦ θαυμαστοῦ πυρός ἐκείνου περιπατοῦντας, ὄφτινες χρυσᾶ τινὰ σκευὴ κατέχοντες ἐπὶ τὰς αὐτῶν χεῖρας καὶ ταῦτα ἀπὸ ἐξαισίου ἐκείνου καὶ θαυμαστοῦ ἐμπιπλῶντες πυρός, ἐκούφιζον εὐδύς ἑαυτοὺς καὶ ἀνυφοῦντο ἐπὶ τὰ πλάτη τοῦ αἰθέρος ἐκείνου καὶ (f. 161 r.) πρὸς ὕψος ἀφικνεῦντο ἀκατάληπτον· ποῦ δὲ ἀπῆρχοντο οὕτοι, οὐδαμῶς ἐγίνωσκον, μόνον βλέπων αὐτοὺς οὕτω θαυμασιῶς ἀνηπταμένους, ἐξεπληττόμην καὶ ἔτρεμον λέγων ἐν ἑμαυτῷ· Ἅγιος ὁ Θεός, οὗτοι ἄγγελοι Θεοῦ εἰσὶν οἱ ἐπὶ τὸ ἄνω θυσιαστήριον κατὰ πρόσωπον Κυρίου νοητῶς θυμιῶντες, καὶ οὗτος ὁ γῶρος τοῦ πνευματικοῦ καὶ θείου πυρός τόπος ἐστίν, ὅθεν αἶροντες τὸ νοητὸν καὶ αὐλὸν πῦρ νεαρὸν οἱ τοῦ Κυρίου ἄγγελοι γρῶνται τῇ προσηκούσῃ αὐτῶν διανοίᾳ.

Ἐν τούτοις οὖν ὄντος μου τοῖς διανοήμασι καὶ τοῖς φοβεροῖς ἀσχολουμένου καὶ εκπληττομένου θεάμασιν, ὁρῶ καὶ ἰδοῦ βουνός ὑψηλός λίαν κατέναντι τῶν ὀφθαλμῶν μου ὠρᾶτο, καὶ ἀπηρξάμεθα πρὸς αὐτόν ἀνέναι κόπῃ πολλῇ καὶ μόχθῳ· ὡς δὲ ἀνήχθημεν μῶλις ἐπ' αὐτόν, ἰδοῦ σκοπία τις ἦν ἐπάνω αὐτοῦ· ἀνελθόντες οὖν ἐπ' αὐτήν κάκειθεν περιβλεψάμενοι πρὸς ἀνατολάς, ὁρῶμεν πεδιάδα φοβερωτάτην ὑποκάτωθεν τοῦ βουνοῦ γρυσίῳ καθαρῷ ἐπταπλασίως κατεστρω- (f. 161 v.) μένον τὸ πρόσωπον αὐτῆς καὶ διαυγείᾳ ἀσύγκριτῳ περιε- κσμημένον· ὡσπερ γὰρ σιδηρὸς ἐν καμίνῳ ἐκπυρωθεὶς σπινθηροβολεῖ καὶ τὰ προστυχόντα καταφωτίζει τῇ παρ' αὐτοῦ ἐκπεπομένη ἀπην- δρακωμένη διαυγείᾳ, οὕτω δὴ καὶ τὸ πρόσωπον τῆς θαυμαστῆς πε- διαδος ἐκείνης ὡσπερ τινὰς σπινθῆρας ἡδυτάτους πυρὸς ἀπσσιλβουσα καὶ καταφωτίζουσα ταύτης τὰ πέρατα· ἡ δὲ ὄρασις αὐτῆς γλυκασμὸν ἀσύγκριτον ἐστάλαξε τῇ καρδίᾳ μου· ἦν δὲ καὶ ὁ ἀῆρ αὐτῆς αἰγλης τινὲς θαυμασίας καὶ θυμηδίας ἀρρήτου ἀνάπλευς, τὸ δὲ ὕψος ἐκείνου ὡς ἐν τοῖς ἔμπροσθεν καθαρῶς οὐκ ἐβλέπομεν. Μετ' ὀλίγον δὲ διαστα- λείσης τῆς θείας ἐκείνης αἰγλης, ἐπάραντες τοὺς ὀφθαλμοὺς ἡμῶν ὡς πρὸς ἀνατολάς, ὁρῶμεν πόλιν λίαν φοβερωτάτην κατέναντι τοῦ προσώπου ἡμῶν· περὶ ἧς εἰ πειραθῶ διηγήσασθαι τι, ὡς ἀληθῶς φληναφεῖν δόξω καὶ παραπταίειν· πλὴν εἰ τοῦτο παντελῶς σιγῇ παρα(f. 162 r.)πέμψω ὡς ἀδυνάτοισ καὶ ἀ[νε]φίκτοις ἐπιχειρῶν, οὐκ ἀνεκτῶς οἶμαι ὑφέξω τὴν κόλασιν· διὰ τοι τοῦτό τινα βραχέα περὶ ταύτης, ὡς ἡ δύναμις, διηγήσομαι, μᾶλλον δὲ ὡς αὐτὴ ἡ τοῦ ἀγαθοῦ καὶ θείου Πνεύματος χάρις ἐμπνεύσει καὶ φωτίσει μου τὴν ζοφώδη καὶ ἐσκοπισμένην ταῖς ἀμαρτίαις διάνοιαν διὰ τὴν τῶν ἐντυγχανόντων ὠφέλειαν. Ὡς γοῦν κατ' ἀρχὰς εἰδεασάμην τὴν θαυμασιωτάτην καὶ ἀνεκδιήγητον ἐκείνην καὶ ἐξαισίαν πόλιν, ἀπὸ τοῦ θέους καὶ τῆς ἐκπλήξεως τοῦ φρικωδεστάτου θαύματος τῆς ὁράσεως αὐτῆς ἐπὶ πολ- λάς ὥρας ἐμαυτοῦ ἐξέστην καὶ ἐννεὲς καὶ ἀλαλος καὶ κωφός, ὡς εἶπειν ψαλμικῶς, καθωρώμην, μὴ θυνάμενος ὅλως διᾶραι τὸ στόμα μου· ταιαύτην γὰρ ὠραιότητα καὶ τηλικαύτην εὐπρέπειαν ποία γλῶσσα ἀνθρώπου δυνήσεται σαφηνίσαι καὶ ἐξηγήσασθαι; Ἰσταμένων οὖν ἡμῶν ἐπὶ τοῦ βουνοῦ δυνάμει Κυρίου κραταιουμένων, καὶ θαυμαζόντων, ἰδοῦ ἐτέρα πόλις (f. 162 v.) ὠράθη ἡμῖν μεγάλη σφόδρα καὶ

εὐμεγέθης, ἥς τὸ μῆκος ὡς ὁ κύκλος τοῦ στερεώματος τοῦ οὐρανοῦ· ἡ δὲ ταύτης κατασκευὴ οὐκ ἀπὸ τιτάνων καὶ λίθων καὶ μαρμάρων καὶ ξύλων ἀσήπων καὶ ἕλου καὶ γύψου καὶ τῆς λοιπῆς ἐπιγείου τιμίας τε καὶ εὐφθάρτου ὕλης, ἀλλ' ἐξ ἄλλης αὐλοῦ ὕλης τινὸς νοητῆς καὶ ἀφθάρτου· χρυσοῦ εὐρίζου καθαρωτάτου καὶ τῆ ὀράσει ποικιλομόρφου· καὶ ἀκτίνος φρικωδεστάτης εἰς εὐχροίας διαφόρους ἀπαυγαζούσης· καὶ ἀπὸ ποικίλου ἀργυρίου καὶ χρυσοῦ διαυγείας κλινομένης καὶ μεταμειβομένης ἀπὸ λίθου εὐχροίας καὶ τοπαζίου καὶ σαπφῆρου ποικίλως κατασκευασθείσης, καθὰ δηλονότι συνέταξε Κύριος ἐπ' αὐτοῖς, καὶ πολλαπλασίως ταύτης ἀκτινοβολούσης ἀπὸ διαυγείας λίθου ἰακίνθου καὶ τῶν λοιπῶν ὑπερτίμων λίθων, λέγω δὲ λυχνίτου λάμποντος ὑπὲρ τὸν ἥλιον, ὡσαύτως ἀνθρακος πυροβολούντος καὶ τῶν ἄλλων πάντων ἐκάστου αὐτῶν ἀλασσομένου εἰς μεταβολὰς χροῶν ποικίλων, ὠραιομόρφως (f. 163 r.) καὶ ἀνεκδιηγήτως ἐκ τούτων πάντων ἐδόκει ἔχειν ἡ τοῦ Κυρίου πόλις ἐκείνη τῶν πολυτίμων καὶ τιμίων λίθων τὴν συλλογὴν τῆς παρακομιδῆς τῆς ἐν τῇ οἰκοδομῇ τῆς πόλεως εἰσενεχθείσης· ἣτις ὑπ' αὐτοῦ τοῦ μεγάλου βασιλέως καὶ Θεοῦ τῶν ἀπάντων καὶ δημιουργοῦ παντὸς τοῦ κόσμου θαυμασίως καὶ ἀνεκλαλήτως ἐτεχνουργήθη. Τῆς δὲ γε ιδίας αὐτῆς ἀμυδρὸν πως ὑπόδειγμα καὶ εἰκόνα παραστήσω ὑμῖν τοῖς ἐντυγχάνουσιν· ὥσπερ ἡ ἐν τῷ οὐρανίῳ τόξῳ εὐχροία τε καὶ θεωρία ἣτις ἐκ διαφόρων χροῶν καὶ βαφῶν συντεθειμένη ποικίλην τοῖς ὀρῶσι τὴν αὐγὴν ἐκπέμπει, ἄλλης ἐπ' ἄλλης βαφῆς καὶ χροῖας συντεθειμένης κίρναμένης τε καὶ ἀλλήλοις ἠνωμένης ὠραιομόρφως, οὕτω καὶ τοιαῦτα ἐκπεμπόμενα ἀπαυγάσματα τῆς φρικτῆς ἐκείνης καὶ νοητῆς πόλεως καθωρῶντο· καὶ γὰρ ἦν ἰδεῖν ἀκτῖνα ἐπὶ ἀκτίνος καὶ διαύγειαν ἐπὶ διαυγείας καὶ εὐχροίαν ἐπὶ εὐχροίας καὶ χρώματα ποικίλα ἐπὶ χρώμασι φρικωδεστάτοις, ἀμφω πλήρη θάμβους καὶ ἐκπλή(ς. 163 v.)ξως καθωρῶμενα. Τὸ δὲ κάλλος τῆς οἰκοδομῆς καὶ τῶν λίθων καὶ τῆς συναρμογῆς καὶ συνθέσεως οἶον ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδε καὶ οὐς οὐκ ἤκουσε καὶ ἐπὶ καρδίαν ἀνθρώπου οὐκ ἀνέβη, καθὼς φησιν ἡ θεία γραφή· τὸ δὲ ὕφος τῶν τειχέων αὐτῆς ἦν ὡσεὶ πηγῶν τριακοσίων, καὶ δώδεκα πύλαι φρικώδεις ταύτη προσεπαθήκεσαν τὰς εἰσόδους πληροῦσαι τῆς πόλεως, μεγάλαι σφόδρα καὶ ἐξαισiai τῷ εἶδει· οἶον ὁπότεν ὁ μέγας

φωστὴρ ἥλιος ἀνατέλλει πρωτὶ, οὕτω γαληνομόρφως ἀπηύγαζον τὴν αὐτὴν δεικνύσαι εὐπρέπειαν καὶ ὠραιότητα, καὶ αὐταὶ πᾶσαι καλῶς ἐδρασμένα καὶ ἀσφαλῶς κεκλεισμένα· ἐκάστη δὲ τούτων ὑπῆρχε μονοβαφῆς καὶ κατὰ τὰς ἰδέας καὶ ποιότητας τῶν δώδεκα τιμίων λίθων, ὧν ἡ Γένεσις τὴν ὑπαρξίν ἐσχηκέναι παρίστησιν ἀπὸ τοῦ ἐντὸς τοῦ παραδείσου παραρρέοντος ποταμοῦ Τίγριδος.

Καὶ τὰ μὲν ἐξῶθεν τῆς πόλεως, ὡς ἐνόν μοι γέγονε δηγήσασθαι, ἦσαν οὕτως, τὰ δὲ γε ταύτης ἐντὸς νοῦς μὲν βρότειος φρίττει καὶ καρδία ἰλιγγιᾷ, διάνοια δὲ ἀπορεῖ, οἱ λογισμοὶ κατα(φ. 164 γ.)πλήττονται καὶ σιεδάννυνται καὶ τὰ χεῖλη ἀρνοῦνται τὸ λαλεῖν τὰ ὡς ἀληθῶς τούτοις ἀφθεγκτα, ἀνέκφραστά τε καὶ ἀκατάληπτα· ἐπεὶ ὡς τὰ θεῖα λόγια σὰρξ καὶ αἷμα βασιλείαν Θεοῦ οὐ κληρονομήσουσι, λοιπὸν οὐδὲ χεῖλη πηλίνα, οὐδὲ στόμα ρυπῶδες καὶ γλῶσσα ἀκάθαρτος τὴν ταύτης ὠραιότητα καὶ εὐπρέπειαν δύναται δηγήσασθαι. Τούτων οὕτως πάντων ὁραθέντων μοι καὶ ἐπὶ τῇ τούτων θεωρίᾳ ἐκπληττομένον, τῇ ὄντως ἀνεξιχνιάστῳ καὶ ἀνεκδηγήτῳ, λογισμὸς τις ἐπῆλθέ μοι ἀποτολμήσαι καὶ ἐρωτῆσαι πρὸς τὸν ταῦτα ὀδηγοῦντά με ἄγγελον καὶ φοβερόν τῷ ὄντι, καὶ φημί πρὸς αὐτόν· Δέομαί σου, κύριέ μου, τίς ἐστίν ἡ πόλις αὕτη ἡ φρικτὴ καὶ φοβερά καὶ μεγάλη, καὶ τίς ὁ λαὸς ἐ αὐλίζόμενος ἐν αὐτῇ, ποῖος δὲ ἐστὶν ὁ βασιλεὺς ὃς νῦν βασιλεύει ἐπ' αὐτήν, τίς δὲ ὁ κτίσας καὶ θεμελιώσας τὰ φρικωδέστατα ταύτης τείχη καὶ τὰ προπύργια, τὰς ἐπάλλξεις, τὰς ἐξαισίους καὶ θαυμασίους πύλας, τοὺς φρικώδεις καὶ χρυστα(φ. 164 ν.)λίζοντας μογλοῖς, τοὺς οὐρανομήκεις καὶ περικαλλεῖς προμαχῶνας, τὰς ἐν μέσῳ αὐτῆς ἀράτους καὶ ἐξαισίους καλλονὰς καὶ ὠραιοπρεπεῖς ταύτης καλλιεργίας; τί δὲ τὸ ὄνομα αὐτῆς ἐστὶ τὸ μέγα καὶ ἐξοχώτατον καὶ ποία ἐστὶν ἡ γῆ αὕτη, καὶ ποῖος ὁ ξένος κόσμος οὗτος; πῶς δὲ ἐληλύθαμεν ὧδε καὶ δι' ἣν αἰτίαν; σαφήνισόν μοι, παρακαλῶ, πάντα καὶ μηδὲν ἀποκρύψῃς ἀπὸ τοῦ δούλου σου. Ἀποκριθεὶς δὲ ἐκεῖνος ἔφη πρὸς με· Ἡ πόλις αὕτη, ἥνπερ ὄρᾳς, ἡ πόλις ἐστὶ τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου, ἧς ἐν ταῖς βάρεσιν ὁ Θεὸς γινώσκειται, περὶ ἧς ἐν βίβλῳ Ψαλμῶν λελάληνται θαυμαστά· ἰδεῖματό δὲ ταύτην ὁ Κύριος καὶ Θεὸς ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς, μετὰ τὸ τελῆσαι αὐτόν τὸ τῆς ἐνσάρκου αὐτοῦ οἰκονομίας μυστήριον, εὐδοκίᾳ τοῦ Πατρὸς καὶ συνεργίᾳ τοῦ

ἁγίου Πνεύματος· ἡ[ν] καὶ μετὰ τὸ ἀναληφθῆναι αὐτὸν εἰς τὸν οὐρανὸν πρὸς τὸν Θεὸν καὶ Πατέρα (καθάπευ αὐτὸς φησὶ ταῖς γυναῖξί, ὅτι ἔειπατε τοῖς ἀδελφοῖς μου, ἀναβαίνω πρὸς τὸν Πατέρα μου καὶ Πατέρα ὑμῶν καὶ Θεὸν μου καὶ Θεὸν ὑμῶν) καὶ μετὰ παρέλευσιν τεσσαράκοντα (f. 165 γ.) ἡμερῶν ἠτοίμασε τοῖς ἁγίοις αὐτοῦ μαθηταῖς καὶ ἀποστόλοις καὶ προφήταις καὶ πᾶσι τοῖς διὰ τοῦ θείου κηρύγματος αὐτῶν πεπιστευκόσιν εἰς αὐτὸν καὶ ἀγαπῶσιν αὐτόν· ὅς καὶ ἐνετείλατο αὐτοῖς οὕτως λέγων· Ἐν τῇ οἰκίᾳ τοῦ Πατρὸς μου μὲναι πολλαί εἰσιν, εἰ δὲ μή γε πορεύομαι ἑτοιμάσαι ὑμῖν τόπον. Αὕτη οὖν ἡ πολυδαύμαστος σκηνὴ καὶ μόνη κατοικεσία ἦν ἐπηγγεῖλατο αὐτοῖς, ὡς εἴρηται, καὶ πᾶσι τοῖς ἀγαπῶσι τὴν ἐπιφάνειαν αὐτοῦ καὶ τιμῶσιν αὐτήν ἐν εἰκόνι· τὸ δὲ ὄνομα ταύτης ὑπάρχει ἐξαιρετικὸν καὶ πολυώνυμον τε καὶ θαυμαστόν ἐν ταῖς θείαις γραφαῖς, ἧτις ὠνόμασται νέα πόλις Σιών, πόλις οὐράνιος, πόλις ἢ ἄνω μητρόπολις, πόλις τῶν χριστιανῶν, πόλις ἢ νέα καὶ οὐράνιος Ἱερουσαλήμ, πόλις ἢ τῶν δικαίων κατὰπαυσις· τοῦτο τὸ κύριον ὄνομα ταύτης τῆς μεγάλης καὶ περιωνύμου καὶ περιβοήτου πόλεως. Τὸν δὲ γε ταύτης λαὸν ἀνάμεινον ἔτι μικρὸν καὶ ὄψει· οὐ μόνον δὲ τὸν λαὸν, ἀλλὰ καὶ τὸν φιλόδηρον αὐτῆς βασιλέα καὶ Κύριον καὶ (f. 165 ν.) κρεττὴν πάσης πνοῆς κατιδῆς καὶ καταμάδης. Δι' ὅν τε τρόπον τοῖς ἐνταῦθα ἐπιδεδῆμηκας καὶ κατ' ἀρχὰς μὲν εἶπόν σοι, γνώσῃ δὲ καὶ μετ' ὀλίγον τελεώτερον καὶ μάλα σαφέστερον, καὶ ἴδῃς ἃ ὀφθαλμὸς ἀνθρώπινος οὐχ' εἶωρακε καὶ οὐκ οὐκ ἤκουσε καὶ ἐπὶ καρδίαν ἀνθρώπου οὐκ ἀνέβη, καὶ ἀκριβῶς καταμάδης καὶ γνώσῃς ὅτι πᾶς ὁ πιστεύων εἰς τὸν ἐν Τριάδι ὑπὸ τῶν ὀρθοδοξῶν χριστιανῶν δοξαζόμενον Θεὸν καὶ εἰς τὴν ἕνσαρκον οἰκονομίαν αὐτοῦ τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ καὶ Λόγου τοῦ Θεοῦ καὶ εἰς τὸ κήρυγμα τῶν ἁγίων αὐτοῦ μαθητῶν καὶ ἀποστόλων, καὶ ἑμμένων εἰς τὴν διδασχὴν καὶ τὰ δόγματα τῶν ἁγίων καὶ θεοφόρων πατέρων, τῶν εἰς τὰς ἐπτὰ φημι καὶ ἁγίας καὶ οἰκουμενικὰς συνόδους συνεληλυθότων, καὶ ἀπλῶς τὴν παράδοσιν τῆς ἁγίας καὶ καθολικῆς καὶ ἀποστολικῆς ἐκκλησίας κρατῶν καὶ φυλάττων ἀπαράτρωτον, ζῆσεται εἰς τοὺς ἀπεράντους αἰῶνας, οἰκῶν ἐν τῇδε τῇ ἐξασίᾳ καὶ φρεῖ (f. 166 γ.) κωδεστάτῃ πόλει, ἀπολαύων καὶ εὐφραϊνόμενος τοῦ κάλλους αὐτῆς· ὁ δὲ γε ἔξωθεν τούτων πιστεύων καὶ παραχαράττων

καὶ καινοτομῶν τι τῶν δεδο[γ]μένων καὶ παραδεδομένων ἐν τῇ αὐτῇ ἀγιωτάτῃ ἐκκλησίᾳ (τῶν) θείων δογμάτων, λέγων ὅτι· πιστεύω εἰς τὸν Θεὸν τὸν τὴν γῆν καὶ τὸν οὐρανὸν ποιήσαντα, εἰς δὲ τὸν μονογενῆ Υἱὸν καὶ Λόγον αὐτοῦ, καὶ εἰς τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον βλασφημιῶν, οὐ ζήσεται εἰς τὸν αἰῶνα, ἀλλ' εἰς τὸ τῆς γενένης αἰῶνιον πῦρ παραπεμφθήσεται.

Τούτων οὕτως παρὰ τοῦ φοβεροῦ καὶ φρικωδεστάτου ἀγγέλου ἐκείνου πρὸς με λεγομένων, ἀναβλέψαντες τοῖς ὀφθαλμοῖς ἡμῶν ἐπὶ τὴν θαυμαστὴν ἐκείνην πόλιν, ὄρωμεν ἐν μέσῳ αὐτῆς σκοπὸν ἐξαισιον ὑψηλὸν καὶ θαυμαστὸν οἰοεῖ τινα λόφον ἐφ' ὑψηλοῦ ἰστάμενον καὶ λίαν ὑπερανεστηχότος τόπου· ἦν δὲ ὅλος πετυρακτωμένος πυρὶ, οἰοεῖ τις σιδήρος ἢ χαλκός ἀπηνδρακωμένος· ἐπάνω δὲ αὐτοῦ σταυρὸς φοβερός καὶ φρικῶς (f. 166 v.) ὄρης ὠρᾶτο ἰστάμενος ἐξαστράπτων καὶ καταφλέγων, μᾶλλον δὲ καταφωτίζων τὸν φρικώδη ἐκείνον αἰθέρα· ἐπάνω δὲ τοῦ τριούτου σταυροῦ περιστέρα μεγάλη σφάδρα, λευκὴ ὡσεὶ χιών καὶ εἰς τὸ ὄρασθαι ἠδέεα, καὶ περιέπτατο· ἐν δὲ τῇ πρὸς αὐτὴν ἀτενίσει φῶς ἀπειρον καὶ ἀνεκλάλητον ἐκπέμπουσα καὶ φίλτρον ἔρωτος πνευματικοῦ καὶ θείας ἀγαλλιᾶσεως ἐν τῇ καρδίᾳ ἡμῶν εἰσάγουσα· ἐπάνω δὲ τοῦ φοβεροῦ καὶ πυρρειδοῦς σταυροῦ ἐκείνου ὤπται· ἡσπινος φρικτῶς στρεφομένης, οἰοεῖ ῥόδα κοκκινοβαφῆ καὶ ἀνθη χιονοφεγγῆ, ὡσπερ ἀπὸ πυρακτωμένου σιδήρου σπινθήρες ἀπειτινάσσοντο καὶ ἐπὶ τοῦ φρικτοῦ αἰθέρος τῆς ἀγίας πόλεως ἐκείνης ἐξέπιπτον.

Ἐπι βλεπόντων ἡμῶν ταύτην, ὄρωμεν, καὶ ἰδοὺ ἀπὸ τοῦ φοβεροῦ ἐκείνου ὕψους τοῦ αἰθέρος κάτεισιν, ὡσπερ τις ἀστραπὴ ἐκπληκτικὴ, νεανίας τις ἐπὶ τὴν πόλιν πτέρυξι φλογεροῖς ἀκτινοβολούσαις περιαστραπτόμενος καὶ τινας ἐτοιμασίας. (f. 167 r.) ἐν τῇ πόλει ἐκείνῃ διατάττων καὶ ἐτοιμάζων, ὡσανεὶ βασιλέως καθέδραν καὶ τινων στρατευμάτων μελλόντων ἀφικέσθαι ἐκείσε. Ἐπι γοῦν ὄρωμεν, καὶ ἰδοὺ ἕτερος νεανίας θαυμαστός τῳ εἶδει ἀπὸ τοῦ αὐτοῦ ὕψους κάτεισι σὶν τάχει πολλῶν ἐπὶ τὴν πόλιν θρόνον φρικώδη κατέχων, ὃν ἠτοίμαζε τῳ ἐρχομένῳ βασιλεῖ, φωνὴ δὲ τις ἐξηκούετο εἰς τὰ ὄρα ἡμῶν· ἐξερχόμενη ἐκ τῆς πόλεως λέγουσα· Μέλλει ὅσον ὅπου παραγίνεσθαι ἐπὶ τὴν ἁγίαν πόλιν ταύτην βασιλεὺς μέγας καὶ φοβερός μετὰ δυνά-

μεως και δοξης πολλῆς. Ἔτι πρὸς τούτοις ὀρώμεν, και ἰδοῦ τέσσαρες νεανίαι ἀπὸ τοῦ ὕψους ἐκείνου κατήλθον ἐπὶ τὴν πόλιν και αὐτοὶ κατέχοντες ἀνὰ μίαν λαμπάδα· αἱ δὲ λαμπάδες ἐκεῖναι ξένη και αὐλφ πυρὶ καιόμεναι, ὀφθαλμοῖς αἰσθητοῖς μὴ ὀρώμεναι· ὀφτινες μιᾶ φωνῇ λυγηρῶς ἀνεβόων· Ἐλαμψεν ἡ χάρις σου, Λόγε Θεοῦ τοῦ ὑψίστου, ἐλήλυθεν ἡ δόξα τῶν ἀγίων σου, ὕψι τοῦ Θεοῦ τοῦ ζῶντος. Μετὰ δὲ τούτοις ὀρώμεν, και ἰδοῦ (f. 167 v.) ἕτερος νεανίας θαυμαστός τῷ εἶδει, ἐξαισίς τῷ κάλλει, ὅς και κατέβη ἐναντι τῆς θαυμαστῆς ἐκείνης πόλεως και ἀνέκραγε μεγάλη και δι' ὀλίγων· Ἰδοῦ ἡ κρίσις και ἡ ἀνάστασις τῶν νεκρῶν και ἡ ἀνταπόδοσις τῶν βεβιωμένων ἐκάστου παρὰ τοῦ δικαίου κριτοῦ ἐπεδήμησε.

Προσσχόντες τοιγαροῦν βλέπομεν, και ἰδοῦ στύλος πυρὸς κατήρχετο ἀνωθεν και ἐν τῷ κατέρχεσθαι αὐτὸν ἦχος ἀπετελεῖτο φρικτός και φοβερός, πῦρ ἄπειρον βάλλων ἀπὸ προσώπου αὐτοῦ ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τοῦ αἰθέρος· και αὐτὸς κατελθὼν ἔστη, οὐκ ἐπὶ τῆς θαυμαστῆς ἐκείνης πόλεως, ἀλλ' ὅπῃς τινὸς ἀνοιγείσθαι αὐτῷ ἐπὶ τοῦ δαπέδου ἐκείνου, εἰς ὅπερ ἡμεῖς ἰστάμεθα, κατέβη ἐπὶ τὸν κόσμον και διεχύθη εἰς τέσσαρας ἀρχὰς και ἤψατο τῶν τεσσάρων γωνιῶν τῆς κτίσεως. Και ἰδοῦ φωνῇ ἐν μέσῳ τοῦ κόσμου λέγουσα· Ἰδοῦ ἡ δημιουργικὴ τοῦ ὑψίστου δύναμις πάντων ἤψατο τῶν ἀνθρωπίνων ὀστέων και ἀδροῖσει (f. 168 r.) αὐτὰ, ὀστέον πρὸς ὀστέον και ἀρμονίαν πρὸς ἀρμονίαν αὐτῆς. Πρὸς ταύτην οὖν τὴν ἐξαισίον και πλήρη θάμβους φωνὴν ἐκπληττομένων ἡμῶν, ἰδοῦ ἕτερος φοβερός νεανίας λευκὸν ἐνδυμα ὡς τὸ φῶς περιβεβλημένος και τὴν ὀσφύν αὐτοῦ περιεζωσμένος οἶονεῖ ἤλεκτρον καθαρὰν· και αὐτὸς κραταιῶς ἐπορεύετο φέρων ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ τόμον ὡσεὶ πῦρ, και ἐν τῷ τόμῳ ἐκείνῳ ἦν ἐπιστολὴ Κυρίου γεγραμμένη πρὸς τὸν Σατᾶν πεμφθεῖσα, οὔτινος ἐφασκον πληρωθῆναι τὴν βασιλείαν ἔτη τρία βεβατιλευκότος κατὰ πρόσωπον πάσης τῆς γῆς. Και αὐτὸς οὐκ ἐπὶ τὴν πόλιν παραγέγονεν, ἀλλὰ κατόπιν ἀφίκετο τοῦ πυρίνου στύλου, ὡς ἐπὶ τὸν κόσμον παραγενόμενος, ἐνθα ὁ δηλωθεὶς Σατᾶν ἐβασίλευ(σ)ε, και στὰς κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ ὑπανέγνω τούτῳ τὴν σταλείσαν αὐτῷ παρὰ Κυρίου ἐπιστολὴν και κατασχὼν αὐτὸν εἶλκεν ἐξω τῶν βασιλείων ἐπὶ τῷ θεῖναι αὐ(f. 168 v.) τῷ ὀσφρησιν αὐτοῦ ἐπὶ τὸ τεῖχος τῆς γῆς, ὡστε ἀναμάξασθαι και

εισοικίσασθαι αὐτόν πᾶσαν διαφθοράν καὶ κακίαν, πᾶσαν ὀργήν καὶ μῆνιν, πάντα ἰόν καὶ θυμέν πάσης ἀκαθαρσίας καὶ ἀνομίας, πάσης πονηρίας καὶ αἰρέσεως, πάσης μαγίας καὶ φαρμακίας καὶ εἰδωλολατρίας· ὅτι ἰδοῦ πέφθακε τὸ τέλος αὐτοῦ καὶ μέλλουσιν αὐτόν κατακαίειν μετὰ καὶ πάντων τῶν στρατευμάτων αὐτοῦ. Διὰ τοῦτο προσέταξε Κύριος ἀναμαζάσθαι καὶ πρὸς ἑαυτὸν ἐλκύσασθαι πᾶσαν κακίαν, ἣν αὐτὸς ἑαυτῷ μετὰ τὴν ἰδίαν ἔπαρσιν καὶ τὴν ἐκ τῶν οὐρανῶν ἀπορριφήν ἐδημιούργησεν, ὡς ἂν σὺν αὐτῷ εἰς τὰ ἡτοιμασμένα αὐτῷ κολαστήρια σὺν πάσῃ τῇ στρατιᾷ αὐτοῦ παραδοθῇ καὶ εἰς τὸ μὴ ὂν παντελῶς ἀπὸ τοῦ κόσμου χωρήσῃ καὶ ἀπελαθῇ.

Ἔτι οὖν ἡμῶν ἐπὶ τούτοις ἐχόντων καὶ ἐπὶ τῇ τοιαύτῃ θεωρίᾳ ἀσχολουμένων, ἰδοῦ παρεμβολαὶ δυνάμεων ἐρίππων μεγάλαι σφόδρα· οἱ δὲ τούτων ἵπποι πύρινοι πτερωτοί, φλόγα πυρὸς ἐκπέμποντες ἀπὸ τῶν मुखτή(ф. 169 г.)ρων αὐτῶν, ἐπὶ τοῦ αἰθέρος ἐκείνου βαδιζόντες· καὶ αὐταὶ οὐκ ἐπὶ τὴν πόλιν εἰσῆρχοντο, ἀλλ' ἐπὶ τὸν κόσμον ἐπορεύοντο. Ἐνωτισαμένων οὖν ἡμῶν ἐπὶ τῷ κατελθεῖν αὐτοὺς ἐπὶ τὸν κόσμον, ἀκηκόαμεν καὶ ἰδοῦ βραὶ, κλαυθμοὶ τε καὶ ὄδυρμοὶ πολλοὶ ἐξηκούοντο ἰσχυρῶς ἀπὸ προσώπου πάσης τῆς γῆς, ἐπειδὴ οἱ κατελθόντες ἐκεῖσε ἔφιπποι ἄγγελοι ἰσχυρῶς ἐξήλαυνον, ὡς φησὶν ὁ σὺν ἐμοὶ ἄγγελος τοῦ Θεοῦ ἐστῶς ἐκεῖσε, ἐπὶ πᾶσαν πόλιν καὶ χώραν καὶ τόπον ἄβατον καὶ ἀμειδίῃ, καὶ ἀφειδῶς κατέσφαττον πάντας τοὺς ἀποπλανηθέντας ὀπίσω τοῦ ἀποστάτου καὶ Ἀντιχρίστου Σατᾶν ἐν τῷ καιρῷ τῆς αὐτοκρατορίας αὐτοῦ, μὴ ἀξιουμένους ἐλέους ἢ συγγνώμης τινός. Ἔτι τούτοις ἀποσκοποῦντες ὀρώμεν, καὶ ἰδοῦ στράτευμα στρατευμάτων ἐν εὐσχήμῳ καταστάσει καὶ τάξει βασιλικῇ ἐπὶ τῆς γῆς πληρώματα ἀφιέμενα, ἀριθμῷ ὅλως μὴ ὑποκείμενα, καὶ ταῦτα ἐτοιμασίαν ἐποιοῦντο τῆς τοῦ Κυρίου ἐλεύσεως· ὁ γὰρ θρόνος αὐτοῦ ὁ φοβερός καὶ ἅγιος παρ' αὐτῶν ἡτοιμάζετο (ф. 169 в.) καὶ ἐτίθετο ὡς προσῆκε τῇ δόξῃ τῆς ἁγιοσύνης αὐτοῦ. Τούτων δὲ παρελθόντων, ἰδοῦ εἰς τῶν ὑψηλῶν καὶ ἐνδοξῶν νεανίσκων, οὗ ἡ στολὴ βασιλική, ἐνδόξως κάτεισιν ἀπὸ τοῦ ὕψους ἐκείνου τοῦ φοβεροῦ, καὶ αὐτὸς σάλπιγγα κραταϊάν ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ κατέχων, πρὸς τὰ ἐπίγεια ἐπορεύετο κατόπιν τῶν ἐξαισίων στρατευμάτων ἐκείνων. Κατόπιν δὲ αὐτοῦ ἰδοῦ δυσκαίδεκα ὠραιότατοι καὶ εὐεῖδεις νεανίαί, καὶ αὐτοὶ τὴν στολήν

καὶ τὴν μορφήν βασιλικὴν ἠμφιεσμένοι παρομοίαν τοῦ προκατιόντος νεανίσκου, σάλπιγγας χρυσᾶς ἀστραπτούσας καὶ κραταιὰς ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῶν κατέχοντες. Καὶ ὡς παρωχῆκασιν ἐπὶ τοῦ αἰθέρου τοῦ προγεῖου, συμπαρέστησαν τῷ προκατιόντι ἐκεῖσε φοβερῶ καὶ ἐξαισίῳ νεανίσκῳ· εἰδ' οὕτως ἐσάλπισε πρῶτος ἐκείνων τῶν ἄλλων ἐν δυνάμει ἰσχύος αὐτοῦ, καὶ ἀπὸ τοῦ ἤχους τῆς τοιαύτης χρυσῆς καὶ φοβερᾶς σάλπιγγος διεδονήθησαν πάντα τὰ πέρατα· εἶτα ἐσάλπισαν καὶ οἱ σὺν αὐτῷ ἰστώτες ἕτεροι δώδεκα νεανία. Καὶ ἰδοὺ ἐ(φ. 170 γ.)τρόμαξε πᾶσα ἡ γῆ καὶ ἀνέωχθησαν πάντα τὰ μνημεῖα καὶ οἱ τάφοι τῶν ἀπ' αἰῶνος κεκοιμημένων, καὶ ἀνέβη νεῦρα καὶ σὰρξ ἀφ' ἁφάρτος ἐπὶ τὰ ὀστᾶ τῶν ἐν τοῖς τάφοις κειμένων νεκρῶν, καὶ πνεῦμα ζωῆς οὐκ ἦν αὐτοῖς. Καὶ προσθεὶς ἐσάλπισεν ἐκ δευτέρου ὁ φοβερὸς καὶ ἐνδοξὸς ἐκεῖνος νεανίας, καὶ ἐτρόμαξε πᾶσα ἡ οἰκουμένη καὶ ἀνέωχθησαν, ὡς προείρηται, αὐτομάτως πάντα τὰ μνημεῖα τῶν ἀπ' αἰῶνος κεκοιμημένων, καὶ ὡσπερ ὕλος ὑπὸ βαρυτάτου λίθου κρουσθεὶς συντρίβεται, οὕτως ἀπὸ τῆς φρικτῆς ἐκείνης τῶν σαλπίγγων βοῆς πάντα συνετρίβησαν καὶ ὡσεὶ χουῖς ἐλεπτύνθησαν καὶ εἰς ἀφανὲς κατέστησαν καὶ τοὺς ἐν αὐτοῖς κειμένους νεκροὺς ἔξω σώους καὶ ἀνελλιπεὶς ἀπέριψαν τῇ ἡχῇ τῆς κραταιᾶς σάλπιγγος ἐκείνης. Καὶ ἰδεασάμεθα ἔτι, καὶ ἰδοὺ ὡσεὶ ἄμμος τῆς θαλάσσης καὶ ὡσεὶ χουῖς τῆς γῆς στρατεύματα νεανίσκων ἀκωθεν κατερχόμενα διὰ τάχους ἐπὶ (φ. 170 ν.) τὰς τῶν ἀπ' αἰῶνων ψυχῶν τῶν ἀνθρώπων καταπαύσεις πορευόμενα τοῦ ἐξαποστεῖλαι αὐτάς καὶ ὀδηγῆσαι ἐκάστου ἀνθρώπου ψυχὴν ἐπὶ τὸ ἴδιον αὐτῆς σκήνωμα. Καὶ ἐσάλπισε τρισσεύσας ὁ μέγας ἀρχιστράτηγος Κυρίου Μιχαὴλ· οὕτως γὰρ ἦν ὁ τῶν ἄλλων πάντων ἀγγέλων ἐξοχώτατος, ὃς καὶ προκατεῖσι πρὸ τῶν ἄλλων, ὡς ἐφημεν· καὶ ἔφριξεν οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ· ἀπὸ τῆς ἰσχυρᾶς ἡχοῦς τῆς φωνῆς τῆς τρίτης σάλπιγγος· καὶ ἰδοὺ πᾶσα ἡ συναγωγὴ υἰῶν ἀνθρώπων ἐξερρίφη ἔξω ζῶσα ἀπὸ τοῦ χώματος πάσης τῆς γῆς, καὶ ἰδοὺ ἡ θάλασσα καὶ οἱ ποταμοὶ ἀνέβρασαν ἐπὶ τὴν ξηρὰν καὶ ἄπαν ἄλσος καὶ πᾶσα λίμνη φόβῳ καὶ τρόμῳ ἀπέδωκαν καὶ ἐξήμεσαν πλήθη ἀναρίθμητα ἀνθρώπων. Καὶ ἰδοὺ μυριάδες μυριάδων ἀνθρωποὶ, καὶ ὑπὲρ αὐτῶν τὸν χουῖν τῆς γῆς καὶ τὸν τῆς θαλάσσης ψάμμον ἦσαν τῷ ἀριθμῷ γρηματίζοντες ἐν πλεονασμῷ, οἵτινες εὐρέθησαν αἰφνης εἰς τὸ πρόσωπον πάσης

τῆς γῆς, ἰση τῇ ἡλικίᾳ πάντες χρηματίζοντες, αἱ τε θῆλειαι καὶ οἱ ἄρρενες, καὶ διαφορὰ οὐκ ἦν ἐν αὐτοῖς· εἰ γὰρ λίαν ἐφ' ὑψηλοῦ τόπου τοῦ προδηλωθέντος ἡμεν ὑπερι(φ. 171 γ.)σταμένοι, ἀλλ' οὖν ἐδόθη ἡμῖν ὑπὸ τοῦ Κυρίου χάρις καὶ δύναμις βράσειώς τε καὶ γνώσεως, δεῖ ἤς, ὡς ὑπὸ τινος ὁπῆς ἀνεωχθείσης ἡμῖν κατὰ πρόσωπον τῆς ὑπ' οὐρανόεν, ἠδυνήθημεν ταῦτα καθαρῶς πάντα καὶ λίαν ἀπλανῶς θεωρῆσαι καὶ καταστογάσασθαι· καὶ ὡσπερ ἂν αὐτὰ τὰ ἐν τοῖς ποσὶν αὐτοῦ ὄντα ἰσχύει τις ἐπιφανῶς τε καὶ τηλαυγῶς κατιδεῖν καὶ κατανοῆσαι καὶ ἀκριβῶς καταμαθεῖν, οὕτω καὶ ἡμεῖς ἐβλέπομεν καὶ κατεμανθάνομεν ἀπλανῶς ταῦτα πάντα. Εἶδομεν γοῦν ἐν τῷ ἀναστῆναι τὸν πρωτόπλαστον Ἀδὰμ σὺν τῇ Εὐὰ καὶ πᾶν ἔθνος καὶ πᾶσαν φυλὴν, ἣτις ποτὲ ἐξῆσεν εἰς τὸ πρόσωπον τῆς γῆς ἐκ τοῦ σπέρματος αὐτῶν μετ' αὐτῶν, καὶ ἴσταντο ἐν στενοχωρίᾳ καὶ λύπῃ πολλῇ ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς· ὧν οἱ μηδέποτε τὸ τῆς ἀναστάσεως μυστήριον ἐφρεττον πλέον τῶν ἄλλων καὶ ἰλιγγίων τῷ ὄντι καὶ ἔτρεμον καὶ μεγάλως ἐκόπτοντο, κατανοοῦντες τὰ κατ' αὐτούς καὶ ὁμῶς διαλυθέντες εἰς γοῦν αὐδῆς σῶσι καὶ ἀνελλιπεῖς ἐξανέστησαν καὶ εἰς τὸ ἔμψα(φ. 171 ν.)νὲς ζύμπαντες ἐξηγέρθησαν, ὡς μηδὲ αὐτὰ τὰ ἀρτίτοκα καὶ ἀρτιδάνατα ἄωρα βρέφη ἀπολειφθήσεσθαι τῆς τριαύτης ἐξαναστασεως, ἀλλὰ καὶ τῆς αὐτῆς ἡλικίας καὶ τάξεως σῶα καὶ ταῦτα τυγχάνοντα, καὶ ἐκ τούτου ἐξίστασθαι καὶ καταπλήττεσθαι καὶ ἀγωνιᾶν πάντας σφόδρα καὶ ἀναλογιζομένους τὰ τριαῦτα φρικτὰ καὶ παράδοξα μυστήρια. Καὶ αὐτὸς οὖν ἐγωγε ἐφρεττον σφόδρα λίαν καὶ ἔτρεμον, καὶ εἰ μὴ χάρις ἦν ἔμοι δοθεῖσα καὶ δύναμις ἐκ Θεοῦ διὰ τῶν τιμίων εὐχῶν τοῦ ἀγίου αὐτοῦ θεράποντος καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου, ἀπώλεσα ἂν ἀπὸ τοῦ φόβου ἐκείνου καὶ τὸ ζῆν παραντίκα, πρᾶγμα καθορῶν ξένον καὶ φρικτὸν τῷ ὄντι καὶ παράδοξον καὶ πάσης γέμεον ἐκπλήξεως, οὐ μόνον ἔμοι, ἀλλὰ καὶ πᾶσι τοῖς οὐσι καὶ καθορῶσι ταῦτα· λέγω δὴ τὴν ἀνάστασιν τῶν νεκρῶν, τὴν τῶν θηλείων ἐναλλαγὴν πρὸς τὸν ἀνδρώδη μετασχηματισμὸν, καὶ τὴν τῶν ἀρτιγενῶν νηπίων ἀποβεβιωκότων εἰς τὴν ἰσην πᾶσιν ἡλικίαν μετὰμεψίν καὶ σωματικὴν ὁμοίωσιν πάντων τῶν ἀπὸ Ἀδάμ καὶ μέχρι τοῦ (φ. 172 γ.) ἐσχάτως πάντων. Καὶ ἐν αὐτῇ σχεδὸν τῇ κρούσει τῆς σάλπιγγος γεννηθέντος, τῶν μὲν ἤδη κεκοιμημένων καὶ

αὐδῆς ἐγγηγερμένων, τῶν δὲ ἐν ἀτόμῳ ἐν ῥιπῇ ὀφθαλμοῦ, ὡς φησὶν ὁ θεὸς ἀπόστολος, ἐναλλαγέντων, καὶ ὅτι οὐδεμία ἐν τινι αὐτῶν ἦν σωματικῆς ἰδιότητος διαφορά, εἴόν τι λέγω σιμότης, λευκότης, μελανότης, γρυπότης, νηπιότης, γηραιότης ἢ ἄλλο τι τοιοῦτον, ἀλλὰ πάντων ἡ ἰδέα καὶ ἡ ἡλικία μία καὶ ἡ αὐτὴ ἀνδρῶν τε καὶ γυναικῶν, νηπίων τε καὶ νέων καὶ γεγηρακῶν.

Ἄλλὰ τί πάθω; ὁ γὰρ νοῦς μου κλονεῖται καὶ τῷ δέει συνέχεται, ἡ χεὶρ μου δὲ ναρκᾷ καὶ τρέμει, ἡ γλῶσσα πεδεῖται καὶ πρὸς τὸ λέγειν ἰλιγγιᾷ καὶ φρίττουσα ἀτνεῖ, καὶ ὅλος δι' ὄλου ἐξίσταμαι καὶ τῷ φόβῳ συστέλλομαι· μέλλω γὰρ ὑμῖν διηγήσασθαι φρικτὰ καὶ ἐξαισία καὶ τῷ ὄντι παράδοξα καὶ ξένα μυστήρια, ὅθεν ὑμᾶς τοὺς ἀκρατάς δυσωπῶ πάσῃ νήφει καὶ προσοχῇ καὶ τελείφω φόβῳ Θεοῦ τῶν ἐμῶν ἐπακροάσασθαι ῥημάτων· φρικτὰ γὰρ ταῦτα καὶ ἀνήκουστα καὶ πά(φ. 172 ν.)ση ἀκοῇ ἀνθρωπίνῃ δυσπαράδεκτα, διὸ καὶ τοῖς πολλοῖς ἄπιστα δοξεῖε καὶ μάλιστα τοῖς ἀπλουστέροις. "Ὅθεν παρακαλῶ ὑμᾶς, ἀδελφοί, μηδεὶς σκανδαλισθῆ ἐπὶ τοῖς λεγομένοις καὶ ἀντὶ εὐλογίας καὶ μισθοῦ κομίσηται· ὡς ἐπὶ τοῦ φρικτοῦ γὰρ καὶ ἀπαραλογίστου θρόνου τοῦ φοβεροῦ καὶ δικαίου Κριτοῦ παριστάμενος μετὰ πάσης ἀκριβείας ἄπερ ἐώρακα ἀψευδῶς ταῦτα τῆδε τῇ γραφῇ ἀπαραλλάκτως συντέταξα καὶ ὑμῖν παραδέδωκα εἰς κοινήν ὠφέλειαν τῶν ἐντυγχανόντων. "Ὅθεν, ὡς ἔφην, προσεκτέον τοῖς λεγομένοις· ἐπὶ γὰρ τὸν εἰρμόν τοῦ λόγου τὸν λόγον ἐπαναγάγω.

Ὡς γὰρ τὰ φρικτὰ ἐκεῖνα καὶ ξένα ἐώρων πράγματα καὶ θεῖα μυστήρια τὰ ἐξ ἀκοῆς μόνῃς νοῦν καὶ διάνοιαν ἐξιστώντα, ἐξιστάμενη καταπληττόμενος ὅλος καὶ τῷ φόβῳ βαλλόμενος· τινῶν μὲν ὑπῆρχον τὰ πρόσωπα λαμπρῶς ἐξαστράπτοντα καὶ λίαν περιφανῶς αὐγάζοντα ὡσπερ ἀστέρες, τινῶν δὲ λάμποντα (φ. 173 Γ.) μὲν λίαν, καταδέεστερον δὲ, ὡσπερ καὶ περὶ τούτων ἐν τῷ ἀποστολῷ εἴρηται, φάσκοντι· Ἄστηρ ἀστέρος διαφέρει ἐν δοξῇ· καὶ τινῶν μὲν ἀπηγάζον οἷα δὴ σελήνη ἐν τῷ ζόφῳ τῆς νυκτός, τινῶν δὲ ὡσπερ αὐτὸ τὸ φῶς τῆς ἡμέρας ἔλαμπον καὶ ἐφαιδρύνοντο, καὶ τῶν μὲν ἦπτον τὰ πρόσωπα οἷα δὴ σιδήρος πεπυρακτωμένος σπινθηροβολῶν, τινῶν δὲ ὡς ὁ ἥλιος ἔλαμπον, καὶ τῶν μὲν ὡσεὶ γῶν καθορῶντο τὰ πρόσωπα λευκά, τῶν δὲ διαφανῆ ὡσεὶ ἕρισιν, καὶ τινῶν μὲν ὡσπερ τὰ

λευκά και ἐρυθρά ῥόδα ἀπέστιλβον· και ἀφατός τις ἦν ἐν τούτοις δόξης και λαμπρότητος διαφορά. Και ὑπεράνω δὲ τῆς ὀφρύος τῆς ἐνός ἐκάστου αὐτῶν κεφαλῆς γράμματα ἐξ ἀστραπῆς ἐνεγέγραπτο δηλοῦντα τὴν αὐτῶν ἀρετὴν· και τισι μὲν ἔγραφον· προφήτης Κυρίου, ἐν ἄλλοις δὲ· ἀπόστολος Κυρίου, και ἐπί τισι μὲν ἐδήλου ἡ γραφή· μάρτυς Κυρίου ὁ δεῖνα, ἐπί τισι δὲ· ἐγκρατῆς διὰ Κύριον ὁ δεῖνα, και ἐν τισι μὲν κῆρυξ Κυρίου και ἐν ἄλλοις· (f. 173 v.) εὐαγγελιστῆς Κυρίου, και ἐν τοῖς μὲν παρεδήλου ἡ γραφή· ὁμολογητῆς Κυρίου, ἐν τοῖς δὲ· ἱεράρχης Κυρίου, και ἐν τισι μὲν· ὁσιος Κυρίου, και ἐν τισι δὲ· ἀσκητῆς Κυρίου, και ἐφ' ἱκανοῖς μὲν· δίκαιος Κυρίῳ τῷ Θεῷ, ἐφ' ἱκανοῖς δὲ· τῷ πνεύματι πτωχός και ταπεινός τῇ καρδίᾳ, και ἐν ἄλλοις μὲν· ἐλεήμων και εὐμετάδοτος, ἐν ἄλλοις δὲ· συμπαθῆς και οἰκτιρίμων, και ἐν τισι μὲν· πένθει και δάκρυσι κεκαθαρμένος, και ἐν τισι δὲ· ὀθλίφεις και ὄωγμούς και ὄνειδισμούς και μάστιγας διὰ Κύριον ὑπομείνας εἰς τέλος, και ἐν τοῖς μὲν· ὁ πρᾶος και ἡμερος, συμπαθῆς τε και εὐ[σ]πλαγγνος, ἐν οἷς δὲ· ὁ εἰρηνοποιός, ἐν ἄλλοις· ὁ δεδιωγμένος ἐνεκεν δικαιοσύνης, και ἐν ἄλλοις· ὁ ξεντεύσας διὰ Κύριον, και ἐν τοῖς μὲν· ξενόδοχος και πτωχετρόφος, ἐν τοῖς δὲ· ὁ πιστός και εὐγνώμων δοῦλος Κυρίου, και ἐν τισι μὲν· ὁ καλῶς διακονήσας τὴν πνευματικὴν αὐτοῦ διακονίαν, ἐν τισι δὲ· ὁ τὴν ὑπακοὴν ἐν ταπεινώσει καρδίας διὰ Κύριον μέχρι τέλους ζωῆς αὐτοῦ κτισάμενος, και ἐν ἄλλοις μὲν· ὁ παρθένος και ἀγνός και καθαρός Κυρίῳ (f. 174 r.), ἐν ἄλλοις δὲ· ὁ τὴν κριτὴν τῆς νομίμου συζυγίας αὐτοῦ ἀσπίλον και ἀμείωτον τηρήσας και διαφυλάξας, και ἐν τοῖς μὲν· ὁ τὴν ψυχὴν αὐτοῦ θεῖς ὑπὲρ τῆς ἀγάπης τοῦ πλησίον αὐτοῦ, ἐν τοῖς δὲ· ὁ πενίας κάμινον εὐψύχως και εὐχαρίστως διὰ Κύριον ὑπομείνας, ἐν ἄλλοις δὲ· ὁ μὴ ἀποδιδούς κακὸν ἀντὶ κακοῦ, και ἐν ἄλλοις· ὁ τῆς μετανοίας ἐργάτης, και ἐν τισι μὲν· ὁ τὸ δίκαιον και εὐδὲς και ἀγαθὸν καλῶς ποιήσας ἐνώπιον Κυρίου, εἶτα διδάξας τούτο και ἄλλους πολλούς, ἐν τισι δὲ· ὁ ἐν τοῖς θεοῖς ναοῖς τοῦ Θεοῦ αἰετῶς ἐνασχολούμενος και τῶν τοῦ Θεοῦ λογίων μετὰ ἡσυχίας και φόβου ἐπακρωόμενος· και ὦν μὲν· ὁ μὴ θησαυρίσας ἐπὶ τῆς γῆς και τὴν ἰδίαν γαστέρα μόνος ἐγνωκῶς ἐμπιπείς, ὦν δὲ· ὁ τῶν ἰδίων οἰκέταις συμπαθῶς διακείμενος και τούτοις μὴ ἀποδιδούς κατὰ τὰ ἔργα αὐτῶν και τὰ ὀλισθήματα. Και ἵνα συνελών εἶπω, ἐνός ἐκάστου

ἡ ἀρετὴ καὶ ἡ κακία τοῖς πᾶσι δῆλη καθίστατο· τοῦτο γὰρ παρεδήλου ἡ διὰ ἀστραπῆς σεσημειωμένη ἐν τῷ μετώπῳ ἐκάστου γραφή, τὴν πράξιν τε φη(ἰ. 174 ν.) καὶ τὴν κλῆσιν. Καὶ ἵνα μὴ μῆκύνω τὸν λόγον, ἐνός ἐκάστου, ὡς εἴρηται, ἡ ἀρετὴ καὶ ἡ κακία γράμμασι διαχρῦσοις, ὡσπερ ἀστραπὴ ἐπὶ τοῦ αἰθέρος, ὑπεράνω τῆς κορυφῆς αὐτοῦ ἐγκεκολαμένοις παρεδηλοῦτο, τοῦτο μὲν ἀπὸ τῆς τῶν γραμμάτων ἐπιφανείας, τοῦτο δὲ καὶ ἀπὸ τῆς ἐν τῷ ἰδίῳ σώματι ἐξαστραπτούσης λαμπρότητος καὶ μάλιστα ἀπὸ τῆς δοθείσης τηνικαῦτα ἐκάστη ψυχῇ, δικαίων τε φημι καὶ ἀμαρτωλῶν, σὺν τῇ ἀφρασίᾳ θείας γνώσεως· ὥστε ἐν τοσοῦτῳ ἀναριθμητῶ καὶ ἀπείρῳ πλήθει τοὺς πάντας τοῖς πᾶσι γνωρίζεσθαι οὕτως ἀκριβῶς, ὡσπερ ἐνταῦθα ἡ γυνὴ τὸν ἴδιον ἄνδρα ἐπίσταται, μεθ' οὗ καὶ συνοικεῖ καὶ ὄν κοινωνόν ἐν τῷ βίῳ τούτῳ κέκτηται, τοῦ φιλανθρώπου καὶ ὑπεραγάδου Θεοῦ ἡμῶν τοῦτο οἰκονομήσαντος, τοῦ γινῶναι δηλαδὴ ἕκαστον ἑαυτὸν καὶ πληροφρορηθῆναι ἐκ τῶν ἰδίων ἔργων οἷας ἔτυχε καταστάσεως· ναὶ μὴν ἀλλὰ καὶ πᾶσι δῆλος εἶναι, τίς ὁ ἐλεήμων φημι καὶ τίς ὁ ἀνελεήμων, καὶ τίς ὁ παρθένος καὶ καθα(ἰ. 175 γ.)ρός, καὶ τίς ὁ πόρνος καὶ ἀκάθαρτος, τίς ὁ συμπαθὴς καὶ εὐσπλαγχνος, καὶ τίς ὁ ἀπηγῆς καὶ ἀσπλαγχνος, τίς ὁ προφήτης καὶ τίς ὁ μάρτυς, τίς ὁ εὐσεβὴς καὶ φιλόθεος, καὶ τίς ὁ ἀσεβὴς καὶ ἀρνησίθεος, τίς ὁ δίκαιος καὶ φιλόπτωχος, καὶ τίς ὁ ἀδικος καὶ φιλόχρυσος· καὶ ἀπλῶς εἰπεῖν, πάντες καὶ πᾶσαι ἕκαστος αὐτῶν, οἷος ἂν εἴη, οἷας ἔτυχε τάξεως γνωρίζεσθαι τοῖς πᾶσιν, ὡς ἐφημεν, ὡσάν οἱ ἀξίως ἐνταῦθα πολιτευσάμενοι καὶ τῶν ἐντολῶν Κυρίου ἀκριβεῖς φύλακες καὶ ἐκπληρωταὶ ἀναδεχθέντες τε καὶ ὑπάρξαντες, ἐκεῖσε ὑπὸ πάντων γνωστοὶ καθίστανται καὶ τῶν μακαρισμῶν καὶ τῆς εὐφημίας καταπολαύουσι καὶ παρὰ πάντων τῆς εὐκλείας καὶ δόξης ὑπερεκθειάζονται καὶ καταγεραίρονται.

Οἱ δέ γε πάλιν ἐν τοῖς τῆς ἀριστερᾶς μερίδος εὐρεθέντες καὶ κατεσχημένοι τυγχάνοντες ὑπὸ πάντων καὶ ἐν πᾶσιν ἐπιγινώσκεσθαι καὶ θριαμβεύεσθαι, ὡς ἐνταῦθα μὴ καλῶς πολιτευσάμενοι καὶ τὰς ἐντολάς Κυρίου μὴδ' ὄλως φυλάξαντες, ἀλλὰ ὡσεὶ λῆρον τὰ βή(ἰ. 175 ν.)ματα ταύτης ἠγησάμενοι, καὶ μὴδὲ πρὸς τὰ τέλη τῆς ζωῆς αὐτῶν μετανοῆσαι καὶ ἐπιστρέψαι πρὸς σωτηρίαν διὰ μετανοίας καὶ δακρύων ὄλως προδυμηθέντες καὶ ἐξλιώσασθαι τὸ θεῖον τοῦ δοῦναι

αὐτοῖς συγγνώμην περὶ τῶν προπλημμεληθέντων αὐτοῖς καὶ προγεγονότων σφαλμάτων καὶ ἀθέσμων πράξεων. Καὶ περὶ μὲν τῶν τὰ πρόσωπα δεδοξα[σ]μένων καὶ λαμπρῶν ἐκείνων τοιαῦτα ἐγγέγραπτο· οἵτινες καὶ παντελῶς ὀλίγοι σφόδρα ἐτύγχανον πρὸς τὸ ἀνεξιχνίαστον πλῆθος ἐκεῖνο τῶν ἀναστάντων νεκρῶν· μόλις γὰρ εἰς τοὺς χιλίους ἢ καὶ εἰς τοὺς μυρίους ἐκείνους εἰς ἐτύγχανεν ἐξαστράπτων τῇ ἀνεξιχνίαστῳ καὶ ἀρρήτῳ ἐκείνῃ δόξῃ τε καὶ λαμπρότητι· τοιαύτη γὰρ ἦν ἡ δοθεῖσα πᾶσι παρὰ τοῦ Θεοῦ δῆλωσις τε καὶ γνώσις. Περὶ δὲ τῶν ἐν ἀμαρτίαις ζησάντων καὶ ἀμετανόητον τὸν βίον ὑπεξελθόντων, ἢ καὶ ἐν ἀπιστίᾳ παντελεῖ τῆς ἀληθοῦς θεογνωσίας ἢ καὶ ἐν διαφόροις ἀλλοκότοις αἰρέσει, τί ἂν εἴποι τις πόσης ἀηδίας καὶ ἀσχημοσύνης ἀνάπλεσι ὑπῆρ(φ. 176 ρ.)χον; Ἦν γὰρ ἰδεῖν ἐν αὐτοῖς σχήματα καὶ εἶδᾶς διαφόρους, χαλεπὰς τε καὶ εἰδεχθεῖς, καὶ τάραχον πολὺν καὶ συντριμμὸν καὶ σύγχυσιν, ὧν οὐκ ἦν ἀριθμὸς· τινῶν μὲν ἐξ αὐτῶν ἦσαν τὰ πρόσωπα οἷα χοῦς καὶ σποδὸς τῆς γῆς παραφυρούμενα, τινῶν δὲ ὡσπερ τις πηλὸς δυσώδης πολὺς ἐπὶ τῶν πλατειῶν κείμενος, ἄλλων δὲ κοπρώδῃ καὶ βορβορώδῃ καὶ δυσειδῇ λίαν, καὶ ἄλλων σηπώδῃ καὶ ὀξώδῃ, ὡς ἐπὶ τῆς ἀγορᾶς τεθνηκῶς πολυήμερος κύων βριδῶν σκωλήκων· καὶ τῶν μὲν ὀρῶντο οἷα τοῖχοι κεχρισμένα κόπρῳ, τῶν δὲ ὑπῆρχον ἐξοστρακωμένα ὡσπερ χελώνης τὸ ἐπιλεπον, ὧν καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ ὡς ἐξοιδούντες τραύματος ἔλκος ἐξέχεον· καὶ ἄλλων μὲν οἷα τὰ τῶν ἱερᾶν ἐχόντων νόσον, οὗς καὶ λωβοὺς καλεῖν οἶδεν ὁ λόγος, ὧν ἐξωδηκότα καὶ ἐφθαρμένα ὑπῆρχον τὰ πρόσωπα, ἄλλων δὲ ἠσβολωμένα καὶ σκοτεινὰ ὡς αὐτοῦ τοῦ Σατανᾶ· καὶ τισὶ μὲν ὑπῆρχεν οἷα τὰ τῆς Ἀκραγαντίνων τιμωρίας (φ. 176 ν.) ἦν ἔπαθον θεοκρίτως οἱ τὸν ἅγιον Γρηγόριον συκοφαντίσαντες, καὶ τισὶ δὲ ἐξ ἡμισείας ἡμαυρωμένα καὶ ἐξ ἡμισείας τιτανώδῃ, ἐτέρωθι μὲν παρόμοια τῷ τῆς ἀσπίδος δέρματι καὶ χρώματι ἐπιδεικνύμενα, ἐτέρωθι δὲ τῷ τῆς ἐχίδνης· ἐν ἄλλοις οἷον τὸ τοῦ ὄφεως δέρμα, καὶ ἐν ἄλλοις ὡσπερ τὸ τῆς πονηρᾶς σαύρας οὕτως ὑπῆρχον· καὶ τῶν μὲν δορὰ ὄνου ἐρημάτιζον, τῶν δὲ οἷα τὰ τῶν χοίρων βορβορώδῃ καὶ κοπρώδῃ· καὶ τινες μὲν ἐξ αὐτῶν κοπρώδεις ὅλως καὶ δυσώδεις ὑπῆρχον ἀπὸ ποδῶν ἕως κεφαλῆς, ὡσπερ οἱ ἐν βορβόρῳ κυλινοῦμενοι χοῖροι, τινὲς δὲ αἵματι πολλῷ βεραντισμένοι καὶ πλῆθος δυσωδίας

καὶ ῥύπου πολλοῦ ἐν τοῖς σώμασιν αὐτῶν ἔχοντες ὀρώντο, καὶ ἄλλοι μὲν ὁρᾶν γοῖρων ἐπὶ τὰ πρόσωπα ἐκέκτηντο, ἄλλοι δὲ ἀγριοὶ καὶ ἐβδελυγμένοι ὑφαίμους ἔχοντες τοὺς ὀφθαλμούς καὶ μεμνηότες ὀρώντο παντάπασι καὶ ἐξουθενημένοι· καὶ οἱ μὲν πίσση τὰ πρόσωπα κεχρισμένοι ὑπῆρχον, οἱ δὲ σηπώδεις ἀφρώδεις καὶ αἱματώδεις, καὶ ἄλλοι πεπληρω(φ. 177 γ.)μένοι πάσης ὠχρότητος καὶ τήξεως ὡς ἀπὸ μακρᾶς νόσου ταλαιπωρηθέντες καὶ τοῖς νεκροῖς παρομοιούμενοι καθορώντο. Καὶ ἄλλοι ἐν τῷ καθορᾶσθαι αὐτοὺς ἐν τοιοῦτοῖς σχήμασιν ἐβδελυγμένους ἀπὸ αἰσχύνης αὐτῶν εἰς φυγὴν ἐπειρῶντο τραπήναι καὶ κατακρύπτεσθαι, ἀλλ' οὐκ ἠδύναντο ἀπὸ τοῦ συνέχοντος καὶ συνωδοῦντος αὐτοῖς ἀναριδμήτου πλήθους τοῦ κατηχρειωμένου ἐκείνου λαοῦ· τσοῦτον γὰρ ἐστενοχωρεῖτο ἕκαστος αὐτῶν ἀπὸ τοῦ περιστώτος καὶ συσφίγγοντος καὶ συμπνίγοντος λαοῦ, ὥστε μηδὲ ὀπισθεν στραφῆναι δύνασθαι καὶ βλέψαι τίς ὁ συνέχων καὶ συμπνίγων αὐτούς· τσοῦτον γὰρ ὑπῆρχε τὸ πλήθος τοῦ περιστώτος λαοῦ ἐκείνου, ὡς μηδὲ τὴν ὑπ' οὐρανὸν πᾶσαν δύνασθαι χωρεῖν αὐτούς· ὅθεν οὐκ ἄλλο ἦν ἰδεῖν ἐν αὐτοῖς ἢ ἀκοῦσαι, εἰ μὴ τρόμφ πολλῶ καὶ φόβῳ σὺν δάκρυσι καὶ οἰμωγαῖς ἀκαταπαύστοις βοᾶν ἠμοθυμαδὸν μιᾷ τῇ φωνῇ τὸ· Οὐαὶ, οὐαὶ ἡμῖν τοῖς ταπεινοῖς, ὅτι αὕτη ἐσχάτη ἡμέρα ἐπὶ τῆς δευτέρας παρουσίας καὶ (f. 177 ν.) ἐπιλεύσεως Χριστοῦ τοῦ ἀληθινοῦ Θεοῦ ἡμῶν, ἣν ἀκούσαντες πρὸ τοῦ ἐξελθεῖν ἐκ τοῦ κόσμου ἐκείνου γέλωτα καὶ λῆρον ταύτην ἐλογιζόμεθα εἶναι, καὶ νῦν ἀνέστησεν ἡμᾶς ὥστε ἀποδοῦναι ἡμῖν κατὰ τὰ ἔργα ἡμῶν· οὐαὶ ἡμῖν τοῖς ἀδλίαις καὶ ἁμαρτωλοῖς, ὅτι οὐκ ἔστιν ἀνάνευσις ἐν τῷ θανάτῳ αὐτῶν ἡμῶν καὶ ἐν τῇ μάστιγι ἡμῶν· οὐαὶ ἡμῖν τοῖς ἀκαθάρτοις καὶ κατακεκρυμμένοις, ὅτι διὰ μικρὰν ἠδονὴν τοῦ κόσμου ἐκείνου τῇ πικρᾷ γέεινῃ τοῦ πυρός τοῦ ἀσβέστου παραπεμπόμεθα· ἐπειδὴ γὰρ ἔφθασεν ἡμᾶς ἡ τελευταῖα τοῦ βίου ἀμετανοήτους καὶ ἀνεξαγορεύτους, διὰ τοῦτο μέλλει ἡμᾶς ὁ δίκαιος κριτῆς πρὸς ἀσβέστη κατακαῦσαι.

Ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτά τινων ἐκ τοῦ ἀπίστου καὶ ἀναριδμήτου πλήθους ἐκείνου πρὸς ἀλλήλους λεγόντων καὶ πικρῶς ὀδυρομένων, ἴσταντο ἕτερα πλήθη ἀνθρώπων ἀναριδμήτα καὶ λογισμοῖς ἀνθρωπίνους ἀνεξιχνίαστα, καθὼς περ τὰ ἄλογα κτήνη· οἵτινες οὐδέποτε Θεὸν

ἡ Λόγον Θεοῦ ἢ θεί(f. 178 r.)ας τούτου γραφῆς διδασκαλίαν ἀκηκόασιν, οὔτε νόμου Μωσαϊκοῦ, οὔτε τοῦ τῆς χάριτος θείου Εὐαγγελίου ποτέ ἐπαχροσάμενοι, λέγοντες πρὸς ἀλλήλους ἀκούοντες τοὺς θρήνους ἐκείνων καὶ τὰς οἰμωγὰς λεγόντων περὶ τῆς τοῦ Χριστοῦ δευτέρας παρουσίας· Τίς ἐστὶν ὁ Χριστὸς οὗτος, ὃν οὗτοι Θεὸν ὀνομάζουσι περὶ κρίσεώς τε καὶ περὶ τῆς τῶν μελλόντων κολάσεων τιμωρίας, καὶ τίς ἐστὶν ὁ Θεὸς οὗτος, ὃν αὐτοὶ καταγγέλλουσιν; Ἐλεγον δὲ ταῦτα πρὸς ἀλλήλους καταπληττόμενοι καὶ ὅλως ἐξιστάμενοι, ἀκούοντες τὸ ὄνομα τοῦ Χριστοῦ, καὶ φασί· Τίς ἐστὶν οὗτος; οὐδαμῶς ἐπιστάμεθα ἢ γινώσκομεν πώποτε τούτου τὸ ὄνομα ἀκηκοέναι, ἡμεῖς γὰρ πολλοὶς θεοῖς ἐλατρεύσαμεν καὶ τούτους θερμῶς καὶ γνησίως ἐθεραπέυσσαμεν· εἰ οὖν ἐκεῖνοι ἐξήγεραν ἡμᾶς, οὐδαμῶς φοβηθησόμεθα κακὰ, διότι πάμπολλα αὐτοῖς δεδουλεύκαμεν καὶ εἰς αὐτούς πεποιθήκαμεν καὶ πλεῖστα καλὰ ἐν τῇ προτέρᾳ ἡμῶν ζωῇ αὐτοῖς (f. 178 v.) προσήνεγκαμεν, καὶ τὰ ἐπάξια πάντως ἀποδώσουσιν ἡμῖν καὶ αὐτοὶ ὁμοίως. εἰ δὲ ὃν ἀκούομεν Χριστὸν τὸν Θεὸν ὀνομαζόμενον νῦν καὶ κηρυττόμενον ἀνέστησεν ἡμᾶς, οὐαὶ ἡμῖν τοῖς ἀθλίοις καὶ ἀμαρτωλοῖς, ὅτι ὑπεύθυνοί ἐσμεν καὶ πάσης κατακρίσεως καὶ κολάσεως. Ταῦτα ἐκεῖνοι ἔλεγον δέει καὶ φόβῳ πολλῷ συνεχόμενοι οἱ μὴ ἐγνωκότες ὅλως τὸν Θεὸν τοῦ παντός.

Οἱ δὲ ἀπὸ τῶν Ἰουδαίων ἐξαναστάντες τοιαῦτα πρὸς ἀλλήλους κοινολογούμενοι ἔλεγον· Ἐὰν ὁ Θεὸς τῶν πατέρων ἡμῶν Ἀβραάμ, Ἰσαὰκ καὶ Ἰακώβ καὶ Μωϋσέος καὶ τοῦ νόμου ἡμᾶς ἐξανέστησεν, ἀγαθὰ ἡμῖν πολλὰ ἔχει συναντήσῃν, καὶ οὐδαμῶς πτοηθησόμεθα ἢ φοβηθησόμεθα κακὰ· διότι εἰ καὶ διεσπάρημεν εἰς τὰ πέρατα τῆς οἰκουμένης καὶ πολλὰς θλίψεις καὶ ὀνειδισμοὺς ὑπέστημεν ὑπὸ πάντων ἐπὶ τῆς γῆς ἐθνῶν, ἀλλ' οὖν πλὴν αὐτοῦ Θεοῦ ἕτερον οὐκ ἐγνώκαμεν, οὐδὲ διεπετάσαμεν χεῖρας ἡμῶν πρὸς θεὸν ἀλλότριον· εἰ δὲ ὁ τῆς Μαρίας υἱὸς παρεγένετο κριτῆς ἐξαναστή(f. 179 r.)σας ἡμᾶς, οὐαὶ ἡμῖν ἔσται τοῖς ἀθλίοις καὶ ἀμαρτωλοῖς, ὅτι πολλὰ κακὰ εὐρήσουσιν ἡμᾶς, διότι σφόδρα μισοῦντες αὐτὸν μεμισήκαμεν καὶ σφόδρα αὐτὸν λελυπήκαμεν καὶ λίαν αὐτὸν βλασφημοῦντες ἐξυβρίσαμεν, καὶ οἱ πατέρες ἡμῶν ὀνειδεῖσι καὶ μύμοις καὶ γλευασμοῖς αὐτὸν καθυπέβαλλον βλασφημοῦντες, καὶ φραγελλώσαντες αὐτὸν θανάτῳ παρα-

δεδώκασι και σταυρῶ ὑψωθῆναι και ἤλεις χειράς τε και πόδας ἐν αὐτῷ προσηλωθῆναι κατεδίκασαν, ὄξος και χολῆν αὐτόν ποτίσαντες. Ἄλλὰ ἄνθρωπος ὢν ἐκεῖνος, πῶς ἐλεύσεται κρῖναι ὡς Θεός; Ἴσος γάρ ἡμῖν ἔστιν και εἰς τῶν σὺν ἡμῖν ἀναστάντων, περιμένων και αὐτός κριθῆναι διὰ τὰς ἀμαρτίας αὐτοῦ και βλασφημίας· ἔλεγε γάρ φανερώς βλασφημιῶν ἑαυτὸν Θεοῦ υἱὸν εἶναι γνήσιον και ὅμοιον αὐτῷ ἑαυτὸν ἀπεκαλῶν, πατέρα ὁμοούσιον αὐτοῦ και ὁμοφυῆ ποιῶν τὸν Θεόν. Εἶπε οὖν ἐδωροῦμεν αὐτόν ἄρτι και ἐγινώσκομεν, ποῦ ἴσταται, και πλησιάσαντες αὐτῷ ὡς ψεύστην και ἀπατεῶνα ἠλέγχομεν και ὠνειδίζομεν αὐτόν (f. 179 v.), ἐπειδὴ ἐν ταῖς πλατεῖαις ἡμῶν διδασκῶν κριτὴν ἑαυτὸν ἔλεγεν εἶναι, φάσκων ὅτι ὁ Πατὴρ κρίνει οὐδένα, ἀλλὰ τὴν κρίσιν πᾶσαν δέδωκε τῷ υἱῷ αὐτοῦ, δηλονότι και περὶ ἑαυτοῦ ταῦτα λέγων, πλανῶν τὸν πολὺν και μωρὸν και ἀπλούστερον λαὸν τὸν μὴ εἰδότα τὸν νόμον και τὰ μαρτύρια τοῦ Θεοῦ. Ἡμεῖς γάρ ἀκριβῶς οἶδαμεν και οἱ πατέρες ἡμῶν διηγήσαντο ἡμῖν, ὅτι Μωϋσεὶ λέλάληκεν ὁ Θεός ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ και ἐν πάσῃ ὁδῷ αὐτοῦ λέγων πρὸς αὐτόν ὅτι· ἐγὼ ἔσομαι μετ' αὐτοῦ ἐν πάσῃ ὁδῷ αὐτοῦ ἢ πορεύσῃ· ἐκεῖνος δὲ οὐδέποτε οὐδαμῶς Θεὸν ἐώρακεν, οὐδὲ ὁ Θεός πώποτε λέλάληκε πρὸς αὐτόν· και οἶδαμεν ὅτι ὁ Θεός τοῦ νόμου ἀψευδὴς Θεός ἔστιν, ὁ δὲ ψεύστης και ἀπατεῶν.

Ταῦτα και τὰ τούτοις ὅμοια οἱ Ἰουδαῖοι ἔτι πρὸς αὐτόν βλασφημοῦντες πρὸς ἀλλήλους ἐφληνάφουν τὸν κριτὴν ἀπεκδεχόμενοι ἰδεῖν· ἄλλοι δὲ τούτων οὕτωςί πως γοερῶς ὀλολύζοντες ἔλεγον· Οὐαὶ ἡμῖν τοῖς ἀθλοῖς, ὅτι ἡμεῖς οὔτε τὸν Θεὸν τοῦ νόμου ἐπιστάμεθα, οὔτε τὸν νῦν κηρυττόμενον και λεγόμενον Χριστόν ἐφθάσαμεν ἐν ταῖς ἡμέραις τῆς ἐλευσίνης και ταλαιπώρου ζωῆς ἢ (f. 180 r.) μῶν ἰδεῖν και ἀξιασθαι και πιστεῦσαι εἰς αὐτόν, ἀλλ' ἐλατρεύσαμεν τῷ Βαῶλ, τῇ Ἀστάρτῃ, τῇ Ἀσταρῶθ, ταῖς χρυσαῖς δύο δαμάλεσι και πᾶσι τοῖς λοιποῖς θεοῖς τῶν ἐθνῶν, οἷς και θερμῶς ἐπεδύσαμεν και τούτους γνησίως ἐθεραπεύομεν πάντοτε· και οὐκ ἐγνώκαμεν ὅλως ἢ μεμαθήκαμεν περὶ τῆς ἐπελθούσης ἡμῖν ἀρτίως συμφορᾶς.

Και ἀπλῶς ἐκάστου ἐθνους και ἐκάστης φυλῆς λαὸς ἐμμελετῶν και συζητῶν καθ' ἑαυτόν ἐτύγγανεν· ὑπῆρχε δὲ και ἐμμέριμος περὶ τῶν ἰδίων πλημμελημάτων και περὶ τῶν συμβησομένων

αὐτοῖς ἐν τῇ ὥρᾳ ἐκείνῃ συμφορῶν. Καὶ τὸ θαυμαστότερον καὶ φρικωδέστερον, ὅτι ἐδηλοῦτο ἐφ' ἐνὶ ἐκάστῳ αὐτῶν ἐπὶ τοῦ μετώπου, ὡς προεῖρηται, γράμμασιν ἀληθινοῖς ἢ πρᾶξις τῆς ἐξ αὐτῶν ἐργασίας, τοῦ τε ἄρρενος καὶ τῆς θηλείας, τῶν δύο λέγω φύσεων καὶ γενεῶν, καὶ ἐπὶ τῶν μὲν ἐδήλου ἢ γραφῇ· φονεῖς καὶ φονεύτριαι, ἐπὶ τισὶ δὲ· αἰμομίκται καὶ αἰμομίκτριαι· εἶτα μοιχοὶ καὶ μοιχαλίδες, ἔπειτα (f. 180 v.) πόρνοι καὶ πόρναι, ἐν ἄλλοις κλέπται καὶ κλέπτριαι, καὶ ἐν ἄλλοις ψεύσται καὶ ψεύστριαι, ἐν τοῖς μὲν εἰδω[λο]λάτραι καὶ εἰδω[λο]-λάτριαι, ἐν τοῖς δὲ μέθυσοι καὶ μεθύστριαι, καὶ ἐπὶ μὲν τισὶ τελῶναι καὶ ἄρπαγες, ἐπὶ δὲ τισιν ἄρσενοκοῖται καὶ παιδοφθόροι, ἐν ἑτέροις ἐπασιδοί, φαρμακτοὶ, μάγοι καὶ μάγισσαι, ἐν ἑτέροις κτηνοβάται, ἐν τοῖς μὲν ὀργίλοι, μνησίκαχοι, φθονεῖς καὶ μισόκαλοι, καὶ ἐν τοῖς δὲ θυμῶδες, ἀνελεήμονες, ἄσπλαγχοι καὶ φιλόργυροι, ἐν ἑτέροις κιδαρφοὶ, αὐλισται καὶ ὀρχηστρίδες, ἐν ἑτέροις θυμελικοὶ, τυμπανισταί, παροφθαλμισταὶ καὶ γελωτοπτοί, ἐν ἄλλοις ὀρκωμόται, ἐπιόρκοι, πλεονέκται, σιτοκάπηλοι καὶ συκοφάνται, καὶ ἐν ἄλλοις νεκυσιάνται, ἐγγαστρίμυθοι, ἀρρητοποιοὶ καὶ φειδωλοὶ, ἐτέρωθι δὲ κενόδοξοι, ὑποκριταί, σκιφοὶ καὶ ὑπερήφανοι, καὶ ἐτέρωθι φιλόχρυσοι, φιλοχρήματοι καὶ φιλόουλοι, ἐπὶ τισιν αἰρετικοὶ, οἶον· ἀρειανοὶ, πνευματομάχοι, μαγκχαί (f. 181 r.)οι, σαβελλιανοὶ καὶ παυλικιανοὶ, καὶ ἐπὶ τισιν ὀριγένειοι, εὐάγριοι, εἰκονομάχοι, ἰακωβίται καὶ μαρκιονισταί. Καὶ ἀπλῶς πάσης αἰρέσεως καὶ θρησκείας ἐργάτης ὄηλος μὲν καὶ ἀπὸ τῶν φαινομένων γραμμῶν ἐν τῷ μετώπῳ αὐτοῦ, ὄηλος δὲ καὶ ἀπ' αὐτῆς τῆς ὀψέως καθίστατο ζοφερᾶς οὕσης, βδελυκτῆς μὲν καὶ μεμιαμμένης παντάπασιν, ὅσοι δηλονότι πρὸ τοῦ τελευτῆσαι διὰ τῆς μετανοίας οὐ μετεμελήθησαν καὶ μετέστησαν ἀπὸ τῶν ἁμαρτιῶν αὐτῶν ἕκαστος, ἀλλὰ ἀμετανόητοι καὶ ἀνεξομολόγητοι τὸν βίον κατέστρεψαν. "Ὅθεν ὀρώντες ἑαυτοὺς ἐν τοῖς τοιοῦτοις ὄντας σχήμασιν, ὡς εἴρηται, καὶ τὴν ἁμαρτίαν καὶ τὴν κακίαν καὶ πᾶσαν πονηρίαν ἐγγεγραμμένην ἐπὶ τῶν μετώπων ἑαυτῶν, μεγάλως ἠσχύνοντο αἰσχύνῃν ἄρρητον, καὶ ὀλολύζοντες ἀκατάπαυστον θρῆνον ἀνέπεμπον, καὶ μάλιστα ὅσοι εἰδήμωνες ἦσαν τῶν θείων γραφῶν· ἐνενόουν γὰρ καὶ ἔλεγον ἐν ἑαυτοῖς, ὅτι καρπὸς τριαῦτα καὶ (σειραῖς) ὀράγματα τῶν ἰδίων ἡμῶν πεφύκα (f. 181 v.)σιν ἁμαρτιῶν, ὧν

ταῖς σειραῖς δεινῶς σφιγγόμεθα ἕκαστος· καὶ ἔκλαιον πικρῶς ἑαυτοὺς ἀνοήτως· συγκόπτοντες καὶ τύπτοντες χερσὶ τὰ ἑαυτῶν πρόσωπα.

Τούτων οὖν ἀπάντων ἀριδῆλως ἀποκαλυφθέντων καὶ καθαρῶς ἐποφθέντων ἡμῖν διὰ πρεσβειῶν τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ μεγίστου θεράποντος Χριστοῦ καὶ Θεοῦ ἡμῶν Βασιλείου, προσσχόντες ἔτι τοῖς ἀνωτάτω καθορῶμεν, καὶ ἰδοὺ τάξεις θαυμασταὶ καὶ φοβεραὶ κατιοῦσαι καὶ αὐταὶ λυγηρᾶ καὶ ἡδυφώνῃ φθογγῇ μέλος τι ὑπερφυῆς καὶ οὐράνιον ἐξαισιῶς ὑπέψαλλον· καὶ ὡς κατέρχοντο καὶ πλησίον ἡμῶν ἐγένοντο, ὠρᾶτο μέσον αὐτῶν σταυρὸς ξύλινος μὲν τῇ φύσει, σπινθηροβολῶν δὲ καὶ ἀγλὴν πάνυ θεσπεσίαν ἐν τῷ αἰθέρι ἀναπέμπων καὶ πυρσὸν βάλλων ἐκ προσώπου αὐτοῦ γαληνομόρφως, οἷον ὄραν ἡμῖν ἔξεστιν ἡλίου δίκην τὴν ἡμέραν ἐν αἰθερίᾳ θαυμάζοντος· καὶ αὐτὸς κατέβη μετὰ τῶν ἀδόντων ἐκείνων θείων τάξεων ἐν τῷ τόπῳ ἐκείνῳ ἐν ᾧ ὁ τοῦ Κριτοῦ θρόνος ἡτοιμάζετο, καὶ ἔστη ἐν ὑψηλοῖς (f. 182 r.) δεδοξασμένος καὶ ἐμφανῆς πάσαις φυλαῖς τε καὶ γλώσσαις ταῖς ἐκ τῶν νεκρῶν ἐξεγερθεῖσαις τοῦ χύματος πάσης τῆς γῆς. Ἐθαύμαζον δὲ καὶ ἐξεπλήττοντο σφόδρα τὰ ἄπειρα καὶ ἀνεξχνίαστα πλήθη ἐκεῖνα τοῦ λαοῦ ἐπὶ τῇ τοῦ δεσποτικοῦ σημείου ὠραιότητι, ὃν δὴ θεασάμενοι οἱ Ἰουδαῖοι οἱ τάχα λεγόμενοι Ἰσραηλίται μετὰ τῆς τριαύτης δορυφορίας καὶ δοξης παραγενόμενον, ἰλιγγίασαν, ἐφριξαν, ἐτρόμαξαν, καὶ ἔτι ἐπλήσθησαν τὰ πρόσωπα αὐτῶν περισσοτέρας αἰσχύνης καὶ ἐντροπῆς ὑπὲρ τὴν προτέραν, καὶ σφόδρα διαταραχθέντες μεγάλως καὶ σφοδρῶς ἔτυπτον τὰ ἑαυτῶν πρόσωπα ταῖς χερσὶν αὐτῶν ὀδυρόμενοι καὶ ἔλεγον πρὸς ἀλλήλους· Οὐαὶ ἡμῖν τοῖς ἔλεεινοῖς, ὅτι κἂν σημεῖον βλέπομεν ἀρτίως ἐξ οὐρανοῦ πρὸς ἡμᾶς ἀφικόμενον· οὐαὶ ἡμῖν τοῖς τάλαιπῶροις καὶ ἀμαρτωλοῖς, ὅτι τὸ σημεῖον τοῦτο, ὃ βλέπομεν, τοῦ ἑσταυρωμένου ἐστὶ καὶ οὐδενὸς ἄλλου, καὶ εἰ αὐτὸς ἦξει κρῖναι, ποιῶν προσώ(f. 182 v.)πῳ αὐτὸν συναντήσομεν, ἐπειδὴ πολλὰ δεινὰ καὶ χαλεπὰ εἰς αὐτὸν ἐνεδειξάμεθα; καὶ οὐ μόνον εἰς αὐτὸν, ἀλλὰ καὶ πᾶσι τοῖς εἰς αὐτὸν πιστεύσασιν πλεῖστα κακὰ διεπραξάμεθα καὶ αἰεὶ ποτε μανίαν ἄσπονδον καὶ ἐχθρὰν εἰς αὐτὸν ἐκεκτήμεθα, πικρῶς βλασφημοῦντες καὶ ἐξυβρίζοντες αὐτόν. Ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτα τῶν Ἰουδαίων καὶ ἐχθρῶν τῆς ἀληθείας ἀποδυρομένων καὶ μετὰ δακρύων λεγόντων, φησὶ πρὸς με ὁ

ὁδηγῶν με νεανίας καὶ τὰ ἐκεῖσε πάντα κελεύσει Θεοῦ ὑποδεικνύων
 μοι θεῖος ἄγγελος· Ὁρᾷς ὅπως οὗτοι ἤρξαντο φριττεῖν καὶ τρέμειν
 τὸν τίμιον σταυρὸν καὶ μόνον θεασάμενοι; λοιπὸν εἰάν αὐτὸν ἐκεῖνον
 τὸν ἐσταυρωμένον Ἰησοῦν Χριστὸν τὸν Θεὸν ἡμῶν καθαρῶς ἴδωσι,
 τί πάθωσι καὶ ποῖα φρικὴ αὐτοῦς λήψεται; Ὡς οὖν ταῦτα ἔλεγε πρὸς
 με ὁ ὁδηγῶν με θαυμαστός ἐκεῖνος νεανίας, τῶν Ἰουδαίων λυγρῶς
 ἐχόντων περὶ τῆς τοῦ τιμίου σταυροῦ ἐνδοξοῦ ἐπιδημίας, οἱ πρὸ τῆς
 Χριστοῦ παρουσίας γεγονότες Ἑβραῖοι, μὴ εἰδότες τὸ τοῦ σταυροῦ
 σημεῖον μηδὲ τὸ τοῦ Χριστοῦ ὄνομα μεμαθηκότες, ἠπόρουσαν (f. 183 r.)
 καὶ ἐπυθάνοντο ἐν τούτοις λέγοντες· Τίνος χάριν ἢ τσαούτη ἡμῶν
 ἀγανάκτησις; Οἱ δὲ ἀπὸ τῆς πολλῆς αἰσχύνης, ἢ μᾶλλον εἰπεῖν τῆς
 πικρᾶς οὐδύνης τῆς κατεχούσης αὐτοῦς, οὐδόλως αὐτοῖς ἀποκριθῆναι
 ἠδύναντο, εἰ μὴ μόνον συγχάκεις αὐτῶν προσαποσκοποῦντες ἰλιγγίῳ
 καὶ πάνυ ἐστύγναζον φριττοντες· οἱ δὲ πάλιν ἐπαποροῦντες ἐπὶ τὸ
 ἐρώμενον ἐπ' αὐτοῖς καὶ τὴν αἰτίαν μαθεῖν μὴ θυνάμενοι, συνέπασ-
 χον αὐτοῖς καὶ αὐτοὶ ἀποδουρώμενοι καὶ σφοδρῶς ὀλολύζοντες.

Τούτων τοιγαροῦν οὕτως ἐν τοῖς ὀφθαλμοῖς ἡμῶν γινόμενων
 ἐνωτιζόμεθα ἡχόν τινα φοβερόν σφόδρα ἐρχόμενον εἰς τὰ ὦτα ἡμῶν
 ἀπὸ τῶν ὑψωμάτων ἐκεινων τῶν ὠραίων καὶ ὑψίστων· καὶ φησὶν ὁ σὺν
 ἐμοὶ πρὸς με· Ἰδοὺ φόβος καὶ τρόμος πολὺς σφόδρα σφόδρα, αἱ γὰρ
 δυνάμεις τῶν οὐρανῶν ἐσαλεύθησαν πᾶσαι καὶ ὅσον οὐπὼ ὁ κριτῆς
 μέλλει παραγίνεσθαι. Ἐπι τούτου λέγοντος, ἐρώμεν, καὶ ἰδοὺ αἴφνης
 πλῆθος πολὺ σφόδρα στρατῖ (f. 183 v.) ἁς οὐρανοῦ καὶ τάξεις φρικ-
 τῶν καὶ ἀπείρων δυνάμεων ἐναλλαγὰς καὶ διαφορὰς ἰδέας ἐχουσῶν,
 καὶ τάγματα ταγμάτων καὶ στρατῶν καὶ στρατιῶν, θάτεροι θατέρων
 τῆ τάξει καὶ τῆ ἰδέᾳ παρελλογαμέναι καὶ διαφέρουσαι· καὶ αὗται
 πᾶσαι βαίνουσαι προέβαινον πρόβω πολλῶ καὶ πρόμφ ἐπὶ τὸν τόπον
 τῆς κρίσεως. Ἐπι τούτων οὐπὼ καταπαυσάντων, καὶ ἰδοὺ ἕτερα τάγ-
 ματα καὶ δεδοξασμένα ἐπιπορευόμενα κατοπιν ἐκείνων πολλὰ σφόδρα
 καθάπερ νεφέλαι γαληνομόρφως ἀφικόμενα καὶ ἐν παρατάξει καὶ ἐν
 εὐτάκτῳ σχήματι καὶ τάξει εὐπρεπεστάτη πορευόμενα· καὶ ταῦτα
 κατήεσαν εἰς τὸ πρόσωπον τῆς γῆς καὶ ἔστησαν ἐπὶ τὸν τόπον τῆς
 κρίσεως ἐκεῖνον κυκλόθεν. Ἐπι τούτων μήπω καταπαυσάντων, ἰδοὺ
 ἕτερα στρατεύματα στρατευμάτων ἐπιπορευόμενα ὁμοια τῶν προτέρων

πλήθος πολύ σφόδρα. Θεασάμενος οὖν ἐγὼ ταῦτα ἔλος ἠλλοιωθῆν τὸ πρόσωπον, καὶ ὁ νοῦς μου ἐξέστη ἀπ' ἐμοῦ, ἐταράχθησάν μου οἱ ὄφθ(f. 184 γ.)αλμοὶ, τρόμος καὶ φρίκη κατέλαβέ με ἀπὸ πολλοῦ καὶ μεγάλου καὶ φρικωδεστάτου φόβου ἐκείνου, καὶ ἠρξάμην τρέμειν καὶ κλονεῖσθαι ὅλος, καὶ τὰ ὅσα μού συνετρίβοντο καὶ μικροῦ δεῖν νεκροῦ παρωμοιωθῆν· ἡ γὰρ ἰσχύς μου ἐξέλιπεν ἀπ' ἐμοῦ. Λέγει οὖν πρὸς με ὁ ὀδηγῶν με θαυμαστός καὶ ὠραίος ἐκεῖνος νεανίας· Μὴ φοβεῦ, ἀδελφε, μηδὲ φρίττης καὶ ἀγωνιᾶς ἔρων ταῦτα· φίλοι γὰρ ἡμῶν εἰσι καὶ σύνδουλοι οὗτοι πάντες καὶ ἀδελφοὶ κατὰ πάντα ἡμέτεροι χρηματίζουσι, καὶ οὐ δέον ἐστὶν ἡμῖν φοβεῖσθαι καὶ τρέμειν ἀπὸ προσώπου αὐτῶν. "Ὅρα δὲ μόνον ἐν ἀκριβείᾳ καὶ πρόσεχε τὰ γινόμενα· ὠφελήθησεν γὰρ τὰ μέγιστα ἀπὸ τῶν τοιούτων φρικτῶν θαυμάτων κατὰ ψυχὴν, οὐ μόνον δὲ σύ, ἀλλὰ καὶ ἕτεροι πλεῖστοι ὅσοι δηλονότι ἀπεριέργῳ γνώμῃ καὶ εὐθείᾳ ψυχῆς ἀπλότῃ ταῦτα εἰσδέξονται. Καὶ τούτων οὖν τοῖς προκατελθοῦσι τάγμασιν ἐνωθέντων καὶ ἐπὶ τὸν τόπον τῆς κρίσεως παραγεγονότων, ἐφρίττον πάντες οἱ ἄνθρωποι καὶ ἐδεδοίκεσαν φόβον μέγαν· οἵτινες κα(f. 184 ν.)τεκάλυπτον ἅπαν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς ἐν τῷ ἀναστῆναι πάσας τὰς συναγωγὰς αὐτῶν ἐκ παντός ἔθνους, ἐκ πάσης φυλῆς, ἐκ πάσης γλώσσης καὶ γένους αὐτῶν, καὶ εἶναι αὐτοὺς εἰς πλήθος πολύ σφόδρα σφόδρα βλέποντες τὰ θαυμαστά ἐκεῖνα καὶ ἐξαισία τάγματα κατερχόμενα ἐπ' αὐτούς. Μετὰ ταῦτα οὖν ἡσυχίας μικρᾶς γενομένης, ἐξαίφνης ἰδοῦ βρονταὶ καὶ ἀστραπαὶ καὶ κτύποι τε καὶ βοαὶ λίαν ἰσχυραὶ καὶ ἤχοι σφοδρῶς ἀπὸ τῶν ἄνω κατερχόμενοι ἐξηκούοντο, ὧν τῷ φόβῳ καὶ τῇ ἀνυποίστῳ ἐκπλήξει ἐφριξε καὶ συνεστάλη πᾶσα ἡ γῆ, ὡς δοκεῖν ἀποπαγῆναι καὶ ἀπονεκρωθῆναι τῷ φόβῳ πάντας τοὺς ἐν αὐτῇ· καὶ εἰ μὴ ἀθανασία τούτοις καὶ ἀφθαρσία προσῆν, μυριάκις αὐτὸς ἀπέθανον πάντες διαλυθείσης αὐτοῖς τῷ φόβῳ πάσης τῆς ἀρμονίας καὶ σωματικῆς δυνάμεως. Οἱ δὲ τὰ φαιδρὰ κεκτημένοι πρόσωπα ἀπὸ τῶν ἀναστάντων νεκρῶν οὐδαμῶς ἐδεδίεσαν τὰ φοβερὰ φόβητρα ταῦτα καὶ φρικτὰ μυστήρια, ἀλλ' ἴσταντο ἐν εὐ(f. 185 γ.)μενείᾳ εὐφραϊνόμενοι καὶ ἀγαλλιώμενοι. Μετὰ δὲ τὰς φρικτὰς ταύτας φωνὰς καὶ ἀστραπάς καὶ τοὺς ἤχους τῶν φρικτῶν στρατευμάτων ἐκείνων, ἰδοῦ ἕτερα στρατεύματα μεγάλων καὶ ὑπερ-

λίαν ὑψηλῶν καὶ ἐνδόξων ταγμάτων, καὶ αὐτὰ πλήρη ὀφθαλμῶν, καὶ ἡ παράταξις αὐτῶν σπινθηροβολοῦσα· καὶ ἐν τῷ πορεύεσθαι ἕκαστος αὐτῶν πῦρ ἔβαλλε κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ οὐ ἐπορεύετο, καὶ ἀπὸ τῆς ὠραιότητος αὐτοῦ ἐνός ἑκάστου ἐξῆπτεν ὁ ἀήρ καὶ κόρος οὐκ ἦν τῆς καλλονῆς αὐτοῦ, καὶ ἐν τῷ πορεύεσθαι ἕκαστον τᾶγμα αὐτῶν θάμβος πλείστον ἦν τοῖς τῶν ἀνθρώπων υἱοῖς ἀπὸ προσώπου τῆς δυνάμεως αὐτῶν. Καὶ ταῦτα καταβεβηκότα ἐν εὐλαβείᾳ καὶ σιωπῇ ἀσυγκρίτῳ, ἔστησαν ἐπὶ τὸν τόπον τῆς κρίσεως καὶ ἐκάλυψαν κυκλόθεν κύκλῳ τὰ τῶν προκαταβάντων ταγμάτων στρατεύματα πάντα, καὶ ἦν ἡ ὄρασις αὐτῶν φωτοβολοῦσα λίαν ἐξαισία τε καὶ θαυμαστή σφόδρα, καὶ ὑπὲρ ἐκπερισσοῦ ἐξεπλήττοντο αἱ γενεαὶ πᾶσαι τῶν ἀνθρώπων θεωροῦσαι ταῦτα, ἐπει(φ. 185 ν.)δὴ ἡ ὠραιότης καὶ ἡ μεγαλοπρέπεια αὐτῶν εἰς περισσοτέραν ἐκπληξιν καὶ ἀγωνίαν ἐνήγεν αὐτούς· οἱ δὲ τοῖς εἰδώλοις λατρεύσαντες καὶ ἐν ἀπιστίᾳ καὶ ἀγνοίᾳ τῆς ἀληθείας ἐν τῷ ματαίῳ κόσμῳ τούτῳ τὴν ἑαυτῶν ζωὴν διηनुκότες, ἴσταντο καθάπερὶ τὰ ἄλογα κτήνη μεμελανωμένα τὰ πρόσωπα ὡς ἐξ ἀσβόλης ἔχοντες, φόβῳ καὶ τρόμῳ βαλλόμενοι· οὐδέποτε γὰρ ἐπὶ τῆς ζωῆς αὐτῶν ἐν τῷ ματαίῳ βίῳ τούτῳ ἀκηκόασιν, ἢ ἐν εἰδήσει καὶ γνώσει τῶν δρωμένων τούτων γεγόνασιν, ἢ ἀκοῇ παρεσῆχθησαν τούτων ἐν τοῖς ὡσὶν αὐτῶν· ὅθεν ἴσταντο μόνον ἐκπληττόμενοι καὶ τῷ ἀπείρῳ ἐκείνῳ φωτὶ τῶν ἐξαισιῶν καὶ θείων ταγμάτων ἐκείνων σχολαιότερον μετὰ φρίκης πλείστης καὶ ἕους ἐντενίζοντες. Οἱ δὲ ἀπὸ τοῦ Ἀβραάμ καὶ μέχρι τῆς πρώτης παρουσίας ἔκτου ἐνανθρωπήσεως τοῦ δεσπότη Χριστοῦ γεγεννημένοι πιστοὶ Ἑβραῖοι, εὐτινες δηλονότι τοῖς εἰδώλοις οὐκ ἐλάτρευσαν, οὐδὲ γόνυ ἔκαμψαν τῇ Βάαλ καὶ τὰς ἡμέρας οὐκ ἔφθασαν ἰδεῖν τοῦ σταυρίου πάδους τοῦ (φ. 186 γ.) Χριστοῦ καὶ τοῦ θείου κηρύγματος τῶν μαθητῶν αὐτοῦ καὶ ἀποστόλων, οὐδαμῶς ἐδεδίασαν, ἀλλὰ χαίροντες ἔχαιρον καὶ γεγηθότες γεγῆθασιν καὶ αὐτοὶ μετὰ τῶν τὰ λαμπρὰ κεκτημένων πρόσωπα οἷς συνέχαιρον· καὶ τὰ τῶν χριστοκτόνων ἢ μᾶλλον εἰπεῖν θεοκτόνων Ἰουδαίων πλήθη ἄχρις οὗτου τὸ δεσποτικὸν σημεῖον ὁ σταυρὸς ἐνδόξως ἐξ οὐρανοῦ ἀφίκετο πρὸς αὐτούς, ἐπὶ δὲ τούτῳ ἐδεάσαντο μετὰ τῆς τσαύτης δορυφορίας καὶ δόξης ἐκ τῶν ὑψίστων τοῖς ἐπὶ γῆς ἀφικόμενον, διαστρέψαντες τὰ ἐσκοτισμένα καὶ

μερίτωμένην εἰς τὴν προσωπὴν ἐπὶ τῆς θεᾶς ἐπὶ τῷ ἑαυτοῦ μεγάλῳ και ἐτρομαξάντῳ καὶ εὐσφύνητῳ καὶ πεπρωτῳ ἑαυτοῦ ἐπὶ τῷ ὄντι τῷ ἑαυτοῦ τῷ Σαυτῶρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστῷ γεννηθεὶς καὶ παρουσίας τῆς εὐαγγελικῆς λατρείας καὶ ἐξελυγμένα καὶ δεσφραμμένα, ὡς τρομαξάντῳ τῷ προσωπῳ πεπρωτῳ. Οἱ ἔτι πεπρωτῳ Ἑβραῖοι, οἱ ἀπὸ τοῦ Ἀβραάμ, ὡς ἔστημεν, ὡς τῆς τοῦ Χριστοῦ παρουσίας τοῦ Μωσαϊκοῦ νόμου καὶ τῆς τούτου ἀκαταστάσεως καὶ τῆς μωσαϊκῆς φιλοσοφίας (β. 186 ν.) ἀναμῶς ἐκείνη, ἀλλὰ μᾶλλον ἔχαιρον καὶ λαμπρότερα τῆν ἄνθρωπον ἐκείνον οἱ ἔτι χριστιανοὶ Ἰουδαῖοι καὶ οἱ τούτων ἀκόνη καὶ διαδῶκα καὶ ἀναμῶς τῆς μωσαϊκῆς παρουσίας τῆς πεπρωτῆς, οἱ μὴ, πρὸς τὸ πῶς τῆς ἀληθείας ἀπεβλήθη ἀνθρώπων, οἱ μόνον ὡς ἐθεάσαντο τὸ σφραγισμένον σημεῖον ἐπὶ τοῦ τόπου τῆς κρίσεως ἐνδοξῶς ἰστάμενον ἀναμῶς, ὡς εἶρηται, τὰ μελανὰ αὐτῶν καὶ ἑσφύνη καὶ ἀναμῶς πεπρωτῳ εἰς τέλος ἀναμῶς ἔστησαν, ἀλλὰ καὶ ἑσφύνη καὶ πῶς ἀναμῶς ἐκείνη ἀναμῶς, ὅθεν σφραγισμένοι καὶ ἀναμῶς τῆς ἀναμῶς πεπρωτῳ γενόμενοι βλοσυρῶ τῷ ὄντι καὶ ἀναμῶς τῷ τιμῶν ἐνητέλιον σφραγισμένοι καὶ ἀναμῶς καὶ ἀναμῶς ἑσφύνη, ὅθεν αὐτοὺς σφραγισμένους καὶ ἀναμῶς ἀναμῶς καὶ ἀναμῶς ἀναμῶς ἀπὸ τῆς ἐμφανείας τοῦ σωτηρίου σφραγισμένου, ὅτι ὄντως ἀναμῶς Θεοῦ υἱός ἐστιν ὁ σφραγισμένος πεπρωτῳ ὑπὲρ ἡμῶν, λέγοντες, καὶ (β. 187 γ.) πῶς πάντων τῶν ἀναμῶς προσκυνηθεὶς Ἰησοῦς Χριστός ἀληθῶς Θεός ἐστιν καὶ κριτῆς ζώντων καὶ νεκρῶν οὗτος· διὰ τοῦτο οὐαὶ ἡμῖν τοῖς ἀναμῶς καὶ ἀναμῶς καὶ ἀναμῶς καὶ ἀναμῶς, ὅτι αὐτός ἐκείνος ἔργεται τοῦ κρίνει ἡμᾶς καὶ πᾶσαν τῆν ἑσφύνη τῶν ἀναμῶς καὶ ἀναμῶς ἐκείνη κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ, καθὰ ὄν καὶ ἀναμῶς ἐν ταῖς ἀναμῶς ἡμῶν λέγων ὅτι ὁ Πατήρ κρίνει οὐδένα, ἀλλὰ τῆν κρίσιν δέδωκε τῷ Υἱῷ πᾶσαν. Ἡμεῖς δὲ οὐκ ἀναμῶς τούτου τῆς ἀναμῶς ἐπακολουθησαὶ καὶ ἀναμῶς εἰς αὐτόν, ἀλλὰ μᾶλλον ὄνειδεσι καὶ ἀναμῶς καὶ ἀναμῶς ἀναμῶς καὶ ἀναμῶς βλάλλοντες ἡμῖν αὐτόν πᾶσας τὰς ἡμέρας τῆς ζωῆς ἡμῶν· διὰ τοῦτο ἀναμῶς ἡμᾶς ἀναμῶς καὶ ἀναμῶς ἐν πῶς ἀναμῶς τὸ τῆς ἀναμῶς.

Ὅμοίως δὲ καὶ ἀναμῶς τούτοις καὶ οἱ Ἰσραηλιταὶ καὶ οἱ

Ἀγαρηνοὶ μέχρι τῆς ἐπιδημίας καὶ ἐπιφανείας τοῦ σωτηρίου σταυροῦ σκληροτράχηλοι ἐτύγχανον, μεγάλως αὐχοῦντες καὶ γαυριοῦντες πατέρα ἔχειν τὸν Ἀβραάμ καὶ θεὸν μέ(f. 187 v.) γαν ὀνομαζόντες, ἐφρυάττοντο κατεπαιρόμενοι τὸν ποιήσαντα τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν, μέγαν δὲ τούτου προφήτην τινὰ ἐφληνάφουν τὸν Μαχουμέτην, ἐν ᾧ καὶ τὰς ἐλπίδας ἐκέκτηντο τῆς ματαιίας σωτηρίας αὐτῶν, καὶ κατεπαίροντο τῶν ἄλλων ἀπάντων· ὀπηνίκα δὲ τὸ φοβερόν καὶ τίμιον τοῦτο σημεῖον τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐωράκασιν ἐπάνω πάσης ἀρχῆς καὶ ἐξουσίας ἐνδοξῶς ἰστάμενον, ὡς ὄπλον κραταῖον καὶ ὡς σκῆπτρον βασιλικὸν ἐξαστράπτον ὑπὲρ τὰς διαυγεῖς ἀκτῖνας τοῦ ἡλίου καὶ τὸν αἰθέρα τοῦ οὐρανοῦ ἐμπυρίζον καὶ χάραν ἀνεξιγνίαστον καὶ ἡδονὴν ἀνεκκλήτην καὶ τερπνὴν ἀγαλλίασιν καὶ εὐφροσύνην καὶ τέρψιν πνευματικὴν ἐμποιοῦν πᾶσι τοῖς ὀρθοδόξοις καὶ εὐσεβέσιν ἀληθέσι χριστιανοῖς, κατ' ἐξαιρέτον δὲ τοῖς τὰ λαμπρὰ καὶ φαινὰ κεκτημένοις πρόσωπα, τοῖς τὰς ἐντολάς αὐτοῦ δηλονότι ἀτρώτους φυλάξασι· καὶ τούτο ἀναγνωρίσαντες ὁποίας καὶ πίστεως σημεῖον ὑπάρχει τὸ τοιοῦτον θεῖον ὄπλον, μεγάλως καὶ αὐτοὶ τὸ (f. 188 r.) οὐαὶ γοερῶς ἐπεβῶν καὶ ἠλάλαζον πικρῶς ὀδυρόμενοι καὶ εἰστήκεισαν ἐννεοὶ ὡς ἐξεστηχότες καὶ παράφρονι, τὴν ἰδίαν σαφῶς κατανοήσαντες σκότῳσιν καὶ ἀποπλάνησιν καὶ παντελεῖ τῆς ἀληθείας ἐκπτῳσιν ἑαυτῶν, ὅτι περὶ τοῦ Χριστοῦ καθ' ἐκάστην ἡμέραν καὶ ὥραν διδασκόμενοι ὑπὸ τῶν χριστιανῶν οὐδαμῶς προσεῖχον, ἀλλὰ καὶ τούτους ἐμυκτήριζον. Καὶ ἔλεγον ἐν ἑαυτοῖς πυκνὰ περιστρεφόμενοι πρὸς ἀλλήλους· Οὐαὶ καὶ πάλιν οὐαὶ ἡμῖν, ὅτι τοῦτο τὸ σημεῖον, ὅπερ αὐτοῖς ὀφθαλμοῖς ἐβλέπομεν ἐνώπιον ἡμῶν ἰστάμενον ἐπὶ τὸν τόπον ἐνδοξῶς τῆς κρίσεως, καθαρῶς σημαίνει καὶ μαρτυρεῖ, ὅτι ὁ τοῖς χριστιανοῖς κηρυττόμενος Θεός, ὃν λέγουσιν Ἰησοῦν Χριστόν, αὐτός μέλλει κρίναι πᾶσαν τὴν γῆν. Καὶ ὡς ταῦτα ἔλεγον πληροφορηθέντες, ἐξέχεον δάκρυον σὺν οἰμωγῇ θρηνησύντες πικρῶς καὶ ἀλαλάζοντες ὡς ἐν τῷ λεληθότι σφόδρα, καὶ οὐκ ἦν ἀκοῦσαι παρ' αὐτοῖς ἀδόμενον καὶ λεγόμενον, εἰ μὴ τὸ οὐαὶ οὐαὶ, (f. 188 v.) καὶ κατεπιμπρῶντο οἱ δεινοὶ ταῖς καρδίαις μάλα καὶ ἀπελέγοντο τοῦ ζῆν, ὅτι ἠστόχησαν τῶν ματαιῶν ἐκείνων ἐλπίδων ὧν ὁ παρ' αὐτοῖς προσδοκῶμενος καὶ ὀνομαζόμενος καὶ σεβαζόμενος μέ-

γας προφήτης εκείνος, ὁ λεγόμενος Μαχουμέτης, φενακίσας αὐτοὺς ἀπήωρησε καὶ ἀπεπλάνησε καὶ τοῦ φωτός τῆς ἀληθείας ἀπεστέρησεν. Ὑπῆρχον δὲ οὗτοι τῇ ἰδέᾳ μεμελανωμένοι καὶ λίαν δυσειδεῖς, καὶ ἀπὸ τοῦ προσώπου αὐτῶν ἐν τῷ ἀγωνίᾳ αὐτοὺς ἀντὶ ἰδρώτων ὡς ἀπὸ καλάμου δυσώδης δυσωδία ἐξεπέμπετο, καὶ ἐβδελυγμένοι ὑπῆρχον κατὰ πρόσωπον πάσης πνοῆς. Οἱ δὲ χριστιανοὶ ὁρῶντες τὸ τριπόδητον τοῦ μεγάλου βασιλέως σημεῖον τοῦ σταυροῦ, τοῦ Κυρίου λέγω καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, μετὰ δόξης πολλῆς πρὸ προσώπου αὐτῶν ἰστάμενον ἐπὶ τὸν τόπον τῆς κρίσεως, καὶ γινώσκοντες ὅτι αὐτός ἐστιν ὁ σταυρός, ἐν ᾧ αὐτὸς ἐκουσία βουλήσει προσηλωθῆναι εὐδόκησε (f. 189 γ.) καὶ δι' αὐτοῦ καταβέβληκε τὸν τὸ κράτος ἔχοντα τοῦ θανάτου, ὅλας καὶ πόσης χαρᾶς τε καὶ ἡδονῆς καὶ θυμηδίας καὶ τέρψεως ἐπληροῦντο; καὶ πρὸς ἀλλήλους ἐνατενίζοντες ἔλεγον ἐν ἀγαλλιᾷσει ψυχῆς: Ἦκεν ἡ ἐλπίς ἡμῶν τῶν χριστιανῶν ἡ ἀνεκλάλητος, ἦκεν ἡ δόξα ἡμῶν, ἦκεν ὁ λυτρωτῆς ἡμῶν τῶν εἰς αὐτὸν πεποιθῶτων, ἐλήλυθεν ὁ δίκαιος καὶ ἀπροσωπόληπτος κριτῆς κρίναι καὶ ἀποδοῦναι ἐκάστῳ κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ καὶ κατὰ τὴν πίστιν καὶ λατρείαν αὐτοῦ, ἦλθεν ὃν ἐπροσδοκῶμεν καὶ εἰς ὃν τὰς σωτηρίας ἡμῶν καὶ ἐλπίδας ἀνεθέμεθα ἐκ βρεφικῆς ἡλικίας, δι' οὗ ὑπεμείναμεν καὶ ὑπενέγκαμεν πᾶσαν κάκωσιν καὶ πᾶσαν θλίψιν καὶ ὄνειδισμόν παρὰ πάντων τῶν μισούντων ἡμᾶς καὶ εἰς αὐτὸν βλασφημούντων, τοῦ κρίναι καὶ δικάσαι ἀνά μέσον ἡμῶν καὶ αὐτῶν καὶ ἐκδικῆσαι ἡμᾶς καθημέραν διωχομένους καὶ αἰχμαλωτιζομένους παρ' αὐτῶν. Εἶτα καὶ πρὸς τοὺς ἀπειθεῖς Ἰουδαίους καὶ ἐπαράτους Ἰσραηλ (f. 189 ν.) λίτας καὶ μαιφόνους Ἀγαρηνοὺς καὶ πρὸς τοὺς μὴ δεξαμένους τὸ θεῖον καὶ σωτήριον κήρυγμα καὶ βάπτισμα τῆς ὀρθοδόξου καὶ ἀκραιφνοῦς ἡμῶν πίστεως ἀπίστους ἐνατενίζοντες ἔλεγον· Νῦν ὁρῶντες τὸ μέγα καὶ σεβάσιμον τοῦτο θεῖον σκῆπτρον τοῦ βασιλέως τῶν ἄνω δυνάμεων, εἰς ὃ ἡμεῖς οἱ χριστιανοὶ πεποιθᾶμεν καὶ εἰς ὃ καλῶς πεπιστεύκαμεν καὶ εἰς ὃ τὰς ἐλπίδας τῆς σωτηρίας ἡμῶν ἐθέμεθα, ἐπιστομίζεσθε καὶ αἰσχύνεσθε πάντες ἄλλοτριόφρονες.

Καὶ τούτων οὕτως τελουμένων καὶ ἀδομένων, ἰδοὺ ἦκεν ἀπὸ τῶν ἀνωτάτων φωτεινὴ νεφέλη, καὶ ἐν μέσῳ τῆς νεφέλης ἐκείνης

ὑπῆρχεν ἡ αὐγίζουσα ἀστραπή φρικτὰς λαμπηδόνας καὶ φρυκτωρίας ἐν αὐτῇ κεκτημένη ἐκ μυρίων καὶ πολυχρῶν ἰδεῶν, ἥτις κατελθοῦσα ἔστη ἐπάνω τοῦ πανσέπτου καὶ τιμίου σταυροῦ καὶ ἀπλωθεῖσα κατεκάλυψεν αὐτοῦ τὴν κορυφὴν ἐφ' ὧραν ἰκανήν· εἶδ' οὕτως ἀνέβη ὄθεν καὶ ἐλήλυθεν· Ἐκ δὲ τοῦ μετὰ τὸ ὑποχωρῆσαι τὴν νεφέλην ὀρώμεν, καὶ ἰδοὺ στέφανος περικύκλω τοῦ τιμίου (f. 190 r.) καὶ ζωοποιοῦ σταυροῦ ὑπέρτιμος καὶ ἐξάισιος καὶ φρικωδέστατος καὶ μυριοβαφής, ἀνεξιχνίαστος ἀνθρωπίνῃ σοφίᾳ, ἐκ πνευματικῶν χαρίτων καὶ λίθων νοητῶν καὶ τιμίων ὑπερφυῶς χειρὶ παντοκρατορικῇ τεχνουργημένος, καὶ αὐτὸς ὑπεράνω τῆς κεφαλῆς τοῦ σταυρικοῦ σημείου θαυμαστός ἐπὶ τοῦ ἀέρος ὠρᾶτο ἐναπηρωρημένος καὶ οἰονεὶ στεφανῶν τὴν πάντιμον καὶ ἀγίαν κάραν αὐτοῦ· ὃν ἰδόντες οἱ σκληροτράχηλοι καὶ ἀπειθεῖς Ἰουδαῖοι καὶ πάντες οἱ εἰδωλολάτραι καὶ ἄπιστοι, ἰλιγγίασαν, ἐφρίξαν καὶ ἐπὶ πλεόν ὡσεὶ κηρὸς ἀπὸ προσώπου πυρὸς ἐτάκησαν, στένοντες, τρέμοντες καὶ γοερῶς ὀλοῦζοντες. Ὅσαύτως καὶ ὡς τοὺς μάρτυρας τυραννίσαντες ἀσεβεῖς καὶ δυσσεβεστάτοι τύραννοι καὶ οὗτοι αὐτὸν ἰδόντες φρίκη καὶ δειλία συσχεθέντες σκοτοδίνης ἐπλήσθησαν καὶ οὐαὶ οὐαὶ ἀκαταπαύστως σὺν οἰμωγῇ καὶ γόῳ ἐκραύγαζον, βλέποντες τὸν τοῦ Κυρίου σταυρὸν δόξῃ καὶ τιμῇ ἐστεφανωμένον. Μεθ' ὧν καὶ οἱ ἐπάρατοι Ἀγαρηνοὶ καὶ οἱ Ἰσμαηλίται σὺν πᾶσι τοῖς ὁμοίοις ὁμολάτραις αὐτῶν δε(f. 190 v.)-ασάμενοι αὐτὸν δεδιότες, πικρία πολλῇ στένοντες κατετήκοντο· οἱ δὲ ὀρθόδοξοι χριστιανοὶ ἀπίρρη γαρᾶ καὶ εὐφροσύνη ἀνεκλαλήτη, ὡς εἰρηται, ἐμπιπλάμενοι ὑψοῦ τὰς χεῖρας αἰρόντες κατέναντι τῆς ἐκείνου ἐλλάμψεως καὶ ὠραιότητος καὶ τὸν νοῦν εἰς οὐρανὸν ἀνατείνοντες καὶ πρὸς αὐτὸν ἀκαταπαύστως ἐνατενίζοντες καὶ τὸν ἐν αὐτῷ ἐκουσίως προσπαγέοντα Σωτῆρα Χριστὸν εὐχαρίστως ἐδόξαζον καὶ θεῖοις ὕμνοις τοῦτον ἐμεγάλυνον.

Τούτων οὖν οὕτω γινομένων, ἰδοὺ ἤχος φοβερός ἀπὸ τῶν ὑψωμάτων καὶ βρονταὶ τῶν προτέρων μείζονες καὶ φοβερώτεραι, καὶ ἀστραπαὶ ἐμφανεστεραὶ τῶν προλαβόντων· καὶ ἰδοὺ ἄγγελοι ἐξάισιοι ὑπὲρ τοὺς προκαταβάοντας καὶ ἀρχάγγελοι ὁμοίως τῶν ἄλλων ὑπερφυεῖς καὶ ἐνδοξότεροι· καὶ ἦν φόβος καὶ τρόμος πολὺς, κλόνος τε καὶ ἔκστασις καὶ συντριμμὸς καὶ φρίκη καὶ ἀγωνία μεγίστη καὶ

ἀνείκαστος, οὐ μόνον ἐπὶ τῶν ἐλεινῶν καὶ ταλαιπώρων ἐκείνων ἀνθρώπων τῶν ἐν ταῖς σειραῖς τῶν ἀμαρτιῶν πεπεδημένων, ἀλλ' ἤδη καὶ ἐπ' αὐτῶν (f. 191 r.) τῶν τῶν φαεινῶν καὶ δευειδῶν ἀγγέλων· σὺν τρόμῳ γὰρ πολλῷ καὶ δέει ἀνεικάστῳ τῷ θείῳ θρόνῳ τοῦ δεσπότητος παρίσταντο· οἱ γὰρ ἄνθρωποι βλέποντες τὰ βέβηλα αὐτῶν καὶ ἀκάθαρτα ἔργα καὶ τὴν τσαύτην ἀσχημοσύνην τῆς ἀδλίας αὐτῶν ψυχῆς, πλείονι ἐκστάσει καὶ ἀγωνίᾳ καὶ φόβῳ συνείχοντο· ἤλεγχε γὰρ αὐτοὺς προφανῶς τὸ οἰκεῖον συνειδός, καὶ δεινὸν ἦν ἐν αὐτοῖς τὸ πένθος, καὶ μὴ ἔχοντες τί ἀπολογήσασθαι περὶ τούτων ἐνώπιον τοῦ δικαίου καὶ ὄντως φοβεροῦ κριτοῦ, διὸ εὐλόγως καὶ δικαίως ἐκλονοῦντο καὶ ἔτρεμον. Οἱ δὲ θεοὶ καὶ φωτόμορφοι ἀγγελοὶ τίνος χάριν καὶ οὕτω σὺν τρόμῳ πολλῷ καὶ δέει τῷ θείῳ θρόνῳ παρίσταντο; ἐχρῆν γὰρ αὐτοὺς ἐν τσαύτῃ δόξῃ καὶ ἀνεκλαλήτῳ χαρᾷ ὑπάρχοντας ἔτι πλέον χεῖρειν καὶ σαρτᾶν καὶ ἐπαγάλλεσθαι· τοῦτο δὲ ποιοῦντες τὴν ἡμετέραν δηλαδὴ τῶν ἀμαρτωλῶν κατανοοῦντες ἀπώλειαν, συμπαθῶς ἐστύγναζον ὑπὲρ ἡμῶν καὶ ἔστενον καὶ τὴν εἰς ἡμᾶς δικαίαν ἀπόφασιν τοῦ δικαίου κριτοῦ καὶ τὴν ἐν ταῖς πικραῖς καὶ αἰωνίαις κολάσεσιν (f. 191 v.) ἡμῶν ἀποκατάστασιν ἐννοοῦντες, τῷ δέει συνείχοντο· οἱ καὶ παραγενόμενοι ἐν πανευλαβείᾳ πολλῇ, ἐν σχήματι σεμνῷ καὶ τάξει ἱεροπρεπεστάτῃ, ἡσύχῳ καὶ εὐκόσμῳ καταστήματι παραγενόμενοι κατὰ τὸν φοβερόν ἐκεῖνον τῆς κρίσεως τόπον, μετ' εὐμενείας καὶ αὐτοὶ σὺν τοῖς προτέροις κατέπαυσαν· ὁ δὲ γε πυρίμορφος καὶ φοβερῶτατος τοῦ δεσπότητος θρόνος οὐκ ἐπὶ τῷ τῆς γῆς ἐδάφει ἠτοιμάσται, ἀλλ' ἐπὶ τοῦ αἰθέρος ὑπερανεστηκῶς τῆς γῆς ὡσεὶ πήγεις τεσσαράκοντα, τὰ δὲ κατιόντα ἀπὸ τῶν ἀνωτάτων θεῶν τάγματα τῶν ἀγγελικῶν δυνάμεων οὐκ ἐπὶ τοῦ ἐδάφους τῆς γῆς καὶ αὐτὰ ἴσταντο, ἀλλ' ἐπὶ τοῦ αἰθέρος θαυμασίως καὶ ἐξαισίως σὺν εὐλαβείᾳ πολλῇ καὶ τάξει εὐπρεπεστάτη σεμνυνόμενα καὶ ἡσύχῳ εὐκοσμίᾳ καταγλαιζόμενα παραδόξως ἅπαντα ἴσταντο ἀπεκδεχόμενα τὸν δίκαιον κριτὴν καὶ βασιλέα τῆς δόξης ἡξεῖν, καθὼς περ καὶ ἡμεῖς ἰρηρυσμένοι καὶ ἀσφαλῶς ἐπὶ τοῦ τῆς γῆς ἐδάφους εἰώδαμεν ἴσασθαι. Ἐπεὶ δὲ ἐν τοιαύτῃ θεωρίᾳ τῆς τοῦ φο(f. 192 r.)βεροῦ θρόνου ἐτοιμασίας πάλαι τὸν νεῦν ἡμῶν ἡμεῖν ἀπασχοληκότες· ξένα γὰρ τῷ ὄντι πάντα νεῦν καὶ λόγον ὑπερβαί-

νοντα καθορῶντο τὰ ἐκείσε τηνικαῦτα τελούμενα· τὸ θαυμαστὸν οὖν ἐκεῖνο ἀφέντες ἡμεῖς ὄραν τεχνούργημα, τῆς ἄνω φημί πόλεως Ἱερουσαλήμ, τὲ πάντα νοῦν καὶ διάνοιαν ὑπερβαῖνον, πρὸς τὴν καινὴν ταύτην καὶ φρικωδεστάτην ἑτοιμασίαν τοὺς ὀφθαλμοὺς ἡμῶν ἀνεπετάσαμεν. Καὶ τούτοις ἡμῶν τοῖς ἐξαισίσις καὶ ὑπερεκπλήκτοις θεάμασιν ἐναβруνομένων· ξένη γὰρ ὑπῆρχε πάντα νοῦν καὶ διάνοιαν ὑπερνικῶσα ἡ θεωρία ἐκείνη· ἐν τούτοις οὖν τοῖς φρικτοῖς θεάμασιν ὁρῶντων ἡμῶν καὶ τὸν νοῦν, ὡς εἴρηται, ἀπασχολουμένων καὶ τοῦ κόσμου παντός ἐξαναστάντος ὡς ἐν ῥιπῇ ὀφθαλμοῦ καὶ πάσης πνοῆς καὶ ψυχῆς ἐστώσης κατὰ πρόσωπον πάσης τῆς γῆς ἀπὸ Ἀδάμ μέχρι καὶ τοῦ ἐσχάτως αὐτῶν γεγεννημένου, καὶ τοῦ φρικωδεστάτου καὶ πυριμόρφου θρόνου τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ καὶ χριτοῦ πάσης τε πνοῆς θνητῆς καὶ ἀθανάτου ἐξαισίως ἑτοιμασθέντος, καὶ τῶν θείων καὶ ἀγγελι(f. 192 v.)κῶν στρατευμάτων δεσπρεπῶς παρισταμένων αὐτῷ, καὶ τῆς φρικτῆς ἐκείνης ἑτοιμασίας σπινθηροβόλουσης καὶ αἰγλήν ἐκ χρωμάτων μυριοβαφῶν ἰδέαν λίαν ἐκπεμπούσης καὶ τὰς τῶν ὁρῶντων ψυχὰς τῶν δικαίων ἐκείνων καταφωτιζούσης καὶ πῦρ αὐλὸν γαληνομόρφως ἐπαφιούσης καὶ εὐφροσύνης ἀρρήτου ἐμπιπλούσης, θυμηδίας τε καὶ παρρησίας ταύτης πληρούσης, τῶν δὲ ἀπίστων καὶ ἁμαρτωλῶν τῶν μηδέποτε μετανοησάντων καὶ ἐπιστρεψάντων πρὸς τὸ φῶς τῆς θεογνωσίας καὶ σωτηρίας τυχόντων φρίκην, δέος καὶ ἐκπλήξιν καὶ δειλίαν ἰσχυρὰν ἐμποιοῦσης, ὡς ἀπὸ τοῦ συνειδότος αὐτῶν καὶ τῆς αἰγληφόρου μαρμαρυγῆς τοῦ τιμίου καὶ ζωηφόρου σταυροῦ καὶ τοῦ πυριμόρφου καὶ δεσποτικοῦ θείου θρόνου συμβαίνειν αὐτοὺς κρίνεσθαι καὶ πρὸ τῆς τοῦ Χριστοῦ παρουσίας.

Ἐπὶ οὖν ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ παρεμβολαὶ ἀγγέλων μεγάλων τέσσαρες εἰς ἅπαξ καταβάσαι ἀπὸ τῶν ἀνωτάτω κατέναντι τῶν ὀφθαλμῶν ἡμῶν· ὧν μὲν ἡ μία παρεμβολή (f. 193 r.) μεγάλη καὶ φοβερὰ σφοδρὰ καὶ χωρισεῖσα παρεγένετο καὶ ἔσθη κατὰ ἀνατολὰς ἑκδαμβος, καὶ αὕτη ἐν πολλῶ φέβῃ καὶ τρόμφ. Κατῆλθεν οὖν μετ' αὐτὴν καὶ ἡ δευτέρα παρεμβολή καὶ ἔσθη κατὰ μεσημβρίαν ἐν ἰσχύι ἀρρήτων καὶ ἀνεκλαλήτων, περιβεβλημένη ἀστραπὴν καὶ περιοζωσμένη φρικωδεστάτην δύναμιν, πλὴν ἐναγώνιος τε καὶ ἐξεστηκυῖα. Κατῆλθεν οὖν καὶ ἡ τρίτη μετ' αὐτὴν καὶ διελθοῦσα ἔσθη κατὰ ἄρκτον, καὶ γαυρίαμα

δόξης ἦν ἐν μέσῳ αὐτῆς καὶ μεγάλη ἐξουσία, ὡσαύτως φόβος καὶ τρόμος μείζων παρῆν αὐτῇ. Καὶ μετὰ ταύτην κατηήθην ἡ τετάρτη παρεμβολὴ ἐν μεγάλῃ καὶ βαθεῖα σιωπῇ καὶ καταστάσει, καὶ παραγενομένη ἔσθη κατὰ δυσμᾶς, σκῆπτρα βασιλικά καὶ φοβερὰ ἐν ταῖς χερσὶ κατέχοντες οἱ ἐξάρχοντες τῶν θαυμασιωτάτων ἐκείνων καὶ φρικωδεστάτων παρεμβολῶν, καὶ τάξις ἦν ἐν αὐτοῖς καὶ κατάστασις θαυμαστή, ὑπακοή τε καὶ ὑποταγὴ φρικτὴ καὶ πολυθαύμαστος ἀπὸ τῶν κα(f. 193 v.)ταδεστέρων τοῖς κρείττοσι καὶ προεξάρχουσι τούτων ἀπονενέμητο. Ἐστράφη δὲ καὶ αὕτη ἡ κατὰ δυσμᾶς παρεμβολὴ καὶ ἔσθη ὡς κατὰ ἀνατολὰς βλέπουσα, καὶ δόξα Κυρίου κατηύγαζε τὰ πρόσωπα αὐτῶν· καὶ ἦν τερψίδυμος ἀγαλλίασις καὶ εὐφροσύνη ἀχώρεστος ὑπὲρ πᾶσαν διήγησιν τὸ καὶ μόνον θεωρεῖν καὶ κατατρυφᾶν τὴν τερπνότητα τῆς ὠραιότητος αὐτῶν. Μετὰ ταῦτα οὖν ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ παρεμβολαὶ ἔτι τέσσαρες κατέβησαν ὡσεὶ τάχος ἀστραπῆς, οὐχ' ὁμοῖαι δὲ ἀλλήλαις τοῖς σχήμασιν αὐταὶ ὑπῆρχον, ἀλλ' ἡ μὲν λευκὴ ὡς τὸ φῶς, ἡ δὲ ἐρυθρὰ ὡς τὸ ὠραιόμορφον ρόδον, καὶ ἡ μὲν ὡς χρυσίον καθαρὸν τῇ τε διαυγείᾳ καὶ στιλπνότητι λάμπουσα ὑπὲρ αὐτὸν τὸν ἥλιον, ἡ δὲ ἑτέρα χιονολαμπῆς περιβεβλημένη εὐπρεπείας λαμπρότητα, καὶ πεποικιλμένη ἐκ παντοδαποῦς εὐχρυσίας καὶ ἀποστιλβουσα ὠραιότητα. Πᾶσαι οὖν αὐταὶ κατελθοῦσαι ἔσθησαν ἐν μέσῳ τῆς ὑπ' οὐρανοῦ, εἰδ' οὕτως διεχωρίσθησαν εἰς (f. 194 r.) τέσσαρας ἀρχὰς καὶ ἐδράσαντο τῶν τεσσάρων γωνιῶν τῆς γῆς καὶ ἔσθησαν προσδεχόμεναι τοῦ Κριτοῦ τὴν ἐπέλευσιν. Ἦν δὲ ἡ μὲν γῆ πλήθους ἀνθρώπων πεπληρωμένη, ὁ δὲ ἀήρ ὁ οὐράνιος πλήθους ἀγγέλων καὶ ἀρχαγγέλων καὶ θείων στρατευμάτων τε καὶ δυνάμεων πεπληρωμένος.

Καὶ ἰδοὺ ἐξαίφνης ἐπάραντες τοὺς ὀφθαλμοὺς ἀπὸ τῆς φρικτῆς θεωρίας ταύτης ἐπὶ τὰ ἀνώτερα ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ ἐπλήσθη ὁ οὐράνιος ἀήρ ἐκεῖνος ἀνθέων ποικίλων ἐκ πολυχρῶν βαφῶν διηηδισμένων, ἡδυνωίων ρόδων καὶ κρίνων πνευματικῶν ἀφράστων, τῶ ὄντι νοητῶν καὶ ἐπουρανίων· καὶ ἰδοὺ ἄρματα πυρός προπορευόμενα καὶ τὰ ἑξαπτέρυγα Χερουβιμ καὶ τὰ πολυόμματα Σεραφίμ· καὶ ἐγένετο ἐν μέσῳ αὐτῶν ῥῆμα Κυρίου, ὠρῶντο δὲ καὶ φιάλαι ἐν αὐτοῖς πεπληρωμέναι ἀρωμάτων ἀνεκλαλήτων καὶ μύρων θεικῶν,

καὶ ἐκέκραγον προπρορευόμενα βοῆ ἰσχυρᾷ καὶ κραταιᾷ σφόδρα· Ἅγιος, ἅγιος, ἅγιος Κύριος Σαβαώθ, πλήρης πάσα ἡ γῆ τῆς δόξης αὐτοῦ. Ἄπο γοῶν τῆς (f. 194 v.) κραυγῆς ταύτης ἐτρόμαξεν ὁ οὐρανός καὶ ἡ γῆ καὶ ἐκέκραξαν οἱ ἐπὶ προσώπου τῆς γῆς καταβεβηκότες πάντες ἄγγελοι Θεοῦ ἐν σεμνότητι καὶ ἡρεμίᾳ φωνῆ ἐπίσης καὶ ἐναρμονίως ἅμα· Εὐλόγησον πάτερ παντοκράτορ. Εἶτα ἠκούσθη καὶ διηχήθη ἐκ τῶν ἀνωτάτω λαμπρὰ καὶ διαπρύσιος φωνὴ λέγουσα· Εὐλογημένη ἡ βασιλεία τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου Πνεύματος· καὶ πάλιν ἐβόησαν οἱ ἐπὶ γῆς θεοὶ ἄγγελοι ἐν ἐξαισίᾳ καὶ φρικωδεστάτῃ φωνῇ ἐκ δευτέρου λέγοντες· Εὐλογημένος ὁ ἐρχόμενος ἐν ὀνόματι Κυρίου, Κύριος Ἰησοῦς Χριστὸς Λόγος τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρός, ὁ συναίδιος τῷ Πατρὶ καὶ τῷ ἁγίῳ Πνεύματι, τὸ ἀναρχον γέννημα καὶ ἀπαύγασμα τοῦ προανάρχου Πατρὸς, ὁ βασιλεὺς τῶν οὐρανῶν καὶ κύριος πάσης πνοῆς, ὁ λέων ὁ παμμέγιστος, ὁ κριτῆς καὶ δικαστῆς καὶ ἐκδικητῆς ζώντων καὶ νεκρῶν, ἐπουρανίων τε καὶ ἐπιγείων καὶ καταχθονίων καὶ πάσης ἀρτίως καὶ ἔπειτα ἀρχῆς καὶ ἐξουσίας καὶ δυνάμεως καὶ παντός ὀνόματος ὀνομαζομένου ἐν τε τοῖς ἄνω καὶ τοῖς κάτω· ἡ βασιλεία αὐτοῦ (f. 195 r.) βασιλεία αἰώνιος καὶ ἀπέραντος καὶ ἀσάλευτος· τῆς γὰρ βασιλείας αὐτοῦ οὐκ ἔσται τέλος καὶ τῆς εἰρήνης αὐτοῦ οὐκ ἔστιν ὄριον. Τούτων οὕτω λεγθέντων ὑπὸ πάσης στρατιᾶς τῶν ἀγγέλων ἀπὸ τῆς φρικτῆς καὶ ἐξαισίας κραυγῆς ἐτρόμαξε καὶ συνεστάλη ὁ οὐρανός καὶ ἡ γῆ· καὶ μετὰ ταῦτα κατέβησαν εἰς τὸ τῆς γῆς πρόσωπον τὰ τε ἄρματα τοῦ πυρός τὰ τε ἐξαπτέρυγα Χερουβιμ καὶ τὰ πολυόμματα Σεραφίμ, καὶ ἐδόθη αὐτοῖς ὁ ἀρμόδιος αὐτῶν, καὶ παρελθόντα ἐκύκλωσαν κύκλῳ ἐν τῇ λαμπρότητι αὐτῶν τὸν ἄστεκτον ἐκεῖνον θρόνον τῆς φρικώδους ἐκείνης καὶ μεγάλης ἐτοιμασίας τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ. Ἐνωτισαμένων οὖν τὰ τῶν Ἰουδαίων, Ἰσραηλιτῶν καὶ Ἀγαρηνῶν καὶ λοιπῶν ἔθνων καὶ φυλῶν καὶ γλωσσῶν ἀσεβέστατα πλήθη τὴν θεῖαν ταύτην τῶν ἀγγέλων αἰνεσιν, καὶ ὅτι σὺν τῷ Πατρὶ καὶ τὸν μονογενῆ Υἱὸν τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν εὐφημοῦντες θεοσπεπῶς ἐμεγάλυνον καὶ ὅτι κριτὴν αὐτὸν ζώντων καὶ νεκρῶν ἀνεκήρυξαν καὶ ἐδόξασαν, ἐλεεινὸν θρῆνον καὶ ὄδυρμόν ἀπαραμύθη(f. 195 v.)τον ἀνάδεξάμενα πάνυ λυγρῶς ἀπωδύροντο τὴν ἑαυτῶν ὀλολύζοντες ἀπώλειαν καὶ

βαθυτάτην ματαιότητα. Τούτων οὖν οὕτως ἐλεεινῶς καὶ ἀδλίως καὶ εἰκῆ καὶ μάτην ἀποδυσρμένων καὶ πικρῶς ὀλοφυρομένων, ἰδοὺ σάλπιγος φωνὴ λιγυρὰ ἄνωθεν κατιοῦσα ἤχησε σφοδρὰ εἰς τὰς ἡμέτερας ἀκοάς· ὅσων δὲ καὶ ὅσων ἡ ταύτης μελιγρὰ ἤχῳ προέβαινε· καὶ ἐπὶ τοσοῦτον ἤχει μάλα σφοδρῶς, ὥστε τὴν ταύτης ἠδυστάτην φθογγὴν καὶ ἤχην ἀψασθαι πάντων τῶν διανοιῶν, τῶν τε ἀγγέλων φημί καὶ τῶν ἀνθρώπων· καὶ ἐπέπεσε φόβος καὶ τρόμος ἐπὶ πάντας καὶ φρίκη ἀνείκαστος, οὐ μόνον ἐπὶ τοὺς γηγενεῖς, ἀλλὰ καὶ ἐπὶ τοὺς θεοειδεῖς ἀγγέλους, ἐπειδὴ ἔγνωσαν πάντες ἀπὸ τῆς φρικωδεστάτης φωνῆς καὶ ἤχης τῆς σάλπιγος ἐκείνης ἤδη τὸν κριτὴν παραγίνεσθαι.

Καὶ εὐθὺς ἰδοὺ νεφέλη φωτεινὴ δρόσον εὐωδίας ἀρρήτου σταλάζουσα καὶ ἐπ' αὐτῆς ὁ Κύριος καὶ Θεὸς ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς. Καὶ ἀπήρην ἡ νεφέλη κατὰ ἀνατολὰς ἐπάνω τοῦ στερεώματος ἐκείνου, καὶ ἀνώχθησαν αὐτῷ αἱ πύλαι τῆς ἀνατολῆς τοῦ οὐρανοῦ (f. 196 r.), καὶ ἀπήστραψεν ὁ Κύριος ἀπὸ ἀνατολῶν, καὶ εὐθέως ἐβρόντησεν ἠχῶ πνοῆς σφοδρὰ βιαιοτάτης ἐπὶ τοσοῦτον ἐκπληκτικῶς καὶ λίαν φοβερῶς, ὥστε σὺν φόβῳ πολλῷ καὶ τρόμῳ προσσχεῖν πάντας ἐπ' αὐτῷ τοὺς ἐπὶ γῆς, ἀγγέλους φημί καὶ ἀνθρώπους, κατὰ ἀνατολὰς, ὅθεν δηλονότι καὶ ὁ ἦχος τῆς βιαίας πνοῆς ἐκείνης ἐφέρετο, καὶ αὐτὸς ὁ Κύριος εὐθέως ἀνέτειλε πάσης πνοῆς θνητῆς τε καὶ ἀθανάτου, ἦτοι ἀγγέλων καὶ ἀνθρώπων σαφῶς καὶ λίαν τηλαυγῶς καθαρῶς αὐτόν. Καὶ ἐν τῷ καθέζεσθαι αὐτόν ἐγένετο ἐπὶ τῆς φρικωδεστάτης ἐκείνης νεφέλης πεπυρακτωμένος σφοδρὰ τῇ αἴγλῃ τῆς θεότητος. Ἐρχεται ἡ νεφέλη φέρουσα αὐτόν ὡς ἐπὶ τὸν θειὸν θρόνον τῆς δόξης αὐτοῦ, καὶ πᾶς ὀφθαλμὸς, ἀγγέλων φημί καὶ τῶν ἀνθρώπων, εὐρα αὐτόν· καὶ οἱ μὲν τῶν υἱῶν τῶν ἀνθρώπων ὅσοι δηλονότι ἐκ τῶν ἰδίων ἀρετῶν φωτεινόμορφοι ἐτύγχανον πτέρυγας ἐκφύοντες πυρός, ἀνίπταντο εἰς τὸν αἰθέρα τοῦ οὐρανοῦ ἐπαιρόμενοι καὶ ὑπήντων αὐτῷ μάλα θαρρῶς καὶ εὐμενῶς (f. 196 v.) προσμειδιῶντι προσώπῳ καὶ διὰ τοῦ σχήματος ἀσπαζομένου αὐτούς, οἱ δὲ ἐφριττον καὶ ἐδεδίεσαν ἐν φόβῳ καὶ τρόμῳ καὶ ἀγωνίᾳ ὄντες πολλῇ, ὅσοι δηλονότι ἀπὸ τε τοῦ οἰκείου συνειδότος καὶ τοῦ ἐπιφαινομένου αὐτοῖς σχήματος κατεγνωσμένου ἑαυτοὺς ἐπεγίνωσκον· οἱ δὲ Ἰσραηλίται οἱ τε χριστοκτόνοι καὶ οἱ μετ' αὐτούς ἐτι πλέον τῶν ἄλλων ἰλιγγίῳν καὶ ἔτρεμον καὶ τοὺς ὀδόντας

ἑαυτῶν ἀπὸ τοῦ πολλοῦ φόβου καὶ κλόνου σφόδρα συνέκρουον. Καὶ εὐθέως ἐξεβόησε πρὸς αὐτὸν πᾶσα πνοὴ ἀγγέλων τε καὶ ἀνθρώπων οὕτως ὡς εἰποῦσα καὶ γηθοσύνης ἀλαλάζουσα· Εὐλογημένος ὁ ἐρχόμενος ἐν ὀνόματι Κυρίου Θεός Κύριος, καὶ ἐπέφανεν ἡμῖν καὶ ἐλήλυθε κριτῆς ζώντων καὶ νεκρῶν. Καὶ εὐθέως μετὰ τὴν αἰνεσιν καὶ ἐξομολόγησιν ταύτην ἔπεσον πάντες ἄγγελοι Θεοῦ κατὰ πρόσωπον καὶ προσεκύνησαν αὐτῷ ἐπὶ τοῦ ἀέρος φόβῳ καὶ τρόμφῳ πολλῷ, ὡς μόνῳ δικαίῳ κριτῇ, ὡσαύτως καὶ οἱ υἱοὶ τῶν ἀνθρώπων, ἰδόντες τοὺς ἀγγέλους πρηνεῖς (f. 197 r.) πεσόντας καὶ προσκυνήσαντας αὐτῷ, καὶ αὐτοὶ πάντες πεσόντες κατὰ πρόσωπον ἐπὶ τὴν γῆν φόβῳ καὶ τρόμφῳ προσεκύνησαν αὐτῷ τῷ φοβερῷ καὶ θαυμαστῷ κριτῇ καὶ Θεῷ τε καὶ βασιλεῖ τῶν αἰώνων. Τούτων κατὰ πρόσωπον κάτω κειμένων, κουφίσας ἑαυτὸν ὁ Κύριος κατελθὼν ἀπὸ τῆς φωτεινῆς νεφέλης ἐκεῖνης, ἐκάθισεν ἐπὶ τοῦ θείου θρόνου αὐτοῦ τῆς δόξης, φοβεράν τὴν ἐπίβλεψιν ἐπιδεικνύμενος, καὶ ὁ θυμὸς ὁ ἅγιος τῆς δικαιοσύνης αὐτοῦ μετ' αὐτοῦ θερμὸς καὶ ζέων ἐπὶ τῇ δυνάμει αὐτοῦ. Καὶ ἀνέστησαν πάντες οἱ υἱοὶ τῶν ἀνθρώπων ἀπὸ τῆς εἰς γῆν κατανεύσεως αὐτῶν καὶ θεασάμενοι αὐτὸν ἐπὶ θρόνου δόξης αὐτοῦ ἐπαναπαυόμενον, φρίκη καὶ ἀγωνία συνείχοντο· ἔτρεμε γὰρ ὁ οὐρανὸς ὡσπερ ὄρα ὑπὸ βραχίονος πνοῆς σπαραττομένη, καὶ ἡ γῆ ἐκλονεῖτο καὶ ἐτινάσσετο ὡσπερ φύλλον θένδρου ὑπὸ τινος ἀνέμου γευμαζόμενον καὶ σαλευόμενον ἰσχυρῶς, καὶ πάντες ἄγγελοι Θεοῦ μεγάλη τῇ φωνῇ ἐβόων κατὰ πρόσωπον πάντων τῶν υἱῶν τῶν ἀνθρώπων εὐδο (f. 197 v.) κήσαντος τοῦ Κυρίου καὶ νέματι θεϊκῷ ἀοράτως προτρεψαμένου αὐτοὺς πρὸς τὸ ἐμφανὲς ἐλεγχθῆναι καὶ λίαν αἰσχυνηθῆναι τοὺς αἰρετικούς πάντας καὶ τοὺς ἀπίστους, τοὺς βεβήλους τε Ἰουδαίους, τοὺς Ἰσραηλίτας, τοὺς Ἀγαρηνοὺς καὶ πάντας τοὺς μὴ δεξαμένους τὸ ἅγιον αὐτοῦ εὐαγγέλιον καὶ τὸ σωτήριον τῶν ἁγίων ἀποστόλων κήρυγμα καὶ μαθητῶν αὐτοῦ, οὕτως ἰέγοντες· Σὺ εἶ ὁ Χριστὸς ὁ υἱὸς τοῦ Θεοῦ τοῦ ζῶντος, ὃν οἱ παράνομοι Ἰουδαῖοι ἐσταύρωσαν ἐν τόπῳ Κρανίου, σὺ εἶ ὁ λόγος τοῦ Θεοῦ τοῦ ὑψίστου, ὃν ὁ πατὴρ πρὸ τῶν αἰώνων ἀνάρχως, ἀρρέυστως, ἀπαθῶς, ἀμειώτως τε καὶ ἀρήτως γεγέννηκεν, ἐπ' ἐσχάτων δὲ τῶν χρόνων εὐδοκίᾳ πνευματικῇ καὶ συνεργίᾳ τοῦ παναγίου Πνεύματος σάρκα προσλαβόμενος ἐκ τῆς

παναγίας και άειπαρθένου Μαρίας, τῆς ὄντως κυρίως και ἀληθῶς Θεοτόκου, άνευ σποράς άπαθῶς και άναλλοιώτως, και εις τόν κόσμον ἑλληλυθῶς, ὁ διπλοῦς ταῖς φύσει και ἑνεργίαις και θελήσεισι γνωριζόμενος, ἐν μιᾷ δὲ (f. 198 r.) τῇ ὑποστάσει διαμείνας τέλειος Θεός και τέλειος ἄνθρωπος, ὁ σημεῖα και τέρατα θεοπρεπῶς τελέσας ἐπὶ τῆς γῆς και κηρύξας τῷ κόσμῳ τὴν τοῦ Πατρὸς βασιλείαν. Σὺ εἶ ὁ Θεός ἡμῶν σὺν τῷ Πατρὶ και ἀγίῳ Πνεύματι, σὺ Κύριος Ἰησοῦς Χριστός, εις ὁ αὐτός λόγος τοῦ Θεοῦ ὁ ἐνυπόστατος, ὁ εις σάρκα παγεῖς άνευ θελήματος ἄνδρός και άνευ θελήματος σαρκός· σὺ εἶ ὁ Θεός ἡμῶν και ἐκτός σου ἕτερον Θεόν οὐ γινώσκομεν. Ταῦτα οὖν εἰρηκότες οἱ ἅγιοι ἄγγελοι, σεισιγήχασιν ἅπαντες και ἐν ἡρμαίᾳ και εὐτάκτῳ καταστάσει συνεστάλησαν. Ἀκούσαντες δὲ ταῦτα οἱ παρανομώτατοι και δυσσεβέστατοι ἄρχοντες τῶν Ἰουδαίων, ὁ τε Ἄννας και Καϊάφας και πᾶς ὁ δῆμος αὐτῶν και πᾶσα συναγωγὴ αὐτῶν ἐφρίξαν και ἐτρόμαξαν και ἐτάχτησαν, ὡσεὶ κηρὸς ἀπὸ προσώπου πυρός, ἐν φόβῳ και τρόμῳ ἀνεικάστῳ γενόμενοι, σὺν τούτοις οὖν ἐτρόμαξε και συνεστάλη ὁ τῆς μανίας ἐπώνυμος, ἐπάρατος φημί και παράνομος Ἄρειος, ἐπὶ τε σὺν αὐτῷ και ὁ κατάπτυστος Μωάμεθ και πάντες ὁμοῦ σὺν αὐτοῖς οἱ ἔχθιστοι και (f. 198 v.) ἐπάρατοι πάσης αἰρέσεως σὺν ταῖς κουστοδίαις αὐτῶν, και ἀπὸ τοῦ φόβου και τῆς φρίκης ἐκείνης ἀπονεκρωθέντες, ἄφωνοι τοῦ λοιποῦ και ἄναυδοι γεγόνασιν. Εὐθὺς οὖν ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος εις τὸ πρόσωπον τοῦ οὐρανοῦ, και αὐτὸς ἀπὸ τοῦ φόβου ἐκείνου ἐφυγεν ἀπὸ προσώπου Κυρίου και τόπος οὐχ' εὐρέθη ἐν αὐτῷ. Και μεμενήκαμεν ἡμεῖς ἐπὶ μονοῦ τοῦ σκοποῦ ἐκείνου, οὐ ἤμεν ἰστάμενοι, διότι πέφευγε πάντα τὰ ὑποκάτω ἡμῶν, και αὐτὸς μόνος ἀκλόνητος ἴστατο ἐπὶ τοῦ αἰθέρος· και ἡ θαυμαστὴ ἐκείνη πολις μεμένηκε στερεὰ ἐπὶ τοῦ τόπου ἐφ' οὗ ὠκεδόμητο, διότι πνεῦμα Κυρίου ἦν ἐπ' αὐτῇ και δύναμις Ὑψίστου συνέσχεν αὐτήν. Και εὐθὺς ἐπέιδεν ὁ Κύριος ἐπὶ ἐν ὀργῇ αὐτοῦ ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς και εἶδεν αὐτὸ και κατενόησε πάντας τοὺς ὄντας ἐν αὐτῷ, και ἦν μεμολυσμένος σφόδρα σφόδρα ἀπὸ τοῦ πλήθους τῶν ἁμαρτιῶν τῶν υἱῶν τῶν ἀνθρώπων. Κατανοήσας οὖν ἐν αἰς αἰσχρουργίας και ἀθεμίτοις πράξεσι κατεμολυναν αὐτὸ οἱ ἀπ' αἰῶνος ἄνθρωποι οἱ τοῖς εἰδώλῳ λαιτρεύσαντες και ταῖς μαγείαις και (f. 199 r.) φαρμακίας

και ταῖς αἰμομιξίαις ἀσχοληθέντες και μιανθέντες, οἱ ταῖς ἀνδρομανίαις, οἱ ταῖς παιδοφθορίαις ἐλεεινῶς και ἀθλίως συμφυραθέντες και χρανθέντες και ταῖς λοιπαῖς ἀθεμίτοις κακοπραγίαις ἐγκυλισθέντες και οὕτω καταμολύναντες και καταμειώσαντες [κατανοήσας] αὐτὴν οὕτως ἔχουσαν ἐν θυμῷ Κύριος, και αὕτη ἔφυγεν ἀπὸ προσώπου αὐτοῦ, και τόπος οὐχ εὐρέθη ἐν αὐτῇ. Και ἰδοῦ εἰστήκεισαν πάντες ἐπὶ τοῦ ἀέρος ἀκλόνητοι, ὡσπερ ἴσταντο και ἐπὶ προσώπου τῆς γῆς, και ἐξέτεινε Κύριος τὴν χεῖρα αὐτοῦ τὴν κραταιάν και ἐπέβλεψεν ἐπὶ τὰ ἄνω ὕψη τῶν ὑψωμάτων και ἐπὶ τὰ κάτω βάθη τῆς ἀβύσσου, και ἰδοῦ νέος οὐρανός και γῆ καινὴ, και τὸ πρόσωπον αὐτῆς δεδοξασμένον σφόδρα· μετηλλάγη γὰρ τῷ νεύματι Κυρίου ἀπὸ τῆς φθορᾶς εἰς ἀφθαρσίαν, και ἦν λευκὸν ὡσεὶ γιῶν. Και ἰδοῦ τὸ στερέωμα τοῦ οὐρανοῦ ἄπαν και αὐτὸ καινισθὲν και ἀφθαρτισθὲν ἀνεφάνη, ὡσπερ ἡ ὄρασις τοῦ ἡλίου καθοραῖται τὸ πρωτὶ ἀνατέλλοντος ἐν αἰθρία ἔτι τὰς ἰδίαις μὴ ἐξαπλοῦν ἀκτίνας· τὰ δὲ γε ἄστρα ἄπαντα (f. 199 v.) ἀπώλοντο ἐξ αὐτοῦ, ὡς τῶν ἀγίων ἀναπληρούντων τὸν τῶν ἀστέρων τόπον, και ἥλιος οὐκ ἦν ἐν αὐτῷ, ἐπειδὴ ἀνατολὴ ἀνέτειλε πᾶσι τοῖς υἱοῖς τῶν ἀνθρώπων, ὁ τῆς δικαιοσύνης λέγων ἥλιος Κύριος και Θεὸς ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς ὁ λυτρωτὴς τοῦ κόσμου. Και ἐπέβλεψεν αὐθις ἐπὶ τὸ κάλλος τοῦ προσώπου τῆς νέας γῆς και ἐπὶ τὸν τόπον τῆς θαλάσσης, ἐν ᾧ τὰ ἀλμυρὰ ὑπήρχον συνηγμένα ὕδατα πρὸ τῆς τῶν στοιχείων καινῆς ἀλλοιώσεως, και ἰδοῦ αἰφνης ἐξανέτειλε και ἀνέβλυσεν ἀντὶ τοῦ ὕδατος τῆς θαλάσσης ποταμὸς πυρός, οὐπερ ἡ φλόξ ἀνῆπτε σφοδρῶς, και ἀφικνεῖτο μέχρι και αὐτοῦ τοῦ στερεώματος τοῦ οὐρανοῦ, και ἐξήρχετο βρέμων και κατλάζων και πελαγίζων, ἕως οὐ ἐκάλυψε πάντα τὰ πληρώματα τὰ ἀφορισθέντα αὐτῷ. Μετὰ τοῦτο οὖν ὀρώμεν ἰστάμενοι ἐπὶ τοῦ σκοποῦ ἐκείνου τοῦ ὑψηλοῦ (και ὑψηλοῦ) φόβῳ και τρόμῳ συνεχόμενοι· και ἰδοῦ ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ πάντα υἱὸν ἀνθρώπου εἰς τὸ πρόσωπον πάσης τῆς γῆς και ἐπὶ πάντα εἰδωλ[λο]άτρη, δι' ὧν ἐθεραπεύθη τὰ μάτια εἰδῶλα και κωφά, και (f. 200 r.) ἐπὶ πάντα υἱὸν ἀνθρώπου, ἐν εἰς θεογνωσία οὐ προσεδέχθη οὔτε μὴν ἐπιπόλασε, και ἐπὶ πάντα πόρνον και μοιχὸν και ἐπὶ πάντας τοὺς φονεῖς και ἐπιόρκους και φειδῶλους, οἵτινες ἐπορεύθησαν ἐν ματαιότητι και δολιότητι πᾶσας τὰς ἡμέρας τῆς ζωῆς αὐ-

τῶν, ζῶν ζήσαντες πονηρὰν καὶ μοχθηρὰν ὡσπερ τὰ κτήνη τὰ ἄλσγα. Καὶ ἰδοὺ τάγμα φοβερὸν πυρίνων ἀγγέλων ἀπὸ δυσμῶν παρεγένετο, καὶ ἐπέβαλον τὰς χεῖρας αὐτῶν ἐπὶ τούτους καὶ ἐπὶ πάντας τοὺς ἀνόμους τε καὶ ἁμαρτωλοὺς, καὶ ἐπὶ πάντας τοὺς ἀσεβεῖς τῆς γῆς, καὶ κρατήσαντες αὐτοὺς κατενώπιον πάντων ἀγγέλων καὶ ἀνθρώπων τῶν ἔτι κριθήσεσθαι προσδοκῶντων, ἐνέβαλόν τε αὐτοὺς ἅπαντας ἓνα καθ' ἓνα εἰς τὴν θάλασσαν ἐκείνην τοῦ πυρός, ἕως εἰς τέλος ἐξέλιπε· τὸ δὲ τάγμα ἐκεῖνο τὸ ὑπουργήσαν τῇ κελεύσει τοῦ Θεοῦ μετὰ τὸ ἐκτελέσαι τὸ κελευσθὲν αὐτῶ, παρελθὼν ἔσθη σὺν εὐλαβείᾳ καὶ φόβῳ πολλῷ ἐν τῇ τάξει αὐτοῦ. Καὶ κατελείφθησαν πάντες οἱ ἀπὸ Ἀβραάμ καὶ Μωϋσέως καὶ μέχρι τῆς (f. 200 v.) συντελείας τοῦ αἰῶνος υἱοὶ Ἰσραὴλ καὶ πάντες οἱ ἀπὸ τοῦ Κυρίου Ἰησοῦ τῆς ἐνσάρκου παρουσίας καὶ ἐπιδημίας καὶ τῆς τῶν ἁγίων αὐτοῦ ἀποστολῶν διδασκαλίας γεγεννημένοι χριστιανοὶ καὶ ἅπαν τὸ σπέρμα αὐτῶν μέχρι τῆς συντελείας· καὶ κατελείφθησαν οἱ ἀπὸ παντὸς ἔθνους καὶ γένους κληθέντες εἰς τὴν ὀρθὴν καὶ ἀμώμητον πίστιν τῶν χριστιανῶν, καὶ πᾶσα ἡ γενεὰ αὐτῶν ἄχρι τῆς συντελείας· καὶ κατελείφθησαν οἱ τὴν ἄνω πρόνοιαν σεβασθέντες ἀπὸ παντὸς γένους τῶν ἐθνῶν ἀπὸ Ἀδάμ καὶ μέχρι τῆς ἐνσάρκου οἰκονομίας τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ θείας παρουσίας, ὁπτινες οὐδόλως ἔκαμψαν γόνυ τοῖς εἰδώλοις. Οὗτοι πάντες καταλειφθέντες ἴσταντο κατὰ πρόσωπον τοῦ δικαίου κριτοῦ, οἱ μὲν ἀπλήτῳ χαρᾷ εὐφραϊνόμενοι καὶ δόξῃ ἀρρήτῳ ἠγλαισμένοι, οἱ δὲ κατηφείας πληρούμενοι καὶ φρίκη ἀνεικάστῳ καὶ δειλία συνεχόμενοι. Ἐν γοῦν τῷ εἰσαγεσθαι τοὺς ἀσεβεῖς ἐκείνους καὶ εἰδωλολάτρας εἰς τὴν θάλασσαν ἐκείνην τοῦ πυρός τὴν καιομένην καὶ καχλάζουσαν καὶ ἀναβράζουσαν ἦν θρῆνος καὶ (f. 201 r.) κλαυθμὸς καὶ ὄδυρμὸς πολλὺς ἐν μέσῳ τῆς συναγωγῆς αὐτῶν, πικρὸς τε καὶ ὀδυνηρὸς καὶ φοβερὸς σφόδρα σφόδρα, ὥστε καὶ αὐτὸν τὸν οὐρανὸν καὶ τοὺς ἀγγέλους τοῦ Θεοῦ ἀποδύρεσθαι ἐπὶ τῇ τούτων ἀπωλείᾳ καὶ αἰωνίῳ κατακρίσει ἐν τῷ ἀστέκτῳ καὶ ἀτελευτήτῳ πυρὶ τῆς γέεννης. Ἀλλ' οὐκ ἦν ὁ ἐλεῶν καὶ οἰκτεῖρων αὐτούς· οἱ δὲ γε λοιποὶ τῶν καταλειφθέντων, ὡς εἰρηται, τοὺς τσιούτους ἀσεβεῖς βλέποντες καὶ εἰδωλολάτρας ὠδομένους βιαίως καὶ φοβερῶς ῥιπτομένους εἰς τὴν γέενναν τοῦ

ἀπλέτου και ἀσβέστου ἐκείνου πυρός οὕτως ἀποτόμως, ἔφριττον διγχιώντες και ἔτρεμον συνορῶντες, και μᾶλλον οἱ πλείους αὐτῶν ὅτι δυσείμονα μορφήν ἐκ τῶν αἰσχίστων και βεβήλων ἔργων αὐτῶν ἐκέκτηντο, και τὴν ἐνὶ ἐκάστῳ αὐτῶν ἐγκειμένην, ὡς ἄνωθεν εἰρηται, ἐπιγραφὴν ἐγγεγραμμένην και δηλοῦσαν ἐκάστου αὐτῶν ἢ τὴν σωτηρίαν, ἢ τὴν ἀπώλειαν, και ὅτι σωτηρίας ἐλπίς οὐκ ἦν ἐν αὐτοῖς.

Ἐπεὶ οὖν, ὡς ἀνωτέρω διειληπται, ἐναπέμειναν οἱ τὸν νόμον δεξάμενοι ἐνα δίκην τίσωσιν (f. 201 v.) ὅπως τοῦτον ἐτήρησαν, ἐπέβλεψεν οὖν ὁ Κύριος κατὰ τὰς ἀνατολάς τῷ περιστρατεύματι αὐτοῦ και ὡσανεὶ ἐπένευσε· και ἰδοὺ τὰ κατὰ ἀνατολάς στρατεύματα ἐσάλπισαν ἐν σάλπιγγι φρικωδεστάτῃ, και ἐγένετο τόπος ἐτοιμασίας ἐν τοῖς τοῦ κριτοῦ δεξιοῖς μέγας λίαν και φοβερός, και διεσπάρη τὸ κατὰ ἀνατολάς στρατεύμα τοῦ Θεοῦ τὸ σαλπίσαν, και διεσκορπίσθη εἰς πᾶσαν τὴν τετραπέρατον φάλαγγα ὡσεὶ τάχος ἀστραπτῆς· σαλπίζοντες μὲν οἱ ἐν τούτοις ἐξάρχοντες ἐν εὐήχοις σάλπιγγιν, οἱ δὲ λοιποὶ αὐτῶν οἱ ἐπὶ τοῦτο δηλονότι τεταγμένοι ἡρέωνων και ἐπετήρουν ἅπαν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, και ἐνθα ἂν εὑρίσκον τοὺς τὰ φαῖδρά πρόσωπα κεκτημένους και τὴν ἀνεκκλήτην εὐφροσύνην και καθαρὰν αἰγλην τῆς δικαιοσύνης περιαστραπτομένους, ἀσπαζόμενοι και ἐνδόξως ἐνάγκαλιζόμενοι τούτους τῷ ῥοίῳ τῶν πτερύγων αὐτῶν ἐν μεγίστῃ και ἀνεκκλήτῳ χαρμονῇ ἀπεκόμιζον αὐτούς (f. 202 r.) ἐν τοῖς δεδοξασμένοις προσηυτρεπισμένοις ἐν τοῖς δεξιοῖς και λαμπροῖς τόποις τοῦ κριτοῦ· και πάλιν ἐξεπορεύοντο ἐκεῖθεν και διεσκορπίζοντο ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς και ἠφόριζον τοὺς ἐκλεκτοὺς τοῦ Θεοῦ ἀπὸ τῶν ἐν ἀνομίαις και ἁμαρτίαις και παντοίαις αἰσχίστοις και ἀθεμίτοις ἔργοις ἑαυτοὺς καταμολυνάντων και οὕτως ἀμετανοήτως τὸν ἑαυτῶν βίον ἐκδοπανησάντων και μὴ φθασάντων καθάραι ἑαυτοὺς διὰ μετανόιας και ἐξαγορεύσεως και εὐποίας πενήτων, και σὺν μεγίστῃ τιμῇ και δόξῃ ἀπεκόμιζον τούτους και σὺν πολλῇ παρρησίᾳ ἐν τοῖς δεξιοῖς τοῦ κριτοῦ, ἐνθα και τοὺς πρώτους ἀπεδησαύρισαν. Και ἐγένετο ἐν τῷ ἐπισυναχθῆναι πάντας τοὺς ἐκλεκτοὺς τοῦ Θεοῦ διὰ νεφελῶν και ἀέρων ὑπὸ τῶν ἐνδόξων ἀγγέλων και στῆναι ἐκ δεξιῶν τοῦ κριτοῦ, ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος πρὸς ἄρκτον και μεσημβρίαν και ἐπένευσε τοῖς ἐκεῖσε θείοις στρατεύμασι, και ἰδοὺ

δύο παρεμβολαί τῶν ἀγγέλων ἐπορεύ(φ. 202 ν.)θησαν ὡσεὶ τάχος ἀστραπῆς καὶ ἀποκατέστησαν πάντας τοὺς ὑπολειφθέντας ἀπὸ τῶν δικαίων υἱοὺς τῶν γηγενῶν ἐν τοῖς εὐωνύμοις μέρεσι τοῦ κριτοῦ, τύπτοντες καὶ μαστίζοντες αὐτοὺς σφοδρῶς· καὶ ἐγένετο ἐν τῷ ἀποκαταστῆναι πάντας τοὺς ἁμαρτωλοὺς τῆς γῆς εἰς τὰ εὐώνυμα τοῦ κριτοῦ, οἵτινες ὑπῆρχον τῷ πλήθει ὑπὲρ τὴν ἄμμον τῆς θαλάσσης καὶ τὸν χοῦν τῆς γῆς· ἀπὸ μὲν γὰρ τοῦ σωτηρίου σπόρου τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἦτοι τοῦ διὰ τοῦ ἀγίου εὐαγγελίου ἐφ' ἔλην τὴν οἰκουμένην σπαρέντες, ἡ τριμοιρία ἀπώλετο, ἡ μᾶλλον εἶπεῖν ἡ τετραμοιρία, καὶ ἐν μόλις περισέσωστο· ἀπὸ δὲ τῆς παλαιᾶς διαθήκης τῶν χιλίων ἢ καὶ τῶν μυρίων μόγις ἠύρισκετο εἰς τετελειωμένος ἐν δικαιοσύνῃ. ἀπὸ δὲ τοῦ προπάτορος Ἀδάμ καὶ μέχρι τοῦ θεοπάτορος Ἀβραάμ, τί ἂν εἶποιμι, μόγις γὰρ τῶν δισμυρίων ἢ καὶ τῶν τετρακισμυρίων ἠύρισκετο εἰς σεσωσμένους ἐν τελειότητι βίου θεαρέστου.

Καὶ ὁῦ τούτων οὕτω τελεσθέντων καὶ διαστάντων καὶ ἀπαχθέντων καὶ ἀποκαταστάντων εἰς τοὺς ἀνήκοντας αὐτῶν τόπους, ἦν ἰδεῖν (φ. 203 γ.) ἐπ' αὐτοὺς θέαμα φρακτόν· τὰ μὲν δεξιὰ τοῦ κριτοῦ λαμπρότητι ἀνεικάστω διαλάμποντα καὶ φαιδροτάτῃ αἴγλη λίαν περιαιγαζόμενα, τὰ δὲ γε εὐώνυμα σκυθρωπά καὶ κατανευγμένα. Εἶδεν ὁ Κύριος ἐπιβλέψας ἐν τοῖς δεξιῶς αὐτοῦ καὶ θεασάμενος τὴν τῶν ἀγίων αὐτοῦ καὶ ἐνδόξων ἀποστόλων φαιδρότητα καὶ λαμπρότητα καὶ ἀγαλλιασθεῖς ἐπ' αὐτοῖς εὐμενεῖ καὶ φαιδρῶ προσώπων καὶ μεγάλη καὶ λαμπρᾷ τῇ φωνῇ, λέγει πρὸς αὐτούς· Δεῦτε οἱ εὐλογημένοι τοῦ Πατρος μου, κληρονομήσατε τὴν ἡτομασμένην ὑμῖν βασιλείαν ἀπὸ καταβολῆς κόσμου· ἐπέινασα γὰρ καὶ ἐδώκατέ μοι φαγεῖν, ἐδίψησα καὶ ἐποτίσατέ με, ξένος ἤμην καὶ συνηγάγετέ με, γυμνός καὶ περιεβάλετέ με, ἀσθενής καὶ διακονήσατέ με, ἐν φυλακῇ καὶ ἐπισκέψασθέ με, ἐν θλίψεσι καὶ πειρασμοῖς ποικίλοις περιπέτωκα καὶ ἐληλύδατε τοῦ παρακαλῆσαι καὶ ἐπισκέψασθαι με καὶ παραμυθῆσασθαι καὶ πᾶσι τροποῖς ἀγαθοῖς μετὰ τῆς εἰς τὸν πλησίον ἀγά(φ. 203 ν.)της ὑμῶν ἐμὲ ἀπεθεραπεύσατε. Ἀποκριθέντες δὲ εἶπον αὐτῷ οἱ δίκαιοι· Δέσποτα Κύριε παντοκράτορ, ποιητὰ τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, πότε σε εἶδομεν πεινῶντα καὶ ἐδρέψαμεν, ἢ ἐκφῶντα

καὶ ἐποτίσαμεν; πότε δὲ σε εἶδομεν ξένον καὶ συνηγάγομεν, ἢ γομνὸν καὶ περιβάλομεν; πότε δὲ σε εἶδομεν ἐν φυλακῇ καὶ ἤλθομεν πρὸς σε, ἢ ἐν ἀσθενείᾳ καὶ ἐπισκεψάμεθά σε, πότε σε εἶδομεν ἐν θλίψει καὶ πειρασμοῖς περιπεσόντα καὶ ἤλθομεν τοῦ παρακαλέσαι καὶ ἐπισκέψασθαι καὶ παραμυθῆσασθαι σε; Ἀποκριθεὶς οὖν ὁ δίκαιος ἐκεῖνος κριτῆς λέγει αὐτοῖς δακτυλοδεικτῶν τοὺς πένητας τῇ δεξιᾷ χειρὶ· Ἐφόσον ἐποιήσατε ἐνὶ τούτων τῶν ἀδελφῶν μου τῶν ἐλαχίστων, ἐμοὶ ἐποιήσατε. Τοῦτο δὲ παρεδήλου αὐτοῖς ὁ Κύριος τὰυτα λέγων· ὅτι οὐκ ἐπεινάσα φαγεῖν ἄρτον ἢ ἐδίψησα ποτὲ πιεῖν, ἀλλ' ἐπεινάσα καὶ ἐδίψησα ὑμῶν τὴν σωτηρίαν ἣν ἐργάσασθε καὶ προσηνέγκατέ μοι διὰ τῆς τῶν συνδούλων ὑμῶν ἀγάπης καὶ εὐποιίας ἐνεκεν ἐμοῦ· ἐμὴ γὰρ βρῶσις καὶ πόσις, καθὼς προεῖπον ὑμῖν, ἐστίν, ἵνα ποιῶ τὸ θέλημα τοῦ πέμψαντος (f. 204 r.) με· τοῦτο δὲ ἐστὶ τὸ θέλημα τοῦ πέμψαντός με Πατρός, ἵνα πᾶν ὃ δέδωκέ μοι, οὐ μὴ ἀπολέσω ἐξ αὐτοῦ, ἀλλὰ ἀναστήσω αὐτὸ ἐν τῇ ἐσχάτῃ ἡμέρᾳ. Διὰ ταύτης γὰρ τῆς ἐργασίας ἐληλυθάτε πρὸς με, εὐφροσύνης καὶ τέρψεως καὶ θυμηδίας ἐπληρώσατέ μου τὴν καρδίαν ἐν ταῖς πρὸς ἀλλήλους ἀγαθοεργίαις ὑμῶν· ἐμὸν γὰρ βρῶμα καὶ πόμα καὶ περιβόλαιον, ὡς εἴρηται, καὶ πᾶσα ἀνάπαυσις καὶ θέλημα τοῦ Πατρός μου ἐστὶ τὸ σωθῆναι πάντας τοὺς υἱοὺς τῶν ἀνθρώπων. Καὶ ἐπειδὴ θερμῶς ἠγωνίσασθε καὶ σπουδαίως τὰ πρὸς σωτηρίαν ὑμῶν, ἐμὴν πᾶσαν ἐπιθυμίαν καὶ θέλημα τοῦ Πατρός μου ἐπληρώσατε· ὅς γὰρ οὐκ ἀφίει ἔσθλημα τοῦ πλησίου, οὐδὲ τὸ αὐτοῦ ὀλισθημα ἀφεθήσεται, καὶ ὅς οὐ δῶ ἑτέρῳ παραμυθίαν, οὐδ' αὐτὸς λήφεται.

Ταῦτα καὶ τὰ τούτοις ὅμοια εἰρηκότος τοῦ δικαίου κριτοῦ πρὸς τοὺς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ ἱστώτας, στρέφεται καὶ πρὸς τοὺς εὐωνύμους, καὶ περιβλεψάμενος αὐτούς ὁ φρικτὸς ἐκεῖνος καὶ ἀπαραλόγιστος καὶ μόνος κριτῆς καὶ δικαστῆς, εἶδε πάντας τοὺς ἀμαρτωλοὺς τῆς γῆς, βεβήλους (f. 204 v.) ὄντας καὶ ἐξοφωμένους εἰς τέλος, καὶ ἐταράχθη ἐν θυμῷ καὶ ὀργῇ τῇ δικαίᾳ αὐτοῦ, βδελυξάμενος τὴν ἀσχημοσύνην αὐτῶν· καὶ ἀποκριθεὶς ἀποτόμως εἶπε πρὸς αὐτούς· Πορεύσατε ἐπ' ἐμοῦ οἱ κατηραμένοι ἐργάται τῆς ἀνομίας εἰς τὸ πῦρ τὸ αἰώνιον τὸ ἠτοιμασμένον τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ· ἐπεινάσα γὰρ οὐκ ἄρτον φαγεῖν, φθειρόμενον εἰς οὐδὲν δὲ ἀλλοιούμε-

νον· οὐ γὰρ ἐπ' ἄρτων μόνων ζήσεται ἄνθρωπος, ἀλλ' ἐν παντί ῥήματι Θεοῦ ἐκπορευομένην διὰ στόματος αὐτοῦ· ἀλλὰ τὴν σωτηρίαν ὑμῶν, ἣν οὐ προσηνέγκατέ μοι, ἐδίψησα τοῦ σωθῆναι πάντας· ἡμέτερον γὰρ ἐστὶ θάλημα, καὶ οὐκ ἠθελήσατε, καὶ οὐδὲ θέλῃσι τις γέγονεν ὑμῖν ποτίσασθαι με ὕδωρ κατανύξεως· ξένος ἤμην τῶν διανοιῶν ὑμῶν καὶ αἰσθήσεων, καὶ οὐ συνηγάγετέ με διὰ τῆς τῶν ξένων ἐνδόν τῆς οἰκίας ὑμῶν τῆς ξεναγίας· γυμνός καὶ ἐν φυλακῇ δι' ὑμᾶς ἐγενόμην, καὶ οὐκ ἐπεσκέψασθέ με διὰ τῆς κατὰ Θεὸν ὑμῶν ὑπομονῆς ἐν ταῖς ἐπερχομέναις ὑμῶν ὕβρεσι καὶ χλευασμοῖς καὶ πειρασμοῖς καὶ ὀνειδέσιν ἐνεκεν ἐμοῦ ὑπὸ τῶν μισούν(φ. 205 γ.)των ἡμᾶς, ἀλλ' ἐτι πλέον λελυπήκατέ μου τὸ πνεῦμα ἐν ταῖς βλασφημίαις ὑμῶν· ἀσθενὴς ἐγενόμην καὶ ἐν ἀπορίᾳ τῶν ἀναγκαίων ὑπῆρχον, ὑμεῖς δὲ καθ' ἐκάστην τρυφῶντες καὶ κατασπαταλῶντες οὐ διηκονήσατέ μοι διὰ τῆς εἰς τοὺς πένητας εὐποίας ὑμῶν καὶ ἐλεημοσύνης· ἐν θλίψει ὑπῆρχον ὄρων ὑμᾶς καθ' ἐκάστην τὰ μάταια πράττοντας καὶ ἐν τούτοις συνθλίβοντάς με, καὶ οὐκ ἠθελήσατε μετανοῆσαι καὶ διὰ κατανύξεως καὶ δακρύων ἀποθεραπεῦσαι με, καθὼς ἐν παραβολαῖς εὐηγγελισάμην ὑμῖν. Διὰ τοῦτο οὖν ἀπέλθετε ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ κατηραμένοι καὶ οἱ ἁμαρτωλοὶ καὶ οἱ εἰς τέλος ἀμετανόητοι εἰς τὸ σκότος τὸ ἐξώτερον, ἐκεῖ ἐστὶ ὁ κλαυθμὸς καὶ ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων· ἀπέλθετε ἀπ' ἐμοῦ βέβηλοι καὶ ἀκάθαρτοι ἐργάται τῆς ἀνομίας καὶ κληρονόμοι τῆς ἀπωλείας εἰς τὴν γέενναν τοῦ πυρὸς τοῦ αἰωνίου· πορεύεσθε ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ κατηραμένοι καὶ λαθραίως κακοῦργοι καὶ ἀνελεήμονες, φιλολοῖδοροι καὶ μνησικαχοὶ καὶ κατάλαλοι, (φ. 205 ν.) κτηνώδεις καὶ πάσης αἰσχροουργίας καὶ ἀκαθαρσίας ἀνάπλευοι εἰς τὸ πῦρ τὸ ἡτοιμασμένον καὶ ἄσβεστον· οὐκ οἶδα ὑμᾶς· ἀπέλθετε ἀπ' ἐμοῦ καὶ πορεύεσθε εἰς τὸν τάρταρον τοῦ ἄδου πάντες ὑμεῖς οἱ ῥάθυμοι καὶ οἱ ἀνηλεεῖς καὶ ἀπάνθρωποι, οἱ ἀμετάδοτοι καὶ οἱ ἀσπλαγγχοὶ καὶ οἱ ἀμετανόητοι· οὐκ οἶδα ὑμᾶς· ἀπέλθετε ἀπ' ἐμοῦ οἱ τὰ τῶν ἀδελφῶν μου τῶν πενήτων ἀρπάσαντες καὶ εἰς τὰς ἰδίας ἐπιθυμίας καὶ ἀσωτίας ὑμῶν ἀπλείστως καὶ ἀδεῶς κενώσαντες καὶ παρ' ἑαυτοῖς ἀποθησαυρίσαντες· πορεύεσθε ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ ἄπιστοι καὶ οἱ ἀσεβεῖς καὶ οἱ ἀσελγεῖς καὶ οἱ ἄσωτοι καὶ οἱ ἀκάθαρτοι καὶ φειδωλοὶ καὶ ἀπαράκλητοι, καὶ γὰρ οὐκ οἶδα ὑμᾶς· ἀπέλθετε ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ φονεῖς

καὶ οἱ μογχοὶ καὶ οἱ ἀρσενοκοῦται καὶ οἱ κτηνοβάται καὶ οἱ αἱμομίκται καὶ οἱ φαρμακοὶ καὶ οἱ κλέπται καὶ οἱ ψευδοὶ καὶ οἱ ἐπίορκοι καὶ οἱ λησταὶ καὶ οἱ ἄνομοι· οὐ γὰρ οἶδα ὑμᾶς· ἀπέλθετε ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ πόρνοι καὶ οἱ μαλακοὶ καὶ οἱ μέθυσοι καὶ (f. 206 γ.) πάντες οἱ φιλάργυροι καὶ οἱ ὀργίλοι καὶ οἱ θυμώδεις καὶ οἱ κενόδοξοι καὶ οἱ ὑπερήφανοι καὶ οἱ κιδαρφοὶ, οἱ τραγῳδοὶ καὶ οἱ γαστρίμαργοι καὶ οἱ φλύαροι καὶ οἱ ἐν ἀκαθαρσίαις καὶ ἐν ματαιότητι ὄλον ὑμῶν τὸν βίον καταστρέψαντες καὶ μὴ μετανοήσαντες· οὐκ οἶδα ὑμᾶς, οὐ γινώσκω πόθεν ἐστὲ, οὐ γνωρίζω τινὰ ἐξ ὑμῶν· διὰ τοῦτο οὖν ἀπέλθετε πόρρω ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ κατηραμένοι βδελυκτοὶ καὶ κατηρηγυμένοι· καὶ γὰρ οὐκ οἶδα ὑμᾶς· πορεύεσθε οὖν εἰς τὸ πῦρ τὸ αἰώνιον τὸ ἠτοιμασμένον τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ, ἔνθα ἐστὶν ὁ κλαυθμὸς καὶ ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων.

Τότε ἀκούοντες ἐκεῖνοι οἱ ἐν τοῖς εὐωνύμοις μέρεσι τοῦ κριτοῦ γυμνοὶ καὶ τετραγῆλισμένοι καὶ πάσης ἀηδίας πεπληρωμένοι παρεστηκότες τὴν φοβεράν ταύτην ἀπόφασιν ἐταράχθησαν, ἐσαλεύθησαν, τρόμος ἐπελάβετο αὐτοὺς, καὶ πικρῶς ὀδυρόμενοι ἀπεκρίθησαν αὐτῷ λέγοντες· Κριτὰ ἀπροσωπόληπτε καὶ ποιητὰ τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς καὶ πάσης ὁρατῆς καὶ ἀοράτου κτί(f. 206 ν.)σεως ποιητὰ καὶ δημιουργε Θεὲ ἡμῶν, πότε σε εἶδομεν πεινῶντα καὶ οὐκ ἰδρέψαμεν, ἢ πότε σε εἶδομεν διψῶντα καὶ οὐκ ἐποτίσαμεν, ἢ πότε σε εἶδομεν γυμνὸν καὶ οὐ περιεβάλομεν καὶ ἐνεδύσαμεν, ἢ πότε σε εἶδομεν ξένον καὶ οὐ συνηγάγομεν ἐν τῷ οἴκῳ ἡμῶν, πότε δέ σε εἶδομεν ἐν ἀσθενείᾳ καὶ οὐ δεηκονήσαμεν καὶ ἐπεσκεψάμεδά σε, ἢ πότε σε εἶδομεν ἐν φυλακῇ καὶ οὐκ ἐληλύθαμεν πρὸς σε, ἢ πότε σε εἶδομεν θλιβόμενον ἢ ἐν ἀπορίᾳ τυγχάνοντα τῶν ἀναγκαίων καὶ οὐ δεηκονήσασμέν σοι; Τότε ὁ βασιλεὺς ἐκεῖνος ὁ μέγας καὶ φοβερός ἐταράχθη ἐπ' αὐτοὺς σφόδρα ἐν τῷ οὕτως ἀπολογήσασθαι αὐτοὺς πρὸς αὐτόν, καὶ ἀποκριθεὶς μετ' ὀργῆς εἶπε πρὸς αὐτοὺς δακτυλοδείξας αὐτοῖς τινὰς τῶν ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ παρεστώτων δικαίων ἢ καὶ τῶν ἐξ ἐκωνύμων ἐσώτων ἀμαρτωλῶν· Ἐφόσον οὐκ ἐποιήσατε ἐνὶ τούτων τῶν ἀδελφῶν μου τῶν ἐλαχίστων, οὐδὲ ἐμοὶ ἐποιήσατε· αὐτοὶ ἑαυτοῖς καλὸν οὐκ ἐποιήσατε, οὐδὲ ἐμοὶ ἐποιήσατε, ἑαυτοὺς οὐκ ἠγαπήσατε, οὐδὲ ἐμὲ ἠγαπήσατε· εἰ γὰρ ἐμὲ ἠγαπᾶ-

(f. 207 γ.)τε, ἠγαπάτε ἄν και τόν πλησίον ὑμῶν· οὐκ ἐλεήσατε πένητα και πτωχόν, οὐδὲ ἐμὲ ἠλεήσατε, διὰ τοῦτο οὐδὲ αὐτοὶ ἐλεηθήσεσθε· οὐκ ἀνεπαύσατε ξενοδίτην, οὐδὲ ἐμὲ ἀνεπαύσατε· οὐκ ἔθεραπεύσατε ξένον και κατανευγμένον τῇ καρδίᾳ, οὐδὲ ἐμὲ ἔθεραπεύσατε πώποτε· διὰ τοῦτο οὐκ οἶδα ὑμᾶς. Ἀπόστητε οὖν ἀπ' ἐμοῦ οἱ ἐμὲ και τόν Πατέρα μου λυπήσαντες και θλίψαντες, οἱ τὰ γήινα και μάταια ποθήσαντες και τὰ ἐπουράν[α] και θεῖα μισήσαντες· ἀπόστητε ἀπ' ἐμοῦ οἱ τὴν ἁμαρ(υ)ρίαν ποθήσαντες και διὰ πάσης τῆς ζωῆς ὑμῶν ταύτην κατέχοντες και τόν διάβολον θεραπεύσαντες, και μηδὲ κἄν ἐν ταῖς ἐσχάταις ἡμέραις τῆς ζωῆς ὑμῶν τῇ μετανοίᾳ προσδραμεῖν ἠδελήσατε· διὰ τοῦτο γάρ οὐκ οἶδα ὑμᾶς πόθεν ἐστέ. Οἱ δὲ τὰ φρικιώδη ταῦτα και ὡς ἀληθῶς θεῖα ῥήματα παρὰ τοῦ κριτοῦ τοῦ δικαίου ἀκροασάμενοι και ἐνωτισάμενοι τὰ λεγόμενα, δάκρυσιν ἐλεινοῖς και οἰμωγαῖς ἀφορήτοις ἑαυτοὺς ἀπωδύροντο, κλαυθμῷ τε πικρῷ ἑαυτοὺς ἐλεινολογούμενοι και τὸ οὐαὶ οὐαὶ ἀπαύστως σὺν (f. 207 ν.) κραυγῇ μεγίστῃ ὀλολύζοντες και πρὸς οἶκτον ἅπαντας προσκαλούμενοι, ἀλλ' ὁ ἐλεῶν και οἰκτεῖρων οὐκ ἦν αὐτοὺς και ὁ σπλαγχνιζόμενος αὐτοὺς ποσῶς οὐχ' ἠύρισκετο, ὁ παρακαλῶν και μεσιτεύων τόν κριτὴν ὑπὲρ αὐτῶν οὐχ' ὑπῆρχε· τὰ δὲ δάκρυα αὐτῶν οὐκ ὠκτείροντο, ἐπειδὴ ὁ τῶν δακρύων ἀπεκλείσθη καιρὸς και ὁ τοῦ ἐλέους πορισμὸς ἀπέσβη και ἀπελήλατο μακρὰν ἀπ' αὐτῶν. Ἐν γὰρ τῷ θυμοῦσθαι και ὀργιζεσθαι τόν δικαίον ἐκεῖνον και ἀπρόσωπόληπτον κριτὴν τόν δικαίον θυμόν δικαίως κατ' αὐτῶν, πάντες τῷ δέει και τῷ φόβῳ συνείχοντο πεφρικότες μηδὸλως ἀντοφθαλμησαι αὐτῷ δυναίμενοι.

Ἀναβλέψας οὖν ἐγὼ τοῖς ὀφθαλμοῖς, εἶδον γῆν νέαν και ἐπ' αὐτὴν ὄρη οὐκ ἦν ἀναβαίνοντα, οὐδὲ φάραγγες καταβαίνουσαι ἢ πεδιάδες ἐξομαλίζουσαι, ἀλλὰ πᾶσα ἡ γῆ ἐκεῖνη ὑπῆρχεν ἐν θέσει και στάσει μιᾷ φαινομένη ἀπ' ἄκρων ἕως ἄκρων αὐτῆς και τόπος ἀποκρυφος οὐχ' εὐρίσκετο ἐν αὐτῇ, ὡς ἂν τις ἐχῆ παρεικάσαι αὐτὴν ἄλωνα θερεινὴν· τὸ δὲ πρόσωπον αὐτῆς ὑπῆρχε καθαρὸν και λευκόν (f. 208 γ.) ὡσεὶ γάλα ἢ χιῶν ἄρτα νεφελῶν ἐκπεσοῦσα, και ἀτμὶς χρυσαυγίζουσα ἀνέβαιεν ἐξ αὐτῆς και ἀνήρχετο ἐπὶ τόν αἰθέρα τοῦ οὐρανοῦ εὐωδίας ἀπάτου πληροῦσα αὐτόν· και αὐτὴ ἦν ὄλη δεδοξασμένη. Και ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἔτι ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, και εὐθέως ἀνέβη ἐπ' αὐτῆς

χλόη λευκή ὡσεὶ χιών· καὶ ἰδοὺ φυτὰ ἐπ' αὐτὴν τῷ εἶδει ὠραῖα καὶ περικαλλῆ, εὐσκιόφυλλά τε καὶ εὐκαρπα, τὰ μὲν πυρακίζοντα, τὰ δὲ χιονοφεγγῆ, τὰ δὲ ἐκ πολυχρῶν ἀνθέων διηνηθισμένα, ἄλλα ἐξ ἄλλων διαφέροντά τῇ θεωρίᾳ τε καὶ τῇ ὠραιότητι, ἃ ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδε καὶ οὐς οὐκ ἤκουσε καὶ ἐπὶ καρδίαν ἀνθρώπου οὐκ ἀνέβη οὔτε σοφία ἀνθρωπίνη καὶ γλῶσσα βρότειος διηγήσασθαι δύναται. Καὶ ὅτε τὰ φρικώδη ταῦτα ἀνέβη καὶ περικαλλῆ φυτὰ εἰς τὸ πρόσωπον αὐτῆς, καὶ αὐτὰ ἐξήνθησαν μυριοπλασίως εἶδη ἀνθέων ἀπόρρητα καὶ τερπνότατα ἐν τοῖς φυτοῖς, ὧν τὴν περικαλλῆ καὶ ποικιλόμορφον θέαν καὶ τὴν τῆς ὀσμῆς τῆς ἐξ αὐτῶν ἐκπεμπομένης ἢ (f. 208 v.) δύστητα διηγήσασθαι νοῦς ἀνθρώπων ὅλως ἀδυνατεῖ καὶ ἰλιγγιᾷ ἐξαπορούμενος ὡς πάντα νοῦν καὶ διάνοιαν ὑπερνικῶσα· τηλικαύτη γὰρ ἦν ἡ ὠραιότης καὶ ἡ εὐπρέπεια ἢ[ν] ἐν τῷ ἐξηνθισμένῳ τῶν ὠραιομόρφων φυτῶν ἐκείνων καὶ τῆς τερπνοτάτης ἐκείνης χλόης ἢ θαυμαστῆ ἐκείνη γῆ ἐνεδύσατο, ὅταν ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδε, ὡς εἴρηται, καὶ οὐς οὐκ ἤκουσε καὶ ἐπὶ καρδίαν ἀνθρώπου οὐκ ἀνέβη, ὡς καὶ μὲ ὑπερεκπλαγέντα ἐπὶ τῇ τοιαύτῃ ταύτης εὐπρεπείᾳ καὶ φαιδρότητι κατατολμηῆσαι καὶ εἰπεῖν πρὸς τὸν ὀδηγοῦντα με ἄγγελον τὸν θεῖον ἐκεῖνον· Κύριέ μου, τίς ἐστὶν ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν περὶ ἧς πολλάκις ἀκήκοα ἀπὸ τε αὐτῶν τῶν ἐκκλησιαστικῶν καὶ θεῶν δογμάτων καὶ ἀπ' αὐτοῦ τοῦ ἁγίου καὶ πανσέπτου εὐαγγελίου, ὅτι θαυμαστὴ τις ἐστὶ καὶ ἀσύγκριτος ὑπὲρ πάσας τὰς βασιλείας τῆς γῆς; μὴ τοί γε ἄρα αὕτη ἐστὶν ἡ φαινομένη πρὸ ὀφθαλμῶν ἡμῶν, ἡ τῷ κάλλει καὶ τῇ εὐπρεπείᾳ ἀσύγκριτος τε καὶ ἀκατάληπτος; τί γὰρ περισσότερον ταύτης ὀφείλει ἔχειν ἐκείνη; εἰ ἄρα ἄλ(f. 209 r.) λη ἐστὶ, οὐκ αὕτη; Ἀποκριθεὶς δὲ ἐκεῖνος ἔφη πρὸς με· Οὐκ οἶδας, ἀδελφε, τί λέγεις· αὕτη γὰρ ἦν ὄραξ γῆν καὶ τὰ ἐν αὐτῇ πάντα ἡ γῆ τῶν πραέων ἐστὶ, περὶ ἧς ἐν τοῖς εὐαγγελίοις εἴρηται, ὅτι· μακάριοι οἱ πραεῖς ὅτι αὐτοὶ κληρονομήσουσι τὴν γῆν· ἡ δὲ τῶν οὐρανῶν βασιλεία ἐν τοῖς οὐρανοῖς ἐστὶν, ἐν πᾶσι δὲ ὑπάρχει ἀκατάληπτος καὶ οὐδὲ ἐνὶ τῶν κατ' αἰσθησιν ἰσόρροπος πέλει ὧν νῦν ὄραξ.

Ἐπεὶ δὲ θαυμάζοντες ἤμεν ἐπὶ τῇ ἐξανθήσει τῶν ἐξαισίων ἐκείνων καὶ μυριπνῶν καὶ ποικιλομόρφων φυτῶν τε καὶ ἀνθέων καὶ ἰων σκυρτῶντες καὶ ἐν τούτοις ἐπαγαλλόμενοι, ὀρώμεν, καὶ ἰδοὺ

ἕτερα φυτὰ καὶ αὐτὰ πλείονα τῶν προτέρων, ὡς εἰς πλήθος ὁρᾶσθαι πολὺ σφόδρα, ἃ καὶ ἀνέτειλε καρπὸν ἀσύγκριτον καὶ ἀκατάληπτον τῷ πλήθει, ξένον τῇ ἰδέᾳ καὶ θεωρίᾳ καὶ εὐκωδία, θαυμαστὸν τῇ γεύσει καὶ τῇ ἡδύτητι καὶ ἀκόρεστον τῇ ἀγήρῳ μονιμότητι καὶ αἰδιότητι. Καὶ ἰδοὺ ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ τὸ πρόσωπον ἅπαν τῆς ἀφθάρτου καὶ (f. 209 v.) θαυμαστῆς γῆς ἐκείνης, καὶ ἐπλήσθη εὐδύς βοτάνης ἀνεκφράστου, ἣτις ἦν χρυσαυγίζουσα καὶ μυρμηδὸν ἀσυγκρίτως τὰ ἐπ' αὐτῇ ῥόδα, κρίνα τε καὶ ἰα ἐπανατέλλουσα· ἅτινα ὁρῶν ἐγὼ ἐξέστην ὅλως καὶ ἐκθαμβος γέγονα ἐπὶ τῷ κάλλει αὐτῆς, ἰλιγγιάσά τε καὶ ἐφριξα, ἐπεὶ δὴ κόρος οὐκ ἦν τῆς γλυκείας ταύτης ὀρασεως· ὁ γὰρ Κύριος ἐστόλισε καὶ ὠραίσεν ὡς νύμφην ἐν παστῶ φαιδρύνας καὶ καλλωπίσας· ἐξαισίως αὐτὴν ἐν ὠραιότητι ἀπέιρω καὶ φαιδρότητι εἰς ὑποδοχὴν τῶν αὐτοῦ τέκνων. Καὶ μετὰ ταῦτα ἐπέβλεψεν αὐδὺς ὁ Κύριος κατὰ πρόσωπον πάσης τῆς θαυμαστῆς γῆς ἐκείνης, καὶ αὕτη ἀνέβλυσε ποταμὸν γάλακτος καὶ μέλιτος ἐπὶ τὸ αὐτό· τὸ δὲ μέλι τοῦ ποταμοῦ ἐκείνου ὑπῆρχε καθαρώτατον λίαν καὶ διειδέστατον καθαπερεὶ δάκρυον· καὶ διεπορεύοντο ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς κλύζοντες καὶ ποτίζοντες τὰς ῥίζας τῶν φυτῶν αὐτῆς· οὐ μέντοι συμμιγνύμενοι ἀλλήλοις οἱ ποταμοὶ, ἦτοι τὸ μέλι μετὰ τοῦ γάλακτος, ἀλλὰ χωρὶς καὶ ἰδίως ἐπορεύοντο, καὶ τὸ μὲν (f. 210 r.) γάλα τὰς τῶν μυριπνῶν καὶ ὠραίων ἐκείνων φυτῶν ῥίζας ἐπικλύζον ἐπότιζε, τῶν τοῖς ἄνθεσι καὶ μόνις αἰδίως δηλονότι ὠραιζομένων, τὸ δὲ μέλι τῶν βριθόντων τῶ ἀμαράντων ἐκείνων καὶ ἀνεκλαλήτων καρπῶ δένδρων τὰς ῥίζας αἰδίως καὶ ἀρμολόντως, ὡς λόγου μετέχον εὐφυῶς, ἤρδευεν ἐπικλύζον καὶ τούτοις ἡρέμα ἐξηχεῖτο. Καὶ πρὸς ἐπὶ τούτοις ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ τῇ αὐτῇ προσβλέπει τοῦ Κριτοῦ ἦλθον ἀπὸ ἀνατολῶν στρουθία ὠραιόμορφα, ὡς νέφος μέγα καὶ δασύ σφόδρα, καὶ ἠπλώθη ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς ἐκείνης· καὶ ἐπλήσθησαν ἅπαντες οἱ κλάδοι τῶν φυτῶν ἐκείνων τῶν μυριοπλασίως μυριπνῶν καὶ εὐόσμων ἀνθῶν καὶ καρπῶν ἀγαθῶν ἐκείνων τῶν τοιοῦτων στρουθίων, καὶ αὐτὰ ἐτέρφθη ἐπὶ τῷ κάλλει καὶ τῇ ὠραιότητι τῆς ἀφθαρτισθείσης ἐκείνης κτίσεως, καὶ σφόδρα ταῦτα ἀγαλλιασθέντα περιχαρῶς ἤρξαντο κελαδεῖν εὐήχῳ λίαν καὶ ἡδυτάτῃ φθογγῇ μέλος ἐξαισίον καὶ ἐναρμόνιον, ὡς ἐξηχεῖ-

σθαι πᾶσαν τὴν γῆν (f. 210 v.) ἐκ τῶν τοιούτων ἡδυτάτων στρουθίων ἐκείνων φωνῶν, καὶ τὸ μέλος τούτων ἀνέργεσθαι μέχρις αὐτῶν τῶν ἀψίδων τοῦ οὐρανοῦ. Ἐφριξε δὲ καὶ ἐτρόμαξε πᾶσα ἡ παρισταμένη ἐκείνη συναγωγή σφόδρα σφόδρα τῷ αἰωνίῳ καὶ φοβερωτάτῳ κριτῇ ἐκείνῳ ἀπὸ τῆς αἰφνιδίου κραυγῆς τῶν ἀρξαμένων κελαδεῖν καὶ ὑμνεῖν τὸν Κύριον καὶ Θεὸν τοῦ παντός φοβερωτάτων, λαμπροτάτων καὶ ποικιλομόρφων ἐκείνων στρουθίων. Ἐγὼ δὲ ἐκπληττόμενος καὶ ἐξίσταμενος ἐπὶ τῇ τῶν ἐξαισίων καὶ ποικιλομόρφων ἐκείνων φημί στρουθίων ἡδυτάτῃ φθογγῇ καὶ ἤχῃ, λέγω πρὸς τὸν ὀδηγούντα με ἄγγελον· Κύριέ μου, πόθεν ἤμασι ταῦτα τὰ περικαλλῆ καὶ ἡδुφωνότατα στρουθία, καὶ τίς ὁ ἤχος καὶ τὸ μέλος αὐτῶν τὸ τερπνότατον; Ὁ δὲ ἔφη πρὸς με· Ταῦτα τὰ στρουθία ἄπερ ὄρας, ἀδελφε, οὐ τῇ φθορᾷ καὶ ἀλλοιώσει καὶ τῇ τῆς γωνῆς αὐξῇ ὡς τὰ ἐν τῷ παρόντι προσκαίρω καὶ πολυστενάκτῳ βίῳ ὑπάρχουσιν ὑποκείμενα, ἀλλ' ἐπίσης ἢ λοιπῇ καινῇ κτίσει καὶ ταῦτα ἀφάρτα τετίμηκε καὶ τῇ εἰς (f. 211 r.) αἰώνων ἀγήρῳ καὶ αἰδίῳ μονῇ τε καὶ τέρφει καὶ φαιδρότητι καὶ διαμονῇ.

Μετὰ δὲ τὸ συντελεσθῆναι οὕτω ταῦτα πάντα, ἐπέβλεψεν αὐθις ὁ Κύριος ἐπὶ τὰ ὑψη τῶν ὄρεων, ἦτοι εἰς τὰ πλάτη τοῦ οὐρανοῦ, καὶ ἰδοὺ ἠνοιγῆ ὁ νέος οὐρανός σφόδρα σφοδρῶς ἐν στομίῳ φοβερωτάτῳ, καὶ ἰδοὺ στρατεύματα στρατευμάτων πλείστων καὶ φοβερῶν σφόδρα, ἀγγέλων καὶ ἀρχαγγέλων ἐν ὁδῷ πολλῇ κατῆλθον ἐπιφερόμενα τὴν θαυμαστήν ἐκείνην καὶ ἐξαισίαν πόλιν τοῦ Θεοῦ ἐπὶ τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, ψάλλοντα καὶ ἀλαλάζοντα καὶ τὸν τρισάγιον ὕμνον τῷ ἐν Τριάδι Θεῷ ἀναπέμποντα· καὶ ἐγένετο, ὡς ἔφθασαν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, ἔστησαν αὐτὴν κατὰ ἀνατολάς ἐπὶ τῆς γῆς. Καὶ ὁ παράδεισος ἐκεῖνος ὁ φοβερὸς καὶ περικαλλὴς καὶ περιβλεπτός περιεκλεισθῆ ἐνόον τῆς φρικωδεστάτης καὶ θαυμασίας ἐκείνης πόλεως σὺν τῇ Ἐδέμ τῇ κατὰ ἀνατολάς. Καὶ ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ τὴν θαυμασίαν πόλιν ἐκείνην καὶ ἑστερέωθη θαυμαστῶς ἐπὶ τὸν τόπον τῆς νέας καὶ ἀφθάρτου γῆς ἐκείνης, καὶ πάντα τὰ ἀγαθὰ ἐν μέσῳ αὐτῆς· καὶ ἡ ἐξερεύνησις (f. 211 v.) τῆς καλλονῆς καὶ ὠραιότητος τῆς πόλεως ἐκείνης τῆς θαυμαστῆς καὶ εἰκασμὸς ὅλως, ὅθεν ἤρχετο καὶ ὅθεν λήγουσα ὑπῆρχεν, οὐχ' εὐρίσκειτο, διότι

αὕτη πόλις ἦν τοῦ μεγάλου βασιλέως Θεοῦ καὶ ἄνω μητρόπολις τῆς Σιών, ἡ ἄνω πόλις Ἱερουσαλήμ, ἡ πόλις τῶν πρωτοτόκων, ἡς τεχνίτης καὶ δημιουργός ὁ Θεός, ἡς ἔρη κύκλω καὶ ὁ Κύριος κύκλω τοῦ λαοῦ τοῦ ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ εἰς τὸν αἰῶνα· κύκλω γὰρ αὐτῆς αἱ στρατιαὶ πᾶσαι τῶν οὐρανίων δυνάμεων καὶ ὁ Κύριος καὶ Θεός ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστός κύκλω αὐτοῦ ἐκεῖσε καταταττομένου λαοῦ αὐτοῦ. Καὶ ἐν τῷ στερεωθῆναι τὴν πόλιν ταύτην ἐπὶ τὸν ἡτοίμασμένον τόπον αὐτῆς, ἠῦγασε τὰ πέρατα ἀπὸ τοῦ φέγγους τῶν υπερλάμπρων θεμελίων καὶ οἰκοδομημάτων αὐτῆς· ξένως γάρ πως καὶ ἀνερμηνεύτως οἱ δόμοι αὐτῆς ἐκ πνευματικῶν μυριοβαφῶν φανῶν συντεθειμένοι ὑποδομήματο, οἱ αὐγάζοντες ἀνεξιχνίαστον ἀγαλλίασιν, τέρψιν τε καὶ θυμηδῖαν ἀκόρεστον τοῖς ὄρωσι παρεῖχον· αἱ δὲ πύλαι ταύτης ἀνατέλλουσαι ὡστερ ὁ ἥλιος καὶ ἀκτῖνας ἐπαφιοῦσαι ἠῦγαζον τὰ περὶ κύκλω αὐτῆς, καὶ λαμπρότης φρικωδεστά (f. 212 r.) τη ἦν ἐν αὐτῇ. Καὶ θεασάμενος ὁ φοβερῶτατος κριτῆς ἐκεῖνος τῷ περιστέμματι αὐτοῦ τὴν ὠραιότητα τῆς πνευματικῆς πολεως ταύτης, ἐπένευσε ταῖς δυνάμεσι καὶ ταῖς αὐτοῦ στρατηγίαις, καὶ ἐσάλπισαν σάλπιγξιν ἐπουρανοίαις, ὥστε φρίκη συσχεθῆναι πάντα τὰ πέρατα· καὶ ἤρξαντο τρισαγίοις μελωδήμασιν οἱ ἀπὸ ἀνατολῶν μέχρι δυσμῶν ἱστάμενοι καὶ οἱ ἀπὸ ἄρκτου ἕως μεσημβρίας ἄγγελοι σὺν πάσαις ταῖς δυνάμεσι τῶν περὶ κύκλω αὐτῶν δοξάζειν καὶ ἰμνεῖν τὸν ἐπὶ θρόνον εἰς αἰῶνας καθεζόμενον Χριστὸν τὸν ἐπὶ πάντων Θεόν· καὶ ὡς ἐκέκραγον ἐν ταῖς ἀνεκλαλήτοις ὑμνωδίαις καὶ μελωδίαις αὐτῶν τὸν ξένον ἐκεῖνον καὶ ἀπόρρητον αἶνον ἀναπέμποντες τῷ ἐπὶ θρόνου καθεζομένῳ, ὡς εἴρηται, Χριστῷ τῷ φοβερῷ καὶ δικαίῳ κριτῇ, ἐτρόμαξα ὄλως καὶ ἐξέστην, καὶ πᾶσαι αἱ τρίχες μου ἀπὸ τοῦ ἐξαισίου θάμβους τοῦ ἡδυφδόγγου μέλους αὐτῶν ἐστάθησαν ὄρθαι· καὶ προσχόντος ἐξ εὐωνύμων τοῦ κριτοῦ εἶδον πάντας τύπτοντας τὰ πρόσωπα αὐτῶν καὶ πακρῶς ἀ(f. 212 v.)λαλάζοντας, θρήνον ἀκατάπαυστον καὶ στεναγμὸν ἀναπέμποντας ἐκ βάρους καρδίας αὐτῶν καὶ ἔλεεινῶς ὀλολύζοντας. Καὶ φησὶ πρὸς αὐτοὺς ὁ δίκαιος κριτῆς· Θεάσασθε οἱ ἐπικατάρτοι ὁποῖων ἀγαθῶν ἑαυτοὺς ὑστερήσατε· ὑπῆρχε δὲ ἡ τοιαύτη ἀίνεσις τῶν ἁγίων ἀγγέλων ἐκείνων, γλυκυτάτη πάνυ καὶ ἐπιτερπῆς καὶ ὄξεια καὶ τοσοῦτον ὑπερφύης πάντων τῶν ἐπιγείων μουσικῶν ὀργάνων ὁμοιώσεων, ὡς μὴ

δύνασθαι ταύτην ἢ λόγῳ ῥηθῆναι ἢ νοι διαζωγραφηθῆναι ἀνθρωπίνῳ· τῇ γὰρ ἡδύτατι ταύτης καὶ τῷ κάλλει τοῦ φθέγματος καὶ τοῦ ἤχου τῆς καθαρότητος καὶ ἰσοδυναμίου καὶ ἰσορροπικοῦ ὀξύτητος τοῦ ῥυθμοῦ τῆς ἀπαραλλάκτου τῶν πάντων ἡδυφωνίας τὰ νεύρα ἂν καὶ τὰ ὀστέα τῶν ἀκουόντων, εἰ φθαρτὰ ἐτύγχανον, διελύθησαν καὶ ὡσεὶ ὕδωρ ἐξεχύθησαν, ὡσπερ δὴ κάμου τοῦ ἀμαρτωλοῦ, εἰ μὴ χεὶρ Κυρίου ἦν μετ' ἐμοῦ διατηροῦσά με συγκρατοῦσά τε καὶ διαφυλάττουσά με διὰ τοῦ θεράποντος αὐτοῦ καὶ ἀγίου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου. Εὐθύς οὖν μετὰ τὴν φρικτὴν ἐκείνην τῶν (f. 213 r.) ἀγίων ἀγγέλων ὑμνωδίαν ἀνέστη ἀπὸ τοῦ θρόνου τῆς ἐτοιμασίας ὁ Κύριος θριαμβεῦσαι πᾶσας τὰς ἀνομίας τῶν πονηρῶν· καὶ ἦν περιπατῶν ἐπὶ πτερύγων ἀνέμων καὶ πρὸς τὴν θαυμαστὴν ἐκείνην καὶ ἐξαισίαν πόλιν παρεγένετο. Καὶ ἰδοὺ κατόπιν αὐτοῦ πάντες οἱ ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ τῷ ὁμοίῳ βαδίσματι συνεπορεύοντο αὐτῷ, καὶ ὑμνησαν αὐτῷ τῇ ἐξαναστάσει αὐτοῦ πᾶσαι αἱ δυνάμεις αὐτοῦ· καὶ ἐν τῷ ἐλθεῖν αὐτοὺς πλησίον τῆς φοβερᾶς ἐκείνης καὶ ἀσυγκρίτου πόλεως, ἔστη ὁ Κύριος ἐμπροσθεν τῆς πύλης αὐτῆς τῆς βλεπούσης πρὸς δυσμᾶς, ἣτις ἀνεώχθη αὐτῷ αὐτομάτως φόβῳ καὶ τρόμφῳ, καὶ ἤγγισαν πρὸς αὐτὸν πάντες οἱ ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ συμπορευόμενοι αὐτῷ καὶ παρέστησαν αὐτῷ πάντα τὰ στρατεύματα τῶν θείων δυνάμεων σὺν πάσῃ τῇ δορυφορίᾳ αὐτῶν· οἱ δὲ ἐξ εὐκνώμων πεζοποροῦντες καὶ αὐτοὶ ἔστησαν μῆχοθεν κατὰ θέαν δηλονότι τῶν τελευμένων· ὡς δὲ ἠνέφκτο αὐτομάτως ἡ περιβλεπτος πύλη τῆς περιφήμου πόλεως ἐκείνης τῷ Κυρίῳ, (f. 213 v.) ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτῆς μόνος κεχωρισμένος ἐκ πάντων καὶ εἰρήκει φωνῇ πραεῖα καὶ μελιχρᾶ πρὸς τοὺς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ ἰλαρῷ προσώπῳ, εὐμενεὶ τε καὶ ἡμέρῳ ὁμματι εἰς αὐτοὺς ἀπιδῶν· Δεῦτε, λέγων, οἱ εὐλογημένοι τοῦ Πατρὸς μου, εἰσέλθετε εἰς τὴν εὐπρέπειαν τῆς καλλινύμφου μου ἐκκλησίας τῆς νέας Ἱερουσαλήμ· δεῦτε, δοῦλοί μου, εἰσέλθετε εἰς τὴν χαρὰν τοῦ Κυρίου ὑμῶν· δεῦτε, ἀγαπητοί μου φίλοι, εἰσέλθετε εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν ἣν ἐπηγγειλάμην ὑμῖν· ἐγὼ γὰρ εἰμι ἡ θύρα, οὐδεὶς δύναται εἰσελθεῖν ἐν ταύτῃ εἰ μὴ δι' ἐμοῦ· δεῦτε, ἀδελφοί μου ἀγαπητοί, εἰσέλθετε ἐν ταύτῃ τῇ ἀλήκτῳ καὶ ἀπεράντῳ τρυφῇ καὶ ζωῇ, ἵνα σὺν ἐμοὶ ᾗτε ὅπου εἰμί ἐγώ, ἵνα θεωρῆτε τὴν δόξαν καὶ τὴν χαρὰν τὴν ἐμὴν ἣν σήμερον δίδω ὑμῖν·

αὕτη πόλις ἦν τοῦ μεγάλου βασιλέως Θεοῦ καὶ ἄνω μητρόπολις τῆς Σιών, ἡ ἄνω πόλις Ἱερουσαλήμ, ἡ πόλις τῶν πρωτοτόκων, ἡς τεχνίτης καὶ δημιουργός ὁ Θεός, ἡς ἔρη κύκλω καὶ ὁ Κύριος κύκλω τοῦ λαοῦ τοῦ ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ εἰς τὸν αἰῶνα· κύκλω γὰρ αὐτῆς αἱ στρατιαὶ πᾶσαι τῶν οὐρανίων δυνάμεων καὶ ὁ Κύριος καὶ Θεός ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστός κύκλω αὐτοῦ ἐκείσε καταταττομένου λαοῦ αὐτοῦ. Καὶ ἐν τῷ στερεωθῆναι τὴν πόλιν ταύτην ἐπὶ τὸν ἡτομασμένον τόπον αὐτῆς, ἠῦγασε τὰ πέρατα ἀπὸ τοῦ φέγγους τῶν υπερλάμπρων θεμελίων καὶ οἰκοδομημάτων αὐτῆς· ξένως γάρ πως καὶ ἀνερμηνεύτως οἱ δόμοι αὐτῆς ἐκ πνευματικῶν μυριοβαφῶν φανῶν συντεθειμένοι ὠκοδῶμηντο, οἱ αὐγάζοντες ἀνεξιχνίαστον ἀγαλλίασιν, τέρψιν τε καὶ θυμηδίαν ἀκόρεστον τοῖς ὀρώσι παρεῖχον· αἱ δὲ πύλαι ταύτης ἀνατέλλουσαι ὡστερ ὁ ἥλιος καὶ ἀκτῖνας ἐπαφιοῦσαι ἠῦγαζον τὰ περὶ κύκλω αὐτῆς, καὶ λαμπρότης φρικωδεστά (f. 212 r.) τη ἦν ἐν αὐτῇ. Καὶ θεασάμενος ὁ φοβερῶτατος κριτῆς ἐκεῖνος τῷ περιστέμματι αὐτοῦ τὴν ὠραιότητα τῆς πνευματικῆς πολεως ταύτης, ἐπένευσε ταῖς δυνάμεσι καὶ ταῖς αὐτοῦ στρατηγίαις, καὶ ἐσάλπισαν σάλπιγξιν ἐπουρανίους, ὥστε φρίκη συσχεθῆναι πάντα τὰ πέρατα· καὶ ἤρξαντο τρισαγίους μελωδήμασιν οἱ ἀπὸ ἀνατολῶν μέχρι δυσμῶν ἰστάμενοι καὶ οἱ ἀπὸ ἄρκτου ἕως μεσημβρίας ἄγγελιοὶ σὺν πάσαις ταῖς δυνάμεσι τῶν περὶ κύκλω αὐτῶν δοξάζειν καὶ ὑμνεῖν τὸν ἐπὶ θρόνον εἰς αἰῶνας καθεζόμενον Χριστὸν τὸν ἐπὶ πάντων Θεόν· καὶ ὡς ἐκέκραγον ἐν ταῖς ἀνεκλαλήτοις ὑμνωδίαις καὶ μελωδίαις αὐτῶν τὸν ξένον ἐκεῖνον καὶ ἀπόρρητον αἶνον ἀναπέμποντες τῷ ἐπὶ θρόνου καθεζομένῳ, ὡς εἴρηται, Χριστῷ τῷ φοβερῷ καὶ δικαίῳ κριτῇ, ἐτρόμαξα ὄλως καὶ ἐξέστην, καὶ πᾶσαι αἱ τρίχες μου ἀπὸ τοῦ ἐξαισίου θάμβους τοῦ ἡδυφθόγγου μέλους αὐτῶν ἐστάθησαν ὄρθαι· καὶ προσχόντος ἐξ εὐωνύμων τοῦ κριτοῦ εἶδον πάντας τύπτοντας τὰ πρόσωπα αὐτῶν καὶ πικρῶς ἀ(f. 212 v.)λαλάζοντας, θρήνον ἀκατάπαυστον καὶ στεναγμὸν ἀναπέμποντας ἐκ βράδους καρδίας αὐτῶν καὶ ἰλειωνῶς ὀλολύζοντας. Καὶ φησὶ πρὸς αὐτοὺς ὁ δίκαιος κριτῆς· Θεάσασθε οἱ ἐπικατάρτοι ὁποίων ἀγαθῶν ἑαυτοὺς ὑστερήσατε· ὑπῆρχε δὲ ἡ τοιαύτη ἀίνεσις τῶν ἁγίων ἀγγέλων ἐκείνων, γλυκυτάτη πάνυ καὶ ἐπιτεριπῆς καὶ ὀξεία καὶ τοσοῦτον ὑπερφυῆς πάντων τῶν ἐπιγείων μουσικῶν ὀργάνων ὁμοιώσεων, ὡς μὴ

δύνασθαι ταύτην ἢ λόγῳ ρηθῆναι ἢ νοι διαζωγραφηθῆναι ἀνθρωπίνῳ·
 τῇ γὰρ ἡδύτατι ταύτης καὶ τῷ κάλλει τοῦ φθέγματος καὶ τοῦ ἤχου
 τῆς καθαρότητος καὶ ἰσοδυνάμου καὶ ἰσορρόπου ὀξύτητος τοῦ ῥυθμοῦ
 τῆς ἀπαραλλάκτου τῶν πάντων ἡδυφωνίας τὰ νεύρα ἂν καὶ τὰ ὀσῆ
 τῶν ἀκουόντων, εἰ φθαρτὰ ἐτύγχανον, διελύθησαν καὶ ὡσεὶ ὕδωρ
 ἐξεχύθησαν, ὡσπερ δὴ κάμου τοῦ ἀμαρτωλοῦ, εἰ μὴ χεὶρ Κυρίου ἦν
 μετ' ἐμοῦ διατηροῦσά με συγκρατοῦσά τε καὶ διαφυλάττουσά με διὰ
 τοῦ θεράποντος αὐτοῦ καὶ ἀγίου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου. Εὐθύς οὖν
 μετὰ τὴν φρικτὴν ἐκείνην τῶν (f. 213 r.) ἀγίων ἀγγέλων ὑμνωδίαν
 ἀνέστη ἀπὸ τοῦ θρόνου τῆς ἐτοιμασίας ὁ Κύριος θριαμβεῦσαι πᾶσας
 τὰς ἀνομίας τῶν πονηρῶν· καὶ ἦν περιπατῶν ἐπὶ πτερυγῶν ἀνέμων
 καὶ πρὸς τὴν θαυμαστὴν ἐκείνην καὶ ἐξαισίαν πόλιν παρεγένετο. Καὶ
 ἰδοὺ κατόπιν αὐτοῦ πάντες οἱ ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ τῷ ὁμοίῳ βαδίσματι
 συνεπορεύοντο αὐτῷ, καὶ ὑμνησαν αὐτῷ τῇ ἐξαναστάσει αὐτοῦ πᾶσαι
 αἱ δυνάμεις αὐτοῦ· καὶ ἐν τῷ ἐλθεῖν αὐτοὺς πλησίον τῆς φοβερᾶς
 ἐκείνης καὶ ἀσυγκρίτου πόλεως, ἔστη ὁ Κύριος ἔμπροσθεν τῆς πύλης
 αὐτῆς τῆς βλεπούσης πρὸς δυσμᾶς, ἣτις ἀνέωχθη αὐτῷ αὐτομάτως
 φόβῳ καὶ τρόμφῳ, καὶ ἤγγισαν πρὸς αὐτὸν πάντες οἱ ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ
 συμπορευόμενοι αὐτῷ καὶ παρέστησαν αὐτῷ πάντα τὰ στρατεύματα
 τῶν θείων δυνάμεων σὺν πάσῃ τῇ δορυφορίᾳ αὐτῶν· οἱ δὲ ἐξ εὐκνώ-
 μων πεζοποροῦντες καὶ αὐτοὶ ἔστησαν μήκοθεν κατὰ θέαν δηλονότι
 τῶν τελευμένων· ὡς δὲ ἠνέφκτο αὐτομάτως ἡ περιβλεπτος πύλη
 τῆς περιφήμου πόλεως ἐκείνης τῷ Κυρίῳ, (f. 213 v.) ἔστη κατὰ
 πρόσωπον αὐτῆς μόνος κεχωρισμένος ἐκ πάντων καὶ εἰρήκει φωνῇ
 πραεῖα καὶ μελιγρᾶ πρὸς τοὺς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ ἱλαρῷ προσώπῳ,
 εὐμενεὶ τε καὶ ἡμέρῳ ὀμματι εἰς αὐτοὺς ἀπιδῶν· Δεῦτε, λέγων, οἱ
 εὐλογημένοι τοῦ Πατρὸς μου, εἰσέλθετε εἰς τὴν εὐπρέπειαν τῆς καλλι-
 νύμφου μου ἐκκλησίας τῆς νέας Ἱερουσαλήμ· δεῦτε, δοῦλοί μου,
 εἰσέλθετε εἰς τὴν χαρὰν τοῦ Κυρίου ὑμῶν· δεῦτε, ἀγαπητοί μου φίλοι,
 εἰσέλθετε εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν ἣν ἐπηγγελάμην ὑμῖν· ἐγὼ
 γὰρ εἰμι ἡ θύρα, οὐδεὶς δύναται εἰσελθεῖν ἐν ταύτῃ εἰ μὴ δι' ἐμοῦ·
 δεῦτε, ἀδελφοί μου ἀγαπητοί, εἰσέλθετε ἐν ταύτῃ τῇ ἀλήκτῳ καὶ
 ἀπεράντῳ τρυφῇ καὶ ζωῇ, ἵνα σὺν ἐμοὶ ἦτε ὅπου εἰμί ἐγώ, ἵνα θεω-
 ρῆτε τὴν δόξαν καὶ τὴν χαρὰν τὴν ἐμὴν ἣν σήμερον δίδω ὑμῖν·

ἕτερα φυτὰ καὶ αὐτὰ πλείονα τῶν προτέρων, ὡς εἰς πλήθος ὁρᾶσθαι πολὺ σφόδρα, ἃ καὶ ἀνέτειλε καρπὸν ἀσύγκριτον καὶ ἀκατάληπτον τῷ πλήθει, ξένον τῇ ἰδέᾳ καὶ θεωρίᾳ καὶ εὐωδίᾳ, θαυμαστὸν τῇ γέυσει καὶ τῇ ἡδύτητι καὶ ἀκόρεστον τῇ ἀγήρῳ μονιμότητι καὶ αἰδιότητι. Καὶ ἰδοὺ ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ τὸ πρόσωπον ἅπαν τῆς ἀφθάρτου καὶ (f. 209 v.) θαυμαστῆς γῆς ἐκείνης, καὶ ἐπλήσθη εὐδύς βοτάνης ἀνεκφράστου, ἣτις ἦν χρυσαυγίζουσα καὶ μυρμηδὸν ἀσυκρίτως τὰ ἐπ' αὐτῇ ῥόδα, κρίνα τε καὶ ἰα ἐπανατέλλουσα· ἅπινα ὀρῶν ἐγὼ ἐξέστην ὅλως καὶ ἔκθαμβος γέγονα ἐπὶ τῷ κάλλει αὐτῆς, ἰλιγγίασά τε καὶ ἔφριξα, ἐπειδὴ κόρος οὐκ ἦν τῆς γλυκειᾶς ταύτης ὀράσεως· ὁ γὰρ Κύριος ἐστόλισε καὶ ὠραίσειν ὡς νύμφην ἐν παστῶ φαιδρίνας καὶ καλλωπίσας ἐξαισίως αὐτὴν ἐν ὠραιότητι ἀπίρῳ καὶ φαιδρότητι εἰς ὑποδοχὴν τῶν αὐτοῦ τέκνων. Καὶ μετὰ ταῦτα ἐπέβλεψεν αὖτις ὁ Κύριος κατὰ πρόσωπον πάσης τῆς θαυμαστῆς γῆς ἐκείνης, καὶ αὕτη ἀνέβλυσε ποταμὸν γάλακτος καὶ μέλιτος ἐπὶ τὸ αὐτό· τὸ δὲ μέλι τοῦ ποταμοῦ ἐκείνου ὑπῆρχε καθαρῶτατον λίαν καὶ διειδέστατον καθάπερ εἰ δάκρυον· καὶ διεπορεύοντο ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς κλύζοντες καὶ ποτίζοντες τὰς ῥίζας τῶν φυτῶν αὐτῆς· οὐ μὲντοι συμμιγνύμενοι ἀλλήλοις οἱ ποταμοί, ἦτοι τὸ μέλι μετὰ τοῦ γάλακτος, ἀλλὰ χωρὶς καὶ ἰδίως ἀλλήλα ἐπορεύοντο, καὶ τὸ μὲν (f. 210 r.) γάλα τὰς τῶν μυριπνῶν καὶ ὠραίων ἐκείνων φυτῶν ῥίζας ἐπικλύζον ἐπότιζε, τῶν τοῖς ἄνθεσι καὶ μόνις αἰδιῶς δηλονότι ὠραιζομένων, τὸ δὲ μέλι τῶν βριδόντων τῶ ἀμαράντῳ ἐκείνῳ καὶ ἀνεκλαλήτῳ καρπῷ δένδρων τὰς ῥίζας αἰδιῶς καὶ ἀρμολόντως, ὡς λόγου μετέχον εὐφυῶς, ἠρδευεν ἐπικλύζον καὶ τούτοις ἡρέμα ἐξηχεῖτο. Καὶ πρὸς ἐπὶ τούτοις ὀρῶμεν, καὶ ἰδοὺ τῇ αὐτῇ προσβλέψει τοῦ Κριτοῦ ἦλθον ἀπὸ ἀνατολῶν στρουθία ὠραιόμορφα, ὡς νέφος μέγα καὶ δασὺ σφόδρα, καὶ ἠπλώθη ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς ἐκείνης· καὶ ἐπλήσθησαν ἅπαντες οἱ κλάδοι τῶν φυτῶν ἐκείνων τῶν μυριοπλασίως μυριπνῶν καὶ εὐόσμων ἀνθέων καὶ καρπῶν ἀγαθῶν ἐκείνων τῶν τοιούτων στρουθίων, καὶ αὐτὰ ἐτρέφθη ἐπὶ τῷ κάλλει καὶ τῇ ὠραιότητι τῆς ἀφθαρτισθείσης ἐκείνης κτίσεως, καὶ σφόδρα ταῦτα ἀγαλλιασθέντα περιχαρῶς ἠρξάντο κελαδεῖν εὐήχη· λίαν καὶ ἡδυτάτη φθογγῇ μέλος ἐξαίσιον καὶ ἐναρμόνιον, ὡς ἐξηχεῖ-

σθαι πᾶσαν τὴν γῆν (f. 210 v.) ἐκ τῶν τοιούτων ἡδυτάτων στρουθίων ἐκείνων φωνῶν, καὶ τὸ μέλος τούτων ἀνέργεσθαι μέχρις αὐτῶν τῶν ἀψίδων τοῦ οὐρανοῦ. Ἐφριξε δὲ καὶ ἐτρόμαξε πᾶσα ἡ παρισταμένη ἐκείνη συναγωγή σφόδρα σφόδρα τῷ αἰωνίῳ καὶ φοβερωτάτῳ κριτῇ ἐκείνῳ ἀπὸ τῆς αἰφνιδίου κραυγῆς τῶν ἀρξαμένων κελαδεῖν καὶ ὑμνεῖν τὸν Κύριον καὶ Θεὸν τοῦ παντός φοβερωτάτων, λαμπροτάτων καὶ ποικιλομόρφων ἐκείνων στρουθίων. Ἐγὼ δὲ ἐκπληττόμενος καὶ ἐξιστάμενος ἐπὶ τῇ τῶν ἐξαισίων καὶ ποικιλομόρφων ἐκείνων φημί στρουθίων ἡδυτάτῃ φθογγῇ καὶ ἤχῃ, λέγω πρὸς τὸν ὁδηγούντα με ἄγγελον· Κύριέ μου, πόθεν ἤκασι ταῦτα τὰ περικαλλῆ καὶ ἡδουφωνότατα στρουθία, καὶ τίς ὁ ἦχος καὶ τὸ μέλος αὐτῶν τὸ τερπνότετον; Ὁ δὲ ἔφη πρὸς με· Ταῦτα τὰ στρουθία ἄπερ ὄρας, ἀδελφε, οὐ τῇ φθορᾷ καὶ ἀλλοιώσει καὶ τῇ τῆς γονῆς αὐξῇ ὡς τὰ ἐν τῷ παρόντι προσκαίρω καὶ πολυστενάκτῳ βίῳ ὑπάρχουσιν ὑποκείμενα, ἀλλ' ἐπίσης ἢ λοιπῇ καινῇ κτίσει καὶ ταῦτα ἀφάρτα τετίμηκε καὶ τῇ εἰς (f. 211 r.) αἰώνων ἀγήρῳ καὶ αἰδίῳ μονῇ τε καὶ τέρψει καὶ φαιδρότητι καὶ διαμονῇ.

Μετὰ δὲ τὸ συντελεσθῆναι οὕτω ταῦτα πάντα, ἐπέβλεψεν αὐδὺς ὁ Κύριος ἐπὶ τὰ ὕψη τῶν ὀρέων, ἦτοι εἰς τὰ πλάτη τοῦ οὐρανοῦ, καὶ ἰδοὺ ἠνοιγῆ ὁ νέος οὐρανός σφόδρα σφοδρῶς ἐν στομίῳ φοβερωτάτῳ, καὶ ἰδοὺ στρατεύματα στρατευμάτων πλείστων καὶ φοβερῶν σφόδρα, ἀγγέλων καὶ ἀρχαγγέλων ἐν ὁδῷ πολλῇ κατήλθον ἐπιφερόμενα τὴν θαυμαστήν ἐκείνην καὶ ἐξαισίαν πόλιν τοῦ Θεοῦ ἐπὶ τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, ψάλλοντα καὶ ἀλαλάζοντα καὶ τὸν τρισάγιον ὕμνον τῷ ἐν Τριάδι Θεῷ ἀναπέμποντα· καὶ ἐγένετο, ὡς ἔφθασαν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, ἔστησαν αὐτὴν κατὰ ἀνατολὰς ἐπὶ τῆς γῆς. Καὶ ὁ παράδεισος ἐκεῖνος ὁ φοβερὸς καὶ περικαλλὴς καὶ περιβλεπτός περιεκλείσθη ἐνόσον τῆς φρικωδέστατης καὶ θαυμασίας ἐκείνης πόλεως σὺν τῇ Ἐδέμ τῇ κατὰ ἀνατολὰς. Καὶ ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ τὴν θαυμασίαν πόλιν ἐκείνην καὶ ἐστερεώθη θαυμαστῶς ἐπὶ τὸν τόπον τῆς νέας καὶ ἀφάρτου γῆς ἐκείνης, καὶ πάντα τὰ ἀγαθὰ ἐν μέσῳ αὐτῆς· καὶ ἡ ἐξερεύνησις (f. 211 v.) τῆς καλλονῆς καὶ ωραιότητος τῆς πόλεως ἐκείνης τῆς θαυμαστῆς καὶ εἰκασμὸς ὄλως, ὅθεν ἤρχετο καὶ ὅθεν λήγουσα ὑπῆρχεν, οὐχ' εὕρισκετο, διότι

αὕτη πόλις ἦν τοῦ μεγάλου βασιλέως Θεοῦ καὶ ἄνω μητρόπολις τῆς Σιών, ἡ ἄνω πόλις Ἱερουσαλήμ, ἡ πόλις τῶν πρωτοτόκων, ἡς τεχνίτης καὶ δημιουργὸς ὁ Θεός, ἡς ὄρη κύκλω καὶ ὁ Κύριος κύκλω τοῦ λαοῦ τοῦ ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ εἰς τὸν αἰῶνα· κύκλω γάρ αὐτῆς αἱ στρατιαι πᾶσαι τῶν οὐρανίων δυνάμεων καὶ ὁ Κύριος καὶ Θεὸς ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς κύκλω αὐτοῦ ἐκεῖσε καταταττομένου λαοῦ αὐτοῦ. Καὶ ἐν τῷ στερεωθῆναι τὴν πόλιν ταύτην ἐπὶ τὸν ἡτομασμένον τόπον αὐτῆς, ἠῦγασε τὰ πέρατα ἀπὸ τοῦ φέγγους τῶν υπερλάμπρων θεμελιῶν καὶ οἰκοδομημάτων αὐτῆς· ξένως γάρ πως καὶ ἀνερμηνεύτως οἱ δόμοι αὐτῆς ἐκ πνευματικῶν μυριοβαφῶν φανῶν συντεθειμένοι ὑποδομήματα, οἱ αὐγαζόντες ἀνεξιχνίαστον ἀγαλλίασιν, τέρψιν τε καὶ θυμηδίαν ἀκόρεστον τοῖς ὄρωσι παρεῖχον· αἱ δὲ πύλαι ταύτης ἀνατέλλουσαι ὡσπερ ὁ ἥλιος καὶ ἀκτίνας ἐπαφιόουσαι ἠῦγαζον τὰ περὶ κύκλω αὐτῆς, καὶ λαμπρότης φρικωδεστά (f. 212 r.) τῆ ἦν ἐν αὐτῇ. Καὶ θεασάμενος ὁ φοβερῶτατος κριτῆς ἐκεῖνος τῷ περιστέμματι αὐτοῦ τὴν ὠραότητα τῆς πνευματικῆς πολεως ταύτης, ἐπένευσε ταῖς δυνάμεσι καὶ ταῖς αὐτοῦ στρατηγίαις, καὶ ἐσάλπισαν σάλπιγγιν ἐπουρανίαις, ὥστε φρίκη συσχεθῆναι πάντα τὰ πέρατα· καὶ ἤρξαντο τρισαγίοις μελωδίημασιν οἱ ἀπὸ ἀνατολῶν μέχρι δυσμῶν ἰστάμενοι καὶ οἱ ἀπὸ ἀρκτου ἕως μεσημβρίας ἄγγελοι σὺν πάσαις ταῖς δυνάμεσι τῶν περὶ κύκλω αὐτῶν δοξάζειν καὶ ὑμνεῖν τὸν ἐπὶ θρόνον εἰς αἰῶνας καθεζόμενον Χριστὸν τὸν ἐπὶ πάντων Θεόν· καὶ ὡς ἐέκραγον ἐν ταῖς ἀνεκλαλήτοις ὑμνωδίαις καὶ μελωδίαις αὐτῶν τὸν ξένον ἐκεῖνον καὶ ἀπόρητον αἶνον ἀναπέμποντες τῷ ἐπὶ θρόνου καθεζομένῳ, ὡς εἴρηται, Χριστῷ τῷ φοβερῷ καὶ δικαίῳ κριτῇ, ἐτρόμαξα ὅλως καὶ ἐξέστην, καὶ πᾶσαι αἱ τρίχες μου ἀπὸ τοῦ ἐξαισίου θάμβους τοῦ ἡδυφδόγγου μέλους αὐτῶν ἐστάθησαν ὄρθαι· καὶ προσχόντος ἐξ εὐωνύμων τοῦ κριτοῦ εἶδον πάντας τύπτοντας τὰ πρόσωπα αὐτῶν καὶ πακρῶς ἀ(f. 212 v.)λαλάζοντας, θρῆνον ἀκατάπαυστον καὶ στεναγμὸν ἀναπέμποντας ἐκ βράδους καρδίας αὐτῶν καὶ ἐλεεινῶς ὀλολύζοντας. Καὶ φησὶ πρὸς αὐτοὺς ὁ δίκαιος κριτῆς· Θεάσασθε οἱ ἐπικατάρτατοι ὁποῖων ἀγαθῶν ἑαυτοὺς ὑστερήσατε· ὑπῆρχε δὲ ἡ τοιαύτη αἴνεσις τῶν ἁγίων ἀγγέλων ἐκείνων, γλυκυτάτη πάνυ καὶ ἐπιτερπῆς καὶ ὄξεια καὶ τοσοῦτον ὑπερφυῆς πάντων τῶν ἐπιγείων μουσικῶν ὀργάνων ὁμοιώσεων, ὡς μὴ

δύνασθαι ταύτην ἢ λόγῳ ῥηθῆναι ἢ νοι διαζωγραφεθῆναι ἀνθρωπίνῳ· τῇ γάρ ἡδύτατι ταύτης καὶ τῷ κάλλει τοῦ φθέγγματος καὶ τοῦ ἤχου τῆς καθαρότητος καὶ ἰσοδυναμίου καὶ ἰσορροπίου ὀξύτητος τοῦ ῥυθμοῦ τῆς ἀπαραλλάκτου τῶν πάντων ἡδυφωνίας τὰ νεύρα ἂν καὶ τὰ ὀστέα τῶν ἀκουόντων, εἰ φθαρτὰ ἐτύγγανον, διελύθησαν καὶ ὡσεὶ ὕδωρ ἐξεχύθησαν, ὡσπερ δὴ καίμου τοῦ ἀμαρτωλοῦ, εἰ μὴ χεὶρ Κυρίου ἦν μετ' ἐμοῦ διατηροῦσά με συγκρατοῦσά τε καὶ διαφυλάττουσά με διὰ τοῦ θεράποντος αὐτοῦ καὶ ἀγίου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου. Εὐθύς οὖν μετὰ τὴν φρικτὴν ἐκείνην τῶν (f. 213 r.) ἀγίων ἀγγέλων ἕμνωδιαν ἀνέστη ἀπὸ τοῦ θρόνου τῆς ἐτοιμασίας ὁ Κύριος θριαμβεῦσαι πᾶσας τὰς ἀνομίας τῶν πονηρῶν· καὶ ἦν περιπατῶν ἐπὶ πτερύγων ἀνέμων καὶ πρὸς τὴν θαυμαστὴν ἐκείνην καὶ ἐξαισίαν πόλιν παρεγένετο. Καὶ ἰδοὺ κατόπιν αὐτοῦ πάντες οἱ ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ τῷ ὁμοίῳ βαδίσματι συνεπορεύοντο αὐτῷ, καὶ ὕμνησαν αὐτῷ τῇ ἐξαναστάσει αὐτοῦ πᾶσαι αἱ δυνάμεις αὐτοῦ· καὶ ἐν τῷ ἐλθεῖν αὐτοὺς πλησίον τῆς φοβερᾶς ἐκείνης καὶ ἀσυγκρίτου πόλεως, ἔστη ὁ Κύριος ἐμπροσθεν τῆς πύλης αὐτῆς τῆς βλεπούσης πρὸς δυσμᾶς, ἣτις ἀνεώχθη αὐτῷ αὐτομάτως φόβῳ καὶ τρόμφῳ, καὶ ἤγγισαν πρὸς αὐτὸν πάντες οἱ ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ συμπορευόμενοι αὐτῷ καὶ παρέστησαν αὐτῷ πάντα τὰ στρατεύματα τῶν θείων δυνάμεων σὺν πάσῃ τῇ δορυφορίᾳ αὐτῶν· οἱ δὲ ἐξ εὐκνώμων πεζοποροῦντες καὶ αὐτοὶ ἔστησαν μήκοθεν κατὰ θέαν δηλονότι τῶν τελομένων· ὡς δὲ ἠνέφκτο αὐτομάτως ἡ περιβλεπτος πύλη τῆς περιφήμου πόλεως ἐκείνης τῷ Κυρίῳ, (f. 213 v.) ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτῆς μόνος κεχωρισμένος ἐκ πάντων καὶ εἰρήκει φωνῇ πραεῖα καὶ μελιχρᾶ πρὸς τοὺς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ ἰλαρῷ προσώπῳ, εὐμενεὶ τε καὶ ἡμέρῳ ὁμματι εἰς αὐτοὺς ἀπιδῶν· Δεῦτε, λέγων, οἱ εὐλογημένοι τοῦ Πατρὸς μου, εἰσέλθετε εἰς τὴν εὐπρέπειαν τῆς καλλινύμφου μου ἐκκλησίας τῆς νέας Ἱερουσαλήμ· δεῦτε, δοῦλοί μου, εἰσέλθετε εἰς τὴν χαρὰν τοῦ Κυρίου ἡμῶν· δεῦτε, ἀγαπητοὶ μου φίλοι, εἰσέλθετε εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν ἣν ἐπηγγελάμην ὑμῖν· ἐγὼ γάρ εἰμι ἡ θύρα, οὐδεὶς δύναται εἰσελθεῖν ἐν ταύτῃ εἰ μὴ δι' ἐμοῦ· δεῦτε, ἀδελφοὶ μου ἀγαπητοὶ, εἰσέλθετε ἐν ταύτῃ τῇ ἀλήκτῳ καὶ ἀπεράντῳ τρυφῇ καὶ ζωῇ, ἵνα σὺν ἐμοὶ ᾗτε ὅπου εἰμὶ ἐγὼ, ἵνα θεωρῆτε τὴν δόξαν καὶ τὴν χαρὰν τὴν ἐμὴν ἣν σήμερον δίδω ὑμῖν·

δεῦτε πρὸς με πάντες οἱ κοπιῶντες καὶ καλῶς ἀποθεραπεύσαντες δι' ἔργων ἀγαθῶν ἐμὲ τὸν Κύριον καὶ διδάσκαλον ὑμῶν, κἀγὼ ἀναπαύσω ὑμᾶς· δεῦτε πρὸς με πάντες οἱ πιστοὶ καὶ εὐγνώμονες δοῦλοί μου, οἱ ἐν λόγοις καὶ ἔργοις ἀναφανέντες καὶ ἀναδειχθέντες πιστοὶ, κἀγὼ ἀναπαύσω (f. 214 r.) καὶ ἐπὶ πολλῶν καταστήσω ὑμᾶς· ἐγὼ γάρ εἰμι ἡ ζωὴ καὶ ἡ ἀνάπαυσις· δεῦτε πρὸς με πάντες οἱ ἀγαπητοὶ μου, εἰσέλθετε εἰς τὴν χαρὰν τὴν ἐμήν, κληρονομήσατε τὴν ἡτοιμασμένην ὑμῖν βασιλείαν ἀπὸ καταβολῆς κόσμου, κατατρυφήσατε τῆς ἀπεράντου μακαριότητος καὶ ἀπολαύσατε τῆς αἰωνίου ζωῆς, ἀγαλλιᾶσθε σὺν ἐμοὶ καὶ εὐφραίνεσθε ἐν τῷ ἀνεσπέρῳ φωτὶ, ἐν τῇ μακαρίᾳ διαγωγῇ. Δι' ὑμᾶς ἔκλινα οὐρανοὺς καὶ ἐπὶ γῆς κατήλθον ὁμοίος ὑμῖν ἄνθρωπος γεγωνῶς, σάρκα φορέσας ἀτρέπτως ἐκ παρθενικῶν αἱμάτων τῆς ἀείπαιδος καὶ ἀειθαλοῦς Μαρίας τῆς μητρός μου, ἣν εὐσεβῶς καὶ ἀξίως Θεοτόκον ἀνεκηρύξατε, ὑπὲρ ἧς τὰς ψυχὰς ὑμῶν τεδείκατε, ὑπὲρ ἧς τὸ αἷμα ὑμῶν ἐξέχεατε, ὡς κἀγὼ ὑπὲρ ὑμῶν τὴν ψυχὴν τέδεικα καὶ τὸ αἷμα ἐξέχεα, ὡς ἂν εἰσάξω ὑμᾶς εἰς τὴνδε ἣν ὁρᾶτε καταπάουσιν καὶ ζοῶν, τὴν ἀπεράντον εὐφροσύνην, κἀγὼ ἀναπαύσω ὑμᾶς, οὐδεὶς γάρ δύναται εἰσελθεῖν πρὸς τὸν Πατέρα εἰ μὴ δι' ἐμοῦ, διότι ἐγὼ καὶ ὁ Πατὴρ ἐν ἐσμην.

Μετὰ δὲ (f. 214 v.) τὸ ταῦτα εἰρηκέναι τὸν Κύριον τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ παρεστῶσιν, ἰδοὺ γυνή τις ἀπὸ τῆς τῶν ἐκ δεξιῶν στάσεως ἦκεν ἐπὶ τὴν κλῆσιν τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ καὶ Θεοῦ αὐτῆς· καὶ ἐν τῷ βαδίζειν αὐτὴν ἐκ τῶν ἀγράντων ποδῶν αὐτῆς πῦρ ἐξεπορεύετο, καὶ πορφύρα ὁξῆς ἀσύγχρτος ἦν ἐπ' αὐτῇ καὶ ἀστραπὴν περιελημμένη ἦν τὰς ἀκηράτους αὐτῆς πλευράς, τὸ δὲ θεῖον αὐτῆς καὶ ὡς ἀληθῶς θεοειδὲς πρόσωπον λάμπον ὑπῆρχεν ὑπὲρ τὸν ἥλιον, καὶ δοξα Κυρίου φρικωδεστάτη προσῆν αὐτῇ. Ἥτις παραγενομένη προσεκύνησε τῷ δικαίῳ κριτῇ, κάκεινος ἀσμένως καὶ περιχαρῶς ὑπεδέξατο αὐτὴν σὺν αἰδοὶ καὶ τιμῇ καθυποκλίνας τὴν ἀγραντον αὐτοῦ κεφαλὴν βραχύ τι, καὶ φησὶ πρὸς αὐτήν· Εἰσελθε, ὦ μητὲρ μου ἁγία, εἰς τὴν χαρὰν τοῦ μονογενοῦς σου Υἱοῦ, ἣν αὐτὸς προηυτρέπισε καὶ ἡτοίμασέ σοι· ταῦτα γὰρ πάντα δοῦλα σὰ καὶ αὐτὴ ἡ κληρονομία σου· εἰσελθε τοιγαροῦν καὶ εὐφραίνου ἄληκτα εἰς ἀπεράντους αἰῶνας μετὰ τῶν κατὰ πνεῦμα ζιλιτάτων σου τέκνων, τῶν

ἐν (f. 215 γ.) ἔργῳ καὶ λόγῳ πιστῶν, τῶν στόματι καὶ καρδίᾳ καὶ γλώσσῃ ὀρθοδόξως κηρυξάντων καὶ ὁμολογησάντων σε ἐνώπιον πάντων ἐθνῶν ἀπείρανδρον μητέρα ἐμοῦ τοῦ γνησίου καὶ μονογενοῦς σου Υἱοῦ. Εἰσελθε οὖν σὺν αὐτοῖς καὶ ἀπόλαυε τῆς ἀνεκλαλήτου γα-
 ρᾶς καὶ εὐφροσύνης καὶ θείας μακαριστητος. Ἡ δὲ ἡδέως καταφιλή-
 σασα τὰς ἀγράντους αὐτοῦ χεῖρας, ἃς ἐκτετακῶς ἐνηγκαλίσαστο αὐτὴν, ὠραίζομένη καὶ κατατερομένη ἔνδον τῆς θαυμαστῆς ἐκείνης καὶ φρικωδεστάτης πόλεως ἐχώρησεν· εἰσελθούσῃ[ς] δὲ αὐτῆς ἔνδον ταύ-
 τῆς, αἶνος καὶ ὕμνος τις θαυμαστός καὶ ἐράσμιος ἐξηκούετο, ἀδόμε-
 νος ὑπὸ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτὴν ἐν τῇ αἰωνίᾳ καὶ ἀγήρῳ καὶ ἀφράστῳ δόξῃ καὶ μακαριότητι ἀγίων ἀγγέλων τοῦ Θεοῦ. Μετὰ δὲ τὴν εἰσέλευσιν ταύτης καὶ ἀποκατάστασιν καὶ καταπαυσιν ἐν τῇ αἰζῶνι καὶ ἀδιαδόγῳ βασιλείᾳ καὶ καταπαύσει αὐτῆς, ἰδοὺ τις ἀνὴρ ἐν δόξῃ ἀφάτῳ ἡγλαισμένος καὶ περιβεβλημένος στολὴν ἀφθαρσίας καὶ χιτῶνα εὐφροσύνης ἐκ μυριοβαφῶν εὐχρῶσας πεποι(f. 215 ν.)χιλ-
 μένον ἐνδεδυμένος, ὅλος λαμπρός καὶ πλήρης φωτὸς καὶ δόξης ἀκη-
 ράτου ὑπάρχων, στεφάνῳ πορφυρῷ ἐκ λίθων καὶ μαργάρων τιμίῳν ἀρήτως κατασκευασθέντι δεξιᾷ Κυρίου ἐστεφανωμένος, ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ κατέχων σκῆπτρον βασιλικόν καὶ σπινθήρας πυρσοφαεῖς ἀπο-
 στιλβον, τὸ δὲ πρόσωπον αὐτοῦ ἐξαστράπτον ὑπὲρ τὸν ἥλιον· καὶ αὐτὸς ἠρέμα πῶς ἠσύχῳ ποδὶ τὴν αὐτὴν πορείαν τῆς θεομήτορος πορεύθεις, πλησίον τοῦ μεγάλου βασιλέως ἐκείνου καὶ δικαίου κριτοῦ παρεγένετο, καὶ πεσὼν προσεκύνησεν αὐτῷ· ὃς εὐμενῶς καὶ ἀσμένως τοῦτον δεξάμενος μειδιῶντι προσώπῳ ἰλαρᾷ πῶς καὶ μελιρρῦτῳ προσ-
 λαλιᾷ ἔφη πρὸς αὐτόν· Χαίρεις ὦ κήρυξ καὶ πρόδρομος τῆς ἐμῆς ἐν κόσμῳ κατὰ σάρκα πρώτης ἐπαρνείας καὶ παρουσίας, χαίρεις ὦ βαπτιστῆς καὶ φίλος καὶ κατὰ πάντα συγγενῆς ἐμοῦ τοῦ κατὰ σὲ δι' οἶκτον ἄφατον γρηματίσαντος, ὡς ἀπὸ τῆς ἐκ τῶν παρθενικῶν αιμάτων τῆς ἀφθόρου μητρὸς μου καὶ θεομήτορος προσληφθεί-
 (f. 216 γ.)σης μοι ἀγράντου σαρκός· χαίρεις ὦ οὐράνιος μὲν ἄνθρω-
 πος ἐπίγειος δὲ ἀγγελος καὶ πάντων τῶν ἐν γεννητοῖς γυναικῶν ὑπέρτερος, πλὴν ἐμοῦ· δεῦρο εἰς τὴν ἡτοιμασμένην σοι παρ' ἐμοῦ ἀνάπαυσιν καὶ καταπαυσιν. Ὁ δὲ καταφιλήσας τὰς ἀγράντους αὐτοῦ χεῖράς τε καὶ τὰ γόνατα, εἰσῆλθε χαίρων καὶ ἀγαλλόμενος ἔνδον

τῆς πόλεως· καὶ ἐν τῷ εἰσελθεῖν αὐτὸν ἐκεῖσε, ὕμνησαν τὸν δίκαιον κριτὴν αἱ θεαὶ δυνάμεις τῶν ὑποδεξαμένων αὐτὸν ἀγίων ἀγγέλων ἐπευφραίνόμεναι ἐπὶ τῇ εἰσόδῳ αὐτοῦ. Καὶ ἰδοὺ μετὰ τὴν τούτου εἰσέλευσιν δέκα καὶ δύο ἄνδρες θαυμαστοὶ καὶ ὠρατοὶ ἀπὸ τῶν ἐκ δεξιῶν ἐκκριθέντες παρεγένοντο ἐπὶ τὴν πύλην τῆς πόλεως, ὧν αἱ στολαὶ παραπλήσαι τῆς τοῦ μεγάλου βασιλέως ἐκείνου στολῆς καὶ τὰ πρόσωπα ἀκτινοβολοῦντα ὑπὲρ τὸν ἥλιον· καὶ ὑπεδέξατο αὐτοὺς ὁ βασιλεὺς ἐν χαρᾷ καὶ ἀγαλλιάσει ἐπευφραίνόμενος καὶ κατησπάσατο αὐτοὺς ἐν ἀγίῳ φιλήματι, καὶ αὐτοὶ προσεκύνησαν αὐτὸν καὶ εἰς ἀστραπῆς εἶδος μεταποιηθέντες ἔνδον¹ (f. 216 v.) τῆς πόλεως ἐχώρησαν· καὶ ἐν τῇ εἰσόδῳ τῆς αὐτῶν αἰωνίου καταπαύσεως αἴνος θαυμαστός ἐξηκούετο ὑπὸ τῶν ἔνδον ὑποδεξαμένων αὐτοὺς ἀγίων ἀγγέλων. Ὅτε οὖν καὶ οὕτω εἰσέδυσαν εἰς τὴν περίφημον ἐκείνην καὶ ἐξάκουστον πόλιν, ἐπένευσεν ὁ βασιλεὺς τοῖς ἐκ δεξιῶν, καὶ ἰδοὺ ἄνδρες ἑβδομήκοντα ἤχασιν ἐξ αὐτῶν καὶ ἔστησαν πρὸς τῇ πύλῃ τῆς πόλεως πλησίον τοῦ βασιλέως, ὧν αἱ στολαὶ ὡς ὄρασις πυρός· καὶ πεσόντες παρὰ τοὺς ἀχράντους πόδας αὐτοῦ προσεκύνησαν αὐτῷ, καὶ ἐπαξίως ἐπαινεθέντες παρ' αὐτοῦ ἐν μεγάλῃ χαρᾷ καὶ εὐφροσύνῃ ἀνεκλαλήτῳ ἔνδον καὶ οὕτω τῆς πόλεως εἰσεληλύθασιν· ὧν δὴ ἐν ταύτῃ ἐντὸς εἰσελθόντων καὶ ὁ ἐπὶ τῇ καταπαύσει αὐτῶν αἴνος θαυμαστός ἐξηκούετο ἀδόκιμος ἐξαισίως ὑπὸ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτοὺς ἐκεῖσε ἐν τῇ αἰωνίῳ καταπαύσει αὐτῶν· ὁ δὲ τίμιος καὶ ἀχράντος σταυρὸς τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ Ἰστατο ὑπεράνω ἐν τοῖς δεξιοῖς ἐπὶ τοῦ αἰθέρος ἐφ' ὕψους ἀπηρωρημένος (f. 217 r.), ἀποστίλβων δόξαν ὑπερθαύμαστον καὶ τὰς θείας αὐτοῦ φρυκτωρίας καταπέμπων· ὡς ἀστραπὰς εἰς φωτισμὸν μὲν καὶ ἀγαλλίασιν τῶν εἰς Χριστὸν ἠλπικόντων καὶ τὴν αὐτοῦ ἀμαγχνὴν δυνάμιν κεκτημένων, εἰς αἰσχύνην δὲ καὶ ὄνειδος τῶν ἐν τοῖς τῆς εὐωνύμοις μέρεσιν ἐστώτων καὶ τῆς αὐτοῦ ὀδυνηρᾶς τάξεως λαχόντων· οἱ καὶ καθορῶντες αὐτὸν ἐφ' ὑψηλοῦ, ὡς εἰρηται, ἰστάμενον ἐν ἀπορρήτῳ δόξῃ ἠγλαισμένον, ἐκλασιν πικρῶς ἰλολύζοντες καὶ δάκρυα ἀκατάσχετα ἐξ ὀφθαλμῶν προχέοντες καὶ ἐκ βαθέων στεναγμοῦς ἀναπέμποντες ἔβρυχον τοὺς ὀδόντας καὶ διεπρίοντο ταῖς καρδίαις αὐτῶν, μεταμελόμενα σφοδρῶς ἐφ' οἷς ἡμαρτον, σκοπισθέντες καὶ

ματαιωθέντες ἐν πάσαις ταῖς ἡμέραις τῆς ζωῆς αὐτῶν, ὅπως ἠγνόησαν τὸ μυστήριον τοῦ χριστιανισμοῦ, ὅπως οὐκ ἐπορεύθησαν κατὰ τὰς ἐντολάς τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ὅπως ὄντες ἐν τῷ κόσμῳ τὴν μακαρίαν καὶ ὡς ἀληθῶς ἀκαταίσχυντον πίστιν τῶν (f. 217 v.) χριστιανῶν ἐβδελύσσοντο, ὅπως τὸ σωτήριο κήρυγμα τῶν κοσμοσώστων ἀποστόλων καὶ τὸ ὄνομα τοῦ Σωτῆρος οὐκ ἐδέξαντο, καὶ ὅπως τῷ τηρικαῦτα ἐξέπεσον καὶ ἀφυστέρηνο τῶν ἀνεκδιηγῆτων ἐκείνων καὶ αἰωνίων ἀγαθῶν. Καὶ ταῦτα μὲν ἔλεγον διανοούμενοι θρηνοῦντες καὶ κόπτοντες ἑαυτοὺς οἱ μὴ δόλως παραδεξάμενοι τὸ σωτήριο κήρυγμα καὶ τοῦ δεσπότη Χριστοῦ, ὡς εἶρηται, τὸ ὄνομα· οἱ δὲ τοῦτο μὲν δεξάμενοι, μὴ πολιτευσάμενοι δὲ ἀξίως τῆς κλήσεως, λογιζόμενοι ὅπως μέλλουσι δικαίως ἀποστερηθῆναι τῶν ἀνεκλαλήτων ἐκείνων καὶ αἰωνίων ἀγαθῶν, τύπτοντες τὰς ὀφείας αὐτῶν μετὰ δακρύων πικρῶν καὶ στεναγμῶν ἀκαταπαύστων κατηρῶντο ἑαυτοὺς καὶ τὴν ἡμέραν ἐν ἣ ἐγεννήθησαν· οἱ δὲ γε Ἑβραῖοι οἱ ἀπὸ τῆς ἐνσάρκου ἐπιδημίας τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ μέχρι τῆς συντελείας τοῦ αἰῶνος γεγεννημένοι καὶ τῷ ἀγίῳ μὴ προσελθόντες βαπτίσματι, καὶ αὐτοὶ κατηρῶντο τὸν Μωσῆα ἐξ ὅλης τῆς ἰσχύος αὐτῶν, ἐκ βάθους καρδίας μετὰ δακρύων καὶ πολλῶν σίμωνων ἀνηκέστων ἕκαστος (f. 218 r.) λέγοντες· Ποῦ ἐστὶν ἐκεῖνος ὃ παιθόμενοι ἡμεῖς οὐχ' ὑπηκούσαμεν οὐδὲ ἐπίσθημεν Χριστῷ, ἀλλὰ ἀτίμῳ καὶ πικρῷ θανάτῳ διὰ σταυροῦ τοῦτον παραδεδώκαμεν καὶ μέχρι τῆς σήμερον οὐ διελίπομεν ὕβρεσι καὶ βλασφημίαις αὐτὸν βάλλοντες; Καὶ ἐζήτησεν ἰδεῖν αὐτὸν ἐν μέσῳ αὐτῶν καὶ δίκην στήσαι μετ' αὐτοῦ, καὶ οὐχ' εὑρισκόν αὐτόν· ἦν γὰρ ἐν τοῖς δεξιῶις μετὰ Ἀβραάμ καὶ Ἰσαάκ καὶ Ἰακώβ καὶ πάντων τῶν προφητῶν.

Καὶ ἐγένετο μετὰ τὸ εἰσελθεῖν τοὺς ἐβδομήκοντα ἄνδρας ἐκείνους τοὺς θαυμαστοὺς εἰς τὴν πανθαύμαστον καὶ παλίνζων καὶ μακαρίαν καὶ ἀγίαν πόλιν ἐκείνην, ἐπένευσεν ἔτι ὁ βασιλεὺς καὶ ἰδοὺ ἀπὸ τῶν ἐν τοῖς δεξιῶις ἐχωρίσθη παρεμβολὴ μεγάλη σφόδρα σφόδρα, ὣν τὰ πρόσωπα ὑπῆρχον σπινθηροβολοῦντα δόξῃ καὶ χάριτι ἀπορρήτῳ καὶ ἀνεκλαλήτῳ, καθάπερ εἰ σίδηρος ἀπηνθρακωμένος ἔρτι τῆς καμίνου ἐξίων· αἱ δὲ τούτων στολαὶ ἐκ βύσσου καὶ πορφύρας

φρυκτάς ἐν τῇ εὐχροίᾳ αὐτῶν ἐξαποστέλλουσαι· αἵτινες οὐχ' ὑπῆρχον ἐνυλοὶ αἱ τοσαῦται στολαί, ἀλλ(f. 218 v.) ἅ πασαι νοηταὶ καὶ πνευματικαὶ ὀρώμεναι ἡμῖν δηλονότι μετὰ τῶν ἄλλων πάντων τερπνῶν κατὰ τὸ ἐγγωροῦν νοηθῆναι καὶ λαληθῆναι ὑφ' ἡμῶν. Καὶ ἦν αὕτη ἡ παρεμβολὴ ὡσεὶ μυριάδες πολλαὶ σφόδρα ἀριθμῶ καὶ εἰκασμῶ μηδόλως βαλλόμεναι καὶ ὑποκείμεναι, ὅλη δεδοξασμένη καὶ θεία φαιδρότητι κλειζόμενη, ἐξ' ἀρρένου καὶ θηλείας φύσεως καθορωμένη καὶ γαυριάματι θεικῆς δοξῆς ἀπειρώς ὠραϊσμένη. Ἦλθεν οὖν ἡ θαυμασιωτάτη ἐκείνη καὶ φρικωδεστάτη παρεμβολὴ ἀεροποροῦσα ἐπὶ τὴν θαυμαστήν καὶ φαιδρὰν πύλην τῆς πόλεως ἐκείνης πλησίον τοῦ βασιλείως, καὶ πεσόντες πάντες καὶ πᾶσαι ἐν τοῖς ἀγράντοις αὐτοῦ ποσὶν αὐτῶ προσεκύνησαν, καὶ αὐτὸς ἠγαλλιᾶσατο καὶ ἠψφράνθη ἐπὶ τῇ αὐτῶν εἰσελεύσει· καὶ εὐθέως ἀνετετάσθησαν αὐτοῖς αἱ πύλαι τῆς πόλεως, καὶ εἰστήκει θεωρῶν τὴν τούτων εἰσέλευσιν καὶ ἐγεγήθει ἐπ' αὐτοῖς καὶ ἠγαλλιᾶτο, οἷα ποιμὴν καλὸς ἐπὶ τοῖς ἑαυτοῦ φιλάτοις ποιμνίοις. Ἐν δὲ τῷ εἰσελθεῖν αὐτοὺς εἰς τὴν ἐξαιτί(f. 219 r.) ον πόλιν ἐκείνην καὶ χαρὰν τοῦ Κυρίου αὐτῶν, ἠκούσθη φωνὴ ἀγαλλιᾶσεως, ὡς φωνὴ βροντῆς ἀπειροῦ ἢ ὑδάτων πολλῶν σφοδρῶς πορευομένων, ὑπὸ τῶν ἐντὸς ταύτης ὑποδεξαμένων αὐτοὺς ἀγίων ἀγγέλων τὸν Θεὸν αἰνούντων. Εἶδ' οὕτως ἐπένευσεν ὁ Κύριος, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα παρεμβολὴ ἐλάσσω τῆς πρώτης χωρισθεῖσα ἀπὸ τῶν ἐν τοῖς δεξιοῖς ἐστηκότων παρεγένετο ἐν τῇ δεδοξασμένη πύλῃ τῆς φρικτῆς καὶ μεγάλης πόλεως ἐκείνης· ὧν τὰ πρόσωπα ὑπῆρχον ἐν δοξῇ αὐγάζοντα ὡς ὁ ἠωσφόρος, καὶ αἱ τίμαι αὐτῶν στολαὶ καὶ αἱ ἀμφιάσεις οἶονεὶ ὡς κοκκινοβαφῆς πυρσὸς ἐπὶ τῷ πυρσῷ ξηνοτρόπως ἐν τῇ συνθέσει αὐτῶν ἀναφαινόμεναί τε καὶ θεωρούμεναι· καὶ αὐτοὶ δὲ πεσόντες προσεκύνησαν τῷ δικαίῳ κριτῇ· ὁ δὲ καὶ τούτους εὐμένως προσδεξάμενος καὶ ἡρέμα πῶς πρὸς τούτους τὸ· χαίρετε φίλοι μου προσειπὼν, εὐθὺς προσανέωχθησαν αὐτοῖς αἱ πύλαι τῆς πόλεως τῆς θαυμαστῆς ἐκείνης καὶ ὑπερκαλλοῦς, καὶ ἐν αὐτῇ εἰσῆλθον ἀπλήτῳ δοξῇ ὠραϊζόμενοι καὶ καταλαμπρυνόμενοι. (f. 219 v.) Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ εἰσελθεῖν αὐτοὺς ἔνδον τῆς πόλεως, κατὰ τὸ εἰωθὸς θαυμαστός καὶ ἐράσιμος ὕμνος ἐξηκούετο· ἐγὼ δὲ ἐπυθνανόμην τῷ ὀδιγοῦντι με λέγων πρὸς αὐτόν· Κύριέ μου, τίνες ἄρα εἰσὶν αἱ δύο παρεμβολαὶ αὗται αἱ εἰσελθοῦσαι

ἐνδόξως εἰς τὴν ἁγίαν πόλιν ταύτην; Ὁ δὲ ἔφη πρὸς με· Μάρτυρες εἰσὶν οἱ πρῶτοι καὶ οἱ δεῦτεροι τούτων ὁμολογηταί.

Πρὸς τούτοις ἐπένευσεν ἔτι ὁ Κύριος, καὶ ἰδοὺ ἐτέρα συναγωγή πλουσία διαχωρισθεῖσα παρεγένετο δεδοξασμένη πρὸς τὸν κριτὴν ἐπὶ τὴν πύλην τῆς πόλεως, καὶ πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ· ὧν τὰ πρόσωπα ὑπῆρχον λευκὰ ὡς τὸ φῶς, καὶ αἱ τίμαιαι τούτων στολαὶ ὡς χρυσὸς καθαρὸς ἐξαστράπτονται· καὶ ἰδοὺ ἠνέψεν ὁ Κύριος αὐτοῖς τὰς πύλας τῆς πανενδόξου πόλεως ἐκείνης λέγων πρὸς αὐτούς· Εἰσέλθετε, φίλοι καὶ γνωστοί μου, εἰς τὴν χαρὰν τοῦ Κυρίου ὑμῶν καὶ κληρονομήσατε τὴν ἡτοιμασμένην ὑμῖν βασιλείαν ἀπὸ καταβολῆς κόσμου. Οἱ δὲ εἰσήεσαν ἔνδον ταύτης μεγαλυνόμενοι (f. 220 γ.) καὶ ἀγλαϊζόμενοι ἐν δόξῃ ἀράτω, ὕμνος τε ἐξηκούετο φρικωδέστατος ἔνδον ταύτης ἐπὶ τῇ τούτων εἰσελεύσει ὑπὸ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτοὺς ἁγίων ἀγγέλων.

Προσθεὶς οὖν ἐπένευσεν ἔτι ὁ βασιλεὺς τοῖς ἐν τοῖς δεξιοῖς, καὶ ἰδοὺ ἀποσπασθεῖσα ἐτέρα παρεμβολὴ μεγίστοις ἀγαθοῖς γεγαννημένη, καὶ τὰ πρόσωπα τῶν ἐν αὐτῇ ἐξήστραπτον ὡσπερ αὐτὸς ὁ ἥλιος, καὶ οἱ χιτῶνες αὐτῶν χιονοφεγγεῖς λίαν κεκαθαρμένοι, καὶ ἐν τοῖς ὤμοις αὐτῶν φλόγα πύρινον περιέφερον, καὶ ἐπὶ τοὺς τραχήλους αὐτῶν ὀρμίσκους πυρσοφαεῖς ἐξαστράπτοντας· καὶ οὗτοι ἐληλύθασι πλησίον τῆς πύλης τῆς πόλεως πρὸς τὸν βασιλέα καὶ πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ· ὁ δὲ καὶ τούτους ἀσμένως δεξάμενος καὶ φιλήματι ἀγίῳ τιμήσας, ἠνέψεν αὐτοῖς τὰς χεῖρας καὶ κατησπάσατο· καὶ εὐθύς προσανεψώθησαν αὐτοῖς αἱ πύλαι τῆς πόλεως, καὶ ἐντὸς ταύτης αὐτοὺς γενέσθαι προσέταξεν· ἐξαφθέντες δὲ χάκεινοι ἐν με(f. 220 ν.)γάλῃ καὶ ἀπλέτῳ χαρᾷ, ἕτερος τὸν ἕτερον μετ' εὐφροσύνης ὀνομάζοντες, ἔνδον ταύτης εἰσεπορεύοντο πρὸς τὴν ἀπέραντον ἀγαλλίασιν ἐν πάσῃ εὐτάκτως πρὸς ἀλλήλους αἰδοῖ καὶ καταστάσει· τούτων δὲ εἰσεληλυθόντων, οἱ ἔνδον θεοὶ ἄγγελοι καὶ οἱ ὑπηρέται τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου τὸν συνήθη αἶνον ἐν τῇ καταπαύσει αὐτῶν μεγαλοφώνως καὶ ἠδέως τῷ Κυρίῳ ἀνέμελλον.

Μετὰ δὲ τὴν τούτων εἰσέλευσιν ἐπένευσεν ὁ Κύριος, καὶ ἰδοὺ ἐτέρα συναγωγή χωρισθεῖσα ἀπὸ τοῦ πλήθους τῶν τῆς δεξιᾶς τυχόντων στάσεως ἀφίκετο πρὸς τὴν πύλην τῆς πόλεως καὶ πεσόντες

προσεκύνησαν τῷ Κυρίῳ· ὁ δὲ καὶ τούτους περιχαρῶς δεξάμενος ἐπένευσεν ἀνοιγῆναι αὐτοῖς τὰς πύλας τῆς πόλεως· ὧν ἡ εὐχροια τῶν προσώπων δεδοξασμένη λίαν, ἡ δὲ ὄρασις αὐτῶν ὡσεὶ χιῶν καὶ πῦρ ἀποστίλβουσα, καὶ τὰ περιβλήματα αὐτῶν λευκά ὡς τὸ φῶς, καὶ τὰ ἄμφια αὐτῶν ὡς ὄρασις κοκκίνου τριακονταφύλλου, καὶ ὁ ἱματισμὸς αὐτῶν ὡσπερ Ἴον καὶ κρίνον. (f. 221 γ.) Εἰσελθόντων δὲ αὐτῶν ἔνδον τῆς πόλεως πρὸς τὴν αἰώνιον κατάπαυσιν καὶ ἀγαλλίασιν ἐν εὐφροσύνῃ καὶ φαιδρότητι ψυχῆς ἐπὶ στόματος ἄδοντες τὸν τῶν ἁγίων ἀγγέλων αἶνον, οἵτινες ἦσαν οἱ ἐν σωφροσύνῃ ζήσαντες καὶ ἐγκρατεία πάσας τὰς ἡμέρας αὐτῶν, ὡς φησὶν ὁ σὺν ἑμοὶ ἄγγελος· ἐπειδὴ καὶ οὗτοι πάντες εἰσήεσαν εἰς τὴν χαρὰν τοῦ Κυρίου αὐτῶν, ὁ τῶν ἀγγέλων ὕμνος ἐξηκούετο ἐν τῇ τούτων ὑποδοχῇ.

Προσέθετο οὖν ἐτι ὁ Κύριος καὶ Θεὸς τῇ ἐπινεύσει τῶν ἀκαταλήπτων αὐτοῦ κριμάτων, καὶ ἰδοὺ πληθὺς λαοῦ πολλοῦ σφόδρα πολὺ τοῦ δεξιοῦ μέρους ἀποσπασθὲν πρὸς τὴν πύλην ἐκείνην τὴν ἐξαισίαν τῆς πόλεως παρεγένετο· καὶ πεσόντες ἐπὶ τοῦ ἐδάφους ἐκείνου τοῦ φρικτοῦ καὶ ἀκαταλήπτου, προσεκύνησαν τῷ Κυρίῳ· ὃς καὶ τούτους μετὰ δόξης ἀρρήτου καὶ ἀνεκλαλήτου χαρᾶς ἀποδεξάμενος ἐπένευσεν εἰσελθεῖν εἰς τὴν μακαρίαν γῆν καὶ τρυφὴν τῆς θαυμαστῆς πόλεως ἐκείνης. Εἰσῆρχοντο δὲ ἐν τάξει καὶ τιμῇ πρὸς ἀλλήλους (f. 221 ν.) πᾶν θαυμαστῆ καὶ θεοπρεπεί, ὅλον εἰπεῖν συναγωγὰι συναγωγῶν καὶ τάγματα ταγματῶν, καὶ ὁ αἶνος τῶν ἀγγέλων ἐπὶ στόματος αὐτῶν, ἄδων ἕκαστος ἐν ἑαυτῷ τὸ τοῦ Δαβὶδ χρησιμώδημα καὶ μελώδημα, λέγων· Αὕτη ἡ κατάπαυσις μου εἰς αἰῶνα αἰῶνος, ὧδε κατοικήσω ὅτι ἠρετισάμην αὐτήν. Σχῆμα δὲ μοναζόντων ὠρᾶτο ἐν αὐτοῖς, πλὴν οὐ μέλαν, ἀλλὰ χιόνος λευκότερον καὶ αὐγάζον, ὡς ἀστραπή· ἡ δὲ λαμπρότης τοῦ προσώπου αὐτῶν, ὡς ὄρασις φωτὸς ἡλιακοῦ ἐν εὐχροίᾳ φοβερωτάτῃ πυρακίζουσα, καὶ ὅλως ξένη τις ἦν ἐν αὐτοῖς καὶ ἀνείκαστος ἢ λαμπρότης. Εἰσελθόντων οὖν ἔνδον ταύτης μετὰ περιφανείας καὶ δόξης πολλῆς καὶ τιμῆς ἀφράστου καὶ ἀνεκλαλήτου, αἶνος θεοπρεπῆς ἐσηκούετο ὑπὸ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτοῦς ἐν τῇ ἀκράτῳ ζωῇ καὶ τρυφῇ ἐκείνῃ θεοειδῶν ἀγγέλων· ἐν δὲ τῷ εἰσερχεσθαι αὐτοῦς, ὡς εἶρηται, τὴν θαυμασίαν πύλην ἐκείνην τῆς πόλεως ἐν μεγάλῃ

τιμῇ και δόξῃ, τὰς χεῖρας αὐτῶν ἀνύψουν πρὸς τὸν Κύριον και (f. 222 r.) Θεόν, ἐτι ἱστάμενοι πρὸ τῶν εἰσοδικῶν πυλῶν τῆς πόλεως ἐκείνης και εὐλογοῦντες τὸ ὄνομα τὸ ἅγιον αὐτοῦ σὺν τῷ Πατρὶ και τῷ ἁγίῳ Πνεύματι μετὰ χαρᾶς πολλῆς και θυμηδίας πνευματικῆς ἔνδον ταύτης εἰσήεσαν ἀπολαβόντες τὴν ἐτοιμασθεῖσαν αὐτοῖς παρὰ τοῦ Κυρίου αὐτῶν κληρονομίαν και βασιλείαν. Ἐώρων οὖν οἱ ἐξ εὐωνύμων ἱστάμενοι τὰ ἐπ' αὐτοῖς τελούμενα πάντα και ἐστέναζον γοερῶς τύπτοντες χερσὶ τὰς ἑαυτῶν ὄψεις και πικρὸν δάκρυον ἐξέχεον, και μᾶλλον ἀκριβῶς ὀρῶντες τὴν ἀφραστον ἐκείνην και ἀνεκλάλητον πόλιν, τὴν πλήρη χάριτος ἀφθάρτου και ἀγαλλιᾶσεως οὔσαν, και τὴν τῶν ἁγίων αἰδίων δόξαν τε και λαμπρότητα και τὰ περικαλλῆ τῆς πόλεως τεχνουργήματα και οἰκοδομήματα, ἅτινα ἠύγαζον ὑπὲρ τὸν ἥλιον και ἀκτίνας ἀνέπεμπον, και τὴν νεωστὶ γεγενυῖαν ἀφθαρτον κτίσιν ἐκείνην και οἰκοδομὴν τῆς πόλεως ἤπερ ὑπῆρχε πλήρης ἀφράστου και ἀνεκλαλήτου ἡδονῆς και τέρψεως πνευματικῆς και ἀγαλλιᾶσεως (f. 222 v.), ἣτις ὑπῆρχεν οἷα νύμφη ἐστολισμένη ἀσύγκριτον εὐπρέπειαν και τερπνὴν ὠραιότητα τοῦ κάλλους Κυρίου τοῦ και βασιλέως και Θεοῦ αὐτῆς, ὃς ἱστατο ἐπὶ τῆς εἰσόδου ταύτης φέρων τὸν γλυκὺν και ἐράσιμον χαρακτῆρα τοῦ πρὸ αἰῶνων αὐτὸν φύσαντος. Περιστερόμενος γὰρ ὁ βασιλεὺς και δημιουργὸς ταύτης ἔνθεν και ἔνθεν, ἀφήσιν ἀκτίνας θεότητος μυριοφαεῖς τὸ θεῖον αὐτοῦ και ἄχραντον πρόσωπον, ἐνούσας [εἰς] τὰς καρδίας τῶν ὀρώντων ἡδονὴν και θυμηδίαν ἀφθαρτον και ἀνεξιχνίαστον. Ταῦτα πάντα ὀρῶντες και κατανοοῦντες ἐκεῖνοι οἱ ἐν τοῖς εὐωνύμοις, ὡς εἴρηται, λαχόντες μερίδος ὁποίων και ὄλων ἀγαθῶν ἐμελλον στερηθῆναι, ἐδρῆνον, ὠδύροντο, διεπρίοντο, ἐτιτρώσκοντο, ἐκόπτοντο, ἠθύμουν, ἠγανάκτουں, ὠλιγώρουں, ἐσφάδαζον και ταῖς χερσὶ τὰ πρόσωπα ἐτυπτον και τὰς τρίχας ἐτίλλον, μὴ φέροντες τὴν ὀδύνην τῆς θλίψεως ἐκείνης, ἣν οὐκ ἔστιν ὄλωσ εἰπεῖν ἢ γλώσση διηγήσασθαι ἢ γραφῇ παραδοῦναι.

Ἐπι ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ τοὺς ἐκ (f. 223 r.) θεξιῶν αὐτοῦ, και παρεμβολὴ μεγάλη σφόδρα ἐχωρισθεῖσα ἀπὸ τῶν σὺν αὐτῇ ἱσταμένων και χαρὰν μεγίστην και δόξαν ἀναλαβοῦσα, μετ' εὐφροσύνης ἀπάτου πρὸς τὸν κεκληκῶτα ἀθάνατον νυμφίον ἐπορεύετο· αὕτη δὲ ἦν ἡ παρεμβολὴ πάντων τῶν δικαίων τῆς νέας διαθήκης· ἐν δὲ τῷ

πορεύεσθαι αὐτοὺς ἔλαμπον τὰ πρόσωπα αὐτῶν ὡσπερ ἡ παμφαῆς σελήνη εἰς ἀρχὰς τῆς νυκτός ἀνίσχουσα καὶ τοὺς λαμπροὺς ἀστέρας ἀμαυροῦσα, αἰθρίας κατ' οὐρανὸν ὑπαρχούσης καὶ πληρεστάτης αὐτῆς τυγγανούσης· αἱ δὲ στολαὶ αὐτῶν ὡσπερ τὰ ἄνθη καὶ κρίνα τοῦ ἀγροῦ ἦσαν μυριοβαφεῖς τῷ ποικιλμῷ τῆς εὐχροίας αὐτῶν· οἱ καὶ παραγενόμενοι πλησίον τοῦ ἀδεκάστου ἐκείνου καὶ ἀπροσωπολήπτου κριτοῦ πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ κατασπαζόμενοι τοὺς ἀχράντους πόδας αὐτοῦ· ὁ δὲ βασιλεὺς ὑποδεξάμενος αὐτοὺς ἐν μεγίστῃ χαρᾷ ἐπένευσε, καὶ ἀνεπετάσθησαν αὐτοῖς αἱ θαυμάσιαι πύλαι τῆς πόλεως ἐκείνης, καὶ εἰσήλθ(φ. 223 ν.)θον πάντες ἐν αὐτῇ τῷ γλυκυτάτῳ πυρὶ τῆς ἐνθέου ἀγαλλιᾶσεως πυρακτούμενοι καὶ καταστραπτόμενοι, καὶ ἀπέλαβον τὴν ἐτοιμασθεῖσαν αὐτοῖς ἀνεκλάλητον χαρὰν καὶ εὐφροσύνην καὶ τέρψιν διαιωνίζουσιν. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ καταπαῦσαι τὴν πληθύν πᾶσαν τῆς μακαρίας καὶ μεγίστης ἐκείνης φάλαγγος εἰς τὰς αἰωνιζούσας καὶ ἀκηράτους σκηνάς, διαμοναὶ ὕμνων καὶ κραυγῶν φοβερῶν κατὰ τὸ εἰωθὸς ἔνθεν καὶ ἔνθεν ἐντὸς τῆς πόλεως ἐξηκούοντο παρὰ τῶν ὄντων ἐκεῖ θεῶν ἀγγέλων αἰνούντων ἀκαταπαύστῳ φωνῇ σὺν πᾶσι τοῖς ἁγίοις τὸν ἐν Τριάδι Θεόν. Ὁ δὲ τίμιος καὶ ζωοποιὸς σταυρὸς ἔστατο, ὡς εἰρηται, ἐν ὕψει ἀγίῳ ἐπὶ τοῦ θαυμαστοῦ καὶ ὑπερλάμπρου αἰθέρος ἐκείνου ὑπεράνω τῆς ἁγίας πληθύος τῆς ἐκ δεξιῶν ἱσταμένης καὶ οὐπω κληθείσης εἰσελθεῖν εἰς τὴν ἀνεκδιήγητον πόλιν ἐκείνην, καὶ αὐτὸς ἦν δεδοξασμένος ἐν ἀπείρῳ καὶ ἀκατάληπτῳ φάει, καὶ αἱ ἀκτῖνες αὐτοῦ ἠῦγαζον εἰς τὸ πρόσωπον πάσης τῆς γῆς καὶ ἐπὶ τὸ πρόσωπον παντός τοῦ στερεώμα(φ. 224 γ.)τος· καὶ κύκλῳ αὐτοῦ ἀγγέλων στρατιαὶ, στρουθίαις εἰκυῖαι, κβτινες ἀκαταπαύστῳ φθογγῇ καὶ μέλεσι ξενοπρεπεστάτοις τὸν Θεὸν ἀνῦμνον καὶ ἐμεγάλυνον, ὥστε τὴν φωνὴν τῆς κραυγῆς αὐτῶν μέχρι τοῦ στερεώματος ἀνίεναι. Ὁ δὲ νεωστὶ εἰσαχθεὶς ἐν τῷ στερεώματι δίκην ἡλίου πυρσός, εἰ καὶ ἑπταπλασίως ὑπὲρ τὴν τοῦ φθαρτοῦ ἡλίου λαμπηδόνα φαίνων, ἄδυτα ἦν, ἀλλ' οὐχὶ καὶ ὡς οὗτος ἐν μεσημβρία ἐκφλογούμενος ἀνιᾶ καὶ φλέγει κάκεῖνος ἐλύπει τοὺς εἰς αὐτὸν ἀτενίζοντας, ἀλλὰ πρὸς τὸ διηνεκῶς ἄδυτα καὶ ἄσκια φαίνειν ἠδονὴν ἀσύγκριτον παρείχε τοῖς εἰς αὐτὸν ἀτενίζουσιν.

Ἔτι πρὸς τούτοις ἐπένευσε ὁ βασιλεὺς ἐπὶ τοῖς ἐκ δεξιῶν

αὐτοῦ λαχοῦσι, καὶ ἰδοὺ ἐκκοπεῖσα παρεμβολὴ λαοῦ πλείστη σφόδρα, οἵτινες ἦσαν οἱ πρὸ τοῦ νόμου δίκαιοι, ἦτοι Ἀβραάμ, Ἰσαάκ καὶ Ἰακώβ καὶ οἱ ἐξ αὐτῶν δώδεκα πατριάρχαι καὶ πάντες οἱ ἐκ τοῦ σπέρματος αὐτῶν γεγεννημένοι καὶ ἀναφανέντες δίκαιοι ἔναντι Κυρίου· ὧν τὰ πρόσωπα (f. 224 v.) ὑπῆρχον λευκὰ ὡσεὶ χιών, αἱ δὲ στολαὶ ὡς εἶδος νεφέλης φαεινῆς· οἵτινες παρεγένοντο πλησίον τοῦ βασιλέως ἐπὶ τὴν θαυμασίαν πύλην ἐκείνην τῆς πόλεως καὶ πεσόντες πάντες προσεκύνησαν αὐτῷ ἐν ἀγαλλιάσει ψυχῆς, κατασπαζόμενοι τοὺς ἀχράντους πόδας αὐτοῦ. Ἐώρων γὰρ ἐγὼ καθαρώς τὸν δίκαιον Ἀβραάμ καὶ Ἰσαάκ καὶ Ἰακώβ χερσὶν ἀπτομένους καὶ πυκνῶς κατασπαζόμενους αὐτόν· παραπλησίως δὲ τούτοις ἐποίουν καὶ οἱ ἐκλεκτοὶ ἀπόγονοι αὐτῶν, οἵτινες δηλονότι δι' ἔργων καὶ πράξεων ἀγαθῶν καλῶς εὐηρέστησαν καὶ ἐθεράπευσαν αὐτόν. Ὁ δὲ εὐμενῶς καὶ ἰατρῶς τούτους ὑποδεξάμενος ἐπένευσεν αὐτοῖς ἀνοιγῆναι τὰς πύλας τῆς φρικωδεστάτης πόλεως ἐκείνης· εἰσερχομένων δὲ αὐτῶν ἐν ταύτῃ ἡσυχῇ καὶ ἀγαλλομένῳ ποδί, ὑμνήσαν αἱ θεαὶ δυνάμεις κατὰ τὸ σῆμα τὸν ἐξουσίαν ἔχοντα πάσης πνοῆς Κύριον τῆς δόξης Ἰησοῦν Χριστόν, τὸν ὄντως φοβερόν, τοῖς Χερουβίμ καὶ τοῖς Σεραφίμ ἀθεώρητον.

Μετὰ δὲ ταῦτα ἐπένευσεν ἐπὶ ὁ βασιλεὺς ἐν τοῖς δεξιῶς (f. 225 r.) αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ πλῆθος λαοῦ πολὺ σφόδρα, οἵτινες ἦσαν οἱ ἀρτιφώτιστοι ἄσπιλοι χριστιανοί, ἄνδρες τε καὶ γυναῖκες καὶ νήπια καὶ βρέφη, πάντες μονότροποι, ἴσκι τὸ σχῆμα καὶ τῇ λαμπρότητι, ὅλοι ῥοδοφυεῖς, πυρακίζοντες, ὅλοι τερπνοί, ὅλοι παμφαιεῖς, ὅλοι ὠραῖοι, δόξη ἀνεκλαλήτῳ ὠραιζόμενοι, ὧν τὰ πρόσωπα ἐξήστραπτον ἐπταπλασίως ὑπὲρ τὸν αἰσθητόν τοῦτον ἥλιον. Προηγέτο δὲ αὐτῶν φέγγος ἀστραπῆς καὶ μετ' αὐτὸ φρικτὸν φῶς ὑπὲρ χιόνα ἐν καθαρότητι ὑπάρχον ἐπταπλασίως ὑπεράνω αὐτῶν, κύκλωθεν δὲ αὐτῶν ἐσπαργάνα αὐτοῦ ὡσεὶ τεῖχος νεφέλη πύρινος· καὶ ἦν ἡ παρεμβολὴ αὕτη καὶ συναγωγὴ μείζων κατὰ πολὺ ὑπὲρ πάσας τὰς προεισελθούσας τῶν ἀγίων παρεμβολὰς εἰς τὴν αἰωνίζουσαν ταύτην καὶ μακαρίαν πόλιν. Ἐγγίσαντες οὖν καὶ οὗτοι ἐνώπιον τοῦ βασιλέως, ἐπιβλέπων ἐπέβλεψεν ἐπ' αὐτοὺς καὶ ἠυφράνθη καὶ ἠγαλλιάσατο σφόδρα ἐ-(f. 225 v.)πὶ τῇ αὐτῶν καθαρότητι· ἦσαν γὰρ

ἄσπιλοι ἐκ κοιλίας μητρὸς αὐτῶν, καὶ ὑπεδέξατο αὐτοὺς ἐν μεγίστῃ τιμῇ καὶ δόξῃ. ἐπειδὴ ἔώρα αὐτοὺς μηδαμῶς ἀμαρτήσαντας· καὶ ἐπένευσεν ἀνεψυχθῆναι αὐτοῖς τὰς πύλας τῆς ἐξαισίας ἐκείνης πόλεως, καὶ ἔνδον αὐτῆς ἐν ἀγαλλιᾶσει πάντες εἰσήεσαν. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ εἰσελθεῖν πάντας ἐκεῖσε, πᾶσαι αἱ δυνάμεις τῶν ἁγίων ἀγγέλων σὺν πᾶσι τοῖς ἁγίοις τε καὶ δικαίοις αἶνον ἀσύγκριτον ἀνέπεμψαν τῷ μονογενεῖ Υἱῷ καὶ Λόγῳ τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς, ἐπειδὴ καὶ αὐτοὶ ἠψφράνθησαν ἐπὶ τῇ εἰσόδῳ καὶ σωτηρίᾳ αὐτῶν, ὄρωντες ἀναπληρούμενα δι' αὐτῶν τὰ φρικτὰ ἐκεῖνα καὶ θεία παλάτια καὶ τὰς ἀχειροποιήτους κατασκηνώσεις καὶ μονὰς καὶ καταπαύσεις τῆς φρικτῆς καὶ ἀειζώου πόλεως ἐκείνης τῆς ἐτοιμασθείσης τοῖς υἱοῖς τοῦ Θεοῦ.

Ὁ δὲ Κύριος ἔτι ἰστῶς ἐπὶ τῇ πύλῃ τῆς εἰσόδου τῆς πόλεως ἐπένευσεν τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ χωρισθεῖσα συναγωγὴ τις μικρὰ πλησίον τοῦ φοβεροῦ βασιλέως ἐκείνου παρεγένετο, ὅτινες ἦσαν οἱ γεγε(φ. 226 γ.) ννημένοι προφήται ἐκ σπέρματος τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ, πάρεξ τῶν ἐξοχώτατων αὐτοῖς Μωυσέως καὶ Ἀαρών· οὗτοι γὰρ καὶ μόνοι ὑπελείφθησαν τοῦ μὴ εἰσελθεῖν σὺν αὐτοῖς ἐν τῷ τέως ἐκεῖσε οὓς οἶδε τρόποις ὁ Θεός. Καὶ ἐν τῷ εἰσπορεύεσθαι αὐτοὺς ἤστραπτον τὰ πρόσωπα αὐτῶν ὑπὲρ τὸν ἥλιον καὶ πῦρ ἐν τῷ αἰθέρι ἐπαφίου, καὶ ὡσπερὶ διαυγεία ἀστέρως ἐπηνίκα ἐπὶ τοῦ αἰθέρος χεθεῖσα παμφαῶς λάμπει, οὕτω κάκεινσι λίαν παμφαῶς ἔλαμπον, καὶ πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ. Ὁ δὲ εὐμενῶς καὶ περιχαρῶς τούτους δεξάμενος καὶ ἔνδον τῆς πόλεως αὐτῆς τούτους γενέσθαι ἐγκελευσάμενος, ἐν τῷ εἰσιέναι αὐτοὺς ἐν τῇ αἰωνία καταπαύσει αὐτῶν ὑμνησαν αἱ νοεραὶ θείαι τάξεις κατὰ τὸ σύνθηδες τὸν ἐπὶ πάντων Θεόν, ὄρωντες αὐτοὺς ἐν εὐφροσύνῃ καὶ ἀρρήτῳ χαρᾷ εἰσπορευομένους εἰς τὰ ἀχειροποίητα ἐκεῖνα καὶ πανθαύμαστα βασιλεια. Οἱ δὲ τῆς εὐωνύμου μερίδος τυχόντες ἐνωπιζόμενοι τοὺς φρικωδεστάτους τῶν (φ. 226 ν.) ἁγίων ἀγγέλων ὕμνους, οὓς ἀνέπεμπον τῷ Κυρίῳ ἐπαγαλλόμενοι τῇ εἰσόδῳ καὶ καταπαύσει τῶν εἰσπορευομένων ἐκεῖσε ἁγίων παιδῶς, τὴν καρδίαν ἐπιτρώσκοντο καὶ διεπρίοντο καὶ συνεχεῖς στεναγμοὺς ἀνέπεμπον ἐκ βάρους ψυχῆς ἀνομιώζοντες καὶ ἐξ ὀδύνης ὀδυνηρᾶς πικροῖς καὶ αἱματορροῦτοις δάκρυσι τὸ πρόσωπον τῆς γῆς κατέβρεχον καὶ ἑαυτοὺς ἐταλάνιζον, ἐννοοῦντες ἐν ἑαυτοῖς τὴν τῶν ἀνεκλαλήτων ἐκείνων καὶ

αἰωνίων ἀγαθῶν ἀφυστέρησιν, ἦν ἐκόντες αὐτοὶ ἑαυτοῖς προεξένησαν· εἶχον γὰρ τὸ ἴδιον συνειδὸς διελέγχον αὐτούς. Βλέποντες δὲ καὶ τὴν ἀγριαίνουσαν ἐκείνην θάλασσαν τοῦ πυρός κατὰ πρόσωπον αὐτῶν δεινῶς καὶ κραταιῶς κυματουμένην καὶ παφλάζουσαν· λίαν γὰρ ἦν παραττεμένη καὶ ἐβρυχᾶτο, ἀνέβαινον δὲ ἐν τῷ κυματουσθαι αὐτὴν καὶ αἱ φωναὶ καὶ οἱ ὀλολυγμοὶ τῶν προκαταβληθέντων ἀπίστων ἔθνῶν ἐν αὐτῇ· καὶ ἐνωτιζόμενοι τὴν πάνδεινον βοὴν αὐτῶν κραζόντων ἀπαύστως καὶ βοώντων οὐαὶ οὐαὶ, φεῦ ἡμῖν τοῖς ταλαι(f. 227 γ.) πώροις καὶ ἀμαρτωλοῖς, γοερῶς καὶ οὔτοι ὠδύροντο λέγοντες· Ἐλέησον ἡμᾶς μονογενῆ Υἱὲ τοῦ Θεοῦ κατὰ τὸ μέγα σου ἔλεος, οἰκτείρησον ἡμᾶς κατὰ τὸ πλῆθος τῶν οἰκτιρμῶν σου· ἀλλ' οὐδεὶς ἦν εἰσακούων καὶ οἰκτείρων καὶ ἐλεῶν αὐτούς, ἐπεὶ καὶ ὁ φοβερός καὶ ἀδέκαστος ἐκεῖνος κριτὴς θυμῷ σφοδρῷ καὶ ὀργῇ πρὸς αὐτούς ἐπέχρητο καὶ τὸ πρόσωπον αὐτοῦ ἀπέστρεφεν ἀπ' αὐτῶν. Καὶ ἦν ἐπ' αὐτοῖς κλόνος φρικτός τε καὶ ὀδυρμός πολὺς σφόδρα.

Ἔτι οὖν ἐπέβλεψεν ὁ βασιλεὺς ἐν τοῖς δεξιῶς αὐτοῦ καὶ προσεκαλέσατο τῇ δεξιᾷ αὐτοῦ χειρὶ, καὶ ἰδοὺ πλῆθος λαοῦ πολὺ σφόδρα, οἵτινες ἦσαν ἀμαρτωλοὶ μὲν, ὀρθόδοξοι δὲ χριστιανοί, οἱ διὰ τῆς καλλίστης μετανοίας φθάσαντες ἐπιστρέφει ἐν τῇ ζωῇ αὐτῶν, καὶ ἐν κλαυθμῷ καὶ πένθει καὶ νηστείᾳ καὶ σάκκῳ καὶ σποδῷ καὶ τῇ λοιπῇ κακουχίᾳ τοῦ σώματος αὐτῶν τὸν Θεὸν ἐκλιπαρήσαντες καὶ καθαροὶ ὀφθέντες ἐναντι αὐτοῦ δι' ἐξομολογήσεως καὶ θερμῶν δακρύων χρουνοῖς, τὸν ῥύπον τε καὶ σπῖλον τῶν ψυχῶν καὶ σωμάτων ἑαυτῶν ἀποπλύναντες καὶ καλῶς διορθωσάμενοι, (f. 227 ν.) μισήσαντες τὰ μάταια καὶ πρόσκαιρα τοῦ βίου τούτου τερπνὰ καὶ τὰ αἰώνια καὶ ἄρρητα ἀγαθὰ ἐξωνησάμενοι δι' ἐπιστροφῆς ἀνευδότου καὶ εὐποίας πενήτων, καὶ ἐν τῇ ἐπουρανίῳ ἐκείνῃ καὶ φρικτωδεστάτῃ πόλει σὺν πᾶσι δικαίσις καταξιωθέντες οἰκεῖν· καὶ οὔτοι ἡσύχῳ ποδὶ μετὰ δόξης πολλῆς ἐν πραείοις σχήμασι καὶ βήμασιν ὠραίοις πορευόμενοι πλησίον τοῦ βασιλέως ἐπὶ τὴν πύλην τῆς πόλεως παρεγένοντο, καὶ φῶς Κυρίου ὡς ἀστραπὴ προηγέτο αὐτῶν ὧν τὰ πρόσωπα ὑπῆρχον λευκὰ ὡσεὶ ἔριον, καὶ αἱ στολαὶ αὐτῶν ἀστράπτουσαι ὡς χρυσίον καθαρὸν πεπυρακτωμένον, καὶ αἱ κεφαλαὶ αὐτῶν ἐλαίῳ καθαρῷ καὶ λαμπροτάτῳ ἀλειμμέναι, καὶ ἡ

θρίξ αὐτῶν ὡς ἄνθος χρυσοῦ τιμαλφέστατον. Παραγενόμενοι οὖν πλησίον Κυρίου, ὡς εἰρηται, πρηνεῖς πεσόντες ἐπὶ τοῖς ἀχράντοις αὐτοῦ ποσὶ προσεκύνησαν αὐτῷ εὐλογοῦντες αὐτόν ἐν αἰνοῖς καὶ ὑμνοῖς εὐχαριστηρίοις. Τοῦ δὲ καὶ τούτους ἀσμένως ὑποδεξαμένου, καθὰ (f. 228 γ.) ῥῶς ἐπένευσεν εἰσελθεῖν καὶ αὐτοὺς ἐν τῇ ἀγίᾳ καὶ πανευγενεστάτῃ ἐκείνῃ πόλει· καὶ ἐγένετο ἐν τῷ εἰσελθεῖν αὐτοὺς πάντας ἐν ἀγαλλιάσει ψυχῆς καὶ δόξῃ ἀρρήτων ἡγλαισμένη καὶ λαμπροτάτῃ ἔνδον ταύτης, πάντες οἱ ἄγγελοι Θεοῦ σὺν πᾶσι τοῖς προεληλυθόσιν ἐκείσε ἀγίοις χαρᾶς ἀπάτου πλησθέντες καὶ ἀγαλλιάσεως ἐπὶ τῇ εἰσόδῳ καὶ καταπαύσει αὐτῶν ἐν τῇ ἀγήρῳ ἐκείνῃ καὶ ἀκορέστῳ τρυφῇ, μεγαλοφώνως αἶνον εὐχαριστήριον τῷ βασιλεῖ τῶν αἰώνων ἀνέπεμφαν, ὥστε ἡ κραυγὴ τοῦ γλυκυτάτου μέλους αὐτῶν ἐξακούεσθαι μέχρι τοῦ στερεώματος τοῦ οὐρανοῦ καὶ αὐτῶν τῶν περάτων τῆς γῆς.

Ἐπι οὖν ἐπένευσεν ὁ Κύριος ἐν τοῖς δεξιῶς αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἦκε πρὸς αὐτόν Μωϋσῆς ὁ θεόπτης, καὶ ἐπέδεικνυέ μοι τοῦτον ὁ σὺν ἐμοὶ ἰστάμενος ἐκείσε ἐπὶ τοῦ ὑπερτάτου καὶ φρικωδεστάτου ἐκείνου σκοποῦ θεῖος καὶ θαυμαστός ἄγγελος· ἦν δὲ τὸ πρόσωπον αὐτοῦ λίαν δεδοξασμένον ὑπὲρ τὸν ἥλιον καὶ τὰ ἰμάτια αὐτοῦ ἐξήπτοντο ὡς ἀστραπὴ καὶ οἱ πόδες αὐτοῦ ὑποδε(f. 228 ν.) δημένοι χρυσοπεδίλοις κοκκίνοις ὑποδήμασι παραπλησίως τοῦ βασιλέως· συνείποντο δὲ αὐτῷ Ἀαρὼν καὶ Ὡρ, οἱ ἀδελφοὶ αὐτοῦ, μεθ' ὧν καὶ Ἰησοῦς τοῦ Ναυῆ καὶ Ἐλεάζαρ· ἦσαν δὲ καὶ αὐτοὶ δεδοξασμένοι μὲν τὰ πρόσωπα δοξῆ ἀκαταλήπτῳ, οὐκ ἴσως δὲ τῷ Μωϋσῆ, ἀλλὰ τούτου παραπλησίως· ἐκείνος γὰρ ἐξαιρέτως πάντων τῶν σὺν αὐτῷ ἦν ὑπερτερος, ὡς καὶ σχῆμα καὶ δόξαν ἀνεκλάλητον κεκτημένος. Καὶ ἐν τῷ ἅμα τούτοις πορεύεσθαι συνεπορεύοντο αὐτοῖς καὶ ἕτεροι ἄνδρες ἑβδομήκοντα, οἳτινες ἦσαν οἱ ἀπὸ τοῦ πνεύματος τοῦ Μωϋσέως μεταλαβόντες καὶ πλουτήσαντες ἐν ταῖς ἡμέραις αὐτῶν τοῦ προφητεύειν καὶ προλέγειν τὰ μέλλοντα· καὶ μετ' αὐτοὺς πάντες οἱ ὀρθόδοξοι καὶ δίκαιοι κριταὶ τοῦ Ἰσραὴλ ἀπὸ Χαλέβ καὶ τοῦ Γεθωνὴλ καὶ μέχρι Σαμουὴλ τοῦ προφήτου κρίναντες τὸν Ἰσραὴλ. Κατόπιν δὲ τούτων ἰδοὺ καὶ Δαυὶδ ὁ βασιλεὺς καὶ θεοπάτωρ, μεθ' οὗ καὶ πάντες οἱ τοῦ Ἰούδα βασιλεῖς ὅσοι δηλονότι τῇ τῶν εἰδώλων (f. 229 γ.) οὐκ ἐκολ·

λήθησαν πλάνη και ματαιότητι, ἀλλ' ἐκαθάρισαν ἑαυτοὺς διὰ μετανοίας εὐλικρινεὺς και δακρύων πηγῆς ἀπὸ παντός πάδους ἔτι περιόντες τῷ βίῳ και καθαροὶ ὀφθέντες ἐναντίον Κυρίου· και σὺν αὐτοῖς πάντες οἱ υἱοὶ Ἰσραὴλ οἱ μέχρι τῆς τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ παρουσίας τῷ νόμῳ Μωϋσέως ἀμέμπτως και καθαρῶς πειδαρχήσαντες και τοῖς ματαιοῖς θεοῖς τῶν ἐθνῶν μὴ λατρεύσαντες. Οὗτοι πάντες φαιδροὶ και γεγανθυμένοι δόξῃ τε και χάριτι κεκοσμημένοι ὑπάρχοντες πλησίον τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου παραγεγόνασι και προσεκύνησαν αὐτῷ ἕως ἐδάφους τῆς γῆς, και κατασπασάμενοι τοὺς ἀχράντους αὐτοῦ πόδας εἰσῆλθον γηθόμενοι και ἀγαλλιώμενοι εἰς τὴν δεδοξαμένην ἐκείνην και ἀγίαν μητρόπολιν. Μετὰ δὲ τὸ εἰσαγεσθαι αὐτοὺς ἔδον αὐτῆς, και ὁ θαυμαστός ἐκεῖνος τῶν ἀγίων ἀγγέλων αἶνος λαμπρῶς ἐξηχεῖτο και ἐξηκούετο.

Εἶτα μετὰ τὴν τούτων εἰσέλευσιν ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ τοὺς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ παρεστῶτας (f. 229 v.) και προσκαλεσάμενος πάντας τοὺς ἐκλεκτοὺς αὐτοῦ· ἀπὸ γὰρ τῶν ἐσχάτων ὡς πρὶν παραβολικῶς ἡμᾶς ἐξεπαίδευσε διὰ τοῦ θείου αὐτοῦ και ἀγίου εὐαγγελίου· εἰς τοὺς πρώτους κατένευσε· και ἰδοὺ Ἄδὰμ, Ἄβελ, Σὴθ, Ἐνῶς, Ἐνῶχ, Νῶε και ὅσοι πρὸ τοῦ κατακλυσμοῦ ὡσαύτως και μετὰ τὸν κατακλυσμόν πρὸς τοῦ νόμου πάντες και πᾶσαι ἐν ταῖς γενεαῖς αὐτῶν Κυρίῳ τῷ Θεῷ εὐηρέστησαν σεμνῶς και θεοφιλῶς πολιτευσάμενοι, παρεγένοντο πλησίον τοῦ φοβεροῦ ἐκείνου βασιλέως και ἀδεκάστου κριτοῦ ἐπὶ τὴν ἐξαισίαν και θαυμαστήν πύλην τῆς πόλεως ἐκείνης· ὧν τὰ πρόσωπα ἐξήστραπτον ὡς ὁ ἥλιος ἀκτινοβολοῦντα και φῶς νοερόν τοῖς ὀρώσιν ἐπαφροῦντα, αἱ δὲ στολαὶ ἐκ μυριοφανῶν εὐχροίας πεπαικιμέναι, και δόξα Κυρίου ἦν ἐπ' αὐτοῖς ἀνεκλάλητος· και πεσόντες προσεκύνησαν, αὐτῷ ὕμνοις εὐχαριστηρίοις ὕμνολογοῦντες και δοξάζοντες αὐτόν· ὁ δὲ ἐπένευσεν ἀνοιγῆναι αὐτοῖς τὰς πύλας ἐκείνης τῆς πόλεως. (f. 230 r.) και ἀσπασίως τούτους ὑποδεξάμενος και φιλήματι ἀγίῳ τιμήσας αὐτοὺς, ἔδον ταύτης γενέσθαι τούτους παρεκελεύσατο. Και ἐγένετο ἐν τῷ εἰσελθεῖν πάντας αὐτοὺς ἔδον ταύτης ὕμνησαν πᾶσαι αἱ τῶν ἀγγέλων θεῖαι τάξεις τὸν ἐπὶ πάντων Θεὸν ἐν εὐχαριστηρίοις φωναῖς.

Ἐπειδὴ οἱ πρῶτοι τῆς κτίσεως οἱ πρωτόπλαστοι ἄνθρωποι οἱ

ἀπ' αἰῶνος δηλαδή ἅγιοι εἰς τὴν ἁγίαν πόλιν τοῦ ἁγίου καὶ παν-
αγάθου Θεοῦ μετὰ τῶν ἐξ αὐτῶν γεγεννημένων ἁγίων κατέπαυσαν,
καὶ μετὰ ταῦτα ἐπένευσεν ὁ βασιλεὺς τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ παρεστῶ-
σιν ἁγίοις, καὶ ἐσπασθεῖσα παρεμβολὴ πάνυ ὀλιγωστὴ πρὸς αὐτὸν
παρεγένετο, ὅτινες ἦσαν παρηλλαγμένοι τῷ σχήματι, σεμνυνόμενοι
παρὰ πάντας τοὺς προεληλυθότας· τὰ γὰρ πρόσωπα αὐτῶν ὑπῆρχον
λευκὰ τῷ χρώματι ὥσπερ νύμφης ἠγλαισμένα, ὡς ὑποπυρακίζοντα
καὶ πεποικιλμένα ἐτύγχανον, ὡς ἐκ φωτεινοῦς εὐχροίας τυγχάνοντα·
οἱ δὲ τούτων χιτῶνες ποικίλοι ὡσανεὶ ἐκ πάν(φ. 230 ν.)των τῶν τῆς
γῆς ἀνθέων συντεθειμένοι· ὅτινες ὑπῆρχον οἱ πρὸ τῆς τοῦ Χριστοῦ
παρουσίας ἀπὸ πάντων τῶν ἐθνῶν καὶ φυλῶν καὶ γλωσσῶν, νόμον
μὴ ἔχοντες καὶ φύσει τὰ τοῦ νόμου ποιήσαντες δίκαιοι, καὶ εἰδώ-
λοισ μὲν μηδαμῶς λατρεύσαντες, ἐπ' ἐλπίδι δὲ ζωῆς αἰωνίου τὴν
ἑαυτῶν διανύσαντες, οἱ πορνείαν καὶ πᾶσαν ἄλλην ἀθέμιτον ἐργασίαν
καὶ κακίαν ἀπὸ καρδίας ἐμίσησαν, ἐλεημοσύνην δὲ καὶ τὴν πρὸς τὸν
πλησίον ἀγάπην ὀλοφύχως ἐκτήσαντο τὴν ἄνωθεν πρόνοιαν σεβασ-
θέντες καὶ μόνην, ὅθεν καὶ τῆς τοιαύτης δόξης καὶ χαρᾶς ἠξιώθησαν.
Διὸ καὶ ἐθαύμαζον πάντες οἱ ἅγιοι τὴν τοιαύτην ποικιλόμορφον ἰδέαν
τοῦ σχήματος αὐτῶν, ἐπειδὴ οὐκ ἦν ἐν ταῖς συναγωγαῖς καὶ τάξεσιν
αὐτῶν τις ὁ τοιοῦτω φαιδρυνόμενος σχήματι.

Ἔτι ἐπένευσεν ὁ Κύριος τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἐτέρα
παρεμβολὴ καὶ αὕτη ὀλιγωστὴ πάνυ ὡς ἡ προτέρα, αἰθεροποροῦσα
πρὸς τὴν φρικτὴν καὶ θαυμασίαν πύλην τῆς πόλεως ἐκείνης, καὶ
παρεγένετο πλησίον τοῦ βασιλέως· ἢ(φ. 231 γ.)τις ὅλη ὑπῆρχεν
ὡς ἀστραπὴ πυρός, καὶ τὰ πρόσωπα αὐτῶν μεταμορφούμενα καὶ
ἀπαλασσόμενα, καὶ ποτὲ μὲν ὡς ῥόδα ἐρυθρὰ ἐξαστράπτοντα, ποτὲ
δὲ ὡς ἄνθη χρυσοῦ καθαροῦ πεπυρακτωμένοι καὶ σπινθηροβο-
λοῦντος, ποτὲ δὲ λευκαινόμενα ὑπὲρ χιόνα καὶ φαιδρυνόμενα ὡς
τὸ φῶς· βασιλικούς χιτῶνας ἠμφιεσμένοι πάνυ ὠραίους καὶ ποικι-
λομόρφους ἐκ παντοίων λίθων ξενοπρεπῶς αὐγαζόντων τιμίων καὶ
μαργάρων πολυτίμων ἐξαισίως καὶ θαυμασίως συντεθειμένους.
ὅτινες ἦσαν οἱ τῇ τῆς μωρίας ὑποκρίσει τὸν σοφιστὴν τῆς κα-
κίας κατασοφισάμενοι καὶ δι' ὑπομονῆς καὶ θείας γνώσεως τοῦ-
τον ἀνταγωνισάμενοι καὶ καταπαλαίσαντες καὶ κατὰ κράτος νική-

σαντες· ἐν γὰρ τῷ ματαίῳ καὶ προσκαίρῳ κόσμῳ τούτῳ μωροὺς διὰ Χριστὸν ἦτοι σαλοὺς ἑαυτοὺς ποιήσαντες ἐβδελύχθησαν, ἐνεπύσθησαν, ἐκολαφίσθησαν, κατεγελάσθησαν, ἠτοιμάσθησαν, ἐξουδενώθη(φ. 231 ν.)σαν, ἐδιώχθησαν καὶ πᾶσαν κάκωσιν καὶ θλίψιν ὑπέμειναν διὰ τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν, καταπατήσαντες καὶ μίσσησαντες πᾶσαν τὴν ματαίαν καὶ πρόσκαιρον καὶ ἐβδελυγμένην δόξαν τοῦ κόσμου τούτου ἀπὸ καρδίας, ὡς ὀδηγῶν με πρὸς πᾶσαν θεωρίαν ταύτην θειοτάτός μοι ἄγγελος διεσάφησε· διὸ καὶ ταύτης οὐκ ἀστοχήσαντες τὴν φρικτὴν καὶ ἀσύγκριτον καὶ πάντα νοῦν καὶ διάνοιαν ὑπερέχουσαν δόξαν ἐκληρόνομησαν καὶ μετὰ μεγάλης παρηρησίας ἐν ταύτῃ εἰσεληλύθασι. Παραγενόμενοι τοίνυν, ὡς εἰρηται, πλησίον τοῦ βασιλέως, πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ· ὁ δὲ εὐθύς ἐπένευσεν ἀνσιγῆναι αὐτοῖς τὰς πύλας τῆς πόλεως καὶ ἔνδον ταύτης μετὰ μεγάλης δόξης καὶ δορυφορίας γενέσθαι τούτους παρεκελεύσατο· ὧν εἰσεληλυθόντων δόξῃ ἀρρήτῳ λελαμπρυσμένων καὶ ἀγλαϊζομένων, καὶ ὁ κατὰ σύνηθες αἶνος ὑπὸ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτοὺς ἔνδον ταύτης θεοειδῶν τε καὶ νοερῶν δυνάμε(φ. 232 γ.)ων φρικτῶς ἐξηκούετο, αἰνούντων καὶ εὐλογούντων ἀκαταπαύστῳ φωνῇ ἐπὶ τῇ τούτων ἐνδόξῳ εἰσόδῳ καὶ καταπαύσει τὸν ἐν Τριάδι Θεόν.

Ἔτλα ἐπένευσεν αὐθις ὁ βασιλεὺς τοῖς ἀπὸ τῶν δεξιῶν αὐτοῦ λαχοῦσιν ἀγίοις, καὶ ἰδοὺ ἐκχωρισθεῖσα ἑτέρα παρεμβολὴ ὄχλου καὶ λαοῦ πολλοῦ μεγάλη σφόδρα πλησίον τοῦ βασιλέως παρεγένετο ἐπὶ τὴν ἁγίαν ἐκείνην καὶ ὡς ἀληθῶς θαυμαστὴν μητρόπολιν· ὧν τὰ πρόσωπα ὑπῆρχον λευκὰ ὡσεὶ ἔριον, οἱ δὲ χιτῶνες πυρσοφαεῖς, ὠρατοὶ τῷ ἀναστήματι, ὥσπερ κυπάρισσοι, φλόγα ἀγαλλιάσεως λίαν ἠσύχως καὶ γαληνομόρφως ἀπαυγάζοντες· καὶ προσκυνήσαντες αὐτόν, εἰσελθεῖν αὐτοὺς ἐπένευσεν ἐν τῇ ἀγῆρῳ καὶ μακαρία λήξει τῆς πόλεως ἐκείνης· οἱ δὲ χορεύοντες καὶ ἀγαλλιώμενοι ἐν ἀνεκλαλήτῳ χαρᾷ καὶ δόξῃ ἔνδον ταύτης εἰσήεσαν· οἵτινες ἦσαν οἱ πτωχοὶ γεγονότες τῷ πνεύματι, οἱ τύφον δαμιονιώδη κατὰ τοῦ πέλας, ἑπαρσίν τε καὶ ἀλαζονείαν (φ. 232 ν.) ἐν ὑπερηφανίᾳ μηδόλως ἐν τῷ ματαίῳ κόσμῳ κτησάμενοι, ἀλλὰ τὴν τοῦ Κυρίου πραότητα καὶ ταπεινώσιν ἀδιαλείπτως μιμούμενοι, τοῖς πᾶσι τὰ πάντα γεγονάσιν, ἵνα πάντας ἀποθεραπεύσαντες ἐν ὑποποιῶσι ταπεινώσεισι τούτους κερδήσωσι· διὸ καὶ τῆς μακαρίας

ταύτης ἐπέτυχον λήξεως τῶν ἐν ἐπαγγελίαις ἡτοιμασμένων ἀγαθῶν τοῖς τὸν Κύριον ἀγαπῶσι καὶ τούτου τὰς ἐντολὰς ἀπατραύτους φυλάττουσι. Τούτων οὖν ἔνδον ταύτης φαιδρῶ πρόσωπῳ καὶ ἀγαλλομένῳ ποδὶ εἰσεληλυθόντων ἐπεκρότησαν πᾶσαι αἱ νοεραὶ δεῖλαι τάξεις τὸν αἰνετήριον ὕμνον τῷ μόνῳ Θεῷ καὶ βασιλεῖ τῶν αἰώνων.

Πρὸς τούτοις ἔτι ἐπένευσεν ὁ βασιλεὺς τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ, καὶ ἐξῆμ διαχωρισθεῖσα τοῦ κλήρου τῶν ἐκλεκτῶν ἑτέρα συναγωγή ἱκανή, νεφέλη φωτεινὴ κατακαλυπτομένη, καὶ κλοιοὶ χρύσει ἐπὶ τοῖς τραχήλοις αὐτῶν, τὰ δὲ γε πρόσωπα αὐτῶν λευκὰ ὡσεὶ χιών, καὶ οἱ χιτῶνες ἱερυθοφυεῖς ποικιλόχρωοι, ὠραίοι ποσὶ βα(φ. 233 γ.)δίξοντες ἐπὶ τοῦ αἰθέρος πρὸς τὸν δίκαιον κριτὴν παρεγένοντο· ἦν δὲ ἐν μέσῳ αὐτῶν ἁρμονὴ τις καὶ θεῖα ὄντως παράκλησις· καὶ πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ κατασπασάμενοι τοὺς ἀχράντους καὶ ὠραίους πόδας αὐτοῦ. Ὁ δὲ ὑπεδέξατο ἀσπασίως αὐτοὺς καὶ φησὶ πρὸς αὐτοὺς μειδιῶντι πρόσωπῳ καὶ ἰλαρῷ τῷ προσβλέμματι· Εἰσέλθετε, ἀγαπητοὶ μου ἀδελφοί, εἰσέλθετε μετὰ πάσης χαρᾶς καὶ θυμηδίας καὶ τέρψεως, εἰσέλθετε ἐν ἀγαλλίασει εὐφραϊνόμενοι εἰς τὴν χαρὰν τὴν ἡτοιμασμένην ὑμῖν, οἱ ἐν τῷ ματαίῳ ἐκείνῳ πολλὰ κλαύσαντες κόσμῳ καὶ πενθήσαντες δι' αὐτὴν· εἰσέλθετε ἐν χαρᾷ εἰς τὴν βασιλείαν μου οἱ πολλὰ θρηνήσαντες καὶ δακρύσαντες καὶ κωκυτοὺς πολλοὺς ἐπὶ τῆς γῆς σπείραντες διὰ τὰ αἰῶνια ταύτης ἀγαθᾶ· εἰσέλθετε γηθόμενοι καὶ εὐφραϊνόμενοι ἐπ' αὐτῇ, τρυγήσατε τοὺς καρποὺς τῶν πόνων ὑμῶν, οὐκ ἐκ καρδίας ἐν κατανύξει ψυχῆς ἐπὶ γῆς ἐσπείρατε νύκτωρ τε καὶ μεθήμεραν (φ. 233 ν.) ἐν σάκκῳ καὶ σπεδῷ, ἐν ἀγρυπνίαις καὶ χαμευνίαις καὶ ξηροκοιτίαις καὶ πείνῃ καὶ δίψῃ, ἐν πόνῳ καὶ κόπῳ πνευματικῷ, ἐν μόχθῳ διηνεκεὶ καὶ ταπεινότητι· καρδίας· εἰσέλθετε εἰς τὴν ἀνεκκλάητον ταύτην καὶ αἰώνιον ἀγαλλίασιν, εἰσέλθετε καὶ παρακλήθητε κερησθέντες ἐν αὐτῇ· Ταῦτα οὖν λέγοντος τοῦ Κυρίου πρὸς αὐτοὺς, εὐθὺς ἐπεκρότησαν αἱ δεῖλαι δυνάμεις ἐν τῇ εἰσοδῷ αὐτῶν ὕμνον λυγρὸν καὶ ἐξαισίον ἀνευφημοῦσαι τὸ κράτος αὐτοῦ.

Μετὰ δὲ τὴν τούτων εἰσέλευσιν ἐπένευσεν ὁ Κύριος καὶ Θεός, ὁ φοβερὸς καὶ αἰώνιος βασιλεὺς, ὁ δίκαιος καὶ ἀλάθητος κριτὴς τοῖς ἐξ δεξιῶν αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγή πάνυ σεμνῆς καὶ ἰλαρᾶς καταστάσεως, ὠραίοις ἤδεσι πλουσίως κεκοσμημένη, πραεῖς καὶ ἡσύχοι ποσὶν αἰ-

θεροποροῦσα πλησίον αὐτοῦ παρεγένετο ἐπὶ τῆς φρικωδεστάτης πύλης τῆς πόλεως ἐκείνης, πάνυ ἡμεροὶ καὶ εὐμενεὶς τοῖς προσώποις, οφτινες ἦσαν οἱ πραεῖς καὶ ταπεινοὶ τῇ καρδίᾳ· ὧν τὰ πρόσωπα θείαν ἀγαλλίασιν καὶ (f. 234 r.) ἀσύγκριτον ἀπηύγαζον, αἱ δὲ στολαὶ χιονοφεγγεῖς, πάντες ἱεροπρεπεῖς καὶ πάσης πνευματικῆς αἰδοῦς πεπληρωμένοι, γαληνοὶ τοῖς ἤθεσι, γαληνοὶ τοῖς τρόποις, γαληνοὶ καὶ πανήμεροὶ τοῖς ὄμμασι καὶ προσβλέμμασιν· ἐκ δὲ τῶν ποδῶν αὐτῶν ἐν τῷ βαδίζειν αὐτοὺς φῶς ἐξήρχετο ἄρρητον· οἱ καὶ πεσόντες προσεκύνησαν τῷ Κυρίῳ· ὅς καὶ τούτους ἠδέως καὶ ἐντίμως ἀποδεξάμενος προσέταξεν εὐθύς εἰσιέναι αὐτοὺς εἰς τὴν ἁγίαν πόλιν· καὶ τούτων εἰσελθόντων ἐν αὐτῇ ἡσύχῃ καὶ ἀγαλλομένῳ ποδὶ ἀγράφῳ τε καὶ αἴγλῃ περιαστραπτομένων καὶ κατατερπνομένων, ὑμνησαν αἱ θεαὶ οὐνάμεῖς σὺν πᾶσι τοῖς οὐσιν ἐκεῖσε ἁγίοις ἐπὶ τῇ εἰσόδῳ καὶ καταπαύσει αὐτῶν τὸν ἐπὶ πάντων Θεόν.

Ἐπι ἐπένευσεν ὁ βασιλεὺς τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἐτέρα συναγωγή λαοῦ πάνυ ὀλιγωστοῦ ἐκπασθεῖσα πρὸς τὴν ἐξαισίαν ἐκείνην καὶ θαυμαστήν πύλην τῆς πόλεως ἐκείνης πλησίον τοῦ βασιλέως παρεγένετο, ὥς περιεῖ(f. 234 v.)λημμένη τὰς πλευράς, καὶ ἀπὸ τοῦ στόματος αὐτῶν ἡ λαμπρότης τῆς δικαιοκρισίας Κυρίου ὡς ὀσμὴ μύρου θαψιλῶς ἐξεπορεύετο, τὰ δὲ πρόσωπα αὐτῶν οἰοῖται μέλι στάζοντα, αἱ δὲ χεῖρες αὐτῶν ἐξέπεμπον πῦρ ἐπ' ἀνδράκων· ἐνεδεδύντο δὲ γλαίνας φρικώδεις ὡς ἡ εὐχρῖα τοῦ τόξου καὶ ὡς ἀστραπὴ ἀκτινοβολοῦσας, καὶ τὰς κεφαλὰς ἐστεμμένους στεφάνους ἀχειροποιήτους διὰ λίθων λυχνιτῶν καὶ μαργάρων νοητῶς δεξιᾷ Κυρίου κατασκευασθέντες δίκην ἀστέρων μέγα καὶ φαινόν ὥς ἀπαστραπτόντων· κατέναντι δὲ τῶν καρδιῶν αὐτῶν λίθοι μέγιστοι παμφαεῖς καὶ διαυγεῖς σμάραγδοὶ ἐπεπήγησαν λάμποντες ὥσπερ ὁ ἑωσφόρος, καὶ οἱ πόδες αὐτῶν χρυσοφαεῖσι πεδῆλοις καὶ πολυθαυμάστοις περιελίσσοντο. Ὡς οὖν παρεγένοντο αἰθεροποροῦντες, προσεκύνησαν αὐτῷ καὶ κατησπάσαντο τοὺς ἀγρᾶντους αὐτοῦ πόδας· ὁ δὲ θεασάμενος τὴν ὠραιότητα αὐτῶν ἠγαλλιάσατο σφόδρα ἐπ' αὐτοὺς καὶ μετ' εὐμενεῖ(f. 235 r.)ας καὶ ἰλαρότητος προσεδέξατο αὐτοὺς ὑποδεικνύς αὐτοὺς τῇ δεξιᾷ αὐτοῦ χεὶρὶ εἰσιέναι εἰς τὴν ὠραίαν πύλην, ἣν οὐδεὶς τῶν προλαβόντων ἁγίων εἰσήει, καὶ καταπαῦσαι

αυτοὺς εἰς τὴν πεποθημένην καὶ μακαρίαν γῆν καὶ ἄληκτον εὐφροσύνην τῆς ἔξαισίας πόλεως ἐκείνης. Ἦσαν δὲ οὗτοι οἱ χρηματίσαντες κριταὶ ἐν τῷ ματαίῳ τούτῳ κόσμῳ, οἱ πεινῶντες καὶ διψῶντες τὴν δικαιοσύνην καὶ τὸν ἔλεον τῆς δικαιοκρισίας Κυρίου, οἱ μηδέποτε λαβόντες ἐν τῷ κρίνειν αὐτοὺς πρόσωπον δυνάστου, μήτε δώροισ τὴν καρδίαν ἀποτυφλωθέντες, μήτε πτωχὸν ἐν τῷ κρίνεσθαι αὐτὸν ἐλεήσαντες, ἀλλὰ τοῖς πᾶσιν ἐπίσης κατὰ τὸ δυνατόν τὸ δέον καὶ δίκαιον ἀπονειμάντες καὶ μηδένα ποτὲ προτιμησαὶ θελήσαντες ἕνεκεν τοῦ δικαίου. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ εἰσέναι αὐτοὺς ἔνδον ταύτης, αἱ θεαὶ τῶν ἀγγέλων τάξεις καὶ πᾶς ὁ ὄμιλος τῶν ἐκεῖσε ὄντων ἀγίων ὑπεδέξαντο αὐτοὺς ἐν ἀγαλλιάσει εὐφραινόμενοι ἐπὶ τῇ τούτων εἰσόδῳ καὶ ὑμνησαν ἀ(φ. 235 ν.)καταπαύστῳ φωνῇ τὸν μόνον δίκαιον καὶ ἀπαράλογιστον κριτὴν.

Εἶδ' οὕτως ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐν τοῖς δεξιοῖς αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγή λαοῦ μεγάλη σφόδρα ἐκχωρισθεῖσα ἕστη μετὰ παρρησίας φρικτῆς καὶ μεγάλης ἐπὶ τὴν θεῖαν ἐκείνην καὶ μεγαλόφωτον πόλιν πρὸς τῇ πύλῃ πλησίον τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου ἦσαν δὲ πάντες οἱ τῆς συναγωγῆς ἐκείνης ἐνδεδυμένοι στολάς βασιλικὰς ἐκ βύσσου καὶ πορφύρας κατασκευασθεῖσας καὶ τὰς ἑαυτῶν πλευράς ἠλειμμένοι λαμπρότητα χρυσοῦ καθαροῦ πεπυρακτωμένου καὶ ἀποστίλβοντος στεφάνοις μυριοβαφέσιν ἐκ χρυσοῦ καθαροῦ καὶ λίθων τιμίων καὶ μαργάρων πολυτελῶν ποικιλομόρφως τεχνουργισμένων, χειρὶ παντοκρατορικῆ ἑστεμμένοι τὰς κεφαλὰς καὶ κλάδους ἐλαίας ἐν ταῖς χερσὶ κατέχοντες· καὶ τὰ πρόσωπα λευκὰ ἐξαστράπτοντα ὡς τὸ φῶς, ἀφ' ὧν ἐξήρχετο δίκην ἰδρώτος ἔλαιον μύρου πνέον ὁσμὴν ἀσύγκρι(φ. 236 γ.)τον καὶ ἀνεκδίηγητον ἀθανασίας καὶ ζωῆς αἰωνίου· οἱ δὲ πόδες αὐτῶν ὑπῆρχον ὠρατοὶ χρυσοφαεῖς ἀστραπᾶς ἀστράπτοντες, ἐξ ὧν πυρρός φρικτός ἐξεπορεύετο ἐν τῷ βαδίζειν αὐτοὺς ὡς ἀστραπὴ ἀπαυγάζων· Οὗτοι δὲ ἦσαν οἱ ἐν τῷ ματαίῳ κόσμῳ τούτῳ ἐλεήμονες, οἱ χήρας καὶ ὀρφανοὺς διατρέψαντες καὶ γυμνοὺς ἐνδύσαντες καὶ ὑποδήσαντες, ξενοδίτας ἀστέγους ἔνδον τῆς οἰκίας εἰσαγαγόντες, οἱ χρεῖα πτωχῶν καὶ ἀπόρων ἐκ τῶν ἰδίων θησαυρῶν ἀποφλήσαντες καὶ ὑπὲρ τῶν ἀδικουμένων πενήτων καὶ καταδυναστευομένων τὰς ἰδίας ψυχὰς τεθειμένοι καὶ ἀεὶ ποτε τοὺς

παρερχομένους πρό τῶν πυλῶν αὐτῶν πένητας καί προσαιτοῦντας δι' ἐπίδοσεως τῶν ἀναγκαίων ἀποθεραπεύσαντες. Οὗτοι πάντες, ὡς εἰρηται, πλησίον τοῦ βασιλέως γενόμενοι, πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ· ὁ δὲ καί τούτους περιχαρῶς ὑποδεξάμενος καί κατασπασάμενος ἐν φιλήματι ἀγίῳ ἕνα ἕκαστον αὐτῶν, ἐπένευσεν εἰσιέναι αὐτοὺς εἰς τὴν περιδοξὸν καί περίφη(φ. 236 ν.)μον πόλιν ἐκείνην· καί τούτων εἰσελθόντων ἐνδον ταύτης δόξῃ ἀπίερω ἀγλαϊζόμενοι, συνήντησαν αὐτοῖς πᾶσαι αἱ τῶν ἀγγέλων δυνάμεις σὺν πᾶσι δικαίοις, αἰνοῦντες καί εὐλογοῦντες ἀκαταπαύστῃ φωνῇ τὸν αἰνετὸν μόνον Κύριον καί βασιλέα τῆς δόξης. Ἐώρων δὲ εἰσελθόντες δόξαν ἀνεκδιήγητον ἐν αὐτῇ καί σκηνάς αἰωνίους καί περικαλλῆ παλάτια ἀσύγκριτα καί ἀναριθμήτα, καί οὐκ ἦν αὐτοῖς κόρος ἀπὸ τῆς θέας καί καλλονῆς αὐτῶν· ἀ καί ἔτι ἐδέοντο τινῶν ἀγίων ὥστε κατασκηνῶσαι εἰς αὐτά, ἐπειδὴ τὰ πλείονα τούτων ἔτι κενὰ ἐτύγχανον· τοσοῦτων γάρ ἐν τῷ πλήθει ἀναριθμήτων ταγματῶν ἀγίων εἰσελθόντων ἐν αὐτῇ οὐδὲ τὸ τέταρτον μέρος αὐτῆς κατακρατῆσαι καί πληρῶσαι εἰς τέλος ἴσχυσαν.

Ἔτι τε καί ἔτι ἐπένευσεν ὁ βασιλεὺς τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ ἐπιλοίποις ἀγίοις ἤξειν πρὸς αὐτόν, καί ἰδοὺ ἐτέρα συναγωγὴ ἱκανὴ ἐκχωρισθεῖσα ἐν εὐθύτητι ποδῶν αὐτῆς αἰθεροποροῦσα παρεγένετο πρὸς αὐτόν· ἦν δὲ καθαρὸ(φ. 237 γ.)της ἐπ' αὐτῇ λαμπροτάτη σφόδρα καί αὔρα λευκὴ αἰγλήν γλυκασμοῦ σταλάζουσα ἀνεξιχνίαστον πρὸς τῶν ὀφθαλμῶν αὐτῶν· τὰ δὲ πρόσωπα αὐτῶν ἐξήπτοντο ὑπὲρ τὴν ἀστραπὴν μυριοπλασίως καί φῶς ἐξαίσιον καί φρικτὸν ἀπηύγαζον ἀπὸ τῶν καρδιῶν αὐτῶν, καί οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν πῦρ διειδὲς ἠφίων ἐν ταῖς συννεύσειν αὐτῶν καί δόξα Κυρίου ἦν ἐν τοῖς χεῖλεσιν αὐτῶν. Οὗτοι πάντες ἐν εὐφροσύνῃ καρδίας ἐπαγαλλόμενοι ἤγγισαν, ὡς προεῖρηται, μέχρι φρικτῆς καί ποικιλομόρφου πύλης τῆς πόλεως ἐκείνης πλησίον τοῦ αἰωνίου βασιλέως Ἰησοῦ Χριστοῦ, καί γόνυ κλίναντες μέχρις ἐδάφους τῆς γῆς, ἐνώπιον αὐτοῦ προσεκύνησαν αὐτῷ· οὐτινες ἦσαν οἱ ἐν τῷ ματαίῳ τούτῳ κόσμῳ ἀσπίλον σὺν τῇ ψυχῇ καί τὸ σῶμα φυλάξαντες καί μέχρι τέλους ζωῆς αὐτῶν ἐκτὸς παντὸς πάθους καί βυτίδων καί μολυσμάτων ἑαυτοὺς διατηρήσαντες, οἱ καθαροὶ δηλονότι τῇ καρδίᾳ, οἱ τὸ σῶμα καθαροὶ καί τῷ νοῒ, οἱ

καθαροὶ τὰς αἰσθήσεις, οἱ μηδέποτε σπύλον κακίας ἐν ἑαυτοῖς δεξάμενοι, (f. 237 v.) οἱ φθόνον καὶ μῖσος καὶ πᾶσαν ἔριν ψυχῶλεθρον ἀπ' αὐτῆς τῆς καρδίας μισήσαντες, οἱ ταύτην δι' εὐποίας πενήτων πλουτίσαντες καὶ δι' ἀγάπης τῆς πρὸς τὸν πέλας κοσμήσαντες, ἐν δάκρυσι πνευματικοῖς ταύτην ἀποκαθάραντες καὶ λευκάναντες ὑπὲρ χιόνα καὶ ἀξίαν ἀναδειξαντες αὐτοῖς τῆς καὶ αὐτοῖς ἀγγέλους ἀοράτου θεωρίας Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν, ὃς φησὶ μακάρισι οἱ καθαροὶ τῇ καρδίᾳ ὅτι αὐτοὶ τὸν Θεὸν ὄψονται. Τούτους τοίνυν ἰδὼν ὁ βασιλεὺς ἐν τῷ αὐτῆς δόξῃ καὶ λαμπρότητι διαλάμποντας, γνησίως ὑπεδέξατο καὶ ἀξίως ἐτίμησε καὶ φιλικῶς κατησπάσατο, λέγων πρὸς αὐτούς ἐν ἰλαρότητι καρδίας καὶ προσώπου καὶ εὐπραεῖα προσλαλιᾷ· Εἰσέλθετε, φίλοι μου, οἱ δι' ἐμὲ ἄσπυλον τηρήσαντες καὶ φυλάξαντες τὴν ψυχὴν καὶ τὸ σῶμα ὑμῶν παντός ἐκ ῥύπου καὶ μόλυσμῳ καὶ δοχεῖον καθαρὸν καὶ ταμεῖον ἄξιον τῆς ἐμῆς ἐνδομίας καὶ ὑποδοχῆς καὶ καταπαύσεως ἀναδειξαντες εἰς τὴν ἡτοιμασμένην ὑμῖν βασιλείαν· εἰσέλθετε, φίλοι μου, εἰς τὴν αἰώνιον ἀ(f. 238 r.)γαλλίασιν, εἰς τὴν ἀνεκλάλητον εὐφροσύνην, εἰς τὴν αἰδίον καὶ ἀδιάδοχον ζωὴν καὶ μακαριότητα· εἰσέλθετε τοιγαροῦν, ἀγαπητοί μου ἀδελφοί, εἰς τὰς αἰωνίους μονὰς σὺν ἐμοὶ καὶ καταπαύσεις τῆς ἐμῆς βασιλείας, ἵνα ὅπου εἰμι ἐγώ, καὶ ἡμεῖς ᾗτε, ἵνα θεωρῆτε τὴν δόξαν μου. Δεῦτε καὶ εἰσέλθετε σὺν ἐμοὶ εἰς τὴν κατ' ἄπυσίν μου, καὶ γὰρ ἀναπαύσω ὑμᾶς, καθὼς ὑμεῖς ἐμὲ ἀνεπαύσατε ἐν τῷ ἀμέμπτους καὶ καθαρῶς καὶ ἄσπιλους ἑαυτοῦς παντός ἐκ ῥύπου διατηρῆσαι· Ταῦτα τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου πρὸς αὐτούς εἰρηκότος, εὐθέως κατένευσεν ἀναπετασθῆναι αὐτοῖς τὰς ποικιλομόρφους ἐκείνας καὶ παμφραεῖς πύλας τῆς πόλεως· εἰσερχομένων σὺν αὐτῶν ἐνδοῦν ταύτης ἐν ἀγαλλιάσει ψυχῆς ἐπευφραίνόμενοι, αἶνος θαυμαστός ἐξηκούετο κατὰ τὸ σῆμα ὑπὸ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτοῦς θείων δυνάμεων ἐπὶ τῇ τούτων εἰσελεύσει καὶ καταπαύσει, νοῦν ἐξιστῶν καὶ πᾶσαν διάνοιαν· οὐ τὸ μέλος καὶ ἡ ἡδυτάτη φθογγή καὶ αὐτῶν ἤψα(f. 238 v.) το τῶν οὐρανίων ἀψίδων. Ταῦτα δὲ πάντα ἐπὶ τοῦ φρικωδέστατου σκοποῦ ἐκείνου ἰστάμενοι, τοῦ πλήρους ὄντος ἐκπλήξεως ἐπάνω τοῦ στερεώματος, ἐβλέπομεν καθαρῶς ὡς δι' ὀπῆς τινὸς ἀνεωγμένης ἡμῖν, ἢ, ὡς εἶπε, τὰ καὶ αὐτοῖς ἀγγέλοις ἄγνωστά τε καὶ ἀκατάληπτα ἢ, μᾶλλον εἰπεῖν ἀθεώ-

ρητα εὐδοκία Θεοῦ δι' ἐμοῦ τοῦ ταπεινοῦ δῆλα τοῖς ἀνθρώποις γενήσονται.

Τούτων οὕτως ἐχόντων ἐτι ἐπένευσεν ὁ Κύριος ἐπὶ τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ παρεστῶσι, καὶ ἰδοὺ ἐτέρα παρεμβολὴ λαοῦ ἰκανή, γλυκεῖα τῇ ὀράσει καὶ σεμνῇ τοῖς ἤθεσιν, νεφέλη φωτεινῇ περιουγαζομένη καὶ ἀστραπῇ περιεζωσμένη τὰς ὀσφύας, καὶ φέγγος καθαρὸν πρὸ προσώπου αὐτῶν, αἱ χεῖρες αὐτῶν λευκαὶ ὡσεὶ χιῶν, καὶ οἱ πόδες αὐτῶν πυρσοφαεῖς σπινθηροβολοῦντες, αἱ δὲ στολαὶ αὐτῶν, ὡς εἶδος κρυστάλλου, παραγεγόνασι· καὶ πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ. Ὅς καὶ τούτους ἰλαρῶς ὑποδεξάμενος κατένευσεν ἀνιγῆναι καὶ τούτοις τὰς πύλας τῆς πόλεως· καὶ τούτων ἔνδον ταύτης εἰσεληλυθόντων ἐν χαρᾷ καὶ ἀγαλλιάσει εὐφραينو(φ. 239 γ.)μένους, ὑμνησαν πᾶσαι αἱ θεῖαι δυνάμεις τὸν ἐπὶ πάντων Θεόν. Οἰκτινες ἦσαν οἱ εἰρηνοποιοί, οἱ μηδέποτε τάραχον ἢ θλίβην εἰανδήτινα ἐν αὐτοῖς ὑπὸ τινος γεγονυῖαν μίσους καὶ κακίας οὐσαν ἀξίαν ὀλως παραδεξάμενοι, ἀλλὰ καὶ πολλοὺς πολλὰκις ὀχλοθορυβουμένους πραεῖς ἤθεσι καὶ λόγοις παραινετικαῖς οὐκ εἴασαν θορυβεῖσθαι εἰσέτι, ἀλλ' εἰρηνικούς καὶ πραεῖς καὶ λίαν εὐσυμπαθέτους τε καὶ εὐκατανύκτους τούτους τῷ Κυρίῳ ἀποκατέστησαν καὶ προσήγαγον σεσωσμένους δι' ἐναρέτων καὶ θείων πράξεων τῇ ἑαυτῶν ἐκμιμήσει.

Μετὰ δὲ ταῦτα προσθεῖς ἐπένευσεν ἐτι ὁ Κύριος ἐν τοῖς δεξιῶσι αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἐτέρα συναγωγὴ λαοῦ μεγάλη σφόδρα, ἣτις αἰθεροποροῦσα ἐν ὁρῇ καὶ τιμῇ ἀνεκλαλήτῳ ἐπὶ τὴν περιώνυμον καὶ πολυθαύμαστον καὶ πολυέραστον καὶ μυριώνυμον πόλιν τοῦ Θεοῦ παρεγένετο· ἣτις ὑπῆρχε κεχαριτωμένη τὸ πρόσωπον σφόδρα, καὶ φέγγος ἐκ τῆς ὄψεως αὐτῆς ἐξεπορεύετο ἀκτινοβολοῦν καὶ φωτοβολοῦν ἐν τῷ περιστρέφεσθαι αὐτοῦς, (φ. 239 ν.) καὶ πάντες νεφέλην θεοπύρσευτον περιεδέδυντο ἀμπεγόμενοι ταύτην οἶκην ἀμφίων, καὶ αὐραν πορφυράν ἠλειμμένοι τὰς πλευράς, καὶ ὄξα Κυρίου περικύκλω αὐτῶν, περιεζωσμένοι τὰς ὀσφύας διάχρυσον κόσμον, οἱ πόδες αὐτῶν ἀντὶ πεδῶλων ὑποδεδυμένοι εὐπρέπειαν πνευματικὴν, ἣτις ὡς πῦρ ἐξῆπτε χρυσοβολοῦν ἐν τῷ βαδίζειν αὐτοῦς, αἱ δὲ χεῖρες αὐτῶν ὡς ὄρασις ἠλέκτρου ἀκτινοβολοῦσαι. Καὶ οὗτοι πάντες εὐφραίνόμενοι καὶ ἐν τριακτῇ ὁρῇ ἀγαλλιώμενοι ἤγγισαν εἰς τὴν

φρικτήν ἐκείνην καὶ ἀξιάγαστον πόλιν ἐπὶ τῇ πύλῃ τῆς ἀκατανοήτου καὶ ἀκαταλήπτου πόλεως πλησίον τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου, καὶ πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ μέχρι τοῦ ἰδάφους τῆς γῆς· ὁ δὲ βασιλεὺς ἠδέως καὶ εὐμενῶς μετὰ πάσης πραότητος καὶ ἰλαρότητος τούτους ὑποδεξάμενος ἐπένευσεν ἀνοιγῆναι αὐτοῖς τὰς πύλας τῆς πόλεως καὶ ἔνδον ταύτης ἐκείνους παραγενέσθαι· καὶ ἐγένετο ἐν τῷ εἰσεληλυθέναι αὐτοὺς ἐν μεγίστῃ χαρᾷ καὶ εὐφροσύνῃ ἔνδον ταύτης, καὶ (f. 240 γ.) ὁ κατὰ σύνηδες αἶνος ὑπὸ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτοὺς ἐν τῇ ἀγήρῳ μακαριότητι καὶ ἀλήκτῳ χαρᾷ καὶ τρυφῇ ἐκείνη ἀνεπέμφθη Θεῷ. Οὗτοι δὲ ἦσαν, ὡς ὁ ὁδηγῶν με διεσάφησε θεῖος ἄγγελος, οἱ διωχθέντες καὶ ὀνειδισθέντες καὶ μισηθέντες παρὰ παντός ἀσεβοῦς ἀνθρώπου καὶ χαιρεκάκου ἐν τῷ ματαίῳ καὶ προσκαίρῳ κόσμῳ τούτῳ ἕνεκα τοῦ λόγου τῆς ἀληθείας καὶ τῆς μακαρίας δικαιοσύνης, ἣν ἐν πάσῃ τῇ οἰκουμένη κατεφύτευσεν ὁ μονογενὴς Υἱὸς τοῦ Θεοῦ καὶ Θεὸς διὰ τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν, οἱ ἐμπαυχθέντες καὶ ῥαπισθέντες ἕνεκα τοῦ Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ, οἱ λογισθέντες βδέλυγμα παρὰ τῶν ἀνθρώπων διὰ τὸ ἅγιον αὐτοῦ ὄνομα καὶ ἀποσυνάγωγοι γεγονότες παρ' αὐτῶν καὶ κακοὶ καὶ πλάνοι ὀνομασθέντες διὰ Χριστόν, μὴ ὄντες κακοὶ, ἀλλ' ἐν Χριστῷ ὀφθέντες καλοὶ, ταῦτα δὲ πάντα καταδεξάμενοι καὶ βαστάσαντες διὰ τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν δι' αὐτὴν καὶ ταύτης ἠξιώθησαν κληρονόμοι γενέσθαι.

Ἐπι προσέδετο ὁ (f. 240 ν.) Κύριος προσκαλέσασθαι πρὸς ἑαυτὸν ἀπὸ τῶν ὑπολοίπων τῆς δεξιᾶς μερίδος τινὰς, καὶ ἰδοὺ ἕτερα παρεμβολὴ λαοῦ βιανὴ ἀποσπασθεῖσα πρὸς αὐτὸν παρεγένετο πρὸς τῇ πύλῃ προσταγείσα ἔλθειν τῆς ἐξαισίας ἐκείνης πόλεως, αἰθεροποροῦσα, δόξη πολλῇ κατηγλαισμένη· οἱ δὲ ἐν αὐτῇ πάντες ὡς ἄγγελοι Θεοῦ ἔπορεύοντο καὶ ὡς φυτὰ περικαλλῆ ἄνθεισι τερπνοῖς περιηνδισμένα, ῥόδοις καὶ κρίνοις ἠδυπνόοις ὠραίσμένα· τὰ δὲ πρόσωπα αὐτῶν ὑπὲρ χιόνα κεκαθαρμένα καὶ ἐπταπλασίως ὑπάρχοντα φωτεινὰ τῇ λευκότητι καὶ ὡς ὁ ἥλιος διαλάμποντα, λευκῇ ἀστραπῇ περιαιυαζόμενα, χλαῖναν φωτὸς ἐνδεδυμένοι καὶ φλόγα πυρός πυρσοβολοῦσαν περιεζωσμένοι τὰς ὀσφύας· αἱ χεῖρες αὐτῶν καὶ οἱ πόδες ἀγλῆν πυρός γαληνομόρφου ἀνέπεμπον, καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν ὡς ἀγίασμα Θεοῦ ἀστέρων δίκην ἐξαστράπτοντες· καὶ λαμ-

πάδες χρυσαυγίζουσαι ἐπὶ τῶν χειρῶν αὐτῶν, καὶ ἐν αὐταῖς φῶς ἐξήστραπτε νοερόν, ὡς ἀνθρώπινος νοῦς (f. 241 r.) ἢ γλῶσσα διηγήσασθαι οὐ δύναται, ἀστραπὰς ἀστραπτούσας ἐπαφίῦσαι ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τοῦ φρικωδεστάτου αἰθέρος ἐκείνου. Καὶ οὗτοι πάντες μετὰ δοξῆς τε καὶ λαμπρότητος καὶ δορυφαρίας μεγίστης ἔνδον τῆς ἐξαισίας ἐκείνης καὶ πανευφήμου ἐχώρησαν πόλεως τῇ τοῦ μεγάλου βασιλέως κελεύσει· οἵτινες ἦσαν οἱ τὴν ἀμώμητον καὶ ἀκηλιδώτον καὶ αὐτοῖς ἀγγέλοις ὁμοδίαιτον καὶ Θεῷ ἡγαπημένην παρθενίαν καὶ ἀγνείαν ἐν ἀφθορίᾳ σώματος μέχρι τέλους ζωῆς αὐτῶν ἀμέμπτως φυλάξαντες, οἱ ἐλεημοσύνην μετὰ πίστεως καὶ ταπεινώσεως καὶ συντριβῆς καρδίας ἀμετρωρίστως σύντροφον καὶ ὁδοιπόρον τῆς οὐρανῶν βασιλείας ἀπαγούσης ὁδοῦ κτησάμενοι, οἱ τὴν ἰδίαν κοίτην ἀμείωτον ἑαυτοῖς καὶ Θεῷ φυλάξαντες καὶ παντὸς εἶδους βλαβεροῦ καὶ παθῶν ψυχοφθόρων ἀμέτοχοι γεγονότες. Τούτων οὖν εἰσεληλυθότων ἔνδον τῆς πολυεράστου καὶ μακαρίας πόλεως ἐκείνης, καὶ ὁ ἐπὶ τῇ τούτων εἰσὶ (f. 241 v.) ὄψιν καὶ καταπαύσει αἶνος ὑπὸ τῶν θεοειδῶν ἀγγέλων καὶ πάντων τῶν ἐκεῖσε ὄντων ἀγίων τῶν προαιωνίων Λόγῳ καὶ ποιητῇ τῶν αἰώνων θαυμαστῶς ἀνεπέμπετο.

Ἐπὶ τούτων οὕτως ἐχόντων, ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ πᾶν ὀλιγωστή, τῇ τοῦ φοβεροῦ ἐκείνου καὶ μεγάλου κριτοῦ κελεύσει πλησίον αὐτοῦ ἐπὶ τὴν φρικωδεστάτην πύλην τῆς πόλεως ἐκείνης αἰθεροποροῦσα παρεγένετο· καὶ οἱ ἐν ταύτῃ πάντες ἀνθρωποὶ ἐντιμοὶ καὶ ὠραῖοι σφόδρα ἐτύγχανον, ὠραϊζόμενοι καὶ ὡς ἀλλήλοις προσμειδιῶντες καὶ ἐπατερπόμενοι ἐπὶ τῇ οὐκείᾳ αὐτῶν ὠραιότητι· ὡς τὰ πρόσωπα αἰγλήν ἀστραπῆς περιήγαζον ῥόδων ἐρυθρότητι καὶ λευκότητι ἐρυθραίνόμενά τε ὁμοῦ καὶ λευκαίνόμενα· οἱ δὲ χιτῶνες λευκοὶ ὡσεὶ χιών, αἰγλήν θαυμασίαν φωτόμορφον ἀναπέμποντες, ἡλειμμένοι τὰς πλευράς ὡσεὶ κρίνου ἡδυπνοῦ εὐχροίαν· ἐν δὲ ταῖς κορυφαῖς αὐτῶν στέφανοι ἀμαράντινοι ἐκ μυριπνῶν ἀνθέων ἀλλὰ καὶ κρίνων (f. 242 r.) συντεθειμένοι ἐπέκειντο· καὶ θαυμαστή τις ἦν συμφορὰ ἐν μέσῳ αὐτῶν. Καὶ οὗτοι ὡς ἀγγελοὶ Θεοῦ ὑπῆρχον περιζωσμένοι τὰς ὀσφίας ἀστραπὴν καὶ ἐν τοῖς αὐτῶν ποσὶν ὑποδεδυμένοι κοκκινοβαφῇ ὠραιότητα, ἐν δὲ ταῖς χερσὶν αὐτῶν ἦν ἐξαισίον φῶς ἡλίου δίκην ἀπαυγάζον. Οἵτινες, ὡς ἔφην, εἰς τὴν ἀξιάγαστον καὶ ἀξιάκουστον πόλιν

ἐκείνην ἐν δόξῃ μεγίστῃ ὠραιζόμενοι πλησιάσαντες, προσεκύνησαν τῷ αἰωνίῳ καὶ ἀθανάτῳ κριτῇ· ὁ δὲ ἐντίμως καὶ προσηνῶς τούτους ὑποδεξάμενος, εὐθέως κατένευσεν εἰσελθεῖν αὐτοὺς ἔνδον τῆς περιφανεσοτάτης ἐκείνης πόλεως. Οἵτινες ἦσαν οἱ ἐν συζυγίαις καθαραῖς ἀμιάντους μέχρι τέλους ζωῆς αὐτῶν τὰς ἑαυτῶν κοίτας διατηρήσαντες, οἱ τὸ ἀγαθὸν καὶ εὐδὺ ἐνώπιον Κυρίου ἐργασάμενοι, οἱ ἐλεημοσύνας εἰς τοὺς ἐνδοεῖς καὶ πένητας καὶ εὐποίας προθύμως καὶ ἀνευδότης κατεργασμένοι, οἱ ἐν ταῖς ἐκκλησίαις σχολάζοντες καὶ τῷ ἐν Τριάδι (f. 242 v.) Θεῷ εὐσεβῶς καὶ ὀρθοδόξως λατρεύσαντες, ὅς αὐτοῖς δέδωκε κατὰ τὴν καρδίαν καὶ κατὰ τὰ ἔργα αὐτῶν κληρονόμους γενέσθαι τῆς αἰωνίου ζωῆς. Ἐγὼ δὲ ἔφην πρὸς τὸν ὀδηγοῦντά με δεῖον ἐκείνον καὶ ὠραιόμορφον νεανίαν, λέγων· Κύριέ μου, τολμηρῶς ἐρωτῶ σε, σὺ δέ μοι ἀποκρίθητι καὶ τὰ ἀληθῆ μοι σαφήνισον. Ὁ δὲ ἔφη πρὸς με· Λέγε, ὡς θέλεις, κἀγὼ σοι ἀποκρινοῦμαι. Καὶ λέγω πρὸς αὐτὸν μετὰ πολλοῦ δέους· Ἄρα καὶ ἐν ταύτῃ τῇ μακαριωτάτῃ ζωῇ καὶ ἐν τῷ ἀπεράντῳ τούτῳ αἰῶνι ἡ γυνὴ τὸν ἴδιον ἄνδρα κέκτηται καὶ ὁ ἀνὴρ τὴν ἰδίαν γυναῖκα ἔξει ὥσπερ ἐν τῷ κόσμῳ οἱ καθαρῶς καὶ ἀρρυπάρως ἐν φόβῳ Θεοῦ διαζήσαντες καὶ τὰς ἐντολάς Κυρίου ἀπαρাত্রώτους φυλάξαντες, ἡ οὐ; Ὁ δὲ φησὶ πρὸς με· Οὐκ ἔστιν ἐνταῦθα, ἀδελφέ, ἐπιθυμία καὶ ἡδονὴ τοῦ ματαίου κόσμου ἐκείνου, οὐκ ἔστιν οὐδαμῶς, πρὸς γὰρ ἀφθαρσίαν τῆς κτίσεως ὑπὸ Θεοῦ μεταχωρησάσης οὐκέτι τοιοῦτόν τι βιωτικόν οἱ ἀφθαρτισθέντες ἀνθρωποι μετέρχονται, ἢ ὅλως σαρκικοῦ τινὸς ἐπιδέονται ἢ μέχρις ἐνδυμήσεως (f. 243 r.) οἰασθήτινος τοῦ κόσμου ἐκείνου ἡδονῆς ὑπεισέρχονται, ἀλλὰ πάντες κατὰ τὸν τοῦ Κυρίου λόγον ὡς ἄγγελοι Θεοῦ εἰσὶ καὶ βίον ζῶσιν ἀγγελικόν, αἰνοῦντες καὶ ὑμνοῦντες σὺν ἡμῖν τὸν ἐν Τριάδι Θεόν. Τούτων οὖν οὕτως εἰρημένων παρὰ τοῦ θείου ἐκείνου νεανίσκου πρὸς με κάκεινων τε εἰσεληλυθόντων εἰς τὴν ἁγίαν πόλιν ἐν μεγίστῃ χαρᾷ καὶ ἀγαλλιάσει καὶ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτοὺς ἔνδον ταύτης ἐξαισιῶν ταγμάτων αἰνούντων τὸν Κύριον ἀκαταπαύστῳ φωνῇ, ἰδοὺ ὁ τίμιος τοῦ Κυρίου σταυρὸς ἤρθη ἀπὸ τοῦ τόπου οὐ ἴστατο τῆς ἐτοιμασίας διὰ νεφέλης θείας ἐπὶ τοῦ αἰθέρος φερόμενος, ἀστραπᾶς ἐκπέμπων καὶ μαρμαρυγᾶς ἀκτίνων πυρσοφαῶν καὶ ἐλθῶν ἔσθη ἐπάνω τῆς θαυμαστῆς ἐκείνης καὶ σεβασμίας πόλεως ὅλος

ώραισμένος και δεδοξασμένος κατέναντι τῆς φρικωδεστάτης πύλης ἐν ἧ ὁ Κύριος Ἰστατο, καλῶν κατ' ὄνομα τοὺς ἁγίους αὐτοῦ θεράποντας, οἱα ποιμὴν τὰ ἴδια πρόβατα, και εἰσάγων αὐτοὺς εἰς τὴν αὐλήν τῆς αἰωνίου αὐτοῦ ζωῆς· ὅπου γὰρ τὰ πρόβατα, φησὶν ἡ θεία γραφή, ἐκεῖ (f. 243 v.)σται και ὁ ποιμὴν.

Ἦδη γὰρ ἐκλελοίπασι πάντες οἱ ἐκ δεξιῶν τοῦ Κυρίου Ἰστάμενοι καταπαύσαντες ἕκαστος εἰς τὰς ἐτοιμασθείσας αὐτοῖς θείας μονὰς παρὰ τοῦ δικαίου κριτοῦ, και ἰδοὺ κατελείφθη τὸ πλῆθος που ἁμαρτωλῶν τὸ ἐξ εὐωνύμων ἰστάμενον κατέναντι τοῦ προσώπων αὐτοῦ. Τοιοῦτον δὲ ὑπῆρχε τὸ πλῆθος αὐτῶν, ὡς τὰ ἄστρα τοῦ οὐρανοῦ και ὡς ἡ ἄμμος ἢ παρὰ τὸ χεῖλος τῆς θαλάσσης και ὡς αὐτὸς ὁ χοῦς τῆς γῆς· οἵτινες ἦσαν οἱ ἀπὸ Ἀδάμ τοῦ πρωτοπλάστου μέχρι τῆς δευτέρας ἐνδοξου παρουσίας τοῦ Κυρίου και Θεοῦ και Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐκ πασῶν τῶν ἐθνῶν και φυλῶν και γλωσσῶν και λαῶν γεγεννημένοι, οἱ πρὸ τοῦ νόμου, φημί, και μετὰ τὸν νόμον και οἱ μετὰ τὴν χάριν ἦτοι τὴν καινὴν διαθήκην, και ἀπαξιαπλῶς οἱ ἐκ πάσης θρησκείας και αἵρέσεως ἁμαρτήσαντες και μὴ μετανοήσαντες, και τῶν πονηρῶν και βεβήλων ἔργων και πράξεων (και) μὴ μεταστάντες και διὰ μετανοίας και ἐξομολογήσεως και εὐποιίας πενήτων τὸν Θεὸν μὴ ἐξιλέωσαντες, ἀλλ' ἐν αἷς κατείχοντο (f. 244 r.)καστος ἁμαρτίαις και ἔργοις θεομισήτοις και βεβήλοις αἵρέσεσι και λατρείαις ὑπεξῆλθον τὸν βίον· οὗτοι πάντες ὑπεύθυνοι ἐν τῇ εὐωνύμῳ μερίδι και παραστάσει εἰστήκεισαν γυμνοὶ και κατὰκριτοι, και μάλιστα οἱ μετὰ τὴν χάριν μὴ δεξάμενοι ταύτην και προσδραμεῖν ἐθελήσαντες τῷ φωτὶ ταύτης και διὰ τῆς τοῦ θείου βαπτίσματος ἐλλάμψεως τὰς ψυχὰς τε και σώματα καταγαυσθῆναι ἀποστάντες τῆς προτέρας αὐτῶν θρησκείας τε και αἵρέσεως και λατρείας και πάσης ἀκαθάρτου πράξεως. Πρὸς τούτοις και πάντες οἱ ἐν τῷ θείῳ βαπτίσματι μὲν προσελθόντες και χριστιανοὶ ὄνομασθέντες, τὰς δὲ θείας τοῦ Χριστοῦ και σωτηριώδεις ἐντολάς παρυσάμενοι και πᾶσαν παρανομίαν και ἀκαθαρσίαν και αἰσχιστον και θεοσυγῆ ἔργασίαν ποθήσαντες και δι' αὐτῶν τὸν Θεὸν παροργίσαντες και τὸν Σατᾶν ἀποθεραπεύσαντες και τούτῳ προσκοληθέντες, και μηδὲ κἂν ἐν τῷ τέλει τῆς ζωῆς αὐτῶν μηδὲ ἐν

τῇ ἐσχάτῃ αὐτῶν ἀναπνοῇ τούτων τῶν βεβήλων καὶ θεοσυγῶν (f. 244 v.) πράξεων ἀποστάντες, οἷον τί λέγω; φόνου, πορνείας, μοιχείας, αἰμομιξίας, ἀρσενικοιτίας, φθόνου, μίσους. Καὶ ἕνα μὴ τὸ καθ' ἐν ἀκαθάρτον φθοροποιὸν πάθος κατ' ὄνομα λέγω καὶ τὸν λογὸν μηκύνω καὶ αὐτὸν τὸν ἀέρα μολύνω τοῖς λόγοις, εὐθύ τι καὶ σύντομον ἐρῶ· πάσης ἀθέσμου καὶ παρανόμου ἐργασίας. Οὗτοι πάντες παρειστήκεισαν κριθησόμενοι, οἱ μὲν, ὡς ὁ ὁδηγῶν με εἰς πᾶσαν τούτων θεωρίαν θεοειδῆς ἐκεῖνος νεανίας ἀρδιηλοτατα διεσάφησεν, ὅτι οὐκ ἔγνωσαν τὸν τούτους ποιήσαντα, ἀλλ' ἐν ἀψύχῳ στοιχείῳ καὶ ἀκαθάρτοις ἐρπετοῖς καὶ κνωδαλοῖς καὶ λίδοις τὴν τῆς σωτηρίας αὐτῶν ἐλπίδα ἀνέθεντο, οἱ δὲ ὡς τῶν προφητῶν μὴ θελήσαντες ἐπακοῦσαι διαρρήδη κηρυττόντων τὴν ἐνδοξὸν κατὰ σάρκα πρώτην παρουσίαν τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, τοῦ ἐπιστρέψαι καὶ πιστεῦσαι εἰς αὐτὸν καὶ τούτων τοῖς ἔχνεσι καὶ διδάγμασιν ἐπακολουθῆσαι καὶ τῷ θεογράφῳ νόμῳ προσκολληθῆναι (f. 245 r.), ἀλλ' εἰδώλοισι καὶ δαίμοσι λατρεύσαντες καὶ τούτοις προσκολληθέντες· οἱ δὲ, ὅτι καὶ μετὰ τὴν ἐνσαρκὸν παρουσίαν καὶ θεοφάνειαν αὐτοῦ τούτου οὐκ ἐπίστευσαν, οὐδὲ ἐδέξαντο αὐτὸν, ἀλλὰ καὶ τέλειον μῖσος ἐμίσησαν αὐτὸν, οἱ καὶ ἰσταύρωσαν αὐτὸν ἀδίκῳ θανάτῳ παραδόντες αὐτὸν, καὶ μέχρι τῆς σήμερον μῶμοις καὶ ὕβρεισι καὶ χλευασμοῖς βάλλοντες αὐτὸν οὐ διέλιπον· οἱ δὲ γε πρὸς τούτοις ὅτι καὶ τούτον δεξάμενοι καὶ τῷ ἁγίῳ αὐτοῦ βαπτισματι τελειωθέντες καὶ τὴν χάριν τοῦ ἁγίου Πνεύματος λαβόντες καὶ χριστιανοὶ κληθέντες καὶ ὀνομασθέντες καὶ τὰς τούτου θείας, ὡς εἴρηται, καὶ σωτηριώδεις ἐντολάς βδελυξάμενοι καὶ τελείως μισήσαντες καὶ ταῖς τούτων ἐπιθυμίαις καὶ ἡδοναῖς ματαίοις καὶ ἔργοις θεομισήτοις καὶ παρανόμοις πράξεσι προθύμως καὶ σπουδαίως ἕως τέλους ζωῆς αὐτῶν δουλεύσαντες, καὶ μελλούσης κρίσεως καὶ κολάσεως καὶ ἀνταποδόσεως ἀξίας τῶν βεβιωμένων καὶ βασιλείας (f. 245 v.) οὐρανῶν μὴ μνησθέντες πώποτε καὶ ἐπιστρέψαντες διὰ μετανοίας καὶ ἐξομολογήσεως τὸν κριτὴν ἐξιλείωσαντες, ἀλλὰ μᾶλλον καὶ ὅπερ ἐνεδύθησαν ὑπὸ τοῦ θείου βαπτίσματος φωτεινὸς καὶ ὡς ἀληθῶς σωτήριον ἱμάτιον, ἔργοις ἀκαθάρτοις μολύναντες καὶ ρυκώσαντες, λέγοντες ἐν ἑαυτοῖς. σήμερον τοῖς θελήμασιν ἡμῶν ἐπακολουθήσομεν, καὶ αὔριον τῷ Θεῷ

δουλεύσομεν. ἐπ' ἀδόλοισ δὲ φενακισθέντες καὶ καταγηράσαντες ἐν ταῖς ἀμαρτίαις καὶ ἡδοναῖς αὐτῶν καὶ ἐξαίφνης ἀρπαγέντες ὑπὸ τοῦ θανάτου καὶ πρὸς ἄδου πέταυρον ἀμετανοήτως καταχθέντες. οὗτοι πάντες καὶ πᾶσαι παρεστήκεισαν κριθησόμενοι ἀνέτοιμοι καὶ κατησχυμμένοι, ῥυπαροί, αἰδεῖς, δυσειδεῖς, σκοτεινοί, δυσώδεις, βεβορβορωμένοι, ἐλεεινοὶ παντελῶς καὶ ἀναπολόγητοι, προσδοκῶντες ἕκαστος ἐλεγχόμενος ὑπὸ τῆς ἰδίας συνειδήσεως ἀπελεύσεσθαι εἰς τὴν ἀπέναντι τῶν ὀφθαλμῶν αὐτῶν κυμαινομένην ἐκείνην θάλασσαν τοῦ πυ(φ 246 γ.)ρός.

Τούτων οὕτως ἐχόντων καὶ τοῦ θαυμαστοῦ ἐκείνου καὶ ὠραίου νεανίσκου πρὸς με διαλεγομένου καὶ σαφηνίζοντός μοι ταῦτα, ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ τὰ εὐώνυμα αὐτοῦ καὶ ἐπὶ τοὺς ἐκείσε παρεστῶτας πάντας ἀμαρτωλοὺς τῆς γῆς, οἵτινες ὑπῆρχον, ὡς ἔφημεν, ὑπὲρ τὸν χοῦν τῆς γῆς καὶ τὴν ψάμμον τῆς θαλάσσης, καὶ ἰδοὺ τὸ πανάχραντον καὶ ἅγιον αὐτοῦ Πνεῦμα παροξυσμῶ καὶ ὀργῇ δικαία ὀργίσθη καὶ ἐδυμώθη ἐπ' αὐτοὺς τοὺς καὶ ἀπηλλοτριωμένους ἐκ μήτρας, καὶ ὄρων κατὰ πρόσωπον τὰς αὐτῶν ἀμαρτίας ἔτι πλέον ἐδυμοῦτο καὶ παρωξύνετο σφοδρᾶ· πᾶσα γὰρ ἀνομία καὶ ἀκαθαρσία, ἣν εἰργάσατο ἕκαστος ἐν τῷ ματαίῳ κόσμῳ τούτῳ, ἣν γεγραμμένη πρό προσώπου αὐτῶν καὶ αἰδεῖς αὐτοὺς καὶ ἠσβολομένους ἐδείκνυεν. Αἰφνης οὖν ὠράθη ἐν τῇ δεξιᾷ Κυρίου ῥάβδος πύρινος, ἣν ὠθήσας ἔρριψεν αὐτὸν πάντων κατὰ πρόσωπον τῶν υἱῶν τῆς ἀνομίας καὶ ἀπολείας ἐν μέσῳ· καὶ γέγονε χωρισ(φ. 246 ν.)μός καὶ ἀφορισμός ἀναμέσον τούτων, καὶ ἔστησαν ἐν μέρει καὶ μέρει πᾶσα συναγωγή καὶ φυλὴ καὶ γλῶσσα καὶ λαὸς αὐτῶν, καὶ πᾶσα πίστις καὶ δοξα καὶ αἵρεσις καὶ λατρεία τε καὶ θρησκεία κατὰ μέρος καὶ μέρος. Καὶ ἰδοὺ ἔστησαν μέρος οἱ ἀπὸ Ἀδάμ μέχρι τοῦ κατακλισμοῦ πάντες ἀμαρτωλοὶ, καὶ μέρος οἱ ἀπὸ τοῦ Νῶε μέχρι Μωϋσέως, καὶ μέρος ἀπὸ Μωϋσέως μέχρι τῆς ἐνσάρκου ἐπιφανείας καὶ παρουσίας τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, καὶ μέρος οἱ ἀπὸ τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ κατὰ σάρκα γεννήσεως καὶ παρουσίας μέχρι τῆς συντελείας τοῦ αἰῶνος· Καὶ ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐν ὀργῇ αὐτοῦ πρὸς αὐτοὺς, καὶ εὐθέως παρεγένετο ὡσεὶ τάχος ἀστραπῆς νεφέλη, ἐν ἣ ἦσαν οἱ ἄγγελοι τοῦ πυρός, καὶ ἤρπασαν πάντες τοὺς ἀπὸ Ἀδάμ

και μέχρι τῆς παραδόσεως τοῦ νόμου Μωϋσέως ἀσιβεις και ἁμαρτωλοὺς και ἠχόντισαν αὐτοὺς ἐπὶ τῷ ροίῳ τοῦ φοβεροῦ ἐκείνου βρέμοντος και καχλαίζοντος πυρός τῆς θαλάσσης· οἱτινες ἠλάλαξαν πικρῶς και ὀδυνηρῶς πον(φ. 247 γ.)τούμενοι, τὸ οὐαὶ και οὐαί· θρηῆνός τε και κωκιντός μέγα δεινῶς ἐξηκούετο παρ' αὐτῶν ἐν τῇ ἀσβέστῳ ἐκείνῃ φλογί.

Και μετὰ ταῦτα διεχωρίσθησαν εἰς μέρος ὅσοι χριστιανοὶ μὲν ἐχρημάτιζον, ἐν δὲ τῷ καιρῷ τοῦ διωγμοῦ ἐπὶ τῶν διωκτῶν ἀρνησάμενοι τὸ θεῖον και σεβάσιμον ὄνομα τοῦ Χριστοῦ και τοῖς εἰδώλοις λατρεύσαντες, και παρέστησαν τῷ δικαίῳ κριτῇ· οἱτινες ἦσαν κατηρειωμένοι, ἐλεεινοὶ και δύσκρατοι και βδελυκτοὶ και μεμισημένοι ἐν τῷ ὁρᾶσθαι αὐτοὺς, και οὐκ ἦν εἰκασμός τῆς ἀσχημοσύνης αὐτῶν. Και ἀπεφῆνατο ὁ βασιλεὺς κατ' αὐτῶν· και ἰδοὺ ἄγγελοι πύρνοι ἐν τάχει κατήρσαν ἐπ' αὐτούς και τῶν τριχῶν τούτους δραξάμενοι ἐν τῷ μέσῳ ἠχόντισαν τῆς ἀσβέστου θαλάσσης ἐκείνης τοῦ πυρός· οἱτινες φρικτὰς ἠφίουν φωνὰς ὀδυνηρῶς ἀλαλάζοντες τὸ Ἐλέησον ἡμᾶς, Υἱὲ τοῦ Θεοῦ τοῦ ζῶντος.

Και μετὰ τούτους, ἰδοὺ ἐτέρα συναγωγὴ ὑπὸ τῆς ράβδου διεστάλη, και αὐτὴ αἱματι ἀπίρῳ πεφοινημένη και πᾶν ἠχρειωμένη (φ. 247 ν.) ἐτύγχανεν· ἦσαν δὲ οὗτοι οἱ ἀπ' αἰῶνος φονεῖς και λησταὶ και πάντες ὅσοι τινὰς ὁμοφύλους τε και ὁμοφυεῖς ἐν γῆ τε και ἐν θαλάσῃ καθ' οἰονδήτινα τρόπον ἀδίκως ἐθανάτωσαν. Και ἀπεφῆνατο ὁ Κύριος κατ' αὐτῶν, και ἰδοὺ οἱ ἐπὶ τῶν κολάσεων ἄγγελοι και αὐτομάτως ἤραν αὐτοὺς και κατεπόντισαν ἐπὶ τοῦ καχλαίζοντος και βρύθοντος ἐκείνου πυρός τῆς θαλάσσης· ὁ δὲ κλαυθμὸς και ὀλολυγμὸς αὐτῶν και αἱ βοαὶ ἀνήρχοντο μέχρι τῶν ἀφίδων τοῦ οὐρανοῦ πικρῶς ὀδυρομένων και λεγόντων· Ἐλέησον ἡμᾶς, ὁ μονογενὴς Υἱὸς και Λόγος τοῦ Θεοῦ· και οὐχ ὑπῆρχεν ὁ ἐλεῶν και ἐξαιρούμενος αὐτούς τῆς τοιαύτης ἀνάγκης.

Και μετὰ τούτους διεχώρισεν Κύριος ὁ Θεὸς ἀπὸ τῶν κατακρίτων τῆς εὐνῶμιμου μερίδος, και ἰδοὺ ἐτέρα συναγωγὴ λαοῦ, και οὗτοι ἔστησαν ἰδιαζόντως ἐν αἰσχύνῃ μεγάλῃ και δάκρυσιν ἀφορήτῃς τὸ ἔδαφος τῆς γῆς καταβρέχοντες, διότι ἀκάθαρτοι και μιαιοὶ ὑπῆρχον σφόδρα και βέβηλοι· οὗτοι γὰρ ἦσαν μοιχοὶ και μοιχαλίδες, οἱ τὰς

ἐτέ(ῃ. 248 γ.)ρων κοίτας μολύναντες και ἐπὶ τῇ ἀδίσμῳ αἰμομιξία ὡς κύνες βνηλάται βαδίσαντες και τὰς ἑαυτῶν ψυχὰς και τὰ σώματα καταμαίναντες· οἵτινες ἐφρίττον και ἔτρεμον ἀπὸ προσώπου Κυρίου αἰσχυρόμενοι ὀρώντες τὴν ἑαυτῶν ἀκαθαρσίαν και δυσδαίμονα μορφήν. Οὗς ἰδὼν ὁ δίκαιος κριτῆς και τούτους σφόδρα βδελυξάμενος ἀπεφήνατο κατ' αὐτῶν· και ἰδοὺ οἱ ἐπὶ τῆς δικαιοκρισίας ἀγγελιοὶ πύρινοι παραλαβόντες αὐτοὺς, ἀπειδῶς πυρίνοις ῥοπαλῖσι τύπτοντες αὐτοὺς, ἐνέβαλον εἰς τὴν θάλασσαν ἐκείνην τοῦ πυρός τὴν παφλάζουσαν. Και ἦν ἰδεῖν ἐπ' αὐτοὺς ἐλεινὸν θάμα και φρικτὸν· ἐμβληθέντες γὰρ ἐν τῷ αἰωνίῳ ἐκείνῳ πυρὶ και ἐν πείρᾳ γενόμενοι τῆς ἀθανάτου ἐκείνης πυρκαϊᾶς ἔτρυζον τοὺς ὀδόντας και γοερῶς ἐβρύχοντο, και ὁ βρυχηθὸς τούτων και αἱ βοαὶ ἀνέβαινον μέχρι τοῦ οὐρανοῦ. Οἵτινες γοερῶς ἐβῶν· Ἐλέησον και φείσαι ἡμῶν, Κύριε, ὅτι ἕτερον ἐκτός σου Θεὸν οὐκ οἶδαμεν, οὐδὲ χειρας (ῃ. 248 ν.) ἡμῶν διεπετάσαμεν πρὸς Κύριον ἀλλότριον, οὐδὲ προσεκυρήσαμεν Θεῷ ἀλλοτρίῳ· ἀλλ' οὐκ ἦν ὁ εἰσακούων και ἐλεῶν αὐτοὺς, διότι ἐκαύθη ὁ δίκαιος θυμὸς τοῦ κριτοῦ ἐπὶ τὸ ἀποδοῦναι αὐτοῖς κατὰ τὰ ἔργα αὐτῶν, ὡς μὴ βουληθέντας μετανοῆσαι και ἐπιστρέψαι ἀπὸ τῶν ἀκαθάρτων αὐτῶν ἔργων πρὸς Κύριον και σωθῆναι.

Ἐπι μετ' αὐτοὺς δέειστελεν ἡ ῥάβδος Κυρίου ἀπὸ τοῦ ἐπαράτου κλήρου τῶν εὐωνύμων, και ἰδοὺ ἕτερα συναγωγή λαοῦ, και αὕτη ἦν πονηρὰ και ἀμαρτωλὸς σφόδρα, ὧν τὰ πρόσωπα ἦσαν ὡς αὐτοῦ τοῦ Σατανᾶ ἠσβολωμένα και καταπεφυρμένα· και διεχρίτο ἐπ' αὐτὰ ἰὸς δυσώδης και χαλεπὸς τοῦ ἰχώρος τῆς βδελυρίας αὐτῶν, ὡς ἐκ βορβόρου ἐπιπορευόμενος· τὰ δὲ σώματα αὐτῶν ὡσπερ χοίρου ἦσαν ἄρτι ἐκ βορβόρου και κόπρου ἐγηγεμενῶ, και αὐτοὶ ἑαυτοὺς ἐβδελύσσοντο και ἐμίσζον, ἐπειδὴ πρὸ προσώπου αὐτῶν ὑπῆρχεν ἡ βέβηλος και ἄθεσμος αὐτῶν αἰσχροσουργία και πράξις, και κατενώπιον αὐτῶν ἦν ἡ ἀμαρτία αὐτῶν. Οὗτοι δὲ ἦσαν οἱ ἀρσενοκοῖται και παι(ῃ. 249 γ.)δοφθοροὶ και αἰμομίχται, οἱ τὴν παρά φύσιν μίξιν ἐπὶ τῆς γῆς ἐργασάμενοι, λέγω δὴ οἱ ἄρρενες ἐν ἀρσεσι αἰσχημοσύνην ἐνδειξάμενοι· διὸ και ἐβδελύξατο αὐτοὺς Κύριος ὁ Θεὸς σφόδρα. Και ἰδοὺ λεγεῶν ἀγγέλων τῶν ἐπὶ τῶν τιμωριῶν τεταγμένων, και ἐπένευσεν ἐπ' αὐτοὺς ὁ Κύριος χάλαζαν και ὡσεὶ πλείστην βροχήν

ὕετο ἔν καιρῷ τοῦ χειμῶνος, οἵτινες ἐπιθέντες ἐπὶ τοῖς τραχήλοις αὐτῶν ὡσεὶ μύλους σιδηροῦς ροιζηδὸν ἀρπάσαντες αὐτοὺς ἐπὶ τῆς θαλάσσης τοῦ παμφάγου πυρὸς ἀπηκόντισαν, ἔνθα ὁ σκῶληξ ὁ ἀκρίμματος μυρμηδὸν ἀνεβράζετο καὶ ἀνεδίδοτο· καὶ ἐν τῷ ἀψασθαι αὐτῶν τὸ πῦρ ἐκεῖνο τὸ φοβερόν καὶ οἱ ὀφιοειδεῖς σκῶληκες, βοαὶ φρικταὶ καὶ κωκυτοὶ μέγιστοι ἐκ μέσου αὐτῶν ἐξηκούοντο, ὄδυρμός τε πολὺς καὶ πικρὸς σφόδρα ἐξηχεῖτο ἐπὶ τὸ πρόσωπον τῆς ὑπ' οὐρανόν. Μονον γὰρ ἠνωτικόμεθα ὑποδυρομένων αὐτῶν καὶ λεγόντων· Οὐαὶ καὶ πικρῶς φεῦ. Ταύτης οὖν τῆς ὀδυνηρᾶς καὶ μεγάλης ἀνάγκης καὶ φρικωδεστάτης βοῆς ἐξακουμένης (f. 249 v.) εἰς τὸ πρόσωπον πάσης τῆς γῆς, θρῆνος καὶ ὄδυρμός ἦν πολὺς σφόδρα καὶ πικρὸς ἐπὶ πᾶσι τοῖς ἐξ εὐωνύμων, καὶ συνετριβόντο τὰ σσᾶ τύπτοντες τὰ πρόσωπα αὐτῶν ταῖς ἰδίαις χερσὶ καὶ διεπρίοντο τὰς καρδίας μετανοοῦντες ἐφ' οἷς ἤμαρτον· ἀλλ' οὐκ ἦν ὄλως ἐν αὐτοῖς ὄφελος, διότι ὁ τῆς μετανοίας καὶ τῶν δακρύων καιρὸς ἐκλείσθη καὶ ὁ ἐπὶ τούτοις οἶκτος ἀπεσβέσθη καὶ ἀπελήλακεν· εἰ γὰρ ὦδε ἐκλαύσαμεν, ἐκεῖθεν ἂν ἐχάρημεν· φησὶ γὰρ ὁ Κύριος· Μακάριοι οἱ κλαίοντες νῦν, ὅτι γελάσονται.

Ἔτι διέστειλεν ἡ ράβδος ἀπὸ τῆς εὐωνύμου μερίδος, καὶ ἰδοὺ ἐτέρα συναγωγή ἐξ ἑκατέρας γενέσεως, τῆς τε ἄρρενος καὶ τῆς θηλείας, διακρίθεισα ἔσθη κατὰ πρόσωπον τοῦ δικαίου κριτοῦ, ὧν τὰ πρόσωπα ὑπῆρχον ὡς ἡ δορὰ τῆς καλουμένης σαύρας ἢ ὄφρεως κεράστου, καὶ πλῆθος σφηκῶν καὶ μυιῶν καὶ ἐτέρων ἀπειρων ἰοβολῶν ἐρπετῶν ἀκαθάρτων γένη, ὧν οὐκ ἦν ἀριθμὸς (καὶ), ἐφ' ἐνὶ ἐκάστῳ αὐτῶν ἀπηώρητο· καὶ ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῶν χολέ(f. 250 r.)ρα χολῆς καὶ γνοφου ὠρᾶτο, καὶ ἐν τοῖς ποσὶν αὐτῶν σκοτος καὶ ὀλισθημα· ταῦτα δὲ τύποι καὶ σαφῆς διάγνωσις τῆς ἐνδελεχούσης αὐτῶν ἀισχροουργίας ἐνηδόνου καὶ συνομιλίας καὶ συγκαταθέσεως αὐτοῖς. Καὶ εἶδε Κύριος εἰς αὐτοὺς καὶ παρωξύνθη θυμῷ καὶ ἐβδελύξατο καὶ μεμίσηκεν αὐτοὺς σφόδρα καὶ ἐπένευσε τοῖς ἐπὶ τοῦ πυρὸς ἀγγέλοις· οἱ καὶ ἤρασιν ἀποτομῶς εἰς αὐτοὺς καὶ ἐπέδηκαν ἐπὶ τοῖς τραχήλοις αὐτῶν ἀλύσεις βαρείας σφόδρα καὶ ἐνέβαλον αὐτοὺς εἰς τὴν φοβεράν ἐκείνην θάλασσαν τοῦ πυρὸς. Ἐμβληθέντες οὖν ἐν τῇ τοιαύτῃ πανδεινῇ τιμωρίᾳ οἱ ἄθλιοι ἔβρυχον τοὺς ὀδόντας αὐτῶν ἐν ἰσχύϊ ἀπὸ τοῦ συνέχοντος αὐτῶν πόνου, ἐμπυριζόμενοι καὶ βιαίως στενοχωρούμενοι καὶ διαπρίομενοι

σφοδρῶς, τὸ οὐαὶ ἐπὶ οὐαὶ γοερῶς φθειγγόμενοι καὶ βαρβαρικῶς ἀλάζοντες, τὴν συνέχουσαν αὐτοῖς πικρὰν δριμύτητα καὶ ὀδύνην τοῦ πυρός ὑπέμεινον καὶ ὑπεσήμενον, θρηνοῦν(φ. 250 ν.)τες καὶ ὀλολύζοντες καὶ μεταμελούμενοι ἐφ' οἷς ἀφρόνως ἐν τῷδε τῷ βίῳ εἰργάσαντο· Ὑπῆρχον δὲ οὗτοι μάγοι, ἐπαοῖδοι, φαρμακοὶ, γόητες, ἐγαστριμυθοὶ, μαλακοὶ, λεκανομάνται, νεκυομάνται, ἀστρονόμοι, οἰκοσκόποι καὶ οἱ τούτοις προσερχόμενοι ἐπ' ἀπώλεια ἀνθρώπων πρὸς τὸ ἐκπληρῶσαι καὶ ἐκτελέσαι τὰ πονηρὰ καὶ αἰσχρὰ αὐτῶν θελήματα καὶ κατορθώματα· οἳτινες εὐκ ἠβουλήθησαν ἀποστρέψαι ἀπὸ τῆς τοιαύτης αὐτῶν μισαρᾶς θρησκείας καὶ πονηρᾶς ἐργασίας κἀν ἐν τῷ τέλει τῆς ζωῆς αὐτῶν, καὶ προσδραμεῖν τῇ μετανοίᾳ καὶ ἐξομολογήσει καὶ οὕτω τυχεῖν τῆς ἀφέσεως τῆς προκειμένης κολάσεως καὶ τῆς τῶν οὐρανῶν βασιλείας ἐπιτυχεῖν, ἀλλὰ συνετελεύτησαν καθὼς συνέζησαν ταῖς αὐτῶν ἀκαθαρσίαις· καὶ διὰ τοῦτο εὔρεν αὐτοὺς τοιαῦτα κακά.

Μετ' αὐτοὺς οὖν διέστειλεν ἡ θεία καὶ κραταιὰ ράβδος τῆς ἰσχύος Κυρίου ἐκ τῆς εὐωνύμου συναγωγῆς πλῆθος λαοῦ πολὺ σφό(φ. 251 γ.)δρα, οἱ ἔστησαν κατὰ πρόσωπον τοῦ δικαίου κριτοῦ· ἦν δὲ ἡ δορὰ τοῦ προσώπου αὐτῶν κτηνώδης καὶ πτύλει κτηνῶν αἱματώδεις καὶ ἀφρώδεις περιχεῖντο ἐπὶ παντός τοῦ σώματος αὐτῶν· καὶ οὗτοι αἰδεῖς σφόδρα ἐτύγχανον. Οἳτινες ἦσαν οἱ μετὰ κτηνῶν μιγέντες χριστιανοὶ, εἴτουν κτηνοβάται, οἱ μηδέποτε μετανόησαντες ἐπὶ τῇ τσιαύτῃ ἀθέσμῳ καὶ βδελυρᾷ ἐργασίᾳ. Τούτους ἰδὼν ὁ δίκαιος κριτῆς καὶ βδελυξάμενος αὐτοὺς σφόδρα, ἐπένευσε τοῖς ἐπὶ τῶν κολάσεων φοβεροῖς ὑπηρέταις αὐτοῦ, οἳτινες μετὰ σφοδροῦ τοῦ τάχους ἦσαν αὐτοὺς ὀδυρομένους καὶ κοπτομένους πικρῶς καὶ ἐξ ὀφθαλμῶν αὐτῶν δάκρυα ἀκατάσχετα καταχέοντας καὶ τὰ πρόσωπα τύπτοντας ταῖς χερσὶ, καὶ εἰς τὴν τοῦ πυρός θάλασσαν κατεκρήμνισαν· οἱ δὲ κατακαϊόμενοι ἐν τῇ ἀσβέστῳ φλογὶ ἐκείνῃ δεινῶς ἐπωδύροντο λέγοντες· Οὐαὶ, οὐαὶ ἡμῖν, ὅτι δεινῶς κατεκαύθημεν κατακαϊόμενοι· (φ. 251 ν.) ἀλλ' οὐδεὶς ὁ εἰσακούων καὶ ἐλεῶν αὐτοὺς ἢ σπλάγχνα οἰκτιρμῶν ὑπανοίγων αὐτοῖς. Ἀλλὰ ἀνηλεῶς οὕτως ἐν τῷ φρακτῷ ἐκείνῳ καὶ ἀσβέστῳ πυρὶ κατακαϊόμενοι οὐ διεφθείροντο ἢ ἐναπέθνησκον φλογίζομενοι· καὶ τοῦτο ἦν τὸ μείζον δεινόν, ὅτι σῶοι καὶ

ἀφθαρτοι διαμένοντες ἀκατάπαυστον και ἀτελεύτητον τὴν τιμωρίαν ἐκέκτηντο.

Εἶδομεν οὖν ἔτι, και ἰδοὺ πᾶσαι αἱ οὐραναὶ δυνάμεις κατὰ ἀνατολὰς και κατὰ δυσμὰς και κατὰ μεσημβρίαν και ἄρκτον παρείστηκεισαν φόβῳ και τρόμῳ τῷ φοβερῷ και δικαίῳ κριτῆ, οὐκ ἐν τῇ καινῇ γῆ ἐκείνῃ, ἀλλ' ἐπὶ τοῦ αἰθέρος, και πᾶσα ἡ κτίσις οὐκ ἐχώρει αὐτούς· ὁ δὲ Κύριος ἦν ἐστῶς παρά τὴν φρικτὴν ἔτι ἐκείνην πύλην τῆς θαυμασίας και ἀνεκδιηγήτου πόλεως ξένην και φρικωδεστάτην λαμπρότητα αὐγάζων και διαύγειαν οὐρανῶν ἀνθρώπου ἡ γλῶσσα οὐ δύναται φθέγγασθαι και διηγῆσασθαι.

"Ἐπὶ ὁ Κύριος ἐπένευσε και διεστείλατο ἀπὸ τῆς ἐξ εὐωνύμου συναγωγῆς, και ἰδοὺ λαὸς ὀλίγος (f. 252 γ.) ἐκπαθεὶς ἐξ αὐτῆς ἔσθη ἰδιάζων κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ· οἵτινες ἐνεδέδυντο ἔνδυμα πονηρὸν ἐν τοῖς σκηνώμασιν αὐτῶν, και ἤλοι ἀκανθώδεις ἐπὶ τοῖς ἐνδύμασιν αὐτῶν ἐπεπήγεσαν, και τὰ πρόσωπα αὐτῶν ἠφανισμένα ἀπὸ τῆς ἄγαν συγνότῃτος αὐτῶν, τὸ δὲ σῶμα αὐτῶν ἅπαν ἰχώρων ἐπεπλήρωτο ἐκπέμπον δυσωδίαν ἀνέκφραστον, και στρεβλοὶ οἱ πόδες αὐτῶν, θανάσιμον δὲ σημασίαν κατεῖχον ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῶν. Οὐς ἰδὼν ὁ Κύριος ἐν τῷ αὐτῷ ἀκαθαρσία τυγχάνοντας, ἀπώσατο αὐτούς σφόδρα ὀργισθεὶς ἐπ' αὐτοῖς και ἀπεφῆνατο κατ' αὐτῶν ἀπόφασιν συγεράν· και ἰδοὺ οἱ ἐπὶ τῶν κολάσεων ἄγγελοι ἤρπασαν αὐτούς και ἐπέβαλον εἰς τὴν θάλασσαν τοῦ πυρός τὴν καιομένην, σίδηρα και ἀλύσεις βαρείας και χαλεπὰς ἐπιθέντες ἐπὶ τοὺς αὐχένους αὐτῶν· και αὐτοὶ ἐδρῆνον κλαυθμὸν ἀπαράκλητον, και οὐδεὶς ἦν ὁ ἐξαιρούμενος αὐτούς τῆς τῷ αὐτῷ ἀνάγκης. Οὗτοι δὲ ἦσαν οἱ αὐτοφονεῖς (f. 252 ν.) και αὐτεπιβουλοὶ ἑαυτῶν γεγεννημένοι και ἡ δι' ἀγχόνῃς ἡ διὰ ξίφους ἡ ἄλλως πως ἑαυτοὺς θανάτωσαντες και τῆς παρούσης ζωῆς ἀποστερήσαντες, ἡ ἐκουσίως ἑαυτοὺς φαρμακεύσαντες, ἡ κρημνίσαντες, ἡ εἰς λίμνας και φρέατα ἐμβαλόντες και τὸν ἐχθρὸν ἀποθεραπεύσαντες, τὸν δὲ κοινὸν Πατέρα και Θεὸν σφόδρα λυπήσαντες." Ἐνθεν τοι και παντελεῖ ἀφανισμῷ και ἀπωλείᾳ παρέπεμψεν αὐτούς ὁ Κύριος.

Ἐἶτα ἐπένευσε ἐπὶ τοῖς εὐωνύμοις αὐτοῦ, και ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγή λαοῦ χωρισθεῖσα ἔσθη ἰδίως κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ, και πάντες οἱ ἄγιοι και δίκαιοι ἀπὸ τῶν ὑψωμάτων προκίψαντες τῆς

ἀγίας πόλεως ἑώρων αὐτοὺς καὶ πάντα τὰ τελούμενα ἐπ' αὐτούς· οἳτινες δίκαια ἀπετίγγουν ἐπ' αὐτοῖς ἐπὶ τοῦ φοβεροῦ καὶ ἀπαραλογίστου κριτοῦ. Τῆς δὲ ἄρτι χωρισθείσης συναγωγῆς, ὁ ὄχλος ἄπειρος ἦν ἀναρίθμητος ἐπ' αὐτῇ· οἳτινες ὡσπερ αἰδιόπων χεῖρας ἠσβολωμένας ἐκέκτηντο, καὶ ἡ ὄψις αὐτῶν ὡς κονία σποδοῦ κατακεκαυμένης, καὶ σύντρο(φ. 253 γ.)μοι οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν, ἡ δὲ στολὴ αὐτῶν ῥάκει πενιχρῶ διερωγῶτι καὶ βερυπωμένῳ, οἱ πόδες αὐτῶν δορὰς ἐρίφων ὡσανεὶ περικείμενοι· ἐν οἷς μεγάλως ἠσχύνοντο ὀρῶντες ἑαυτῶν τὴν ἐλεεινὴν πενίαν καὶ βδελυκτὴν ἀσχημοσύνην καὶ τὸ σκότος τὸ ἐπ' αὐτοῖς· καὶ θλίψις ἦν ἀφόρητος ἐν ταῖς καρδίαις αὐτῶν ἀπὸ τοῦ πλήθους τῶν ἀνομιῶν αὐτῶν. Καὶ ἰδὼν αὐτοὺς ὁ Κύριος ἐν τοιαύτῃ ἀηδία καὶ ἀσχημοσύνῃ ὄντας, μεγάλως ἐβδελύξατο αὐτοὺς καὶ παρέδωκε τούτους ταῖς βασανισταῖς ἀγγέλαις, οἳτινες ὡς λέοντες ὠρυόμενοι ἐπέπεσον ἐπ' αὐτοῖς· οἱ καὶ τῷ ἀναστήματι φοβεροὶ τυγχάνοντες, ὡσπερ γίγαντες, χεῖράς τε αὐτῶν ἐδέσμου καὶ πόδας ἐν ἱμάσι σιδηροπλέκταις πεπυρακτωμένοις σφόδρα καὶ κατέρριπτον αὐτοὺς ἐπὶ τὸν πικρὸν ὄχθον κατέναντι δυσμῶν τῆς φοβερᾶς ἐκείνης θαλάσσης τοῦ πυρός· καὶ αὐτοὶ μεγάλως τὸ οὐαὶ διμερίζοντο γευσάμενοι τῆς πικροτάτης ὀδύνης τοῦ πυρός, καὶ οὐχ ὑπῆρξεν ὁ ἐξαι(φ. 253 ν.)ρούμενος αὐτοὺς τῆς τοιαύτης ἐκείνης ἀνάγκης. Οὗτοι δὲ ἦσαν κλέπται, συλωταί, νυκτοπόροι, λαδροκάκουργοι καὶ λησται, οἳτινες μετὰ τῆς τοιαύτης αὐτῶν ἐργασίας τὸν βίον κατέστρεψαν, μὴ φθάσαντες μετανοῆσαι καὶ ἀποστρέψαι ἕκαστος ἀπὸ τῆς ὁδοῦ αὐτοῦ τῆς πονηρᾶς καὶ ἐν μετανοίᾳ τὸν κριτὴν ἐξιλεώσασθαι.

Μετὰ δὲ τούτους διεχώρισεν ὁ δίκαιος κριτὴς ῥάβδῳ δυνάμει αὐτοῦ ἀπὸ τῆς τῶν ἀμαρτωλῶν μερίδος καὶ ὀμηγύρεως ἑτέραν παρεμβολὴν, ἧς ἐληλυθὺς ἔσθη ἐξ ἐναντίας αὐτοῦ· καὶ αὕτη ἦν κατησχυμένη εἰς τέλος, καὶ ἀπὸ στόματος αὐτῶν ἐσμὸς σκωλήκων ἐξήρχετο καὶ δυσωδία ἄρατος, καὶ ὄζει εἰλίσσαντο ἐρ' ἐνὸς ἐκάστου τράχηλον ἕως τῆς κορυφῆς, ἐν δὲ ταῖς χερσὶν αὐτῶν φορβιάς ἦτοι κοράκους κατέχοντες· ἡ δὲ στολὴ αὐτῶν ὑπῆρχεν ὡς ἰστός ἀράχνης καπνῶ ζοφώδει ἀμαυρώμενος, καὶ τὰ πρόσωπα αὐτῶν ἐμίχλη ἑσπαργανωμένα. Καὶ ἰδὼν αὐτοὺς ὁ Κύριος σφόδρα ἐβδελύξατο καὶ ἐ(φ. 254 γ.)βαρύνθη λίαν θυμῶδεις ἐπὶ τῇ ἀηδία καὶ ἀσχημοσύνῃ αὐτῶν· ἦσαν γὰρ οὗτοι

ψευσται και ψευδομάρτυρες, βαρείς επίορκοι και ὀρκομόται, ὄστινες
 ἐβλαψαν οὐκ ὀλίγους και ἐθανάτωσαν αὐτούς, μὴ ἔχοντες τὸν τῶν
 ἐκδικήσεων Κύριον λέγοντες, και οὕτω τὸν βίον ἑαυτῶν διετέλεσαν μὴ
 μετανοήσαντες. Καὶ ὁ Κύριος ἦν φορῶν στολήν ἐκδικήσεως και πρὸ
 προσώπου αὐτοῦ φιάλαι πεπληρωμέναι θυμοῦ δικαιοκρισίας, και οἱ
 οἰκτιρμοὶ αὐτῶν ἀπιστραμμένοι ὀπισθεν αὐτοῦ ἀπὸ προσώπου αὐτοῦ.
 Καὶ παρέδωκεν αὐτούς τοῖς ἑτασταῖς ἀγγέλοις, και αὐτοὶ ἐδίδουν θρή-
 νους και οἰμωγὰς ἀπαύστως βοῶντες και λέγοντες· Ἐλέησον ἡμᾶς,
 μονογενῆ Υἱὲ τοῦ Θεοῦ, οἰκτείρησον ἡμᾶς, αἰώνιε βασιλεῦ· ἀλλ' οὐκ
 ἦν ὁ ἐλεῶν και οἰκτεῖρων αὐτούς. Καὶ ἰδοὺ οἱ ἐπὶ τῶν κολάσεων
 ἀγγελοι, ὡς ἀπότομοὶ τινες και ἀσπλαγχοι, ὡς ἀνελεήμονες και
 δεινοὶ, ἐπ' αὐτὸ τοῦτο παρὰ τοῦ πάντων κριτοῦ και δημιουργοῦ τε-
 ταγμένοι, και ἐπέβαλον (f. 254 v.) ἐπ' αὐτούς τὰς χεῖρας αὐτῶν και
 ἔσυρον αὐτούς ἐκ τῶν τριχῶν ἀποτόμως και ἀνηλεῶς, τύπτοντες
 αὐτούς ἰσχυρῶς ταῖς πυρίνοις λόγχαις και ράβδοις αὐτῶν, και ἐνέ-
 βαλλον αὐτούς εἰς τὴν φοβερὰν ἐκείνην τοῦ πυρὸς θάλασσαν· ὄστινες
 φωνὰς ἠφίουν γοεράς ἀναγομένας τῇ βοῇ μέχρι και αὐτῶν τῶν
 ἀβύσσων τοῦ οὐρανοῦ. Καὶ νύξ οὐκ ἦν και παρῆν ἑσπέρα και πρωὶ
 οὐκ ἐχρημάτιζεν τῷ κόσμῳ ἐκείνῳ, ἀλλὰ διὰ παντὸς φῶς ἦν ἀνεκλά-
 λητον και ἡμέρα τὸ πᾶν, ὕπνος τε οὐ παρῆν τοῖς ὀφθαλμοῖς ἐν τῷ
 καθεύδειν, οὔτε κόπος τῷ σώματι ἐν τῷ διοδεύειν, οὔτε πόνος τοῖς
 ποσίν ἐν τῷ ἰστασθαι, πέννα ἢ δίψα οὐκ ἦν ἐκεῖσε, νόσος, λύπη και
 στεναγμὸς οὐδὲ οὐδὲ ἐγνωρίζετο τοῖς οὐσιν ἐκεῖ, ψύχος και καύσων
 οὐκ ἐχρημάτιζεν, ὀδύνη πᾶσα και δάκρυον ἀπέδρα πόρρω, και ἄλλα
 ἔτι τῶν θλιβερῶν, ἀλλὰ διὰ παντὸς ὥρατο ἥλιος ἀμετακινήτως φαι-
 νων και διαμμένων ἐπὶ τῆς οἰκειᾶς φανότητος και λαμπρότητος ἀναλ-
 λαιώτως· τὸ οὐράνιον πρόσωπον (f. 255 r.) αἰεὶ ἀγέφελον ὥρατο και
 παμφαῖς, ὁ ἀήρ ὡς ἀστραπὴ διαλάμπων αἰεὶ μεγίστην τέρψιν τοῖς
 πᾶσιν ἐδίδου· ἐκεῖ φῶς τοῖς δικαίοις διηνεκὲς και ἀνεκλάλητον, ἐκεῖ
 χαρὰ αἰδῶς και ἀγαλλίασις ἀρρητος, ἐκεῖ εὐφροσύνη ἀπέραντος και
 ἀγαθῶν αἰώνιων ἀπόλαυσις, ἐκεῖ ᾠδαὶ και ὕμνοι εὐχαριστήρια εἰς
 Θεὸν ἀκατάπαυστοι ὑπὸ πάντων τῶν μὴ ἐμβληθέντων δηλονότι εἰς
 τὴν ἀκοίμητον ἐκείνην και παφλάζουσιν κάμινον τοῦ πυρὸς ἀνε-
 πέμποντο· ἐν γὰρ τοῖς ἐκεῖσε ἐμβληθεῖσιν οὐκ ἔστιν ὄλωσ εὐρεῖν

ἀνάπαυσιν, ἀλλὰ θρήνος ἐν τούτοις καὶ κοπετός καὶ οὐαί ἐστὶν ἀκατάπαυστον, ἐν τούτοις λύπη καὶ ὀδύνη αἰώνιος, ἐν τούτοις δάκρυα ἀπαράκλητα, στεναγμοὶ καὶ κωκυτοὶ συνεχεῖς· καὶ ἵνα συνελὼν εἴπω, ἐκείνους εὐροσαν θλίψεις καὶ ὀδύνη καὶ στεναγμοὶ κατὰ τὸ εἶκος.

Ἐπι τούτων οὕτως ἐχόντων, διεχώρησε Κύριος ἀπὸ τῆς τῶν ἀμαρτωλῶν μερίδος ἐτέραν συναγωγὴν ῥάβδῳ δυνάμεως αὐτοῦ· ὁρῶμεν γὰρ ῥάβδον πυρί(ε. 255 ν.)ν ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ ἦνπερ ἀπέστελλεν ἐν μέσῳ αὐτῶν, ἧτις ἐν ἰσχύϊ δυνάμεως πορευομένη διεχώριζε καὶ διεμέριζεν ἕκαστον αὐτῶν πρὸς τὸν ὁμοίотροπον αὐτοῦ καὶ διεξῆγεν αὐτοὺς καθ' ἑαυτούς· καὶ οὕτω συνίστα καὶ ἦγωνε τοὺς ὁμοιοτρόπους αὐτῶν καὶ τὰς συναγωγὰς αὐτῶν καὶ παρίστα αὐτοὺς τῷ Κυρίῳ. Καὶ ἰδοὺ αὕτη ἔστη πρὸ τῶν ὀφθαλμῶν αὐτοῦ τοῦ δικαίου κριτοῦ σκότος ζοφῶδες ἐσπαργανωμένη, ὣν τὰ πρόσωπα ἀπηγριωμένα ἐτύγχανον, οἰονεὶ πινες μεμνηότες καὶ ζῶντες καὶ ὡσανεὶ δάκνειν τοὺς ὀδόντας ἀλλήλους παρορμώμενοι, τὰς γλώσσας τοῦ στόματος ὡς κύνες προβαλλόμενοι καθάπερ μαγαίρας ὀξείας, καὶ ὡς πῦρ μαλθακὸν ἐξῆπτοντο οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν, ὑποδεθέντες δὲ καὶ τοὺς πόδας ἀκανθοφυέσιν ὑποδήμασιν οἰονεὶ ἐκ δέρματος ἀκανθοχοίρων σχολόπων μεστοίς· Ἦσαν δὲ οὗτοι οἱ ὀργίλοι καὶ θυμομαχεῖς ἐν τῷδε τῷ βίῳ τυγχάνοντες, οἱ ἐχθρῶδοι, οἱ διὰ παντός μνησικακίαν πρὸς (ε. 256 γ.) τὸν πλησίον κρατοῦντες καὶ μὴ καταλλαττόμενοι ἀλλήλοις, ἀλλὰ τεκταίνοντες κακὰ πρὸς ἀλλήλους, οἱ φθονεροὶ καὶ κατάλαλοι, οἱ φιλολοιδόροι καὶ φλύαροι, οἱ συκοφάνται καὶ μανικοὶ, οἱ θηριώδεις τὸν τρόπον καὶ ἀσπλαγχοὶ· καὶ ἦν ἡ συναγωγὴ αὐτῶν μεγάλη σφόδρα. Οὐς ἰδὼν ὁ Κύριος ἠγανάκτησε καὶ ἐθυμώθη τὸ πνεῦμα αὐτοῦ ἐπ' αὐτοὺς καὶ διετάξατο τοῖς βασιανισταῖς ἀγγέλοις ἀποστῆσαι αὐτοὺς εἰς ἣν αὐτοὶ ἑαυτοῖς ἠτοίμασαν κάμινον τοῦ πυρός, ἐν ἣ ἐστὶν ὁ σκῶληξ ὁ ἀκοίμητος, βρύχων ἀκαταπαύστως. Ὑπῆρχον δὲ οὗτοι πάντες ἀμαυροὶ, μεμελανωμένοι τὰ πρόσωπα ὡςπερ χύτρα πολυήμερος ἀπὸ τοῦ πυρός καὶ τῶν ἐν αὐτῇ ἐψημένων παχύτατα καὶ στεγανώτατα ἀμαυρωθεῖσα. Παραλαβόντες τοὺς ἐλεινοὺς τούτους καὶ θρήνων ἀξίους οἱ ἐπὶ τὸ κολάζειν γιγαντιαῖοι καὶ εὐμεγέθεις ἐκεῖνοι πικροὶ ἀγγελοὶ ἐτυπτον αὐτοὺς πυρίνοις ῥάβδοις λίαν ἀφειδῶς

και σφοδρῶς· και σύροντες αὐτοὺς ἐκτάδην ἀπὸ τῶν ποδῶν, (f. 256 v.) ἐκεῖσε τούτους ἀπέριψαν ἔνθα ὁ σκῶληξ, ὡς προεῖρηται, ὁ ἀκοίμητος και ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων και τὰ αἰώνια βασανιστήρια, κράζοντας γοερῶς τὸ οὐαὶ και ὀλοφυρομένους βύθιον και αἷματα ἀντὶ δακρύων ἀπὸ τῶν ὀφθαλμῶν ἀνοήτως κενοῦντας και ἅπαν ἀνωφελῶς. εἰκὴ οὖν και μάτην τούτων αὐτοῖς γινομένων, οὐκ ἦν αὐτοὺς ὁ ἐλεῶν οὐδ' ὁ ἐξαιρούμενος τούτων τῆς χαλεπωτάτης βασάνου.

Μετὰ τούτων οὖν ἔτι πληθος ἄπειρον ὑπέλειφθη τοῦ μέρους τῶν εὐωνύμων, και Κύριος ἦν φερῶν στολὴν ἐκδικήσεως και ἀνταποδόσεως και διεχώρισεν ἀπ' αὐτῶν τῇ ῥάβδῳ τῆς ἰσχύος αὐτοῦ ἐτέραν συναγωγὴν λαοῦ πολλοῦ, ἣτις παραγενεμένη ἔσθη κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ· και αὕτη ὑπῆρχεν ἀσβολὴ περιηλειμμένη και ἅπαν τὸ σῶμα αὐτῆς τριβόλοις ὀξέσι πεπαρμένη, ἡ δὲ στολὴ αὐτῶν ἰδρώτα ῥυπάσματος γλίσχρου και λυγδῶδους φέρουσα, τὰ δὲ πρόσωπα αὐτῶν καπνῷ βαθεῖ ἐμπερῆ παρόμοια, ἐκ δὲ τῶν ὀφθαλμῶν και τῶν μυκτήρων αὐτῶν δριμύτης (f. 257 r.) αἰμοχαρῆς ἐξεπορεύετο, οἱ πόδες αὐτῶν ἐξωδηκότες και μεμελανωμένοι σφοδρὰ, κλειῶ σιδηρῷ λίαν βαρυτάτῳ περιεχόμενοι και κατακαμπτόμενοι σφοδρῶς· και ἀδημονία και συντριβὴ ἦν ἐν μέσῳ αὐτῶν πολλὴ σφόδρα. Ἐκ γὰρ τῶν σημασιῶν τούτων τὴν ἐνοικοῦσαν ἐν αὐτοῖς πονηρίαν ἐδήλουν, τοῦ Κυρίου εἰς τοῦτο εὐδοκῆσαντος ἵνα τοῖς πᾶσιν εἰς τὸ ἐμφανὲς διαδείκνυται και στηλιτεύηται ἡ τούτων θεοστυγῆς ἐργασία. Οὗτοι δὲ ἦσαν, ὡς ὁ ἄγγελός μοι διεσάφησεν, οἱ ἐν κυνηγεσίαις και τζουκανιστηρίαις και ἵπποδρομίαις και κώμαις και μέδαις και θεάτροις σατανικοῖς και ἐν πᾶσι βεβήλοις ἔργοις ἐν τύφῳ και κενοδοξίᾳ πάντα τὸν ἑαυτῶν βίον ἐκδαπανήσαντες και μὴ μεταμεληθέντες τὸ σύνολον. Διὸ και δικαίως ὁ δίκαιος κριτὴς ὠργίσθη ἐπ' αὐτοῖς, ὅτι οὐκ ἀπέπλυναν ἑαυτοὺς ἐκ τοῦ τοιοῦτου βδελυκτοῦ ῥύπου και τῆς ἀσχημοσύνης τῆς ἐκ τῶν βεβήλων ἔργων αὐτοῖς προσγινομένης διὰ με(f. 257 v.)τανοσίας και ἐξομολογήσεως και θερμῶν δακρύων πρὸ τοῦ μεταλλάξαι τὸν βίον, ἀλλ' ὡς ὁ πατὴρ αὐτῶν ὁ διάβολος, ὃν ἐθεράπευσαν ἐν τοῖς ἔργοις αὐτῶν, οὕτω και αὐτοὶ ἔμειναν ἀδιάβλητοι ἐν ταῖς πονηρίαις και πράξεσιν αὐτῶν ἀλλὰ και ταῖς προαιρέσεσιν, ὅθεν και δικαίως ὁ δίκαιος κριτὴς ἐν τῇ δικαιοκρίσιᾳ αὐτοῦ παρέδωκεν αὐτοὺς τοῖς πικροῖς

βασανισταῖς καὶ ἀνελεήμοισιν ἀγγέλοις δικαίως ἐτάζεσθαι ὑπ' αὐτῶν· οἵτινες ὡσπερ θῆρες ὠρυόμενοι ἤρπασαν αὐτούς καὶ ἀφειδῶς τύπτοντες αὐτούς ἐν ἀκαρεῖ ἀπηκόντισαν εἰς τὸ πῦρ τῆς ἀγρίας ἐκείνης θαλάσσης, ἐν ἧ ὑπῆρχεν ὁ κλαυθμὸς καὶ ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων καὶ ὁ σκῶληξ ὁ ἀκοίμητος· καὶ αὐτοὶ ὀλολύζοντες γοερῶς ἔκραζον καὶ σφοδρῶς τὸ· Ἐλέησον ἡμᾶς, ὁμογενῆς Υἱὸς τοῦ Θεοῦ καὶ Λόγος. Ἐκεῖνος δὲ ἀπέστρεψε τὸ πρόσωπον αὐτοῦ ἀπ' αὐτῶν τοῦ μὴ εἰσακοῦσαι καὶ σῶσαι αὐτούς, διότι ἐξεκαύθη ἐν ὀργῇ αὐτοῦ ὁ θυμὸς αὐτοῦ ἐπ' αὐτούς, καὶ εἴλασεν αὐτούς εἰς τὸ ἀπέραντον κατακαίεσθαι πῦρ.

(f. 258 r.) Πρὸς ἐπὶ τούτοις ἠφόρισεν ὁ μέγας ἐκεῖνος καὶ φρικωδέστατος βασιλεὺς ἀπὸ τῆς μερίδος τῶν εὐωνύμων πλῆθος λαοῦ πολλοῦ σφόδρα, οἵτινες ἦσαν πάντες μονότροποι ἐν ταῖς ἀνομίαις αὐτῶν, οἱ καὶ διακριθέντες ἀπὸ τοῦ λοιποῦ πλῆθους τῶν ἀμαρτωλῶν φρίττοντες καὶ τρέμοντες ἕστησαν κατὰ πρόσωπον τοῦ ἀπροσωπολήπτου καὶ δικαίου κριτοῦ. Καὶ ἦν ἡ συναγωγὴ αὐτῶν πολλή καὶ μεγάλη σφόδρα ὑπὲρ πάσας τὰς παρελθούσας συναγωγὰς, τῶν τε δικαίων καὶ τῶν ἀμαρτωλῶν. Θεωροῦντες οὖν ἡμεῖς τὴν τριαύτην συναγωγὴν καὶ ἀποθαυμάζοντες τὸ πλῆθος αὐτῆς, ἰδοὺ ὠρᾶτο ἐν αὐτῇ πλῆθος ἱερέων τε καὶ ἐπισκόπων καὶ διακόνων καὶ ὑποδιακόνων καὶ ἀναγνωστῶν καὶ ψαλτῶν πολὺ σφόδρα, ὥστε καὶ αὐτούς τοὺς θεοειδεῖς ἀγγέλους ὀρώντας αὐτούς φρίζαι καὶ ἰλιγγιάσαι ἐπὶ τῇ αὐτῶν ἀπωλείᾳ. Ἦσαν γὰρ πάντες βερυπωμένοι λίαν καὶ μεμολυσμένοι ἀπὸ κόπρου τῆς γῆς, καὶ αἱ στολαὶ αὐτῶν ἀπὸ ἀροδευμάτων ἀνθρωπίνων, καὶ ἡ τριαύτη κόπρος κατέρρει ἀπὸ τῆς κορυφῆς αὐτῶν ἐπὶ τοὺς χιτῶνας αὐτῶν, ἐπ' ἐδάφους δὲ οὐδαμῶς ἀπεστάλαξεν· οὐ γὰρ ὑλώδης ἦν ἡ κόπρος, ἀλλὰ νοητή. Καὶ ἰδοὺ ὀσμὴ πικρίας κατεχομένη ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῶν· καὶ ἀπετίνασσαν αὐτὴν ἀπωθούμενοι τοῦ πεσεῖν ἀπ' αὐτῶν, ἀλλ' οὐδαμῶς ἀπέπιπτεν, ὅτι αὐλὸς ἦν. Ἦσαν δὲ καὶ θάνατον περιεζωσμένοι τὰς ὀσφύας, ὡς πικρῶστων αὐτούς ἀφειδῶς τοῦ ἀποκτεῖναι, οὐδαμῶς ἀπεκτείνοντο, διὰ τὸ ἀπαθανατισθῆναι καὶ ἀπαρδαρτισθῆναι αὐτούς καὶ μὴ δύνασθαι τοῦτον τὴν ἰδίαν αὐτοῦ ἐνδείκνυσθαι ἐνέργειαν, ἀλλὰ μόνον συνῆν αὐτοῖς ἐπὶ τὸ αἰωνίως καὶ ἀθανάτως τιμωρεῖν καὶ βασανίζειν αὐτούς

ὑπὸ Θεοῦ συγκεχώρηται. Οἱ δ' ὀφθαλμοὶ αὐτῶν ὑπῆρχον σπηώδεις, ἀφρώδεις καὶ λίαν αἱματώδεις, καὶ τὰ πρόσωπα αὐτῶν λυγδῶδη καὶ πονηρὰ, καὶ ἡ ὄρασις αὐτῶν λίαν δυσειδής καὶ ἀνωφελής, καὶ σκώληκες πολυπόδες καὶ κάνθαροι ἐδράσσοντο ἐπὶ ταῖς καρδίαις αὐτῶν καὶ μυρμήκων πονηρῶν ἔπε(φ. 259 γ.)πλήρωντο τὸ στόμα καὶ τὰ χεῖλη αὐτῶν, καὶ βδέλλαι ἀναρίθμητοι καὶ χαλεπώτατοι ἐδράσσοντο τῶν ἰγνῶν αὐτῶν, καὶ λίαν ἐταπείνουν ἑαυτοῦς, καὶ ὡσπερ ἀπὸ καλάμου βορβόρου τοιαύτη δυσωδία ἐξήρχετο ἀπὸ τῶν μυκτῆρων αὐτῶν. Καθαρῶντο δὲ ἡμῖν οὗτοι πάντες ἐν τῇ τοιαύτῃ αὐτῶν ἀσχημοσύνῃ ἕκαστος ἐν τῷ ἰδίῳ τάγματι καὶ σχήματι αὐτοῦ. "Ἐτι πρὸς τούτοις ὀρώμεν, καὶ ἰδοὺ μεταξὺ τούτων ἄνδρες λαϊκοὶ καὶ γυναῖκες καὶ μεράκια καθαρῶντο ἡμῖν. Καὶ τί ἂν εἴποιμι περὶ πάντων; διὰ γὰρ τὸ γενέσθαι τούτους ἡγουμένους τῶν ἐκκλησιῶν καὶ καθηγητὰς τοῦ ὀρθοῦ λόγου τῆς ἀληθείας εὐλαβεῖσθαι καὶ σεμνολογεῖν ἡμᾶς ἀναπειθεῖν τὰ ὀραθέντα, ὃ δὲ τοῦ ψεύδους κίνδυνος καὶ ἡ τῶν θεαθέντων ἀλήθεια τὴν αὐτὴν ἀλήθειαν ἐκδιηγέσθαι παρασκευάζει. Ἰδοὺ γὰρ ὡς ἐνορώμεν εἰς αὐτούς, πάντες ἦσαν, ὡς προεῖρηται, μικροὶ τε καὶ μεγάλοι, ἴσοι τῇ ἀηδῖᾳ καὶ ἀσχημοσύνῃ καὶ πάσῃ τῇ πονηρᾷ καὶ ἀκαθάρτῳ καὶ πλήρει μίσους ἐπιφανείᾳ, ὅτινες οὐ μετενόησαν (φ. 259 ν.) καὶ ἀπεστράφη ἕκαστος ἀπὸ τῶν πονηρῶν αὐτοῦ ἔργων καὶ διὰ μετανόιας καὶ ἐξομολογήσεως καὶ θερμῶν δακρύων καὶ οἰκτιρμῶν πενήτων πρὸ τῆς τελευτῆς αὐτῶν καὶ πρὸ τῆς δικαίας κρίσεως τὸν κριτὴν ἐξιλίωσεν, ἀλλ' ἐτελεύτησαν ἐν ταῖς ἀκαθαρσίαις αὐτῶν καὶ τὸ μὲν ὄνομα χρῆστὸν ἐκέκτηντο, τὰ δὲ πρακτέα χεῖρονα τῶν ἀχρήστων ἔπεσπασαντο. Οὗτοι γὰρ ἦσαν μέθυσοι, πόρνοι, γαστρίμαργοι, ἀλαζόνες, μοιχοὶ, μοιχαλίδες ἕκαστος αὐτῶν ἀναμυριῶν ψυχῶν ἐν πάσῃ τῇ ζωῇ αὐτῶν, ὡς ὁ θαυμαστός μοι ἐκεῖνος καὶ θεὸς νεανίας δισάφησεν, ἐν τῷ πορνεύειν μολύναντες, ἐκβιασάμενοι ταύτας δώροισι δελεάσασιν· οἱ καὶ τὸ ἴδιον σῶμα οὐ διέλιπον ἀμαρτάνοντες ἐν ὅλῃ τῇ ζωῇ καὶ ἰσχύϊ αὐτῶν, οἱ καὶ ὀνομάζονται ἄσωτοι, οὓς ἐδέσμησεν ὁ Σατανᾶς εἰς τὰ κάλλη τῶν ἐν πορνεύειαις γυναικῶν καὶ ὡς ἐδέσμησε παρομοίως ὁ Σατανᾶς εἰς τὴν ἐπιθυμίαν τῶν ἀνδρῶν, καὶ οἱ ἐν ὅλῃ τῇ ζωῇ ληστρικῶς ἐπὶ τὸ αὐτὸ περιπατοῦντες καὶ διεδεύοντες οἰκίαν ἐξ οἰκίας ἐν ταῖς (φ. 260 γ.) ἡδοναῖς τῆς

αὐτῶν ἀσωτίας, οἱ τρώγοντες καὶ πίνοντες, πορνεύοντες καὶ κοιμώμενοι καὶ μηδενὸς ἀγαθοῦ ἐπιμελούμενοι, οἱ ἐν ταῖς συναγωγαῖς ἐπίσκοποι καὶ ἱερεῖς, διάκονοί τε καὶ ὑποδιάκονοι, ἀναγνῶσται καὶ ψάλται, προσμονάριοι καὶ πᾶς ὁ λαὸς καὶ λοιπὸς κατάλογος τῶν ἱερωμένων, οἵτινες οὐκ ἐφοβήθησαν τοῦ Θεοῦ ἐν ταῖς ἡμέραις τῆς ἐνθάδε ζωῆς αὐτῶν, οὐδὲ δεδοίκασι τὴν κρίσιν τὴν μέλλουσαν αὐτοῦ, ἀλλ' ἐν τῷ κρυπτῷ ἠνόμησαν ἐν ἀνομίᾳ τῆς πορνείας αὐτῶν καὶ τὴν ἱεράν καὶ ἄχραντον ἱερωσύνην κατεμόλυναν ἐν τῇ ἀκαθαρσίᾳ τῆς μίξεως αὐτῶν, τραπέζαις χαίροντες, κρότοις καὶ ἄσμασι πορνηκοῖς ἐπιτεμπόμενοι καὶ γηδόμενοι, πλατύναντες τὰ φυλακτῆρια αὐτῶν καὶ πλεονάζοντες τὰ βαλάντια, καὶ τὸ χρυσίον τοκίζοντες, καὶ πένητας ἀποστρεφόμενοι, καὶ ἀσπλαγχνίαν ἀσκοῦντες, ἐν ἐχθρᾷ καὶ μῆνιδι εἰσερχόμενοι εἰς τὸ θυσιαστήριον τοῦ Θεοῦ, ἀρπάζοντες τὰ ἀλλότρια, πίνοντες τὸν πολυέραστον οἶνον εἰς πλησ(φ. 260 v.) μογήν, παχεῖς ἡμίονους καὶ πίονας ἵππους ποδοῦντες ἐπικαθέζεσθαι, στολὰς καὶ λουτρὰ καὶ περιπάτους καὶ τὰ πόρρω τοῦ ἁστεος κτήματα προδύμως ἐξωνούμενοι, ἀμελήσαντες διὰ παντός τοῦ ἔργου καὶ λόγῳ διδάσκειν καὶ νοουθετεῖν τὰ τέκνα τῆς καλλινίκου ἐκκλησίας περὶ μετανοίας καὶ ἐξομολογήσεως, περὶ ἐλεημοσύνης καὶ οἰκτιρμοῦ πενήτων, περὶ σωφροσύνης καὶ παρθενίας, περὶ ὑπομονῆς καὶ μακροθυμίας, καὶ ἀπλῶς εἰπεῖν, περὶ πάσης κατὰ Θεὸν ἀρετῆς· οἱ τὸν ἄρτον καὶ τὸν οἶνον καὶ τὸν ἔλαιον ἐλέησαντες μὴ δίδοναι τοῖς πένησι καὶ πτωχοῖς, οἱ γυμνῷ καὶ ῥεγοῦντι καὶ τετραχωμένῳ κρῦει μὴ δίδοναι θελήσαντες πώποτε πενιχρὸν καὶ ῥερικνωμένον ἱμάτιον, οἱ ξενεδίτην καὶ ἄπορον ἔνδον τῆς οἰκίας εἰσαγαγεῖν μὴ προδυμηθέντες, ἀλλὰ πάντα χρυσῷ εἰσπραττόμενοι, οἱ πᾶσαν προκοπὴν ἱερωσύνης ἐν δώροις ἐπώλησαν, οἱ πᾶσαν ἐκκλησίαν ἐλεεινῶς ἐκαπήλευσαν, οἱ ταῖς χειροτ(φ. 261 v.) νίας τῆς ἐκκλησίας οὐκ ἀρετῆ, ἀλλὰ χρυσῷ καὶ ἀργυρῷ προτετιμήκασι καὶ τὴν χάριν τοῦ παναγίου Πνεύματος χρήμασιν ἐχρήσαντο καὶ προῦδωκαν· οἱ τὴν ἱερωσύνην ἔργοις θεομοσήτοις αἰσχροῦς κατεμίαναν καὶ ταύτην ἀναξίως χρυσοῦ ἐνεκα καὶ ἀργυροῦ προδέδωκαν· οἱ αἵμασιν ἀδόξως ἐν ταῖς συναξέσι καὶ συνελεύεσι τῶν συμβουλευῶν αὐτῶν ἀλόγως ἐχράνθησαν. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ ἐπισυναχθῆναι πᾶσαν τὴν ἐκχωρισθεῖσαν συναγωγὴν ταύτην ἀπὸ τῆς εὐωνύμου

μερίδος τῶν ἀμαρτωλῶν καὶ παραγενέσθαι κατέναντι τῶν ὀφθαλμῶν τοῦ δικαίου κριτοῦ τετραγηλισμένοι καὶ κατηγχυμένοι, ἐπεὶ δὲν ἐπ' αὐτοὺς Κύριος ὁ Θεός, καὶ ἐβδελύξατο τὴν ἀσχημοσύνην καὶ δυσωδίαν αὐτῶν καὶ ἀπεφύηνατο κατ' αὐτῶν ἐν θυμῷ καὶ ὀργῇ λέγων· Ἡ συναγωγή αὕτη πονηρά ἐστι καὶ μοιχαλὶς, πόρνη καὶ βέβηλος, ματαιόφρων καὶ κατεστρηνιασμένη ταῖς βδελυρίαις αὐτῆς, ἡ ὀπίσω τῶν ἐπιθυμιῶν αὐτῆς ἐκπορνεύσασα καὶ τὸ ὄ(f. 261 v.)νομά μου τὸ ἅγιον τὸ ἐπικληθὲν ἐπ' αὐτὴν ἔργοις πονηροῖς ἐξυβρίσασα, ἡ κόπρον ἀγαπήσασα καὶ κερατῖαις πονηρῶς ἀποτροφήμασι τῶν ἀλόγων ζῶων· καὶ οὐ πέφυκεν ἐν αὐτῇ ἀγαθόν· διὰ τοῦτο πορευέσθω καὶ αὕτη ἐν τῷ αἰωνίῳ πυρὶ ὃ ἐξέκαυσεν αὐτὴ ἐπ' αὐτῇ. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ εἰρηκέναι ταῦτα τὸν δικαίον κριτὴν κατ' αὐτῶν, ἵν' ἀκοῦσαι καὶ ἰδεῖν θέαμα φοβερὸν καὶ φοβερόν ἐπ' αὐτοὺς ἄξιον θρηνην καὶ θαυμάσιον πολλῶν· δάκρυα γὰρ αἱματώδη ἐξέχεον ὀλολύζοντες ἐξ ὀφθαλμῶν αὐτῶν, στεναγμούς ἀνέπεμπον ἐκ βαθέων καρδίας, καὶ θρήνηος ἀπαιστος ἵν' ἐν αὐτοῖς, ἰκετευόντων τὸν κριτὴν καὶ λεγόντων· Ἐλέησον ἡμᾶς, ὁ Θεός, καὶ φείσαι τοῦ πλάσματός σου· εἰ γὰρ καὶ ἡμάρτομεν, ἀλλὰ πλὴν σοῦ Θεοῦ ἕτερον οὐκ οἶδαμεν, οὐδὲ διεπετάσαμεν χεῖρας ἡμῶν πρὸς θεὸν ἀλλότριον· φείσαι ἡμῶν, αἰώνιε βασιλεῦ, ὅτι ἡ πίστις ἡμῶν ὀρθὴ καὶ ἀμετάθετός ἐστιν ἐπὶ τῷ ὀνόματί σου τῷ ἁγίῳ, εἰ καὶ τὰ ἔργα ἡμῶν πονηρά. Καὶ εὐθέως εἰς τῶν στρατηγῶν ἀγγέλων, φόβῳ καὶ τρόμφῳ ἔστη πλη(f. 262 r.)σίον τοῦ φοβικωδεστάτου ἐκείνου κριτοῦ ἐκθαμβος, ἐν ταῖς χερσὶν αὐτοῦ σάλπιγγα κερατίνην ἐπιφερόμενος· καὶ ἐπένευσεν αὐτῷ ὁ Κύριος, καὶ ἐσάλπισε δις καὶ τρίς· καὶ ἰδοὺ ἡ σάλπιγξ κεκραγῶσα καὶ λέγουσα πρὸς αὐτοὺς ἐν τῷ πρώτῳ σαλπίσματι· Ἀπόστητε ἀπ' ἐμοῦ ὅτι οὐκ οἶδα ὑμᾶς· καὶ ἐν τῷ δευτέρῳ ἔλεξεν ἡ σάλπιγξ· Ταῦτα ὑμῶν τὰ δάκρυα καὶ τὸ πένθος ἐκείθεν χρεῶν πρὸ τῆς τελευτῆς ὑμῶν ποιήσασθαι διὰ μετανοίας καὶ ἐξομολογήσεως· ἐν δὲ τῷ τρίτῳ ἐξεφώνησε μέγα· Ἰδοὺ καὶ ὁ διάβολος ἐν ταῖς βασάναις ἀπαρτὶ μεταμελόμενος κατ' ὑμᾶς παραδοθεὶς ἤδη μετὰ μέλος ἐστι καὶ μέγα ὥσπερ ὑμεῖς τὸ οὐαὶ ἀνακραῖζει· καὶ γε οἰκτιρήσω αὐτόν; πορευέσθε οὖν ἀπ' ἐμοῦ οἱ κατηραμένοι εἰς τὸ πῦρ τὸ ἄσβεστον τὸ ἡτοιμασμένον τῷ διαβόλῳ καὶ ταῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ. Καὶ ἰδοὺ μετὰ τὸ κεκραγῆναι ταῦτα τὴν θαυμασίαν ἐκείνην σάλπιγγα

αΐφνης οί πύρινοι και γιγαντιαίοι εκείνοι (f. 262 v.) άγγελοι ώς άστραπή εισεπήδησαν και ώς χάλαζα πλείστη έπαπεισόντες αυτοίς ήρπασαν πάντας και τύπτοντες αυτοίς άνηλεώς ράβδοις πυρίναις, εν αΐς ή βορβορώδης θάλασσα του πυρός, κατά κεφαλής κατεκρήμισαν αυτοίς, ώςτε τοίς πόδας αυτών άνωφερει[ς] τούτων πεφυκέναι εν τή χαλεπωτάτῃ εκείνη και δυσωδεστάτῃ του πυρός τιμωρία, ένθα ο άκοίμητος σκώληξ βρύθει. Και ούτω συνετελέσθησαν και ούτοι εν ταΐς άνομίαις αυτών και ότι Κύριος ούκ ώκτειρεν αυτοίς, καθώς φησιν ο άπόστολος· ότι πόρνοι και μοιχοί βασιλείαν Θεοῦ ού κληρονομήσουσι, και πάλιν· ότι σύ άποδώσεις εκάστῳ κατά τά έργα αυτού.

Έτι προσθεις ο Κύριος ήφόρισεν άπό τών εξ εύωνύμων έτέραν συναγωγῆν όμοίως τῇ προτέρα, μεγάλην σφόδρα ώς υπερθαυμάσαι ήμάς τό εν αυτῇ πλήθος του λαοῦ· ήτις παραγενομένη έστη κατενώπιον αυτού. Κατανοήσαντες ούν άπό τών σχημάτων και σημασιών αυτών, έγνωμεν τῆν φρικτῆν και φο(f. 263 r.)βεράν εκείνην συναγωγῆν και τό εν αυτῇ άπαν πλήθος του λαοῦ, ότι άπό τῆς τάξεως τών τῆν μοναχικήν πολιτείαν άσπασαμένων ύπάρχει· και ταύτην όρῶντες άγαν έσκυθρωπάσαμεν, διαλογισάμενοι εν έαυτοίς ότι και οί μοναχοί, οί δια τον Χριστόν τῷ κόσμῳ άποταξάμενοι και πάντα καταλιπόντες και τῷ Χριστῷ άκολουθήσαντες και τῷ πλείονι μέρει τῆς ζωῆς αυτών εν νηστεΐαις και δάκρυσι και λοιπῇ πάσῃ σκληραγωγία διατελέσαντες και συζήσαντες, εν τῇ τών εύωνύμων εύρέθησαν μοίρα. Ός ούν παρέστησαν άπέναντι του δικαίου κριτοῦ εκείνου πάντες οί εν ταύτῃ τῇ συναγωγῇ μοναχοί, άπεισκοποῦμεν εις αυτοίς και βλέπομεν σκοτιζομένους όντας εν άνομίαις αυτών και λαμπάδας μὲν εν ταΐς χερσίν αυτών κατέχοντας ζοφεράς δὲ και φῶς μῆ κεκτημένας τό σύνολον, εκ δὲ του σχήματος αυτών σποδιά τις πλείστη άπεινάσσετο, και αυτοί ήσχύνοντο σφόδρα, τά δὲ πρόσωπα αυτών κεχρισμένα υπό σποδιάς φυραδείσης βαθυτάτῳ μέλανι· (f. 263 v.) και ή άμέλεια και ή ραθυμία αυτών επεκάθητο επι τας κορυφάς αυτών ώςπερ όρνεον, όπερ γύπαν προσαγορεύουσι πάντες· ή δὲ όκνηρία αυτών, ως μύλις άπό μολύβδου επι τας τραγήλους αυτών· και ή σκινφότης αυτών, καθάπερ αλύσεις σιδηραΐ άπό δισμυρίων λιτρών περισφιγγουσαι τας όσφύας αυτών· ή δὲ νωθρότης εκρέματο επι τών

μεταφρένων αὐτῶν, καθάπερ ὄφεις παχεῖς τυφλοὶ καὶ μυωπάζοντες· ἡ δὲ ἀνυποταξία αὐτῶν κατεκράτει τοῦ νότου αὐτῶν, οἷα στῦλος σιδηροῦς ἀπὸ ἀνωθεν ἕως κάτω· καὶ οἱ πόδες αὐτῶν ἐμπαιγμὸν καὶ χλεύην ὑποδεδυμένοι ἀπὸ τοῦ ἀπατήσαντος αὐτοὺς Σατάν, ὑφ' οὗ χλευασθέντες καὶ ἀπατηθέντες κατεμόλυναν καὶ τὸ πρῶτον βάπτισμα, τὸ ὑπὸ τοῦ Θεοῦ Πνεύματος δοθὲν αὐτοῖς διὰ τοῦ λουτροῦ τῆς καλιγγεσεσίας, καὶ τὸ δεύτερον τὸ διὰ τοῦ αἰσίου καὶ Θεοῦ ἀγγελικοῦ σχήματος ὅπερ ἐφόρεσαν, ψευδῶς συνταξάμενοι δουλεῦσαι τῷ Θεῷ· καὶ ἀθετήσαντες τὰς συνθήκας ἐδούλευσαν τῇ γαστρμαργία καὶ μέθῃ, τῇ πορνείᾳ τε καὶ μοι(f. 264 r.)χείᾳ, τῇ κενοδοξίᾳ καὶ τῇ μνησικακίᾳ, τῷ φθόνῳ καὶ τῇ καταλαλιᾷ καὶ τοῖς λοιποῖς ἄλλοις παραπτώμασιν. Οὐδ' ἰδὼν ὁ Κύριος καὶ μισήσας τὴν ἀπῆδῖαν καὶ ἀκαθαρσίαν αὐτῶν, παρέδωκεν αὐτοὺς τοῖς βασανισταῖς ἀγγέλοις· οἱ δὲ ἤρξαντο κράζειν ἀπὸ καρδίας καὶ λέγειν θρηνοῦντες γοερῶς καὶ πακρῶς ὀλολύχοντες· Ἐλέησον ἡμᾶς, ὁ Θεός, ὅτι σὲ μόνον Θεὸν ἐν πάσῃ τῇ ζωῇ ἡμῶν ἐγνωρίσαμεν καὶ τῷ ὀνόματί σου τῷ ἁγίῳ νυκτὸς καὶ ἡμέρας ἐλατρεύσαμεν, καὶ ἐν τῇ χάριτι τοῦ παναγίου σου Πνεύματος καὶ τῇ σῇ ἐπικλήσει δυνάμεις ἐποιήσαμεν καὶ δαιμόνια ἐξεβάλομεν καὶ λεπροὺς ἐκαθαρίσαμεν, νοσοῦντας ἰασάμεθα καὶ τὰ μέλλοντα ὡς ἐνεστώτα προείπομεν, καὶ πολλοὺς τῷ σῷ ἁγίῳ ὀνόματι προσηγάγομεν τῷ βαπτίσματι διὰ πίστεως σεσωσμένους. Ἐλέησον ἡμᾶς, ἐλεῆμον Κύριε, ὅτι διὰ σὲ τὴν παρθενίαν ἡμῶν σώαν ζιητηρήσαμεν· καὶ γὰρ ἡ(f. 264 v.)σαν πολλοὶ ἐξ αὐτῶν, οἵτινες τὴν παρθενίαν σώαν ἐφύλαξαν, ἀλλὰ τὴν σκηνίαν καὶ φιλαργυρίαν ποθήσαντες εἰς τέλος ἀθλίως ἀπώλοντο· Ἐλέησον ἡμᾶς, μονογενῆς Ὑἱὸ τοῦ Θεοῦ τοῦ ὑψίστου, ὅτι εἰ καὶ ἐν ἀνομίαις καὶ ἀσωτίαις καὶ πᾶσι φθοροποιῖς ἔργοις καὶ παραπτώμασι τὸν βίον ἡμῶν κατελύσαμεν, ἀλλὰ τῇ πίστει οὐκ ἀπέστημεν ἀπὸ σοῦ, οὐδὲ διεπετάσαμεν χεῖρας ἡμῶν πρὸς Θεὸν ἀλλότριον. Τούτων οὖν οὕτως ἐχόντων καὶ ἀποδυρομένων καὶ διὰ ἐυστίας καὶ θερμῶν δακρύων ταῦτα λεγόντων τῷ Κυρίῳ, ἰδοὺ ἐπέστη αὐτοῖς ὁ ἀρχιστρατηγὸς τῶν ἄνω δυνάμεων μετὰ σάλπιγγος, ὡς εἰρηται, κερατίνης· καὶ ἐπένευσεν αὐτῷ ὁ δίκαιος κριτὴς σαλπίσαι· ὁ δὲ ἐσάλπισε μέγα καὶ διωλύγιον ἐν ἰσχύι πρὸς αὐτοῦς· ἡ δὲ σάλπιγξ ἦν λέγουσα· Πορεύεσθε ἀπ' ἐμοῦ οἱ κατηραμένοι εἰς τὸ πῦρ τὸ αἰώνιον

τὸ ἡτοίμασμένον τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ, ὡς γὰρ ὑμεῖς οὐκ ἠκούσατε τῆς ἐμῆς φωνῆς, οὐδὲ ἐγὼ εἰσακούσω ἀρτίως ὑμῶν τῆς ἐντεύξεως καὶ τῆς παρακλήσεως· καὶ γὰρ προε(φ. 265 γ.)φητεύσατε ἐπὶ τῷ ἐμῷ ὀνόματι, ὡς φατέ, ἀλλ' οὐχ ἕνεκα ὑμῶν δέδωκα τὴν ἐν ὑμῖν προβάσαν προφητείαν, ἀλλ' ἕνεκα τῆς ἐτέρων σωτηρίας· ἐπαρθενώσατε, ἀλλὰ πένητα οὐκ ἐλεήσατε· ἢ μισάνθρωπος γὰρ καὶ ἀνελεήμων παρθενία οὐκ εὐάρεστος πρὸ προσώπου μου, οὐδὲ γὰρ ἔχει ὄλως παρρησίαν πρὸς με· δαιμόνια ἐφυγαδεύσατε, ἀλλ' οὐχ ὑμᾶς φοβηθέντα φυγεῖν ἐτράπησαν, ἀλλὰ τὸ ἐμοῦ ὄνομα φοβηθέντα ἀπέδρασαν· καὶ γὰρ ὑμεῖς αὐτὰ δι' ἔργων πονηρῶν κατεθεραπεύσατε· χεῖρας οὐ διεπετάσατε πρὸς θεὸν ἀλλότριον, ἀλλὰ τὰ πονηρὰ ὑμῶν ἔργα τῷ πονηρῷ Ἀντιχριστῷ προεπέμψατε καὶ τοῦτον ἰθεραπεύσατε· ἐνηστεύσατε πολλὰκις, ἀλλὰ τῶν σαρκικῶν ὑμῶν ἡδονῶν εἰς κόρον κατετρυφᾶτε αἰεὶ· ἠγρυπνήσατε, ἀλλὰ τῷ κάρῳ τῶν βιωτικῶν μερμυγῶν καὶ παθῶν τέλεον ἐνυστάσατε καὶ ἀπετυφλώθητε. Πορεύεσθε τοιγαροῦν ἀπ' ἐμοῦ, οὐκ οἶδα ὑμᾶς. Καὶ ὡς ταῦτα ἡ σάλ(φ. 265 ν.)πιγὲ δίηχησεν, ὄδυρμός ἐγένετο καὶ βοή ἐν μέσῳ αὐτῶν φρικωδестаτή λιάν καὶ τὸ δάκρυον ἐξεχείτο ἀπὸ τῶν ὀφθαλμῶν κρουνηδόν ἐν τῷ αὐτοῖς ἀποδύρεσθαι τὴν ἑαυτῶν ἀπώλειαν, οὐ οὐκ ἦν ἀριθμὸς, καὶ ὁ ἐλεῶν αὐτοῖς εὐ παρῆν. Καὶ ἰδοὺ οἱ ἀγγελοι τοῦ πυρός, ὡς δράκοντες αἰφνιδιον αὐτοῖς ἐπιπεσόντες, βία εἶλον αὐτοῖς ἀνηλεῶς τύπτοντες συνεχῶς ἐπιστρεφομένους πρὸς Κύριον καὶ πυκνὰ καθορῶντας αὐτόν, ἀλλ' ἐκεῖνος ἀπέστρεψε τὸ πρόσωπον αὐτοῦ ἀπ' αὐτῶν καὶ οὐκ ἦν ὁ οἰκτεῖρων αὐτοῖς. Ἀπὸ δὲ τοῦ πλήθους τοῦ λαοῦ τῆς συναγωγῆς ἐκείνης τῆς φοβερᾶς ἐδόκει γεμισθῆναι τὴν παφλάζουσαν ἐκείνην θάλασσαν τοῦ πυρός· καὶ ἔφη πρὸς με ὁ σὺν ἐμοὶ ἀγγελος ἰστώως ἐκεῖσε· Ὁρᾶς, ἀδελφε, τὰ γινόμενα; Ἐγὼ δὲ ἔφη· Ναι, κύριέ μου, ὁρῶ καὶ συντρίβονται μοι τὰ ὀσῶ καὶ ἡ ἰσχὺς μου εἰς τέλος ἐξέλιπε· πῶς οἱ καὶ τὸν μονήρη βίον ἀσπασάμενοι καὶ τῷ κόσμῳ ἀποταξάμενοι καὶ τῷ Κυρίῳ δουλεύσαντες οὕτως ἐλεεινῶς καὶ ἀδλίως τῆς ἐκ δεξιῶν στάσεως καὶ τάξεως (φ. 266 γ.) ἐκπεπτώκασι καὶ ἐν τῇ τῶν εὐωνύμων εὐρέθησαν μοῖρα; Καὶ ἀντέφησεν αὐτῷς ἐκεῖνος πρὸς με οὕτως· Ἐπὶ συντελείᾳ, ἀδελφε, τῶν αἰῶνων ἡ γενεὰ πᾶσα τῶν μοναχῶν εἰς ἀπώλειαν προεχώρησε, πλην ὀλίγων τινῶν τῶν ἀγα-

πησάντων δηλονότι κόπον και πόνον και μόχθον πνευματικόν ἐγκρατείας ἀναδέξασθαι και μέχρι τέλους ζωῆς αὐτῶν ἀμετατρέπτῳ λογισμῷ και νοί ἐν τούτοις εὐαρεστῆσαι Θεῷ· μόγις γάρ και οἱ ὀλίγοι ἐκεῖνοι ἐν κόπῳ και μόχθῳ, ὡς ἔφην, νήφοντες και γρηγοροῦντες ἰσχύσουσι διαδρᾶναι τὰς τέχνας και μηχανάς και παγίδας τοῦ πονηροῦ· ἐν γάρ τῇ συντελείᾳ τῶν αἰῶνων οἷα τῆς ἐνσάρκου ἐκείνης παρουσίας και βασιλείας τῷ τότε πέρας λαβούσης σφοδρότερον και χαλεπώτερον διὰ τῶν αὐτοῦ ποικίλων μαγγανειῶν και παγίδων προσβάλλων αὐτοῖς ἐλύση και λάβη πάντας σχεδόν ὑποχειρίους, και μᾶλλον ὅσοις ἢ ταπεινώσις και ἢ διὰ Χριστόν πτωχεῖα και κακοπάθεια τὸ καθόλου οὐχ εὐρηται;

Τούτων οὕτως περὶ (f. 266 ν.) αὐτῶν εἰρηκότος μοι τοῦ ὀδηγοῦντός με ἀγγέλου ἐκείνου και θεοειδοῦς νεανίσκου πρὸς τὰ ἄρρητα ἐκεῖνα θεάματα, ἰδοῦ ἑτέρα συναγωγή τῇ τοῦ κριτοῦ ἐπενέουσι ἐκχωρισθεῖσα ἀπὸ τῶν εὐωνύμων ἔσθη κατενώπιον αὐτοῦ, οὐχ ὁμοίως τῇ πρὸ αὐτῆ[ς] πολυάνθρωπος, ἀλλὰ μέση πως αὐτῆς φαινομένη. Και ἐν αὐτῇ μοναχοὶ και μοναχαὶ μιγάδες και ἀπὸ παντός τάγματος και γένους τῶν κατὰ κόσμον ἀνθρώπων ὄρωντο, ὄφτινες ἀντὶ περιβολαίου, ὁμίχλη πως μέση σκοτία και φέγγει ἐσπαργανωμένη, ὡς εἰ τις ἔχει παρεικάσαι αὐτὴν πρωτὴν ὁμίχλην· τὰ δὲ πρόσωπα αὐτῶν ὑπῆρχον οἷα τὰ τῶν μελαγχρόων ἀνθρώπων, και ποτὲ μὲν ἠσχύνοντο και κατηφείας ἐπληροῦντο, ποτὲ δὲ ἐλαμπρύνοντο, χεῖρας κεκτημένοι ἐξ ἡμισείας, λέγω δὴ σκοτεινάς και λαμπράς· ἤγουν αἱ δεξιαὶ λαμπραὶ, σταΐζουσαι διὰ τῶν δακτύλων χρυσέλαιον, αἱ δὲ ἀριστεραὶ σκοτειναὶ, ἀποσταΐζουσαι ὑγρόπισσον· οἱ δὲ πόδες αὐτῶν μέσως ἀγαθυνόμενοι και μέσως πονηρευόμενοι, οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν (f. 267 γ.) τῶν ὁμοίως εὐμενιζόμενοι τε και βλοσυρόν τι στρεβλοῦμενοι. Και ἐπέβλεψεν ἐπ' αὐτοὺς ὁ Κύριος και εἶδεν αὐτοὺς ἡμμοχθήρους ὑπάρχοντας και μὴ τὸ τέλειον πεφθακότας μέτρον τῆς αὐτοῦ εὐαρεστήσεως· ἦσαν γάρ και αἱ ἀκοαὶ αὐτῶν σὺν ταῖς λειπαῖς τούτων αἰσθήσεσιν ἐξ ἡμισείας, ποτὲ μὲν ὑπακούουσαι, ποτὲ δὲ βύουσαι. Τούτους οὖν οὕτως ἰδὼν ἀπέστρεψε τὸ πρόσωπον αὐτοῦ ἀπ' αὐτῶν και ἀπεφῆνατο κατ' αὐτῶν· και ἰδοῦ οἱ τοῦ πυρός ἀπότομοι ἄγγελοι και ὑπουργοὶ και ἔτασται τῶν κολαστηρίων ἐξαίφνης ἐπιπε-

σόντες αὐτοῖς εἶλον τούτους βιαίως καὶ ἰσχυρῶς σύροντες ἐπὶ τὴν ἀγρίαν ἐκείνην καὶ παφλάζουσιν θάλασσαν τοῦ πυρός, οἱ δὲ συχνὰ ἐπιστρεφόμενοι πρὸς τὸν Κύριον ἐδίδοσαν θρήνον ἐλεεινὸν καὶ ἐσχάτην φωνὴν ἠφίου καὶ ὀδυνηρὰν γοερῶς καὶ πικρῶς ἀλαλάζοντες· Φεῖσαι ἡμῖν, μακρόθυμε καὶ ἀνεξίκακε Κύριε, φεῖσαι ἡμῖν, βασιλεῦ εὐσπλαγχνε καὶ πολυέλεε, ἐλέησον ἡμᾶς, ἐλεῆμον καὶ εὐσυμπάδητε. Ὁ δὲ Κύριος ἐπιστραφεὶς (f. 267 v.) ἕωρα κατόπιν αὐτοῦ ὅπως ἐλκοντο βιαίως ὑπὸ τῶν φοβερῶν ἐκείνων ἀγγέλων, καὶ ἐθρήνουν καὶ ὠλοφύροντο, καὶ ἐδόκει ποτὲ μὲν σπλαγχνίζεσθαι, ποτὲ δὲ ὀργίζεσθαι ἐπ' αὐτούς· οἱ δὲ ἅγιοι ἄγγελοι τοῦ Θεοῦ ἔκλειον ἡσυχῇ πάντες ἐπ' αὐτοὺς καὶ δάκρυα ἐξ ὀφθαλμῶν αὐτῶν κατέχεον μὲν, οὐκ ἐτόλμων δὲ μεσιτεῦσαι περὶ αὐτῶν. Τούτων οὖν, ὡς εἴρηται, βιαίως ἀγομένων εἰς τὴν τοῦ ἀσβέστου πυρός ἐκείνην θάλασσαν πρὸς τὸ σὺν τοῖς λοιποῖς τοῖς ἐκείσε ἐμβληθῆναι κατακαυθῆναι (πλὴν οὐκ ἴσως ἐκείνοις, μὴ γένοιτο· ποῦ γὰρ τὸ δίκαιον τοῦ δικαίου κριτοῦ, εἰ οὕτως ἐπίσης ἐκείνοις ὑπολάβειν τινες; ἐμελλον καὶ οὗτοι τιμωρεῖσθαι καὶ βασανίζεσθαι, ἀλλὰ ἀναλόγως καὶ κατ' ἀξίαν τῶν ἔργων τούτους τὴν βίασαν τοῦ πυρός ὑπομένειν, οἷον τί λέγω; τῆς προσθήκης τῶν ἐτέρων τιμωριῶν ἐκτὸς διαμένοντες, σκώληκος φημί ἀκοιμήτου καὶ βρυγμοῦ τῶν ὀδόντων χαλεπῆς τιμωρίας· αἵτινες κολάσεις οὐχ ἅπανσιν ἐπίσης τοῖς ἁμαρτωλοῖς εὐτρεπιζονται, (f. 268 r.), ἀλλὰ τοῖς μὲν αἱ πᾶσαι, τοῖς δὲ ὀλίγοι, καὶ τισὶ μὲν αἱ μέσαι, τισὶ δὲ αἱ πλείους κατὰ τὸ μέτρον δηλονότι τῆς ἐκάστου πράξεως, καθὰ καὶ αἱ τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν μοναὶ καὶ κατασκηνώσεις κατὰ τὸ μέτρον τῆς ἀρετῆς ἐκάστου τῶν ἀγίων ἀναλόγως ἀπεκλήρωντο), ἰδοῦ ἄφνω ἐκ τῶν ἀνωτάτω κάτεισι κόρη τις πάνυ ὠραία, ἧς τὸ κάλλος ἀμήχανον καὶ τὸ πρόσωπον ὑπερδεδοξασμένον ἔχουσα, καὶ διάδημα βασιλείας φοροῦσα ἐπὶ τῆς κορυφῆς φοβερῶτατον, χιτῶνάς τε χρυσοφαεὶς καὶ χρυσοφάντους καὶ χρυσοπάστους περιβεβλημένη, καὶ λίθοι διαυγείας ἀπαστράπτοντες ἀνεκφράστῳ καλλονῇ ἐπὶ τῶν χρυσοπάστων χιτῶνων αὐτῆς· καὶ αἱ χεῖρες αὐτῆς λευκαὶ ὡς τὸ φῶς, οἱ δὲ πόδες ἐξήστραπτον ὡς ὁ ἥλιος. Καὶ ἰδοῦ ἐμπροσθεν αὐτῆς ἄγγελοι προηγούντο καὶ ὀπισθεν αὐτῆς ἄγγελοι ἐφέποντο δορυφοροῦντες ὡς βασιλίδι· ἧτις πανσέμνως κατιοῦσα τὸ τάχος παρεγένετο πρὸς τὴν θαυμαστήν

εκείνην (f. 268 v.) πύλην τῆς πόλεως ἐν ἣ καὶ ὁ φοβερῶτατος καὶ αἰώνιος βασιλεὺς ἔστατο φορῶν στολὴν ἐκδικήσεως καὶ ράβδον ἐν τῇ χειρὶ κατέχων ἀνταποδόσεως, καὶ κλίνασα τὴν κεφαλὴν πρὸς τοὺς ἀχράντους αὐτοῦ πόδας μέχρι ἐδάφους τῆς γῆς, ὤχετο τὸ τάχος ἐξαναστᾶσα ὠραίως ποσὶ κατόπιν τῆς συρομένης ἐκείνης ταλαιπώρου συναγωγῆς καὶ φθάσασα ταύτην περὶ τὸ χεῖλος τῆς φοβερᾶς ἐκείνης καὶ κυματουμένης θαλάσσης τοῦ πυρός, ἐν ἣ ἐμελλον χαλεπῶς κατακαίεσθαι, λέγει πρὸς τοὺς ἀπηνεῖς ἐκείνους ἀγγέλους τοὺς ταύτην βιαίως σύροντας καὶ ὠθοῦντας βάλλειν ἐν αὐτῇ πεπαρρησιασμένη τῇ φωνῇ· Ζῆ τὸ πρόσωπον τοῦ Πατρός μου τοῦ ἐν οὐρανῶς καὶ τοῦ μονογενοῦς αὐτοῦ Υἱοῦ καὶ Θεοῦ, καὶ ἡ θεία δύναμις τοῦ παναγίου αὐτοῦ Πνεύματος, οὐ τιμωρηθήσεται ἡ συναγωγὴ αὐτή. Συνῆκαν οὖν οἱ πύρινοι ἄγγελοι, ὅτι ἡ πρώτη θυγάτηρ αὐτῆ ἐστὶ τοῦ Θεοῦ, καὶ λέγουσι πρὸς αὐτήν· Κυρία ἡμῶν εἰ σύ, καὶ ἡμεῖς ἐπιστάμεθα ὅτι σύ εἰ ἡ πρώτη θυ(f. 269 γ.)γάτηρ τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου, ἡ πάνυ φιλουμένη παρ' αὐτοῦ φρικτὴ καὶ θαυμασιωτάτη Ἐλεημοσύνη, καὶ οἶδαμεν ὅτι πλὴν σοῦ οὐδεὶς πρὸς αὐτὸν κέκτηται παρρησίαν μείζονα, ὅς ἡμῖν ἀπεφῆνατο κατ' αὐτῶν· καὶ ἰδοὺ σπεύδομεν ποιῆσαι ἐκπληρῶσαι τε τὸ τούτου θέλημα· μὴ οὖν καθ' ἡμῶν χολώ[σ]ης, ὡ κυρία ἡμῶν. Ἡ δὲ φησὶ πρὸς αὐτοὺς· Οὐχί, καὶ γὰρ καὶ αὐτὴ καθαρῶς ἐπίσταμαι καὶ ὑμᾶς πειδομένους καὶ ἐκπληροῦντας τὰ τούτου θεῖα προστάγματα, ἀλλὰ καὶ γὰρ προσπεσοῦσα τοῖς ἀχράντοις αὐτοῦ καὶ ὠραίως ποσὶ παρεκάλεσα αὐτὸν περὶ τῆς ἀθλίας ταύτης καὶ ταλαιπώρου συναγωγῆς καὶ τὰ ἀχραντα καὶ φιλόφθωπα σπλάγγνα αὐτοῦ ἔκαμψα πρὸς οἶκτον, καὶ ἐπένευσέ μοι ὁ ἀγαθὸς καὶ πανεύσπλαγχνός μου Πατὴρ καὶ Κύριος προκαταλαβεῖν ὑμᾶς· καὶ δεῦτε ὑποστρέψωμεν πρὸς αὐτόν. Καὶ δὴ ὑποστρέψασα ἡ τριαυτὴ συναγωγὴ τῇ κελεύσει αὐτῆς μετὰ καὶ τῶν πυρίνων ἐκείνων ἀγγέλων, ἔστη σὺν αὐτῇ κατὰ (f. 269 v.) πρόσωπον τοῦ δικαίου κριτοῦ· προσδραμοῦσα οὖν πάλιν ἡ βασιλὶς ἐκείνη καὶ ὄντως ὠραία, προσέπεισε τοῖς ἀχράντοις αὐτοῦ ποσίν, αὐτὴ δὲ κατησπάσατο αὐτοὺς ἀσπασίως καὶ ἐξαναστᾶσα λέγει πρὸς αὐτόν· Κύριέ μου, Κύριε, οἶδα μὲν ὅτι διὰ τὴν πορνείαν καὶ ἀκαθαρσίαν καὶ πᾶσαν ἄλλην ἀθέμιτον ἐργασίαν τοῦ λαοῦ τῆς ταλαιπώρου συναγωγῆς ταύτης— τῷ δακτύλῳ ταύτην

ὑποδεικνύουσα, — ἐνοχός ἐστιν εἰς τὴν γέενναν τοῦ πυρός, ὅτι οὐκ ἔφθασεν ἐπιστρέφειν καὶ διὰ μετανοίας καὶ ἐξομολογήσεως ἐξιλεύσασθαι τὸ κράτος τῆς βασιλείας σου· διὰ δὲ τὴν ἐλεημοσύνην αὐτῶν καὶ τὴν ἄβυσσον τοῦ ἔλεους σου ἄφες αὐτοῖς δι' ἐμοῦ τὰ παραπτώματα αὐτῶν· ἀκήκοα γὰρ τοῦ ἀχράντου σου στόματος λέγοντος οὕτως· Μακάριοι οἱ ἐλεήμονες, ὅτι αὐτοὶ ἐλεηθήσονται. Ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτα ἐκείνης ἱκετικῶς λεγούσης καὶ παρισταμένης τῷ Κυρίῳ περὶ αὐτῶν, κάκεινων τρεμόντων, ὡσεὶ ὕδωρ θαλάσσης (f. 270 r.)· καὶ τινασσομένων ὡσπερ φύλλα τῶν δένδρων ὑπὸ βιαίας πνοῆς ἀπὸ τοῦ φόβου τοῦ δικαίου κριτοῦ καὶ τῆς ἀπειλῆς τῆς κυμαινομένης ἐκείνης θαλάσσης τοῦ πυρός, συνέθετο Κύριος αὐτῇ τοῦ φείσασθαι αὐτῶν καὶ κατένευσε τῷ στρατηγῷ τῶν ἀγγέλων, καὶ ἐσάλπισε τῇ σάλπιγγι αὐτοῦ, ἣτις ἐξεβόησεν ἡχῆ μεγάλη λέγουσα πρὸς αὐτούς· Διὰ μὲν τὴν ἐλεημοσύνην ὑμῶν ἐφεισάμην καὶ ἀπηλλοτριώσα ὑμᾶς τῆς ἀσβέστου τοῦ πυρός χαλεπῆς τιμωρίας, διὰ δὲ τὴν πορνείαν καὶ ἀκαθαρσίαν ὑμῶν, ἧς οὐκ ἀπέστητε μέχρι τῆς ἐσχάτης ὑμῶν ἀναπνοῆς, οὐκ εἰσάξω ὑμᾶς εἰς τὴν περικαλλῆ καὶ πανθαύμαστον καὶ ἀνεξιχνίαστον ταύτην πόλιν μου, τὴν ὄντως πεποδημένην κατοικεσίαν ἣν ἠτοίμασάμην πᾶσι τοῖς ἐκλεκτοῖς μου, οὐδὲ ὄψεσθε τὴν βασιλείαν μου. Καὶ εὐθέως ἐπένευσε τοῖς κατ' ἄρκτον ἐστῶσιν ἀγγέλοις ἐτοιμάσαι τόπον αὐτοῖς εὐπερίγραπτον καὶ κατασκηνώσαι πάντας παρ' αὐτῷ τῷ τόπῳ πλὴν τῶν ἀναγκαίων ἐστερημένους (f. 270 v.), ὃ δὴ καὶ γέγονε. Παραλαβόντες γὰρ αὐτούς οἱ ἄγγελοι τοῦ Θεοῦ ἐπορεύθησαν ἔνθα καὶ προσετάχθησαν κάκει αὐτούς κατεσκήνωσαν εἰς τόπον μὲν ἀναπαύσεως, πλὴν δὲ τῶν ἀναγκαίων, ὡς εἴρηται, τῆς αἰωνίου ζωῆς ἐστερημένους.

Καὶ τούτων οὕτω τελεσθέντων, διεστειλατο ἔτι ὁ Κύριος καὶ Θεὸς ἀπὸ τῶν ἐξ εὐωνύμων αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἕτερα συναγωγή ἀφορισθεῖσα ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ (ἣ δὲ δεδοξασμένη ἐκείνη βασιλίσσα ὅθεν ἦκεν ἐν δόξῃ καὶ τιμῇ ἀνθυπέστρεψε πρὸς τὸν ταύτης Πατέρα· θυγατέρα γὰρ τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρός πρώτην τὴν Ἐλεημοσύνην ἐκάλεσεν, ἐπειδὴ πάσας τὰς γενικὰς ἀρετὰς ἐμφύτους ἔχει παρ' ἑαυτῇ), ἣτις συνχωγῆ ἦν τυφλώτουςα μὲν, ὀδηγουμένη δὲ νεύματι Θεοῦ, καὶ οὔτε ἀγαθὸν οὔτε πονηρὸν ὠρᾶτο ἐν αὐτῇ·

και τὰ πρόσωπα αὐτῶν οὔτε δοξαζόμενα οὔτε ἐπαισχυνόμενα ἕως ἔχνος ποδῶν αὐτῶν, και ἡ ἀμφίασις αὐτῶν πενιχρὰ μὲν, πλὴν οὐκ αἰσχυνομένη, και αἱ χεῖρες αὐτῶν και οἱ πόδες κατὰ τὸ αὐτὸ πεφυκότες, οὔτ' ἀσχημονοῦντες οὔτ' εὐπρε(f. 271 γ.) πίζοντες. Και εἶδε Κύριος ἐπ' αὐτοὺς και ὠργίσθη διὰ τῆς αὐτῶν τυφλώσεως, οὐκ ἐπ' αὐτοῖς, ἀλλὰ πρὸς τοὺς αὐτοὺς τεκόντας ἐφ' οἷς και τὸν δικαῖον αὐτοῦ θυμὸν κεκένωκεν, ἐπειδὴ οὐκ ἔφθασαν τῷ τιμίῳ αὐτοῦ βαπτίσματι τελειῶσαι και φωτίσαι αὐτοὺς· και ἐνετείλατο Κύριος δοθῆναι αὐτοῖς τόπον ἀναπαύσεως κατὰ μεσημβρίαν και τινα βραχυτάτην ἀπόλαυσιν ζωῆς αἰωνίου διὰ ἔλεον ἀφατον και φιλανθρωπιάν αὐτοῦ, πλὴν οὐκ ἐν τῇ πόλει τῇ ἀγία οὐδὲ ἐν τῇ βασιλείᾳ τῶν οὐρανῶν, ἀλλ' ἰδίως, ὡς εἶρηται, ἐν τόποις οὓς ἠφόρισεν αὐτοῖς· διότι ἐκέκραξαν πρὸς αὐτὸν ἐκ βάθους ψυχῆς μετὰ δακρύων λέγοντες· Μνήσθητι, δέσποτα Κύριε, ὡς οἰκτιρῶν και ἐλεήμων και μόνος ἀγαθός και εὐσυμπάθητος ἡμῶν τῶν ἀμαρτωλῶν, ὅτι εἰ και ἀνάξιο ἴσμεν δευλοῖ σου μερίδος τυχεῖν τῶν σωζομένων διὰ τὸ μὴ τελειωθῆναι ἡμᾶς τῷ τιμίῳ βαπτίσματι τῆς εἰς Πατέρα και Υἱὸν και ἅγιον Πνεῦμα ἀμωμήτου ἡμῶν πίστεως, ἀλλ' ὅτι χριστιανῶν τέκνα τυγχάνομεν, και αἰτούμεθα (f. 271 ν.) τῆς σῆς ἀνεξικακίας διὰ σπλάγγνα σῶν οἰκτιρῶν τυχεῖν ἡμᾶς τινός ῥανίδος ἐλέους, και μὴ ὡς ἀμύητους σφραγίδος τῆς σῆς βασιλείας ἐν τῇ γεέννῃ τοῦ ἀσβέστου πυρός παραπεμφθῆναι· εἰ γὰρ συνεχώρησεν ἡμῖν και αἰφνίδιος ἐπέλευσις τοῦ θανάτου τὴν σφραγίδα δέξασθαι τὴν ἀχραντον τῆς σῆς βασιλείας, και εἰ ἐζήσαμεν ἐν τῷ ματαίῳ ἐκείνῳ κόσμῳ, εὐηρεστήσαμεν ἂν ἐνώπιόν σου και τῆς σῆς βασιλείας ἠξιώθημεν· ἐπεὶ δὲ οἷς αὐτὸς οἶδας κρίμασιν ἐστέρησας ἡμᾶς τῆς ἐπικήρου και ματαίας ἐκείνης ζωῆς και βραχυτάτου φωτός πρὸ τοῦ ἀρτιωθῆναι τὰς αἰσθήσεις ἡμῶν και πρὸ τοῦ σχεῖν ἡμᾶς τελείας τὰς φρένας γινώσκειν καλὸν και πονηρὸν, μὴ και τῆς ἀπεράντου ταύτης και μακαρίας ζωῆς και τοῦ ἀνεσπέρου και γλυκυτάτου φωτός ἀφυστερήσης και ἀπαλλοτριώσης ἡμᾶς διὰ ἔλεος ἀμετρον τῆς σῆς ἀγαθότητος, ἀλλ' ὡς μόνος εὐδιάλλακτος ἐπικάμφθητι και ἐλέησον ἡμᾶς. Ἰπῆρχον δὲ οὕτοι πάντες οἱ τῆς μεγίστης ἐκείνης συναγωγῆς τὰ ἀρτιότακα βρέφη και ἔμβρυα τῶν χρυ(f. 272 γ.) στιανῶν, τὰ μὴ φθάσαντα τὴν σφραγίδα τοῦ

θείου βαπτίσματος δέξασθαι· διὸ καὶ, ὡς εἶρηται, ἐπικαμφθεὶς ὁ δικαῖος κριτῆς τῆς δεήσεως αὐτῶν τὴν μὲν ὀργὴν αὐτοῦ καὶ τὸν δικαῖον θυμὸν ἀφήσιν ἐπὶ τοὺς τεκόντας αὐτοὺς, αὐτοῖς δὲ ἐνετείλατο δοθῆναι τόπον ἀναπαύσεως καὶ μερίδα μικρᾶς τινὸς ἀπολαύσεως, πλὴν πόρρω οὖσαν τοῦ κλήρου καὶ τῆς μερίδος τῶν ἐκλεκτῶν, ἀναστήσας αὐτοὺς ἐν τελείᾳ ἡλικίᾳ ἐπίσης τῇ λοιπῇ βροτεΐᾳ φύσει.

Ἐπι καὶ τούτων ἀποκαταστάντων ἐν τόποις ἀναψύξεως οἱ αὐτοῖς εὐχαρίσατο ὁ Κύριος δι' ἔλεον ἄμετρον, ἠφόρισεν ἐκ τῆς τῶν εὐωνύμων μερίδος ἑτέραν συναγωγὴν, καὶ ἰδοὺ αὕτη παραγεγονυῖα ἔσται κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ· καὶ αὕτη ἡ συναγωγὴ εἶχε μορφῆς χαρακτηῖρα ἐπίσης τοῦ διαβόλου, καὶ ἡ καρδία αὐτῶν ἦν βεβαμμένη ἀπὸ τῆς δυσωδίας τοῦ Σατανᾶ· τὰ γὰρ πρόσωπα αὐτῶν ἦσαν διεστραμμένα καθάπερ σχῆμα δράκοντος, καὶ σκότος περὶ αὐτοὺς ὡς ἀπὸ καπνοῦ θε(φ. 272 ν.ἀφης, καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν ὑφαιμοὶ κάτωθεν δὲ μελανοί, καὶ ὕλη τις δυσώδης ἐξεπορεύετο ἀπ' αὐτῶν· καὶ ἐν ταῖς ἀκοαῖς αὐτῶν ὄφεις πετώμενοι δάκνουσι κρεμώμενοι, καὶ ἀπὸ τοῦ στόματος αὐτῶν σκώληκες ἀμαυροὶ μετὰ ἰχώρος ἐξέπιπτον, καὶ οἱ πόδες αὐτῶν σφόδρα σεσηπότες, καὶ μυταὶ ἄγαν πονηρῶς κατεσθίουσαι αὐτούς· καὶ οὗτοι πάντες κεκατηραμένοι. Ταῦτα δὲ πάντα οὐχ ὑλῶδες ἐτύγχανον, ἀλλὰ νοητὰ σήμαντρα τῆς αὐτῶν κακίας δηλοῦντα τοῦ τρόπου αὐτῶν τὴν ἐλεεινὴν καὶ ἀπευκταϊοτάτην κατάστασιν. Καὶ εἶδε Κύριος καὶ παρωξύνθη λίαν ἐπὶ τὴν πονηρὰν ἐκείνην συναγωγὴν, διότι ἦν ἐπικατάρατος σφόδρα, καὶ ἐζήτησε τὸν ταύτης ἀπατεῶνα· καὶ αὐτὸς εὐθύς παρεγένετο· ὁ δὲ Κύριος ἔφη πρὸς αὐτόν· Οὐκ εἰμι ἐγὼ Κύριος Ἰησοῦς Χριστὸς ὁ συναίδιος καὶ συνάναρχος Υἱὸς καὶ Λόγος τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρός, ὁ κατὰ πάντα ὁμοῖος αὐτῷ πλὴν τῆς γεννήσεως, εἰ καὶ τέλειος ἀνθρωπος γέγονα διὰ τὴν τῶν βροτῶν σωτηρίαν; πῶς οὖν αὐτὸς τολμηρῶς ἀγαρί(φ. 273 γ.)στω γνώμη καὶ γλώσση τὴν ἐμὴν θεότητα εἰς κτίσμα κατήγαγες καὶ τοῦ κατὰ φύσιν ὁμοουσίου μοι Πατρός ἐξέκοψας καὶ ἐχώρισας καὶ μετὰ τῶν ποιημάτων τὸν ποιητὴν συνηρίθμισας, καὶ οὐ μόνον στάσεως καὶ ταραχῆς ἐπὶ τοσοῦτον χρόνον τὴν ἐν τῷ ἐμῷ ὀνόματι ἐξαγορασθεῖσαν ἐκκλησίαν ἐπλήρωσας, ἀλλὰ δὴ καὶ τὴν τοῖς σοῖς πονηροτάτοις λόγοις ἐξαπατηθεῖσαν ματαίαν ταύτην συναγωγὴν σὺν σοὶ καὶ

τῷ σῷ πατρὶ Σατανᾶ αἰωνίῳ ὀλέθρῳ παρέδωκας; Ἄποδος μοι οὖν, ἄθλιε καὶ ἐπάρατε, τὰς ψυχὰς αὐτῶν. Καὶ τούτων οὕτως ὑπὸ τοῦ Κυρίου πρὸς τὸν ἄφρονα καὶ παμβέβηλον καὶ μεμνηότα Ἄρειον ἐν θυμῷ δικαίῳ λεχθέντων, εὐθύς ἐπένευσε τοῖς τοῦ πυρὸς ἀγγέλοις, καὶ ἤρπασαν αὐτὸν ἐν θυμῷ ἀκατασχέτῳ κεκινημένοι, καὶ δήσαντες αὐτοῦ χεῖρας καὶ πόδας ἐν βαρείαις ἀλύσεισι καὶ ἐπὶ τὸν τράχηλον αὐτοῦ ἐπιθέντες τροχὸν σιδηροῦν ὡσεὶ λιτρῶν ὀσμυρίων, τύπτοντες αὐτὸν ῥάβδοις πυρίνοις ἔρριψαν αὐτὸν εἰς τὸ κατώτατον χάος τῆς ἀβύσσου, ὅπου ἐλέγετο εἶναι αὐτὸς ὁ Σατανᾶς σὺν τοῖς δαίμοσιν αὐτοῦ μυρίαῖς ἀλύσεισι δεδεμένοις, ὅπως ἐκεῖ σὺν τῷ Ἰούδα κολάζεσθαι καὶ πᾶσι τοῖς ὁμοίοις αὐτοῦ σὺν αὐτῷ ἐκείσε, ἔνθα οἱ μυριόφρικτοι πρηστῆρες, ἔνθα τὸ μυριόλογον καὶ φρικωδέστατον πῦρ, ὅπου αἱ μυριάδες τῶν ποικίλων καὶ χαλεπῶν τιμωριῶν μυριοεπινοήτως ἀγχουσαι καὶ δεινῶς ἐκπιέζουσαι καὶ πικρῶς ἐκτηγανίζουσαι καὶ τιτρώσκουσαι πάντας τοὺς ἀπαξ κατακριθέντας ἐκεῖ σὺν τῷ Ἀντιχρίστῳ καὶ προδρόμῳ αὐτοῦ μαρωτάτῳ καὶ βεβήλῳ Ἀρείῳ εἰς τὸ διηνεκές καὶ ἀπέραντον μετὰ καὶ τοῦ προδότου Ἰούδα καὶ τῆς μερίδος αὐτοῦ. Ὡσαύτως ἀρπάσαντες ὀξυτάτως καὶ τὴν αὐτῷ βεβήλῳ μαθητευθεῖσαν μαρωτάτην συναγωγὴν ἐκείνην καὶ ῥάβδοις πυρίνοις τύπτοντες, πάντας σφοδρῶς ἐν ταῖς θαλάσσαις ἐκείναις τοῦ πυρὸς τοῦ ἀστέκτου διασκορπίσαντες ἀπηκόντισαν αἰωνίῳ (f. 274 γ.)ως σὺν τοῖς δαίμοσιν αὐτῶν καὶ τῷ διδασκάλῳ αὐτῶν τῷ παμμάρῳ καὶ ἀσεβεστάτῳ Ἀρείῳ ἀπαύστως κολάζεσθαι· οὕτω γάρ μοι εἰρήκει καλεῖσθαι αὐτὸν ὁ σὺν ἐμοὶ ὧν ἐκείσε θαυμαστός καὶ θεοειδέστατος νεανίας.

Ἐἶτα διεχώρισεν ὁ Κύριος ἀπὸ τῶν εἰκονύμων αὐτοῦ ἑτέραν συναγωγὴν, ἧς τὸ πλῆθος ὀλιγοστόν λίαν, καὶ αὕτη παραγενομένη ἴσθη τετραχελισμένη ἐνώπιον τοῦ φοβερωτάτου κριτοῦ, καὶ βόρβωρος δυσώδης λίαν ἐξεπορεύετο ἐκ τοῦ στόματος αὐτῶν· καὶ οὗτοι πάντες ἦσαν δρακοντόσχημοι, ὄφεις εἰλημμένους κατέχοντες περὶ τοὺς αἰχένας αὐτῶν, καὶ τὰ πρόσωπα αὐτῶν ἀπηγρωμένα, καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν ἐκτεθηριωμένοι σφόδρα, καὶ σκότος ἦν εἰλημμένον ἐν ταῖς ποσὶν αὐτῶν, αἱ δὲ γλῶσσαι αὐτῶν ἐκρέμαντο ἔξω τοῦ στόματος αὐτῶν ὡσπερ ὄφεις τοῦ θανατηφόρου πλήρεις καὶ ὡς ἔχει ὑποστρεφόμεναι, ὑφ' ὧν ἐξεπορεύετο πῦρ ἄχρι καὶ τοῦ οὐρανοῦ ἀναγόμενον

καὶ μέχρι τῶν (f. 274 v.) ἐσχάτων τῆς γῆς ὑποστρεφόμενον, ὑφ' οὗ σφόδρα ἐταλαιπωρεῖτο ἅπαν τὸ ἔδαφος τῆς γῆς, εἶτα εἰς καπνὸν δριμύτατον ἀποκαθιστάμενον καὶ τῷ μὲν δοκεῖν κατ' ἀρχάς, ὡς εἰρηται, ἕως τοῦ οὐρανοῦ ἀνερχόμενον, καταλήγον δὲ ἄχρι καὶ τῶν κατωτάτω τῆς γῆς. Ἐπεὶ οὖν ὁ Κύριος καὶ ἐπὶ ταύτην τὴν ἐλεινήν καὶ ταλαίπωρον συναγωγὴν καὶ εἰζήτησε τὸν ἀπατήσαντα αὐτοὺς παμβέβηλον πλάνον τὸν τὴν θολερὰν ἐκείνην ἀνατροπὴν τῆς βλασφημίας ἐργασάμενον καὶ τὸν ἀναιδῆ λαὸν ἐκεῖνον ποτίσαντα· ὅς καὶ παρέστη κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ ὅλος βαρυκάρδιος ὢν καὶ σκοτοδίνης πεπληρωμένος. Καὶ εἶπε Κύριος πρὸς αὐτόν· Ἐγὼ μὲν σιγήσω, τὸ δὲ γε ὑπὸ σοῦ βλασφημηθὲν πανάγιον καὶ ὁμοούσιον ἐμοὶ καὶ τῷ Πατρί μου Πνεῦμα τὸ κύριον καὶ θεῖον ἐλεύσεται καὶ ὀφθήσεται σοι, καὶ καταισχυνθήσῃ ὑπ' αὐτοῦ, ὅτι ἐστὶν ὄντως Θεός. Καὶ ἰδοὺ πᾶσαι αἱ θεαὶ δυνάμεις τῶν ἁγίων ἀγγέλων ἤρξαντο ἄδειν αἰ(f. 275 r.)νον τερπνὸν καὶ ξένον καὶ μέλος οὐράνιον, γλώσση ἀνθρωπίνῃ ἀνεκδιήγητον καὶ ἀνέκφραστον ἀνευφημοῦσαι ὡσανεὶ ἀνακαλούμεναι τὸ πανάγιον καὶ ζωαρχικὸν καὶ θεῖον Πνεῦμα. Εἶχε δὲ τὰ τῆς ὑμνωδίας οὕτως· Βασιλεῦ οὐράνιε, παράκλητε, τὸ Πνεῦμα τῆς ἀληθείας, ὁ πανταχοῦ παρὼν καὶ τὰ πάντα πληρῶν, ὁ θησαυρὸς τῶν ἀγαθῶν καὶ ζωῆς χορηγός, ἔλθε καὶ ἐμφάνηθι ἐν μέσῳ ἡμῶν ὥστε αἰσχυθῆναι καὶ καταισχυνθῆναι εἰς σὲ διακενῆς ἀνομήσαντα καὶ παρανομήσαντα καὶ μεμηνῶς βλασφημήσαντα μιαιώτατον Μακεδόنيον, καὶ τῆς ὁμοουσιότητος τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ σὲ χωρίσαντα καὶ ἀποξενώσαντα. Μετὰ γοῦν τὴν φρικωδεστάτην καὶ θεοτερπῆ ὑμνωδίαν ταύτην, ἰδοὺ φῶς ἔλαμψεν ἄνωθεν φρικωδέστατον καὶ διεχύθη μέχρι καὶ τῶν ἀχράντων ποδῶν τοῦ Σωτῆρος Χριστοῦ καὶ οὐκ ἐξέλιπεν, ἐφήπλωτο δὲ ἐπὶ πάσῃ ὁδῷ ἢ διώδευσε· καὶ μετὰ τὴν τοῦ φωτὸς τοῦδε παρουσίαν, ἰδοὺ ἀκτῖνες προσβάλλου(f. 275 v.)σαι ἐπάνω αὐτοῦ, ὡς ἀπὸ πυρσοῦ μεγάλου ἀναφλεγόμενου καὶ σπινθηροβόλου· καὶ μετὰ τὰς σπινθηροβόλους καὶ φωτοειδεῖς ἀκτῖνας ἐκείνας, ἰδοὺ εἶδος ἀστραπῆς λευκῆς χιονοειδοῦς, καὶ μετ' αὐτὸ ἰδοὺ εὐπρέπεια ὠραιότητος, σύνεσις τε καὶ καλλονὴ ἀσύγκριτος, ἰδοὺ ἀγάπη καὶ χαρὰ ἀνεκλάλητος, εἰρήνη τε καὶ μακροθυμία, καὶ αὐταὶ πᾶσαι συνεζευγμέναι ἀλλήλαις ξενετρόπως. Ἡ δὲ ὠραιότης

και καλλονή αὐτῶν τοιαύτη τις ἦν, ὡς βρότειος νοῦς οὐ νοήσασθαι δεδύνηται, μὴ ὅγε ἐξεῖπειν γλώσση και ἀκοαῖς ταύτην χαρίσασθαι, ἀλλ' οὐδὲ ἐκφράσαι ταύτην ὅλως ἰσχύσει. Και μετ' αὐτάς ἰδοῦ θρόνος σμαραγδοειδῆς ποικιλόμορφος σπινθηροβολῶν και τὸν αἴρα τοῦ οὐρανοῦ κατακυρσεύων, και ἐπ' αὐτῷ ὁ Παράκλητος ἐπὶ νεφέλης φωτεινῆς ἐπαναπαυόμενος· και τὸ εἶδος αὐτοῦ ἐξάϊσιον και ἀνεκδιήγητον ὡσεὶ περιστερᾶς χιονοειδοῦς, και αὐτὸς ἤχε μετ' ἐκπλήξεως και ἐπανεπαύσατο ἐν τῷ μονογενῇ Υἱῷ και Λόγῳ τοῦ (f. 276 r.) Θεοῦ και Πατρός. Και ὑμνησαν ἐπὶ τῇ τούτου θεικῇ παρουσίᾳ και ἐπελεύσει πᾶσαι αἱ τῶν οὐρανῶν δυνάμεις, Θεὸν ἀληθινὸν αὐτὸν δοξάζουσαι και ὁμοούσιον τῷ Θεῷ και Πατρὶ και τῷ μονογενεῖ Υἱῷ αὐτοῦ, οὕτω βοῶσαι ἀναπαύστως και ἀλαλάζουσαι τὸν συνήθη τρισάγιον αἶνον· Ἄγιε, ἄγιε, ἄγιε. Συνεὶς οὖν ὁ ἐπάρατος και θεομοσῆς Μακεδόνιος τὴν τῶν ἀγγέλων ὑμνωδίαν και τὰ ὁραθέντα αὐτῷ ζῆνα και φρικτὰ και ὡς ἀληθῶς θεικά θεάματα, εἰς τέλος κατησχύνθη και ὡσεὶ νεκρὸς πρηνῆς πέπτωκεν ἄφρονος, και ἡ ὑπ' αὐτοῦ μαθητευθεῖσα και πλανηθεῖσα ματαιοτάτη συναγωγὴ· ἔγνω γὰρ ὡς ἀληθῶς ὁ τρισάθλιος και οἱ μετ' αὐτοῦ, ὅτι Θεὸς ἀληθινὸς ἐστὶν ὁ Παράκλητος. Και ἰδοῦ ἐπινεύσαντος τοῦ δικαίου κριτοῦ, οἱ ἄγγελοι τοῦ πυρός ὡσεὶ τάχος ἀστραπῆς παρεγένοντο και παραλαβόντες αὐτὸν και ῥάβδοις πυρίνοις ἀνηλεῶς τύπτοντες και παραπλήσια τῷ βεβήλῳ Ἀρείῳ εἰς αὐτὸν πράξαντες, σὺν τοῖς ὑπ' αὐτοῦ αὐτὸν ἀπηκόντισαν και ἀπέρριψαν (f. 276 v.) εἰς τὴν ἄσβεστον φλόγα τοῦ πυρός, ἐν ᾧ τὸ μυριόφρικτον και μυριόλογον πῦρ ἕκαστον ἰδίως φλέγον και ἀδίως κολάζον τοὺς ἐν αὐτῷ κατακριθέντας· ἐκεῖ γὰρ εἰσιν, ὡς προεῖρηται, μυριάδες χαλεπαὶ τῶν πικρῶν τιμωριῶν σφοδρῶς ἀγχουσαι και δεινῶς πιέζουσαι τὸν σκολιὸν δράκοντα και ἐπικατάρατον Σατανᾶν σὺν τοῖς δαίμοσιν αὐτοῦ· τὸ δὲ βέβηλον αὐτοῦ ἄδρουσμα ἐν ταῖς θαλάσσαις τοῦ πυρός διαμερίσαντες ἀπέρριψαν αἰωνίως κολάζεσθαι.

Και τούτων οὕτως τελεσθέντων τὸ μὲν θεῖον και ὡς ἀληθῶς κύριον και ζωαρχικὸν Πνεῦμα ἐπανῆκεν αὐθις ὅθεν ἐλήλυθεν, εἰ και μὴ ἀπὴν θεικῶς τοῖς ἐκεῖ, ὁ δὲ Κύριος προσέδετο ἐπι ἀφορίσαι ἀπὸ τῆς ἐξ εὐωνύμου αὐτοῦ μερίδος ἐτέραν συναγωγὴν, ἣτις ἐκχωρισθεῖσα τῇ θεικῇ νεύσει τοῦ δικαίου κριτοῦ ἐστὶ κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ· ἣτις

ὑπῆρχεν ὀλιγοστή λίαν παρά τὴν πρό αὐτῆς συναγωγὴν, καὶ Κύριος ἐπαίδεν ἐπ' αὐτήν, καὶ αὕτη ἦν πονηρὰ σφόδρα καὶ ἁμαρτωλός· καὶ τὸ μὲν (f. 277 γ.) ἡμισυ τοῦ προσώπου αὐτῶν σκότῳ χαλεπῷ ἦν ἁμαυρούμενον, τὸ δὲ ἡμισυ κοπρῶδες καὶ βδελυρὸν, ἀκαθαρσίαν πολλὴν δυσειδεστάτην σταλάζον· ἐπὶ δὲ τὰ σώματα αὐτῶν ὡς ἰστός ἀράχνης ἐπέκειτο καὶ αὐτὸς κονιορτῷ πολλῷ κρεμώμενος, τὸ δὲ στόμα αὐτῶν ὑπῆρχεν ἐξηρευγόμενον ἀσθένειαν καὶ καπνὸν θεάφης δυσῶδη καὶ ἀφόρητον πληρούμενον· οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν πονηρὰ βλέποντες, αἱ χεῖρες αὐτῶν καὶ οἱ πόδες κόπων καὶ πόνων ματαίων ὑπῆρχον ἀνάπλευοι. Καὶ ἰδὼν αὐτὴν οὕτως ἔχουσαν ὁ Κύριος σφόδρα ἐβδελύξατο αὐτήν, καθότι ἐν τῷ ματαίῳ κόσμῳ ζωὴ αὐτῶν σκάνδαλον μέγα τοῖς ἁγίοις καὶ ταῖς σεβασμίαις ἐκκλησίαις ὑπῆρχέ τε καὶ γέγονε καὶ εἰσέτι καθέστηκε. Καὶ διεκελεύσατο ὁ Κύριος εἰς τὸ ἐμφανὲς τὸν ἀπατεῶνα αὐτῶν ἀχθῆναι, ὡς θάπτειν ὡς ἐν ῥιπῇ ὀφθαλμοῦ παρέστη ἐνώπιον αὐτοῦ, καὶ ἦν ὅλος ἐβδελυγμένος καὶ μεμισημένος ἐναντίον Κυρίου· καὶ ἰδὼν αὐτὸν ὁ Κύριος φησὶ πρὸς αὐτὸν διὰ τῆς ἀρχαγγελικῆς τάξεως κατὰ τὸ εἰωθὸς (f. 277 ν.) λέγων· Ποῦ εἶσι, παμβέβηλε, τὰ ἐν τῇ ἐμῇ ἐνσάρκῳ οἰκονομίᾳ δυσπρόσωπα, ἀ ἐκ τῆς σῆς κειλίας ἐξήμεσας ἔχειν με; τοῦ δὲ καὶ οἱ δύο υἱοὶ οὖς ἐν τῷ ἐμῷ Πατρὶ ἀθέως ἐκήρυξας καὶ τὸν σοὶ πεπειθότα καὶ σὺν σοὶ παρεστῶτα νυνὶ ἄφρονα λαὸν εἰς ἐμὲ πιστεῦειν ἐδίδαξας καὶ πεπλάνηκας καὶ ἀντὶ βασιλείας οὐρανῶν υἱοῦς γέννης τούτους πεποίηκας; Οὐκ ἐγὼ μόνος εἰς ἅγιος καὶ εἰς Κύριος Ἰησοῦς Χριστὸς εἰς δοξαν τοῦ ὁμοουσίου μου Θεοῦ καὶ Πατρός; οὐκ ἐγὼ μόνος Θεὸς ὁμοῦ καὶ ἄνθρωπος ὁ αὐτὸς ἐν δυσὶ τελείαις φύσεσιν, ἐν δυσὶν εὐσείαις, ἐν δυσὶν ἐνεργείαις, ἐν δυσὶ θελήσεσιν, ἐν μιᾷ δὲ τῇ ὑποστάσει γνωριζόμενος καὶ προσκυνούμενος καὶ δοξαζόμενος ὑπὸ πάσης κτίσεως ὀρατῆς τε καὶ ἀοράτου; Ποθεν γοῦν ἄρα σὺ, μαρῶτατε θῆρ ὀλετήρ, ἐν ἐμοὶ τὰ δύο προσώπα καθιστόρησας καὶ ἀπεκάλυψας ταῦτα τοῖς σοῖς ὁμόφροσι, καὶ τὸν παρόντα δῆμον ἀθλίως ἠπάτησας οὕτω περὶ ἐμοῦ πιστεῦειν, πανά(f. 278 γ.)θλιε; Καὶ ταῦτα λέγων ὁ σωτὴρ καὶ δίκαιος κριτὴς ἐδείκνυεν ἑαυτὸν ἀνθρωποπρεπῶς τῷ δακτύλῳ τῷ λυμῶνι ἐκείνῳ καὶ πᾶσι τοῖς συμμύσταις αὐτοῦ, ὡσανεὶ καλύπτων αὐτοῖς ἑαυτὸν· οἱ καὶ κατανοήσαντες ὅπως πεπλάνηται ἀσεβήσαντες

εις αὐτόν καὶ εἰς τὴν πανάχραντον καὶ πανάμωμον αὐτοῦ Μητέρα Μαρῖαν τὴν παρθένον, ἣν ὁ ἀλιτήριος Χριστοτόκον καὶ οὐ κυρίως καὶ ἀληθῶς Θεοτόκον ὀνομάζειν ἐδίδασκε πάσας τὰς ἡμέρας τῆς ταλαιπώρου ζωῆς αὐτοῦ, καὶ φανερώς πληροφορηθέντες οὗτοι ὅτι ὄντως ἠπάτηνται ὑπὸ τοῦ Σατανᾶ, ἴσταντο ἐξαλλοὶ καὶ ἀπονενοημένοι πρὸς ἀλλήλους ἐξεστηκῶς ἐνορῶντες. Προσεκαλέσατο δὲ καὶ τὴν ἄχραντον αὐτοῦ Μητέρα τὴν ὄντως κυρίως καὶ ἀληθῶς Θεοτόκον ἣκειν κατὰ πρόσωπον αὐτῶν, ἣ καὶ παρεγένετο, δόξῃ ἀπλέτῃ ἠγλαισμένη καὶ δορυφορίᾳ θεικῇ λελαμπρυσμένη καὶ περιαιυγάζομένη, καὶ ἔστη πλη- (f. 278 v.)σίον τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ αὐτῆς καὶ Θεοῦ, ἀρρήτῃ καὶ ἀνεκδιηγήτῃ θείᾳ αἴγλῃ κεκοσμημένη καὶ πεποικιλμένη ἐν ἐσθήσεσιν ἀστραπτούσαις, ἐν δὲ τῷ ἐκπορεύεσθαι αὐτὴν τῆς πύλης τῆς ἐνδοξοῦ καὶ περιφήμου θαυμασίας πόλεως ἐκείνης, καὶ πληθὸς οὐρανίων δυνάμεων πολὺ σφόδρα συνεπορεύετο αὐτῇ μετ' αἰδοῦς καὶ εὐλαβείας μεγίστης. Καὶ ἰδοὺ, ὡς εἴρηται, ἔστη πλησίον τοῦ βασιλέως, τὸ πρόσωπον αὐτῆς λάμπον ὑπὲρ τὸν ἥλιον, τὰ δὲ ἱμάτια αὐτῆς, ὡς εἶδος ἀστραπῆς, καὶ κατανόησις οὐκ ἦν τῆς εὐπρεπείας καὶ τῆς ὠραιότητος αὐτῆς· καὶ ἐν τῷ ἐστάναι αὐτὴν ἐν τοιαύτῃ δόξῃ καὶ τιμῇ ἦνεσαν αὐτὴν πάντες ἄγγελοι Θεοῦ μεγαλοφώνως ὁμοθυμαδὸν λέγοντες· Χαῖρε, Μαρῖα παρθένε, ἣ ἀξιωθείσα γενέσθαι Μήτηρ Θεοῦ καὶ χάριν εὐροῦσα ἐναντίον αὐτοῦ, ἣν εὖρεν οὐδεὶς τῶν πρὸ σοῦ ἣ καὶ τῶν μετὰ σὲ γεγονότων καὶ δημιουργηθέντων καὶ ἀπὸ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι ἀχθέντων ἀγγέλων καὶ ἀνθρώπων· χαῖρε, ὅτι διὰ σοῦ ὤφθη καὶ ἡμῖν ὁ πρὶν ἀόρατος καὶ ἀκατάληπτος (f. 279 r.) Κύριος· χαῖρε, Μαρῖα κυρία τοῦ σύμπαντος, ἣ αἰτία τῆς τοῦ κόσμου παντός σωτηρίας. Τούτων οὕτω λεχθέντων εὐφήμεν γλώσση ὑπὸ τῶν θειοτάτων ἀγγέλων, ἀκούσας Νεστόριος· τοῦτο γὰρ ἦν ὄνομα τῷ ἀπατεῶνι καὶ δυσσεβεῖ ἐκείνῳ καὶ ἀλιτηρίῳ, ὁρῶν τε τὴν ἄφατον καὶ πάντα γούν ὑπερέχουσαν δόξαν, τὴν ὠραιότητα τῆς ἀειδαλλοῦς παρθένου καὶ Θεομήτορος, φόβῳ καὶ τρόμῳ συνεσχέδη πολλῶ καὶ διηπορεῖτο αἰσχύνης πληρούμενος ἀνεκφράστου σὺν πάσῃ τῇ κουστωδία αὐτοῦ. Καὶ ἰδοὺ ἐπένευσεν ὁ Κύριος ταῖς ἐπὶ τῶν τιμωριῶν τεταγμέναις δυνάμεσι, καὶ ὥσπερ τάχος ἀστραπῆς ἤξαντες ἦραν αὐτόν τύπτοντες σφοδρῶς ῥάβδοις πυρίνοις, χεῖρας τε καὶ πόδας αὐτοῦ πε-

δήσαντες ἀλύσει σιδηραῖς πεπυρακτωμέναις καὶ σπινθηροβολουσαῖς, ἐκεῖ κατεκρήμισαν, ἔνθα δὴ καὶ τοὺς πρὸ αὐτοῦ Ἄρειόν τε καὶ Μακεδόμον διεμερίσαντό τε καὶ ἀπέρριψαν, καὶ τοὺς ὁμόφρονας τούτου ἐν ταῖς λοιπαῖς κολάσει τῆς κυμαινομένης ἐκείνης θαλάσσης τοῦ ἀκοιμήτου πυρός, ἔλεει(f. 279 v.)νῶς ἀποδυρομένους καὶ κράζοντας· Ἐλέησον ἡμᾶς, ὁμογενῆς Υἱὸς καὶ Λόγος τοῦ ζῶντος Θεοῦ· ἀλλ' οὐχ ὑπῆρχεν ὁ ἐλεῶν αὐτοὺς καὶ ρύόμενος τῶν χαλεπῶν ἐκείνων κολάσεων.

Μετὰ γοῦν τὸ συντελεσθῆναι τούτους ἐν ταῖς ἀνεικάστοις ἐκείναις καὶ χαλεπαῖς κολάσει τοῦ πυρός, καὶ ἕκαστον αὐτῶν τὰ κατ' ἀξίαν τῆς αὐτῆς δυσσεβοῦς καὶ κακῆς βλασφημίας κομίσασθαι, ἡ παναγία δέσποινα καὶ κυρία τοῦ κόσμου παντός ὀρωμένου τε καὶ οὐχ ὀρωμένου Μαρία ἡ Θεοτόκος εἰσέδω πρὸς τὰ ἄδυτα τῆς ἀγίας καὶ παλινζῶου πόλεως, ὅθεν ἐξελήλυθεν, ἀίνεσάντων αὐτὴν ἐν τῷ εἰσόδῳ ταύτης πάντων τῶν ἀγγέλων, ὡσπερ καὶ τὸ πρότερον· ὁ δὲ Κύριος ἠφόρισεν ἐπι ἀπὸ τῶν ἐξ εὐωνύμων αὐτοῦ ἐτέραν συναγωγὴν ὀλιγοστὴν πάνυ ὑπὲρ τὰς πρὸ αὐτῆς, ἥτις παραγενομένη ἔστω κατενώπιον αὐτοῦ· ὁ δὲ Κύριος δέδωκεν ἐμοὶ τῷ πανευτελεῖ καὶ ἀναξίφ δούλῳ αὐτοῦ ὀφθαλμὸν καρδίας λελαμπρυσμένον ἐν τῷ φωτὶ τῆς αὐτοῦ θείας ἐπιγνώσεως τοῦ ἐπιγνώναι καὶ καταμαθεῖν τὰ ἀπόρρητα ταῦτα πάντα (f. 280 r.) καὶ ὡς ἀληθῶς ξένα καὶ φρικτὰ μυστήρια, ἅπερ μοι ἀπεκάλυψεν εἰς οἶδε τρόποις αὐτὸς μόνος καὶ κρίμασι, πλὴν οὐχ ὅτι γεγόνασιν, ἀλλ' ὡς μέλλοντα ταῦτα γενέσθαι· κάμοι ἀπεκάλυψεν, ὅπως κάμοῦ τὸ ζοφῶδες σκότος καὶ ψυχοφθόρον τῶν ἐμπαθῶν λογισμῶν τῆς ἀσεβείας ἀποδείξει διὰ τῆς αὐτοῦ ἐπιγνώσεως καὶ ὑμᾶς πάντας στερεωτέρους ἐν τῇ ἀμωμήτῳ πίστει τῆς τριφεγγοῦς θεότητος ἀπεργάσθαι. Ὅθεν καγὼ φόβῳ καὶ τρόμῳ τὰ θεῖα βαλλόμενος, ἀγαπητοὶ ἀδελφοί, μήπως ὡς ὁ ὀκνηρὸς δούλος ἐκεῖνος κατακρινῶ, ὅς λαβὼν παρὰ τοῦ δεσπότου τὸ τάλαντον εἰς τὴν γῆν κατώρυξε καὶ τὸ δοθέν αὐτῷ εἰς ἐργασίαν ἔκρυψεν ἀπραγμάτευτον, ἐξήγησιν τοίνυν ἱεράν ἕως ἐμοῦ καταντήσασιν τῶν παραδόξων καὶ φρικτῶν ἀποκαλύψεων οὐδαμῶς σιωπήσομαι· καὶ μοι μηδεὶς ἀπιστείτω ἅπερ τεθέαμαι γράφοντι, ἢ ἐμὲ τερατεύεσθαι, ἢ τῶν ἐξαισιῶν ἐκείνων θεαμάτων τῷ μεγέθει καταπληθ(f. 280 v.)τόμενος· ἐμοὶ

γὰρ μὴ γένοιτο τούτων ἱερῶν καταψεύδεσθαι καὶ κατηλείπειν λόγους ἐν οἷς Θεὸς μνημονεύεται τε καὶ ἐπιγινώσκεται, ἀλλ' ἐπ' αὐτῆς τῆς ἀληθείας Θεὸν προβαλλόμενος μάρτυρα καὶ πολλὰ τῶν ὁραθέντων μοι παραδραμεῖν εἶχον καὶ τῇ λήθῃ παραπέμψαι, εἰ μὴ Κύριος δέδωκέ μοι γνῶσιν, γλῶσσάν τε καὶ λόγον ταῦτα πάντα μετὰ πάσης ἀκριβείας ὑμῖν φανερώσαι καὶ ὑποδείξαι ὡς προκίων ὁ λόγος δηλώσει εἰς κοινήν ἀμφοτέρων σωτηρίαν, ὡς ἂν μὴ ταῖς ἀτόποις ἐννοίαις τοῖς σφῶν δυσσεβεστάτοις λογισμοῖς συμπεριφέρεσθαι ἡμᾶς καὶ διὰ τῆς συγκαταθέσεως τούτων καὶ παραδοχῆς εἰς ἄδου πέταυρον καταφέρεσθαι· ὅπερ ἐγὼ ὁ ταλαίπυρος, εἰ μὴ ὁ μέγας θεράπων Θεοῦ καὶ ἁγίός μου Πατὴρ καὶ προστάτης Βασιλεὺς χεῖρα μοι βοηθείας ἐκτείνας ἀνήγαγεν ἐκ χάους καὶ ζόφου ἀφεγγυοὺς τοῦ κατωτάτου ἄδου, διὰ γὰρ τῆς ἐκείνου θεοπειθοῦς πρεσβείας ταῦτα πάντα μοι ἀπεκαλύφθη θεάσασθαι εἰς κοινήν, ὡς ἔφην, πάντων ὑμῶν τῶν πιστῶν ὠφέλειαν (f. 281 γ.). διὰ τούτο παρακαλῶ ὑμᾶς καὶ πάλιν ἐρῶ, ἀγαπητοὶ μου ἀδελφοί, μηδεὶς ἀπιστεῖτω τοῖς λεγόμενοις.

Ὡς οὖν ἡ συναγωγὴ αὕτη παρέστη ἐνώπιον Κυρίου, ταύτην ἰδεασάμεθα ἐγὼ τε καὶ ὁ σὺν ἐμοὶ θαυμαστός ἐκεῖνος νεανίας, ὅστις καὶ τὰ τῆδε πάντα ἐμοὶ κατὰ μικρὸν ἰσαφῆνίζε τε καὶ ἀνεδίδασκε· καὶ ἦν ἡ ἰδέα τῶν προσώπων αὐτῶν ἐγλευασμένη λίαν ἀπὸ χλεῦσης καὶ ἐμπαίγματος δαυμονιώδους, ἐξ ἀπάτης τὴν ῥυτίδα ἔχουσα, καὶ πάντες περιβεβλημένοι χιτῶνας ὑφαντοὺς ἀπὸ ἀναθέματος, ἐν ταῖς χερσὶ καὶ ποσὶν αὐτῶν σὺν τοῖς ὄμμασι σφραγίδα σημασίας ἔχουσα σκοτόμορφον τῆς ἀπάτης καὶ ἀπωλείας αὐτῶν. Καὶ ἀτενίσας εἰς αὐτοὺς ὁ Κύριος εἶδε πᾶσαν τὴν ἀειδίαν αὐτῶν καὶ λίαν ἠγανάκτησεν ἐπ' αὐτοὺς καὶ ἐζήτησε τὸν ὁδηγὸν καὶ διδάσκαλον τῆς αὐτῶν ἀπωλείας· ὃς εὐθύς νεύσει θεικῇ ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ μετὰ καὶ τοῦ ὁμόφρονος καὶ ὁμογνώμονος αὐτοῦ, μεμελανωμένα καὶ ἀπηγριωμένα κεκτημένοι τὰ ἀναιδῆ καὶ δαι(f. 281 ν.)μονιώδη αὐτῶν προσώπα· οἳ μονοδελῆται αἰρετικοί. Καὶ ἀτενίσας εἰς αὐτοὺς ὁ Κύριος ἐν θυμῷ καὶ ὀργῇ αὐτοῦ δικαίᾳ εἶπε πρὸς αὐτοὺς διὰ τῆς στρατηγικῆς ἐκείνης καὶ θείας σάλπιγγος· Ὡ ἐπάρατοι συνεργοὶ καὶ υἱοὶ τοῦ διαβόλου, ἢ μᾶλλον εἰπεῖν υἱοὶ τῆς ἀπωλείας, τίς ὑμᾶς ἐξηπάτησεν εἰς τοιοῦτον

βόθυνον άνοίας έλθειν; ή πόθεν τό δεινόν τούτο και θεοστυγές ώδηγήσατε δόγμα εν έμοι, ότι ή έμή θεότης και άνθρωπότης μίαν κέκτηται τήν φύσιν, μίαν και τήν θέλησιν και ένεργειαν, και ούτως άσεβως άπεπλανήσατε τήν ύμιν πειθήσασαν έλευσινήν ταύτην και ταλαίπωρον συναγωγήν, ήτις σύν ύμιν κληρονομήσει τό αιώνιον και άκατάβηστον πυρ, τό ήτοιμασμένον τῷ διαβολῷ και τῷ άγγέλῳ αύτου; Ούκ ενώ Κύριος και Θεός εις εν δυσι τελείαις ταις φύσεσι και θελήσεσι και ενεργείαις, θεότητος λέγω και άνθρωπότητος, ών τε και γνωριζόμενος και (f. 282 γ.) υπό τῶν εύσεβῶν δοξαζόμενος εν μιᾷ και τῇ αὐτῇ ύποστάσει, διττάς έχων και άσυγχύτους τας φύσεις και καταλλήλους αύταις τας ενεργείας και τὰ θελήματα, καθώς και οι υπό του όμοφυουδ και έμοδοξου μι Πνεύματος κινούμενοι πατέρες ύμῶν και έμοῦ θεράποντες έδογματίσαν και εν όρεις εύσεβείας και αύτοι μεμενήκασι, και τό ύπήκοον άπαν έμμένειν έδίδαξαν, και τόν εμπιστευθέντα τούτοις λαόν και κληρον διετήρησαν πάσης αίρέσεως άδιγῆ, και πρός χλόην ζωῆς καθωδήγησαν; ύμεϊς δέ, πῶς άρα τετολμήκατε όλως καινοτομήσαι και παρασαλεύσαι τούς παρ' αύτοις τεθέντας θείους όρους και νόμους νεύσει του έμοῦ Πατρός και τας διατάξεις αύτῶν άκύρους ποιῆσαι και άποδεξαι; Και επιστραφεις έφη πρός τούς άγγέλους εκείνους τούς ύπηρέτας τῶν κολαστηρίων· Άρατε αύτούς και πρός τόν πατέρα αύτῶν τόν Σατανάν άπαγάγετε, ενά σύν εκείνῳ μετὰ και τῶν όμοίων αύτοις (f. 282 ν.) τούς καρπούς τῶν πόνων αύτῶν δρέψωνται. Και ενθώς άρπάσαντες αύτούς, ώσει τάχος άστραπῆς, οι πύρινοι έτασται και χείρας αύτῶν και πόδας πεδήσαντες εν βαρείαις αλύσεισι και τροχούσι σιδηρούς επί τῶν τραχήλων αύτῶν έξαρτήσαντες και σφοδρῶς αύτούς μαστιζοντες βάρβοις πυρίνοις, εκεί αύτούς κατεκρήμνισαν εν τῇ κατωτάτῳ άβύσσῳ του αιωνίου πυρός, ενθα και τόν Άρειον και τούς έμόρφονας αύτου άπηκόντισαν, Μακεδόνιον και Νεστόριον, τούς δέ μαθητευθέντας παρ' αύτῶν εις τήν παφλάζουσιν εκείνην θάλασσαν του πυρός κατεπόντισαν.

Μετὰ δέ τό συντελεσθῆναι τήν ταλαίπωρον ταύτην συναγωγήν εν ταις αιώνιαις κολάσεισιν, ίδου έτέρα συναγωγή από τῆς εξ έωνύμων μερίδος νεύματι του δικαίου χριτου παραγεγονυτα έστη κατά πρόσωπον αύτου· ήσπινοσ προεξήργον και προῆγον τρεις εξα-

πατηται, δόλιοι σοφισται, μεμυσταγωγημένοι και μεμαθητευμένοι (f. 283 γ.) ὑπὸ τοῦ ἀρχεκάκου και βροτοκτόνου ὄφως, ἔχοντες τὴν ἰδίαν πλάνην και ἀπάτην περιβεβλημένην ἐν ταῖς αὐτῶν πλευραῖς· και ἰδοὺ αὐτοὶ και ἡ συναγωγή αὐτῶν σχοινίους μελανοὺς καθόλου τοῦ σώματος αὐτῶν ὑπῆρχον συνεσφιγμένοι λίαν, και σκότος βαθύ κατεκάλυπτε τοὺς ὀφθαλμοὺς αὐτῶν και τὰ πρόσωπα πῆζον και συνδλίβον τὴν αὐτῶν αἴσθησιν, και οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν ἀμβλυωποῦντες ὠρῶντο ἀπὸ ματαιότητος αὐτῶν, αἱ χεῖρες αὐτῶν και οἱ πόδες βεβαμμένοι ἰψὺ πονηρῶ και χαλεπῶ ἀπὸ τῆς τοῦ Σατανᾶ ὠχρότητος, πάντες χιτῶνας ἐνδεδυμένοι ζοφεροὺς λίαν, ἀφ' ὧν ἐξετινάσσετο και ἐξέπιπτεν ὡς αἰδάλη σποδιᾶς· και ἦν χαλεπὸν αὐτοῖς τοῦτο, και ἑαυτοὺς οἱ ἄθλιοι ἐταλάνιζον, ἀποδυρόμενοι σφόδρα και πρὸ τῆς δικαίας τοῦ κριτοῦ ἀποφάσεως. Και ἀτενίσας ὁ Κύριος πρὸς αὐτοὺς εἶδε πᾶσαν τὴν αἰδειαν και ἀσχημοσύνην αὐτῶν και ἐθυμώθη κατ' αὐτῶν σφόδρα, ἐπειδὴ παντελῶς ἠρήμισαν τὰς (f. 283 ν.) ἑαυτῶν ψυχὰς και ἀκάθαρτα ὠρῶντο και ζεζοφωμένα αὐτῶν τὰ σκηνήματα, και βδελυκτοὶ και μεμισημένοι ἐφάνισαν ἐνώπιον αὐτοῦ. Και ἀπεφῆνατο κατ' αὐτῶν ἀπόφασιν ἐνδίκον παραπλησίως τοῖς πρὸ αὐτῶν, λέγων ἐν θυμῶ δικαίῳ πρὸς τὸν ἕνα τῶν τριῶν ἀπατεῶνων, ὅστις ἦν τῶν ἄλλων ὁ πρωταίτιος τῆς αὐτῶν ἀπωλείας·

Ω δυσφημότατε και κατάρατε, πῶς καλῶς περιπατῶν ἐν ἀρχῇ τὴν ὁδὸν μου τὴν ἀπάγουσαν πρὸς τὴν αἰώνιον ζωὴν ἀπὸ ταύτης διέστρεψας σεαυτὸν και ὄλωσ ὄλωλας, βαδίσας ὁδὸν τὴν ἀπάγουσαν εἰς ἀπώλειαν; δι' ἣν αἰτίαν τοῦτο πεποίηκας, λέγε μοι; ἐπιστράφθῃ και θέασαι ὅσας φυχὰς τῇ κακασχόλῳ σου δογματίζει ἀπὸ Θεοῦ Σωτῆρος ἐξενεύρωσας και ἐξέκοψας και ἀπὸ τῆς τῶν δικαίων μερίδος ἀπηλλοτριώσας και τῷ αἰωνίῳ πυρὶ μετὰ σεαυτοῦ παρέμπεψας. Πορεύου οὖν ἀπ' ἐμοῦ, τρισάθλιε, σὺν τοῖς σοῖς ὁμόφροσι και ἑμογνώμοσι, ἀπόλαυε ἦν ἡτσίμασας και ἡντρέπισας αὐτὸς ἑαυτῷ ἀτελεύτητον (f. 284 γ.) και ἀδιάδοχον γέενναν τοῦ πυρός, ἥτις ἡτοιμάσθη και προεுτρεπίσθη τῷ διαβόλῳ και τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ, ἔνθα ἐστὶν ὁ κλαυθμὸς και ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων. Και ταῦτα λέγων ὁ Κύριος μετὰ δικαίας ὀργῆς πρὸς τὸν Ὀριγένην· τοῦτο γὰρ ἦν ὄνομα τῷ ἀπατεῶνι ἐκείνῳ, ὡς ὁ ἀγγελὸς μοι διεσάφησεν, οἱ δὲ τούτου ὁμόφρο-

νες Ευάγριος και Δίδυμος ἦσαν· εὐθύς οὖν ἤξαντες οἱ πύρινοι ἐκείνοι ἐτασταὶ τῶν κολάσεων ἦσαν αὐτοὺς τύπτοντες πυρίνοις ράβδοις, ὡσεὶ τάχος ἀστραπῆς, και ἐνέβαλον αὐτοὺς ἐκείσε εἰς τὸν φοβερόν τόπον τοῦ κατωτάτου χάους τῆς ἀβύσσου τοῦ ἀκοιμήτου πυρός, ὅστις τῷ διαβόλῳ ἀποκεκλήρωται σὺν τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ, ἔνθα και τὸν Ἄρειον και τοὺς μετ' αὐτὸν παρέπεμψαν, τὴν δὲ κατ' αὐτοὺς ἀθλίαν συναγωγὴν τῷ ἀκοιμήτῳ σκώληκι παραδέδωκαν. Καὶ ἦν ὄδυρμός πολὺς σφόδρα ἐν μέσῳ αὐτῶν και κλαυθμὸς ἀπαρακλήτος, και κατηρώντο τὸν μάταιον Ὀριγένην συρόμενοι και διαμεριζόμενοι εἰς τὸν ἰοβόλον σκώληκα (f. 284 v.) και τάρταρον, ἐπιμεμφόμενοι ἑαυτοὺς ὅτι ὅλως ἠχροάσαντο και ἐπείσθησαν τῇ ματαίᾳ αὐτοῦ διδαχῇ· και οὐκ ἦν ὁ ἐλεῶν και οἰκτιρῶν αὐτοὺς, και συνετελέσθησαν και οὕτοι ταῖς ἀνομίαις αὐτῶν και ἐχομίσαντο τὰ ἐπάξια τῶν ἔργων αὐτῶν ἄνευ οἰκτιρμῶν, διότι οὐκ ἦν ὁ ἐλεῶν ἐκεῖ και οἱ οἰκτιρμοὶ τοῦ Κυρίου καταπαυμένοι και ἀπεστραμμένοι ἀπ' αὐτῶν· ἡ γὰρ ἡμέρα ἐκείνη, ἡμέρα κρίσεως, ἡμέρα ἐκδικήσεως και ἀνταποδόσεως ἦν.

Και προσέθετο Κύριος ἐτι ἀποδοῦναι τοῖς ἐξ εὐωνύμων αὐτοῦ ἐναπολειφθεῖσι, και διεχώρισεν ἀπ' αὐτῶν ἐπινεύσας ἑτέραν συναγωγὴν, ἣτις παραγεγονυῖα ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ· και οἱ ἀπατεῶνες και πλάνοι αὐτῆς ἦσαν πέντε τῷ ἀριθμῷ, ὅτινες αὐτὴν ἐκπεπορευκένας πεποιήκασιν και πρὸς τὴν μιαινωτάτην ἀλρεσιν ἐπινενευκένας και ἀποπλανηθῆναι. Καὶ αὐτοὶ ἦσαν ἀπεβροντισμένοι μετὰ τῆς συναγωγῆς αὐτῶν, ῥυπαρὰ ἰμάτια ὡς ἀπ' ἀσβόλης ἡμφιεσμένοι, και ἡ τοῦ προσώπου αὐτῶν (f. 285 r.) αἰδῶς ἠφανισμένη ὡς ἀπὸ κόνεως ἀνδράκων, αἱ χεῖρες αὐτῶν λίαν ἀκάδαρτοι και παμβέβηλοι, και οἱ πόδες αὐτῶν σφόδρα μεμολυσμένοι, και ἀπὸ τῶν ὀφθαλμῶν αὐτῶν σκότος βαθύτατον ἐξεπορεύετο. Καὶ εἶπε Κύριος τοῖς ἐξάρχουσιν τῆς ἀνομίας αὐτῶν· Πέθεν ὑμῖν, ἀφρονέστατοι και τρισκατάρτοι, ἐξεγένετο δογματίζειν ἐν ἐμοὶ ἐνανθρωπήσαντι ἃ μὴ θέμις, ὡς ὅτι ἐν θέλημα και μίαν ἐνέργειαν και μίαν φύσιν κέκτημαι, παραχαράζαντες τὰ θεῖά μου διατάγματα, και ἀποπλανῆσαι τὸν περιεστώτα ὄχλον ὀπίσω πορευθῆναι ἐκ φηλῆς και νόθου ὑμῶν διδαχῆς; και οὐκ ἐμάθητε δύο φύσεις και δύο οὐσίας ὑπάρχειν ἐν ἐμοί; οὐκ ἐγνωτε ὡς ἐκάστη φύσις τὸ ἴδιον θέλημα κέκτηται,

καὶ ἐκάστη οὐσία ὁμοίως τὴν ἑαυτῆς ἐνέργειαν; οὐκ ἔγνωτε τὸ διάφορον θεότητος καὶ ἀνθρωπότητος, πῶς οὖν τετολμήκατε ἐν θέλημα καὶ μίαν ἐνέργειαν ἐπὶ τε τῆς θεότη[το]ς καὶ ἀνθρωπότητός μου δογματίσαι καὶ τούτους οὕτω πιστεύειν διδάξαι καὶ πείσαι (f. 285 v.); Ἐμβλέψας οὖν τοῖς βασιανισταῖς ἀγγέλοις φησὶν· Ἄρατε αὐτοὺς ἐντεύθεν κάκει αὐτοὺς ἀποκαταστήσατε, ἔνθα καὶ ὁ κύριος αὐτῶν τέταχται Σατανᾶς, καὶ τὴν ματαίαν αὐτῶν συναγωγὴν τῷ βρυγμῷ τῶν ὀδόντων ἐμβάλετε. Ἦσαν δὲ οὗτοι, ὡς ὁ συνὼν μοι διεσάφησεν ἀγγελος, Σέργιος, Ὀνόριος, Κῦρος, Πύρρος καὶ ὁ μιαρῶτατος Μακάριος. Καὶ εὐθέως ἀρπάσαντες αὐτοὺς οἱ πύρινοι ἀγγελοὶ τύπτοντες αὐτοὺς πυρίναις ῥάβδοις ἀπέρριψαν ἔνθα καὶ τοὺς πρὸ αὐτῶν αἰρεσιάρχας κατεκρήμνισαν, καὶ τὴν ματαίαν συναγωγὴν αὐτῶν διεσκόρπισαν ἔνθα ἐστὶν ὁ κλαυθμὸς καὶ ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων. Καὶ αὐτοὶ τὸ οὐαί, οὐαί ἐν πικρίᾳ ψυχῆς διμερίζοντο, ἀποδυρόμενοι καὶ γοερῶς ἀνοιμῶζοντες.

Καὶ ἐν τῷ τοῖς ματαιόφρονας καὶ παμβεβήλους τούτους αἰρετικούς κομίσασθαι τοὺς καρπούς τῆς αὐτῶν μισαρᾶς καὶ ἀδεμίτου αἰρέσεως, προσέθετο ἔτι ὁ Κύριος ἀφορίσαι ἀπὸ τῶν ἐπιλοίπων ἀμαρτωλῶν καὶ υἰῶν τῆς ἀπωλείας ἑτέραν συναγωγὴν τοῦ ἀποδοῦναι αὐτοῖς κατὰ τὰ ἔργα αὐτῶν· καὶ (f. 286 r.) ἰδοὺ αὕτη παραγεγονυῖα ἔστη κατενώπιον αὐτοῦ, ἣτις ἦν μεγάλη σφόδρα· καὶ εἶδομεν πάντας τοὺς ἐν αὐτῇ ματαίᾳ ταύτῃ συναγωγῇ, καὶ ἦν ἡ ὄρασις τῶν προσώπων αὐτῶν, οἷα εἰδώλων νεκρῶν τῶν ἐν ταῖς ἵπποδρομίαις ἰσταμένων χάριν τινός ἀναμνήσεως ἐστηλωμένων, οἱ δὲ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν, ὡς ὀφθαλμοὶ λύκων ἀπηγριωμένων, αἱ δὲ ἀκοαὶ αὐτῶν βεβυσμέναι ἐν πίσση καὶ στυπτεῖῳ, καὶ αἱ χεῖρες αὐτῶν εἰς τοῦπίσω ὑπὸ Κυρίου διεστραμμέναι καὶ πρὸς τὸν Σατανᾶν ἐκτεινόμεναι, καὶ ἡ κακία αὐτῶν, ὡς φλόξ ἀνακράζουσα ἐν ταῖς καρδίαις αὐτῶν, οἱ πόδες αὐτῶν ὄφεις καὶ ἰοβόλα θηρία περιπεπλεγμένοι· σθῖνες ἐδόσκουν μὲν φιλεῖν ἀλλήλους καὶ κατασπάξασθαι, ἐπεμίγριζον δὲ καὶ ἀλλήλους ὡς κύνες κατέδακνον. Καὶ πυνθανομένου μου πρὸς τὸν ὀδηγοῦντά με θεῖον ἐκεῖνον καὶ θαυμαστὸν νεανίαν, τίνες ἄρα οὗτοι εἰσὶν, ἔφη πρὸς με· Οὗτοι πάντες, ὡς ὄραξ ἐν τῇ τοιαύτῃ βδελυριᾷ καὶ θεομισήτῳ ὀράσει, εἰκονομάχαι τυγχάνουσι καὶ (f. 286 v.) εἰκονοκαῦστοι, οἱ λεγόμενοι

Ἰακωβίται καὶ Σεβηριανοί, καὶ πάντες οἱ ὅμοιοι αὐτῶν αἰρετικοί, οἳτινες προσκυνεῖν ἐβδελύσσοντο τὰ τίμια λείψανα τῶν ἁγίων μαρτύρων καὶ τὰς ἀγγραντοὺς εἰκόνας αὐτῶν τε καὶ τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, δι' ὧν ἀναδιδάσκεται καὶ καταμανθάνει πᾶς ὀρθόδοξος χριστιανός, τὰ τε σωτήρια πάθη Χριστοῦ καὶ τὴν ἐκ νεκρῶν τούτου τριήμερον ἐξανάστασιν, τὴν τοῦ θανάτου καὶ αἵματος κατάλυσιν, τὴν εἰς οὐρανοὺς ἀνοδόν, τὴν ἐξ οὐρανῶν αὐτοῦ δευτέραν τούτου ἐπὶ γῆς ἔλευσιν, τὴν ἣν ἔρχετο κρίσιν δικαίαν καὶ ἀνταποδοσιν τῶν μαρτύρων τοὺς ἄδλους καὶ τὴν τούτων εἰς βασιλείαν Θεοῦ ἀποκατάστασιν καὶ οἰκείωσιν. Καὶ ἀπέστρεφον τὰς ὄψεις αὐτῶν ἀπ' αὐτοῦ, μὴ φέροντες ἀτενίσαι πρὸς αὐτόν, καὶ ὥσανε διελέγοντο πρὸς ἀλλήλους τοιαῦτα· Ὅντως ἐματαιώθημεν ἐν ταῖς ἡμέραις τῆς ζωῆς ἡμῶν, μὴ προσκυνήσαντες τὴν ἀγγραντον εἰκόνα αὐτοῦ καὶ πάντων τῶν ἁγίων αὐτοῦ, ἀλλὰ μᾶλλον ἠτιμάσαμεν καὶ τὸ καθ' ἡ(f. 287 r.) μᾶς ἐμιάναμεν αὐτήν. Καὶ ἀνταπεκρίναντο αὐταῖς ἕτεροι· Οὐχί, ἀλλὰ μᾶλλον κακῶς ἐποιήσαμεν· φαντασιᾶ(ν) γὰρ οὐκ ἀληθεῖα ἀνθρωπῶς γέγονε, καὶ πῶς ἂν τις φάντασμα ἱστορηθῆται ὅλος ἐπευδοκῆσειεν; Οὗτοι δὲ οἱ ταῦτα λέγοντες τῶν ἀρθαρτοδοκῆτων ἦσαν· τοιοῦτοτρόπως γὰρ δοξάζει ἡ αἵρεσις αὐτῶν περὶ τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ μηδὲν παραδεχόμενοι τὴν ἑνσαρκον αὐτοῦ οἰκονομίαν εἶναι ἀληθινήν. Καὶ ἄλλοι ἄλλως πρὸς ἑαυτοὺς συνομιλοῦν καὶ ἔλεγον ἕκαστος δηλαδὴ κατὰ τὴν αἵρεσιν τῆς θρησκείας αὐτῶν φάσκοντες· Οὕτως ἐστὶν ἀληθῶς καὶ οὕτως καλῶς ἐποιοῦμεν· ἄλλοι δὲ ἔλεγον· Οὐαὶ ἡμῖν, ὅτι τὸν ἱστορούμενον χαρακτῆρα τίμιον αὐτοῦ ἐν τῇ ζωῇ ἡμῶν σφόδρα ἐβδελυσσόμεθα· καὶ οἱ μὲν, ἔλεγον· Ὅντως κακῶς τοῦτο πεποιήκαμεν, ὅτι οὐκ ἐτιμήσαμεν τὴν ἀγγραντον εἰκόνα τῆς αὐτοῦ ἀνθρωπότητος· οἱ δὲ ἔλεγον· Ἡμεῖς αὐτόν ἠγαπῶμεν καὶ εἰς τοῦτον ἐπιστεύομεν, καὶ ἐὰν τὴν εἰκόνα αὐτοῦ οὐκ ἐτιμῶμεν, τί αὐτῷ περὶ (f. 287 v.) τούτου; ἄλλοι δὲ πρὸς αὐτοὺς ἀντέλεγον· Εἰ ἠγαπῶμεν αὐτόν, ἐτιμήσαμεν ἂν καὶ τὴν εἰκόνα αὐτοῦ· καὶ ἕτεροι πρὸς αὐτοὺς ἀνταπεκρίνοντο· Ἄψυγον εἰκόνα καὶ νεκρὰν μήτε ὁμιλοῦσαν μηδὲ αἰσθανομένην οὔτε τιμᾶν θεόν ἦν, οὔτε προσκυνεῖν· καὶ οἱ μὲν ἔλεγον πάλιν πρὸς αὐτούς· Ὅντως μεγάλως ἐσφάλημεν, θεόν γὰρ ἦν ἡμῖν πιστεύειν εἰς αὐτόν, ὅτι ἐν τῷ οὐρανῷ ἐν δεξιᾷ τοῦ

Πατρός καθήμενος ἦν, καὶ εἰ οὕτως εἰς αὐτὸν ἐπιστεύομεν, δέον καὶ τὴν εἰκόνα αὐτοῦ τιμᾶν καὶ προσκυνεῖν σχετικῶς, οὐχ ὡς Θεὸν ζῶντα ταύτην, ἀλλ' ὡσπερ σκιάν καὶ εἶδος τῆς ἀνθρωπότητος αὐτοῦ. Ἄλλοι ἔφασκον· Εἰ τοῦτο ἐποιοῦμεν, μακάριοι νῦν ἐτυγχάνομεν ἂν πολλάκις γὰρ ἦν τις δίκαιος ἐν τῷ κόσμῳ ἐκείνῳ, ὅς ἐκέκτητο φίλον ἁμαρτωλόν· ὅταν οὖν συνέβη ἀλλήλους συναντήσαι κατὰ τινα ὁδόν, οὐχὶ προσκύνει ὁ δίκαιος τῷ ἁμαρτωλῷ, οἷα κακεῖνος ἐκείνῳ, καὶ στόμα πρὸς στόμα κατησπάζετο αὐτόν; ποῖον οὖν ἄρα μῶμον ὁ δίκαιος ἐκ τούτου προσεδέχετο; ὄντως (f. 288 r.) οὐδέν. Οὕτως οὖν καὶ ἡμῖν δέον πολλῷ πλέον ἐτι μᾶλλον προσκυνεῖν καὶ σέβασθαι τὴν εἰκόνα τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν καὶ Θεοῦ· καὶ οὐκ ἂν ἡμῖν ἐκ τούτου προσεγένετο ἢ τοσαύτη κατάγνωσις καὶ κατάκρισις· ἀλλ' ὄντως ἀπολώλαμεν, τελέσαντες ἑαυτοὺς καὶ ἀποδείξαντες ἔλεεινούς καὶ εὐκατακρίτους τῇ ἀτελευτήτῳ γεέννῃ τοῦ πυρός. Καὶ ὡς ταῦτα ἔλεγον πρὸς ἀλλήλους θρηνοῦντες καὶ ἀποδυρόμενοι τὴν ἑαυτῶν ἀπώλειαν, ἐκέκραξαν ἔμοθυμαδὸν πρὸς Κύριον οἱ πλείους αὐτῶν λέγοντες· Κύριε, ἐλέησον ἡμᾶς, ὅτι εἰς σέ πεπιστεύκαμεν, κἂν ἐν τούτῳ ἀπεσφάλημεν προσκυνεῖν βδελυξάμενοι τὸν τίμιον χαρακτήρα τῆς ἐνσάρκου οἰκονομίας, ἐλέησον ἡμᾶς, μονογενῆ υἱὲ τοῦ Θεοῦ τοῦ ὑψίστου, Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ ὁ Θεὸς ἡμῶν, κατὰ τὸ πολυέλεός σου, καὶ μὴ στήσης πρὸ προσώπου ἡμῶν εἴ τι εἰς σέ καὶ εἰς τὴν ἄχραντον εἰκόνα σου διεπράξαμεν πονηρῶν. Ὁ δὲ Κύριος λελάληκε πρὸς αὐτοὺς. Καὶ τίς ποδῶν τὸν Κύριον καὶ Θεὸν αὐτοῦ τὸν χιτῶνα αὐτοῦ ἀτίμως (f. 288 v.) καὶ ὑβριστικῶς διασχίζει, ἢ τίς φιλῶν, ἂν γράφῃ πρὸς αὐτὸν ἐπιστολὴν, καταπατεῖ αὐτὴν τοῖς ποσίν αὐτοῦ, ἢ τίς δούλος εὐγνωμῶν, εὐρῶν τὸ ὄνομα τοῦ Κυρίου αὐτοῦ γεγραμμένον ἐν τισὶ πίναξι καὶ σφόδρα ἀγαπῶν αὐτόν, ἐμπύει εἰς αὐτὸ καὶ ἄρας χοῦν ἢ καὶ βόρβορον βάλλει ἐπ' αὐτῷ, καὶ λαβῶν ξύλον ἢ τι ἔστρακον ἢ ξυστήρα ἀποξέει καὶ ἀπαλείφει αὐτό; Ὁ ἐμὲ ἀγαπῶν ἀγαπᾷ καὶ τὸν χαρακτήρα τῆς μορφῆς μου, ὁ ἐμὲ μισῶν καὶ τὴν μορφήν μου μισεῖ, ὁ μὴ προσκυνῶν τὴν εἰκόνα τῆς ἐμῆς ἐνανθρωπήσεως καὶ τῶν ἁγίων μου πάντων τὰ ἐκτυπώματα, οὐδὲ ἐμὲ προσκυνεῖ, καὶ κἂν μυριάκις οὕτος Θεὸν με ὀνομάξῃ καὶ κατασπάζηται, βδελυκτὸς ἐναντίον ἐμοῦ καὶ τοῦ Πατρὸς μου καὶ ἐπάρατος πέλει καὶ ἀποδεικνύται. Καὶ ὡς ταῦτα ἔλεγεν ὁ

δικαιος εκείνος κριτής πρὸς αὐτούς, ἀπεφύηνατο κατ' αὐτῶν ὀργίλω
 και αὐστηρᾷ τῇ φωνῇ διὰ τῆς φρικτῆς ἐκείνης και στρατηγικῆς σάλ-
 πιγγος· Ἀπόστητε ἀπ' ἐμοῦ οἱ ἐργάται τῆς ἀνομίας, ἀπό(f. 289 γ.)-
 στητε ἀπ' ἐμοῦ οἱ συνεργοὶ τοῦ Βελίαρ και μίσθοιο τοῦ διαβόλου,
 πορεύεσθε ἀπ' ἐμοῦ οἱ κατηραμένοι εἰς τὸ πῦρ τὸ ἄσβεστον, τὸ ἦτοι-
 μασμένον τῷ διαβόλῳ και τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ, οἱ προσδοκῶντες
 νεκρὰν εἶναι τὴν ἐμὴν εἰκόνα τῆς ἐνανθρωπήσεως, και τῶν ἁγίων
 μου πάντων ὡς αὐτὰ τὰ εἰδῶλα τῶν ἐθνῶν· ἄρα οὐχ ὅταν προσῆ-
 χοντο οἱ εἰς ἐμὲ πεποιδότες ὀρθόδοξοι χριστιανοὶ εἰς τὴν εἰκόνα τοῦ
 ἐμοῦ χαρακτῆρος και τῆς ἁγίας μου μητρός και (εἰς) πάντων τῶν ἐν
 ὄλῳ τῷ κόσμῳ ἁγίων μου, παρήμην ἐγὼ ἀσράτως τῷ πνεύματι τῆς
 θεότητός μου ἐν ταῖς τιμίαις εἰκόσι και προσεδεχόμενην αὐτούς και
 τὰς αὐτῶν ἰκεσίας, θεωρῶν τὴν τούτων ἐκ καρδίας θερμοτάτην πε-
 ποίθασιν ἐκάστῳ ἀπένεμον τὰ δέοντα και συμφέροντα; πῶς οὖν ὑμεῖς
 εἰδῶλα νεκρὰ τὰς τιμίας μου μορφώσεις ἐκρίνατε και ἀπεφύηνασθε
 και τὸν παρόντα δῆμον ἀπεπλανήσατε και πρὸς τὸν τῆς ἀπωλείας
 βόθρον διὰ τῆς ὑμῶν μισαρᾶς διδαχῆς παρεπέμψατε; ἀμήν λέγω
 ὑμῖν, οὐχ ἔχετε μέρος μετ' ἐμοῦ, ὡς γὰρ ὑμεῖς ἤρ(f. 289 ν.)νήσασθε
 και μεμισήκατε και ἐμὲ και τὰς μορφώσεις μου και τὰς δύο μου
 φύσεις και τὰς διπλᾶς ἐνεργείας και θελήσεις τούτων ἐβδελύξασθε,
 ἐν εἰς τὴν τῶν βροτῶν σωτηρίαν κατεργασάμην, ἀδετήσαντες αὐτάς
 και ξένην τινὰ ἐπ' ἐμοὶ και ἀλλόκοτον ὑπόληψιν και δόξαν ἐσχήκατε,
 και τὰ ποιμνία μου διασπαράξατε και τῷ λυμῶνι Σατανᾷ εἰς βρῶσιν
 προτεδείκατε, και τὰς ἐκκλησίας μου διεσχίσατε, μὴ φεισάμενοι τῶν
 ὑμετέρων ψυχῶν· οὐδὲ ἐγὼ φείσμαι ὑμῶν. Και ὡς ταῦτα εἰρήκει
 πρὸς αὐτούς διεκελεύσατο ταῖς τιμωρητικαῖς δυνάμεσιν ἀπαγαγεῖν
 αὐτούς ἐνθα και τοὺς πρὸ αὐτῶν πάντας ἀπήγαγον· και ἦν ἰδεῖν
 ἰλεεινὸν θέαμα περὶ αὐτούς, ὅπερ συνέτριβον αὐτούς τύπτοντες βροπά-
 λους και σιδηροῖς πεपुरακτωμένοις και ἔριπτον αὐτούς ἐν ταῖς θα-
 λάσσαις τοῦ φρικωδεστάτου πυρός ἐκείνου, συνθλῶντες μὲν τὰ ὅστᾳ
 αὐτῶν βροπάλοις, ὡς εἰρηται, σιδηροῖς, οὐ συντρίβοντες δὲ αὐτὰ, καθότι
 ἐτύγγαχον ἀφθαρτα, ἐπειδὴ ἀφθαρτον ὅστοῦν τυπτό(f. 290 γ.)μενον
 οὐ συντρίβεται και σάρξ ὁμοίως ἀφθαρτος μαστιζομένη και φθειρο-
 μένη οὐ καταφθαρήσεται. Ἐξετίνασον οὖν αὐτούς και κατεκρήμνιζον

Πατρός καθήμενος ἦν, καὶ εἰ οὕτως εἰς αὐτόν ἐπιστεύομεν, δέον καὶ τὴν εἰκόνα αὐτοῦ τιμᾶν καὶ προσκυνεῖν σχετικῶς, οὐχ ὡς Θεὸν ζῶντα ταύτην, ἀλλ' ὡσπερ σκιὰν καὶ εἶδος τῆς ἀνθρωπότητος αὐτοῦ. Ἄλλοι ἔφασκον· Εἰ τοῦτο ἐπιοῦμεν, μακάριοι νῦν ἐτυγχάνομεν ἂν· πολλὰς γάρ ἦν τις δίκαιος ἐν τῷ κόσμῳ ἐκείνῳ, ὃς ἐκέκτητο φίλον ἁμαρτωλὸν· ὅταν οὖν συνέβη ἀλλήλους συναντῆσαι κατὰ τινα ὁδόν, οὐχὶ προσεκύνη ὁ δίκαιος τῷ ἁμαρτωλῷ, οἷα κακεῖνος ἐκείνῳ, καὶ στόμα πρὸς στόμα κατησπάζετο αὐτόν; ποῖον οὖν ἄρα μῶμον ὁ δίκαιος ἐκ τούτου προσεδέχετο; ὄντως (f. 288 r.) οὐδέν. Οὕτως οὖν καὶ ἡμῖν δέον πολλῷ πλεον ἐτι μᾶλλον προσκυνεῖν καὶ σέβεσθαι τὴν εἰκόνα τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν καὶ Θεοῦ· καὶ οὐκ ἂν ἡμῖν ἐκ τούτου προσεγένετο ἢ τσοσαύτη κατάγνωσις καὶ κατάκρισις· ἀλλ' ὄντως ἀπολώλαμεν, τελέσαντες ἑαυτοὺς καὶ ἀποδειξάντες ἐλεινοὺς καὶ εὐκατακρίτους τῇ ἀτελευτήτῳ γέννη τῷ πυρός. Καὶ ὡς ταῦτα ἔλεγον πρὸς ἀλλήλους θρηνοῦντες καὶ ἀποδυρόμενοι τὴν ἑαυτῶν ἀπώλειαν, ἐκέκραξαν ἐμοθυμαδὸν πρὸς Κύριον οἱ πλείους αὐτῶν λέγοντες· Κύριε, ἐλέησον ἡμᾶς, ὅτι εἰς σὲ πεπιστεύκαμεν, κἂν ἐν τούτῳ ἀπεσφάλημεν προσκυνεῖν βδελυξάμενοι τὸν τίμιον χαρακτῆρα τῆς ἐνσάρκου οἰκονομίας, ἐλέησον ἡμᾶς, μονογενῆ υἱὲ τοῦ Θεοῦ τοῦ ὑψίστου, Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ ὁ Θεὸς ἡμῶν, κατὰ τὸ πολυέλεός σου, καὶ μὴ στήσης πρὸ προσώπου ἡμῶν εἰ τι εἰς σὲ καὶ εἰς τὴν ἄβραντον εἰκόνα σου διεπράξαμεν πονηρῶν. Ὁ δὲ Κύριος λελάληκε πρὸς αὐτοὺς. Καὶ τίς ποδῶν τὸν Κύριον καὶ Θεὸν αὐτοῦ τὸν χιτῶνα αὐτοῦ ἀτίμως (f. 288 v.) καὶ ὑβριστικῶς διασχίζει, ἢ τίς φιλῶν, ἂν γράφῃ πρὸς αὐτόν ἐπιστολήν, καταπατεῖ αὐτὴν τοῖς ποσίν αὐτοῦ, ἢ τίς δούλος εὐγνώμων, εὐρών τὸ ὄνομα τοῦ Κυρίου αὐτοῦ γεγραμμένον ἐν τισὶ πίναξι καὶ σφόδρα ἀγαπῶν αὐτόν, ἐμπτύει εἰς αὐτὸ καὶ ἄρας χοῦν ἢ καὶ βόρβορον βάλλει ἐπ' αὐτῷ, καὶ λαβῶν ξύλον ἢ τι ᾠστρακον ἢ ξυστήρα ἀποξέει καὶ ἀπαλείφει αὐτό; Ὁ ἐμὲ ἀγαπῶν ἀγαπᾷ καὶ τὸν χαρακτῆρα τῆς μορφῆς μου, ὁ ἐμὲ μισῶν καὶ τὴν μορφήν μου μισεῖ, ὁ μὴ προσκυνῶν τὴν εἰκόνα τῆς ἐμῆς ἐνανθρωπήσεως καὶ τῶν ἁγίων μου πάντων τὰ ἐκτυπώματα, οὐδὲ ἐμὲ προσκυνεῖ, καὶ κἂν μυριάκις εὐτος Θεὸν με ὀνομάζῃ καὶ κατασπάζῃται, βδελυκτὸς ἐναντίον ἐμοῦ καὶ τοῦ Πατρὸς μου καὶ ἐπάρατος πέλει καὶ ἀποδείκνυται. Καὶ ὡς ταῦτα ἔλεγεν ὁ

δίκαιος ἐκεῖνος κριτὴς πρὸς αὐτοὺς, ἀπεφύηνατο κατ' αὐτῶν ὀργίλῳ καὶ αὐστηρᾷ τῇ φωνῇ διὰ τῆς φρικτῆς ἐκείνης καὶ στρατηγικῆς σάλπιγγος· Ἀπόστητε ἀπ' ἐμοῦ οἱ ἐργάται τῆς ἀνομίας, ἀπό(f. 289 γ.)-στητε ἀπ' ἐμοῦ οἱ συνεργοὶ τοῦ Βελίαρ καὶ μίσδιοι τοῦ διαβόλου, πορεύεσθε ἀπ' ἐμοῦ οἱ κατηραμένοι εἰς τὸ πῦρ τὸ ἄσβεστον, τὸ ἦτοιμασμένον τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ, οἱ προσδοκῶντες νεκρὰν εἶναι τὴν ἐμὴν εἰκόνα τῆς ἐνανθρωπήσεως, καὶ τῶν ἁγίων μου πάντων ὡς αὐτὰ τὰ εἰδῶλα τῶν ἐθνῶν· ἄρα οὐχ ὅταν προσήυχοντο οἱ εἰς ἐμὲ πεποιδότες ὀρθόδοξοι χριστιανοὶ εἰς τὴν εἰκόνα τοῦ ἐμοῦ χαρακτῆρος καὶ τῆς ἁγίας μου μητρὸς καὶ (εἰς) πάντων τῶν ἐν ὄλῳ τῷ κόσμῳ ἁγίων μου, παρήμην ἐγὼ ἀσράτως τῷ πνεύματι τῆς θεότητός μου ἐν ταῖς τιμίαις εἰκόσι καὶ προσεδεχόμενην αὐτοὺς καὶ τὰς αὐτῶν ἰκεσίας, θεωρῶν τὴν τούτων ἐκ καρδίας θερμοτάτην πεποίθασιν ἐκάστῳ ἀπένεμον τὰ δέοντα καὶ συμφέροντα; πῶς οὖν ὑμεῖς εἰδῶλα νεκρὰ τὰς τιμίας μου μορφώσεις ἐκρίνατε καὶ ἀπεφύησαθε καὶ τὸν παρόντα δῆμον ἀπεπλανήσατε καὶ πρὸς τὸν τῆς ἀπωλείας βόθυνον διὰ τῆς ὑμῶν μυσσαρᾶς διδαχῆς παρεπέμψατε; ἀμήν λέγω ὑμῖν, οὐχ ἔχετε μέρος μετ' ἐμοῦ, ὡς γὰρ ὑμεῖς ἤρ(f. 289 ν.)νήσασθε καὶ μεμισήκατε καὶ ἐμὲ καὶ τὰς μορφώσεις μου καὶ τὰς δύο μου φύσεις καὶ τὰς διπλᾶς ἐνεργείας καὶ θελήσεις τούτων ἐβδελύξασθε, ἐν εἰς τὴν τῶν βροτῶν σωτηρίαν κατεργασάμην, ἀδετήσαντες ταύτας καὶ ξένην τινὰ ἐπ' ἐμοὶ καὶ ἀλλόκοτον ὑπόληψιν καὶ δόξαν ἐσχίκατε, καὶ τὰ ποιμνία μου διασπαράξατε καὶ τῷ λυμεῶνι Σατανᾷ εἰς βρώσιν προτεδείκατε, καὶ τὰς ἐκκλησίας μου διεσχίσατε, μὴ φεισάμενοι τῶν ὑμετέρων ψυχῶν· οὐδὲ ἐγὼ φείσομαι ὑμῶν. Καὶ ὡς ταῦτα εἰρήκει πρὸς αὐτοὺς διεκελεύσατο ταῖς τιμωρητικαῖς δυνάμεσιν ἀπαγαγεῖν αὐτοὺς ἐνθα καὶ τοὺς πρὸ αὐτῶν πάντας ἀπήγαγον· καὶ ἦν ἰδεῖν ἔλειπνόν θέαμα περὶ αὐτοὺς, ὅπερ συνέτριβον αὐτοὺς τύπτοντες βροπάλους καὶ σιδηροῖς πεपुरακτωμένοις καὶ ἔρριπτον αὐτοὺς ἐν ταῖς θαλάσσαις τοῦ φρικωδεστάτου πυρός ἐκείνου, συνθλώντες μὲν τὰ ὄστᾶ αὐτῶν βροπάλους, ὡς εἰρηται, σιδηροῖς, οὐ συντρίβοντες δὲ αὐτὰ, καθότι ἐτύγγαχον ἀφθαρτα, ἐπειδὴ ἀφθαρτον ὅσοῦν τυπτό(f. 290 γ.)μενον οὐ συντρίβεται καὶ σὰρξ ὁμοίως ἀφθαρτος μαστιζομένη καὶ φθειρομένη οὐ καταφθαρήσεται. Ἐξετίνασσον οὖν αὐτοὺς καὶ κατεκρήμνιζον

εἰς τοὺς ἐπισήμους τόπους τῆς φοβερᾶς ἐκείνης καὶ ποικίλως κολάζειν ταχθείσης θαλάσσης τοῦ πυρός, τοὺς εἰσπυρομένους εἰς αὐτὴν κατὰ ἀναλογίαν καὶ ἀξίαν τῆς ἐκάστου πράξεως, ὡς ἀθανάτων τοίνυν καὶ ἀφθάρτων τῶν σωμάτων πάντων γεγεννημένων· ἐφλέγοντο μὲν τῷ πυρὶ ἐκείνῳ τῷ ἀνυπόιστῳ, εὐ κατεφλέγοντο δὲ, καὶ τὴν μὲν ὀδύνην σφοδρῶς ἐδέχοντο καὶ ὑπέμενον ὀλοφυρόμενοι, οὐ συναπέδνησκον δὲ οἱ τιμωρούμενοι ταῖς βασάνοις, οἷα καὶ οἱ τὰ φθαρτὰ σώματα ἔχοντες καὶ δεινῶς αἰκίζόμενοι πάσχεισι· τιαυτὰ γὰρ τότε ἀνασθησόμενα σώματα τῶν ἀνθρώπων, δικαίων φημί καὶ ἀμαρτωλῶν. Τούτων οὕτως ἀποτόμως ἐν θυμῷ καὶ ὀργῇ τοῦ δικαίου κριτοῦ τιμωρουμένων καὶ ταῖς ποικίλαις καὶ πικραῖς κολάσεσι (f. 290 v.) παραπεμπομένων καὶ πικρῶς τὸ οἶμοι οἶμοι καὶ τὸ οὐαὶ οὐαὶ δεινῶς ἀποδυρομένων καὶ βωόντων, πάντες οἱ ἄγγελοι ἔφριττον καὶ σὺν τρόμῳ συνεστέλλοντο διὰ τὴν τοῦ δικαίου κριτοῦ ἀγανάκτησιν, ὅπως ἀπεδίδου ἐκάστῳ αὐτῶν ἄνευ οἰκτιρμῶν κατὰ τὰ ἔργα αὐτῶν, διότι οὐ προσεκύνουν καὶ, ὡς εἰκός, εἰτίμων καὶ ἐσέβοντο τὰς ἀγίας εἰκόνας τῆς τιμίας τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ θείας μορφῆς, τῆς ἀχράντου τε αὐτοῦ Μητρὸς καὶ τῶν ἁγίων πάντων· ὁ γὰρ προσκυνῶν τὴν τοῦ Κυρίου σεβάσμιον εἰκόνα οὐ τὴν ὕλην τοῦ χρώματος, ἀλλὰ τὴν ἐκ τῶν χρωμάτων ἀνατυπωμένην μορφήν αὐτοῦ τε καὶ πάντων τῶν ἁγίων σέβεται καὶ εὐσεβῶς προσκυνεῖ καὶ τὴν σεμνὴν ἐπιγραφὴν τῶν ὀνομάτων κατασπαζόμενος ἀγιάζεται· ἡ γὰρ προσκύνησις τῆς εἰκόνας ἐπὶ τὸ πρωτότυπον διαβαίνει, καθά που φησὶν ὁ μέγας Βασίλειος· ἡ γὰρ πίστις αὐτοῦ ἄνω ἐν τοῖς οὐρανοῖς ὑπάρχει, καὶ ὁ Πατὴρ καὶ ὁ Υἱὸς καὶ τὸ ἅγιον Πνεῦμα ἢ μία θεότης, ἢ ὁμοούσιος δύναμις καὶ ἄ(f. 291 r.)χώριστος, ἢ ἀπλῆ, ἢ ἀνείδεος, ἢ ἀόρατος, ἢ ἀσχημάτιστος, ἢ ὁμοδύναμος, ἢ ἀναλλοιώτως, ἢ ἀπερίγραφτος, ἢ ἀπεριόριστος καὶ ὁμοφυής, ἥτις οὐ ζωγραφεῖται, εὐ περιγράφεται, οὐ σχηματίζεται, εὐχ ἱστορεῖται· ἐκεῖ ἀγράτως πάρεστιν ὡς ἀπερίγραφτος καὶ τὰς αἰτήσεις πληροὶ τῶν εὐσεβῶς αὐτὴν ἐπικαλουμένων. Πῶς γὰρ πρᾶγμα τις, ὅπερ εὐχ' ἐώρακε ποταπὸν εἴη τῷ εἶδει καὶ οἷον πέφυκεν, ἱστορησάμενος δύναται; εὐ μὴν εὐδαμῶς· οὐχ ὡς ζωγραφῶν θεότητα τὴν εἰκόνα προσκυνεῖ τῶν εὐφρονούντων, μὴ γένοιτο· ἀόρατος γὰρ ἐστὶ καὶ ἀνείδεος· τῆς σαρκὸς δὲ τὸν τύπον ἀνιστορῶν προσκυνεῖ καὶ διὰ

ταύτης ἀναμνησκεται ὅτι ἐπὶ τῆς γῆς ὤφθη ἀόρατος ὦν καὶ τοῖς ἀνθρώποις συνανεστράφη συνεστιάθη τε αὐτοῖς καὶ ἐπέζοπώρησε, καὶ τὸ διὰ σταυροῦ ἀτιμον πάθος ὑπέμεινεν ἐν αὐτῇ καὶ θάνατον κατεδέξατο, καὶ τριήμερος ἀναστάς εἰς οὐρανοὺς ἀνελήλυθεν, ὅθεν κατηῆλθε καὶ δεξιᾷ τοῦ Πατρὸς κεκάθηκεν, ὡς ὁμοούσιος καὶ ὁμό- (f. 291 v.) θρονος, ὅθεν καὶ πάλιν ἤξειν μέλλει μετὰ τῆς αὐτοῦ ἀχράντου καὶ θείας σαρκός. Ταῦτα πάντα καὶ τὰ τριαῦτα διὰ τῆς αὐτοῦ ἀχράντου καὶ σεβασμίας εἰκόνας ἀναδιδάσκεται καὶ μιμνήσκεται πᾶς ὀρθόδοξος καὶ ζεούση καρδία ταύτην τιμῶν σχετικῶς προσκυνεῖ καὶ ἀσπάζεται, καὶ οὐ τὴν ὕλην, ὡς ἀφρόνως ἐκείναι ἐδοξαζον, διὰ τῆς ὑλογραφικῆς δὲ ἱστορίας τὴν τοῦ νοός θεωρίαν καὶ ὀπτασίαν ἐπὶ τὰ πρωτότυπα, ὡς εἴρηται, ἀνάγων, ὡς αὐτὰ τὰ πρωτότυπα ἐνορῶν νοητῶς ἅμα καὶ αἰσθητῶς, ἐξαιτεῖται καὶ λέγει πρὸς ἕνα ἕκαστον τῶν ἁγίων Ἄγιε τοῦ Θεοῦ, πρέσβευε ὑπὲρ ἐμοῦ· εἰ δὲ τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐστὶν ἡ εἰκὼν, ὡσαύτως τὸν νοῦν ἀνάγει διὰ τῆς ἐνσωμάτου θεανδρικῆς ἐμφερείας αὐτοῦ ἐπὶ τὸ πρωτότυπον καὶ αἰσθητῶς καὶ νοερῶς προσπίπτει αὐτῷ καὶ λέγει· Υἱὲ Θεοῦ, ἐλέησόν με· καὶ ἐπειδὴ τοὺς ἁγίους ἐκείνου καὶ ἀχράντους πόδας καταφιλεῖν, ὡς ἡ πόρνη, καὶ ἀσπάζεσθαι καὶ τοῖς δάκρυσι καταβρέχειν καὶ ἐξαιτεῖσθαι τὴν τῶν ἐσφαλμένων ἡμῖν συγχώρησιν ὑπάρχει ἀδύνατον, ὡς ἅπαξ (f. 292 r.) ἀναληφθέντος εἰς τὸν οὐρανὸν καὶ ἐν δεξιᾷ τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς κεκαθικότες, τοὺς τῆς ἁγίας αὐτοῦ εἰκόνας σεβασμίους καὶ θεανδρικούς πόδας ὡς πρωτοτύπους αὐτοὺς κρατεῖν καὶ ὀλοψύγως καταφιλεῖν καὶ τοῖς δάκρυσι βρέχειν καὶ τοῖς τῆς καρδίας ὀφθαλμοῖς πρὸς ἐκεῖνον ἐνατενίζειν καὶ διαλέγεσθαι καὶ τὴν τῶν ἐπταισμένων ἐξαιτεῖσθαι ὀφείλει συγχώρησιν· οὐ γὰρ τῇ ὕλῃ, ὡς εἴρηται, λατρεύειν δεδιδάγμεθα ἢ ὡς οἱ Ἕλληνες εἰδωλολατρεῖν μεμαθήκαμεν, ὡς ὁκεῖ τοῦτο τοῖς εἰκονομάχοις· μὴ γένοιτο. Καὶ πάλιν ἐρῶ· ἐκεῖνοι μὲν γὰρ αὐτὰ τὰ ἑμῶν ἡμῶν εἰδωλολατρεῖν, μὴ ἔχοντες ἀληθινὰ πρωτοτυπα πρόσωπα ἐπάξια τῆς θεϊκῆς δόξης καὶ ἁγιότητος, ἀλλὰ πλάνους τινὰς καὶ γόητας καὶ ἐπὶ αἰσχροπραγίᾳ βεβημένους θνητοὺς ἀνδρας τε καὶ γυναῖκας, ἡμεῖς δὲ ἀληθινὸν Θεὸν καὶ Σωτῆρα τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν γνωρίσαντες ἐπὶ τοῦ ἡμετέρου βροτείου γένους ἐκ τῶν πατρικῶν κόλπων κατελθόντα

ἐπὶ τῆς (f. 292 v.) γῆς καὶ ἐκ τῆς ἀειπαρθένου Μαρίας σάρκα ἐνδυσάμενον καὶ ἐν εἴδει τῷ καθ' ἡμᾶς ὄφθεντα, καὶ τέλειον ἄνθρωπον χωρὶς ἁμαρτίας καὶ Θεὸν ἀληθινὸν αὐτὸν ὁμολογοῦντες καὶ κηρύττοντες καὶ τῷ αὐτῷ εἴδει μέλλοντα πάλιν ἤξειν ἐπὶ τῆς γῆς, ὡς εἴρηται, τοῦ κρῖναι ζῶντας καὶ νεκροὺς καὶ ἀποδοῦναι ἐκάστῳ κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ, τούτου καὶ τὴν ἁγίαν εἰκόνα καὶ σεβάσιμον ἱστοροῦντες προσκυνοῦμεν καὶ σχετικῶς ἀσπαζόμεθα καὶ τοὺς μὴ οὕτω φρονοῦντας ἀναθέματι ὑποβάλλομεν, οὐ τὴν θεότητα περιγράφοντες, ὡς τοῖς δυσσεβέσι καὶ τοῦτο δοκεῖ, ἀπαγε· αὕτη γὰρ ἀνείδεος, ἀσχημάτιστος καὶ ἀκατάληπτος πέφυκεν· ἀλλὰ τὴν θεανδρικήν, ὡς ἔφημεν, ἐμφέριαν τῆς ἀχράντου σαρκὸς τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἣν ἐξ ἡμῶν προσελάβετο διὰ τὴν ἡμετέραν σωτηρίαν, ἐν ἣ τὸ πᾶν πλήρωμα ἔκρησε τῆς θεότητος μεταδοτικῶς, οὐ μεταβατικῶς, καὶ τὴν ἡμετέραν κατειργάσατο σωτηρίαν, ἱστοροῦντες (f. 293 r.) προσκυνοῦμεν, οὐ μέχρις αὐτοῦ ἰστάμενοι καὶ περαιτέρω μὴ προϊόντες, ἀλλὰ διὰ τοῦ ὀρωμένου ἐκτυπώματος πρὸς τὸ πρωτότυπον τὸν νοῦν ἀναπέμποντες καὶ πλανᾶσθαι τοῦτον μὴ συγχωροῦντες, ὡς ἄνωθεν εἴρηται. Διὰ γὰρ ταύτης τῆς σεβασμίας εἰκόνης ὀρῶμεν αὐτὸν νοερώς ἐπὶ θαλάσσης ὁδοιποροῦντα, κινδύνου τοὺς μαθητὰς διασώζοντα, τοὺς ἀνέμους ἐπιτιμῶντα καὶ τὴν θάλασσαν κυμαινομένην καὶ τῇ χέρσῳ τὴν ἔφοδον ἐπαπειλοῦσαν πραύνοντα, ἐν ὀλίγοις τισὶ κριθίνους ἄρτοις καὶ εὐτελέσιν ἰχθυοῖς χιλιάδας πλείστας διατρέφοντα καὶ τὰ περισσεύματα τῶν κλασμάτων κοφίνους δώδεκα πλήρεις γεμίσαντα, τυφλοὺς ὀμματοῦντα, δαιμονιῶντας ἰώμενον, χωλοὺς παρειμένους εὐδρόμους ποιοῦντα, συγκεκυφῶτας καὶ συγκύπτοντας ἀνορθοῦντα, παραλελυμένους πλείστοις ἔτεσιν ἰώμενον καὶ νεκροὺς ἀνιστῶντα, καὶ μάλιστα τεταρταῖον Λάζα(f. 293 v.)ρον λόγῳ καὶ μόνῳ, καὶ τυφλὸν ἐκ γεννητῆς ὀμματώσαντα, αἰμορροοῦσαν γυναῖκα καὶ ὕλου δίκην ἐπέχυσαν ἀφ᾽ ἡ κρασπέδου ἰασάμενον, πυρετοὺς ἀπελαύνοντα καὶ ποικίλας καὶ πλείστας νόσους θεραπεύοντα, οὐ τέχνη τι, οὐ χειρουργίᾳ, οὐ φαρμάκων ἐπιδόσεσιν, ἀλλὰ ταῦτα πάντα λόγῳ καὶ μόνῳ καὶ τῇ αὐτοῦ θεϊκῇ ἐπινεύσει.

Μετὰ γοῦν τὸ τοὺς εἰκονομάχους ἐκείνους συντελεσθῆναι (ὄθεν γὰρ παρεξέβημεν, ἐπανήξωμεν καὶ τὸν πρό μικροῦ καταλειφθέντα

δρόμον τοῦ λόγου βαδίζειν πάλιν ἀρξώμεθα) καὶ τὰ ἄξια κομίσασθαι τῆς αὐτῶν ἐργασίας καὶ ἀσεβείας, προσέθετο Κύριος ἀνταποδοῦναι τοῖς υἱοῖς τῆς ἀνομίας, καὶ καθ' ὃν τρόπον οὐ μετεμελήθησαν ἐν ταῖς κακοπραγίαις καὶ ἀλύσει τῶν ἀσεβειῶν αὐτῶν ἐπιστρέψαι καὶ μετανοῆσαι καὶ λαβεῖν τὴν τούτων ἄφεσιν, ἀλλ' ἐσυνετελεύτησαν αὐτοῖς· καὶ ἐκέλευσε παραγενέσθαι ἑτέραν συναγωγὴν ἀπὸ τῶν ἐξ εὐωνύμων αὐτοῦ, ἧτις ἦν μεγάλη σφόδρα· τὰ γὰρ (f. 294 r.) πλήθη τῶν ἐν αὐτῇ ἦσαν ὑπὲρ τὸν χοῦν τῆς γῆς καὶ τὴν φάμμον τὴν παρὰ τὸ χεῖλος τῆς θαλάσσης, καὶ ἦν ἐπ' αὐτῇ σκοτία βαθυτάτη, καὶ πικρία πωρώσεως τῶν καρδιῶν αὐτῶν μεγάλη λίαν ἐπὶ πάντας τοὺς ἐν τῇ συναγωγῇ ἐκείνῃ καὶ κόπρος κυνῶν μετὰ ἐμπιῶδους αἵματος ἀναπεφυραμένος ἐπὶ τὰ ῥυπαρὰ καὶ ἐβδελυγμένα αὐτῶν πρόσωπα· καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν λίαν ἐτυφλώττοντο λήμμησ παχείας ἐπικειμένης αὐτοῖς, αἱ δὲ ἀκοαὶ βεβυσμέναι καὶ ἀσφάλτῳ κεχρισμέναι, ἐν δὲ ταῖς χερσὶν αὐτῶν κέρκους ἀλόγων κατέχοντες καὶ ταῖς ἑαυτῶν ῥοσίν εἰς ὄσφρησιν ἀναφυχῆς προσάγοντες· τὰ δὲ χεῖλη αὐτῶν ὡσεὶ ἰχῶρος ἐμπυον ἦσαν σταλάζοντα ἀντὶ στέλου, αἱ δὲ γλῶσσαι αὐτῶν ἔξωθεν τοῦ στόματος αὐτῶν ἐκρέμαντο δίκην λυσσώντων κυνῶν· τῶν δὲ στομάτων αὐτῶν ἀνοιγομένων λίαν μελάνων ὄντων ὡς θεάφης δυσοδμία καπνίζομένης ἄφατος (f. 294 v.) ἐξήρχετο, αἱ γεῖρες αὐτῶν καὶ οἱ πόδες μελανοὶ λίαν καὶ στρεβλοὶ ἡμφιεσμένοι ὄνων δέρματα ὡσανεὶ σκώληξ καταδεδαπανημένα ἀντὶ πεδῖλων ἔχοντες· οἴπινες ἐν τοιαύτῃ αἰσχύνῃ καὶ ἀτιμίᾳ, ἢ μᾶλλον εἰπεῖν βδελυρία (τοῦτο γὰρ ἦν οἰκειότερον) ἑαυτοὺς ἐνορῶντες λίαν ἐξεπλήττοντο, φρίττοντες, ξενιζόμενοι πόθεν ἢ τοσαύτη αὐτοῖς ἀσχημοσύνη προσεγένετο· ἐδόκουν γὰρ ἐν τῇ ζωῇ αὐτῶν καὶ ἠλπίζον ἐν ὁξῇ μεγίστῃ εὐρεθῆναι αὐτοὺς, εὐρέθησαν δὲ, ὡς εὐχ ἠλπίζον, οἱ ταλαίπωροι οὕτως εἰς φρικτὴν πενίαν καὶ ἀνεκκλήτην ἀτιμίαν, καὶ κατανοοῦντες ἑαυτοὺς ἐλεινῶς διεπρίοντο κατεσθίοντες τὰς σάρκας τῶν βραχιόνων αὐτῶν, καὶ μάλιστα καθερῶντες τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν ὡς Θεὸν καὶ κριτὴν προκαθήμενον, ἀποτόμως κρίνοντα καὶ ἀποδίδοντα ἐκάστῳ κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ· ἐγνώρισαν γὰρ προφανῶς τὴν μορφήν τοῦ προσώπου αὐτοῦ καθ' ὃν τρόπον ἐβλεπον τὴν ἄχραντον αὐτοῦ εἰ(f. 295 r.)κόνα ἱστορισμένην ἐν τῇ ζωῇ αὐτῶν ἐν ταῖς ἀγίαις αὐτοῦ ἐκκλησίαις, καὶ

ὡς τοῦτον ἐβλεπον, δέει καὶ φόβῳ καὶ ἀγωνίᾳ σφοδρῶς συνεχόμενα διελέγοντο περὶ αὐτοῦ πρὸς ἀλλήλους φάσκοντες· Οὐαὶ ἡμῖν, ὅτι οὗτος ἐστὶν ἀληθῶς ὁ ἐσταυρωμένος Ἰησοῦς, ὃν ἐσταύρωσαν Ἄννας καὶ Καϊάφας σὺν τῷ Ποντίῳ Πιλάτῳ ἡγεμόνι τῆς Ἰουδαίας, οἱ ἐπ' ὀλέθρῳ καὶ ἀπωλείᾳ παντὸς τοῦ ἔθνους ἡμῶν ἱερατεύσαντες καὶ σὺν αὐτῷ τῷ Πιλάτῳ ὡς πλάνον κρατήσαντες τοῦτον ἐπὶ ξύλου μετὰ τῶν κακούργων ἀνεσκολόπισαν καὶ θανάτῳ ἀδίκως παρέδωκαν· καὶ οὗτος, ἰδοῦ, κάθηται μετὰ δόξης δίκαιος κριτῆς ἐπὶ θρόνου φοβεροῦ καὶ ἐπηρμένου, κρίνων ἀποτόμως ζῶντας καὶ νεκροὺς καὶ ἀπονέμων ἐκάστῳ κατ' ἀξίαν κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ, καθ' ὃν τρόπον καὶ προέλεγεν ἡμῖν, διδάσκων ἐν ταῖς συναγωγαῖς ἡμῶν. Φεῦ τῆς ἀπάτης καὶ ἀπωλείας ἡμῶν, ὧ τῆς ἀνοίας καὶ ἀπιστίας ἡμῶν, διότι κακῶς ἠπατήθημεν καὶ οὐκ ἐπιστεύσαμεν εἰς αὐτόν· φεῦ τῆς πλάνης καὶ τῆς ἔλλειψ(ς. 295 ν.)νότητος ἡμῶν· ποῦ φύγωμεν καὶ πρὸς τίνα πορευσόμεθα, τί ποιήσομεν καὶ τί ἀπολογησομεθα, ὅτι εἰς αὐτὰς τὰς χεῖρας τοῦ ἐσταυρωμένου ὑφ' ἡμῶν ἐνεπέσαμεν, καὶ οὐκ ἔσται λοιπὸν ὁ ἐλεῶν ἡμᾶς καὶ ἐξαιρούμενος; ποῦ οὖν ἐστὶν ὁ Θεὸς τοῦ νόμου, ὃν Μωσῆς ἡμῖν καθυπέδειξεν, εἰς λατρεύειν δὲ αὐτῷ μόνῳ παραδεδώκε καὶ ἕτερον Θεὸν πλὴν αὐτοῦ μόνου μὴ εἰδέναι νενομοθέτηκεν οὔτε ἐν τῷ οὐρανῷ ἄνω, οὔτε ἐν τῇ γῇ κάτω; ποῦ ὁ ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ ἐν στύλῳ πυρός καὶ γνόφῳ καὶ θυέλλῃ λαλήσας τοῖς πατράσιν ἡμῶν λέγων· Ἄκουε, Ἰσραὴλ, Κύριος ὁ Θεός σου εἷς ἐστὶ καὶ παρέξ αὐτοῦ ἕτερος οὐκ ἔστιν Θεός; καὶ ἰδοὺ νῦν ἕτερος Θεός. Ποῦ δὲ εἰσι καὶ οἱ πατέρες ἡμῶν, ὁ Ἀβραάμ, λέγω, καὶ Ἰσαὰκ καὶ Ἰακώβ, ποῦ δὲ καὶ αὐτὸς νῦν ἐστὶν ὁ νομοθέτης Μωσῆς καὶ ἡμαγωγός ἡμῶν; οὐκ ἄρα κάκεινοι ὡς ἡμεῖς καὶ πᾶσα φύσις βροτῶν ἐκ νεκρῶν ἀδρόσον ἠγέρθησαν, κριθησόμενα ἐπὶ τοῦ φοβεροῦ καὶ φορικωδιστάτου τούτου βήματος τοῦ δικαίου κριτοῦ, καὶ τῷ καινῷ καὶ ἀγνώστῳ τού(ς. 296 γ.)τῳ Θεῷ καὶ κριτῇ σὺν ἡμῖν παρειστήκεισαν, ἕνα τῶν βεβιωμένων αὐτοῖς ἐπίσης πάσῃ τῇ ἀνθρωπότητι λήψωνται [μισθον]; ἄρα μὴ καὶ αὐτοὶ ἠπατήθησαν, ὡσπερ ἡμεῖς, καὶ οὐκ ἐπέγνωσαν τὴν ἀλήθειαν; ἄρα μὴ μῦθος ἦν πᾶσα ἡ κατ' αὐτοὺς ἱστορία καὶ ἡ διαθήκη τῆς περιτομῆς καὶ ἡ ἐξ Αἰγύπτου μετὰ θαυμασίων τινῶν φορικτῶν καὶ φοβερῶν ἐξόδος αὐτῶν, καὶ ἡ τῆς Ἐρυθρᾶς θαλάσσης ῥῆξις, καὶ ἡ διὰ Ξηρᾶς ἐν μέσῳ

αὐτῆς διάβασις, καὶ ἡ ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ θεσπτία, καὶ τὰ ἐν αὐτῇ φοβερὰ καὶ ἀνύποιστα Θεοῦ δείγματα, καὶ αἱ πλάκες καὶ ἅπας ὁ νόμος, καὶ ἡ τῆς σκηνῆς κατασκευὴ καὶ ἡ ἱερατεία, καὶ τὰ κατ' αὐτὸν πάντα εἰκὴ καὶ μάτην ἡμῖν παραδέδονται, καὶ οὐκ εἰσὶν ἀληθινῶ καὶ μόνου Θεοῦ ταῦτα πάντα; Ὅντως τι εἰπεῖν οὐκ ἔχομεν ἢ πῶς ἐπικαταράσασθαι τῷ Μωϋσῆ ἀγνοοῦμεν· Ἰδοὺ γὰρ εἰς τὰς χεῖρας παραπεπτώκαμεν τοῦ παρ' ἡμῶν σταυρωθέντος, καὶ οὐκ ἔστι λοιπὸν ὁ ἐλεῶν καὶ οἰκτεῖρων ἡμᾶς. Τινὲς δὲ πάλιν ἐξ αὐτῶν ἔλεγον· Ἐξ ὅτου αὐτός ἐ(f. 296 v.)σταυρώθη παρ' ἡμῶν, ἐν ἀληθείᾳ οὐκ εἶδεν ἀγαθὸν τὸ γένος ἡμῶν, ἀλλὰ καὶ τῆς Ἱερουσαλήμ ἐξηλάθημεν καὶ μακρὰν ἐδώχθημεν καὶ τῆς γῆς τῆς ἐπαγγελίας ἀπερρίφημεν, ἀλλὰ καὶ ὁ θαυμάσιος ναός, ὃν ὁ σφωτάτος Σολομῶν θαυμαστώως εἰς ὄψαν ἔκτισέ τε καὶ ὠκοδόμησε, μέχρις ἐδάφους πέπτωκε καὶ εἰς τέλος ἠφάνισται, καὶ πᾶσαι αἱ φυλακαὶ ἡμῶν εἰς πάντα τὰ ἔθνη προφανῶς διεσπάρησαν καὶ ἕως τοῦ νῦν διασκορπισθεῖσαι ὑπῆρχον, γλευκζόμεναί τε καὶ ὀνειδιζόμεναι ὑπὸ πάντων τῶν ἐθνῶν. Καὶ νῦν πράγμα συνήντηκεν ἡμῖν, ὅπερ οὐκ ἠλπίζομεν· τίς ἄρα προστήσεται ἡμῶν ἐπὶ τοῦ ἐσταυρωμένου μὲν ὑφ' ἡμῶν κρῖναι δὲ κεκαδικότος ἐν ὄψῃ ἀποτόμως ἡμᾶς; οὐκ ἔστιν οὖν τις ὁ βοηθήσων ἡμῖν καὶ ὁ ἔξαιρούμενος ἡμᾶς ἐκ τῆς δικαίας αὐτοῦ ἀπειλῆς· ἀλλὰ δεῦτε καὶ κράξωμεν ἐν τῷ τοῦ νόμου Θεῷ, καὶ ἴσως, ὅπου ὅτιν ἐστι, παραγίνεται καὶ βοηθήσει ἡμῖν. Ἄλλοι δὲ πρὸς αὐτοὺς ἔλεγον ὀλολύζοντες· Ὡ τῆς ἀνοίας ἡμῶν, ὡ τῆς ταλαιπωρίας καὶ τῆς ἐλεινότητος, ὅτι καὶ τοῦτον ὀρῶντες χρί(f. 297 r.)νοντα ἀποτόμως πᾶσαν πνοὴν ἀκμὴν εἰς τέλος πλανώμεθα, ἀλλ' ἐπεὶ, ὡς ὀρῶμεν, ὅτι δίκαιος κριτῆς ἐστι καὶ οὐκ αἰδεῖται πρόσωπα οὐδὲ δῶρα λαμβάνει, δεῦτε καὶ δεηθῶμεν αὐτοῦ, ὥστε κριθῆναι μετὰ τῶν παραδεδωκότων ἡμῖν τὴν διαθήκην καὶ διάταξιν τοῦ νόμου, καὶ μάλιστα παρὰ τοὺς ἄλλους ἅπαντας μετ' αὐτοῦ τοῦ Μωϋσέως, ὃ καὶ Ἰσα Θεῷ ἐπιστεύομεν καὶ τὰ παραδεδομένα ἡμῖν παρ' αὐτοῦ μαρτύρια νόμιμα ἀπαράβητα ἐφυλάττομεν· καὶ ἐάν οὕτω γένηται, ἐν ἐκ τῶν δύο τοῦτο γενέσθαι πρόκειται, ἢ κάκεινους σὺν ἡμῖν εἰς κόλασιν δικαίως ἐμβληθῆναι, ὡς αἰτίους τῆς τοιαύτης ἡμῶν ἀπωλείας, ἢ καὶ ἡμᾶς δι' ἐκείνους συγγνώμης τινὸς τυχεῖν· τῷ ὄντι γὰρ ἀφ' οὐπερ τὸ τοῦ ἐσταυρωμένου μυστήριον ἐνηργήθη

ὡς τοῦτον ἐβλεπον, δέει καὶ φόβῳ καὶ ἀγωνίᾳ σφοδρῶς συνεχόμενα διελέγοντο περὶ αὐτοῦ πρὸς ἀλλήλους φάσκοντες· Οὐαὶ ἡμῖν, ὅτι οὗτος ἐστὶν ἀληθῶς ὁ ἐσταυρωμένος Ἰησοῦς, ὃν ἐσταύρωσαν Ἄννας καὶ Καϊάφας σὺν τῷ Ποντίῳ Πιλάτῳ ἡγεμόνι τῆς Ἰουδαίας, οἱ ἐπ' ὀλέθρῳ καὶ ἀπωλείᾳ παντὸς τοῦ ἔθνους ἡμῶν ἱερατεύσαντες καὶ σὺν αὐτῷ τῷ Πιλάτῳ ὡς πλάνον κρατήσαντες τοῦτον ἐπὶ ξύλου μετὰ τῶν κακούργων ἀνεσκολόπισαν καὶ θανάτῳ ἀδίκως παρέδωκαν· καὶ οὗτος, ἰδοῦ, κάθηται μετὰ δοξῆς δίκαιος κριτῆς ἐπὶ θρόνου φοβεροῦ καὶ ἐπηρμένου, κρίνων ἀποτόμως ζῶντας καὶ νεκροὺς καὶ ἀπονέμων ἐκάστῳ κατ' ἀξίαν κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ, καθ' ὃν τρόπον καὶ προέλεγεν ἡμῖν, διδάσκων ἐν ταῖς συναγωγαῖς ἡμῶν. Φεῦ τῆς ἀπάτης καὶ ἀπωλείας ἡμῶν, ᾧ τῆς ἀνοίας καὶ ἀπιστίας ἡμῶν, διότι κακῶς ἠπατήθημεν καὶ οὐκ ἐπιστεύσαμεν εἰς αὐτόν· φεῦ τῆς πλάνης καὶ τῆς ἔλεσι(f. 295 v.)νότητος ἡμῶν· ποῦ φύγωμεν καὶ πρὸς τίνα πορευόμεθα, τί ποιήσωμεν καὶ τί ἀπολογησόμεθα, ὅτι εἰς αὐτάς τὰς χεῖρας τοῦ ἐσταυρωμένου ὑφ' ἡμῶν ἐνεπέσαμεν, καὶ οὐκ ἔσται λοιπὸν ὁ ἐλεῶν ἡμᾶς καὶ ἐξαιρούμενος; ποῦ οὖν ἐστὶν ὁ Θεὸς τοῦ νόμου, ὃν Μωσῆς ἡμῖν καθυπέδειξεν, εἰς λατρεύειν δὲ αὐτῷ μόνῳ παραδεδώκε καὶ ἕτερον Θεὸν πλὴν αὐτοῦ μόνου μὴ εἰδέναι νενομοθέτηκεν οὔτε ἐν τῷ οὐρανῷ ἄνω, οὔτε ἐν τῇ γῇ κάτω; ποῦ ὁ ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ ἐν στύλῳ πυρός καὶ γνόφῳ καὶ θυέλλῃ λαλήσας τοῖς πατράσιν ἡμῶν λέγων· Ἄκουε, Ἰσραὴλ, Κύριος ὁ Θεός σου εἷς ἐστὶ καὶ παρέξ αὐτοῦ ἕτερος οὐκ ἔστιν Θεός; καὶ ἰδοὺ νῦν ἕτερος Θεός. Ποῦ δὲ εἰσι καὶ οἱ πατέρες ἡμῶν, ὁ Ἀβραάμ, λέγω, καὶ Ἰσαὰκ καὶ Ἰακώβ, ποῦ δὲ καὶ αὐτὸς νῦν ἐστὶν ὁ νομοθέτης Μωσῆς καὶ δημαγωγός ἡμῶν; οὐκ ἄρα κάκεινοι ὡς ἡμεῖς καὶ πᾶσα φύσις βροτῶν ἐκ νεκρῶν ἀδρῶν ἠγέρθησαν, κριθησόμενοι ἐπὶ τοῦ φοβεροῦ καὶ φορικωδεστάτου τούτου βήματος τοῦ δικαίου κριτοῦ, καὶ τῷ καινῷ καὶ ἀγνώστῳ τού(f. 296 r.)τῳ Θεῷ καὶ κριτῇ σὺν ἡμῖν παρειστήκεισαν, ἵνα τῶν βεβιωμένων αὐτοῖς ἐπίσης πάσῃ τῇ ἀνθρωπότητι λήψωνται [μισθόν]; ἄρα μὴ καὶ αὐτοὶ ἠπατήθησαν, ὥσπερ ἡμεῖς, καὶ οὐκ ἐπέγνωσαν τὴν ἀλήθειαν; ἄρα μὴ μῦθος ἦν πᾶσα ἡ κατ' αὐτοὺς ἱστορία καὶ ἡ διαθήκη τῆς περιτομῆς καὶ ἡ ἐξ Αἰγύπτου μετὰ θαυμασίων τινῶν φρικτῶν καὶ φοβερῶν ἐξόδος αὐτῶν, καὶ ἡ τῆς Ἐρυθρᾶς θαλάσσης ῥῆξις, καὶ ἡ διὰ ξηρᾶς ἐν μέσῳ

αὐτῆς διάβασις, καὶ ἡ ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ θεσπιτία, καὶ τὰ ἐν αὐτῇ φοβερά καὶ ἀνύπειστα Θεοῦ δείγματα, καὶ αἱ πλάκες καὶ ἅπας ὁ νόμος, καὶ ἡ τῆς σκηνῆς κατασκευὴ καὶ ἡ ἱερατεία, καὶ τὰ κατ' αὐτὸν πάντα εἰκὴ καὶ μάτην ἡμῖν παραδίδονται, καὶ οὐκ εἰσὶν ἀληθινῶ καὶ μόνου Θεοῦ ταῦτα πάντα; Ὅντως τι εἰπεῖν οὐκ ἔχομεν ἢ πῶς ἐπικαταράσασθαι τῷ Μωϋσῇ ἀγνωσοῦμεν· ἰδοὺ γὰρ εἰς τὰς χεῖρας παραπεπτώκαμεν τοῦ παρ' ἡμῶν σταυρωθέντος, καὶ οὐκ ἔστι λοιπὸν ὁ ἐλεῶν καὶ οἰκτεῖρων ἡμᾶς. Τινὲς δὲ πάλιν ἐξ αὐτῶν ἔλεγον· Ἐξ ὅτου αὐτός ἐ(f. 296 v.)σταυρώθη παρ' ἡμῶν, ἐν ἀληθείᾳ οὐκ εἶδεν ἀγαθὸν τὸ γένος ἡμῶν, ἀλλὰ καὶ τῆς Ἱερουσαλήμ ἐξηλάθημεν καὶ μακρὰν ἐδώχθημεν καὶ τῆς γῆς τῆς ἐπαγγελίας ἀπερρίφημεν, ἀλλὰ καὶ ὁ θαυμασιὸς ναός, ὃν ὁ σφώτατος Σολομῶν θαυμαστῶς εἰς ὄξαν ἐκτίσέ τε καὶ ὠκοδόμησε, μέχρις ἐδάφους πέπτωκε καὶ εἰς τέλος ἠφάνισται, καὶ πᾶσαι αἱ φυλακαὶ ἡμῶν εἰς πάντα τὰ ἔθνη προφανῶς διεσπάρησαν καὶ ἕως τοῦ νῦν διασκορπισθεῖσαι ὑπῆρχον, γλευαζόμεναί τε καὶ ὀνειδιζόμεναι ὑπὸ πάντων τῶν ἐθνῶν. Καὶ νῦν πρᾶγμα συνήντηκεν ἡμῖν, ὅπερ οὐκ ἠλπίζομεν· τίς ἄρα προστήσεται ἡμῶν ἐπὶ τοῦ ἐσταυρωμένου μὲν ὑφ' ἡμῶν κρῖναι δὲ κεκαδικότος ἐν ὄξῃ ἀποτόμως ἡμᾶς; οὐκ ἔστιν οὖν τις ὁ βοηθήσων ἡμῖν καὶ ὁ ἔξαιρούμενος ἡμᾶς ἐκ τῆς δικαίας αὐτοῦ ἀπειλῆς· ἀλλὰ δεῦτε καὶ κράξωμεν ἐν τῷ τοῦ νόμου Θεῷ, καὶ ἴσως, ὅπου ὅτιν ἐστι, παραγίνεται καὶ βοηθήσει ἡμῖν. Ἄλλοι δὲ πρὸς αὐτοὺς ἔλεγον ὀλολύζοντες· Ὡ τῆς ἀνοίας ἡμῶν, ὡ τῆς ταλαιπωρίας καὶ τῆς ἐλεινότητος, ὅτι καὶ τοῦτον ἐρῶντες κρί(f. 297 r.)νοντα ἀποτόμως πᾶσαν πνοὴν ἀκμὴν εἰς τέλος πλανώμεθα, ἀλλ' ἐπεὶ, ὡς ὁρῶμεν, ὅτι δίκαιος κριτῆς ἐστι καὶ οὐκ αἰδεῖται πρόσωπα οὐδὲ δῶρα λαμβάνει, δεῦτε καὶ δεηθῶμεν αὐτοῦ, ὥστε κριθῆναι μετὰ τῶν παραδεδωκότων ἡμῖν τὴν διαθήκην καὶ διάταξιν τοῦ νόμου, καὶ μάλιστα παρὰ τοὺς ἄλλους ἅπαντας μετ' αὐτοῦ τοῦ Μωϋσέως, ὃ καὶ Ἰσα Θεῷ ἐπιστεύομεν καὶ τὰ παραδεδομένα ἡμῖν παρ' αὐτοῦ μαρτύρια νόμιμα ἀπαράβητα ἐφυλάττομεν· καὶ ἐάν οὕτω γένηται, ἐν ἐκ τῶν δύο τοῦτο γενέσθαι πρόκειται, ἢ κάκεινους σὺν ἡμῖν εἰς κόλασιν δικαίως ἐμβληθῆναι, ὡς αἰτίους τῆς τῆς αὐτῆς ἡμῶν ἀπωλείας, ἢ καὶ ἡμᾶς δι' ἐκείνους συγγνώμης τινὸς τυχεῖν· τῷ ὄντι γὰρ ἀφ' οὐπερ τὸ τοῦ ἐσταυρωμένου μυστήριον ἐνηργήθη

ἐν τῇ πατρίδι ἡμῶν Ἰουδαία, οὐκ εἶδεν ἔκτοτε, ὡς εἴρηται, τὸ γένος ἡμῶν καλόν, ἀλλ' ἐξ ἐκείνου τοῦ χρόνου πάντα τὰ δεινὰ ἐπλεόνασαν εἰς ἡμᾶς. Καὶ ὄντως οὐαὶ ἡμῖν, ὅτι καὶ ἐν τῇ προσκαίρῳ ἡμῶν ζωῇ (f. 297 v.) πάμπολλα καὶ χαλεπὰ κακὰ καὶ θλίψεις ἀπαρηγόρηται συνεῖρον ἡμᾶς, καὶ νῦν πάλιν ἐν τῇ ἀθανάτῳ ταύτῃ ζωῇ καὶ ἀδιάδογῳ βασιλείᾳ, ἐν ἣ παραμυθίαν καὶ ἄνεσιν τῶν πολλῶν καὶ χαλεπῶν θλίψεων ἐκείνων καὶ κακουχιῶν τῶν μακρῶν ἠλπίζομεν εὐρηκέναι τινα, καὶ ὡς συνερῶμεν, ἰδοὺ μείζονα καὶ χεῖρονα κακὰ τῶν προτέρων πολλῶ πλείω κατέλαβον ἡμᾶς. Καὶ τί ποιήσωμεν; ἢ ποῦ κρυφθσόμεθα ἀπὸ προσώπου τοῦ ἐσταυρωμένου τούτου καὶ δικαίου κριτοῦ; Ἄλλοι δὲ ἔλεγον· Μᾶλλον πρὸς τοῦτον προσπέσωμεν καὶ κράζομεν, καὶ ἴσως σπλαγχνισθεὶς ἐλεήσει ἡμᾶς. Ἄλλοι δὲ ἀπεκρίναντο λέγοντες μετὰ καὶ στεναγμοῦ ἐκ βαθέων ψυχῆς· Καὶ πῶς οὖν ἡμῖν βοηθήσει οὗτος καὶ ἐλεήσει ἡμᾶς, ὃν ἐν πάσαις ταῖς ἡμέραις τῆς ζωῆς ἡμῶν βλασημοῦντες παρωργίσαμεν, οὐτινος τὸ θεῖον εὐαγγέλιον διὰ παντός ἐγλυεάζομεν, καὶ ὡσεὶ λῆρον τὰ ῥήματα αὐτοῦ καὶ θεῖα ἐντάλματα ἠγρύμεθα, οὐτινος τὸ ὄνομα τὸ σε (f. 298 r.) βᾶσιμιον οὐδὲ λεγόμενον ἀκοῦσαι ἠνεσχόμεθα; καὶ πῶς οὖν οὗτος ἀνέξεται τοῦ εἰσακοῦσαι ἡμῶν καὶ ἐλεῆσαι ἡμᾶς; Ἄλλοι δὲ ἔλεγον τύπτοντες σφοδρῶς τὰς ὀφεις αὐτῶν· ὁ Θεὸς εὐρῆ τὸν Μωϋσῆα καὶ τοὺς πατέρας ἡμῶν καὶ κρινεῖ ἀνά μέτρον ἡμῶν καὶ αὐτῶν, διότι ἐδέσπισαν ἡμῖν παρέξ τῆς πίστεως ἡμῶν ἑτέραν πίστιν μὴ καταδέξασθαι. Ὁφεται Μωϋσῆς, ὃς δέδωκεν ἡμῖν τὸν νόμον ἐγγράφως, ὑφ' οὗ μεμαθήκαμεν μὴ προσκυνῆσαι θεῶ ἄλλοτρίῳ, μηδὲ γόνυ κλίνειν ἐν εἰκόνι· ὡποτε· ὀφεται Ἰακώβ, ὃς ἐδίδαξεν ἡμᾶς μὴ ἀποστρέψαι τὰ πρόσωπα ἡμῶν ἀπὸ τῆς λατρείας τοῦ Θεοῦ Ἰσραὴλ· ὀφονται πάντες οἱ προφῆται, ὅτινες ἐξέθεντο ἡμῖν ἐγγράφως καὶ ἀγράφως τελεῖν διὰ παντός τὰ ἰουδαϊκὰ καὶ μὴ ἐκνεύειν ἀπὸ τῆς πίστεως τῆς δοθείσης ἡμῖν παρὰ τοῦ Θεοῦ τοῦ νόμου ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ ἢ δεξιὰ ἢ ἀριστερά. Ἄλλοι δὲ πάλιν ἔλεγον, κινεῦντες τὰς κεφαλὰς αὐτῶν καὶ δάκρυσιν αἱματορροῦτος τὸ ἔδαφος τῆς γῆς κα(f. 298 v.)ταβρέγοντες· ὄντως ἡμεῖς ὀφόμεθα καὶ ἡμεῖς ἀπολάβωμεν τὰ ἔργα ἡμῶν, ὅτι οὐ συνειδόμεν τὰ μετ' ἐκείνουσ πραχθέντα εἰς ἡμᾶς. Καὶ ἔλεγον ἐπι πρὸς ἑαυτοὺς ὀμωθυμαδόν πάντες· Δεῦτε ἀδραιοθέντες, ἅμα ἀλαλάζομεν κράζοντες πρὸς αὐτὸν καὶ ἐκτε-

νωδς προσπέσωμεν και δυσωπήσωμεν αὐτόν, μήπως ἴσως δι' οἰκείαν ἀνεξικακίαν σπλαγχνισθεὶς ἐφ' ἡμῖν, ὡς ἐχθροὺς αὐτοῦ, καθὼς ἐδίδαξεν, ἀφήσει ἡμῖν τὰ εἰς αὐτόν παραπτώματα και συγγνώμης τινοδς διὰ τὴν ἀγνοίαν ἡμῶν ἀξιώσει ἡμᾶς. Καὶ πάλιν τινὲς ἔλεγον ἐξ αὐτῶν· Καὶ πῶς ἄρα τοῦτο γενήσεται τοσαῦτα και τηλικαῦτα κακὰ ἀσύγνωστα και ἀναπολόγητα εἰς αὐτόν πλημμελήσαντας ἡμᾶς(σῖς), εἴπερ δίκαιος κριτὴς ἐστίν, ὡς φατέ; οὐκ ἐνὶ δίκαιον ἐλεῆσαι ἡμᾶς, και μᾶλλον ὅτι ἐνταῦθα συγγνώμης ἢ συμπαθείας οὐδεὶς ἀξιοῦται, εἰ μὴ ὁ δι' ἔργων ἀγαθῶν ταύτας ὠνησάμενος· ἀλλ' εἰ και πάντας ἀμαρτωλοὺς δι' οἰκείαν ἀγαθότητα δικαιοῦσαι και (f. 299 r.) σῶσαι αὐτόν δεῖ, ἀλλ' οὐχι και ἡμᾶς· ποῖον γάρ εἶδος εὐεργεσιῶν παρέλεψεν, οὐκ ἐνεδείξατο αὐτόδς εἰς ἡμᾶς, οὐ μόνον δι' ἑαυτοῦ, ἀλλὰ και διὰ τῶν ὅπερ οἰκείων αὐτοῦ μαθητῶν; και ὡσπερ αὐτόδς εὐεργετῶν και μυρία θαύματα εἰς τὸ ἔθνος ἡμῶν ἅπαν ἐργαζόμενος ὑπερέβαλε πᾶσαν ἀπὸ τοῦ αἰῶνος ἀγαθοσύνης ὑπερβολὴν, οὕτω πάλιν ἡμεῖς τὸ ἀνάπαλιν οὐδεμίαν κακίας ἀσύγκριτον ὑπερβολὴν παρελίπομεν, ἣν οὐκ ἐνεδειξάμεθα πρὸς αὐτόν, και οὐκ εἰς αὐτόν μόνον, ἀλλὰ και εἰς τοὺς ἐξ ἡμῶν πιστεύσαντας και μαθητευθέντας αὐτῷ· εἰ και οὐδὲν ὅλως βλάψαι ἢ παρεμποδίσαι τὴν διδασχὴν αὐτοῦ ἐξισχύσαμεν, ἀλλὰ μᾶλλον τούναντίον ἅπαν ἐγένετο· ὅσον γάρ και δι' ἑαυτῶν ἡμῶν και διὰ τῶν ἐν ὑπεροχαῖς ἀρχόντων και βασιλέων οὐ διελίπομεν μαχόμενοι και ἐχθραίνοντες παντοιοτρόπως και πολεμοῦντες αὐτοὺς, τοσοῦτον μᾶλλον ἐκραταιοῦντο (f. 299 v.), και ἠύξανεν ἡ τῶν πολλῶν πίστις εἰς αὐτόν και κατεκράτει και κατεκυρίευε πάσης τῆς γῆς ἀπὸ περάτων αὐτῆς· ὅπερ αὐτέ και μόνον ἔδει συνιδεῖν ἡμᾶς ὑπὲρ τῶν ἄλλων μυριῶν και ἑξαισιῶν εἰς ἡμᾶς γεγενημένων θαυμασιῶν παρ' αὐτοῦ και κατανοῆσαι ὅλως, ὅτι ὑπὸ τῶν προφητῶν Μεσίας προκηρυχθεὶς και σωτὴρ τοῦ κόσμου οὗτοδς ἐστὶ, και προσελθεῖν και πιστεῦσαι εἰς αὐτόν· ἀλλὰ και διὰ τὴν ἀλαζονίαν και ἔπαρσιν και τὸν φθόνον, ὃν εἴχομεν ἐν ταῖς καρδίαις ἡμῶν κατ' αὐτοῦ, μὴ συνίνααι θελήσαντες ταῦτα πάντα, δικαίως και ἀπερρίζημεν ἐξ αὐτοῦ και ἐστερήθημεν τῆς δι' αὐτοῦ και τῶν μαθητῶν αὐτοῦ κηρυχθείσης αἰωνίου ζωῆς και βασιλείας· ἐπεὶ ἐὰν μόνον ἡμεῖς θελήσαμεν και αὐτοὶ ἀποβλέψαι πρὸς τὴν ἀλήθειαν και τὸ φῶς τῶν θαυμασιῶν αὐτοῦ και ἀπορρίψαι ἀφ'

ἐν τῇ πατρίδι ἡμῶν Ἰουδαίᾳ, οὐκ εἶδεν ἔκτοτε, ὡς εἴρηται, τὸ γένος ἡμῶν καλόν, ἀλλ' ἐξ ἐκείνου τοῦ χρόνου πάντα τὰ δεινὰ ἐπλεόνασαν εἰς ἡμᾶς. Καὶ ὄντως οὐαὶ ἡμῖν, ὅτι καὶ ἐν τῇ προσκαιρῷ ἡμῶν ζωῇ (f. 297 v.) πάμπολλα καὶ χαλεπὰ κακὰ καὶ θλίψεις ἀπαρηγόρηται συνεῖχον ἡμᾶς, καὶ νῦν πάλιν ἐν τῇ ἀθανάτῳ ταύτῃ ζωῇ καὶ ἀδιάδότην βασιλείᾳ, ἐν ἣ παραμυθίαν καὶ ἀνεσθι τῶν πολλῶν καὶ χαλεπῶν θλίψεων ἐκείνων καὶ κακουχιῶν τῶν μακρῶν ἠλπίζομεν εὐρηκέναι τινα, καὶ ὡς συνερῶμεν, ἰδοὺ μείζονα καὶ χεῖρονα κακὰ τῶν προτέρων πολλῶν πλείω κατέλαβον ἡμᾶς. Καὶ τί ποιήσωμεν; ἢ ποῦ κρυφθησόμεθα ἀπὸ προσώπου τοῦ ἐσταυρωμένου τούτου καὶ δικαίου κριτοῦ; Ἄλλοι δὲ ἔλεγον· Μᾶλλον πρὸς τοῦτον προσπέσωμεν καὶ κράξωμεν, καὶ ἴσως σπλαγγισθεὶς ἐλεήσει ἡμᾶς. Ἄλλοι δὲ ἀπεκρίναντο λέγοντες μετὰ καὶ στεναγμοῦ ἐκ βαθέων ψυχῆς· Καὶ πῶς οὖν ἡμῖν βοηθήσει οὗτος καὶ ἐλεήσει ἡμᾶς, ὃν ἐν πάσαις ταῖς ἡμέραις τῆς ζωῆς ἡμῶν βλασημοῦντες παρωργίσαμεν, οὗτινος τὸ θεῖον εὐαγγέλιον διὰ παντός ἐγλευάζομεν, καὶ ὡσεὶ λῆρον τὰ ῥήματα αὐτοῦ καὶ θεῖα ἐντάλματα ἠγρούμεθα, οὗτινος τὸ ὄνομα τὸ σε (f. 298 r.) βάσιμιον οὐδὲ λεγόμενον ἀκοῦσαι ἠνεσχόμεθα; καὶ πῶς οὖν οὗτος ἀνέξεται τοῦ εἰσακοῦσαι ἡμῶν καὶ ἐλεῆσαι ἡμᾶς; Ἄλλοι δὲ ἔλεγον τύπτοντες σφοδρῶς τὰς ὀψεις αὐτῶν· ὁ Θεὸς εὐρὴ τὸν Μωϋσῆα καὶ τοὺς πατέρας ἡμῶν καὶ κρινεὶ ἀνά μέτρον ἡμῶν καὶ αὐτῶν, διότι ἐθέτισαν ἡμῖν ἀπαρξέ τῆς πίστεως ἡμῶν ἑτέραν πίστιν μὴ καταδέξασθαι. Ὁφεται Μωϋσῆς, ὃς δέδωκεν ἡμῖν τὸν νόμον ἐγγράφως, ὑφ' οὗ μεμαθήκαμεν μὴ προσκυνῆσαι θεῷ ἄλλοτριῷ, μηδὲ γόνυ κλίνειν ἐν εἰκόνι· πῶποτε ὀφεται Ἰακώβ, ὃς ἐδίδαξεν ἡμᾶς μὴ ἀποστρέφειν τὰ πρόσωπα ἡμῶν ἀπὸ τῆς λατρείας τοῦ Θεοῦ Ἰσραὴλ· ὀφονται πάντες οἱ προσφῆται, ὅτινες ἐξέθεντο ἡμῖν ἐγγράφως καὶ ἀγράφως τελεῖν διὰ παντός τὰ ἰουδαϊκὰ καὶ μὴ ἐκνεύειν ἀπὸ τῆς πίστεως τῆς δοθείσης ἡμῖν παρὰ τοῦ Θεοῦ τοῦ νόμου ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ ἢ δεξιᾶ ἢ ἀριστερά. Ἄλλοι δὲ πάλιν ἔλεγον, κινεῦντες τὰς κεφαλὰς αὐτῶν καὶ δάκρυσιν αἱματορροῦτοις τὸ ἔδαφος τῆς γῆς κα (f. 298 v.) ταβρέχοντες· ὄντως ἡμεῖς ὀφόμεθα καὶ ἡμεῖς ἀπολάβωμεν τὰ ἔργα ἡμῶν, ὅτι οὐ συνειδόμεν τὰ μετ' ἐκείνουσ παραθέντα εἰς ἡμᾶς. Καὶ ἔλεγον ἐπιπρὸς ἑαυτοὺς ἠμωθυμαδόν πάντες· Δεῦτε ἀδριοσθέντες, ἅμα ἀλαλάζωμεν κράζοντες πρὸς αὐτὸν καὶ ἐκτε-

νῶς προσπέσωμεν καὶ δυσωπήσωμεν αὐτόν, μήπως ἴσως δι' οἰκείαν ἀνεξικακίαν σπλαγγισθεὶς ἐφ' ἡμῖν, ὡς ἐχθροὺς αὐτοῦ, καθὼς ἐδίδαξεν, ἀφήσει ἡμῖν τὰ εἰς αὐτόν παραπτώματα καὶ συγγνώμης τινὸς διὰ τὴν ἄγνοιαν ἡμῶν ἀξιώσει ἡμᾶς. Καὶ πάλιν τινὲς ἔλεγον ἐξ αὐτῶν· Καὶ πῶς ἄρα τοῦτο γενήσεται τοσαῦτα καὶ τηλικαῦτα κακὰ ἀσύγνωστα καὶ ἀναπολόγητα εἰς αὐτόν πλημμελήσαντας ἡμᾶς(sic), εἴπερ δίκαιος κριτὴς ἐστίν, ὡς φατέ; οὐκ ἐνὶ δίκαιον ἐλεῆσαι ἡμᾶς, καὶ μᾶλλον ὅτι ἐνταῦθα συγγνώμης ἢ συμπαθείας οὐδεὶς ἀξιούται, εἰ μὴ ὁ δι' ἔργων ἀγαθῶν ταῦτας ὠνησάμενος· ἀλλ' εἰ καὶ πάντα ἀμαρτωλοὺς δι' οἰκείαν ἀγαθότητα δικαιῶσαι καὶ (f. 299 r.) σῶσαι αὐτόν δεῖ, ἀλλ' οὐχι καὶ ἡμᾶς· ποῖον γὰρ εἶδος εὐεργεσιῶν παρέλειψεν, οὐκ ἐνεδειξάτο αὐτὸς εἰς ἡμᾶς, οὐ μόνον δι' ἑαυτοῦ, ἀλλὰ καὶ διὰ τῶν ὅπερ οἰκείων αὐτοῦ μαθητῶν; καὶ ὡσπερ αὐτὸς εὐεργετῶν καὶ μυρία θαύματα εἰς τὸ ἔθνος ἡμῶν ἅπαν ἐργαζόμενος ὑπερέβαλε πᾶσαν ἀπὸ τοῦ αἰῶνος ἀγαθοσύνης ὑπερβολὴν, οὕτω πάλιν ἡμεῖς τὸ ἀνάπαλιν οὐδεμίαν κακίας ἀσύγκριτον ὑπερβολὴν παρελίπομεν, ἣν οὐκ ἐνεδειξάμεθα πρὸς αὐτόν, καὶ οὐκ εἰς αὐτόν μόνον, ἀλλὰ καὶ εἰς τοὺς ἐξ ἡμῶν πιστεύσαντας καὶ μαθητευθέντας αὐτῷ· εἰ καὶ οὐδὲν ὅλως βλάβαι ἢ παρεμποδίσει τὴν διδασχὴν αὐτοῦ ἐξισχύσαμεν, ἀλλὰ μᾶλλον τούναντίον ἅπαν ἐγένετο· ὅσον γὰρ καὶ δι' ἑαυτῶν ἡμῶν καὶ διὰ τῶν ἐν ὑπεροχῇς ἀρχόντων καὶ βασιλέων οὐ διελίπομεν μαχόμενοι καὶ ἐχθραίνοντες παντοιοτρόπως καὶ πολεμοῦντες αὐτούς, τοσοῦτον μᾶλλον ἐκραταοῦντο (f. 299 v.), καὶ ἠύξανεν ἡ τῶν πολλῶν πίστις εἰς αὐτόν καὶ κατεκράτει καὶ κατεκυρίευσεν πάσης τῆς γῆς ἀπὸ περάτων αὐτῆς· ὅπερ αὐτὸ καὶ μόνον ἔδει συνιδεῖν ἡμᾶς ὑπὲρ τῶν ἄλλων μυρίων καὶ ἑξαισιῶν εἰς ἡμᾶς γεγενημένων θαυμασιῶν παρ' αὐτοῦ καὶ κατανοῆσαι ὅλως, ὅτι ὑπὸ τῶν προφητῶν Μεσίας προκηρυχθεὶς καὶ σωτὴρ τοῦ κόσμου οὗτος ἐστὶ, καὶ προσελθεῖν καὶ πιστεῦσαι εἰς αὐτόν· ἀλλὰ καὶ διὰ τὴν ἀλαζονίαν καὶ ἔπαρσιν καὶ τὸν φθόνον, ὃν εἶχμεν ἐν ταῖς καρδίαις ἡμῶν κατ' αὐτοῦ, μὴ συνίεναι θελήσαντες ταῦτα πάντα, δικαίως καὶ ἀπερρίψημεν ἐξ αὐτοῦ καὶ ἐστερήθημεν τῆς δι' αὐτοῦ καὶ τῶν μαθητῶν αὐτοῦ κηρυχθείσης αἰωνίου ζωῆς καὶ βασιλείας· ἐπεὶ ἐὰν μόνον ἠδελήσαμεν καὶ αὐτοὶ ἀποβλέψαι πρὸς τὴν ἀλήθειαν καὶ τὸ φῶς τῶν θαυμασιῶν αὐτοῦ καὶ ἀπορρίψαι ἀφ'

ἡμῶν τὴν τοῦ φθόνου κακίαν καὶ προσελθεῖν τῇ διδαχῇ αὐτοῦ καὶ πιστεῦσαι καὶ βαπτισθῆναι εἰς αὐτόν, ὡσπερ δὴ καὶ ἄλλοι πολλοὶ ἐξ ἡμῶν ἐποίησαν καὶ προσεδείχθησαν αὐτῷ, εἰ καὶ πρότε(φ. 300 γ.)ρον πολλάκις τινὲς ἐξ αὐτῶν σφόδρα παρετίκρναν αὐτόν, καὶ μάλιστα Σαῦλος ὁ μετονομασθεὶς διὰ τοῦ βαπτίσματος Παῦλος, ὁ τοῦ Μαλελεὴλ τοῦ νομοδιδασκάλου δοκιμώτατος μαθητῆς, ὃς ἐδίωξε πρὸ τοῦ βαπτισθῆναι σφόδρα τούτου τὸ ὄνομα καὶ ἀπέκτεινε καὶ τινὰς τῶν μαθητῶν αὐτοῦ, προσεδέξατο ἂν ἀσμένως καὶ ἡμᾶς ἐν τῇ ἀθανάτῳ αὐτοῦ βασιλείᾳ καὶ κατεσκήνωσε πάντας μετ' αὐτῶν ἐκείνων τῶν προσελθόντων αὐτῷ ἐξ ἡμῶν καὶ ἐν τῇ μεγαλοπόλει ταύτῃ καὶ ὄντως νέα Σιών τῇ ἄνω καλουμένη Ἱερουσαλήμ εἰσήγαγε μετὰ πάντων ἡγαπηκότων τὴν ἐπιφάνειαν αὐτοῦ· νυνὶ δὲ διὰ τὴν μοχθηρίαν καὶ θηριώδη κακίαν ἡμῶν δικαίᾳ ψήφῳ αὐτοῦ ταῦτα πάντα τὰ δεινὰ ἐπῆλθεν ἐφ' ἡμᾶς, καὶ οὐκ ἔστιν ἀνάενυσις ἐν τῇ μαστιγι αὐτῶν, οὐδὲ ἐν τῷ αἰωνίῳ τούτῳ καὶ πικροτάτῳ πυθμένι τοῦ ἄδου τοῦ δικαίως ἡμᾶς παραλήψεσθαι ὀφείλοντος.

Τούτων οὕτως ὑπ' αὐτῶν λεγομένων, ἐπένευσεν ὁ Κύριος τῷ εἰς τοῦτο τεταγμένῳ στρατηγῷ τῶν ἀγγέλων ἐν φωνῇ σάλπι(φ. 300 ν.)γγος διζλεχθῆναι πρὸς αὐτούς· καὶ ἐφθέξατο ἀπετόμως πρὸς τὴν φοβερᾶ ἐκείνη καὶ μεγάλη ταλαιπώρῳ συναγωγῇ τοιαῦτα· "Ὁ μωροὶ καὶ τυφλοὶ, ἀνόητοι καὶ ἀσύνετοι υἱοὶ Ἰσραὴλ, οὐκ εἰμὶ ἐγὼ Κύριος Ἰησοῦς Χριστὸς ὁ υἱὸς τοῦ Θεοῦ καὶ Θεός, ὁ αἰώνιος βασιλεὺς καὶ μόνος δίκαιος κριτῆς, ὁ κλίνας οὐρανοὺς καὶ καταβάς ἐπὶ γῆς καὶ ἀναλλοιώτως οἰκήσας ἐν τῇ κοιλίᾳ τῆς ἀπειράνδρους γεννησάσης με Μαρίας τῆς παρθένου, καὶ σάρκα ἐξ αὐτῆς ὀνεισάμενος διὰ τὸ σῶσαι ὑμᾶς, ἐπειδὴ γυμνῇ τῇ θεότητι μου ὑμῖν ὀφθῆναι παντελῶς ἀδύνατον καὶ ἀνύποιστον; Καὶ ἐνανθρωπήσας ὠμίλησα ὑμῖν καὶ ἐν ταῖς συναγωγαῖς ὑμῶν παρησια ἐδίδαξα καὶ ἐκήρυξα τὴν ἀλήθειαν, λέγων πρὸς ὑμᾶς· Ἐγὼ εἰμι τὸ φῶς τοῦ κόσμου, καὶ πάλιν· Ἐγὼ καὶ ὁ Πατὴρ ἐν ἐσμεν, καὶ ὁ μὴ τιμῶν τὸν Υἱόν, οὐ τιμᾷ τὸν Πατέρα, καὶ ὅτι ὁ Πατὴρ κρίνει οὐδένα, ἀλλὰ τὴν κρίσιν δέδωκε τῷ Υἱῷ. Οὐ μόνον διὰ τοῦ οἰκείου λόγου ἐκήρυσσον ἐν μέσῳ ὑμῶν τὴν ἀλήθειαν, ἀλλὰ πολλῶν πλέον διὰ τῶν ἔργων αὐτῶν, λέγων πρὸς ὑμᾶς, ὅτι ἐάν ἐμεὶ μὴ πιστεύ(φ. 301 γ.)-

σητε, κἀν τοῖς ἔργοις μου πιστεύσητε, καὶ ἐδείκνυον ὑμῖν τὴν προσ-
 οῦσαν θεϊκὴν δύναμιν ἐπὶ τῶν ἔργων αὐτῶν, νεκροὺς λόγῳ φιλῶ
 καὶ μόνῳ κελεύσματι ὡς ἐξ ὕπνου ἀνιστῶν, τυφλοὺς ὀμμάτων,
 χλωλοὺς καὶ συγκ(ρ)ύπτοντας ἀνορθῶν, λεπροὺς καθαιρῶν, κυλλοὺς
 ἀλλεσθαι καὶ παραλύτους συσφίγγων καὶ ἀκόπως περιπατεῖν ἐργαζό-
 μενος, καὶ ἀπλῶς πάντα ποιῶν ὅσα τεθέασθε· ἀλλ' ὑμεῖς οὐ μόνον
 οὐκ ἠθελήσατέ μου ἀκοῦσαι τῆς διδαχῆς, ἀλλὰ καὶ ὑβρεσιν οὐ ταῖς
 τυγούσαις καὶ βλασφημίαις καθυποβάλλετε καὶ μυρία κακὰ ἐνεδει-
 ξασθε εἰς ἐμὲ ἀντὶ πάντων τῶν ἀγαθῶν, ὧν ἐνεδειξάμην ἐγὼ εἰς
 ὑμᾶς. Ἄρα οὐκ εἰμὶ ἐγὼ ἐκεῖνος, ὃν ἐλέγετε ὑμεῖς· οὐγ' οὗτός ἐστιν ὁ
 υἱὸς Ἰωσήφ τοῦ τέκτονος, καὶ ἰδοὺ Μαριάμ ἡ μήτηρ αὐτοῦ; οὐκ ἐγὼ
 εἰμι Ἰησοῦς, ὁ ἐν Κανᾶ τὸ ὕδωρ ἐνώπιον ὑμῶν εἰς οἶνον μεταβαλῶν;
 οὐκ ἐγὼ εἰμι Ἰησοῦς, ὃν ἐλέγετε· Ἐν Βεελζεβούλ τῷ ἄρχοντι τῶν
 δαιμονίων ἐκβάλλει τὰ δαιμόνια; οὐκ ἐγὼ εἰμι Ἰησοῦς, περὶ οὗ ἐδώ-
 κατε τριάκον(ε. 301 ν.)τα ἀργύρια Ἰούδα τῷ προδότῃ, ἵνα με παρα-
 δώσει εἰς τὰς ἀδεμίστους χεῖρας ὑμῶν πρὸς τὸ ἀποκτανθῆναι; οὐκ
 ἐγὼ εἰμι Ἰησοῦς, πρὸς ὃν ἐληλύθατε μετὰ μαχαιρῶν καὶ ξύλων εἰς
 τὸ συλλαβεῖν με καὶ παραδοῦναι εἰς θάνατον τοῖς ἔθνεσιν; οὐκ ἐγὼ
 εἰμι, ὃν παρεστήσατε δεδεμένον τοῖς ἀρχιρεῦσιν ὑμῶν, Ἄννα καὶ
 Καϊάφα, καὶ Ποντίῳ Πιλάτῳ τῷ ἡγεμόνι; οὐκ ἐγὼ εἰμι ὃν συνεκλεί-
 σατε ἐν τῷ πραιτωρίῳ ὑμῶν; οὐκ ἐγὼ εἰμι ὃν ἐρραπίσατε, ὃν ἐμαστι-
 γώσατε, ὃν ἐνεπτύσατε; οὐκ ἐγὼ ὃν ἐμπαιγμῶ καὶ γλεύῃ πορ-
 φύραν ἐνεδύσατε καὶ στέφανον ἐξ ἀκανθῶν ἐπὶ κορυφῆς ἐθήκατε, καὶ
 κάλαμον ἐν ταῖς χερσὶν ἐπεδώκατε, καὶ γονυπετήσαντες δολίως ἐνε-
 παιξατε, καὶ λαβόντες κάλαμον, ὃν ἐνεχειρίσασθέ μοι, κατὰ κεφαλῆς
 ἐτύφατε, εἰτα φραγελλώσαντες παρεδώκατε εἰς τὸ σταυρωθῆναί με;
 οὐκ εἰμὶ ἐγὼ ὁ Ἰησοῦς, ὃν ἐλέγετε πάντες ὁμοθυμαδὸν ὡς ἐν μᾶ τῇ
 φωνῇ πρὸς Ποντίῳ τῷ Πιλάτῳ τῷ ἡγε(ε. 302 ρ.)μόνι· Ἄρον, ἄρον,
 σταύρωσον αὐτόν, καὶ ἔστω τὸ αἷμα αὐτοῦ ἐφ' ἡμᾶς καὶ ἐπὶ τὰ τέκνα
 ἡμῶν; Ἄρα οὐγ' ὑμεῖς ἐστέ οἱ σταυρώσαντές με καὶ γλαῖναν στολῆς
 ψευδῆ περιβαλόντες, καὶ στέφανον ἀκάνθινον περιθέντες τῇ κορυφῇ
 μου; οὐγ' ὑμεῖς ἐστέ οἱ τὴν γολθὴν με καὶ τὸ ὄξος ποτίσαντες, ὀσπινε-
 καὶ κωμωδοῦντες καὶ γελοιάζοντες ἐλέγετε· Ἄλλους ἔσωσεν, ἑαυτὸν
 οὐ δύναται σῶσαι; οὐγ' ὑμεῖς με ἐπὶ σταυροῦ ἐκρεμάσατε τοῦ νῦν

ἰσταμένου ἐνδόξως πρό προσώπου ὑμῶν εἰς ἔλεγγον ὑμῶν, καὶ ἤλους
 ταῖς χερσὶ καὶ τοῖς ποσὶ μου ἐπήξατε, νύξαντές μου τῇ λόγχῃ τὴν
 ἀκήρατον πλευράν; οὐχ' ὑμεῖς ἐωράκατε τὰ τότε γινόμενα, λέγω δὴ
 τὸν σεισμόν καὶ τὴν ζόφωσιν τοῦ ἡλίου, καὶ τὸν σκοτασμόν τῆς
 ἡμέρας, καὶ τὸν τοῦ ναοῦ διαρρηγμόν, τὴν τῶν πετρῶν σγίσιν, τὴν
 ἀνοίξιν τῶν μνημείων καὶ τὴν τῶν νεκρῶν ἔγερσιν; οὐχ' ὑμεῖς λίθον
 βαρύτατον κυλίσαντες μετὰ τῆς κουστωδίας ὑμῶν, μετὰ τὸ ἀποκαθη-
 λωθῆναι με ἀπὸ (f. 302 v.) τοῦ σταυροῦ ὑπὸ τῶν ἐμῶν μαθητῶν
 Ἰωσήφ καὶ Νικοδήμου καὶ τάφῳ τεθῆναι ὑπ' αὐτῶν, τῇ θύρᾳ τοῦ τάφου
 τεθείκατε; οὐκ ἐστήσατε φύλακας φυλάσσοντας τὸν τάφον κλοπῆς
 ἕνεκα ὑπόνοιαν τοῦ ἐμοῦ ἀχράντου καὶ ζωοπαρόχου σώματος, καὶ
 σφραγίδας καὶ φρουροὺς καὶ κλειθρα ἐπὶ τῷ λίθῳ καὶ τῷ τάφῳ
 τεθείκατε; ἄρα οὐχ' ἐωράκατε τὴν τοῦ λίθου προσκύλησιν καὶ τὰ
 ἐντάφια κείμενα μόνα, καὶ τὸ σουδάριον χωρὶς τούτων κείμενον ἐντε-
 τυλιγμένον εἰς ἓνα τόπον, ἐμοῦ τριημέρου ἀναστάντος αὐτεξουσίως
 καὶ τὰς σφραγίδας τοῦ τάφου μὴ λύσαντος; ὑμεῖς δὲ ὡς σκορπίων
 καὶ ὄφειων καὶ ἐχιδνῶν γεννήματα, καθὼς εἶρηκεν Ἡσαΐας ὁ προφήτης
 τῆς ἐμῆς ἐνσάρκου παρουσίας, οὐκ ἐπιστεύσατε τῇ ἐμῇ ἐκ νεκρῶν
 ἀναστάσει, ἀλλ' ἐτι προσεδήκατε κακὸν τῷ κακῷ, δεδωκότες ἀργύρια
 τοῖς φυλάσσουσι στρατιώταις κλοπῇ ψεύσασθαι τὴν ἐμὴν τριήμερον
 ἔγερσιν· καὶ ἰδοὺ, οἱ πό(f. 303 r.)δες καὶ αἱ χεῖρές μου ἔχουσαι ἐπι
 τῶν ἤλων τὰς ὠτειλάς καὶ τρήσεις, καὶ ἡ πλευρά μου τῆς λόγχης
 τὴν νύξιν, αἵτινες μαρτυροῦσι τὴν εἰς ἐμὲ θηρωδίαν ὑμῶν, καὶ
 πάντα τὰ δεινὰ, ἃ εἰς ἐμὲ ἐνεδείξασθε. Ἄρα οὐχ' οὕτως ἔχει ταῦτα;
 ἄρα οὐχ' ὑμεῖς ἐστέ, ὧ ἐπάρατοι, οἱ ταῦτά μοι δεινὰ ἐπὶ τὸ αὐτὸ
 συντελέσαντες; Καὶ ταῦτα πάντα παθὼν ὑφ' ὑμῶν, οὐδ' οὕτως ἀντα-
 πίδωκα ὑμῖν, ἀλλὰ μετὰ τὸ ἀναληφθῆναι με εἰς οὐρανοὺς ἀπέστειλα
 ὑμῖν τοὺς ἐξ ὑμῶν μαθητευθέντας μοι καλέσαι ὑμᾶς εἰς μετάνοιαν
 καὶ ἐπίγνωσιν τῆς ἀληθείας διὰ λόγων καὶ ἔργων τῶν ὁμοίως ἐμοὶ
 ἐνεργουμένων ὑπ' αὐτῶν σημείων καὶ τεράτων ὑπερφυῶν· ὑμεῖς δὲ
 οὐδ' οὕτως ἐπιστεύσατε αὐτοῖς, ἀλλὰ τοῖναντίον καὶ μυρίοις θανάτοις
 αὐτοὺς καθυπεβάλλετε. Ἄρα οὐ συνεχλείσατε Πέτρον ἐν τῇ φυλακῇ;
 οὐκ ἀνείλετε Ἰάκωβον ἐν μαχαίρᾳ; οὐ Νικάνορα ἀπεκτείνετε μετὰ
 τῶν δισχιλίω; οὐκ ἐλιθοβολήσα(f. 303 v.)τε Στέφανον; οὐ μυριάκις

τόν Παῦλον ἐμαστιγώσατε; περι δὲ τῶν ἐπιλοίπων τί ὑμῖν εἶπω; αὐτοὶ σαφῶς γινώσκετε καὶ οἴδατε· ἠδελήσατε γὰρ συναποθανεῖν ταῖς ἀμαρτίαις ὑμῶν, πειθόμενοι τῷ πατρὶ ὑμῶν τῷ Σατανᾷ ἢ τῷ σωτηρίῳ μου λόγῳ, καὶ νῦν ἰδοὺ θεάσασθε, ἀσεβεῖς καὶ παράφρονες, καὶ πιστεύσατε ἄκοντες, ὅτι αὐτός ἐγώ εἰμι καὶ οὐκ ἠλλοίωμαι, ὁ ὑφ' ὑμῶν ὡς πλάνος ἐξουδενωθεὶς καὶ πάντα ἐκουσίως παθῶν καὶ θανάτου γευσάμενος, ὑπὸ δὲ πάντων πιστῶν δεχθεὶς καὶ προσκυνηθεὶς ὡς Θεὸς ἅμα τῷ Πατρὶ καὶ ἁγίῳ μου Πνεύματι, καὶ νῦν τὴν αἰωνίζουσαν ζωὴν καὶ βασιλείαν, καθὼς ἐπηγγελάμην, δωρούμενος αὐτοῖς. Ἐγὼ γάρ εἰμι μόνος αἰώνιος βασιλεὺς τῶν βασιλευόντων καὶ μόνος Κύριος τῶν κυριευόντων καὶ ἐξουσιαστής πάσης κτίσεως, ὀρωμένης τε καὶ ἀοράτου, Ἰησοῦς Χριστός, ὁ υἱὸς τοῦ Θεοῦ τοῦ ζῶντος, ὁ δι' ὑμᾶς τοὺς ἀνθρώπους ἀνθρωπος γενόμενος, μὴ δὲ τραπεῖς τῇ θεότητι.

Καὶ ἐγένετο ὡς ταῦτα τούτοις τοῖς ἐπαράτοις (f. 304 r.) διεσάφησε διὰ τῆς φωνῆς τῆς σάλπιγγος ὁ ἄγγελος, ἐγνώσαν πάντες, ὅτι αὐτός ἐστὶν Ἰησοῦς ἀληθῶς ὁ Ναζωραῖος, ὃν αὐτοὶ μώμοις καὶ ὕβρεσιν οὐ ταῖς τυχοῦσαις βαλόντες, ἀδίκῳ θανάτῳ παρέδωκαν· καὶ ἦν ἰδεῖν ἐπ' αὐτούς, μετὰ τὸ παύσασθαι τὴν θείαν σάλπιγγα, κοπετόν καὶ κλαυθμόν καὶ ὀδυρμόν μέγαν σφόδρα, καὶ ὁ κωκυτός τοῦ κλαυθμοῦ αὐτῶν ὑπερήχει πάντα τόπον σχεδόν τῆς κρίσεως, καὶ ἐδίδοσαν θρήνον πικρὸν οἱ ἔλλεινοι καὶ ταλαίπωροι, ὧν οὐκ ἦν ἀριθμὸς, στένοντες, τρέμοντες καὶ δεινῶς ὀλολύζοντες, ὅτι ταῦτα συνέβη αὐτοῖς, καὶ ἔλεγον μετ' οἰμωγῆς ἔλλεινῇ τῇ φωνῇ· Ὡ Μωϋσῆ, τί πεποίηκας ἡμῖν οὕτω πιστεύειν ἡμᾶς ἐντειλάμενος; ποῦ ἴς ἄρτι; ἐλθέ καὶ πάρεσο μέσον ἡμῶν, εἰ εὔρες χάριν καὶ παρρησίαν, καὶ ῥῆσαι ἡμᾶς τῆς παρούσης φοβερᾶς καταδίκης καὶ κατακρίσεως καὶ δικαίας ἀπειλῆς τοῦ κριτοῦ. Καὶ ὡς ταῦτα θρηνεῦντες ἔλεγον καὶ γερωῶς οἰμώζοντες, ἐδόκουν συναλγεῖν (f. 304 v.) αὐτοῖς καὶ αὐταὶ αἱ τῶν ἁγίων ἀγγέλων πᾶσαι στρατιαὶ καὶ δυνάμεις, τοῖς θρήνοις καὶ ταῖς οἰμωγαῖς κατακλονούμεναι αὐτῶν· τινὲς δὲ ἐξ αὐτῶν τετολμήκασιν εἰρηκέναι πρὸς τὸν δίκαιον κριτὴν μετὰ πολλῶν δακρύων καὶ στεναγμῶν τσαυτά φάσκοντες· Κύριε, μνήσθητι ὅτι τὸν νόμον καὶ τὰς ἐντολάς ὁ Πατήρ σου Σαβαώθ καὶ Κύριος παντοκράτωρ δέδωκε τοῖς πατράσιν ἡμῶν διὰ τοῦ προφήτου Μωϋσέως καὶ θεράποντός σου ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ,

καὶ πάντες προφῆται καὶ δίκαιοι, ὅσοι ἀσφαλῶς ἐτήρησαν αὐτὸν καὶ τὰ νόμιμα πάντα ἐφυλάξαντο ἄτροπα καὶ ἀπαράβητα, εὐπρόσδεκτοι γεγονάσι τῆς δόξης τῆς σῆς θεότητος τῷ ὀνόματι· διὰ τοῦτο καὶ ἡμεῖς κατ' ἔγνος τούτων βαδίσαντες οὐκ ἐξενεύσαμεν ἀπὸ τῆς τοῦ νόμου ἀκραιφνοῦς πίστεως καὶ διδασκαλίας, καθαρῶς μὴ συνιέντες μηδὲ ἐλπίζοντες πεπαῦσθαι αὐτὸν πώποτε· κατηράσατο γὰρ πάντα ἄνθρωπον ὁ Μωϋσῆς, οἱ λοιποὶ πάντες προφῆται καὶ οἱ νομοδιδάτκαλοι τὸν μέχρι τῆς συντελείας τῶν αἰώνων ἀφιστάμενον τῆς τοῦ νόμου λατρείας (f. 305 r.) καὶ εἰς ἕτεραν πίστιν μεταπίπτοντα· τί οὖν ἡμεῖς εἴγμεν ποιῆσαι ἐν τῷ ἐκείνους ἀκριβῶς θεῖναι· τοῦτον τὸν ὄρον, νομοθετοῦντας τοῦ μὴ μεταπεσεῖν ἡμᾶς ἀπὸ τῆς τοῦ νόμου λατρείας; Διὰ τοῦτο, δέσποτα, οὐκ ἠβουλήθημεν ἐνωτίσασθαι καὶ συνιέναι τὰ ῥήματά σου καὶ προσελθεῖν τῇ διδασκαλίᾳ τοῦ Εὐαγγελίου σου, καὶ προσπεσεῖν τοῖς σικτιρμοῖς σου καὶ τῷ ἁγίῳ σου βαπτίσματι προσδραμεῖν.

Ταῦτα οὖν ἐκείνων εἰρηκότων, προσέταξε Κύριος τῷ ἐπὶ τῆς σάλπιγγος ἀργαγγέλῳ σαλπύσαι, καὶ ἰδοὺ ἡ σάλπιγξ ἐκέκραξε λέγουσα· Οὐ κρινῶ ὑμᾶς ἕνεκεν τῆς εἰς ἐμὲ ἀπιστίας· τὰ γὰρ ἐν τῷ βίῳ ὑμῶν πεπλημμελημένα ἀθέμιτα καὶ ἀναριθμητὰ πταισμάτα ἐκεῖνα ὑμᾶς ἐλέγχουσιν, ἅπερ ἐξετάσας οὐχ' εὐρίσκω ἐν ὑμῖν σωτηρίας ἐλπίδα. Τίνα γὰρ τῶν θεραπόντων μου προφητῶν οὐ θανάτῳ παραδεδώκατε; ἢ ποῖαν ἀδυσμον ἐργασίαν οὐκ ἐποιήσατε, ἐν πάσῃ τῇ ζωῇ ὑμῶν μυκτηρίζοντες, γλευάζοντες καὶ βλασφημοῦντες καὶ καὶ τοὺς εἰς ἐμὲ πιστεύοντας; περὶ δὲ (f. 305 v.) τῆς πρὸς με ἀπιστίας ὑμῶν, ἰδοὺ Μωϋσῆς ὁ θεράπων μου ἐλεύσεται πρὸς ὑμᾶς καὶ αὐτὸς ὑμᾶς ἐλέγξει καὶ κρινεῖ περὶ τῆς εἰς ἐμὲ ἀπιστίας ὑμῶν καὶ σκληροκαρδίας, καὶ τὰ ἀτύλῳτα ὑμῶν στόματα ἐμφραγώσει τοῦ μὴ δυναθῆναι ὑμᾶς δοῦναι αὐτῷ ἀπολογίαὶν ἕνεκεν τῆς τσιαύτης ὑμῶν προφάσεως· καγὼ σιγήσω. Καὶ εὐθέως ἐπένευσε Μωϋσεῖα παραγενέσθαι, ὡς ἔσθη εὐθύς ἐνώπιον αὐτοῦ καὶ αὐτῶν, πράξει βήμασι περιπατῶν ἐφ' ὑψηλοῦ ἐπὶ πτερύγων αἰθέρος· καὶ ἡ σάλπιγξ ἐβόησε πρὸς αὐτοὺς λέγουσα· Ἴδού, Μωϋσῆς, ὃν ἐλέγετε αἴτιον εἶναι τῆς ὑμετέρας ἀπωλείας· ἰδοὺ γὰρ, ὡς ὁράτε, πεπλήρωκα τὴν αἴτησιν ὑμῶν τῆς ἐπίσεως. Καὶ ἅμα τῷ λόγῳ ὡρᾶτο ὁ θεοτάτος Μωϋσῆς ἐν δόξῃ ἀνεκλαλήτῳ ἐξερχόμενος τῆς

ἐξαισίας πύλης τῆς περιφήμου ἐκείνης πόλεως καὶ πρὸς αὐτοὺς αἰθεροβατῶν ἀφικόμενος· ὃς ἐλθὼν ἔστη κατὰ πρόσωπον πάντων ὑπεράνω τῆς συναγωγῆς ἐκείνης λελαμπρυσμένος καὶ τῇ ἀνεκφράστῳ δόξῃ ἀπαστράπτων τὸ πρόσωπον, ἐνδεδυμένος στολὴν ἀστραπόμορφον. Καὶ ἰδοῦ(φ. 306 γ.)σα αὐτὸν πᾶσα ἡ συναγωγὴ ἐκείνη τῶν Ἰουδαίων ὑπεράνω αὐτῶν ἐν τοιαύτῃ δόξῃ ἑστηκότα, ἐκλαυσαν πάντες ἐνώπιον αὐτοῦ πικρῶς· λέγοντες· Ὡ κύρι Μωϋσῆ, οὐκ αὐτὸς ἡμῖν δέδωκας τὸν νόμον, ᾧ γέγραπται· Ἄκουε, Ἰσραὴλ, κύριος Θεὸς σου εἷς ἔστι Κύριος, καὶ ἕτερος Θεὸς πλὴν αὐτοῦ οὐκ ἔστι· καὶ ἰδοὺ Θεὸς ἕτερος μέγας καὶ ἰσχυρὸς κατενώπιον ἡμῶν, πάντων κριτῆς καθεζόμενος καὶ ἐκάστῳ ἀποδιδούς κατ' ἀξίαν τῶν ἔργων αὐτοῦ, ὃν εἰς ἡμᾶς ἐλθόντα ἐν σημείοις μεγίστοις καὶ τέρασι καὶ περὶ τούτων πάντων τῶν νῦν συμβεβηκότων ἡμῖν ἐν πάσῃ τῇ Ἰουδαίᾳ διαμαρτυράμενον καὶ κηρύττοντα τὴν αὐτοῦ θεότητά τε καὶ βασιλείαν ἡμεῖς τὸν ὑπὲρ σοῦ δεθέντα ἡμῖν νόμον ἀπαράδραυστον κρατοῦντες καὶ διατηροῦντες οὐ μόνον οὐκ ἐδεξάμεθα, ἀλλὰ καὶ ὡς ἀντίθεον ἐπὶ ξύλου προσηλώσαντες κακίστῳ θανάτῳ παραδεδώκαμεν. Λέγε οὖν ἡμῖν σαφῶς, τίς ἐστὶν ἄρα ὁ ἰσχυρὸς Θεὸς οὗτος καὶ κραταῖός, ὁ ἐξουσιάζων καὶ κρίνων ἀποτόμως, ὁ ἐρευνῶν καὶ ἐτάζων καὶ ἀποδι-(φ. 306 ν.)δούς ἐκάστῳ κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ; Ἀποδοὺς ἡμῖν ῥῆμα, λέγε ἡμῖν περὶ τούτου· ἰδοὺ γὰρ παραδίδομεθα, ὡς ὄρας, παρ' αὐτοῦ πυρὶ ἀτελευτήτῳ καὶ αἰωνίῳ, καὶ οὐ πέφυκεν ὁ ἐξαιρούμενος ἡμᾶς τῆς τοιαύτης πανδείνου κολάσεως. Παρακαλοῦμεν, καὶ οὐ πρόσσστιν ὁ ἐλεῶν, προσπίπτομεν, καὶ οὐκ ἦν ὁ εἰσακούων καὶ οἰκτείρων ἡμᾶς.

Ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτα αὐτῶν εἰρηκότων μετὰ δακρύων πικρῶν πρὸς τὸν θαυμασιώτατον ἐκεῖνον ἄνδρα, καὶ αὐτὸς λελάληκε πρὸς αὐτούς· Ὡ ἀνοητοὶ καὶ βραδεῖς τῇ καρδίᾳ τοῦ πιστεύειν ἐπὶ πᾶσι, οἷς ἐλάλησαν ὑμῖν οἱ προφῆται καὶ αὐτὸς ὁ νόμος, ὃν δέδωκα ὑμῖν περὶ τῆς ἐνδοξου καὶ ἐνσάρκου παρουσίας τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ὑμεῖς, οὐχὶ υἱοὶ τοῦ Ἀβραάμ, ἀλλὰ τοῦ Σατανᾶ, οὐ καὶ τὸ εἶδος τῆς ὁμοιωσεως ἐν τοῖς μέλεσιν ὑμῶν νῦν καθορᾶται, οἱ ἀπὸ τῆς παρουσίας Χριστοῦ καὶ μέχρι τῆς συντελείας ἐν τῷ κόσμῳ ἐκείνῳ γεγεννημένοι κατὰ γενεὰς ὑμῶν, διὰ τί οὐκ ἐπιστεύσατε τῷ Κυρίῳ ἐλθόντι ἐν μέσῳ ὑμῶν τέρασι καὶ μεγίστοις σημείοις φοβεροῖς, πληροφοροῦσι καὶ

αυτοὺς τοὺς ἀναισθήτους λίθους εἰς (f. 307 γ.) τὸ πιστεῦσαι αὐτῶ, ὡς δεσπότη πάντων; Οἱ δὲ λέγουσι πρὸς αὐτόν· Διότι σὺ δέδωκας ἡμῖν τὸν νόμον καὶ τὴν φρικωδεστάτην ἀσφάλειαν περὶ αὐτοῦ, κατηράμενος ἐν πικρία ψυχῆς πάντα τὸν μεταπίπτοντα ἀπ' αὐτοῦ εἰς πίστιν ἑτέραν, ἐπεὶ ἀπὸ Ἀβραάμ καὶ μέχρι τῆς διασπορᾶς ἡμῶν πάντας τοὺς ὀπωσοῦν τετολμηκότας τὸν νόμον παραβεβηκέναι φοβερᾶ ἐκδικήσει Θεὸς ἀνταπέδωκε, πῶς οὖν ἐτολμῶμεν ἡμεῖς παραβῆναι τὸν νόμον; Λέγει Μωϋσῆς πρὸς αὐτούς· Ὡ τυφλοὶ καὶ ἀνόητοι, πρὸ τῆς παρουσίας τοῦ κυρίου Ἰησοῦ, ὅτε ἔδει φυλάσσειν τὸν νόμον, οὐκ ἐφυλάττετε αὐτόν, ὡς ἐχρῆν· τότε γὰρ ἦν χρεία τοῦ φυλάττειν αὐτόν καὶ πάντα τὰ νόμιμα, ὡς τύπον φέροντα τοῦ μέλλοντος παραγίνεσθαι πρὸς ἡμᾶς Ἰησοῦ Χριστοῦ· ἐλθόντος δὲ ἐκείνου, οὐ χρεία τοῦ νόμου· σκιὰ γὰρ ἦν πάντα τὰ τοῦ νόμου τῆς μελλούσης χάριτος, καὶ μετὰ τὸ παραγεγονέναι αὐτόν διὰ τῆς ἐνανθρωπήσεως πρὸς ὑμᾶς καὶ σιγῆσθαι τὸν νόμον καὶ πάντα τὰ νόμιμα, ἤγουν τὴν ἱερατείαν, τὴν περιτο(f. 307 ν.)μὴν, τὴν ἀκροβυστίαν καὶ πάντα τὰ διὰ τὴν σκληροκαρδίαν ὑμῶν νενομοθετημένα ἐν τῷ νόμῳ· τότε ἐκραταιώθητε παραφυλάττειν αὐτόν. Λέγουσι πρὸς αὐτόν ἐκεῖνοι· Σὺ τούτων πάντων αἴτιος· ποταπὸς γὰρ ἦς προφήτης, ὅτι γινώσκων Θεὸν κατελθεῖν ἀπ' οὐρανοῦ καὶ ἄνθρωπον γενέσθαι καὶ μεταλλάξαι τὴν πίστιν ἡμῶν καὶ πάντα τὰ τοῦ νόμου, καὶ ἕτερον νόμον καὶ λατρείαν ἡμῖν παραδοῦναι, οὐ καθαρῶς δεδήλωκας ἡμῖν περὶ τούτου; Ἐφη πρὸς αὐτούς Μωϋσῆς· Ὡ πλήρεις ἀνοίας υἱοὶ τῆς ἀνομίας, οὐκ ἐγὼ περὶ τούτου τηλαυγῶς παραδέδωκα ὑμῖν ἐν τῷ νόμῳ καὶ φρικτῶς ἐδήλωσα καὶ ἐδίδαξα φανερῶς, λέγων οὕτως ῥητῶς· Προφήτην (τὴν) ὑμῖν ἀναστήσει κύριος ὁ Θεὸς ἐκ τῶν ἀδελφῶν ὑμῶν, ὡς ἐμέ, αὐτοῦ ἀκούσεσθαι κατὰ πάντα, ὅσα ἂν λαλήσει ὑμῖν· καὶ ἔσται πᾶσα ψυχὴ, ἣτις οὐκ εἰσακούσεται τοῦ προφήτου ἐκείνου, ἐξολοθρευθήσεται ἐκ τοῦ λαοῦ αὐτῆς. Τί οὖν ἄλλο τούτου καθαρώτερον καὶ εὐδηλότερον εἶχον ὑμῖν (f 308 γ.) παραδοῦναι; ἀλλὰ καὶ Ἰακώβ ἐν ταῖς εὐλογίαις τοὺς υἱοὺς αὐτοῦ εὐλογῶν, ἐν τῷ τετάρτῳ αὐτοῦ υἱῷ, τῷ καλουμένῳ Ἰούδα, ῥητῶς ἔφησε περὶ τοῦ Χριστοῦ καὶ Θεοῦ καὶ βασιλείως ἡμῶν οὕτως λέγων· Οὐκ ἐκλείψει ἄρχων ἐξ Ἰούδα οὐδὲ ἡγούμενος ἐκ τῶν μηρῶν αὐτοῦ, ἕως οὐ ἔλθῃ ὃ ἀπόκειται, καὶ αὐτὸς προσδοκία ἐθνῶν. Ἄρα οὐ περὶ

τούτου ταῦτα ἐβρέθησαν; ἄρ' οὐκ αὐτός ἐν τῷ ἀπειθῆσαι ὑμᾶς προσδοκία καὶ σωτηρία γίνονεν; ἀλλὰ καὶ ἄλλαι πᾶσαι περὶ αὐτοῦ προφητεῖαι, αἱ κατὰ πᾶν σάββατον ἀναγινωσκόμεναι ὑμῖν, ἐν τίνι ἄλλῃ τὴν ἔκβασιν εἶχον, οὐχὶ ἐν αὐτῷ τῷ Σωτῆρι Χριστῷ; Ὅντως ἐματαιώθητε, δυσμενέστατοι, ἐν ταῖς ὁδοῖς ὑμῶν πάσαις καὶ ἐν πάσαις ταῖς τρίβεις καὶ διαβουλίαις ὑμῶν, διὰ τοῦτο ἀπεκρύβη δικαίως ἀπὸ τοῦ προσώπου ὑμῶν ἢ ἐφ' ὑμᾶς ἐλθεῦσα ἐπισκοπή, καὶ ὑμεῖς ἀξίως ἀπεστερήθητε αὐτῆς, ὅτι οὐκ ἐδέξασθε αὐτήν, οἱ δὲ ἐξ ἐθνῶν κλητοὶ αὐτήν κατεκληρονόμησαν. Καὶ (f. 308 v.) ἀπεκρίθη πᾶς ὁ λαὸς κατὰ τὸ πλῆθος τῆς ταλαιπώρου συναγωγῆς ἐκείνης πρὸς αὐτὸν λέγων· Καὶ πῶς εἶχομεν πιστεῦσαι αὐτῷ λέγοντι υἱὸν αὐτὸν εἶναι τοῦ Θεοῦ καὶ ἴσον ἑαυτὸν ποιῶν κατὰ πάντα τῷ Θεῷ τῷ τοῦ νόμου, σοῦ μὴ καθαρῶς περὶ Θεοῦ ἡμῖν δηλώσαντος, ἀλλὰ περὶ προφήτου εἰρηκότος, ὅτι ἀναστήσει κύριος ὁ Θεὸς προφήτην ἐκ τῶν ἀδελφῶν ὑμῶν, ὡς ἐμέ; Καὶ εἰ ὁ Θεὸς ἐμελλεν ἀναστήσαι προφήτην, πῶς εἶχομεν δέξασθαι αὐτὸν ὡς Θεόν; ἢ γὰρ περιοχὴ τοῦ νόμου περὶ προφήτου, φησὶ, μαρτυρεῖ. Ἐφη Μωϋσῆς πρὸς αὐτούς· Προφήτην εἶπον αὐτὸν ὑμῖν, ὡς ἐμέ, διὰ τὴν αὐτοῦ ἐνανθρώπησιν, ἐπειδὴ Θεὸς καὶ ἄνθρωπος εἰς ὁ αὐτός ἦν καὶ προφήτης καὶ βασιλεὺς· τέλειος γὰρ ὢν Θεός, γέγονε καὶ τέλειος ἄνθρωπος ἐν δυοῖς τελείαις ταῖς φύσεσιν, ἀσυγχύτως, ἀτρέπτως καὶ ἀναλλοιώτως· διὰ τοῦτο προφήτην αὐτὸν καὶ ἀδελφὸν ὑμῶν ἐν τῷ νόμῳ δεδήλωκα. Περὶ δὲ τῆς θεότητος αὐτοῦ αὐτὰ τὰ παρ' αὐτοῦ τελούμενα ἐξάισια καὶ φρικτὰ καὶ πάντα (f. 309 r.) ὑπερβαίνοντα ἔργα, ἃ οὐδεὶς ἄλλος πεποίηκε, μαρτυρεῖ· εἴπερ τὴν ἀλήθειαν συνιδεῖν ἠθέλησατε, εἶχετε ἂν αὐτήν ἡλίου δίσκην ἐν τῷ κόσμῳ λάμπουσαν καὶ αὐτοῖς τοῖς ἀψύχοις λίθοις, μὴ τί γε λογικοῖς ἀνθρώποις δεικνύοντα αὐτὸν καὶ μαρτυροῦντα, ὅτι Θεὸς ἐστίν, ἀλλ' ὁ φθόνος καὶ ἡ ἐνοικουσα ἐν ἡμῖν κακία καὶ πονηρία καὶ ἡ ἀπειρος ἀλαζονία οὐκ εἶασεν ὑμᾶς τὸ δεόν συνιδεῖν καὶ τὸ ἴδιον ἀρπάσαι ἀγαθὸν καὶ καταδέξασθαι τὸν ἐλθόντα Σωτῆρα Θεὸν φιλανθρώπως ἐφ' ὑμᾶς· διὰ τοῦτο δέξεται ὑμᾶς ἢ τοῦ αἰωνίου πυρός ἀτελεύτητος γένενα, ἣν αὐτοὶ ἑαυτοῖς διὰ τῶν οἰκείων ἔργων ἐξεκαύσατε. Οὐαὶ ὑμῖν, ἐλεεινοὶ καὶ ταπεινοί, ὅτι οὐκ ἐγένετο ὑμῖν διὰ φροντίδος πιστεῦσαι τῷ ὀνόματι αὐτοῦ τῷ ἀγίῳ καὶ σωθῆναι, ἀλλ' ἐματαιώθητε τῇ ἀγνωμοσύνῃ

ὑμῶν καὶ ἐπωρώθητε τὴν καρδίαν μὴ προσδεξάμενοι αὐτόν. Λέγουσι πρὸς αὐτόν ἐκεῖνοι· Μεμνημένοι, ὡ δέσποτα, τῶν σημείων καὶ τῶν τεραστίων τῶν ἐξαισιῶν ἐκείνων, ὡν περ αὐτός ἐν Αἴ(f. 309 v.) γύπτῳ καὶ ἐν Ἐρυθρᾷ θαλάσῃ καὶ ἐν ἐρήμῳ καὶ ἐν παντί τόπῳ νεύματι Κυρίου τετέλεκας, ἐκραταιούμεθα μὴ εἶναι ἑτέραν πίστιν παράξ τῆς δοθείσης ἡμῖν ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ ὑπὸ τοῦ Θεοῦ διὰ σοῦ· νῦν οὖν παρακαλοῦμέν σε, ὡς μμητην αὐτοῦ, ἐπικαμφθῆναι ἡμῖν καὶ προσάξει ὑπὲρ ἡμῶν δέησιν πρὸς αὐτόν, ὅπως Γλωσ ἡμῖν καὶ εὐδιᾶλλακτος γένηται διὰ σοῦ, καὶ ἀποστρέψῃ ἀφ' ἡμῶν τὸν θυμὸν αὐτοῦ καὶ τὴν δικαίαν ἀπειλήν, ὅτι πολλὰ εἰς αὐτόν κακῶς ἐβλασφημήσαμεν. Ἔφη Μωϋσῆς πρὸς αὐτούς· Ἐγὼ ἤμην ἐν μέσῳ τῶν πατέρων ὑμῶν ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ καὶ ἑώρακα τὸν Θεὸν καὶ Πατέρα, ὡς ἦν δυνατόν ἀνθρώπῳ θεάσασθαι αὐτόν, τὸν νῦν κρίνοντα καὶ κολᾶζοντα πάντας τοὺς μηδέποτε μετανόησαντας, καὶ πλεῖστα θαυμάσια καὶ τεράστια μέγιστα καὶ φρικτὰ ἐνεδειξάμην ὑμῖν, ἅτινα ὀρώντες τελούμενα οὐκ ἐπιστεύσατε, ὅτι αὐτός ἐστιν ὁ Θεὸς καὶ ποιητὴς τοῦ νόμου. Εἰ οὖν ἐκεῖνῳ τσαυτά ὑμῖν καὶ τηλικαῦτα τερατουργήσαντι οὐκ ἐπιστεύσατε (f. 310 r.) ἀοράτῳ δυνάμει καὶ ἰσχυρί θεικῇ ταῦτα πάντα τελοῦντι, πῶς τῷ μονογενεῖ αὐτοῦ Υἱῷ μετὰ σαρκὸς ἐληλυθότι ἐπὶ τῆς γῆς καὶ ὁμοιωθέντι κατὰ πάντα ἡμῖν, πλην μόνῃς τῆς ἁμαρτίας, εἴχετε πιστεῦσαι καὶ ὡς Θεὸν αὐτόν δέξασθαι; ἔτι οὖν ἐν τῇ ἀπιστίᾳ ὑμῶν μενόντων καὶ μὴ θελόντων τοῦ σκότους τῆς ἀσεβείας ἀνακίβηαι καὶ πρὸς τὸ φῶς τῆς ἀληθείας ἐλθεῖν, πῶς αὐτὸς δεηθήσομαι περὶ ὑμῶν τῶν οὕτως ἀχαρίστων περὶ τὸν εὐεργέτην, τῶν οὕτως ἀγνωμόνων περὶ τὸν ἐλευθερωτὴν, τῶν οὕτως ἐκουσίῳ πρὸς τὸ πῦρ τὸ ἄσβεστον αὐτομολησάντων; καὶ γὰρ καὶ ἐκτός τῆς εἰς αὐτόν ἀπιστίας ὑμῶν, αὐτὰ τὰ ἔργα ὑμῶν πονηρὰ πεφύκασι, πλήρη ἐκδικήσεως καὶ ἀνταποδόσεως.

Ταῦτα αὐτοῦ πρὸς αὐτούς λαλήσαντος, προτροπῇ κυρίου τοῦ Θεοῦ ἀπέστη ἀπ' αὐτῶν καὶ ᾤχετο ὄθεν ἐλήλυθεν ἐν μεγάλῃ δόξῃ καὶ τιμῇ· αὐτοὶ δὲ ἐν κραυγῇ μεγάλη τὸν Θεὸν τοῦ νόμου ἔτι ἐπικαλοῦντο καὶ μετὰ δακρύων ἔλεγον ἐκ καρδίας στενάζοντες καὶ γοεῶς ὀμνομαδὸν ὀλολύζοντες (f. 310 v.)· Ὁ Θεὸς τῶν Πατρῶν ἡμῶν Ἀβραάμ, Ἰσαὰκ καὶ Ἰακώβ, ὁ Θεὸς τοῦ νόμου, ἐλέησον καὶ σῶσον

ἡμᾶς ἀπό τῆς χαλεπῆς ὥρας ταύτης, καὶ ἀπόστρεψον τὸν θυμὸν σου ἀφ' ἡμῶν διὰ σπλάγχνα ἐλέους σου· πλήν γὰρ σου ἕτερον Θεὸν οὐκ οἶδαμεν, οὐδὲ διεπετάσαμεν χεῖρας ἡμῶν πρὸς Θεὸν ἀλλότριον.

Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ αὐτοῦς ἰσχυρῶς μετ' οἰμωγῆς κράζειν τοὺς λόγους τούτους, ἰδοὺ ἄνω ἀστραπὴ φοβερὰ ἤστραψε καὶ ἐρηπλώθη ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς ἐκείνης, καὶ αὕτη οὐχ' ὑπενόστει καὶ ἠφανίζετο, ἀλλὰ διέμενε ξενοτρόπως καὶ καθωρᾶτο τηλαυγῶς ὑπὸ πάντων ἐρηπλωμένη ἐφ' ὅλην τὴν γῆν· καὶ ἰδοὺ μετ' αὐτὴν ἑτέρα πάλιν ἔνδον αὐτῆς ἀστραπὴ λευκὴ ὑπὲρ χιόνα ἐφήπλωτο καὶ μέσον αὐτῆς αὔρα λεπτὴ ἀσύγκριτον ἔχουσα καὶ τὴν ἰδέαν καὶ τὴν πνοήν· καὶ ἄμφω αὗται παραγενόμεναι ἐπεσχίασαν τὸν Θεὸν Λόγον καὶ κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν, τὸν δίκαιον κριτὴν καὶ ἐξεταστὴν καὶ ἐκδικητὴν πάντων ἡμῶν, πρὸς αὐτὸν ἐπιβοῦσαι γαλινομόρφως, καὶ τούτῳ ἀφράστως ἔπα(φ. 311 γ.)ναπαυσάμεναι ἐπεκάλυψαν αὐτὸν τέλεον, ὥστε τὸ σύνολον παρ' ἡμῶν μὴ ὁρᾶσθαι, καὶ ἦνεσαν αὐτόν, ὡς Θεὸν καὶ κριτὴν τοῦ παντός, σὺν τῷ ἀνάγκῳ Πατρὶ καὶ τῷ παναγίῳ αὐτοῦ Πνεύματι αἱ παριστάμεναι αὐτῷ πᾶσαι θεῖαι δυνάμεις τῶν οὐρανῶν, καὶ ὑπῆρχον ὑπότρομοι ἐν ἀγωνίᾳ καὶ εὐφῳ πολλῷ συνεχόμεναι. Καὶ γενομένης διαστολῆς ἐν τῇ συσχούστῃ φωτεινοτάτῃ νεφέλῃ τὸν κύριον κατέναντι τῆς ὀψεως τοῦ θείου προσώπου αὐτοῦ, ἰδοὺ θρόνος ἕτερος παραπλησίως τῷ τῆς κρίσεως θρόνῳ καθωρᾶτο ἡμῖν, καὶ ἐπ' αὐτῷ, ὡς παλαιός ἡμερῶν, ὁ Θεὸς καὶ Πατὴρ ὠρᾶτο ἐπαναπαυόμενος, συνεδρεύων τῷ μονογενεῖ Υἱῷ αὐτοῦ καὶ Λόγῳ· καὶ ὡς ταῦτα ἐθεάσατο τὰ τρικωδέστατα καὶ ἐξάκισα θεάματα ἢ ἀναρίθμητος ἐκείνη συναγωγὴ τῶν Ἰουδαίων, σφόδρα ἐξεπλήσιστο καὶ ὡσεὶ φύλλον θένδρου ἐκλονεῖτο καὶ ἔτρεμε. Καὶ ἰδοὺ φωνὴ ὡς ἤχούσης σάλπιγγος ἀπὸ τῆς ἐπαναπαυομένης θείας αὔρας αὐτῷ λυγηρῶς (φ. 311 ν.) ἐξηχεῖτο, λέγουσα πρὸς τὴν ἑλεεινὴν καὶ ταλαιπωρον ἐκείνην συναγωγὴν οὕτως· Τίνα ἡμεῖς ἕτερον ἐπικαλεῖσθε Θεὸν τῶν πατέρων ὑμῶν καὶ Θεὸν τοῦ νόμου; οὐχ' οὗτός ἐστιν ὁ μονογενὴς μου Υἱὸς καὶ Λόγος, ὃν ἀπέστειλα ὑμῖν εἰς τὸ σῶσαι ὑμᾶς; ὑμεῖς δὲ οὐ μόνον αὐτόν οὐκ ἐδέξασθε, ἀλλὰ καὶ θανάτῳ ἀτίμῳ ἀδικῶς αὐτόν παρεδώκατε, ὃν νῦν ὁρᾶτε ἐν δεξιᾷ τῆς ἐμῆς μεγαλοσύνης κριτὴν καθεζόμενον· ἵνα τί καὶ ἔτι νῦν με χωρίζειν βούλεσθε τοῦ

ἀχωρίστως μοι αἰεὶ συνόντος καὶ συνυπάρχοντος Υἱοῦ μονογενοῦς; εἰ οὖν οὕτω τοῦτο ἐμάθετε καὶ ἐδιδάχθητε, κἀν ἀρτίως γνῶτε τε καὶ αἰσχύνηθητε, ὅτι ἐγὼ καὶ ὁ ἀγαπητός μου Υἱός ἐν ἐσμεν, καὶ ὁ τοῦτον μισήσας ἐμὲ πρῶτον μεμίσηκε τὸν γεννήσαντα αὐτόν, καὶ ὁ ἀπιστῶν αὐτῷ ἐμοὶ ἀπίσται. Ἐγὼ γάρ προεδήλωκα ὑμῖν διὰ τῶν ἀπ' αἰῶνος προφητῶν μου περὶ τῆς εἰς ὑμᾶς διὰ τὴν ὑμῶν σωτηρίαν ἐνσάρκου ἐλεύσεως αὐτοῦ, ποτὲ μὲν αὐτόν ὑετὸν ὀνομάζων, λέγων· Καταβήσεται, ὡς ὑετὸς ἐπὶ πόκον (f. 312 r.), ποτὲ δὲ ἄστρον ἀποκαλῶν, λέγων· Ἀνατελεῖ ἄστρον ἐξ Ἰούδα, ποτὲ δὲ καὶ ἄνθρωπον αὐτόν ὑπεμφαίνων, ἔφη· Ἰδοῦ, ἡ παρθένος ἐν γαστρὶ ἔξει καὶ τέξεται υἱόν, καὶ Θεὸν δὲ τέλειον αὐτόν ὅμοιον ἐμοὶ κατὰ πάντα τῷ γεγεννηκότι αὐτόν ἀρρεούτως πρὸ τῶν αἰῶνων, πλὴν τῆς ἀγεννησίας, ὑποδεικνύων ἐνετελεύτησεν. Καὶ καλέσουςι τὸ ὄνομα αὐτοῦ Ἑμμανουήλ, ὅτι δὲ εἰς αὐτόν ἐμελλον πιστεῦσαι πάντα τὰ ἀλλόφυλα ἔθνη εἴπερ ὑμεῖς, προσεδέμην λέγων· Καὶ αὐτὸς ἔσται προσδοκία ἐθνῶν· καὶ ἀλλαχού πάλιν ὑμῖν ὑπεσήμανα λέγων· Προφήτην ὑμῖν ἀναστήσει κύριος ὁ Θεός. Οὐκ ἐπειδὴ μετὰ τοσαύτης μαρτυρίας οὐκ ἐδέξασθε αὐτόν παραγεγόμενον ἐπὶ σωτηρίαν ὑμῶν, οὐκ ἔστιν ὑμῖν μερὶς ἢ κληῖρος ἐν τῇ βασιλείᾳ τῶν οὐρανῶν.

Μετὰ δὲ τὸ συντελέσαι τοὺς λόγους τούτους τὸν Θεὸν καὶ Πατέρα πρὸς αὐτοὺς διὰ τῆς φρικωδεστάτης σάλπιγγος ἐκείνης, ἀπεφίνατο κατ' αὐτῶν καὶ προσέταξε τοῖς ἐπὶ τῶν κολάσεων οὔσι φρι(f. 312 v.)κτοῖς ἀγγέλοις ἀπαγαγεῖν αὐτοὺς εἰς ἣν αὐτοὶ ἑαυτοῖς ἠτοίμασαν γέενναν τοῦ πυρός· ὅτινες ὥσπερ αἰετοὶ ἀγέληδόν καταπτάντες διήρπασαν καὶ διέσπειραν αὐτοὺς ἐπὶ πάσης τῆς φοβερᾶς ἐκείνης θαλάσσης τοῦ πυρός· καὶ ἦν ἰδεῖν φοβερότατον θέαμα, πλήρες θάμβους καὶ ἐκπλήξεως, πῶς κατεκρήμνιζον αὐτοὺς βιαίως τύπτοντες ράβδοις πυρίνοις ἀνηλεῶς ἐν τῇ γέεννῃ τῆς ἀτελευτήτου φλογός, μέχρις ἂν εἰς τέλος ἐξέλιπον. Καὶ οὗτοι πάντες ἐδίδουν θρῆνον καὶ ὄδυρμὸν μέγαν σφόδρα, ἀλλ' οὐκ ἦν ὁ ἐλεῶν καὶ οὐκ αἰετῶν αὐτοὺς. Καὶ ἐγένετο μετὰ τὸ συντελεσθῆναι καὶ χωνευθῆναι πᾶσαν τὴν συναγωγὴν ἐκείνην τῆς παφλαζούσης φρικτῆς ἐκείνης πυρκαϊᾶς, καὶ ὡς οὐκ ὄντες οἱ ταλαίπωροι παραχρήμα καθωράθησαν, ὁ μὲν οὖν θρόνος καὶ ἡ ἐτοιμασία τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς ἤρθη καὶ

ένδον τοῦ θυσιαστηρίου μέσον ὑπερανεστηκότος τῆς ἐξαισίας ἐκείνης μεγαλοπόλεως εἰσέδῃ καὶ ἐν αὐτῷ (f. 313 r.) τῷ κατέπαυσεν, ὁ δὲ γε τούτου μονογενῆς Υἱὸς καὶ κριτῆς ζώντων καὶ νεκρῶν, ἐτι περὶ τὴν θαυμαστήν πύλιν τῆς περιφήμου πόλεως ἐκείνης ἰστάμενος, προσέθετο τοῦ ἀνταποδοῦναι τοῖς ὑπολοίποις τῶν ἁμαρτωλῶν.

Καὶ ἰδοὺ προσήχθη αὐτῷ ἕτερα συναγωγὴ πονηρὰ καὶ παμβέβηλος ὑπὲρ πάσας τὰς προλαβούσας ἀκαθάρτους συναγωγὰς, καὶ ἔστη κατέναντι τοῦ προσώπου αὐτοῦ, κατὰρα φρικωδεστάτη πιεζομένη καὶ μῖσος χαλεπὸν ἐπὶ τοῦ προσώπου αὐτῆς φέρουσα, ὧν οἱ ὀφθαλμοὶ πλήρεις γνόφου καὶ σκότους, τὰ δὲ ὠτα ἀκοὴν ἔχοντα πονηράν, καὶ ἡ ὁσφρησις τῆς ὀσμῆς τοῦ θανάτου ἀνάπλεως, ἐν δὲ τῷ μετώπῳ αὐτῶν ἐγγεγραπτο Σαταν, καὶ ἐν τῇ δεξιᾷ χειρὶ δηλοῦσα ἦν ἐπιγραφὴ ἄρνησις, καὶ ἐπὶ τοῖς ποσίν αὐτῶν χολέρα ἀφνιδίου, καὶ ἐν τοῖς στόμασιν αὐτῶν ἦν παραπικρασμός, ἡ δὲ περιβολὴ αὐτῶν ὑπῆρχε λίαν δυσειδής, (f. 313 v.) οἴονει δέρματα μυῶν ὡς ἂν εἴποι τις ἐν ταύτῳ συναφθέντα καὶ συρρανθέντα. Καὶ ὡς ἔστη ἡ συναγωγὴ αὕτη κατὰ πρόσωπον τοῦ μεγάλου βασιλέως καὶ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ τοῦ δικαίου κριτοῦ, καὶ ἐγένετο ἐν τῷ ἐπαβλέψαι αὐτὸν ἐπ' αὐτούς καὶ ἰδόντα τὴν τσαούτην ἀκαθαρσίαν καὶ ἀηδίαν αὐτῶν, θυμὸς αὐτῷ ἄσχετος ἐξεκαύθη ἐπ' αὐτούς καὶ παρεκελεύσατο τῷ ἀρχιστρατήγῳ διὰ τῆς σάλπιγγος λέξαι πρὸς αὐτούς· καὶ φησὶν ἡ σάλπιγξ· ὦ κατάρατοι καὶ πα[μ]βέβηλοι, οἱ κακῶς ἀπολλύμενοι, δι' ἣν αἰτίαν ἐμὲ τὴν πηγὴν τῶν ἀγαθῶν, τὴν κρήνην τῆς ἀθανασίας, τὴν ἀενάως τοῖς εἰς ἐμὲ πιστεύουσι βλύζουσιν σωτηρίαν καὶ τὴν ἀγήρω ζωὴν πηγάζουσιν, τὸν σωτῆρα καὶ κύριον, τὸν παροχέα τῆς τῶν οὐρανῶν βασιλείας καταλιπόντες, τῷ Σατανᾷ προσεκολλήθητε καὶ χριστιανοὶ ὄντες, ἐμὲ τὸν Χριστὸν ἀρνησάμενοι, τῷ ἀντιχριστῷ προσφικειώθητε; ποίῳ δὲ τρόπῳ τὸ θεῖον καὶ σωτηριῶδες βάπτισμα ἀπεκδυσάμενοι τῷ τῆς ἀπωλείας δαίμονι προσήλθετε καὶ συνετάξασθε; ἀρά τι ἄ(f. 314 r.) γαθὸν προσεδοκάτε παρ' αὐτοῦ καὶ ἠλπίζετε εὐρεῖν καὶ ἀπολαβεῖν, ἢ πάντως γέενναν πυρὸς ἀσφύεστου καὶ τάρταρον καὶ σκότος ἐξώτερον, σκώληκά τε ἀκοίμητον καὶ κλαυθμὸν ἀπαράκλητον καὶ πᾶσαν ἄλλην ἔνδικον κρίσιν κολάσεως, ὑποκειμένην αὐτῷ σὺν πᾶσι τοῖς πειδαρχήσασι αὐτῷ ἐν τῇ προσκαιρῷ καὶ ματαίᾳ τοῦ γήινου βίου ζωῇ, ἐμοῦ

τοῦ δικαίου κριτοῦ ἀνηλεῶς ὑμῖν ἀνταποδιδόντας; οὐ γὰρ οἰκτειρήσω τοὺς ἐργαζομένους τὴν ἀνομίαν καὶ διὰ μετανοίας μὴ μετανοήσαντας, ἀλλὰ πάντα ἅμα ἐκείνῃ τῇ αἰωνίῳ κολάσει παραδώσω. Ταῦτα αὐτοῦ εἰρηκότος διὰ τῆς ἀρχαγγελικῆς σάλπιγγος πρὸς αὐτοὺς, εὐθέως ἀπεφήνατο κατ' αὐτῶν εἰπὼν οὕτως· Τοὺς ἐμὲ ἀρνησαμένους καὶ τῶ ἀντιχρίστῳ προσελθόντας καὶ πεπιστευκότας ἄρατε ἀποτόμως ἐν-τεῦθεν ἀκεῖ κατακληρώσατε, ὅπου καὶ ὁ κύριος καὶ θεὸς αὐτῶν σὺν τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ καταδεδίκασται, ὡς ἂν ἔδον(ἑ. 314 ν.)-ται ἀξίως τοὺς καρπούς τῶν πόνων αὐτῶν. Εὐθύς οὖν ὄν τρόπον ἱερα-κὲς ὄξυτετεῖς πεινῶντες ἐπ' ἄγραν θάπτον καταφέρονται, οὕτω καὶ οἱ ἄγγελοι τοῦ πυρός ὀξέως ἐπιφοιτήσαντες ῥοιζήδον ἐπ' αὐτοὺς ἐρχό-μενοι τοὺς μὲν τῶν τριχῶν ἄραντες καὶ βία ἔλκοντες, τοὺς δὲ μετὰ πυρίνων σιδηρῶν ῥοπάλων τύπτοντες ἀνηλεῶς καὶ οἶονεὶ λίθοις πε-πυρακτωμένοις συνδλώντες εἰς τὸν φοβερόν κρημνὸν ἐκείνον τῆς ἀβύσσου τοῦ πυρός, ὅπου ὁ διάβολος καὶ πᾶσαι αἱ δυνάμεις αὐτοῦ φοβερῶς τιμωροῦνται καὶ βασανίζονται, ἐκεῖ αὐτοὺς κατεκρήμνισαν ἄνωθεν. Καὶ κατεφέροντο τῇ κολαστικῇ ἀβύσσῳ οἱ δυστυχέστατοι κατακρημνιζόμενοι ἀποτόμως κατὰ κεφαλῆς, καὶ αἱ βραὶ αὐτῶν ἰσχυ-ρῶς ἐξηκούοντο καὶ τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν ἐν πικρία ψυχῆς εἰς βοήθειαν ἐπικαλοῦντο· καὶ οὐκ ἦν ὁ βοηθῶν ἢ ὁ λυτρούμενος αὐτοὺς ἀπὸ τῆς φρίκης ἐκείνης τῆς μεγάλης ἀνάγκης.

(ἑ. 315 γ.) Καὶ προσέσχον ἐγὼ ἐν τῇ τοιαύτῃ ὁπῆ τοῦ ἀβυσσαίου κρημοῦ ἐκείνου, καὶ ἠκροώμην τῶν στεναγμῶν καὶ τῶν ὀδυρμῶν τῶν μετὰ τοῦ Σατανᾶ τιμωρουμένων, καὶ ἀνήρχετο εἰς τὰ ὠτά μου ἑνός τινος ὀδυρομένου κραυγὴ ὑπερηχοῦσα τὰς τῶν ἄλλων ἀπάντων βοᾶς καὶ διηρθρωμένως τοῖς ὡσί μου προσβάλλουσα, ὅθεν καὶ σχολαιότερον ἠκροώμην αὐτῆς ἐχούσης ἐπὶ λέξεων οὕτωσί, ποτὲ μὲν, ὡς ἐφ' ἑαυτοῦ τινός μαινομένου καὶ πειρωμένου κατεσθίειν τὰς ἰδίας σάρκας καὶ πρὸς ἑαυτὸν πικραينوμένου, ποτὲ δὲ ὡς ἐξατονούντος καὶ ἡρέμα πρὸς ἑαυτὸν ὡς μετὰ τινος διαλεγομένου καὶ φάσκοντος· Οὐαί, οὐαί, ἐστα-ρωμένε κρυπτὲ Θεέ καὶ ἀνθρωπε τὸ συναμφοτέρον, ὅτι πλεῖστοι εἰς σὲ ἠπατήθησαν καὶ ἐβλασφήμησαν καὶ διὰ τὰ παθήματά σου ἠγνό-ησαν τίς εἶ, καὶ οὐ προσεδέξαντό σε ὡσπερ καγὼ, ὁ τρισάθλιος καὶ ταλαίπωρος, ἐξ οἰκειᾶς ἀφροσύνης μὴ θελήσας συνιδεῖν καὶ εἰς τὰ

τῶν ὑπ' ἐμοῦ τιμωρουμένων (f. 315 v.) ἀγίων σου θαύματα· και
δικαίως τῷ πυρί κατακαίομαι, ἐν γὰρ τῷ ματαίῳ βίῳ και τῇ προσ-
καίρῳ και ἐπαράτῳ μου ζωῇ οὐδὲ ἀκούσαι ἠνεσχόμεν περι τοῦ πα-
ναχράντου και ἀγίου ὀνόματός σου. Και πάλιν ὡς δῆθεν μεταμελό-
μενος, ἔλεγε· Ναί, δέσποτα ὕψιστε, σύ μόνος ἅγιος, σύ μόνος ὕψιστος,
σύ μόνος κύριος τῶν κυριουόντων Ἰησοῦς Χριστός, εἰς δόξαν Θεοῦ
Πατρὸς, ἀμήν· ἀκουσίως οὖν και μὴ βουλόμενος, κἀν ἄρτι ὁ ἐχθρός
σου και πικρός διώκτης ἐγώ, κύριον και Θεόν καθομολογῶ σε ἐν
πυρί ἀσβέστῳ αἰωνίως τιμωρούμενος. Οὐαί, εἴ τις, δέσποτα, οὐκ ἠγά-
πησεν, οὐαί, εἴ τις τῇ φοβερᾷ και φοικτῇ σου συγκαταβάσει ἠγγεμό-
νησεν, οὐαί, εἴ τις Θεόν σε ἀληθινόν οὐκ ἐγνώρισε και ὀλοτρόπως
ἠγάπησε και προσεκύνησεν ὡς κριτὴν ζώντων και νεκρῶν· οὐαί, εἴ
τις τὴν ἑνσαρκόν σου οἰκονομίαν οὐκ ἐδέξατο· οὐαί, εἴ τις εἰς τὸ
ὄνομά σου τὸ ἅγιον οὐκ ἐπίστευσεν, οὐαί, εἴ τις εἰς τὸ ὄνομα τοῦ
Πατρὸς και τοῦ (f. 316 r.) Υἱοῦ και τοῦ ἀγίου Πνεύματος οὐκ ἐβαπ-
τίσθη, οὐαί, ὄντινα τὰ σά φοικτὰ μυστήρια παρέλαθον και παρέδρα-
μον, οὐαί, εἴ τις τὴν σὴν και μόνην βασιλείαν οὐκ ἠγάπησεν ὀλο-
ψύχως και πάντα ὡς σκύβαλα και καπνόν και ὡς ἰστόν ἀράγνης
ἐλογίσαστο· οὐαί και πάλιν ἐρῶ τὸ οὐαί, και πάλιν εἶπομι ἂν οὐαί
και μάλιστα οὐαί, πρῶτον ἐμοὶ τῷ θεομάχῳ και τοῖς ὁμοίοις ἐμοὶ
κατὰ σοῦ τοῦ Χριστοῦ τοῦ ἀληθινοῦ Θεοῦ ἐκμανεῖσι και τῶν
σῶν γνησίων δούλων και θεραπόντων, εἴτα και πᾶσιν ἀπαξαπλῶς
οὐαί τοῖς ἐπεγνωκόσι μὲν και πιστεύσασι εἰς αὐτόν, μὴ φυλάξασι δὲ
τὰς ἀγίας αὐτοῦ ἐντολάς και διὰ μετανοίας κἀν ἐν τῷ τέλει τῆς
ἐπωδύνου και πονηρᾶς ζωῆς αὐτῶν, ὡς ἐγώ, μὴ θελήσασιν ἐπιστρέ-
ψαι και ἐξομολογήσασθαι και ἰλεώσασθαι αὐτόν προθανεῖς. Και πάλιν
ἀπὸ βάρους καρδίας στεναζῶν και μυκώμενος, ὡσεὶ ὄρεα βροῶν ὁμό-
φωνον βοῆν, ἔλεγεν· Οὐαί μοι, ὅτι κατεκάην, ἀλλ' οὐχ ὑποφέρω·
(f. 316 v.) οὐαί μοι, ὅτι ἐμπεπύρισμαι και πλήρωμα οὐκ ἔστιν ἐν
ἐμοὶ τῆς κολάσεως· οὐαί μοι, ὅτι μυριάδες πρηστηρίων και σκηπτῶν
κατεσθίουσι και κατατήκουσί μου πάντα τὰ μέλη. Ὡ εὐεργέτα θάνατε,
ποῦ ἦσθα νῦν, ἵνα ἐλθῶν τῶν τηλικούτων και τσοούτων ἀπήλλαξάς
με δεινῶν ὀδυνῶν; ὄντως οἴχη νῦν ἐξ ἀνθρώπων και ὀλωλας, και
τῶν χαλεπῶν λύσις τοῦ λοιποῦ οὐκ ἔσται ἡμῖν τοῖς ἐλεεινοῖς και

ταλαιπώροι· εἶθε μὴ ἐγεννήθημεν. Καὶ πάλιν τετραγῶς τοὺς ὀδόντας καὶ ἀπὸ βάρους τῆς καρδίας ἀναβρασσομενος ἔλεγεν· Οὐαὶ μοι τῷ ἀθλίῳ, ὅτι οὕτως ἐμελλον ἐμπυρίζεσθαι ἐν τῇ ἀσβέστῳ φλογὶ ταύτῃ· ὡ οἶων ἔτυγον ἀμοιβῶν τῶν βεβήλων μου πράξεων· τίς ἄρα ἠπίστατο ὅτι οὕτως ἔσται ἡμῖν τοῖς ἀμαρτωλοῖς καὶ οὕτως ἡμῖν ἀπαντήσει μετὰ τὴν ἐκεῖθεν ἀποβίωσιν; οὐαὶ μοι, οὐαὶ μοι, ὅτι διδασκόμενος καθ' ἐκάστην ὑπὸ τῶν ὑπ' ἐμοῦ δεινῶς καὶ ἀνηλεῶς τυραννομένων μαρτύρων Χριστοῦ τοῦ ἀληθινοῦ Θεοῦ καὶ ἀθανάτου βασιλέως, οὐκ ἤθελον (f. 317 r.) συνίεναι καὶ παραδέξασθαι τὴν αὐτῶν διδασχὴν καὶ πιστεῦσαι εἰς τὸ ὄνομα αὐτοῦ ἢ καὶ τῶν ἀνεικάστων ἐκείνων κολαστηρίων, ὡς ὁμοφύλους, ῥύσασθαι αὐτούς· καὶ καὶ ἀρτίως ἀνεκτοτέρα μοι ἔστιν ἡ κόλασις. Καὶ πάλιν στένων πικρῶς ἑαυτὸν κατηγοροῦν λέγων· Οὐαὶ σοι, ἐπάρατε Διοκλητιανὲ καὶ τρισκατάρατε, ὅτι βασιλεὺς ὠνομάσθης καὶ ἐπεφημίσθης πρὸ μικροῦ ἐπὶ γῆς καὶ ὑπὸ πάντων προσκυνήθης, καὶ οὐκ ἔγνως ὅτι ἡ πρόσκαιρός σου βασιλεία διὰ τῶν θεοσυγῶν σου ἔργων τῆς συνεχούσης κολάσεως τοῦ πυρὸς πρόξενος πέφυκεν· ὡ τῆς σῆς μανίας καὶ ἀφροσύνης, ὅτι θάνατον οὐκ ἤλπιζες οὐδὲ μέλλουσαν κρίσιν. Οὐαὶ σοι καὶ ἀνάθεμα ἔστω σοι, ὅτι οὐκ ἠσθάνου εἰς χεῖρας ἐμπεσεῖν βασιλέως φρικωδεστάτου, ἀλλ' ἤλπιζες αἰωνίως καθέξειν τὴν βασιλείαν καὶ ἀδιάδοχος· ἰδοὺ βασιλεία αἰώνιος, ἰδοὺ βασιλεὺς ἀδιάδοχος, ἰδοὺ κριτὴς ἀθάνατος, ἰδοὺ ἐξουσία φρικωδεστάτη, ἣτις οὐ δια(f. 317 v.)φθαρήσεται καὶ λαῶ ἑτέρῳ οὐχ ὑπολειφθήσεται. Φεῦ ὦδε ἀνάγκαι ὑπὲρ πάσας ἀνάγκας, ὦδε ὀδύνηι δριμύται καὶ βαρεῖται ὑπὲρ πάσας ὀδύνας, ὦδε φόβος καὶ τρόμος εἰς ἡμᾶς τοὺς μὴ ἐπεγνωκότας αὐτὸν μόνον εἶναι τὸν ὑπὸ πάντων κηρυττόμενον Χριστὸν, βασιλέα καὶ κριτὴν καὶ ἐξεταστὴν ἔργων τε καὶ λόγων καὶ ἐννοιῶν, εἰς δὲ τοὺς εἰς αὐτὸν πιστεύσαντας καὶ τὰς αὐτοῦ θείας ἐντολάς ἀπαρატρώτους φυλάξαντας χαρὰ ἀδιάδοχος ὑπὲρ πάσας χαράς, εὐφροσύνη ἀπέραντος ὑπὲρ πᾶσαν εὐφροσύνην, αἰώνιος ἀγαλλίασις, ζωὴ ἀθάνατος, τέρψις καὶ θυμηδία ἀκόρεστος καὶ τρυφὴ ἀτελεύτητος.

Ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτα ἐκείνου βοῶντος ἐν στεναγμῷ καρδίας καὶ διαλεγομένου, ἔφην ἐγὼ πρὸς τὸν ὀδηγοῦντά με θαυμαστὸν νεανίαν· Κύριε, τίς ἐστὶν οὗτος ὁ ἐλεεινὸς καὶ ταλαιπώρος ὑπὲρ

τούς ἄλλους πάντας οὕτω πικρῶς θρηνωδῶν; Λέγει ἐκεῖνος πρὸς με· Αὐτός ἐστιν ἐκεῖνος, ὃν πολλάκις ἀκήκοας διώκτην Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν καὶ τύραννον τῶν αὐτοῦ θεραπόντων ἁγίων μαρ(φ. 318 γ.)τύρων ὀφθέντα καὶ ἀναδειχθέντα ὑπὲρ τοὺς ἄλλους πάντας ἀσεβεῖς καὶ βεβήλους διώκτας καὶ τυράννους τῶν χριστιανῶν, Διοκλητιανός.

Ἐπει δὲ τῶν τοιούτων ὀδυρμῶν καὶ κωκυτῶν ἀρχούτως ἐπλήσθησαν αἱ τῆς ψυχῆς ἡμῶν αἰσθήσεις καὶ ἀκοαί, τούτων μὲν τῆς ἡχῆς ἀπέστημεν πρὸς δὲ τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν τὸν δίκαιον κριτὴν, ἔτι πρὸς τῇ πύλῃ τῆς ῥηθείας ἐκείνης ὥραιας τῷ ὄντι καὶ ἐξαισίας πόλεως φοβερῶς ἰστάμενον καὶ κατ' ἀξίαν ἐκάστω ἀποδιδόντα τῶν ἁμαρτωλῶν ἐν τῷ οἰκίῳ τάγματι, τὴν αἰσθητικὴν τοῦ νοῦς ἡμῶν δρασιν ἀπηωρήσαμεν καὶ κατανοοῦντες ὀρώμεν ὡς συνετελέσθη καὶ ἐξέλιπε πᾶσα ἡ τῶν ἁμαρτωλῶν ὁμήγουρις καὶ τόπος οὐχ' εὐρίσκετο αὐτῶν, ἀλλὰ πάντων ἐμβληθέντων εἰς τὰς ἀποκειμένας αὐτοῖς τιμωρίας καὶ δεινὰς κολάσεις, καθὰ δὴ καὶ προεπηγγεῖλατο αὐτοῖς Κύριος ὁ Θεὸς ἔτι οὖσιν ἐν τῷ τῆς μετανοίας καιρῷ, προσσχόντες ἠκούσαμεν ὑμνωδίαν ξένην καὶ θεοπρεπεστάτην (φ. 318 ν.) ἀδομένην ὑπὸ τῶν παρισταμένων τῷ ἀστέκτῳ καὶ θείῳ θρόνῳ τῆς κρίσεως θείων δυνάμεων· πλὴν οὐκ ἤδον οἱ ἅγιοι ἄγγελοι ἅμα, ἀλλὰ τάγματα τάγματα κατ' ἀξίαν ἕκαστον ἤδον τὴν τρισάγιον αἴνεσιν, ἀκαταπαύστῳ φωνῇ δοξάζοντες καὶ αἰνοῦντες τὸν δίκαιον κριτὴν τὸν ἐκάστω ἀποδιδόντα κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ. Τούτων τριγαροῦν οὕτω θεοπρεπῶς ἀδόντων τῶν θεοειδῶν ἀγγέλων, ἐνηγεῖτο ταῖς ἀκοαῖς ἡμῶν ἡδονὴ τις χαρᾶ καὶ φόβῳ σύμμικτος ἀπὸ τοῦ γλαφυροῦ καὶ ἐξαισίου μέλους ἐκείνου ταῖς ψυχαῖς ἡμῶν ἐγγινεμένη, καὶ ἔδονεῖτο τὰ πέρατα τῆς καινῆς ἐκείνης καὶ θεοπεσίας κτίσεως. Ταύτης δὲ τῆς ὑμνωδίας ληξάσης, ἕτερον μέλος ἡμῖν ἐξηκούετο ἔνδον τῆς ἁγίας πόλεως, ἀδόντων κάκεισε καὶ αἶνον εὐχαριστείας ἀναπεμπόντων τῷ φοβερῷ καὶ δικαίῳ κριτῇ πάντων τῶν καταπαυσάντων ἐκεῖσε ἁγίων. Μετὰ δὲ τὸ παύσασθαι αὐτοὺς τὴν ἐμμελεστάτην καὶ καλὴν ἐκείνην ὑμνωδίαν, κλείσας ὁ Κύριος τὴν θαυμαστήν πύλην ἐκείνην τῆς πόλεως, εἰσῆλθεν καὶ (φ. 319 γ.) κατέπαυσε καὶ αὐτὸς ἔνδον τοῦ θυσιαστηρίου τοῦ φρικωδεστάτου ἐκείνου ναοῦ τοῦ ὄντος ἐν μέσῳ αὐτῆς, καὶ καθεσθεις ἐν τῷ θείῳ θρόνῳ τῆς δόξης αὐτοῦ προσέταξεν ἐνεχθῆναι ἐμπροσθεν αὐτοῦ πάσας

τάς πνευματικὰς αὐτοῦ καὶ νοητὰς οὐρανίους στολὰς ἐξ ἀσυγκρίτων καὶ ἀνεκδιηγήτων νοητῶν διαυγειῶν ἰσχύι τῆς δυνάμεως αὐτοῦ φρικτῶς δεδημιουργημένας καὶ ἐξυφασμένας· καὶ προήνεγκαν αὐτῷ πάσας ἀρχάγγελοι θεῖοι ἐν τιμῇ καὶ δόξῃ ἀσυγκρίτῳ ἐπικομιζόμενοι αὐτάς, ἀσυγκρίτους τῷ κάλλει καὶ τῇ ὠραιότητι μὴ ὑποκειμένας, ὑλικῶ τε νῶ ἀκαταλήπτους καὶ γλώσση βροτεία ἀνεκδιηγήτους, αἵτινες θεῖαι στολαὶ ἐτέθησαν πᾶσαι ἔμπροσθεν τῆς θείας δόξης αὐτοῦ, καὶ νεύματι αὐτοῦ θείῳ καλούμενοι πάντες οἱ ἅγιοι εἰσῆρχοντο πρὸς αὐτὸν κατὰ τάξιν ἕκαστος αὐτῶν καὶ ἐλάμβανεν ἐκ χειρὸς Κυρίου τὴν ἀξίαν τῆς αὐτοῦ ἐργασίας παρὰ τοῦ παντεπόπτου ἐξυφανθεῖσαν ἀοράτως αὐτῷ θεῖαν στολὴν. Ἐν πρώτοις γοῦν εἰσῆει πρὸς αὐτὸν (f. 319 v.) ἡ τῆς ἁγίας αὐτοῦ ἐνανθρωπήσεως μήτηρ καὶ τροφὸς χρηματίσασα, ἄγραντος καὶ ὑπέραγνος παρθένος Μαρία καὶ τῆς φρικτῆς αὐτοῦ οἰκονομίας ἀμόλυντος σκηνῆ· καὶ εὐθύς ἐξενεγκῶν ὄν ἐπὶ τῆς ἁγίας καὶ ἄγραντου κορυφῆς αὐτοῦ ἐφόρει στέφανον φρικτὸν ἐκ πολυχρῶων ἀνθέων καὶ λίθων τιμίων, μαργάρων νοητῶν ποικιλῶς καὶ θεικῶς τεχνουργημένον, τέδεικεν ἐπὶ τὴν ἁγίαν αὐτῆς κεφαλὴν ἐπειπῶν αὐτῇ· Δέξαι, ὦ μήτηρ μου, ταύτην τὴν ταινίαν καὶ δοξάν, ἣν ὁ Πατὴρ μου ἐχαρίσατό μοι τρόπαιον τῆς κατὰ τοῦ διαβόλου καὶ τοῦ θανάτου νίκης, ἣν εἰργασάμην διὰ τῆς ἐκ σοῦ μοι δανεισθείσης θείας σαρκός. Ἐπι δέδωκεν αὐτῇ καὶ τὴν πρώτην στολὴν, ἣτις ἦν φρικτῶς ἐξυφανθεῖσα καὶ νοητῶς κατασκευασθεῖσα ἐκ βύσσου καὶ πορφύρας βασιλικῆς ἐπεουραίου, ἣν αὐτὸς ἐνανθρωπήσας ἐνεδιδύσκετο· ἐπι δέδωκεν αὐτῇ ἐτέραν στολὴν, φοβεράν τινά καὶ ἀπόρητον ἐνεργεῖα τοῦ ἁγίου Πνεύματος κατασκευασθεῖσαν, περὶ ἧς λελάληται ἐν βίβλῳ Ψαλμῶν· Ἐν ἱματισμῷ (f. 320 r.) διαχρῶσω περιβεβλημένη πεποικιλμένη· ἐπι ἐδόθησαν αὐτῇ καὶ ἐτέραι στολαὶ μυριοπλάσαι φρικταὶ καὶ νοηταί, ῥοδοειδεῖς, χιονοφεγγεῖς, ἐρυθραὶ, κυαναί, ἐκ χρυῶν ἀπασῶν παντοκρατορικῆ χειρὶ κατασκευασθεῖσαι, καὶ εἰκασία ὑλικῆς ποιότητος ἐντιμῶ ἀνεικάστου καὶ ἀνεκδιηγήτου ἦν ἐν αὐταῖς, ἅσπερ ὑπεδέξατο ἀσμένως ἐν ταῖς ἀκηράτοις καὶ θεαῖς ὠλέναις αὐτῆς· καὶ τιμήσας αὐτὴν ὡς μητέρα, ὑπανάστη καὶ ἀνέπαυσεν αὐτὴν ἐν τῷ πλησίον αὐτοῦ ἐστῶτι θείῳ καὶ πυριμόρφῳ φρικτῶδεστάτῳ θρόνῳ τῆς δόξης αὐτοῦ, μεγαλύνων καὶ ἐπαινέσας αὐτὴν ἐνώπιον πάντων τῶν ἀπ' αἰῶνος ἁγίων, τῆς

τε ψυχικῆς καθαρότητος καὶ τῆς ἐν τοῖς δεινοῖς μεγαλοφύλου καὶ μεγίστης θείας ὑπομονῆς, καὶ πλεον πάντων τῶν θερμῶν αὐτῆς καὶ ἀεννάως γεομένων δακρύων τῆς χύσεως ὑπὲρ ἧς εἶγε πρὸς αὐτὸν ἐν τῷ κόσμῳ τελείας ἀγαπήσεως, ναὶ μὴν καὶ τῶν ἐκτενωῶν προσευχῶν αὐτῆς ὧν ἤρχετο ὑπὲρ τε τῶν Ἰουδαίων καὶ πάντων τῶν πιστῶν. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ αὐτὸν ταύτη δοῦ(f. 320 v.) ναὶ τὰς ποικιλομόρφους ἐκείνας καὶ ὡς ἀληθῶς ἀκατανοήτους στολάς, εἶδομεν αὐτὸν ἀνεψῆξαντα κατενώπιον αὐτῆς τοὺς ἀθανάτους καὶ ἀειζῶους θεσαυροὺς πάντων τῶν αἰδίων καὶ ἀκηράτων καὶ νοητῶν ἐπιγείων τε καὶ ἐπουρανίων ἀγαθῶν, κατέστησεν αὐτὴν κυρία καὶ δέσποιναν πάντων τῶν οὐρανίων νοερῶν δυνάμεων καὶ πάντων τῶν ἀγίων καὶ δικαίων, οἱ καὶ ὑμνησαν αὐτὴν μεγαλύνοντες ἀκαταπαύστῳ φωνῇ ἐν ἀγαλλιάσει ψυχῆς.

Εἶτα μετ' αὐτὴν εἰσῆει ὁ μείζων ἐν γεννητοῖς [ἐκ] γυναικῶν Ἰωάννης ὁ πρόδρομος καὶ βαπτιστῆς καὶ τιμηθεὶς παρ' αὐτοῦ ἐπαξίως καὶ μεγαλυνθεὶς ἐπὶ πάντων δευτέρας ἡξιώθη καὶ αὐτὸς καθέδρας καὶ τιμῆς τῇ δεσποίνῃ πάντων καὶ κυρία, καὶ θεθέντων αὐτῷ τῶν ἐπαξίων γερῶν καὶ ἀθανάτων στεφάνων καὶ αἰώνιων ἀγαθῶν καὶ θεσαυρῶν, προσέθετο ἐπι ὁ Κύριος ἀπονεῖμαι γέρας τοῖς γησίσι αὐτοῦ φίλοις καὶ θεράπευσι. Καὶ ἰδοὺ παραγένοντο πρὸς αὐτὸν δώδεκα ἄνδρες δόξη καὶ τιμῇ ἐστεφανωμένοι, ὧν τὰ πρόσωπα ἐξήστραπτον ὑπὲρ τὰς τοῦ (f. 321 r.) ἡλίου λαμπηδόνας, ὅτινες ἦσαν, ὡς ἀγγελὸς μοι διεσάφησεν, οἱ δώδεκα αὐτοῦ μαθηταὶ καὶ ἀπόστολοι· ἀποδεξάμενος οὖν αὐτοὺς ὁ βασιλεὺς εὐμενῶς ἐπέδωκεν αὐτοῖς στολάς βασιλικὰς θεσπετεῖς μυριομόρφους νοητῶς κατασκευασθείσας, ὧν τὴν καλλογὴν καὶ ὠραιότητα νοῦς βρότειος καταλαβεῖν καὶ γλώττῃ διηγήσασθαι πᾶς ἀδυνατεῖ, πρὸς δὲ καὶ θρόνοι δώδεκα θαυμαστοὶ ὑπερλίαν καὶ ἐν τοῖς βασιλείσις τῆς γῆς ἀνείκαστοι καὶ ἀπαράμιλλοι, ἀπὸ τε γὰρ λίθων τοπαζίων, σμαράγδων τε καὶ λυχνιτῶν καὶ μαργάρων παμμεγίστων ὑπερτίμων καὶ ἐκ καθαροῦ γρυσίου ὀκμιωτάτου ὄρωντο κατεσκευασμένοι ἐκ τεχνουργίας καὶ φιλοκαλίας θεϊκῆς σοφίας. Ἐπι ἐξενεγκῶν ὁ βασιλεὺς ἀφ' ἐνὸς τῶν θείων καὶ νοητῶν θεσαυροφυλακίων στεφάνους φρικωδεστάτους, ὅτινες ἦσαν ἀπὸ θεικῶν διαυγειῶν καὶ ξενῶν ἀπαυγασμάτων θείῳ Πνεύματι κατηρτισμένοι καὶ συντεθειμέ-

νοι, ὧν ἡ φρικτὴ καὶ παράδοξος θέα οὐ μόνον ἡμᾶς (f. 321 v.) ἐξέπληξε καὶ παντελῶς ἐξεστηκότας ἐποίησεν, ἀλλὰ καὶ πάντας τοὺς ἁγίους, ἐπειδὴ ἦσαν τῇ ἀστραπῇ τῶν ἰδίων χαρίτων ὑπερνικῶντες καὶ ὑπερλάμποντες, καὶ αὐτῆς τῆς ἀφράστου ἐκείνου ἡλίου λαμπρᾶς καὶ φωτειδοῦς ἐλλάμψεως τε καὶ φαιδρότητος καὶ τῆς καλλονῆς καὶ ὠραιότητος αὐτῶν οὐκ ἦν κόρος πᾶσι τοῖς ὄρωσιν, οὐδὲ νοῦς εἰς τὸ καταλαβέσθαι καὶ γραφῇ παραδοῦναι ἢ διηγήσασθαι βρότειος· οὐς ἐξενεγκῶν δεξιᾷ αὐτοῦ χειρὶ παντοκρατορικῇ ἐπέθηκεν ἐφ' ἐνὸς ἐκάστου κορυφῇ καὶ κατέστειψεν αὐτοὺς ὡς βασιλεῖς καὶ ἐκάθισεν αὐτοὺς ἐπὶ τῶν φρικτῶν ἐκείνων καὶ ἐξαισιῶν δώδεκα θρόνων δόξη καὶ τιμῇ ἑστεφανωμένους, ὡς εἰρηται, ἀποφήνας αὐτοὺς κριτὰς τῶν δώδεκα φυλῶν τοῦ Ἰσραὴλ, ἧτοι προκριτωτέρους εἰς βασιλεῖς καὶ δεσπότης ἀποδειξας αὐτοὺς πάντων τῶν σεσωσμένων ἀπὸ τῶν δώδεκα τούτων φυλῶν Ἰσραηλιτῶν, ὥστε τιμᾶσθαι αὐτοὺς ἐξόχως παρὰ πάντων· τοῦτο γὰρ ἐστὶ τὸ κρίνειν αὐτοὺς ἐπὶ δώδεκα θρόνων καὶ κα(f. 322 r.)θεοθῆναι, ὡς Κύριος ἐν εὐαγγελίοις αὐτοῖς ἐπηγγεῖλατο, ἧγουν τὸ ἐν ὑπεροχῇ καὶ δόξῃ ἐξηρημένῃ καὶ ἀπολαύσει τῶν αἰωνίων ἀγαθῶν αὐτοὺς εὐρεθῆναι παρὰ πάντας τοὺς ἀπὸ τοῦ γένους αὐτῶν, ἧτοι τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ εὐαρεστήσαντας.

Πρὸς τούτοις ἔτι ὁ Κύριος ἐπένευσε, καὶ ἰδοὺ παρέστησαν αὐτῶ ἄνδρες ἐβδομήκοντα λίαν εὐπρεπεῖς καὶ ὑπέρλαμπροι παραπλησιῶς τοῖς δώδεκα, δόξῃ ἀπλέτῳ ἠγλαισμένοι, ὅτινες ἦσαν οἱ διὰ τῶν δώδεκα ἀποστόλων αὐτῶ μαθητευθέντες ἐβδομήκοντα ἀπόστολοι, ὡς ὁ ἄγγελός μοι ἐγνώρισε. Διένειμεν οὖν καὶ αὐτοὺς ἐκ τῶν ἀκηράτων αὐτοῦ θησαυρῶν ὁ Κύριος τὰς πλουσιοδώρους καὶ ἀφράστους αὐτοῦ δωρεάς, χαρισάμενος αὐτοῖς στεφάνους φρικτοῦς διαυγεῖς καὶ ἀμαραντίνους, χλαίνας θεοῦφάντους νοητὰς καὶ πνευματικὰς, ὧν ἡ διήγησις ἀνεκλάλητος. Προσθεῖς οὖν ὁ Κύριος ἠνέμφεν αὐδὶς κατὰ πρόσωπον πάντων τῶν ἁγίων αὐτοῦ πάντας τοὺς πνευματικῶς αὐτοῦ θησαυροὺς τοὺς κεκτη(f. 322 v.)μένους τὰ ἀπόρρητα καὶ ἀνεκλάλητα ἐκεῖνα ἀγαθὰ, ἃ οὔτε ὀφθαλμὸς φθαρτοῦ ἀνθρώπου εἶδεν, οὔτε οὐς ἀκήκοεν, οὔτε ἐπὶ καρδίαν ἀνθρώπου ἀνέβη πῶποτε, ἃ προητοίμασεν ὁ Θεὸς τοῖς ἀγαπῶσι τὴν αὐτοῦ ἐπιφάνειαν καὶ τηρήσασι τὰς θείας ἐντολάς καὶ τὰ ἐν νόμῳ ἀγίῳ δικαίωματα αὐτοῦ,

καὶ ἐκένωσε πάντας αὐτοὺς εἰς δόξαν καὶ τιμὴν, εἰς εὐφροσύνην καὶ πνευματικὴν ἀγαλλίασιν πάντων τῶν ἀπ' αἰῶνος ἀγίων αὐτοῦ· τὸ δὲ γε μυστικώτερον πάντων τῶν αἰωνίων ἀγαθῶν καὶ κεφαλαιωδέστερον αὕτη ἡ κατάληψις καὶ θεία θεωρία ἀναλόγως τοῖς ἀξίοις γεννημένη τῆς ἀγίας καὶ ζωαρχικῆς Τριάδος ὑπῆρχε τοῖς ἐκεῖ αἰδίως συνοῦσα καὶ θεοῦσα καὶ τῆς ἐφέσεως καὶ γλυκύτητος αὐτῆς μεταδιδούσα.

Τούτων οὕτως ἐνθρόνως καὶ ἀχορέστως καὶ ὡς ἐνὸν ἡμῖν ὀρωμένων κατὰ τὴν ἐλέει καὶ οἰκτιρμοῦ Θεοῦ δοθεῖσαν ἡμῖν θεωρίαν καὶ ἀκριβῆ τούτων πάντων κατάληψίν τε καὶ κατανόησιν, ἔτι προσέχομεν, καὶ ὠρᾶτο ἡμῖν πρὸ προσώπου τοῦ φρικωδεστάτου καὶ παν(φ. 323 Γ.)σέπτου ἐκείνου καὶ ὑπερουρανίου θείου ναοῦ μέγα τι καὶ θεοπρεπέστατον προαύλιον περιφανές καὶ λίαν δεδοξασμένον· ὁ γὰρ αὐτοῦ πάτος ἀντὶ δαπέδου μαρμαρωτοῦ χρυσοῖς πλαξὶ μεγίστοις καὶ πυρευρίζοις ἐκεκόσμητο καὶ πεπάττωτο, καὶ αἴγλη τις πυρσοῦ γαληνομόρφου ἐκεῖθεν ἐξεπορεύετο. Καὶ ἰδοὺ ὠρῶμεν ἐπ' αὐτῷ περιτρέγοντάς τινας καὶ διακόνων χρεῖαν ἀποπληροῦντας νεανίσκους ὠραισποικιλομόρφους τὸν θεῖον ναὸν ἐτοιμάζοντας, ἡ δὲ ἐτοιμασία αὐτῶν ξένη τις ἦν καὶ γλώσση βροτεῖα ἀνεκδήγητος. Καὶ ἰδοὺ μετὰ τὸ εἰσελθεῖν αὐτοὺς ἐνδον τοῦ ναοῦ, ἕτεροὶ τινες νεανίσκοι χρυσοξανθήκομοι εὐμεγέθει φρικτοπρόσωποι, παραπλήσιοι τῷ μήκει ταῖς ὑψικόμοις κυπαρίσσοις καὶ αὐτοῖς τε πῦρ ἐνδεδυμένοι τοῖς ὠραίοις ποσὶ αὐτῶν (τὸ δὲ τοιοῦτον πῦρ οὐχ' ὡς τὸ παρ' ἡμῖν τοῦτο τὸ φθαρτὸν καὶ ὑλοτρόφον, ἀλλ' οἶον ἐξάνθισμα πυραμικῆς αἴγλης) συντρέγοντες ἐφαίνοντο καὶ τὸ ἐντὸς τοῦ ναοῦ θυσιαστήριον εὐτρεπί(φ. 323 Ν.)ζόντες. Τοσοῦτον δὲ μοι ὁ θεῖος ναὸς ἐκεῖνος εὖρος καὶ μῆκος ἔχειν ἐδόκει, ὡς διάστημα τρισχιλίων σταδίων καὶ πρὸς, περὶ δὲ τοῦ κάλλους καὶ τῆς κατασκευῆς αὐτοῦ καὶ ὠραιότητος πειράσομαι μὲν εἰπεῖν καὶ κατὰ δυνατόν ἀνδρώπῳ δηγήσασθαι, ἐυνήσεμαι δὲ οὐδαμῶς καὶ μυριάκις πειράσω ἑμαυτὸν ἔκφρασιν τινα ποιήσασθαι τῶν αὐτοῦ ἀπορρήτων. Καὶ εὐ μόνον ἐγὼ ὁ ἰδιώτης καὶ πάνυ ἄμυστος πρὸς ταῦτα διαπορήσομαι καὶ ἀφραδίᾳ παντελεῖ πεδηθῶ, ἀλλὰ καὶ πάντες οἱ σοφοὶ τῆς γῆς οἱ πᾶσαν τὴν θύραθεν καὶ τὴν ἡμετέραν σοφίαν μεμαθηκότες, εἴπερ ἐν ταύτῳ ἐπισυναχθέντες ἐπαειρήσουσι καὶ σπουδάσουσι τῇ τσιαύτῃ ἐξηγήσει προσβαλεῖν, οἶμαι οὐδ' αὐτοὶ ἐξισχύσουσιν, ἀλλ' ἐπίσης ἐμεῖ

νοι, ὧν ἡ φρικτὴ καὶ παράδοξος θέα οὐ μόνον ἡμᾶς (f. 321 v.) ἐξέπληξε καὶ παντελῶς ἐξεστηκότας ἐποίησεν, ἀλλὰ καὶ πάντας τοὺς ἁγίους, ἐπειδὴ ἦσαν τῇ ἀστραπῇ τῶν ἰδίων χαρίτων ὑπερνικῶντες καὶ ὑπερλάμποντες, καὶ αὐτῆς τῆς ἀφράστου ἐκείνου ἡλίου λαμπρᾶς καὶ φωτοειδοῦς ἐλλάμψεώς τε καὶ φαιδρότητος καὶ τῆς καλλονῆς καὶ ωραιότητος αὐτῶν οὐκ ἦν κόρος πᾶσι τοῖς ὄρωσιν, οὐδὲ νοῦς εἰς τὸ καταλαβέσθαι καὶ γραφῇ παραδοῦναι ἢ διηγήσασθαι βρότειος· οὗς ἐξενεγκῶν δεξιᾷ αὐτοῦ χειρὶ παντοκρατορικῇ ἐπέθηκεν ἐφ' ἐνὸς ἐκάστου κορυφῇ καὶ κατέστεψεν αὐτοὺς ὡς βασιλεῖς καὶ ἐκάθισεν αὐτοὺς ἐπὶ τῶν φρικτῶν ἐκείνων καὶ ἐξαισίων δώδεκα θρόνων δόξῃ καὶ τιμῇ ἐστεφανωμένους, ὡς εἰρηται, ἀποφήνας αὐτοὺς κριτὰς τῶν δώδεκα φυλῶν τοῦ Ἰσραὴλ, ἧτοι προκριτωτέρους εἰς βασιλεῖς καὶ δεσπότης ἀποδείξας αὐτοὺς πάντων τῶν σεσωσμένων ἀπὸ τῶν δώδεκα τούτων φυλῶν Ἰσραηλιτῶν, ὥστε τιμᾶσθαι αὐτοὺς ἐξόχως παρὰ πάντων· τοῦτο γάρ ἐστι τὸ κρίνειν αὐτοὺς ἐπὶ δώδεκα θρόνων καὶ κα(f. 322 r.)θεοθῆναι, ὡς Κύριος ἐν εὐαγγελίοις αὐτοῖς ἐπηγγεῖλατο, ἧγουν τὸ ἐν ὑπεροχῇ καὶ δόξῃ ἐξηρημένη καὶ ἀπολαύσει τῶν αἰωνίων ἀγαθῶν αὐτοὺς εὐρεθῆναι παρὰ πάντας τοὺς ἀπὸ τοῦ γένους αὐτῶν, ἧτοι τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ εὐαρεστήσαντας.

Πρὸς τούτοις ἔτι ὁ Κύριος ἐπένευσε, καὶ ἰδοὺ παρέστησαν αὐτῶ ἀνδρες ἐβδομήκοντα λίαν εὐπρεπεῖς καὶ ὑπέρλαμπροι παραπλησίως τοῖς δώδεκα, δόξῃ ἀπλήτῳ ἠγλαισμένοι, οἵτινες ἦσαν οἱ διὰ τῶν δώδεκα ἀποστόλων αὐτῶ μαθητευθέντες ἐβδομήκοντα ἀπόστολοι, ὡς ὁ ἄγγελός μοι ἐγνώρισε. Διένειμεν οὖν καὶ αὐτοὺς ἐκ τῶν ἀκηράτων αὐτοῦ θησαυρῶν ὁ Κύριος τὰς πλουσιοδώρους καὶ ἀφράστους αὐτοῦ δωρεάς, χαρισάμενος αὐτοῖς στεφάνους φρικτοῦς διαυγεῖς καὶ ἀμαραντίνους, χλαίνας θεοῦφάντους νοητὰς καὶ πνευματικὰς, ὧν ἡ διήγησις ἀνεκλάλητος. Προσθεῖς οὖν ὁ Κύριος ἠνέμφεν αὐδὶς κατὰ πρόσωπον πάντων τῶν ἁγίων αὐτοῦ πάντας τοὺς πνευματικῶς αὐτοῦ θησαυροὺς τοὺς κεκτη(f. 322 v.)μένους τὰ ἀπόρρητα καὶ ἀνεκλάλητα ἐκεῖνα ἀγαθὰ, ἃ οὔτε ὀφθαλμὸς φθαρτοῦ ἀνθρώπου εἶδεν, οὔτε οὐς ἀκήκοεν, οὔτε ἐπὶ καρδίαν ἀνθρώπου ἀνέβη πῶποτε, ἃ προητοίμασεν ὁ Θεὸς τῷ ἀγαπῶσι τὴν αὐτοῦ ἐπιφάνειαν καὶ τηρήσασι τὰς θείας ἐντολάς καὶ τὰ ἐν νόμῳ ἁγίῳ δικαίωματα αὐτοῦ,

καὶ ἐκέκωσε πάντας αὐτοὺς εἰς δόξαν καὶ τιμὴν, εἰς εὐφροσύνην καὶ πνευματικὴν ἀγαλλίασιν πάντων τῶν ἀπ' αἰῶνος ἀγίων αὐτοῦ· τὸ δὲ γε μυστικώτερον πάντων τῶν αἰωνίων ἀγαθῶν καὶ κεφαλαιωδέστερον αὕτη ἡ κατάληψις καὶ θεία θεωρία ἀναλόγως τοῖς ἀξίοις γεννημένη τῆς ἀγίας καὶ ζωαρχικῆς Τριάδος ὑπῆρχε τοῖς ἐκεῖ αἰδίως συνοῦσα καὶ θέουσα καὶ τῆς ἐφέσεως καὶ γλυκύτητος αὐτῆς μεταδιδούσα.

Τούτων οὕτως ἐνηδόνως καὶ ἀκορέστως καὶ ὡς ἐνόν ἡμῖν ὀρωμένως κατὰ τὴν ἐλέει καὶ οἰκτιρμοῖς Θεοῦ δοθεῖσαν ἡμῖν θεωρίαν καὶ ἀκριβῆ τούτων πάντων κατάληψίν τε καὶ κατανόησιν, ἔτι προσέσχομεν, καὶ ὠρᾶτο ἡμῖν πρὸ προσώπου τοῦ φρικωδεστάτου καὶ παν(φ. 323 Γ.)σέπτου ἐκείνου καὶ ὑπερουρανίου θείου ναοῦ μέγα τι καὶ θεοπρεπέστατον προαύλιον περιφανὲς καὶ λίαν δεδοξασμένον· ὁ γὰρ αὐτοῦ πάτος ἀντι δαπέδου μαρμαρωτοῦ χρυσοῖς πλαξὶ μεγίστοις καὶ πυρρευρίζεις ἐκεκόσμητο καὶ πεπάτωτο, καὶ αἴγλη τις πυρσοῦ γαληνομόρφου ἐκεῖθεν ἐξεπορεύετο. Καὶ ἰδοὺ ὠρῶμεν ἐπ' αὐτῷ περιτρέχοντάς τινας καὶ διακόνων χρεῖαν ἀποπληροῦντας νεανίσκους ὠραιοποικιλομόρφους τὸν θεῖον ναὸν ἐτοιμάζοντας, ἡ δὲ ἐτοιμασία αὐτῶν ξένη τις ἦν καὶ γλώσση βροτεῖα ἀνεκδήγητος. Καὶ ἰδοὺ μετὰ τὸ εἰσελθεῖν αὐτοὺς ἐνδον τοῦ ναοῦ, ἕτεροὶ τινες νεανίσκοι χρυσοξανθήχομι εὐμεγέθει φρικτοπρόσωποι, παραπλήσιοι τῷ μήκει ταῖς ὑψικόμοις κυπαρίσσοις καὶ αὐτοὶ τε πῦρ ἐνδεδυμένοι ταῖς ὠραίοις ποσὶ αὐτῶν (τὸ δὲ τοιοῦτον πῦρ οὐχ' ὡς τὸ παρ' ἡμῖν τοῦτο τὸ φθαρτὸν καὶ ὑλοτρόφον, ἀλλ' οἶον ἐξάνθισμα πυραμικῆς αἴγλης) συντρέχοντες ἐφαίνοντο καὶ τὸ ἐντός τοῦ ναοῦ θυσιαστήριον εὐτρεπί(φ. 323 ν.)ζοντες. Τοσοῦτον δὲ μοι ὁ θεὸς ναὸς ἐκεῖνος εὖρος καὶ μῆκος ἔχειν ἐδόκει, ὡς διάστημα τρισχιλίων σταδίων καὶ πρὸς, περὶ δὲ τοῦ κάλλους καὶ τῆς κατασκευῆς αὐτοῦ καὶ ὠραιότητος πειράσομαι μὲν εἰπεῖν καὶ κατὰ δυνατὸν ἀνθρώπων δηγήσασθαι, δυνησῶμαι δὲ οὐδαμῶς κἂν μυριάκις πειράσω ἑμαυτὸν ἐκφρασίην τινα ποιήσασθαι τῶν αὐτοῦ ἀπορρήτων. Καὶ εὐ μόνον ἐγὼ ὁ ἰδιώτης καὶ πάνυ ἄμωστος πρὸς ταῦτα διαπορήσασαι καὶ ἀφραδία παντελεῖ πεδηθῶ, ἀλλὰ κἂν πάντες οἱ σοφοὶ τῆς γῆς οἱ πᾶσαν τὴν θύραθεν καὶ τὴν ἡμετέραν σοφίαν μεμαθηκότες, εἴπερ ἐν ταύτῳ ἐπισυναγθέντες ἐπιχειρήσουσι καὶ σπουδάσουσι τῇ τοιαύτῃ ἐξηγήσει προσβαλεῖν, οἶμαι οὐδ' αὐτοὶ ἐξισχύσουσιν, ἀλλ' ἐπίσης ἐμοὶ

τῷ ἀφραδεῖ καὶ ἀμαθεῖ διαπορήσωσιν ἂν, ἐπειδὴ τοῖς ὑλικαῖς ἡμῖν τοῦτο πάμπαν ἀδύνατον. Ἴνα δὲ μὴ παντελῶς πάντα λήθῃς χωρίοις παραπέμψω καὶ ὡς ὁ ὀκνηρὸς δεῦλος ἐκεῖνος κατακριθῶ, ὅς λαβῶν παρὰ τοῦ δεσπότητος τὸ τάλαντον εἰς γῆν κατέκρυψεν (f. 324 γ.) ἀπραγμάτευτον, ἐκ τῶν πολλῶν ὀλίγα συνείς ἡμῖν ὡς ἐφικτὸν διηγήσομαι, τὴν τοῦ θείου Πνεύματος ἄνωθεν συνεργίαν προσκαλεσάμενος.

Ἦν δὲ ὁ θεὸς καὶ τοιοῦτος ναὸς σταυροειδὲς μὲν ἔχων τὸ σχῆμα τετράτρουλος δὲ καὶ εὐμήκης ἀνεΐκαστος καὶ ἀκατάληπτος τῇ θέσει καὶ τῇ οἰκοδομῇ φωτεινότερος τοῦ παρ' ἡμῖν ἡλίου τούτου τοῦ ποτὲ μὲν ἀνίσχοντος, ποτὲ δὲ δύνοντος, καὶ ποτὲ μὲν φαίνοντος, ποτὲ δὲ καὶ ἀμαυρουμένου, ἀλλὰ ἐπταπλασίως τούτου ὑπερλάμποντος ἐκεῖνου ἀφθάρτου καὶ ἀδύτου ἡλίου· τρινάρθηξ, ἐξάλλους ἔχων τοὺς νάρθηκας καὶ παρὰ τούτοις ἕτερα προπύλαια, τρία βήματα παράλληλα, καὶ προθέσεις ὡσαύτως ἰσαρίθμους, ἐμβόλους τέσσαρας ἐν τοῖς πλαγίαις, καὶ προνάους δύο· ἡ δὲ τούτου οἰκοδομὴ δακτύλῳ Θεοῦ δεδημουρημένη, τῷ δὲ κάλλει καὶ τῇ μαρμαρυγῇ καὶ ταῖς πολυφαιδρῶσι συμπλοκαῖς τῶν ποικιλομορφῶν λίθων καὶ ξέναις τεχνουργίαις καὶ ἀνεξιγνιάστοις μηχανῶν (f. 324 ν.) καὶ καλλωπίσμασι καὶ ταῖς λοιπαῖς ὠραιότησι καὶ φαιδρότησιν ὅλος ἄρρητός τε καὶ ἀνέκφραστος πέφυκε. Τέως δὲ κατασκευαστικὴν ἔχειν ἐδόκει ἀντὶ μὲν πηλοῦ τιτανιαίου χυσίον καθαρὸν πυρεύριζον, ἐνὸς δὲ καὶ ἄργυρος δόκιμος καὶ μαργάρων οἱ τιμιώτεροι, ἀντὶ λίθων οἰκοδομικῶν ἐκ τῶν δώδεκα τιμίων λίθων οἱ τιμιώτεροι πάσης εὐχρείας ἐξηλλαγμένοι καὶ ὑπερανθοῦντες στοιχηδὸν συντεθειμένοι καὶ συναρμοσθημένοι τῇ ἀρχιτεκτονίᾳ τοῦ παναγίου Πνεύματος δομον ἐπὶ δομον ἑτερόχρων παρὰ τῶν συμπαρακειμένων ἀπετέλουν καὶ μαρμαρυγὴν αἰγλης ἐκ τῶν διαφορῶν χροῶν σύμμικτον καὶ ὑπεράβητον ἐπέπεμπον· ἡ δὲ θεῖα καὶ ἄρρητος χάρις τοῦ ἱεροῦ τόπου καὶ θείου ναοῦ καὶ ἡ τοιαύτη ὑλαία οἰκοδομὴ δίκην ὑέλου ἢ μάλλον εἰπεῖν καὶ τούτου φανώτερον τοῖς ἐξωθεν ἐστῶσι τὰ ἐνδοθεν τοῦ ναοῦ παρεῖχε τηλαυγῶς καθορᾶν, καὶ τοῖς ἐνδόν οὖσιν ἰσοτρόπως τὰ ἐξωθεν ἀκωλύει (f. 325 γ.) τως κατανοεῖν, καὶ φρικτὴ καὶ θάμβους πλήρης ἦν ἡ τούτου κατασκευὴ ἐν τῷ ἑραῶσαι. Οὕτω μὲν καὶ τοιοῦτοτρόπως εἶχον τὰ τῆς οἰκοδομῆς τοῦ ἱεροῦ καὶ θείου τούτου ναοῦ· ὁ δὲ γε πάτος αὐτοῦ καὶ τὸ ἐνδοτερον

θυσιαστήριον και οι αναβαθμοι και ο μέσον αὐτῶν θεϊκός θρόνος τό τε κιβώριον και ἡ τράπεζα και τὰ λοιπὰ ἀκολουθῶς τῶν παρ' ἡμῖν θεῶν ναῶν κάκεισε ὄντα εἰκασίαν τινά ἀπό τῶν ἐπιγείων και ὧν τὴν γινῶσιν ἔχομεν ἡμεῖς κατάλληλον κέκτηνται, ἵνα διὰ τῆς ὁμοίου παραθέσεως ἀμυδρῶς πῶς τὰ ἐν αὐτῇ δηλωθῇ. Ἦσαν δὲ ταῦτα πάντα, ὡς ἐγὼ ὁ ἀνάξιος διὰ τῶν τιμῶν εὐχῶν τοῦ μεγίστου και θεράπωντος Χριστοῦ και ἀγίου μου πατρὸς Βασιλείου εἶδον και πεπληροφόρημαι, Πνεύματος ἀγίου πεπληρωμένα, και αὐρά τις ὑπέπνει και ἐπεπόλαζεν ἐκάστῃ μέρει τοῦ ναοῦ κατάλληλος· ὁ δὲ πάτος περὶ λευκῶ και ἐξάλλασσοντι ἐσπαργάνωτο και ἐδόκει ὡς ἡ θάλασσα κυματίζει· ἀντὶ δὲ κίονος νεφέλαι γιονοειδεῖς τὸν ναόν ὑπῆρειδον, τό δὲ ἄ(f. 325 v.) γιον θυσιαστήριον και τὰ ἐν αὐτῷ πάντα ἀστραπημόρφους και φρικταῖς ζωτοχυσίαις τοῦ θεῖου Πνεύματος μυριοπλασίως ἐπεκαλύπτετο, και τὰ ἐν αὐτῷ οὐκέτι ὑλικά ἡμῖν ἐδόκει εἶναι ὡς τὰ λοιπὰ, ἀλλὰ πνευματικά και θεῖα ἐγρημάτιζον κατανοεῖσθαι.

Ἐπεὶ δὲ οἱ προῤῥηθέντες θεοὶ νεανίσκοι διακόνων τάξιν ἀποπληροῦντες τὰ πάντα ἠντρέπισαν και τὸ Εὐλόγησον Δέσποτα ἀπεπληρώκασι κεκραγότες, ἰδοὺ αὐτός ὁ Κύριος και Θεός ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστός ὠρᾶτο ἐφεζόμενος ἐπὶ τοῦ μεγίστου φρικτοῦ και πυρφόρου και πυρμόρφου θρόνου τῶν ἀναβάθμων, και οἱ πρόκριτοι αὐτοῦ δώδεκα μαθηταὶ συγκαθεζόμενοι αὐτῷ ἐπὶ θρόνων θεϊκῶν δώδεκα, ἐξ μὲν ἰσταμένων ἐκ δεξιῶν τοῦ δεσποτικοῦ και θεῖου θρόνου, τῶν δὲ ἐτέρων ἐξ εὐωνύμων αὐτοῦ. Καὶ φησὶν ὁ Κύριος τοῖς διακόνοις ἐκείνοις· Καλέσατε πάντας τοὺς ἐκλεκτοὺς μου ἐνταῦθα· και ἅμα τῷ λόγῳ αὐτοῦ εἰδασάμεθα νεανίαν τινά ὠραιμορφον, ἀστραπὴν περιεζοσμένον, σταθέντα (f. 326 r.) ἐπὶ τὸ μέσον τῆς ἀγίας πολέως ἐν τινι ὑπερανιστηκῶτι σκοπῷ, σάλπιγγα χρυσήλατον ἐπὶ χεῖρας κατέχοντα και ἐνάρθρως οὕτως σάλπιζοντα· Δεῦτε, οἱ εὐλογημένοι τοῦ Πατρὸς μου, ἐν τῷδε θεῖῳ ναῷ τῆς ἀγίας ὁδοῦς μου θυσίαν καινήν ἐν εὐφροσύνῃ ἐπιτελέσωμεν. Καὶ ἐκ τρίτου τὸν αὐτὸν λόγον κεκραγῶς ὁ θαυμαστός νεανίας ἐκεῖνος διὰ τῆς σάλπιγγος, κατῆλθε τοῦ σκοποῦ· ἀπό δὲ τῆς κραυγῆς τῆς φωνῆς τῆς σάλπιγγος ἐξῆλθον πάντες οἱ ἀπ' αἰῶνος ἅγιοι και δίκαιοι και ἤρχοντο πρὸς τὸν περιβόητον ἐκεῖνον και ἐξαισίον θεῖον ναόν, ὡσπερ

τῷ ἀφραδεῖ καὶ ἀμαθεῖ διαπορήσωσιν ἂν, ἐπειδὴ τοῖς ὑλικαῖς ἡμῖν τοῦτο πάμπαν ἀδύνατον. Ἴνα δὲ μὴ παντελῶς πάντα λήθῃς χωρὶς παραπέμψω καὶ ὡς ὁ ὀκνηρὸς δούλος ἐκεῖνος κατακριθῶ, ὡς λαβῶν παρὰ τοῦ δεσπότης τὸ τάλαντον εἰς γῆν κατέκρυψεν (f. 324 r.) ἀπραγμάτευτον, ἐκ τῶν πολλῶν ὀλίγα συνείς ὑμῖν ὡς ἐφικτὸν διηγήσομαι, τὴν τοῦ Θεοῦ Πνεύματος ἄνωθεν συνεργίαν προσκαλεσάμενος.

Ἦν δὲ ὁ θεὸς καὶ τοιοῦτος ναὸς σταυροειδῆς μὲν ἔχων τὸ σχῆμα τετράτρουλος δὲ καὶ εὐμήκης ἀνείκαστος καὶ ἀκατάληπτος τῇ θέσει καὶ τῇ οἰκοδομῇ φωτεινότερος τοῦ παρ' ἡμῖν ἡλίου τούτου τοῦ ποτὲ μὲν ἀνίσχοντος, ποτὲ δὲ δύνοντος, καὶ ποτὲ μὲν φαίνοντος, ποτὲ δὲ καὶ ἀμαυρουμένου, ἀλλὰ ἐπταπλασίως τούτου ὑπερλάμποντος ἐκείνου ἀφθάρτου καὶ ἀζύτου ἡλίου· τρινάρθηξ, ἐξάλλους ἔχων τοὺς νάρθηκας καὶ παρὰ τούτοις ἕτερα προπύλαια, τρία βήματα παράλληλα, καὶ προθέσεις ὡσαύτως ἰσαρίθμους, ἐμβόλους τέσσαρας ἐν τοῖς πλαγίαις, καὶ προνάους δύο· ἡ δὲ τούτου οἰκοδομὴ δακτύλῳ Θεοῦ δεδημιουργημένη, τῷ δὲ κάλλει καὶ τῇ μαρμαρυγῇ καὶ ταῖς πολυφαιδρείς συμπλοκαῖς τῶν ποικιλομορφῶν λίθων καὶ ξέναις τεχνουργίαις καὶ ἀνεξιχνιάστοις μηχανί(f. 324 v.)καῖς καλλωπίσμασι καὶ ταῖς λοιπαῖς ὠραιότησι καὶ φαιδρότησιν ὅλος ἄρρητός τε καὶ ἀνέκφραστος πέφυκε. Τέως δὲ κατασκευαστικὴν ἔχειν ἐδόκει ἀντὶ μὲν πληροῦ τιτανιαίου χρυσίῳ καθαρόν πυρρῦρίζον, ἐνείς δὲ καὶ ἄργυρος δόκιμος καὶ μαργάρων οἱ τιμιώτεροι, ἀντὶ λίθων οἰκοδομικῶν ἐκ τῶν δώδεκα τιμίων λίθων οἱ τιμιώτεροι πάσης εὐχρείας ἐξηλλαγμένοι καὶ ὑπερανθεύοντες στοιχηδόν συντεθειμένοι καὶ συναρμοσθημένοι τῇ ἀρχιτεκτονίᾳ τοῦ παναγίου Πνεύματος ὁμοιον ἐπὶ ὁμοιον ἑτερόχρων παρὰ τῶν συμπαρακειμένων ἀπετέλουν καὶ μαρμαρυγὴν αἰγλης ἐκ τῶν διαφόρων χροῶν σύμμικτον καὶ ὑπεράρρητον ἐπέπεμπον· ἡ δὲ θεία καὶ ἄρρητος χάρις τοῦ ἱεροῦ τόπου καὶ Θεοῦ ναοῦ καὶ ἡ τοιαύτη ὑλαία οἰκοδομὴ δικτὴν ὑέλκυ ἢ μάλλον εἶπειν καὶ τούτου φανώτερον τοῖς ἔξωθεν ἐστῶσι τὰ ἐνδοθεν τοῦ ναοῦ παρεῖχε τηλαυγῶς καθορᾶν, καὶ τοῖς ἐνδόν οὖσιν ἰσοτρόπως τὰ ἔξωθεν ἀκωλύ(f. 325 r.)τως κατανοεῖν, καὶ φρικτὴ καὶ θάμβους πλήρης ἦν ἡ τούτου κατασκευὴ ἐν τῷ ἑρασθαί. Οὕτω μὲν καὶ τοιοῦτοτρόπως εἶχον τὰ τῆς οἰκοδομῆς τοῦ ἱεροῦ καὶ Θεοῦ τοῦδε ναοῦ· ἐ δὲ γε πάτος αὐτοῦ καὶ τὸ ἐνδοτερον

θυσιαστήριον και οι αναβαθμοι και ο μέσον αὐτῶν θεϊκός θρόνος τὸ τε κιβώριον και ἡ τράπεζα και τὰ λοιπὰ ἀκολουθῶς τῶν παρ' ἡμῖν θεῶν ναῶν κάκεισε ὄντα εἰκασίαν τινά ἀπὸ τῶν ἐπιγειῶν και ὧν τὴν γνῶσιν ἔχομεν ἡμεῖς κατάλληλον κέκτηνται, ἵνα διὰ τῆς ὁμοίου παραθέσεως ἀμυδρῶς πως τὰ ἐν αὐτῇ δηλωθῇ. Ἦσαν δὲ ταῦτα πάντα, ὡς ἐγὼ ὁ ἀνάξιος διὰ τῶν τιμῶν εὐχῶν τοῦ μεγίστου και θεράποντος Χριστοῦ και ἀγίου μου πατρός Βασιλείου εἶδον και πεπληροφόρημαι, Πνεύματος ἀγίου πεπληρωμένα, και αὐρά τις ὑπέπνει και ἐπεπόλαζεν ἐκάστῳ μέρει τοῦ ναοῦ κατάλληλος· ὁ δὲ πάτος περὶ λευκῶ και ἐξάλλασσοντι ἐσπαργάνωτο και ἐδόκει ὡς ἡ θάλασσα κυματίζειν· ἀντὶ δὲ κίονος νεφίλαι γιονσειδεῖς τὸν ναὸν ὑπῆρειδον, τὸ δὲ ἄ(f. 325 v.) ἦγον θυσιαστήριον και τὰ ἐν αὐτῷ πάντα ἀστραπημόρφους και φρικταῖς φωτοχυσίαις τοῦ θεῖου Πνεύματος μυρισπλασίως ἐπεκαλύπτετο, και τὰ ἐν αὐτῷ οὐκέτι ὑλικὰ ἡμῖν ἐδόκει εἶναι ὡς τὰ λοιπὰ, ἀλλὰ πνευματικὰ και θεῖα ἐγρημάτιζον κατανοεῖσθαι.

Ἐπει δὲ οἱ προρρηθέντες θεῖοι νεανίσκοι διακόνων τάξιν ἀποπληροῦντες τὰ πάντα ἠντρέπισαν και τὸ Εὐλογησον Δέσποτα ἀπεπληρώκασι κεκραγότες, ἰδοὺ αὐτός ὁ Κύριος και Θεὸς ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστός ὠρᾶτο ἐφεζόμενος ἐπὶ τοῦ μεγίστου φρικτοῦ και πυρφόρου και πυρμόρφου θρόνου τῶν ἀναβάθμων, και οἱ πρόκριτοι αὐτοῦ δώδεκα μαθηταὶ συγκαθεζόμενοι αὐτῷ ἐπὶ θρόνων θεϊκῶν δώδεκα, ἐξ μὲν ἰσταμένων ἐκ δεξιῶν τοῦ δεσποτικοῦ και θεῖου θρόνου, τῶν δὲ ἐτέρων ἐξ εὐωνύμων αὐτοῦ. Καὶ φησὶν ὁ Κύριος τοῖς διακόνοις ἐκείνοις· Καλέσατε πάντας τοὺς ἐκλεκτοὺς μου ἐν ταῦθα· και ἅμα τῷ λόγῳ αὐτοῦ ἰδεασάμεθα νεανίαν τινά ὠραιμορφον, ἀστραπὴν περιεζοσμένην, σταθέντα (f. 326 r.) ἐπὶ τὸ μέσον τῆς ἀγίας πολέως ἐν τινι ὑπερανεστηκότι σκοπῷ, σάλπιγγα γρυσήλατον ἐπὶ γείρας κατέγοντα και ἐνάρθρως οὐτωσὶ σαλπίζοντα· Δεῦτε, οἱ εὐλογημένοι τοῦ Πατρὸς μου, ἐν τῷδε θεῖῳ ναῷ τῆς ἀγίας ὁδοῦς μου θυσίαν καινήν ἐν εὐφροσύνῃ ἐπιτελέσωμεν. Και ἐκ τρίτου τὸν αὐτὸν λόγον κεκραγῶς ὁ θαυμαστός νεανίας ἐκεῖνος διὰ τῆς σάλπιγγος, κατῆλθε τοῦ σκοποῦ· ἀπὸ δὲ τῆς κραυγῆς τῆς φωνῆς τῆς σάλπιγγος ἐξῆλθον πάντες οἱ ἀπ' αἰῶνος ἅγιοι και δίκαιοι και ἤρχοντο πρὸς τὸν περιβόητον ἐκεῖνον και ἐξαισίον θεῖον ναὸν, ὡσπερ

αἱ τοὶ τινες ὀξύπτεροι καὶ περιστερεὶ φωτωεῖδεις καὶ λαμπραὶ· ἐν δὲ τῷ πορεύεσθαι αὐτοὺς ἐκεῖσε, ἀνέβαινον ἀπὸ τῆς θαλάσσης τοῦ πυρὸς αἱ βοαὶ τῶν ἐν αὐτῇ ἐγκυβιστευόντων ἀμαρτωλῶν εἰς τὰ ὄντα αὐτῶν, καὶ ἐδόκουν ὑπὸ συμπαθείας τὰ σπλάγχνα δονεῖσθαι καὶ ὥστερ ἄλγεῖν· καὶ φησὶν ὁ Κύριος· Οὐ χρὴ αἰῶνιον πά(φ. 326 ν.)θος ἐν ἀτελευτήτῳ εὐφροσύνῃ καὶ ἀπεράντῳ θυμηδία ἐξακουέσθαι. Καὶ ἐκτείνας τὴν ἀχραντον αὐτοῦ δεξιάν ἐσφράγισε πᾶσαν τὴν φοβερὰν τοῦ ἀτελευτήτου πυρὸς ἐκείνου θάλασσαν· καὶ εὐθέως προήγγισε καὶ συνηρμώσθη καὶ συνουλώθη χεῖλος αὐτῆς πρὸς χεῖλος ἕτερον, καὶ ἐπεκαλύφθη καὶ ἀπεκρύβη διὰ τῆς ξηρᾶς γῆς τῆς καινῆς ἐκείνης ἅπασα ἡ θάλασσα τοῦ πυρὸς, καὶ οὐκέτι οὐδαμῶς ἴχνος αὐτῆς καταφαίνετο, ἀλλὰ μονότροπος ἦν πᾶσα ἡ τῆς ἐπαγγελίας γῆ ἐκείνη, καὶ οὐκέτι οὐδὲν ὠρατο ἐν αὐτῇ λυπηρόν. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ πάντας αὐτοὺς ἐπὶ τὸν θεῖον καὶ φρικωδέστατον ἐκεῖνον ναὸν συνεισελθεῖν καὶ τοῦ Κυρίου καθεζομένου ἐπὶ θρόνου ἁγίου αὐτοῦ καὶ πάντων τῶν ἁγίων ἀγγέλων καὶ ἀρχαγγέλων ἐν φόβῳ καὶ τρόμφῳ παρισταμένων καὶ δορυφορούντων αὐτῷ, ὀρώμεν, καὶ ἰδοὺ ἡ μεγάλη βασίλισσα καὶ Μήτηρ αὐτοῦ ἐξιοῦσα τοῦ ὑπερουσίου θαλάμου τῆς θείας δόξης αὐτῆς παρέστη ἐκ δεξιῶν (φ. 327 γ.) τοῦ μεγάλου βασιλέως καὶ Υἱοῦ αὐτῆς, περιβεβλημένη στολὴν δόξης θεικῆς καὶ τὴν κεφαλὴν αὐτῆς ἐστεμμένη τῷ τοῦ Υἱοῦ αὐτῆς στεφάνῳ τῷ δοθέντι αὐτῇ, ὡς προεῖρηται, ὅλη καλὴ καὶ ὠραία, ὅλη κεκαλλωπισμένη καὶ πεποικιλμένη δόξη θεικῆς ὠραιότητος, ὅλη φαεινὴ καὶ ἐξαστράπτουσα ὑπὲρ τὰς τοῦ ἡλίου μαρμαρυγὰς· μεθ' ἧς συνεισῆι καὶ ὁ ἐξοχώτατος καὶ πάντων πρόκριτος πρόδρομος καὶ βαπτιστῆς Ἰωάννης, δόξη ἀρρήτῳ λελαμπρυσμένος, εἶτα οἱ ἐβδομήκοντα ἀπόστολοι φῶς ἄρρητον ἐνδεδυμένοι καὶ διαλάμποντες, μεθ' ὧν καὶ οἱ πανένδοξοι καὶ θεοεῖδεις μάρτυρες καὶ σὺν αὐτοῖς πάντες ὅσοι καὶ δίκαιοι, κατ' ἀξίαν ἕκαστον τάγμα αὐτῶν εἰσῆι, ὅλοι λελαμπρυσμένοι, ὅλοι δεδοξασμένοι δόξη ἀκαταλήπτῳ καὶ ἀνεκδιηγήτῳ, αἰγλῆν ἄρρητον καὶ ἀνεξιχνίαστον ἄλλην ἄλλος ἀναλόγως τῇ ἰδίᾳ αὐτῶν δικαιοσύνῃ καὶ καθαρότητι ἀποστιλβόντες· ἕκαστος οὖν αὐτῶν (φ. 327 ν.) ἐπικωμίζομενος δῶρα ταῖς χερσὶν εἰσῆι καὶ προσέφερε ταῦτα καὶ τῷ Κυρίῳ προσεκόμιζεν, ἕτερος τοῦ ἐτέρου τὴν ὠραιότητα κατανοῶν καὶ ὑπερεκπληττόμενος· καὶ

μετά τὴν τῶν δώρων αὐτῶν εἰσκομιδὴν ἀπῆει ἕκαστος αὐτῶν καὶ ἴστατο εἰς τὸν ἀφωρισμένον τόπον αὐτοῦ. Καὶ εὐθύς φῶς ἄρητον ἀνήπτε καὶ εὐφροσύνη ἀνείκαστος ἐν ταῖς καρδίαις αὐτῶν, ἀπὸ δὲ τῆς βλυζούσης ἐν αὐτῇ ἀγαλλιάσεως οὐκ ἠδύναντο ὅλως ἐγκρατεῦσθαι, κατανοοῦντες τὴν ἐν τῷ θείῳ ναῷ πεφυκυῖαν πνευματικὴν ὠραιότητα καὶ θείαν ἀγαλλίασιν. Καὶ γὰρ ἦν ἐκεῖ πεφυτευμένη εὐφροσύνη καὶ χαρὰ αἰδούς, ἐκεῖ πλουσίως ἀνέβλυζεν ἡ εἰρήνη τοῦ τρισυποστάτου Θεοῦ ὡσπερ μέλι γλυκάζον, ἐκεῖ ἦν ἀγάπη πλουσιπαρόχως ἔχουσα καὶ τὰς τῶν ἀγίων καρδίας εἰσβάλλουσα, ἐκεῖ ἦν ἔφεσις ἀσύγκριτος τοῦ αἰεὶ ὄντος καὶ ζῶντος καὶ διαμένοντος εἰς τοὺς αἰῶνας· καὶ ἐνίοτε μὴ δυνάμενοι ἐγκρατεῦσθαι ἀπὸ τῆς ἀφάτου χαρμονῆς καὶ θυμηδίας, μεθ' ἡδονῆς σικρῶντες ἐκέκραγον (f. 328 γ.) εὐχαριστηρίους ἄδοντες ψῆδας.

Καὶ πλησθέντος τοῦ θείου τοῦδε καὶ ὑπερουρανίου ναοῦ ἀπὸ τῶν εἰσιόντων ἐν αὐτῷ υἱῶν τοῦ Θεοῦ καὶ δῶρα νοητὰ πνευματικὰ προσφερόντων, ὡσπερ εἴρηται, κατῆει τοῦ ἐνδοξοῦ θρόνου αὐτοῦ ὁ Κύριος τὴν μυστικὴν ἐκτέλεσιν ἱερουργίαν· καὶ ἰδοὺ Χερουβίμ καὶ Σεραφίμ φόβῳ καὶ τρόμῳ κύκλῳ αὐτοῦ παριστάμενα διηκόνουν αὐτῷ καὶ τὸν τρισάγιον ὕμνον σὺν ἡδονῇ καὶ θάμβει ἀνέπεμπον. Καὶ ἰδοὺ τὰ λοιπὰ ἀγγελικὰ τάγματα πάντα κύκλῳ τοῦ θυσιαστηρίου παρειστήκεισαν, οἱ δώδεκα ἀπόστολοι συλλειτουργοῦντες ἦσαν τῷ Κυρίῳ· τὰ γοῦν ῥήματα τῶν ἐκφωνήσεων καὶ τῆς λοιπῆς ἀκολουθίας τῆς θείας λειτουργίας ἀ τινικαῦτα προσεφέροντο ἐμοὶ μὲν, ὡς ἐτι δεσμίῳ ὄντι τῇ φθορᾷ καὶ τοῖς σαρκικαῖς πάθεσι περιφερομένῳ, ἀνέκφραστα πάντη καὶ ἀκατάληπτα ἐτύγγαλλον, ὡς μὴ σημειώσασθαι καὶ καταλαβεῖν τι τῶν ἐκεῖ λεγομένων καὶ ἄδομένων· τοῖς δὲ ἐκεῖσε οὖσι πᾶσιν ἐκλεκτοῖς (f. 328 ν.) καὶ συγκληρονόμοις τῆς δόξης τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ πάντα σαφῆ καὶ εὐληπτα καὶ ἡδονῆς ἀφάτου παραίτια· ἀντεφώνουν γὰρ καὶ τὰ τῶν ἀγίων τάγματα πάντα τῶν ἀγγέλων ἐν τῷ ψάλλειν, καὶ πάλιν ὑπέψαλλον ἀρχόμενα τὸν ὕμνον τὰ ἀγγελικὰ στρατεύματα καὶ ἀντεπῆδον αὐτοῖς πάντες οἱ ἅγιοι. Ἐφρίξε τοιγαροῦν ἐπὶ τῇ φθογγῇ τούτων καὶ τοῖς τελουμένοις θαυμασίαις ἐξαισίως καὶ φρικτῶς ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ, καὶ διεχύθη ταῖς τῶν ἀγίων καρδίας δρό-

σος νοητῆ ἀθάνατος ἐκ τῶν πηγῶν τοῦ παναγίου Πνεύματος, καὶ ἐγεγήθεισαν ἅπαντες καὶ ὡσανεὶ ἐγέλων γέλωτα θεῖον τῶ ὄντι καὶ πνευματικόν. Ἐπεὶ δὲ ὁ καιρὸς τῆς μεταλήψεως ἤγγικε, μετεδίδου αὐτοῖς ὁ Κύριος ἐκ τοῦ πνευματικοῦ καὶ θείου μάννα τῆς ἑαυτοῦ θείας ζωῆς καὶ ἐπότιζεν αὐτοὺς ἀπὸ τοῦ νοητοῦ καὶ πνευματικοῦ μύρου τῆς θεότητος αὐτοῦ. Καὶ ἰδοὺ πάντες ἐνεπλήσθησαν καὶ ἐμεθύσθησαν δόξῃ ἀρρήτων καὶ θεικῇ εὐφροσύνῃ καὶ ἐπληρώθησαν γαυριάματος (f. 329 r.) θείου φίλτρου καὶ γεγόνασιν ἀνάπλεσι ἔρωτος θεουργικοῦ· ὁ δὲ Κύριος προσέθετο ἐκδικήσασθαι τοὺς ἀγαπητοὺς καὶ ἐκλεκτοὺς αὐτοῦ ἀπὸ τῶν κρυφίων μνήσεων τῆς ἀιδιότητος καὶ τῆς μεγαλοσύνης αὐτοῦ, καὶ εὐθέως ἐσοφίσθησαν καὶ ἐπληρώθησαν πάντες ἀπὸ τῆς ἀποκρύφου σοφίας καὶ τῆς τῶν ἀκαταλήπτων κριμάτων αὐτοῦ μνήσεως, καὶ ἐδεδώθησαν καὶ ἐδοξάσθησαν καὶ χρηστοὶ Κυρίου καὶ συγκληρονόμοι καὶ ἀδελφοὶ τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς τῆ αὐτοῦ εὐδοκία καὶ χάριτι καὶ τῆ τοῦ παναγίου Πνεύματος συνεργία γεγόνασι.

Καὶ τέλος μὲν τοιόνδε ἡ τοιαύτη καινὴ θυσία ἔσχε· μετὰ δὲ τὸ τελεσθῆναι αὐτήν, ἐξήεσαν ἐκεῖθεν πάντες οἱ ἄγιοι καὶ πᾶσαι αἱ θυγατέρες τῆς νέας Ἱερουσαλὴμ προπορευομένου πάντων καὶ προηγουμένου αὐτοῦ τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, καὶ ἀπήρχοντο πρὸς τὰ ἐρασμιώτατα καὶ ὠραιόμορφα φρικωδέστατα παλάτια, ἃ ὑπήρχον κατὰ ἀνατολὰς τῆς ἁγίας αὐτῆς Σιών (f. 329 v.) ὠκοδομημένα πλησίως τῶ προρρηθέντι θείῳ καὶ πανσέπτῳ ναῷ τοῦ ἁγίου τῶν ἁγίων, ἃ ἔσχον εἰς τὸν μέσον θεῖον καὶ ὡς ἀληθῶς ἀσύγκριτον θάλαμον, περὶ οὗ διηγήσασθαι τι εὐ δεδύνημαι, πλὴν ὅτι εἶδόμεν Χερουβὶμ καὶ Σεραφὶμ παριστάμενα ἐπὶ τῆς ἀνεκλαλήτου πύλης αὐτῶν ὡς αἰεὶ ἐκεῖσε παρεδρεύοντα καὶ φυλάττοντα φυλακὰς αὐτῶν. Ὡσαύτως ὠρᾶτο ἡμῖν ἐν τοῖς τριούτοις φρικτοῖς παλατίοις νυμφῶν φρικωδέστατος καὶ παστάς ἀσύγκριτος χερουβικὸς πτέρυξι καὶ θρόνοις καὶ ἀρχαῖς καὶ ἐξουσίαις καὶ κυριότησι καὶ ἀγγελικαῖς ὑμνωδίαις καὶ φρικταῖς λειτουργίαις κατακαλυνομένη καὶ δεδοξασμένη καὶ ἐν ἀσυγκρίτῳ φαιδρότητι καθωραιομένη· κατενώπιον δὲ τῆς θεικῆς ταύτης καὶ ἀνεκλαλήτου παστάδος τράπεζά τις φρικτὴ καὶ ὑπὲρ ἔννοιαν ἀσύγκριτος τῆ ὠραιότητι ἴστατο

ἔχουσα ἐπικείμενα ἄλλα νοητὰ ἀγαθὰ, ὧν οὐκ ἦν ἀριθμὸς, ἀλλ' οὐδὲ εἰκασμὸς ἀπὸ τῶν παρ' ἡμῖν ἐπι (f. 330 r.) γείων ἀγαθῶν προσαρμύζων αὐτοῖς παρῆν· τοῦτο δὲ μόνον ἐκ τῆς θέας αὐτῶν ἐγνωκα προσγίνεσθαι τοῖς εἰς αὐτὰ ἀτενίζουσι, τὸ μὴ λαμβάνειν κόρον τῆς θέας καὶ θυμηδίας αὐτῶν, μηδὲ θέλειν εἰς τὸ παντελὲς τὸ τῆς διανοίας ὄμμα ἀπ' αὐτῶν ἀφιστᾶν καὶ ἀλλαγῶσε ἀπασχολεῖν. Καὶ ἰδοὺ πάλιν ἑτέρα τράπεζα καθωρᾶτο ἡμῖν παραπλησίως ταύτῃ, φρικωδεστάτῃ, πλήρης οὐσα καὶ αὐτὴ ἀνεκλαλήτων καὶ θείων νοητῶν ἀγαθῶν· ἦν δὲ αὕτη ἡτοιμασμένη, ὡς ὁ ὁδηγῶν με θεὸς ἄγγελος εἶρηκε, τοῖς δώδεκα προκρίτοις μαθηταῖς καὶ ἀποστόλοις τοῦ Κυρίου. Καὶ ἰδοὺ ἑτέρα ὡσαύτως τοῖς ἐβδομήκοντα καὶ ἄλλη παραπλησίως τῶν ἱεραρχῶν, ἑτέρα τῶν ἐνδόξων μαρτύρων καὶ ἀδλοφόρων Χριστοῦ, ἄλλη τῶν ὁσίων, ἐκάστου γὰρ τάγματος τῶν ἁγίων ἀναλόγως τράπεζα ἐκεῖσε βριθούσα τῶν ἀφθάρτων καὶ αἰωνίων ἀγαθῶν ἡμῖν καθωρᾶτο, καὶ περὶ αὐτὰς ἦσαν ὑπηρέται καὶ διάκονοι χρυσότριχοι, φωτόμορφοι καὶ καλ(f. 330 v.) λιπρεπεῖς νεανίαί, ἀσύγκριτον τὴν ὠραιότητα καὶ τὴν τάξιν τῆς ἐτοιμασίας κεκτημένοι. Καὶ ἰδοὺ ὁ Κύριος ἐξῆει ἀπὸ τῶν θείων ἀδύτων αὐτοῦ καὶ ἔκκεν ἀνακλιθῆναι εἰς τὴν πνευματικὴν ἰστίασιν μετὰ τῶν φίλων αὐτοῦ, καὶ συνείποντο αὐτῷ ἢ τε δέσπεινα πάντων καὶ Μήτηρ αὐτοῦ, ὁ θεὸς Πρόδρομος, οἱ δώδεκα αὐτοῦ μαθηταὶ καὶ πάντες οἱ πρὸ νόμου καὶ ἐν νόμῳ λάμπαντες κατὰ γενεάς καὶ γενεάς αὐτῶν ἅγιοι καὶ ἡ ἐξ ἔθνῶν νυμφευθεῖσα αὐτῷ ἐκκλησία, ἦτοι οἱ εὐσεβῶς πιστεύσαντες εἰς τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν καὶ βαπτισθέντες εἰς τὸ ὄνομα τῆς ὁμοουσίου Τριάδος καὶ καθαρὰν τὴν πίστιν φυλάξαντες μέχρι τέλους ζωῆς αὐτῶν. Καὶ τούτων οἱ μὲν εἰσήεσαν εἰς τὴν παστάδα τοῦ νοητοῦ καὶ ἀκηράτου νυμφῶνος ἐπὶ τὸ ἀνακλιθῆναι εἰς τὸν πνευματικὸν γάμον τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ, ὁ δὲ γε Κύριος προσκαλεσάμενος πάντας οὕς εὐδόκησεν ἐπὶ τὴν ἄφραστον ἐκείνην καὶ τερπνὴν ἀγαλλίασιν ἐστολισμένους ὄντας ταῖς δωδεκίαις αὐτοῖς παρ' αὐτοῦ πνευματικαῖς θεῖ (f. 331 r.) αἰς στολαῖς καὶ τοῖς διαδήμασι τοῦ κάλλους κατεστημένους, ἀνεκλιθὴ συνάμα αὐτοῖς ἐπὶ τὰς ἀφορισμένας ἐτοιμασίας, καὶ ἐνευφραίνοντο πάντες ἀρρήτου δόξης καὶ θυμηδίας ἐμπιπλάμενοι· αἱ δὲ πᾶσαι στρατιαὶ τῶν ἁγίων ἀγγέλων παρεστήκεισαν φόβῳ καὶ τρόμφ Κυρίῳ τῷ Θεῷ

καὶ ἐψαλλον καινήν τινα καὶ ἄρρητον ᾠδὴν αὐτῶν, καὶ ἀντεφώνουν αὐτοῖς τὰ Χερουβὶμ καὶ τὰ Σεραφὶμ καὶ πᾶσαι αἱ λοιπαὶ νοεραὶ δυνάμεις περικύκλω ἰστάμεναι, καὶ ἐξηχεῖτο ἐκεῖθεν μέλος ἡδῦ καὶ θαυμαστὸν λίαν, καὶ φωναὶ ἑορταζόντων ἐξηκούοντο, καὶ οὐκ ἦν κόρος τοῖς οὖσιν ἐκεῖ ἀπὸ τῆς θαυμαστῆς ἐκείνης ἡδύτητος. Διηκονοῦντο δὲ ἐν ταῖς χρείαις αὐτῶν πάντες οἱ ἀνακλιθέντες ἐν ταῖς αἰζώοις ἐκείναις τραπέζαις ὑπὸ τῶν νοερῶν καὶ ἀγίων ἀγγέλων τῶν ἐπ' αὐτὸ τοῦτο τεταγμένων ὑπὸ Κυρίου, καὶ ἡσθιον βρῶσιν νοητὸν καὶ αἰώνιον, ἀφ' ἧς διεδίδετο αὐτοῖς εὐφροσύνη καὶ χαρὰ ἀνέκφραστος καὶ ἀκατάληπτος (f. 331 v.)· ἐν δὲ τῷ ἐσθίειν αὐτοὺς καὶ πίνειν τὸ ἀθάνατον νέκταρ, εἰς κόρον ἐμέθυσκον μέδην τινὰ θείαν καὶ ἀλλοίωσιν πνευματικὴν, πληρούμενοι σοφίας καὶ χάριτος θεϊκῆς, γνώσεως φημί τελειοτέρας τῶν ἀποκρύφων μυστηρίων καὶ μυσῶν τῆς ἀγίας καὶ ζωαρχικῆς Τριάδος· τοιοῦτους δὲ ψαλμοὺς ἡδον οἱ τότε παριστάμενοι θεοὶ νόες, οὓς ὁ Θεὸς καὶ Πατὴρ διὰ τοῦ παναγίου αὐτοῦ Πνεύματος συναρμόσας παρέσχεν ἐκάστω τάγματι αὐτῶν ἐπάδειν αὐτοὺς ὡς ἄσμα θείου ὑμεναίου ἐν τοῖς ἀκατάληπτοις καὶ φρικτοῖς γάμοις τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ αὐτοῦ. Καὶ ὀρώμεν αὐτοὺς ὅπως ἐν τῷ ἄδειν τὰ τοιαῦτα ἄσματα ὑπὸ τῆς ἡδονῆς καὶ φρικτῆς αὐτῶν συνθέσεως καὶ συντάξεως ὑπερνικώμενοι καὶ ὑπερεκπληττόμενοι, τῆς συνήθους αὐτῶν εὐτάκτου στάσεως καὶ εὐλαβείας ὡσανεὶ ἐπελανθάνοντο καὶ σκιρτῶντες ὠρῶντο καὶ ἐναγαλλόμενοι ἐγεγείθησαν, δοξάζοντες τὸν ἐξαισία καὶ θαυμαστὰ ἐκτελοῦντα καὶ παράδοξα πράγματα Κύριον τῆς δόξης. Τῆς γοῦν (f. 332 r.) καινῆς ἐκείνης καὶ νοητῆς θοίνης καὶ πνευματικῆς εὐωχίας οἱ ἄγιοι εἰς κόρον ἐμφορούμενοι, τὰ ἐσθιόμενα οὐκ ἠλαττοῦντο παρ' αὐτῶν ἀγαθὰ, ὡς εἶωθε γίνεσθαι ἐπὶ τῇ παρ' ἡμῶν μεταλήψει τῶν ἐπικήρων καὶ φαρτῶν ἐδεσμάτων, ἀλλ' οὕτως ἔμενον ἀμειωτα, ὡσπερ πρὸ τοῦ μηδὲν αὐτῶν ἀψασθαι, ὁμοίως καὶ παραπλησίως τῷ παρ' ἡμῶν πυρὶ καομένῳ, ἀφ' οὗ πάντες μὲν οἱ χρήζοντες ἀρκούντως αὐτοῖς μεταλαμβάνουσιν αὐτοῦ, μείωσιν δὲ ἤτοι ἐλάττωσιν τὴν οἰανοῦν τῆς ἐν αὐτῷ φλογός οἱ ἀνάπτοντες αὐτὸ οὐδαμῶς λαμβάνουσιν, ἢ κάκεινο ποσῶς ἐλαττοῦται τῆς ἑαυτοῦ δραστικῆς καὶ καυστικῆς δυνάμεως.

Ἐπεὶ δὲ τῆς φοικώδους ἐστιάσεως ἐκείνης καὶ πνευματικῆς εὐφρο-

σύνης ἐμφορηθέντες ἀνέστησαν ἅπαντες· παραλαβὼν αὐτοὺς ὁ Κύριος εἰσῆλθεν εἰς τὸν κατὰ ἀνατολὰς τῆς αὐτῆς ἀγίας πόλεως συμπαρακείμενον θεῖον καὶ ὡς ἀληθῶς ἀείζων παράδεισον, προπροενομένης καὶ ἐφεπομένης ἔχων αὐ(φ. 332 v.) τῷ πάσας τὰς οὐρανίους δυνάμεις καὶ ἀγγελικάς. Οὗτος δὲ ἦν ὁ ἐν Ἑδέμ κήπος τοῦ Θεοῦ, ἀφ' οὗ ὁ Ἄδάμ τὴν δεσποτικὴν ἐντολὴν παραβάς ἐξεληλύθει· καὶ τούτων ἐν τούτῳ χωροβατούντων καὶ ταῖς ἐκείσε κάλλεσι καὶ θεάμασι καὶ τῶν ποικίλων ἀνθέων καὶ τῶν ἀθανάτων φυτῶν ἐκ πολυχρῶων εἰδέων ἐνωραϊζομένων, οἱ ὑμνωδοὶ ἄγγελοι οὐκ ἔληγον οὐδαμῶς τῶν θείων ἐκείνων καὶ ἐξαισιῶν ἀσμάτων, ἀλλ' ἐμελπον προσφόρως εὐχαριστηρίους ὕμνους καὶ ψόδας τῷ Κυρίῳ, καὶ ἦν ἐπὶ τούτοις ὄραν χαρμονὴν καὶ δόξαν εὐφροσύνην τε καὶ ἀγαλλίασιν ἄρρητον καὶ αἰδιον, διότι κόρος οὐκ ἦν τῆς ἐφέσεως τῶν ἐκείσε ὀρωμένων ἀνεξιχνιάστων καὶ ἀνεκλαλήτων ἀείζων φυτῶν καὶ τῆς τούτων τερπνότητος καὶ ἡδύτητος, ὅθεν καὶ κορεννύμενοι πάντες τῆς ἡδυτάτης εὐσσμίας καὶ τοῦ κάλλους τοῦ τοιοῦτου θείου καὶ ἀθανάτου παραδείσου εὐχαριστηρίους φωνὰς σὺν τοῖς ἁγίοις ἀγγέλοις ἀνέμελπον Χριστῷ τῷ ἀληθινῷ Θεῷ καὶ δοτῆρι τῶν τοιούτων ἀγαθῶν. Μετὰ δὲ τὸ διοδεῦσαι (f. 333 r.) καὶ ἰδεῖν καὶ ἀνιστορῆσαι τὴν τοῦδε τοῦ θείου παραδείσου τερπνότητα, ὑποστρέφειν ἐδόκουν αὐδὸς πάντες σὺν τῷ Κυρίῳ εἰς τὴν ἁγίαν πόλιν ἀφ' ἧς ἐξήεσαν, οἱ καὶ ἔφησαν πρὸς αὐτόν· Κύριε, δός ἡμῖν καὶ ταύτην τὴν χάριν καθὼς καὶ ταῦτα πάντα διὰ τῆς σῆς ἀπειρου καὶ ἀνεξιχνιάστου ἀγαθότητος ἐδώρησω ἡμῖν, ἵνα ὡσπερ ἐν τῷ ματαίῳ ἐκείνῳ κόσμῳ ὄντες ναοὺς ἐπὶ τῷ ὀνόματί σου ἀνηγείραμεν καὶ ὠκοδομήσαμεν καὶ ἐν τούτοις ἀδροιζόμενοι ὑμνοῦμεν καὶ ἐμεγαλύναμεν τὴν δυναστείαν σου, οὕτω δὴ καὶ ἐνταῦθα γένωνται ἡμῖν διάφοροι ναοὶ ἐπὶ τῷ ἁγίῳ σου ὀνόματι καὶ σκηναὶ καὶ καταπαύσεις κατὰλληλαι καὶ ἀπαράμιλλοι ἐν τῇδε τῇ μακαρίᾳ καὶ ἀφθάρτῳ καινῇ γῆ, ἐν ἣ φῶς ἄληκτον καὶ ζωὴ αἰδὸς πέφυκεν, ὡς ἂν ἐν τούτοις παραβάλλοντες ὑμῶμεν καὶ δοξάζωμεν καὶ ψόδαις καταγεραίρωμεν τὸ πολυύμνητον καὶ πολυθαύμαστον καὶ ὑπερένδοξον ὄνομά σου σὺν τῷ ἀνάρχῳ σου Πατρὶ καὶ τῷ παναγίῳ σου Πνεύματι ἀδιαλείπτως εἰς τοὺς αἰῶνας (f. 333 v.). Καὶ προσσχὼν αὐτοῖς ὁ Κύριος ἐπένευσε καὶ ἐπευδόκησε (κατὰ) τῇ θελήσει καὶ ὑποδοχῇ αὐτῶν, καὶ ἐκτεῖνας τὴν ἄχραντον καὶ παντουρ-

γόν αὐτοῦ δεξιάν ἐσήμανε κατὰ ἀνατολὰς καὶ ἐσφράγισε κατὰ δυσμὰς, κατὰ ἄρκτον καὶ κατὰ μεσημβρίαν, καὶ ἐβόησεν εἰς ἐπήκοον πάντων οὕτως εἰπών· Δεῦτε καὶ ἐμφανίσθητε πάντες οἱ μετεωρισμοὶ τῶν ἁγίων ἐπὶ τὸ αὐτὸ καὶ τὰ ἀγαθὰ καὶ ἐκλεκτὰ καὶ ἀγαπητὰ σκηνώματα τὰ ἀπ' αἰῶνος ἡτοιμασμένα αὐτοῖς. Καὶ εὐθέως ἰδοὺ πᾶσα ἡ γῆ καὶ πᾶς ὁ περὶ αὐτὴν αἰθήρ ἀπὸ περάτων ἕως περάτων αὐτῆς ἀνῆψεν ἐν παραπετάσματι χιονώδους αὔρας λευκῆς καὶ ἐπεκράτησεν ἐφ' ἱκανόν, εἶτα αὐθις ἀνελήφθη εἰς τὸν οὐρανόν, ὥστε μηδὲ ἔχνος αὐτῆς φαίνεσθαι· τὸ δὲ πάγκαλον τῆς διαυγείας τῆς γῆς ἐκείνης πρόσωπον ὅλον καθωρᾶτο δεδοξασμένον καὶ δίκην ἡλίου τηλαυγεστάτου ἀκτῖνας παμφαεῖς ἐκπέμπον καὶ ἀπροσιλβον ἄφατον ἠδονὴν καὶ θυμηδῖαν παρέχον τοῖς ὀρώσιν αὐ(φ. 334 γ.)τό. Καὶ ἰδοὺ ἐν ὅλῳ τῷ ἀδανάτῳ καὶ θείῳ κόσμῳ ἐκείνῳ οἶκοι, παλάτια, θάλαμοι, κοιτῶνες, ἰλαστήρια, εὐκτήρια, ναοὶ καὶ ἄλλοι τινὲς ναοὶ ξένοι καὶ φρικωδέστατοι, οἰκοδομαὶ καὶ κτήσεις ἐμπερίγραπτοι καθωρῶντο κατασκευασμένοι μὲν ἐξ ἀστραπημόρφου θείας νεφέλης, περιπεφραγμένοι δὲ καὶ ἀπ' ἀλλήλων διηρημένοι ὑπὸ περιφραγῆς διαχρύσων σταυρῶν ἐξαισίως καὶ θεοπρεπῶς τετορευμένων. Καὶ ἰδοὺ ἐν αὐταῖς ταῖς αἰωνίαις μοναῖς καὶ κατοικίαις τῶν ἁγίων κλῖναι καὶ στρωματὰ διάφοροι καὶ θρόνοι καὶ τὰ λοιπὰ χρειωδέστατα εἶδη πλοῦσια καὶ φρικτοκατασκευάστα ὑπάρχοντα ἡμῖν κατεφαίνοντο. Καὶ ἰδοὺ ἐν αὐτοῖς πᾶσι τοῖς οἴκοις καὶ τόποις κῆποι νοητοὶ, ἀμπελῶνες πνευματικοὶ, περίαυλαι καὶ στολαὶ φρικταὶ, δένδρα καὶ φυτὰ ἀθάνατα καὶ ἀείζωα, ἀφθαρτόκαρπα ἄνθη καὶ καρποὶ ἐπ' αὐτοῖς ξένης φύσεως, νοῦν καὶ διάνοιαν ἐξιστῶντες καὶ τῇ τῆς μεταλήψεως τούτων τάξει τὴν καρδίαν (φ. 334 ν.) πληροῦντες νοητῆς εὐφροσύνης, ὥστε τὰ περὶ τούτων πάντων εἰ χερουβικόν τις στόμα πλουτήσει καὶ γλώσσαν τῶν Σεραφίμ, οὐδ' οὕτως ἂν ἱκανὸς ἔσται κἄν τὸ πολλοστόν αὐτῶν ἐκδηγήσασθαι καὶ γραφῇ παραδοῦναι. Διένεμεν οὖν ταῦτα πάντα κατὰ ἀναλογίαν τοῖς ἁγίοις ὁ Κύριος, καὶ ἔσχον οὕτοι τὰς τοιαύτας καταπαύσεις ἐν τῇ τῶν πραίων γῆ καὶ ἐν τοῖς ἠδυπνόοις κόλποις αὐτοῖς τοῖς ἀποκληρωθεῖσι τῷ πατριάρχῃ Ἀβραάμ, ὡσπερὶ τινὰ προάστια καὶ μεταβατήρια, ἐν οἷς ἐξερχόμενοι τῆς περιφήμου ἐκείνης καὶ ἐξαισίας πόλεως καὶ ἀλλήλους προσκαλούμενοι, ἐώρταζον πνευμα-

τικὰς ἑορτὰς καὶ ἡγαλλιώντο τῷ πνεύματι καὶ τῇ καρδίᾳ ἠύφραινοντο πνευματικὴν καὶ ἄληκτον εὐφροσύνην. Ἐν ταύτῃ δὲ τῇ νέᾳ καὶ ἀφθάρτῳ κτίσει οὐκ αἰὼν, οὐ χρόνος, οὐχ ἡμέρα, οὐ νύξ ὅλως γνωρίζεται, οὐ τροπαὶ καὶ ἀλλαγαὶ καιρῶν, οὐ χρεῖα ὑετοῦ ἢ θέρμης ἡλιακῆς ἢ κόπου ἢ πείνης (f. 335 r.) ἢ δίψης ἢ τινος ἄλλου τῶν παρ' ἡμῖν, ἀλλ' αἰεὶ εἰρηναία καὶ ἀστασίαστος καὶ ἄλυπος ὑπάρχει ἐκεῖ διαγωγὴ καὶ ζωὴ αἰώνιος καὶ ἀθάνατος. Ἐκεῖ ἀπέδρα πᾶσα ὀδύνη καὶ λύπη καὶ στεναγμός, καὶ χαρὰ πολιτεύεται καὶ εἰρήνη καὶ εὐφροσύνη καὶ ἡ δεινηκῆς πνευματικὴ ἀγαλλίασις· τῶν γὰρ ἐκ νεκρῶν ἀναστάντων σωματίων ἢ διαφθορισθέντων καὶ τῆς νῦν παρ' ἡμῖν οὐσης σαρκικῆς τροφῆς ἀνευδεῶν ἀπάντων γενομένων καὶ ἐκποδῶν πάσης κακίας σὺν τῷ Σατανᾷ καὶ τοῖς δαίμοσιν αὐτοῦ γεγεννημένης, καὶ τῆς καινῆς κτίσεως ἀφθαρσία τιμηθεῖσας καὶ πρὸς κατάλληλον κρᾶσιν τοῖς τοιοῦτοις σώμασι μεταμειφθεῖσας, οὐκέτι λοιπὸν χρεῖα ὕπνου ἐστίν, ἢ κόπου, ἢ ἐργασίας τινὸς σωματικῆς, ἢ ψύχους, ἢ θέρμης, ἢ τινος ἄλλου τῶν παρ' ἡμῖν χρειωδῶν ἐκεῖσε ἐστίν, ἀλλὰ φῶς ἀειλαμπές καὶ ἀπόλαυσις πάντων τῶν νοητῶν ἀγαθῶν, καὶ ἑορτὴ καὶ πανήγυρις ἀκατάλυτος καὶ ἀπέραντος (f. 335 v.). Καὶ οἱ ἐν ταύτῃ τῇ μακαριᾷ γῇ καταξωθέντες οἰκεῖν οὐ γηράσκουσιν, οὐ νοσοῦσιν, οὐκ ἐκπτωσιν ἢ παρατροπῆν τῆς οἰκείας διαγωγῆς καὶ καταστάσεως, ἢ ἑλαχον ἕκαστος αὐτῶν, ὑποδέχεται πῶποτε ἢ ὑποπτέει περιπεσεῖν, ἢ θανάτου φόβος παρῆν αὐτοῖς, οὔτε μὲν ἐχθροῦ νοητοῦ ἢ αἰσθητοῦ ἐπιβουλή καὶ ἐπίδεισις, ἢ τις ἄλλη λυπηρὰ ἐπίνοια ἢ σωματικῆς εὐξίας ἢ ψυχικῆς ἀσθενείας περιφορὰ, ἀλλὰ πάντες ὡς οἱ ἐν τῷ οὐρανῷ ἀγγελοι, οὕτω καὶ οἱ ἐπὶ γῆς ἀνθρωποὶ εἰσι καὶ διάγουσι. Καὶ τὸ αὐτὸ ἔργον ἦν ἀμφοτέροις, λέγω δὴ ἀγγέλαις καὶ ἀνθρώποις, τὸδε ἐστίν, τὸ τῶν θείων ὕμνων καὶ τὴν εἰς Θεὸν ἀσίγητον δοξολογίαν ἀδιαλείπτως ἐργάζεσθαι καὶ οὐδὲν τι ἄλλο οὐδαμῶς, καθὼς ὁ ὀδηγῶν με εἰς πάντα τὰ ὀραθέντα μοι ξένα καὶ ὡς ἀληθῶς φρακτὰ καὶ παράδοξα μυστήρια ἀγγελός μοι διεσάφησε. Πρὸς τοῖς ἄλλοις τοῖνυν θαυμασίοις ἐκεῖσε θεαθεῖσιν ἡμῖν καὶ τοῦτο ἑώρων ἐν τοῖς ἀγίοις, ὅτι ὡς ἐξήρχοντο ἀπὸ τῆς ἀγίας πόλεως ἐπὶ τὰς (f. 336 r.) ἤδη ἀπνεμηθείσας αὐτοῖς σκηνάς, ὡς δεδήλωται, προερχόμενοι παραλαβεῖν αὐτάς, τινὲς μὲν ἐξ αὐτῶν αἰθεροπόροι τὴν ἑδὸν διήνουσιν, τινὲς δὲ τούτων

ποσι βαδίζοντες ἐπὶ τῆς καινῆς ἐκείνης γῆς ἀπήεσαν καὶ αὐτοὶ τὴν ὁδόν.

Τούτων ταιγαροῦν οὕτωςι δεδειγμένων μοι ἐλέει Θεοῦ, ἰδοὺ ἐσάλπισεν ἡ μεγάλη καὶ βασιλικὴ σάλπιγξ τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ διὰ τοῦ ἀρχαγγέλου τοῦ εἰς αὐτὸ τοῦτο τεταγμένου, καὶ ἐδονήθη ὑπὸ τοῦ θάμβους καὶ τῆς ἠχῆς αὐτῆς ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ. Καὶ ἰδοὺ ἠνεώχθη κατὰ ἀνατολὰς μεγάλη πύλη τοῦ οὐρανοῦ ἐκείνου, ἣτις ὑπὸ τῶν κυριοτήτων φυλάσσεται, καὶ εἶδομεν ὅτι ἐξῆι ὁ Κύριος ἀπὸ τοῦ θαλάμου καὶ τοῦ νυμφῶνος τῆς δόξης τῆς ἁγιουσύνης αὐτοῦ, ὅλος τῇ αἴγλῃ δεδοξασμένος τῆς θεότητος αὐτοῦ, καὶ ἀνήει ἐν ἰσχύϊ ἐπὶ τὴν ἀνοίγεισαν πύλην τοῦ οὐρανοῦ τῶν νερῶν πασῶν ἀσωμάτων δυνάμεων μεθ' ὕμνων θεοπρεπῶν πορευομένων (f. 336 v.) καὶ ἐφεπομένων αὐτῷ. Συνανήρχοντο δὲ αὐτῷ καὶ ὅσοι τῶν ἁγίων πτέρυγας δυνατὰς εἰς τοσοῦτον ὕψος ἀρῆθῆναι καὶ πετασθῆναι ἐκέκτηντο, πρὸ πάντων δὲ αὐτῶν ἡ ἀπὸ πασῶν καὶ γενεῶν πρὸ πάντων τῶν αἰώνων ἐκλεχθεῖσα καὶ ἀφορισθεῖσα παρὰ τοῦ τῶν φώτων Πατρὸς μήτηρ γενέσθαι καὶ τροφὸς τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ αὐτοῦ, ἁγία καὶ κοσμοσέβαστος Θεοτόκος, ἣτις ὡς ἀστραπὴ ὠραιομένη καὶ τῷ Υἱῷ αὐτῆς ἠνωμένη ἀπήρχετο ἅμα τῷ ἐν γεννητοῖς γυναικῶν μεῖζονι καὶ προκρίτῳ ἀγγέλῳ καὶ γηγενῶν, πλὴν τοῦ ἐξ αὐτῆς ἀναλάμψαντος Χριστοῦ τοῦ ἀληθινοῦ Θεοῦ καὶ ταύτης τιμιωτέρας καὶ ἀσυγκρίτως ἐνδοξότερας πασῶν τῶν οὐρανίων ταγμάτων καὶ πάσης ὁρατῆς καὶ ἀοράτου κτίσεως κυρίας καὶ δέσποινης, καὶ φθάσαντες τὴν τοῦ οὐρανοῦ ἠνεφγμένην πύλην εἰσέδυσαν πάντες εἰς τὰ ἐνδότερα. Καὶ ἐμοὶ μὲν ἐν τῷ τέως οὐκ ἐδόθη γνῶσις συνέναι ἔνθα δὴ καὶ ὅπου ἐπορεύθησαν καὶ κατέληξαν, ἐν ὑστέροις δὲ (f. 337 r.) εἶρηκε καὶ διεσάφησέ μοι ὁ κατ' ἀρχὰς συνὼν μετ' ἐμοῦ καὶ καθοδηγῶν με εἰς πάντα τὰ ὁραθέντα μοι λέγων, ὅτι εἰς τὴν ἄνω βασιλείαν τῶν οὐρανῶν αὐτοὶ πάντες εἰσέδυσαν. Ἐγὼ δὲ ἔφην πρὸς αὐτόν· Κύριε, καὶ πῶς τινες μὲν τῶν ἁγίων τῷ Κυρίῳ συνανῆλθον εἰς τὴν τῶν οὐρανῶν βασιλείαν, τινὲς δὲ ἐναπέμειναν ἐν τῇ ἐπιγείῳ ζωῇ καὶ βασιλείᾳ ταύτῃ; Ἔφη δὲ κάκεινος πρὸς με, ὅτι ἐκεῖνοι μόνοι τῆς τριαύτης πορείας καὶ διαγωγῆς καὶ δόξης ἠξιώθησαν, ὅσοι δηλαδὴ ἢ διὰ μαρτυρίου τὰ σῶματα αὐτῶν καὶ τὰς ψυχὰς κατέθυσαν διὰ ταύτην τὴν οὐρανῶν

βασιλείαν και μακαρίαν ζωήν, ἣ δι' ἐγκρατείας γεννικῆς ἦτοι περιεκτικῆς ἐν γνώσει ἑαυτοὺς λεπτῦναι και καθάραι και εἰς τὸ τῆς τελειότητος μέτρον ἀγαγεῖν ἠγωνίσαντο και εἰς τελείαν ἀπάθειαν πεφθάρκασι τῆς σχέσεως και προσπαθείας τῶν γηϊνῶν τελείως ἑαυτοὺς ἐκσπᾶσαντες, και ἔξω κόσμου τῷ νοῦ γεγονόασι και πρὸ τοῦ φυσικοῦ θανάτου τούτῳ ἐκρουσίως (f. 337 v.) προτεθνήχασιν· οὗτοι και συνανῆλθον τῷ Κυρίῳ, ὡς ἑώρακας, και τῆς τῶν οὐρανῶν βασιλείας και τῶν ἐν αὐτῇ αἰωνίων ἀγαθῶν κληρονόμοι ἔσονται, τῆς μακαρίας ζωαρχικῆς Τριάδος ταῖς ἀπροσίτοις ἐλλάμψεσι και θεωρίας αἰεὶ συνόντες και εὐφραϊνόμενοι και ὡς κατὰ χάριν θεοὶ γεγονότες και συμμετοχοὶ και ἀδελφοὶ τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ, τῶν ἐπουρανίων και τῶν ἐπιγείων ἀγαθῶν τὴν κυρίαν και μετουσίαν ἔχοντες "Ὅσοι δὲ ἐν ἀπολαύσει μόνον τῆς καινῆς κτίσεως ταύτης ἐναπέμειναν, εἰσὶν οἱ ἐν λαϊκῷ σχήματι και νομίμῳ συζυγίᾳ εὐαρεστήσαντες Κυρίῳ τῷ Θεῷ, τὴν τε κοίτην ἀμίαντον διαφυλάξαντες και ἐν εὐποιᾷ πενήτων και ἐλεημοσύνη και προσευχαῖς τὸν ἑαυτῶν βίον εὐσεβῶς και δικαίως διαβίωσαντες, και ὅσοι διὰ ὀκρῶν και μετανοίας εἰλικρινοῦς και καθαρᾶς ἐξομολογήσεως ἑαυτοὺς ἐκάθησαν και ἐν μεδέξει τῶν ἀρετῶν γενόμενοι τῶν σωμάτων ἐχωρίσθησαν, ἐλπίσαντες εἰς τὸν (f. 338 r.) Θεὸν ἀδιστακτως και εἰς τὸ μέγα πέλαγος τῶν αὐτοῦ οἰκιτισμῶν. Οἱ δὲ ἐν τῇ μεγαλοπόλει και νέᾳ Σιών κατοικεῖν κληρωθέντες και ἐν τῷ παραδείσῳ τῆς Ἐδέμ ἀζωθόντες εἰσὶν οἱ ἀγίως μὲν και εὐσεβῶς τὸν ἑαυτῶν βίον τελέσαντες και ἐν πάσαις ταῖς τοῦ Κυρίου ἐντολαῖς ἀπροσκόπως ὀδεύσαντες και Θεῷ φίλοι, μὴ σπεύσαντες φθάσαι πρὸς αὐτόν τὸ τῆς τελειότητος μέτρον, ἧς δὴ τὸ ἀκρότατον καταλαβεῖν ἠδυνήθησαν οἱ τὴν οὐρανίαν πορείαν εἰσελάσαντες· διὸ και ἀπέλαβον πάντες ἀναλόγως και ἐπαξίως τοὺς καρποὺς τῶν πόνων αὐτῶν ἐν ἑκατόν, ἐν ἐξήκοντα και ἐν τριάκοντα κατὰ τὸν ἐν εὐαγγελίῳ λόγον τοῦ Κυρίου.

Τούτων οὕτω σαφῶς ὑπὸ τοῦ τὰ πάντα διευκρινουντός μοι δεδιδαγμένων και διαφωτισθέντων μοι, εἶδομεν, και ἰδοὺ αὐθις ὁ Κύριος μετὰ πασῶν τῶν οὐρανίων δείων δυνάμεων και πάντων τῶν συναναβάντων αὐτῷ ἀγίων κατήει, και κατέπαυσαν, αὐτός τε και οἱ σὺν αὐτῷ πάντες, εἰς τὰς ἐν τῇ ἀγίᾳ πόλει ἀποκληρώσει

(f. 338 v.) και θείας δόσεις αὐτοῖς και μονὰς και καταπαύσεις. Ἦσαν δὲ πάντες οἱ συγκατελθόντες τῷ Κυρίῳ ἐκ τοῦ οὐρανοῦ ἄγιοι οὐχ ὡς οἱ ἐναπομείναντες κάτω, ἀλλὰ λίαν ὑπὲρ αὐτοὺς δεδοξασμένοι και ἐκλελαμπρυσμένοι, ἀφωμοιωμένοι τῷ Υἱῷ τοῦ Θεοῦ ὡς ἀπὸ τῆς τελεσεθείσης ἐν τῷ οὐρανῷ φρικτῆς και θείας μυσταγωγίας, καθ' ὃν τρόπον και κάτω ἐν τῇ νέᾳ Ἱερουσαλήμ ὑπερδοξασθέντες ἀρρήτως και θεωθέντες. Καὶ ἦν ἐν μέσῳ αὐτῶν πᾶσα ἡδονή, πᾶσα χαρὰ, πᾶσα εὐφροσύνη και ἀγαλλίασις πνευματικῆ, αἰδίως ἐορταζόντων και εὐφραينوμένων και ἀπὸ δόξης εἰς δόξαν μεταβαινόντων, τῆς ἐπιγείου δηλαδὴ πρὸς τὴν ἐπουράνιον, και τὸ δὴ μείζον πάντων, συνόντων αἰεὶ τῷ Κυρίῳ και τῇ μύσει και ἐνὸν ἐκάστῳ καταλήψει τῆς ἀγίας και ζωαρχικῆς και παντουργοῦ Τριάδος Θεουμένου, και υἱῶν υφίστου και θεῶν και βασιλέων πάντων ἀποδεικνυμένων και τελειομένων.

Μετὰ δὲ τὸ ταῦτα πάντα τὰ φρικτὰ και ἐξαισία μυστήρια τὰ και ὡς ἀληθῶς ἀκοῆ ἀνθρώπων ἀνή(f. 339 γ.)κουστα και ἑφθαλμῷ αἰσθητῷ και φθαρτῷ ἀθέατα και νῶ ἀκατάληπτα εὐδοκία και χάριτι Θεοῦ τοῦ τὰ πάντα βραδίως περαίνοντος διὰ τῶν τιμίων εὐχῶν τοῦ ὁσίου και γησίου αὐτοῦ θεράποντος και ἀγίου μου πατρὸς Βασιλείου ἰδεασάμην, παρεληφώς με ὁ ὁδηγῶν με εἰς ταῦτα πάντα θεὸς και ὡς ἀληθῶς ἐκεῖνος θεοειδῆς νεανίας, τῷ φοβερῷ και ἀστείκτῳ θρόνῳ τοῦ Κυρίου παρέστηκε, και προσσχῶν τῇ διανοίᾳ εἶδον· και ἰδοὺ χίλια χιλιάδες και μύρια μυριάδες ἀγγέλων και ἀρχαγγέλων κύκλῳ αὐτοῦ παρειστήκεισαν και Χερουβίμ και Σεραφίμ ἐξαπτέρυγά τε και πολυόμματα κατεκάλυπτον τὰ πρόσωπα αὐτῶν και τρισαγίῳ μελωδήματι τὴν τρισυπόστατον ὕμνον θεότητα. Ἔτι προσσχῶν τεθέσθαι, και ἰδοὺ πλησίον τοῦ φρικτωδεστάτου ἐκείνου θρόνου τοῦ βασιλέως βασίλισσά τις παρίστατο, φρικτὴν και ἐξαισίαν και πάντα νοῦν ὑπερέχουσαν τὴν εὐπρέπειαν ἔχουσα, διαδήματι βασιλι(f. 339 v.)κῷ θεουργικῶς κατασκευασθέντι κεκοσμημένῃ και στεφάνῳ ἀσυγκρίτῳ κάλλει διαλάμποντι ἐστεμμένη τὴν κορυφὴν, και σὺν αὐτῇ παρίστανται και ἄλλαι πλείσται βασίλισσαι παραπλησίως κεκοσμημέναι ταύτης, και νεφέλη φωτεινὴ τὸν φρικτὸν ἐκεῖνον ἐπεσχίαζεν θρόνον. Καὶ ἰδοὺ ἐδόκει πρὸς ἡμᾶς ἀτενίζων ὁ

Κύριος τῶ πανημέρφ και προσηνεῖ αὐτοῦ προσβλέμματι πρὸς ἑαυτὸν ἐκκαλεῖσθαι κατελθόντας ἀφ' οὔπερ ἤμεν ἰστάμενοι ὑψηλοτάτου και οὐρανομήκουσ ἐκεῖνου σκοποῦ και τὰ φρικτὰ ἐκεῖνα κατασκοπεύοντας θεάματα. Καὶ ἰδοῦ εὐθέωσ ὠράθημεν φρικτῶσ ἀρπαγέντεσ ἀφ' οὔπερ ἰστάμεθα τόπου, κατελθόντεσ, ὡσ εἰρηται, τοῦ φρικωδεστάτου ἐκεῖνου σκοποῦ πλησίον τῶν ἀχράντων αὐτοῦ ποδῶν κείμενοι, και αὐτόσ κειμένοισ ἤμῖν κατὰ πρόσωπον τῆσ αὐτοῦ μεγαλωσύνησ ἐν φόβφ ἰολλῶ και τρόμφ τοιάδε φησὶν ἐν πραεῖα και μελιρρύτφ θεία φωνῆ· Ἰδοῦ, Γρηγόριε, πεπλή(φ. 340 γ.)ρωκά σου τὴν ἐπιθυμίαν, ἰδοῦ πάντα ἐσκειογράφησά σοι τὰ μέλλοντα και ὑπέδειξά σοι κατὰ μιᾶσ πίστεωσ και θρησκείασ και αἰρέσεωσ τὰσ ἀμοιβὰσ και τὰ ἐπαδλα και τὰσ ἀντιδόσεισ, λέγω δὴ τὰσ τῶν εἰσ ἐμὲ καθαρῶσ πιστευόντων και τὰσ ἐντολάσ μου ἀπαρাত্রώτουσ φυλασσόντων καταπαύσεισ και κατασκηνώσεισ, και τῶν ἐμὲ μισούντων και ἀρνούμενων αἰώνιουσ κολάσεισ και ἀτελευτήτουσ τιμωρίας, ταῖσ τοῦ ἐμοῦ θεράποντοσ Βασιλείου εὐπροσδέκτοισ ὑπὲρ σου δυσωπηθεῖσι προσευχαῖσ· και δέδειχά σοι κωνηροῖσ λογισμοῖσ βαλλομένφ περὶ τῶν ἐπαράτων Ἰουδαίων πληροφορηθῆναι, ὅτι κενὴ και μάτην αὐτῶν ἐστιν ἡ εἰσ τὸν νόμον λατρεία, ὁ γάρ μὴ τιμῶν τὸν Υἱὸν οὐ τιμᾷ τὸν Πατέρα, κἂν τὸ αἷμα αὐτοῦ χύσῃ ὑπὲρ τοῦ Πατρόσ, ὁ δὲ ἀγαπῶν τὸν Υἱὸν δηλονότι ἀγαπᾷ και τὸν Πατέρα, και υἱὸσ τοῦ Πατρόσ και αὐτόσ κατὰ μέδεξιν γίνεται. Εἶδεσ γάρ αὐτόσ οἰκειοῖσ ὀφθαλμοῖσ και ἰδεάσω ἄσ αὐ(φ. 340 ν.)τοῖ ἐαυτοῖσ ἡτοῖμασαν σκηνώσεισ και καταπαύσεισ, εἰσ ἄσ μέλλουσι δικαίωσ κληρονομεῖσθαι ἐμὲ μὴ δεξάμενο· και περὶ τούτων μὲν ἀρκοῦντωσ οἶδα πληροφορηθῆναί σε οἷσ ἤκουσασ και ἐμυθήησ και οἷσ πρὸσ αὐτοῖσ Μωϋσῆσ ὁ ἐκλεκτόσ μου λελάληκεν. Εἰ δὲ και ἐπι θέλεισ ἀκοῦσαι παρ' ἐμοῦ τι περὶ τούτων, ἐρῶ σοι· ὡσ εἰ τισ εἰσ ἐμὲ οὐ πιστεύσει και τῶ ἀγίφ μου εὐαγγελίφ οὐκ ἐπακολουθήσει και τὰσ ἐντολάσ μου οὐ φυλάξει, οὐ ζήσεται εἰσ τὸν αἰῶνα και βδελυκτόσ ἐσται παρὰ τῶ Πατρί μου, και μάλιστα ὅ δοκεῖ ὑπεῖκειν και λατρεύειν και παρ' ἐμοῖ, και υἱὸσ γενένησ εὐρεθήσεται κἂν πᾶσαν ἄλλην ὑπὲρ ἀνθρωπον πολιτείαν ἐνδείξεται και ὑπερφυεῖσ κόπουσ ἐκτελέσῃ· πάντεσ γάρ οἱ μὴ διὰ τῆσ θύρασ τοῦ εὐαγγελίου μου τοῦ θείου και σεπτοῦ εἰσερχόμενοι κλέπται εἰσι και λησται, καθῶσ αὐτοῖσ εὐαγγελισάμην, ἐγῶ

γάρ και ὁ Πατήρ ἐν ἑσμεν, καὶ ὁ ἐμὲ μισῶν κάκεινον μισεῖ. Πρὸ γὰρ τῆς ἐνσάρκου ἐπὶ γῆς παρουσίας μου καλὴ καὶ δε(φ. 341 γ.)κτῆ ἦν ἡ νομικὴ αὐτῶν λατρεία κάμοι καὶ τῷ Πατρί μου, ὅτε δὲ εὐδόκησεν ὁ Πατήρ συνεργίᾳ τοῦ ἁγίου Πνεύματος ἐν τῷ κόσμῳ με παραγενέσθαι καὶ σάρκα λαβεῖν καὶ τέλειον ἄνθρωπον ἀναφανῆναι, πλήν τῆς ἁμαρτίας, μὴ ἐκστάντα ὅλως τῆς πατρῴας δόξης μου, ἀλλὰ τέλειον μείναντα Θεὸν καὶ τέλειον ὑπάρχοντα ἄνθρωπον ἐν δυσὶ τελείαις φύσεσι, θελήσεσί τε καὶ ἐνεργείαις γνωριζόμενον, τότε ἐνσκηνώσας ἀρρήτως ἐν τῇ τῆς παναμώμου καὶ ἀειπαρθένου μητρὸς μου γαστρὶ καὶ σάρκα ἐξ αὐτῆς δανεισάμενος καὶ ἀνθρωποπρεπῶς ἐξ αὐτῆς γεννηθεὶς καὶ θαύματα μυρία καὶ ἔργα ἐν αὐτοῖς ποιήσας, ἃ οὐδεὶς ἄλλος πεποίηκε, καὶ ὑποδείξας αὐτοῖς τὴν εἰς τὴν οὐράνιαν βασιλείαν ἀπάγουσαν ὁδὸν καὶ πάντα τὰ τοῦ νόμου, ὡς νόμου ποιητῆς καὶ δεσπότης, ποιήσας καὶ τελέσας καὶ καινὴν φύσιν καὶ λατρείαν τοῖς εἰς ἐμὲ πιστεύουσιν παραδούς, κατέπαυσα πάντα τὰ νόμιμα, διὸ καὶ πάντα ἡ νομικὴ αἰ(φ. 341 ν.)τῶν λατρεία καὶ θυσία βδελυκτὴ ἐστὶ κάμοι καὶ τῷ Πατρί μου· ὑφ' ᾧ καὶ σταυρωθεὶς καὶ εἰς ἄδου κατελθὼν ταμεῖα διὰ τὸ τὸν ἐκεῖσε κατεχόμενον τῇ παραβάσει πρωτόπλαστον ἄνθρωπον καὶ τοὺς ἐξ αὐτοῦ πάντας κεκρατημένους τῇ φθορᾷ ἐξάξει καὶ ἐλευθερώσει ἐκ τῶν τοῦ ἄδου καὶ θανάτου δεσμῶν, μεθ' ὧν τῇ τρίτῃ ἡμέρᾳ ἐξαναστάς καὶ τοὺς ἐμοῦ μαθητὰς καὶ ἀποστόλους ἐξαποστείλας εἰς πάντα τὰ ἔθνη κηρύξει τὴν ἐπὶ γῆς ἐνσάρκον παρουσίαν μου καὶ τοὺς εἰς ἐμὲ πιστεύοντας βαπτίξει ἐν τῷ ὀνόματι τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου Πνεύματος. "Ἐκτοτε καὶ μέχρι τοῦ νῦν οὐ διέλειπον οἱ θεοστυγεῖς οὗτοι καὶ μεμισημένοι υἱοὶ τῆς ἀπωλείας, ὕβρεσι καὶ μώμοις καὶ βλασφημίαις βάλλοντες καὶ ἐμὲ καὶ τὸν Πατέρα μου, κἄν δοκῶσι τὰ νόμιμα φυλάττειν καὶ τὸν Πατέρα τιμᾶν ἐπεὶ ἐγὼ καὶ ὁ Πατήρ ἐν ἑσμεν καὶ ὁ ἑωρακὼς ἐμὲ εἴωρακε τὸν Πατέρα· καὶ ὅτι τὰ ἀλλόφυλα ἔθνη, τὰ μηδέποτε μηδαμῶς περὶ ἐμοῦ λόγον ἀκούσαν(φ. 342 γ.)τα, πεπιστεύκασιν εἰς ἐμὲ καὶ υἱοὶ καὶ κληρονόμοι τῆς βασιλείας γεγόνασιν, οὗτοι δὲ τὸν νόμον καὶ τοὺς προφῆτας ἔχοντες καὶ ὑπ' αὐτῶν αἰεὶ διδασκόμενοι τὰ περὶ ἐμοῦ οὐ συνήκων οὐδὲ πεπίστευκαν, διὰ τοῦτο ἐν αἰς εἴωρακας κολάσει ἐμβληθήσονται, ἵνα σὺν τῷ πατρὶ αὐτῶν τῷ Σατανᾷ αἰωνίαν ἔξουσι

τὴν τιμωρίαν. Σὺ δὲ σύνες περὶ πάντων, ὧν ἑώρακας, καὶ ἀνάγγειλον ταῦτα πάντα ταῖς ἐκκλησίαις μου ἃ τοῖς ὀφθαλμοῖς σου ἑώρακας καὶ ἤκουσας παρ' ἐμοῦ, καὶ εὖ σοι γενήσεται· εὐφρανεῖς γὰρ καὶ οἰκοδομήσεις πάντας τοὺς πιστῶς ταῦτα ἀκούοντας καὶ πρὸς σωτηρίαν καθοδηγήσεις· διὰ γὰρ τοῦτο εὐδόκησα ὑποδεχθῆναί σοι ταῦτα πάντα, ἵνα καὶ σὺ ἐκ τούτων μεγάλως ὠφελῆθῃς καὶ ἄλλους ὠφελήσεις, καὶ ἔμπορεύσει δι' αὐτῶν πολυπλασιάσεις τὸ ἐμπιστευθέν σοι ταῦτο τάλαντον· πολλοὶ γὰρ, ὡς εἴρηται, ταῦτα ἀκούσαντες, γνώμης εὐθύτητι καὶ καρδίας ἀπλότητι λίαν ὠφεληθήσονται.

Ἐγὼ δὲ κείμενος πρὸ τῶν ἀχράν(φ. 342 ν.)των ποδῶν αὐτοῦ ἔρην πρὸς αὐτὸν φόβῳ καὶ τρόμφῳ βαλλόμενος αἵφνης ὡς ὑπὸ τινος θειοτέρας δυνάμεως τοῦ ῥυπαροῦ καὶ βεβήλου μου στόματος ἀνοιγέντος· Καὶ πῶς ἄρα ἔσται μοι δυνατόν, ὡ δέσποτα παντοκράτορ, ταῦτα πάντα τὰ φρικτὰ καὶ παράδοξα μυστήρια τῆς σῆς βασιλείας τὰ καὶ αὐτοῖς ἀγγέλοις ἀκατάληπτα καὶ ἀνέκφραστα νοὶ μὴ καθαρῶ καταλήψεσθαι καὶ χεῖλεισι μουσαροῖς καὶ βεβήλοις ἀναγγελεῖν καὶ ἐκδηγήσεσθαι, κἂν στόμα χερουβικόν καὶ νοῦν τῶν Σεραφίμ δώῃς μοι; Ἐλεγον δὲ ταῦτα φρίκη πολλῇ καὶ ἀγωνίᾳ, ὡς εἴρηται, συνεχόμενος, καὶ μικροῦ δεῖν τεθνήξεσθαι ἐμελλον, εἰ μὴ προδήλως ἡ ἐκείνου μεθεῖα δύναμις ἐνίσχυσέ τε καὶ ἀνεζώωσε καὶ τῷ ῥυπῶδει νοῖ μου λόγον ἐπεχάρισατο εἰς τὸ λέξαι πρὸς αὐτὸν τριαῦτα· εἰ γὰρ μὴ οὕτως, πῶς ἂν ἐτόλμησα ταιούτον τι προπετῶς φθέγεσθαι; Ὁ δὲ Κύριος αὐδὸς εἶρηκε πρὸς με· Οἶδα κἀγὼ τοῦτο, ἀλλὰ τὸ παρά σοι ἀδύνατον, παρ' ἐμοὶ βου(φ. 343 γ.)λομένῳ λίαν ἐστὶ ῥᾶον καὶ δυνατόν, ὅθεν καὶ σκηνώσει σοι ἡ χάρις μου καὶ δώσει σοι δύναιμι καὶ γνώσιν εἰς τὸ καταλαβεῖν ταῦτα πάντα, ἅπερ τεθέασαι καὶ ἅπερ παρ' ἐμοῦ ἀκήκοας, καὶ ἐκδηγήσεσθαι αὐτὰ ταῖς ἐκκλησίαις μου καὶ παντὶ τῷ λαῷ μου· καὶ μακάριός ἐστιν ὃς πιστῶς καὶ ἀπεριέργως ὑποδέχεται ταῦτα καὶ σπουδάσει ἔτι ὧν ἐν τῷ βραχεῖ καὶ ματαίῳ ἐκείνῳ κόσμῳ ἐκφυγεῖν μὲν τὰ τοῖς ἀμαρτωλοῖς ἀποκείμενα ὡδε χαλεπὰ καὶ αἰώνια κολαστήρια, κληρονομήσαι δὲ τὰ τοῖς δικαίοις ἀθάνατα καὶ αἰεζῶνα ἀγαθὰ. Οὐαὶ δὲ τῷ πονηρευομένῳ ἐν αὐτοῖς καὶ ἀπιστοῦντι ταῦτα, ὅτι κληρὸς ἢ μερὶς ἐν τοῖς σωζομένοις οὐκ ἔστιν αὐτῶ· ὅσοι γὰρ υἱοὶ καὶ κληρονόμοι τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν πεφύκασιν, ὧν καὶ τὰ ὀνόματα ἐν βίβλῳ

ζωῆς ἐνεγράφησαν, ἐκεῖνοι καὶ δέξονται ταῦτα μεθ' ἡδονῆς καὶ κατανύξεως καὶ οὐδαμῶς διστασοῦσι, ἀλλ' εἰσακούσονται (f. 343 v.) σου καὶ εὐμενῶς καὶ προσηνῶς εὐφραυνόμενοι περὶ τούτων ἐξηγουμένου αὐτοῖς, καὶ ἀσπασίως καὶ φιλοπόνως ταῦτα γεγραφότες καὶ τοῖς ἄλλοις μεταδώσουσι καὶ συνήσουσι πάντες καὶ ὠφεληθήσονται ἐξ αὐτῶν καὶ σπουδάσουσι τῇ ἐλλάμψει αὐτῶν πορευθῆναι καὶ καταντῆσαι εἰς ἃ κατείδες αἰῶνια ἀγαθά· διότι ἐγὼ ἐν αὐτοῖς εἰμι καὶ αὐτοὶ ἐν ἐμοί· οἱ δὲ ἀπηλλοτριωμένοι τῆς ζωῆς ἀπὸ μητέρας καὶ πεπλανημένοι τῆς εὐθείας τῶν προσταγμάτων μου ὁδοῦ, τυφλοὶ, κωφοὶ καὶ σκληροκάρδιοι, υἱοὶ καὶ κληρονόμοι τῆς ἀπωλείας, ὧν ἐν ταῖς καρδίαις κατοικεῖ σπέρμα φθορᾶς τοῦ ἀνθρωποκτόνου Σαταῦν, συνδεδεμένοι καὶ συμπεριφερόμενοι ταῖς ἀμαρτίαις καὶ σαρκικαῖς ἡδοναῖς καὶ ματαιαῖς ἀπάταις τοῦ κόσμου ὀλοσχερῶς κεκρατημένοι, οὗτοι μόνοι ταῦτα ἀκούσαντες ὡς λῆθρον ἠγήσονται καὶ ἐγγελάσονται καὶ καταμωκῆσονται πονηρευόμενοι, καὶ ἐροῦσι· Τίς ἐστὶν οὗτος ὁ εἰκαιομύθης καὶ (f. 344 r.) σπερμολόγος, ὁ τῶν τοιούτων καὶ τηλικούτων πραγμάτων ἀποκρύφω τε καὶ ἀρρήτων μνήσεων τὴν ξένην τε καὶ ἀπόρρητον καὶ πάντα νοῦν ὑπερέχουσαν δήλωσιν καὶ ἀποκάλυψιν δεξάμενος, περὶ ὧν οὐδεὶς ἡμῖν τῶν ἀπ' αἰῶνος ἀγίων καὶ θεολόπτων προφητῶν οὕτως, ὡς οὗτος, πώποτε διετράνωσε καὶ δεδήλωκε; μὴ κρείττων οὗτος ἐστὶ Μωυσέως τοῦ θεόπτου, ἢ Ἡλίου τε καὶ Δανιὴλ καὶ Ἡσαίου τῶν ἐξοχωτάτων προφήτων, ἢ τῶν ἐν τῇ Νεῇ διαθήκῃ διαλαμφάντων προκρίτων μαθητῶν τοῦ Κυρίου, Πέτρου καὶ Παύλου καὶ τῶν λοιπῶν, λέγω τῶν θεοφόρων πατρῶν καὶ οἰκουμενικῶν διδασκάλων; Εἰ οὖν οὐδεὶς ἐκείνων τοιούτον τι ἡμᾶς ἐδίδαξε καὶ ἐκδήλωσε ἢ ἀπεκάλυψεν ἡμῖν, τίς ἄρα οὗτός ἐστιν ὁ ὑπὲρ ἐκείνων τὴν τῶν τοιούτων ἀποκρύφων μυστηρίων δήλωσιν μυηθεὶς καὶ τοιαῦτα ἡμᾶς ἐκδιδάσκων, ἃ μέχρι τοῦ νῦν εἰς ἀκοὴν ὠτίου οὐδεὶς τῶν βροτῶν ἀκήκοεν; Ὅθεν καὶ πολυπραγμονήσουσι τὰ ῥήματα τῶν λέξεών σου καὶ διασύρουσι καὶ ὡς ὕδλους καὶ μί(f. 344 v.)θους γραῶν ἠγήσονται· ἀλλὰ σὺ διὰ ταῦτα πρὸς τὴν ἐξήγησιν μὴ ὀκλάσης τῶν δηλωθέντων σοὶ καὶ λεχθέντων παρ' ἐμοῦ, ἀλλ' ἀκριβῶς ἃ τεθέακας καὶ ἀκήκοας διήγησαι ταῖς ἐκκλησίαις μου καὶ εἰπέ πᾶσι τοῖς προεστῶσι τούτων, λέγω δὴ τοῖς πρώτου βαθμοῦ οὔσι καὶ τοῦ μέσου καὶ τοῦ τελευταίου καὶ ἄχρι τῶν ἐσχάτων

τοῦ κλήρου ὅτι τάδε λέγει Κύριος· Ἴδου ἐγὼ παραγίνομαι καὶ ὁ μισθός μου ἅμα ἐμοί, καὶ αἱ ἡμέραι ἐγγύς τῆς ἐμῆς πρὸς ἡμᾶς δευτέρας ἐλεύσεως, καὶ μακάριοί ἐστε ἐὰν ἐτοιμοὺς καὶ γρηγοροῦντας εὐρήσω ὑμᾶς. Ἴδου ἐγὼ ἐντέλλομαι ὑμῖν· προσέχετε ἑαυτοῖς καὶ τῇ ποιμνῇ ὑμῶν, ὅπως ταύτην καλῶς ποιμαίνοντες καὶ διυθύνοντες ἐπὶ νομῆς τῶν προσταγμάτων μου εἰς τὴν μάνδραν τῆς νέας Σιών ταύτην ἀποθησαυρίσετε καὶ ἔξετε μισθὸν ἐν οὐρανοῖς τῶν πόνων ὑμῶν· μακάρισι γὰρ ἐστε καὶ τρισμακάριοι, εἰ ψυχὰς ὀδηγεῖτε πρὸς σωτηρίαν, οὐαὶ δὲ ὑμῖν, ἐὰν μὴ καλῶς ποιμανεῖτε τὰς ἐκκλησίας καὶ τὰ ποιμνία μου ὡς ὑμῖν ἐμπεπίστευκα καὶ δι' αὐτὸ τὸ αἷμά μου τὸ ἅγιον ἐξέχεα (f. 345 r.). Ἴδου ἐτι ἅπαξ μαρτύρομαι καὶ προλέγω ὑμῖν κηδόμενος ὑμῶν ἵνα μὴ ἀμελήσητε καὶ οὐ σπεύσητε εἰς οἰκοδομὴν καὶ σωτηρίαν τοῦ ποιμνίου καὶ τοῦ λαοῦ μου εἰς αὐξησιν καὶ προκοπὴν τῶν ἐκκλησιῶν μου, ἀλλ' εἰς ἐτέρας αἰσχροκερδεῖς καὶ ματαιὰς ἀσχολήσεις ἑαυτοὺς ἐκδόσετε, πλατύνοντες τὰ φυλακτήρια καὶ μεγαλύνοντες τὰ κράσπεδα τῶν ἱματίων ὑμῶν καὶ τὸ χρυσίον καὶ τὸ ἀργύριον θησαυρίζοντες· τὸ αἷμα τοῦ λαοῦ μου τοῦ ἐξ ἀμελείας ὑμετέρας ἀπολυμένου ἐκ τῶν χειρῶν ὑμῶν ἐκζητήσω καὶ ἀπὸ τῶν ψυχῶν ὑμῶν τὰς ψυχὰς αὐτῶν ἀπαιτήσω ὅτε ἐλεύσομαι κρῖναι πᾶσαν τὴν γῆν· οὐ γὰρ ἔνεκεν αἰσχροκερδεῖας ὑμῖν τὰς ἐκκλησίας μου ἐμπεπίστευκα καὶ πάντα τὸν λαόν μου, ἵνα συνάξητε ἄχυρα καὶ κονιορτόν εἰς ἀποθήκας, ἀλλ' ἵνα σπεύδητε καὶ ἰατρεύητε καὶ περιποιῆσθε τὰ ψυχικῶς νοσοῦντά μου πρόβατα.

Εἰπέ δὲ ταῦτα καὶ τοῖς τῶν ἀσκητηρίων μου προεστῶσι καὶ μοναστηρίων καὶ διαμάρτυ(f. 345 v.)ραι αὐτοῖς· Ἴδου ἐγὼ, λέγει Κύριος, καὶ οὐ θέλω τὸν θάνατον τῶν ἀμαρτωλῶν, διὰ τοῦτο προλέγω πᾶσιν ὑμῖν, ὡς ἂν ἀνέγκληται εὐρεθῆτε ἐν τῇ ἡδῇ ἐγγιζούσῃ παρουσίᾳ μου, καὶ εἰσάξω πάντας ὑμᾶς εἰς τὴν βασιλείαν μου εἰ καλῶς ποιμανεῖτε ἕκαστος ὡς παρ' ἐμοῦ ἐνεπιστεύθητε ψυχὰς. Ἴδου γὰρ ἡ βασιλεία μου ἐτοιμῆ, ἰδοὺ τὰ ἀγαθὰ μου ἀπηρτισμένα, ἰδοὺ ἀνεωφγμένος ὁ νυμφῶν μου καὶ ἐτοιμος ὁ γάμος, αἱ παστοῦδες εὐπρεπεῖς, τὰ σιτιστά μου πάντα καὶ τὰ ἄριστα πεπλήθουνται σφόδρα δεόμενα πολλῶν τῶν μελλόντων αὐτῶν ἀπολαύειν· ὁ τοῦ νυμφῶνός μου χώρος πλατύς καὶ ὑπερμεγέθης δεόμενος δαιτυμόνων πολλῶν· ἡ πόλις

μου μεγάλη και εύρύχωρος ικανή χωρήσαι πάντας υμᾶς· τὰ ἀγαθά μου μέτρον οὐκ ἔχει, αἱ στρατιαὶ τῶν ἀγγέλων και πασῶν τῶν οὐρανίων δυνάμεων Ἰστανται ἄδουσαι και τὴν πάντων ἀνάπαυσιν και κλῆσιν ἀναμένουσαι· ὁ παράδεισος ἀνεωφγμένος ἔστηκεν υμᾶς ἐκδεχόμενος. Δεῦτε πάντες οἱ κοπι(φ. 346 γ.)ῶντες, κάγω ἀπαπαύσω υμᾶς· μηδεὶς ἀπολειφθῆ, μηδεὶς βραδύνη, ὄξυποθήσατε, δράμετε, σπεύσατε, μήπως κλεισθῆ ὑμῖν ἡ θύρα τοῦ νυμφῶνος διὰ τὴν ἀμέλειαν και νωθρότητα ὑμῶν, μικρὸν γὰρ ὅσον ὅπου ἐπιλήψασθε τῶν πόνων και ἰδρώτων και ἀρετῶν ὑμῶν τοὺς καρπούς· μηδεὶς οὖν ῥαθυμῆσας και ἀπονυστάσας ἔξω μείνη· ὁρᾶτε και συνίετε· ἰδοὺ προσκαλοῦμαι πάντας, μὴ ἀποκλείσω υμᾶς ἔξω τῆς θύρας τῆς βασιλείας μου διὰ τὴν σκνιφίαν και ἀσπλαγχνίαν και φιληδονίαν ὑμῶν· προσέχετε τοιγαροῦν ἑαυτοὺς, προσέχετε και τὰς ἐμπιστευθείσας ὑμῖν ψυχὰς, ἵνα μὴ ἀποθησαυρίσητε ἑαυτοὺς ὕλην τῶ αἰωνίῳ πυρὶ. Ἴδού γὰρ ἐγὼ κρινῶ τοὺς ἱερεῖς τοὺς μικροὺς μετὰ τῶν μεγάλων και ἐκδικήσω και ἀνταποδώσω αὐτοῖς, ἀνθ' ὧν οὐ διδάσκει ἕκαστος τὰς ἐμπιστευθείσας αὐτῷ ψυχὰς δι' ἔργων εὐαρέστων και λόγων ψυχωφελῶν και δογματῶν ὀρθῶν. Ἴδού ἐγὼ Κύριος Ἰησοῦς Χριστὸς ὁ Υἱὸς και Λόγος τοῦ Θεοῦ και Πατρός, ὁ ἐπὶ (φ. 346 ν.) Ποντίου Πιλάτου σταυρωθεὶς και τῷ ἰδίῳ αἵματι ἐξαγοράσας πάντας υμᾶς, αὐτὸς λέγω ὑμῖν ταῦτα, ὥστε διδάσκειν υμᾶς διὰ τε τοῦ ἀμέμπτου βίου ὑμῶν και τοῦ ὀρθοῦ λόγου πάντα τὸν ἐφ' υμᾶς λαόν μου τὴν ὁδὸν τῆς σωτηρίας, και ῥύεσθαι αὐτοὺς ἀπὸ τοῦ φάρυγγος τοῦ νοητοῦ λύκου· και ἐάν οὕτω ποιῆτε, μακάριοί ἐστε, εἰ δὲ μὴ, πάλιν λέγω ὑμῖν, ὅτι τὰς ἐξ ὑμετέρων αἰτίας ὀλλυμένας ψυχὰς ἀπὸ τῶν ψυχῶν ὑμῶν ἐκζητήσω.

Και ταῦτα μὲν ἐρεῖς πάντα τοῖς τῶν ἐκκλησιῶν μου προεστῶσι, καθὼς προείρηκά σοι, τοῦ τε ἱερατικοῦ τάγματος και τοῦ μοναδικοῦ και πᾶσι τοῖς ἡγεμόσι και ἄρχουσι και πάσῃ τῇ ἐκλογᾷ τοῦ κληροῦ και τοῦ λαοῦ μου, τοῖς δὲ ἀμαρτίαις παντοίαις συνεχομένοις και πτώμα κειμένοις χάλεπὸν τῷ διαβόλῳ και τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ και πᾶσι τοῖς ἀπεγνωσμένοις ἀπὸ ἀδεμιτοπραξίας τοῦ πολλοῦ βάρους και βορβόρου τῶν ἡδονῶν αὐτῶν και μὴ δυναμένοις (φ. 347 γ.) ἀνανεῦσαι και αἰτήσασθαι περὶ ἀφέσεως ἀμαρτιῶν τοῦ λαβεῖν πρὸ τελευταίας αὐτῶν ἀφῆσιν τούτων, σὺν αὐτοῖς δὲ και παντὶ τῷ λαῷ ταῦτα ἐρεῖς·

Τάδε λέγει Κύριος· Ἰδοὺ ἐγὼ Κύριος ὁ Θεός οὐ βούλομαι τὸν θάνατον τοῦ ἁμαρτωλοῦ ὡς τὸ ἐπιστρέψαι καὶ ζῆν αὐτόν· ἐξεγέρθητε οὖν, ἐξεγέρθητε, ἁμαρτωλοὶ καὶ ταπεινοὶ, καὶ ἐνωτίσασθε τὰ ῥήματά μου, μὴ ἀπογινώσκητε τῆς σφῶν σωτηρίας φοβούμενοι εἰς τὰ πλήρη τῶν ἁμαρτιῶν ὑμῶν ἀποβλέποντες, ὅτι ἐγὼ ἀγαθός εἰμι· δεῦτε ἐξανάστητε διὰ τῆς καλῆς ὑμῶν μετανοίας καὶ ἐξομολογήσασθε, κλαύσατε μετανοοῦντες ἐφ' οἷς ἐσφάλητε, μεταδότε τοῖς δεομένοις ἀπὸ τῶν παρ' ἐμοῦ δοθέντων ὑμῖν, ἄφετε τοῖς εἰς ὑμᾶς πλημμελήσασι, παύσατε τοῦ λοιποῦ ἀπὸ τῶν πονηριῶν ὑμῶν, σχολάσατε τῇ προσευχῇ καὶ τῇ δεήσει, καὶ ἐὰν οὕτω ποιῶντες τὸν βίον ὑμῶν ὑπεξέλθητε, καὶ γὰρ Κύριος ὁ Θεός ἀσμένως καὶ περιχαρῶς πάντας εἰσδέξομαι καὶ ἐλεή(φ. 347 ν.)σω ὑμᾶς, καὶ οὐ μόνον ἀφήσω ὑμῖν πάντα τὰ παραπτώματα ὑμῶν καὶ τὰ ἀνομήματα, ἀλλὰ καὶ στολὴν ἀφθαρσίας καὶ δικαιοσύνης ἐνδύσω ὑμᾶς καὶ εἰσάξω πάντας εἰς τὴν ἡτοιμασμένην ὑμῖν βασιλείαν ἀπὸ καταβολῆς κόσμου, ἐν τῇ τάξει τῶν οὐρανίων δυνάμεων καὶ τῶν ἀπόρρητων ἀγαθῶν μου ἐμπλήσω ὑμᾶς, μόνον ἀνάστητε τῶν παθῶν ὑμῶν καὶ εἰσέλθετε εἰς μετάνοιαν· ἐξομολογήσασθε ἀλλήλοις τὰ ἐκ νεότητος ὑμῶν ἁμαρτήματα, μὴ διὰ πρόσκαιρον ἡδονῆς χαλεπῆς ἁμαρτίαν ἐκπεσεῖτε τῶν αἰωνίων μου ἀγαθῶν, μὴ ἀρπάσῃ ὑμᾶς ἀμετανοήτους ὁ θάνατος καὶ συναποθάνητε καὶ συντελεσθῆτε ταῖς ἁμαρτίαις ὑμῶν· ἢ γὰρ εἰς ἐμὲ πίστις ὑμῶν χωρὶς τῶν ἔργων αὐτῆς οὐδὲν ὠφελήσει ὑμᾶς ἐν τῇ κρίσει μου, ἐπεὶ δίκαιός εἰμι καὶ δικαιοσύνας ἀγαπῶ, καὶ ἡ φιλανθρωπία μου καὶ τὸ ἔλεός μου ἐπὶ τοὺς ἁμαρτωλοὺς ἐκκέχεται, καὶ τὰ σπλάγγνα μου ἀνευφημένα εἰσὶν ἐπ' αὐτοὺς καὶ μάλιστα πολλῶ πλεον ἐπὶ τοῖς ὀρθοδόξως πιστεύουσιν εἰς ἐμὲ, δι' οὓς καὶ ἐνηνθρώπησα (φ. 348 ρ.), δι' οὓς καὶ ἐσταυρώθην, δι' οὓς καὶ ἀνήκεστα πάθη ὑπὸ τῶν ἀπειθῶν Ἰουδαίων μακροθύμως ὑπέμεινα. Πλὴν ἐν τῷ παρόντι βίῳ ταῦτα ἐνδείκνυμι, ἕως οὐ ἡ ψυχὴ δηλονότι ἐν τῷ ἰδίῳ συνέζευκται σώματι, μεθ' οὐ καὶ συνέπραξε τὰ ἐν τῷ βίῳ βεβιωμένα ἐν αὐτῇ, μεθ' οὐ καὶ μέλλει παραστήσεσθαι ἐν τῇ κρίσει μου· πρὶν οὖν ὁ δεσμός τοῦ σώματος λυθῆ, ἴλωσ ἔσομαι πᾶσι τοῖς μετανοοῦσι καὶ ἐξομολογησαμένοις καὶ ἀφήσασι τὰ πλημμελήματα τοῖς εἰς αὐτοὺς ἡμαρτηκόσιν, ἐπεὶ μετὰ τὸ λυθῆναι τὸν δεσμόν τοῦ σώματος οὐκ ἔτι μετάνοια ἐνεργεῖ τὸν ἁμαρ-

τωλόν, οὐ δάκρυον, οὐ κατάνυξις, οὐ παράκλησις, οὐ πένθος, οὐ θρήνος, οὐκ οἰμωγαὶ ὅλως δύνανται ὠφελῆσαι αὐτούς. Διὰ τοῦτο τοιγαροῦν, ὡς ἔφην, ἐπικάμπτομαι ἐπ' αὐτούς καὶ μακροθυμῶ ἐκδεχόμενος καὶ περιμένω ὡδε, πρὸ τοῦ παρεῖναι αὐτούς τὴν τοῦ βίου διάστασιν, τὴν αὐτῶν ἐπιστροφὴν καὶ μετάνοιαν, διότι ἐν τῇ κρίσει ἀπότομος καὶ ἀπαράκλητος (f. 348 v.) αὐτῶν κριτὴς εὐρεθήσομαι καὶ τῶν τηλικαυτὰ δακρύων καὶ ὀλολυγμῶν αὐτῶν οὐδαμῶς ἐπιστραφήσομαι. Διὰ τοῦτο καὶ πάλιν ἐρῶ παρακαλῶν ὑμᾶς· δεῦτε πρὸς με διὰ τῆς καλῆς μετανοίας, καὶ μὴ φοβεῖσθε, οὐδένα γὰρ ἀποστραφήσομαι· ἀπολαύσατε τῶν αἰωνίων μου ἀγαθῶν, κατασκηνώσατε ἐν τῇ τῶν πραέων γῇ καὶ πάντων τῶν ἐν αὐτῇ ἀπορρήτων ἀγαθῶν κατατρυφήσατε. Ἴδού, ταῦτα προεῖρηκα ὑμῖν, ἐπιστρέψαι θέλων ὑμᾶς ἀπὸ τῶν πονηρῶν ὑμῶν ἔργων καὶ σωτηρίους τρόπους μεταλαβεῖν τοῦ λοιποῦ γὰρ οὐκ ἐγώ, ἀλλ' ὑμεῖς αὐτοὶ ἐαυτῶν ἔσεσθε κριταί, ἐπεὶ οὐδὲν τῶν ἀρμοζόντων καὶ συντηρούντων εἰς ψυχικὴν ὠφέλειαν καὶ σωτηρίαν ἀπέκρυψα ἀφ' ὑμῶν· ὅπου θέλετε καὶ βούλεσθε, πορεύεσθε, εἴτε εἰς ἀθάνατον ζωὴν καὶ βασιλείαν ἀδιάδοχον τὰς ἐντολάς μου φυλάξαντες, εἴτε κατὰ τὰ θελήματα πορευθέντες τῆς σαρκὸς ὑμῶν τὰ προστάγματά μου ἀθετήσαντες εἰς αἰώνιον κόλασιν καὶ εἰς γέενναν πυρῆς (f. 349 r.) πρὸς ἀσβέστου ἀτελεύτητον καὶ ἀπέραντον.

Ἐρεῖς δὲ καὶ ταῦτα ταῖς ἐκκλησίαις μου καὶ παντὶ τῷ λαῷ· Ἔαδε λέγει Κύριος· Καλὴ ἡ πίστις ὑμῶν σφόδρα, ἦν ἐκτήσασθε πρὸς με καὶ πρὸς τὴν ἀχραντὸν μου Μητέρα καὶ πάντας τοὺς ἁγίους μου, καλαὶ αἱ θυσίαι καὶ προσφοραὶ, πλην πονηρὰ τὰ ἔργα ὑμῶν, διὰ τοῦτο κάκεινα βδελυκτὰ καὶ ἀδεκτὰ ἐνώπιον ἐμοῦ καὶ τοῦ Πατρὸς μου εἰσὶ. Γενεὰ πονηρὰ καὶ μοιχαλὶς καὶ πόρνη, πᾶσαν τὴν σπουδὴν εἰς τὰ πονηρὰ ἀναλίσκουσα καὶ πᾶσαν τὴν ἐβδομάδα τοῦ βίου φροντίζουσα καὶ πρὸς τὰς ἡδονὰς τῆς σαρκὸς καὶ ταῖς ματαιαῖς φροντίσιν ἀπασχολούμενη· καὶ οὐδὲ κἄν τὴν ἀφωρισμένην ὑμῖν μίαν ἡμέραν τῆς ἀναστάσεώς μου, ἐν ἣ τὸν θάνατον καὶ ἄδην καδελῶν ἐξανέστην ἡμερῶν, συναναστήσας τὴν φθορὰν κεκλιμένην καὶ πεπτωκυῖαν φύσιν ὑμῶν, ἐν ἣ μέλλω κατελθεῖν ἐκ τῶν ὑψωμάτων τῆς δόξης μου κρῖναι πάντας ὑμᾶς καὶ ἀποδοῦναι ἐκάστῳ κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ (f. 349 v.), ταῖς ἐκκλησίαις προσέχετε, ἀλλ' εἶποτε πρὸς αὐτάς

παραγένησθε, τοῖς μὲν ποσὶν ἄπιτε πρὸς αὐτάς, τῇ δὲ ψυχῇ ὀπισθοποδεῖτε, μὴ προθυμούμενοι ὅλως πρὸς αὐτάς παραγενέσθαι, ἀλλ' ἄλλος ἀλλαγῶ μεριζόμενοι βιωτικαῖς φροντίσεσιν ἔστε τῇ διανοίᾳ· εἰ δ' ἴσως καὶ φθάσῃτε ἐν αὐταῖς, ταῖς ἐννοίαις τοῦ βίου ἀπασχολούμενοι πρὸς ἀλλήλους ταῖς ἐμιλίαις συμβάλλοντες, οὐδὲ ὅλως ταῖς γραφαῖς μου προσέχετε, ἀλλὰ τῷ μὲν σώματι ἐν ταῖς ἐκκλησιαῖς τυγχάνετε ὄντες, τῷ δὲ νοί πρὸς τὰ βιωτικά καὶ μάταια ἀπασχολούμενοι ἐκδημεῖτε, καὶ τότε μόλις ποτὲ ἄγρι τῆς ἀναγνώσεως τοῦ εὐαγγελίου μου παρόντες εὐθέως, ὥσπερ τινὸς δυνάμεως ἐξωθούσης ὑμᾶς, σπουδαίως ἐξέρχεσθε καὶ ἀναχωρεῖτε τῆς ἐκκλησίας, ἕτερος τὸν ἕτερον ἀλλήλους συνωθοῦντες καὶ καταπατοῦντες ὥσπερ διωκόμενοι ἐξελθεῖν ἐκεῖθεν. Μαρτύρομαι σὺν ὑμῖν ἐνώπιον τοῦ Πατρὸς μου καὶ τοῦ παναγίου μου Πνεύματος, ὅτι οὐδεὶς (f. 350 r.) μισθὸς τοῖς τιοῦταις ἀπόκειται· εἰ μὴ μέχρι τέλους τῆς ἀκολουθείας καὶ λοιπῆς λειτουργίας τῶν ἐκεῖ τελουμένων προσμείνη τις, μισθὸν ἀπρητισμένον οὐ λήψεται. Ἰδοὺ ἐγὼ Κύριος ὢν εἰς τοὺς αἰῶνας σὺν τῷ Πατρὶ καὶ τῷ ἁγίῳ Πνεύματι ταῦτα εἶρηκα καὶ ποιήσω. Ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ παρελεύσεται, οἱ δὲ λόγοι μου οὐ μὴ παρέλθωσιν. Ἀμὴν λέγω ὑμῖν.

Παυσαμένου δὲ τοῦ Κυρίου ταῦτα πρὸς με διαλεγόμενου, ἐξιστάμην ὅλως τῷ πνεύματι· ἐδόκουν γὰρ ὡς ἀληθῶς μὴ ὀπτασίαν εἶναι τὸ θεωρούμενον, ἀλλ' ἐπ' ἀληθείας τὴν συντέλειαν τοῦ κόσμου γενέσθαι καὶ τὴν δευτέραν παρουσίαν τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ παραγεγονέαι. Ἦνεσαν σὺν αὐτὴν πᾶσαι αἱ ἁγίαι τῶν οὐρανίων ταγμάτων τάξεις καὶ ὁ τῶν ἁγίων χορὸς, καὶ ἡμεῖς ἀναστάντες τοῦ ἐδάφους, οὐ ἤμεν κείμενοι ἔμπροσθεν τῆς ἁγίας καὶ ἀγράφτου δόξης αὐτοῦ, αὐτὸν μὲν εἰσεληλυθότα εἶδομεν ἐνδον (f. 350 v.) τῆς φρικωδεστάτης ἐκεινῆς καὶ ἁγίας τῷ ὄντι μεγαλοπόλεως σὺν πάσῃ τῇ ὑπ' αὐτὸν ὄρυφορῖα καὶ δόξη, τὰς δὲ γε πύλας πάσης τῆς πόλεως ἀνεωγμένας κατειδόμεν καὶ ἀναπετασμένας, ὅθεν καὶ τῆς προφητικῆς φωνῆς ἐμνήσθην Ἰησαίου οὕτω λεγούσης· Οὐ κλεισθήσονται αἱ πύλαι σου, Ἱερουσαλήμ, ἡμέρας καὶ νυκτός, καὶ ἀλλογενεῖς οὐκέτι διελύσσονται διὰ σοῦ. Ἐπεθύμουν δὲ καὶ αὐτὸς εἰσελθεῖν ἐντός αὐτῆς πρὸς τὸ ἀνιστορῆσαι καὶ κατατρυφῆσαι τοῦ κάλλους αὐτῆς, καὶ ἰκέτευον περὶ τούτου τὸν ὀδηγοῦντά με θεῖον νεανίαν, ἀλλ' οὐ συνεχώρει με

τοῦτο, ὡς ἀδύνατον ὄν τοῖς ἔτι φθορᾷ καὶ σαρκικοῖς πάθεσι κεκρατη-
 μένοις ἐντός τῶν ἱερῶν ἐκείνων ἀδύτων παραγίνεσθαι. Ἐγὼ δε τοίνυν
 καὶ ταῦτα κατ' ἑμαυτὸν διελογιζόμενη, ὡς ἔφην, ὅπηνίκα ὁ Κύριος
 πρὸς με τοὺς ἑαυτοῦ λόγους ἐποιεῖτο, ὅτι νῦν, ὡς ὁρῶ τοῦ ματαίου
 κόσμου ἐκείνου ἐναλλαγῆς γινομένης καὶ ἐκ φθορᾶς εἰς ἀφθαρσίαν
 πάντων μετενηνεγμένων, ποίαις ἐκκλησίαις καὶ τίσι προεστῶσιν αὐτῶν
 ἐν(f. 351 γ.)τέλλεταιί μοι ὁ Κύριος ταῦτα διαμαρτύρασθαι καὶ εἰπεῖν;
 καὶ γὰρ ὡς ὑπαρ καὶ οὐκ ὄναρ ταῦτα ὤμην κατιδέσθαι καὶ οὐκ ὄπτα-
 σίαν, ἀλλὰ τῷ ὄντι καθαράν ἀλήθειαν εἶναι ὑπελάμβανον.

